

Оттискъ изъ IX книги Трудовъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго
Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ БЫТА

КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ.

(ОБЫЧНОЕ ПРАВО, ОБЯДЫ, ВѢРОВАНІЯ И ПР.)

Выпускъ I.

Подъ редакціей чл. Отдѣла Этнографіи

Николая Харузина.

Москва.

Типографія А. Левенсонъ и К^о, Петровка, Рахмановскій пер., д. Левенсона.

1889.

Печатано съ разрѣшенія Президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологін и Этнографін Орденарнаго Профессора **Всеволода Миллеръ**. 31 Января 1889 года.

2007042097

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Принимая на себя по порученію Отдѣла Этнографіи редактированіе Сборника свѣдѣній о бытѣ русскихъ крестьянъ, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ, вызвавшихъ изданіе его. Вслѣдствіе изданія Этнографическимъ Отдѣломъ О. Л. Е. А. и Э. „Программы для собиранія свѣдѣній объ юрид. Обычаяхъ“ и „Программы для собиранія Этнографическихъ Свѣдѣній“, въ Отдѣлъ сталъ стекаться болѣе обильный матеріалъ какъ по инородцамъ, такъ и по русскому крестьянскому населенію. Въ виду накопленія матеріала и явилась потребность изданія хотя бы нѣкоторой части его, тѣмъ болѣе, что кромѣ статей, которыми обогатился Отдѣлъ послѣ изданія „Программъ“,— въ архивахъ его находится еще запасъ свѣдѣній, присланныхъ разными лицами въ разное время и до изданія вопросныхъ пунктовъ.

Большинство статей, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ „Сборника“, основано на матеріалахъ, собранныхъ членами Отдѣла во время ихъ лѣтнихъ поѣздокъ въ разныя мѣстности Россіи; прочія присланы лицами, откликнувши-

мися сочувственно на „Программы“. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ Сборника, который предполагается издавать по возможности *каждый годъ*, будутъ печатаемы какъ статьи уже имѣющіяся въ Отдѣлѣ, такъ и тѣ, которыя мѣстные жители пожелали бы предоставить въ его распоряженіе.

Вообще нельзя не пожелать, чтобы именно жители разныхъ мѣстностей Россіи употребляли часть своего времени на собираніе данныхъ, касающихся быта русскаго крестьянскаго населенія. Проѣзжіи изслѣдователи, имѣя лишь немного времени въ запасѣ, въ большинствѣ случаевъ, въ состояніи лишь бѣгло узнать бытъ крестьянина, увидеть лишь выдающіяся черты крестьянской жизни. Въ этомъ отношеніи мѣстный житель имѣетъ то преимущество передъ заѣзжимъ изслѣдователемъ, что онъ, сталкиваясь каждодневно съ крестьяниномъ, усматриваетъ не только крупныя, выдающіеся факты его жизни, но имѣетъ возможность изучить ее во всѣхъ деталяхъ и представить точную, правдивую картину крестьянскаго быта.

Не касаясь общихъ правилъ, руководствоваться которыми является необходимымъ при собираніи свѣдѣній о бытѣ крестьянина, такъ какъ они изложены съ должной полнотой въ предисловіяхъ къ Программѣ для соб. юр. свѣдѣній, отмѣчу, что изученіе быта нашего крестьянина, не смотря на многочисленныя работы, появившіяся уже въ печати, представляется

существенно необходимымъ въ виду того, что съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ прежнія формы быта нашего крестьянина рушатся подъ напоромъ т. наз. городской культуры, уничтожающей остатки древнихъ, вѣковыхъ устоевъ крестьянской жизни. Собрать оставшіеся обломки, могущіе освѣтить многія стороны древняго быта, существенно важно для науки.

Но и изученіе быта тѣхъ мѣстностей, гдѣ городская культура имѣетъ перевѣсъ, даже тѣхъ мѣстностей, гдѣ она уже успѣла заполнить, разрушить древній бытъ, далеко не лишено интереса, такъ какъ оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ ужились новые взгляды, новыя идеи съ прежнимъ бытомъ, какъ видоизмѣнились они на новой, чисто крестьянской почвѣ. Такое изученіе, не ограничиваясь исключительно *научнымъ интересомъ*, способствуетъ нашему общественному самопознанію, вѣрному сужденію о крестьянахъ. Поэтому каковы-бы ни были данныя, освѣщающія крестьянскій бытъ, въ какой бы мѣстности они ни были собраны, — они съ благодарностью будутъ приняты Отдѣломъ, хотя бы присылаемая свѣдѣнія содержали отвѣты лишь на одинъ вопросъ касающійся быта крестьянина, такъ какъ, какъ бы ни были отрывочны свѣдѣнія, сообщаемыя въ нихъ, — они составятъ все-таки (хотя и небольшой) вкладъ въ общую сокровищницу науки. Поэтому пусть не стѣсняются желающіе работать ни ску-

достью матеріала, ни его кажущейся безынтересностью, имѣя въ виду, что своей работой они приносятъ посильную дань изученію быта нашего крестьянина *).

*) Для руководства при собираніи свѣдѣній о бытѣ русскихъ крестьянъ изданы Отдѣломъ Этнографіи въ 1887 г. „Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“ и „Программа для собиранія Этнографическихъ Свѣдѣній“, высылаемая бесплатно обращающимся въ Отдѣлъ Этнографіи при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Отъ редакціи	1
Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда. Вятской губерніи. <i>П. М. Богаевскаго.</i>	1
О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. <i>В. Кандинскаго</i>	34
О доказательствахъ на волостномъ судѣ. <i>А. Панте . .</i>	50
Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. <i>А. П. Звонкова.</i>	63
Объ участіи сверхъ-естественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда. Тамбовской губ. <i>П. Н. Астрова</i>	130
По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 г.). <i>Н Яичука:</i>	
I. Предисловіе. Цѣль и условія поѣздки. Раскопки. Антропологическія наблюденія. Затруднительность изслѣдованій въ Бѣлоруссіи.	150
II. Этнографическія наблюденія, характеръ страны; костюмъ; языкъ; экономическій бытъ; народное образованіе; вѣрованія: „прощія“, „присвятки“: отношенія къ раскольникамъ и къ евреямъ; пьянство	179
III. Прибавленіе. Бѣлорусскія народныя пѣсни Минской губ. Примѣчанія	221
Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. <i>А. Кельсіева</i>	309
Изъ русской народной космогоніи, передано <i>С. Я. Деруновымъ</i>	324
Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ. <i>Николая Харузина . .</i>	334

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

Стран.

Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазу- нинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. <i>Вас.</i> <i>Тихонова</i>	1
О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. <i>В. Н. Ар-</i> <i>шинова</i>	24
Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вят- ской губ.	32
Ноты (бѣлорусскія пѣсни).	

Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи.

Сарапуль одинъ изъ самыхъ красивыхъ и богатыхъ прикамскихъ городовъ: его хлѣбная торговля и кожевенное производство извѣстны во всемъ прикамскомъ краѣ. Будучи лишь уѣзднымъ городомъ Вятской губерніи, онъ и по количеству населенія и по промышленности первый городъ названной губерніи.

Мѣстные крестьяне, имѣя не мало случаевъ бывать въ городѣ и болѣе или менѣе близко знакомиться съ его жизнью, являются пионерами его культуры. Последняя, въ силу неподготовленности и неразвитости населенія, воспринимается въ самой нежелательной формѣ. Эта „культура“ рушитъ завѣты старины, сложившіеся вѣками; воспринимая ее, крестьяне, особенно молодежь, начинаютъ презрительно относиться къ старымъ дѣдовскимъ обычаямъ, которые дали русскому народу и форму общежитія и вѣками выработали его мировоззрѣніе.

Не будучи въ состояніи понять этой культуры, крестьяне, лишь въ силу того, что ея источникомъ являются „господа“, бросаютъ все свое и обращаются къ ней. Въ результатѣ получается самая безотрадная картина. Семейное начало, столь родное русскому народу, съ каждымъ годомъ слабѣетъ все болѣе и бо-

лѣ; правовыя воззрѣнія, выработанныя и провѣренныя вѣками, забываются; свое родное мировоззрѣніе замѣняется совершенно чуждымъ, наноснымъ.

Лишь малѣйшее облегченіе сношеній глухаго угла съ центромъ—сейчасъ же замѣчается паденіе нравовъ, паденіе всякаго уваженія къ старинѣ и стремленіе, хотя внѣшнимъ образомъ, походить на носителей т. н. „культуры“. Сарапульскій уѣздъ въ этомъ отношеніи находится въ крайне невыгодномъ положеніи: тамъ три центра, являющихся, по крайней мѣрѣ по своей внѣшности, недосыгаемымъ для крестьянъ идеаломъ—это городъ Сарапулъ и заводы Воткинскій съ Ижевскимъ. На Воткинскомъ заводѣ, разспрашивая мѣстныхъ крестьянъ о свадебныхъ обычаяхъ, я былъ крайне удивленъ, узнавъ, что на другой день послѣ свадьбы молодые дѣлаютъ „визиты“; но рядомъ съ этимъ совершается слѣдующій обрядъ, послѣдній отголосокъ на Воткинскомъ заводѣ времени похищенія невѣсты. Къ молодымъ собирается вся родня, при чемъ каждый изъ родственниковъ захватываетъ часть невѣстинаго приданаго, съ которымъ всѣ толпою отправляются разѣзжаться по заводу, распѣвая при этомъ самыя разнообразныя пѣсни. Тамъ же посидѣлки замѣнены „танцевальными вечерами“; подобную замѣну пришлось встрѣтить и въ с. Козловѣ, отстоящемъ отъ Сарапула на 20 верстѣ. Но на ряду съ этими танцевальными вечерами въ Козловѣ, въ Великій Четвергъ, бабы, у которыхъ не клохчатъ куры, отправляются въ курятникъ и клохчатъ тамъ сами, столкнувъ куръ съ сѣдалъ. Тамъ же самымъ вѣрнымъ средствомъ приучить скотину возвращаться съ поля домой считаютъ крикъ въ Вел. Четвергъ въ трубу: „Тпруте, матушка (при этомъ перебираютъ всякую скотину) поди домой; какъ бы заслонка стояла на шесткѣ, такъ бы и скотина дома бы находилась“.

Рѣдко можно услышать старую пѣсню—ее вытѣснили безграмотныя вирши московскихъ пѣсенниковъ.

На просьбу сказать хорошую, старинную пѣсню, постоянно съ видимымъ удовольствіемъ поютъ или рассказываютъ самыя нелѣпныя, самыя бессмысленныя произведенія московскихъ пѣсенниковъ.

Вотъ, на примѣръ, любимая пѣсня, слышанная мною на протяженіи всего уѣзда, одинаково у раскольниковъ и православныхъ.

„Ахъ ты Ваня, разудала голова,
Сколь далече отъѣзжаешь отъ меня,
На кого же оставляешь здѣсь меня,
Ни на друга, ни на брата своего,
Ни на ближняго сусѣда своего.
Съ кѣмъ же буду зиму зимовать,
Красну весну весновать,
Тепло лѣтичко гулять?
Ой ты, Ваня, разудала голова,
Что ты сдѣлалъ надо мною,
Надсмѣялся надо мною,
Здѣсь оставилъ горе горькой сиротой,
Ни солдаткой, ни вдовой“.

Впрочемъ, надо замѣтить, что это еще лучшая пѣсня, а то сплошь да рядомъ приходится слушать слѣдующія пожеланія:

„Кинаречка моя любезная,
Утѣшай съ горя меня.
Скорбь моя тебѣ извѣстна:
Позабылъ милой меня.
Растворю я птичку клѣтку,
Лети къ дружку моему...“

Заканчивается она слѣдующими словами:

„Лучше съ миленькимъ разстанусь,
Вѣкъ знакомымъ не бывать“.

Присутствуя на празднованіи Троицына дня, я убѣ-

дился въ томъ, что ни одного стараго обряда не уцѣлѣло; ни одной старинной пѣсни не удалось мнѣ слышать въ этотъ день. Цѣлый день прошелъ въ хороводахъ съ пѣніемъ почти фабричныхъ пѣсень. Укажу лишь на одну изъ нихъ, являющуюся отголоскомъ стараго времени. Записана эта пѣсня со словъ старухи, утверждавшей, что поется она въ Троицынъ день.

„Не гуси, не лебеди со лузей подымались,
Подымались дѣвицы со дубовыя лавицы,
Выносили дѣвицы соловья по зарукавью,
Сажали дѣвицы на часъ его на ракитовъ кустъ.
Соловеюшка высвистываетъ,
А красны дѣвицы возыгрываютъ,
А старыя бабы востуживаютъ,
А молодицы расплачутся.
Поиграйте дѣвицы, да поиграйте красныя,
Тогда вамъ будетъ не игрывати
И вамъ тогда будетъ не плясывати,
Не ровень чортъ навяжется,
Не ровень и накачается,
Либо младъ человѣкъ,
Либо пьяница пропоица мужикъ,
Тогда и не игрывати и не плясывати“.

Изъ обрядовъ, совершаемыхъ въ этотъ день, по крайней мѣрѣ въ д. Елкиной, я не могу указать ни одного. Интересенъ лишь тотъ фактъ, что по окончаніи хороводовъ, водимыхъ дѣвушками окрестныхъ деревень, онѣ вступаютъ въ половое общеніе съ парнями, при чемъ парни каждой деревни строго оберегаютъ своихъ дѣвушекъ.

Стремленіе подражать городскому населенію не могло не отразиться и на юридическомъ бытѣ Саранульскихъ крестьянъ, который въ общихъ своихъ чертахъ ничѣмъ не отличается отъ быта остальнаго русскаго населенія. Каждый годъ приноситъ за собою не-

большое утрачиваніе народомъ своего собственнаго правозозрѣнія, замѣняемаго обращеніемъ къ городу за помощью; а послѣдній даетъ ее въ лицѣ писарей съ Х-ымъ и другими томами въ рукахъ. Вотъ почему крайне важно изученіе въ настоящее время даже того немногаго, что осталось въ мѣстностяхъ, зараженныхъ подражаніемъ внѣшней культурѣ цивилизованнаго общества.

Съ каждымъ годомъ растетъ стремленіе крестьянъ вѣками выработанную форму общежитія, большую семью, замѣнить новою, которая даетъ и большій просторъ инициативѣ отдѣльнаго лица и возможность самостоятельнаго, независимаго существованія, растетъ стремленіе замѣнить большую семью малою.

„Въ малой семьѣ, по словамъ одного крестьянина, по себѣ каждый зарабатываетъ, по себѣ и получаетъ; а коли семья большая, такъ онъ ничего себѣ самому не дождется“. Часто приходится слышать жалобы крестьянъ на то, что „народъ нынѣ зубастый сталъ, всякому охота большому быть въ дому; оттого и ссоры происходятъ въ семьѣ“, а послѣднія доводятъ сплошь да рядомъ до совершеннаго распадена большаго семьи. Какъ на одну изъ причинъ этихъ ссоръ всегда почти указываютъ на зависть другъ къ другу женскаго состава семьи, вызываемую чаще всего матеріальною неудовлетворенностью, а послѣдняя происходитъ, по мнѣнію крестьянъ, отъ недостатка въ землѣ. Недостатокъ этотъ настолько оцутителенъ, что за послѣднее время, какъ говорили мнѣ въ с. Нечкинѣ, боятся приступить къ ея дѣлежу, и ограничиваются лишь тѣмъ, что „если замѣчаютъ, что у кого лишняя земля, такъ ровняютъ“. „Потому я отошелъ, говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, что у меня ребятъ много, а у братьевъ мало“. Одежда дѣтей вызываетъ лишніе расходы, а эти послѣдніе даютъ поводъ къ попрекамъ. Другая причина частыхъ ссоръ заключается въ невозможности уравнивать трудъ

всѣхъ членовъ семьи: „одинъ говоритъ: ты много робишь, другой: ты меньше. Вотъ и пойдутъ къ раздѣлу. Это бываетъ, гдѣ домохозяинъ не можетъ вести порядокъ“.

Въ настоящее время въ большихъ семьяхъ Саранульскаго уѣзда рѣдко попадаются взрослые женатые племянники или внуки. „Все больше отцы съ сыновьями живутъ, да и послѣдніе норовятъ все въ раздѣлѣ: работа то въ семьѣ казенная, такъ думаетъ уходящій, буду лучше одинъ жить“. Въ сел. Перевозномъ мнѣ указывали на то, что если дядя съ племянниками живетъ, „такъ уже развѣ только по сиротству“. Тамъ же пришлось встрѣтить 6 совершенно отдѣльныхъ дворовъ, которые считаютъ, что они раздробились изъ одной большой семьи втеченіе 40 лѣтъ. Какъ очень рѣдкое явленіе, мнѣ пришлось встрѣтить въ с. Перевозномъ семью, живущую въ раздѣлѣ, но работающую вмѣстѣ. Подобный фактъ до нѣкоторой степени служить доказательствомъ тѣхъ объясненій крестьянами частыхъ дѣлежей, гдѣ они указываютъ, какъ на причину ихъ, стремленіе къ индивидуальности. На ряду съ постояннымъ распаденіемъ семьи нельзя не обратить вниманія на почти во всѣхъ деревняхъ широко практикуемый „пріемъ въ дѣти“ и „въ зятя“. Вызывается этотъ пріемъ, конечно, необходимостью въ сельскомъ хозяйствѣ рабочихъ рукъ. Въ то время какъ родные члены семьи стремятся зажить самостоятельнымъ хозяйствомъ, остающіеся лишаются работниковъ, выносящихъ на своихъ плечахъ все, даже незначительное, благосостояніе семьи, а потому волею неволею должны обращаться къ искусственному составленію семьи, что достигается пріемомъ къ себѣ въ домъ небогатыхъ крестьянъ частью въ качествѣ дѣтей, частью въ качествѣ зятьевъ. Не рѣдки случаи, когда въ домъ приходитъ цѣлое семейство и поступаетъ тамъ „въ дѣти“, принося свое имущество, которое и соединяютъ съ имуществомъ

принявшей ихъ семьи. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ о приѣмѣ „въ дѣти“ заявляютъ на сходѣ тогда, когда у приняшаго есть родные, если же таковыхъ нѣтъ, не заявляютъ, и тогда по смерти домохозяина его имущество наследуютъ пришельцы на томъ основаніи, что они заботились о немъ въ старости, а также всегда обращается вниманіе и на то, что они похоронили его.

Такимъ образомъ, семьи сарапульскихъ крестьянъ можно раздѣлить на слѣдующіе 2 главные типа. I) Кровная семья, состоящая изъ кровныхъ родственниковъ; сюда же я отношу тѣ семьи, которыя въ числѣ прочихъ своихъ членовъ считаютъ принятыхъ зятьевъ.

II) Семья, не состоящая изъ близкихъ кровныхъ родственниковъ, какъ она была названа однимъ изъ крестьянъ, *сведеная семья*. Вотъ, по словамъ его, примѣръ такой семьи: „у хозяина родилась дочь, на которую онъ взялъ зятя. У послѣдней были двѣ дочери, обѣ выданныя замужъ. Мужъ одной изъ нихъ умеръ, тогда она пришла къ дѣду со своими двумя сыновьями. Кромѣ того къ этому домохозяину подбросили подкидыша, котораго онъ поженилъ. Это будетъ сведеная семья, потому что она изъ разныхъ колѣнъ“.

Важно слѣдующее замѣчаніе рассказчика: „въ сведеной семьѣ робятъ всѣ вмѣстѣ, такъ и дѣлятъ поровну“. Это замѣчаніе, мнѣ кажется, рельефно характеризуетъ воззрѣніе народа на семейную работу. Если кровный родственникъ, то, какъ говоритъ мѣстная поговорка: „брата сколько ни обидь, паю не лишишь“, а въ сведеной семьѣ на первый планъ выдвигается тотъ принципъ, что „робятъ вмѣстѣ, такъ и дѣлятъ поровну“.

На ряду съ этими двумя видами, которые можно отнести къ разряду большихъ семей, укажу какъ на третій типъ, на малую семью, которая состоитъ лишь изъ мужа съ женою съ малолѣтними дѣтьми. Такая семья образуется немедленно по отдѣленіи отъ большой,

и иногда вновь разрастается до болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ.

Если бѣдность въ землѣ является одною изъ причинъ дѣлежей, то она же иногда и препятствуетъ имъ, такъ какъ лишаетъ возможности обзавестись особымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ образуется еще видъ семьи, самый нежелательный: это родственники, которые живутъ въ одномъ домѣ, но ведутъ разное хозяйство.

Главою большой семьи или, какъ называютъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кореннымъ хозяиномъ, большакомъ считаютъ чаще всего старшаго по лѣтамъ, хотя извѣстны случаи, когда для большака непремѣннымъ требованіемъ предъявляютъ умъ и опытность. „Старъ да молодъ, молодъ да старъ“, говоритъ поговорка. „Большакомъ можетъ быть тотъ, кто порядокъ хорошо ведетъ“, говорили крестьяне; „кто рѣзвѣе, тотъ и завѣдуетъ хозяйствомъ“, „по дѣлу видно раньше, кому стать старшимъ“. Впрочемъ, почти повсемѣстно добавляли, что хозяиномъ чаще всего становится старшій по лѣтамъ, что „мало по опытности выбираютъ, все же старшаго больше слушаютъ“, что „все дѣло старики правятъ“ и, лишь если они начнутъ растрачивать имущество, „вступается общество и постановляетъ приговоръ на другаго“. Гдѣ въ семьѣ есть порядокъ, тамъ сынъ большакъ долженъ слушаться совѣтовъ вдовы матери. Женщина, хотя, если она ведетъ порядокъ хорошо, и можетъ быть самостоятельной большухой, но рѣдко бываетъ таковой при взрослыхъ мужчинахъ, членахъ семьи.

Какъ на очень рѣдкое исключеніе мнѣ указывали на случай въ д. Кварзѣ, „гдѣ дѣвушка, отцова сестра, всѣмъ дѣломъ правитъ“. Слѣдующее выраженіе крестьянъ наглядно показываетъ, что они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаютъ самостоятельную большуху женщину. На вопросъ, можетъ ли мужъ завѣщать своей

женѣ все имущество помимо сына, они отвѣчали: „Если есть сынъ, какъ-же онъ женѣ оставить? все же не жена будетъ распоряжаться“. Отвѣтъ до нѣкоторой степени характеризующій и взглядъ на цѣль завѣщанія. Бываютъ случаи, что большакъ устарѣвъ передаетъ свою власть сыну или другому члену семьи. „У Фоминыхъ, говорила мнѣ одна старуха, дѣдушка все сыну передалъ, а всетаки за большу голову считаютъ его“. Дѣлается это въ глубокой старости, когда не станеть силъ больше работать. „Коли по крестьянски не можетъ отецъ работать, передаетъ все сыну“.

Большакъ распоряжается всѣми дѣлами семьи: онъ руководить работами, завѣдуетъ деньгами. Но надо различать большака брата и отца, такъ какъ на практикѣ власть того и другаго различна. Крестьяне по идеѣ признають, что всему воля большака, но въ жизни строго отличаютъ права большака брата и отца. Послѣдній можетъ сына, напримѣръ, побить, и тотъ не долженъ „обижаться“; но братъ не всегда можетъ прибѣгать къ этому средству, такъ какъ тотъ, по словамъ крестьянъ, можетъ „обидѣться“. „Братъ брату сусѣдъ“, добавляли они при этомъ. Лишь только большакъ, или какъ назвали его, „уполномоченный“, можетъ „завѣщать, продавать и благословлять“.

Въ тоже время, „кто хозяйствуетъ.—тотъ и отвѣтственъ за проступки семьи“.

Обыкновенно жена большака руководить работами женскаго состава семьи. Подобно тому какъ домохозяйномъ бываетъ иногда не старшій, но опытнѣйшій, бываетъ, что большухою выбирается умнѣйшая изъ снохъ. Главною обязанностью большухи въ иныхъ мѣстностяхъ является стряпня, тогда какъ снохи по очереди исполняютъ черную работу. „Во время страды большуха все больше передъ печкою, когда же снохи страдаютъ, она управляетъ всѣмъ домомъ“. Въ иныхъ большихъ семьяхъ на большухѣ лежитъ лишь руковод-

ство, тогда какъ пища готовится всѣми снохами по очереди, а также и „кормить скотину, каждая свой чередъ знаетъ“. Бываетъ, что старшія женщины управляютъ въ избѣ, а за скотиною смотритъ, кто помоложе. На обязанности каждой изъ женщинъ лежитъ обшиваніе своего мужа; вдоваго отца обшиваютъ дочери. Вотъ почему посѣянный ленъ бабы дѣлятъ между собою; поэтому же повсемѣстно слышишь, что „кудели бабы сѣютъ для себя“. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продажа огородныхъ овощей идетъ въ пользу бабъ, то въ несогласныхъ союзныхъ семьяхъ, таково названіе дается нѣкоторыми крестьянами большой семьѣ, обыкновенно огородъ раздѣляется между ними на грядки; деньги, вырученныя отъ продажи огородныхъ овощей, часто употребляются на покупку одежды. Тамъ, гдѣ овощи отъ огорода не идутъ на продажу, огородъ не дѣлятъ, „потому что тамъ всѣ сидятъ за однимъ припасомъ“. „Мужики пользуются хлѣбомъ, говорили мнѣ, а бабы льномъ и коноплею“, а эта послѣдняя идетъ на приготовленіе одежды, какъ мужу, такъ и себѣ сѣдѣтьми. Вотъ почему крестьяне говорятъ, что „когда мужики пашутъ и сѣютъ, бабы ухаживаютъ за краснами“. Но въ то же время женщина участвуетъ и въ полевыхъ работахъ всей семьи. На себя, мужа и дѣтей она работаетъ лишь зимой; когда окончится молотьба, тогда женщины начинаютъ пряхть.

Такимъ образомъ личныя обязанности членовъ семьи сводятся къ тому, чтобы какъ женщины, такъ и мужчины постоянно употребляли свой трудъ и свою силу на обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія семьи. Послѣдніе добываютъ хлѣбъ и деньги, первыя помогаютъ имъ въ этомъ, заботясь въ то же время, каждая о своемъ мужѣ и неженатыхъ дѣтяхъ. Въ семьяхъ, живущихъ „по согласу“, „ничего безъ совѣту не дѣлается“.

Деньги, остающіяся у женщинъ отъ продажи кудели и овощей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и другихъ

продуктовъ ихъ труда, остаются ихъ неприкосновенною собственностью даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не употребляются на одежду для мужа и дѣтей. Помимо этого, отдѣльнымъ членамъ семьи принадлежать, какъ ихъ неприкосновенная собственность, всѣ деньги и вещи, заработанныя на сторонѣ въ т. н. праздничное время. Наконецъ, въ третьихъ, неприкосновенною собственностью снохи считается принесенное ею приданое, какъ платье, такъ и скотина; что касается до послѣдней, то тутъ можетъ возникнуть лишь вопросъ о приплодѣ, который, „коли несогласно живетъ семья“, присваивается ей. Хотя тутъ указывается на присвоеніе приплода въ случаѣ „несогласа“, мнѣ однако приходилось въ большинствѣ мѣстностей слышать, что приплодъ принадлежитъ семьѣ, такъ какъ его надо кормить, а „кормъ коня дороже“, говорили крестьяне. Нельзя не указать того факта, что на вопросъ, имѣютъ-ли члены большой семьи, мужчины, свое собственное имущество, постоянно указываютъ, какъ на такое, на женино приданое, не смотря на то, что въ „хорошемъ семействѣ“ сноха почти безконтрольно распоряжается имъ. Въ то же время характерны слѣдующія указанія крестьянъ: „кудель бабій хлѣбъ“, но: „съ женою мужъ въ большей семьѣ наживаютъ имущество: лень сѣютъ, робятъ въ праздничные дни“, „кудели сѣютъ мужъ и жена“, „на свои деньги отъ кудели сынъ можетъ разводиться все болѣе и болѣе, даже можетъ домъ завести“. Какъ выразился одинъ крестьянинъ. „отецъ, изъ уваженія къ своимъ дѣтямъ, по праздникамъ отпускаетъ ихъ работать на себя“. Если заработанныя деньги или вещи употреблены на наживу и дадутъ прибыль, то послѣдняя идетъ въ пользу того лица, которое употребляетъ свое праздничное время на добываніе себѣ средствъ. „У моего сына, говорилъ крестьянинъ с. Мостоваго, пчелы на свои деньги заведены, такъ я въ нихъ не вмѣшиваюся. Если онъ захочетъ, еще

заводи“. Безъ дозволенія домохозяина никто не можетъ наживать себѣ самъ, потому что „всѣ работаютъ въ артели“. Поэтому деньги, получаемыя за мелкія услуги идутъ домохозяину — „все же отъ отца идешь, такъ просишься“. Крайне характеренъ для опредѣленія крестьянскаго взгляда на семейное имущество слѣдующій примѣръ, приведенный мнѣ въ одной изъ деревень: „Если отецъ заложитъ, на примѣръ, тулупъ, а сынъ выкупитъ его, то онъ опять въ домъ идетъ, вѣдь тулупъ отецъ носить и сынъ тоже“.

Съ одной стороны, необходимость въ рабочихъ рукахъ, съ другой, желаніе каждаго члена семьи имѣть свою „хозяйку“, которая постоянно заботилась бы о немъ, заставляютъ крестьянъ при первой возможности женить своихъ дѣтей, племянниковъ и другихъ членовъ семьи. Доказательствомъ первой причины является то обстоятельство, что въ жены выбираютъ дѣвушку, старшую лѣтами. Въ прежнее время часто, по словамъ крестьянъ, встрѣчался 14-лѣтній мужъ и жена 20 лѣтъ, а теперь „стараятся соединять годами, но все больше и теперь жены старше“. Что же касается до второй причины, то тутъ весьма характерны слѣдующія слова крестьянки с. Перевознаго: „мужику долженъ быть и обѣдъ приготовленъ и рубашка припасена, поэтому тотъ только не женатъ, кому не на что жить“. Такъ какъ новая сноха является работницею на всю семью, то поэтому передъ выборомъ ея собирается совѣтъ всей семьи; послѣдняя при этомъ несетъ и всѣ расходы по свадьбѣ: „вся семья даетъ (деньги, подарки) на свадьбу, да не то, что со всего дома идетъ, вся родня даетъ“. Изъ общаго семейнаго имущества платятся расходы по свадьбѣ, платится калымъ, тогда какъ приданое составляется нѣсколько инымъ способомъ. „У насъ изъ семей, говорили мнѣ, почти никогда не даютъ приданого; коли есть дѣвочка, то мать съ самаго начала складываетъ ей платье, затѣмъ и сама дѣвушка

заботится“. Что касается до калыма, то у русских крестьянъ обычай платить его не является распротраненнымъ. „Я внесъ за сноху, рассказывалъ крестьянинъ деревни Нарядовой, 28 рублей, трои сапоги: братамъ невѣсты, отцу, матери. Подарки противъ подарковъ. Эти деньги на моихъ глазахъ сдѣлались. Заплатилъ я 28 рублей за своего сына и сватъ дѣвай ихъ, куда хочешь, хотъ себѣ, хотъ дочери. Я сперва 25 рублей (условился) да затѣмъ мой сынъ запросилъ драповые шаровары, ну, сватъ и осердился, еще 3 рубля запросилъ“. Приходилось также слышать, что калымъ разсматриваютъ, какъ помощь невѣстинуму отцу сдѣлать подарки роднѣ жениха. „Отецъ невѣсты можетъ сказать: 50 рублей дай мнѣ на убытки“. Впрочемъ за *хорошую* невѣсту часто требуютъ калымъ въ прямомъ его смыслѣ. Но, несмотря на издержки, которыя несетъ родня жениха (издержки на свадьбу, подарки, иногда на уплату калыма), приданое, приносимое невѣстою, составляетъ, какъ уже было указано выше, ея неотъемлемую собственность, владѣніе которой лишь до извѣстной степени ограничено волею мужа. „Жена безъ дозволенія мужа не можетъ продать своего приданого“, говорили въ д. Нарядовой. Въ случаѣ смерти жены, ея приданое переходитъ по наслѣдству къ дѣтямъ, а за неимѣніемъ таковыхъ, идетъ обратно въ ея родъ; мужу повсемѣстно оставляется лишь одна постель. „Коли дѣти остались, приданое, обыкновенно состоящее изъ платья и скотины, подаренной невѣстѣ при выходѣ въ замужество ея семьею, все равно, какъ утонуло“.

Переходя къ свадебнымъ обрядамъ, я буду говорить о нихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, отобравъ типичнѣйшіе моменты свадьбы и наиболѣе интересные обряды, являющіеся переживаніемъ отдаленнаго отъ насъ времени. Послѣ того, какъ вопросъ о женитьбѣ рѣшенъ, а выборъ семьи остановился на какой либо

дѣвушкѣ, къ ея родителямъ прежде всего посылаютъ „сусѣдей“; затѣмъ, сообразуясь съ ихъ отвѣтомъ, отправляются сами. Сватовство совершается совершенно такимъ же образомъ, какъ и почти повсемѣстно у русскихъ крестьянъ: тѣ же аллегорическія вступленія, тѣ же выраженія желанія породниться... Затѣмъ, заручившись согласіемъ родителей невѣсты, черезъ нѣсколько дней отправляются на „рукобитье“ или „взглядушки“. Въ этотъ день новый сватъ, по словамъ крестьянъ, обращаясь къ пришедшему отцу жениха, говоритъ: „если хочешь брать невѣсту, то давай столько-то денегъ, сапоговъ, рубашекъ“, а послѣдній въ свою очередь опредѣляетъ свои требованія относительно приданого. По окончаніи этихъ расчетовъ обыкновенно называютъ невѣсту „пропитою“. Если бракъ въ послѣдствіи разстроится, то женихова сторона должна возвратить семьѣ невѣсты за то, что „та на жениха скроилася“, а послѣдняя возвращаетъ первой то, „что поистратились на угощеніе“, такъ какъ вино при рукобитѣ приносится отцомъ жениха. Черезъ нѣсколько времени послѣ рукобитья бываетъ свадьба, незадолго до которой совершается „обрученіе“. Описаніе послѣдняго я передамъ словами одной изъ крестьянокъ. „Отъ невѣсты къ жениху приглашать на обрученіе—посылаются сваты. Если женихъ живетъ въ другой деревнѣ, то незадолго до этого онъ прѣзжаетъ въ деревню къ невѣстѣ и останавливается въ одной изъ сосѣднихъ избъ. Когда гости вмѣстѣ съ женихомъ придутъ къ невѣстѣ, всѣ садятся за столъ и послѣдняя идетъ за „подарушками“, которые раздаетъ и „своему роду и женихову“. Потомъ невѣста съ женихомъ садятся за столъ и всѣмъ, сколько есть „природы“, дѣвки поютъ пѣсни“.... Вотъ, напримѣръ, пѣсня, которая поется въ то время, какъ раздаются подарки:

„Ужь вы гуси, вы гуси,
Куда вы летѣли,
Чего видали, слыхали?
А мы видѣли, какъ (Катеринушка) плачетъ,
Ко дарайкамъ причитаеъ:
Ужь я свекру то рубашечку,
Я свекровушкѣ другую,
Деверю платочекъ,
Золовушкѣ вѣночекъ“.

Слѣдующая пѣсня поется вину:

„Не гостинчики я приняла,
А тоску кручиночку
Со всего то міра бѣлаго,
Со всего то міра крещенаго“.

Послѣ „обрученья“, оканчивающагося благословеніемъ иконами, бываетъ самая свадьба. Передъ церковнымъ вѣнчаніемъ у невѣсты въ домѣ обѣдаютъ. Въ то время, какъ садиться за столъ, совершается извѣстный обрядъ выкупа косы. По окончаніи обѣда и во время него дѣвки поютъ величанія. „Кого величаютъ хорошо, тотъ имъ денегъ много кладетъ“. Дружкамъ онѣ поютъ:

„Ой вы дружки, да друженьки,
Соколы ясные.
Куда вы, дружки, ѣздили,
Кого вы, дружки, видѣли?
Ужь мы видѣли красну дѣвицу въ теремѣ
Привезли мы потерехоньку,
Потеряли русы косы“.

Матери невѣсты поютъ:

„Вы не пойте рано пѣтухи,
Не будите родную матушку:
Матушка старшенка была,
За пылиночку запнулася,
За травиночку заплеталася“.

Въ этомъ же родѣ величанія всѣмъ остальнымъ членамъ семьи. Въ церковь ѣдутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „дружки“ съ образомъ и „бояре“, женихъ съ „тысяцкимъ“, невѣста со свахою и „повозникомъ“. Въ церкви расплетается коса и вѣнчаютъ съ распущенными волосами. По окончаніи церковнаго обряда надѣваютъ косынку и повойникъ. Везутъ изъ церкви молодую съ лицомъ закрытымъ покрываломъ, которое привозитъ женихова сваха. Пріѣхавшихъ молодыхъ встрѣчаютъ родители, которые ломаютъ надъ ними коровай хлѣба. На слѣдующій день гости производятъ нарочно безпорядокъ и новая хозяйка должна прибирать брошенный ими соръ. Какъ на особенно интересный обрядъ укажу на слѣдующій, нѣсколько напоминающій собою т. н. „утренній даръ“. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, молодая разуваетъ своего мужа, а послѣдній кладетъ въ сапогъ деньги, которыя вынимаются ею утромъ и идутъ въ ея пользу. Укажу еще на одинъ обычай, соблюдаемый русскимъ населеніемъ Сарапульскаго уѣзда. Молодая, первые дни послѣ свадьбы, всѣхъ приходящихъ къ ней въ домъ угощаетъ пивомъ; она одѣвается въ эти дни понаряднѣе, всякому подходящему подносить пива, которое тотъ, не говоря ни слова выпиваетъ, и затѣмъ цѣлуетъ молодую.

„Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Куда идти спроситися,
Отколь идти сказатися“.

Эти причитанія служатъ лучшею характеристикою положенія молодой въ новой семьѣ.

„Отдаютъ меня въ чужіе люди,
Въ чужіе люди, незнакомые,
Къ чужому отцу, матери,
Къ чужому роду племени,
Къ чужимъ кумушкамъ, подружкамъ,
Въ чужихъ людяхъ жить умѣючи, разумѣючи“.

Какъ было указано выше, главныя заботы жены должны быть направлены на мужа: „жена должна мужу служить: вездѣ все мужской поль первенствуетъ — на примѣръ, душа мужская ревизской считается, а женская нѣтъ“. Но считая женщину ниже мужчины, крестьяне требуютъ отъ мужа нѣкотораго нравственнаго руководства женою. „Живеть жена съ дурнымъ мужемъ, будетъ сама душой и наоборотъ“. „Жена мужемъ хороша“ говоритъ пословица. Мужъ, какъ глава дома, встрѣчаетъ и принимаетъ гостей, тогда какъ жена имъ прислуживаетъ. Мужа своего жена зоветъ обыкновенно „хозяиномъ“, иногда просто по имени. Одно изъ главныхъ требованій крестьянъ къ женѣ заключается въ требованіи отъ нея болѣе строгаго соблюденія правилъ половой нравственности, при чемъ оно формулируется слѣдующимъ образомъ: „Къ муштинѣ шашни не прилипають, а къ женѣ больше, такъ какъ она всетаки домою живетъ“. Потеря невинности для дѣвушки иногда много значить. „Если беременна дочь хорошаго отца, то она выходитъ замужъ за бѣднаго мужика“. Въ прежнее время дѣвушки, выходившія замужъ невинными, клали въ напрестольное Евангеліе ленточку. Т. н. снохачество мало развито среди сарапульскихъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, оно не представляется обычнымъ явленіемъ. Лишь изрѣдка, начитанные крестьяне, оправдываютъ его, ссылаясь на библію. Часто приходится слышать, распространенный по всей Россіи, * рассказъ о томъ, какъ тянули колоколь и до тѣхъ поръ не могли поднять его, пока не были удалены снохачи.

На обязанностяхъ женщины, между прочимъ, лежитъ и забота о своихъ дѣтяхъ. „Съ дѣтьми горе, а безъ дѣтей вдвое“, говоритъ мѣстная поговорка. „Много дѣтей, говорили въ д. Нарядово, есть кому подъ старость шею наколотить“. „Отець во всѣхъ дѣтяхъ властень, а мать по своему дѣлу, развѣ въ краснахъ укажетъ, но за то по секрету что сказать, такъ сы-

нокъ всегда покаякаетъ съ матерью“. „Я слыхаль, говорилъ одинъ крестьянинъ, что отецъ не можетъ проклинать, а мать можетъ.“ Тѣмъ не менѣе, власть отца надъ дѣтьми очень велика. До сихъ поръ еще въ разговорномъ языкѣ сохранилось выраженіе: „отецъ заложилъ сына“. „Отдалъ въ срочную работу, деньги взялъ впередъ, значитъ заложилъ сына“. Къ числу правъ родителей, преимущественно отца, принадлежитъ право женить сыновей: „вѣдь отцы женятъ дѣтей“. „Въ долгахъ отецъ за сына не отвѣтчикъ, только за подати и къ отцу причтутъ, вѣдь отецъ можетъ сына плохо надѣлать“. „Неужто отецъ за сына платитъ“, слышалъ я повсемѣстно. „А имѣніе у отца не продавать и съ него не требовать“, читаемъ мы въ одномъ изъ рѣшеній мѣстнаго Волостнаго Суда. Нравственная и физическая связь родителей съ дѣтьми выразилась въ слѣдующихъ пословицахъ: „Отъ змѣя змѣенокъ, отъ свиньи поросенокъ“, „куда иголка, туда и нитка“. Забота родителей, ихъ нравственная поддержка много значитъ для дѣтей. Вотъ, на примѣръ, слова, которыми плачетъ круглая сирота, выходящая замужъ:

„Я иду то ли горе горькое, горемычное
 По полечку, по дубовому,
 Ищу то ли родимую мамоньку;
 Дошло то ли горе горькое горемычное
 До мамоньки, до родимыя,
 Ты дайко мнѣ благословеньице
*Твое-то благословеньице изо дна моря вынесетъ,
 Отъ часта дожда покрывечка,
 Отъ лихихъ людей оборонушка.*
 Я иду то ли горе горькое
 По сѣничкамъ, по рѣшетчатымъ,
 По лѣсенкамъ, мелкоступчатымъ,
 По батюшку широку двору.
 Свѣти ты, свѣтель мѣсяць,

На мою на русу косу,
На мою дѣвью красоту;
Просвѣти-ко мнѣ дороженьку
Ко батюшку теплу парушку,
Набѣги ка, туча грозная
Со восточныя сторонушки,
Выходи бѣль горючъ камень
На батюшки могилушку,
Расшиби ты мать сыру землю
И расколи-ко гробову доску,
И распахнитеся тонкіе саваны,
Разожмитесь бѣлыя рученьки,
Растворитесь уста сахарныя,
Промолви словечушко,
Обернися вольной пташечкой,
Прилети къ широку двору,
Сядь ко на окошечко,
Послушай горькихъ пѣсень:
Отдають меня во чужіе люди...

.....

Въ другомъ мѣстѣ, прося у отца благословенія, поетъ она тѣ же слова, которыми проситъ благословенія у матери.

Неимѣніе родныхъ дѣтей тяжело отражается на семьѣ. Некому будетъ подѣ старость „поить и кормить отца и мать“, некому будетъ поддерживать и продолжать хозяйство. Вотъ почему въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ усыновленіямъ и, въ случаѣ, если есть дочери, принимаютъ на нихъ зятьевъ. „Братъ въ дѣти согласнѣе маленькаго, а взрослый жить не станетъ“. Обыкновенно малолѣтнихъ берутъ въ дѣти, составляя на этотъ предметъ приговоръ сельскаго общества, который такимъ образомъ освобождаетъ ихъ отъ рекрутчины.

Для принятаго въ дѣти прекращаются всѣ права и

обязанности по отношенію къ его прежней семьѣ. Если принявшій впоследствии прогнать его, то за работу его онъ обязанъ дать ему либо надѣль, либо заплатить, какъ простому рабочему. Что касается до вопроса о женитьбѣ приемыша на родной дочери, то тутъ существуютъ два мнѣнія: 1) „Принятаго въ дѣти нельзя женить на дочери, всетаки они будутъ, какъ братъ съ сестрой“. „Когда не изъ роду возьмешь сына, то вѣнчать можно, но грѣшно: вѣдь онъ отцемъ меня зоветъ и какъ братъ съ сестрой живетъ съ дочерью“. 2) „Женить можно, такъ какъ онъ не той крови, это часто бываетъ. Бываетъ, что и сынъ приемный и жена на него приемная“.

На ряду съ приемными сыновьями, въ случаѣ нужды въ рабочихъ рукахъ, широко практикуется крестьянами приемъ въ домъ зятьевъ на родныхъ дочерей или на снохъ. Но зятьевъ берутъ крайне неохотно, обыкновенно избѣгаютъ дѣлать это въ случаѣ, когда есть сыновья. „Если у меня есть дѣти, такъ зятя принять въ домъ разстройство будетъ“. „Хорошо бы взять (зятя) если бы онъ служилъ мнѣ, а то онъ потомъ все оттягаетъ отъ меня“. „Теперь, продолжалъ этотъ же крестьянинъ, замѣсто сына работникъ у меня. Видишь какъ дѣло ведетъ хорошо, такъ и повѣнчаешь на дочери, а раньше жилъ въ работникахъ 4 года“. „Если есть малолѣтній сынъ, берутъ зятьевъ на время изъ платы за работу“. „Когда послѣ зятя родится сынъ, то иногда зятя оставляютъ и послѣдній дѣлится съ сыномъ пополамъ“. Въ числѣ членовъ семьи иногда встрѣчаются подкидыши. Относительно этихъ послѣднихъ мнѣ говорили: „подкидышь укореняется въ ту же фамилію, куда подкинуть, такъ какъ онъ крестится въ ней. Къ семейству не подкидываютъ, а больше на одинокаго; если его не пожелаютъ взять, то отдаютъ въ то семейство, гдѣ нуждаются въ дѣтяхъ; когда подкидываютъ, смотрятъ, гдѣ нуждаются“. „Понятіе „прие-

мышь“ въ Перевозинской волости мнѣ опредѣлили слѣдующимъ образомъ: „Если отецъ принялъ, а мѣръ не принялъ, то это будетъ пріемышь“. Несмотря на то, что подкидыши и пріемныя дѣти считаются членами семьи, но постоянное преимущество отдается кровнымъ родственникамъ. „Которые и родственники, говорили мнѣ, и далѣе чужаго, а все же, коли придетъ чужой и свой придетъ просить взаймы, все своему скорѣе дашь: онъ какъ будто милѣе“.

„Не верба ли въ избу склонялася:
Среди полу становилася, Богу молилася
(Имя), что же тебя долго не бывало?
За скупостью ли, за гордостью ли?
Шель бы ты поди всѣхъ поранѣ,
Сѣлъ же бы поди возлѣ роднаго батюшки,
Разговорилъ бы роднаго батюшку“,

поется на свадьбѣ дядѣ или теткѣ. Женщины передъ всѣми мужчинами, а особенно передъ родными, не могутъ показываться съ непокрытою головою. „Если идетъ хоть сторонній мужикъ, надо сейчасъ голову покрыть“. Полная совокуинность родственниковъ носить названіе „родство“, „родъ“; лица, находящіяся въ близкомъ родствѣ, говорятъ про себя: „мы одной природы“. „Дураку не отъ кого быть, говорилъ одинъ крестьянинъ про своего рабочаго, у него вся природа хорошая“. Употребительно выраженіе „мужская природа“. Про племя мнѣ говорили: „племень—это значитъ: отъ одного родства“. Свойственники считаются близкими родственниками. „Что свойство, то родство—все одно“. Большимъ почетомъ пользуются кумовья. „Кумовство роднѣе, говорятъ старики“. „Я кума лучше желаю, какъ брата“. „Кумовство большое родство“. „Дальнородство“ это то, которое „вышло изъ роду“ (дальше 4-го колѣна). Изъ названій, даваемыхъ родственникамъ, мнѣ пришлось слышать слѣдующія: сестренница — это

значить двоюродная сестра, братенникъ — двоюродный братъ, сведена сестра — дочь мачихи или вотчима. „Если свекръ и свекровка берутъ невѣстку, то она при первыхъ вечерахъ называетъ ихъ „богоданнымъ батюшкою, богоданною матушкою“. „Свекра сноха все больше называетъ отцомъ, батюшкою, а то, развѣ, какая нибудь безстыдная назоветъ просто по имени“.

Побратимство не является распространеннымъ среди Сарапульскихъ крестьянъ, хотя изрѣдка встрѣчается: „Вотъ у меня есть крестовый братъ: подружались съ нимъ, перемѣнились крестами и стали, какъ родные. Молились мы при этомъ Богу, поклонились другъ другу въ ноги и поцѣловались. Называемъ другъ друга все больше „крестовый“. Дѣлается это, чтобы дружбу имѣть. Подарковъ не дѣлаемъ другъ другу и жениться на сестрахъ не ловко“. По большей части этотъ обрядъ побратимства смѣшиваютъ съ кумовствомъ. „Кумъ мой крестовый братъ“. „Если чужому отдамъ крестъ, то онъ называетъ меня: „крестный“. Вотъ у насъ живетъ работникъ. У него нѣтъ креста, онъ и говоритъ мнѣ: подари крестъ, а я буду звать тебя крестнымъ“. Интересенъ слѣдующій обычай, о которомъ передавалъ мнѣ сельскій учитель Верещагинъ. Приходя къ сосѣду, крестьянинъ приносить коровай хлѣба, который раздѣляетъ съ нимъ, говоря: „я не буду искать ни въ чемъ на тебя, а ты не дѣлай этого на меня“.

Какъ уже было указано выше, съ каждымъ годомъ растетъ все большее и большее стремление крестьянъ къ дѣлежамъ. На какихъ же условіяхъ происходятъ они? Слѣдуетъ различать дѣлежи при жизни отца (большака) и послѣ его смерти. Въ первомъ случаѣ почти повсемѣстно указывали мнѣ на то, что въ полной волѣ отца произвести раздѣлъ между своими сыновьями на условіяхъ, которыя ему представляются необходимыми. „Жребій мало кидаютъ при отцѣ—это чаще бываетъ при братовьяхъ“. „Въ преж-

нее время хозяинъ могъ подѣлить только одного, а нынче, если и даетъ тому, кто помиляе, побольше, то и другому все-таки даетъ“. „Отець, какъ можетъ, такъ и подѣлитъ—это его дѣло“. „Отець даетъ какъ хочетъ, вѣдь онъ дѣлитъ по заслугѣ; при этомъ солдатъ считается за $\frac{1}{2}$ сына, словно не ихней природы. При отцѣ никому жребія нѣтъ, а что скажетъ кому, то онъ тѣмъ и будь доволенъ“. „При отцѣ получаютъ, какъ заслужать“. Если раздѣлъ происходитъ послѣ смерти отца (большака), и дѣляшіеся не придутъ къ мирному соглашенію, то они прибѣгаютъ къ бросанію жребія, который „у хорошихъ людей“ кидается торжественнымъ образомъ. Приглашается священникъ, который служить молебень, и затѣмъ въ присутствіи родныхъ совершается бросаніе самого жребія. Доли имущества, оставшагося по смерти большака, распредѣляются обыкновенно слѣдующимъ образомъ. „Братья получаютъ поровну; внуки и племянники — отцовскій пай“, лица, не связанные кровнымъ родствомъ съ главными наследниками, получаютъ „сколько дадутъ по ихъ работѣ“, „незаконнорожденный получить что-либо, лишь если началъ работать; „пріемышъ смотря по работѣ“. „Подкидышу противъ сына не дадутъ; но если хорошо работалъ, то что нибудь дадутъ: опять, вѣдь, держали вродѣ, какъ сына“. Внуки, обыкновенно, получаютъ отцовскій пай, но если они взрослые, то, „по чести“ за заслугу, можетъ быть, сколько нибудь лишку дадутъ“. За года, которые членъ семьи проработалъ, не посылая, вычтутъ при раздѣлѣ: „тамъ работалъ, тамъ и получай“. Такъ какъ сестра обыкновенно переходитъ на житье къ одному изъ братьевъ, то на нее ему „накидываютъ“. „Матери мало идетъ, иногда ничего. Поживетъ у одного, пойдетъ къ другому; затѣмъ опять назадъ возвратится“. Меньшой братъ обыкновенно остается въ старой избѣ: „меньшой братъ остается на старыхъ повыткахъ“. Но получаютъ братья, какъ меньшей, такъ

и старшій, равныя части: „заслуги отца для всѣхъ одинаковы“. Что касается до вещей, которыя нельзя раздѣлить поровну, то тутъ прибѣгаютъ къ жребію; особенно часто пользуются имъ при дѣлежѣ земли. Раздѣлившіеся братья обыкновенно условливаются объ отмѣтинахъ, которыя уходящій сдѣлаетъ на родовомъ „пятнѣ“, которымъ обыкновенно мѣтятъ скотину. Тысяча домохозяевъ, говорили мнѣ, а пятно въ пятно не сходится, и, главнымъ образомъ, стъ того, что цѣлый рядъ этихъ домохозяевъ имѣетъ одно основное клеймо, видоизмѣненное лишь различными нарѣзками. У одного брата, напримѣръ, пятно заключается въ томъ, что онъ лѣвое ухо срѣжетъ и распоретъ посередкѣ, на правомъ ухѣ спереди рѣзка; у другого брата скотина мѣтится слѣдующимъ образомъ: рѣжетъ на косо и поретъ посередкѣ; 3-й братъ поретъ съ другой стороны. Пятна эти служатъ доказательствомъ принадлежности скотины данному семейству, а поэтому, пока шкура не выдѣлена, съ нея нельзя срѣзать уши.

Съ каждымъ годомъ становится все чувствительнѣе недостатокъ въ землѣ. Въ прежнее время, при обиліи лѣсовъ, въ сарапульскомъ уѣздѣ крестьяне какой либо деревни, чувствуя потребность въ землѣ, отправлялись на такъ называемый „починокъ“. Они брали извѣстный лѣсной участокъ, вырубали его, и основывали на расчищенномъ мѣстѣ поселеніе. Объ основаніи подобнаго починка выходцами изъ с. Козлова, носящаго названіе Пальникъ, мнѣ пришлось слышать слѣдующее. Переселившіеся лѣтъ 40 тому назадъ изъ села Козлова до своего новаго мѣстожителства ѣхали нѣсколько дней. Тамъ они расчистили мѣсто изъ подъ лѣса и зазимовали. Весною одна изъ бабъ, выгоняя корову, вдругъ услышала пѣніе пѣтуха. Она направилась по направленію этого пѣнія и скоро дошла до села Козлова, откуда ея семья ушла на починокъ. Такъ велико было въ то время обиліе лѣса, что, проплутавъ нѣ-

сколько дней, переселяющіеся пріѣхали на починокъ, лежащій въ 3-хъ верстахъ отъ ихъ родного села. Не то въ настоящее время, когда свободныхъ земель совершенно не осталось. Вѣроятно подобнымъ способомъ основанія поселковъ можно объяснить массу встрѣчающихся въ одномъ и томъ же поселеніи однофамильцевъ, такъ какъ вѣроятнѣе всего, что на починки шли лишь родственныя семьи. Въ поч. Заборьѣ живутъ почти все Шадринцевы, которые идутъ отъ одного крестьянина, переселившагося сюда изъ деревни Шадрино заборь. Оттого и починокъ носить названіе „Заборье.“ „Часто, говорили мнѣ крестьяне, въ нашей мѣстности деревни бывають по фамиліямъ“.

Въ заключеніе представлю краткій очеркъ право-воззрѣній крестьянъ на договоры и сдѣлки. Обыкновенно всякій договоръ санкціонуется рукобитьемъ „отъ котораго отступить все равно, какъ совѣсть потерять“. За рукобитьемъ слѣдуетъ могоарычъ, относительно котораго всегда бываетъ ряда. Должно замѣтить, что рука при рукобитыи всегда должна быть голой. Крѣпость ряда выразилась въ пословицѣ: „ряда города беретъ. „Послѣ рукобиты дается задатокъ. „Задатокъ дань, всегда можно заставить дѣло сдѣлать“. Иногда обязующаяся сторона представляетъ за себя поручителей, которыхъ стараются „подвести“ нѣсколько человекъ, чтобы каждому изъ нихъ было легче отвѣчать. Относительно способовъ установленія правъ на имущество самое видное мѣсто занимаетъ купля. Тутъ соблюдаются слѣдующія правила. Если есть нѣсколько покупателей, то обыкновенно, чтобы не набивать цѣны, бросается жребій: кому достанется онъ, тотъ и является покупателемъ даннаго предмета. При покупкѣ лошади нѣсколькими покупателями, она достается тому, кто первый схватится за полу. Лошадь, обыкновенно, передается изъ полу въ полу, при чемъ покупатель и продавецъ называютъ другъ друга сватами, названіе,

которое, въ случаѣ доброкачественности товара, остается иногда на всю жизнь. Продавецъ даетъ иногда покупателю задатокъ, для того, чтобы тотъ не покупалъ у другого.

Право на имущество приобрѣтается иногда находкою, хотя не всякая найденная вещь достается нашедшему. „За находку, по совѣсти, даетъ—такъ хорошо, а то и ничего не даютъ, чаще всего виномъ угощаютъ“. Находки должно различать: 1) такія, которыя можно за деньги купить 2) вещи, которыя добываются, достаются случайно. „Лѣсину можно купить за деньги, а пчелу ужъ счастье; по совѣсти, такъ за лѣсину надо платить.“

Изъ договоровъ особенно распространенъ въ крестьянскомъ быту договоръ найма, предметомъ котораго могутъ быть недвижимые предметы и личныя услуги. Нанимающій часто беретъ съ нанимаемаго задатокъ, обеспечивающій правильное исполненіе взятаго на себя обязательства. „Двѣ котомки положили мнѣ для задатку, у тебя, моль, жить будемъ.“ „Если хозяинъ держитъ работника не въ порядкѣ, то послѣдній уходитъ отъ него; впрочемъ, за плохую работу, и самъ хозяинъ можетъ отказать до срока. Разъ рабочему данъ задатокъ, то онъ во чтобы то ни стало долженъ окончить свою работу, такъ что, въ этомъ случаѣ, даже по смерти рабочаго, хозяинъ можетъ требовать исполненія взятаго имъ на себя обязательства съ его семейства. Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ юридическій бытъ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда.

Наиболѣе рельефно правовыя возрѣнія народа высказываются при рѣшеніи всевозможныхъ споровъ волостнымъ судомъ. Какъ и большинство другихъ волостныхъ судовъ, эти учрежденія въ Сарапульскомъ уѣздѣ не избѣгаютъ упрековъ въ слишкомъ большей довѣрчивости къ писарямъ и, главное, упрековъ, обращенныхъ къ самимъ судьямъ, по большей части, не отличаю-

щимся добросовѣстностью. Мнѣ, во время присутствованія на засѣданіяхъ волостныхъ судовъ, неоднократно приходилось убѣждаться въ томъ, что, до начатія дѣла, крестьяне совѣтуются съ писаремъ и дѣйствуютъ сообразно съ его указаніями. „Что же ты Гр. Ф., обращался истецъ во время суда къ писарю, вѣдь я уже показывалъ тебѣ и ты обѣщался найти статью“. Незнаніе всевозможныхъ статей тяжело отражается на крестьянахъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ неоднократно обращались въ волостное правленіе съ цѣлью узнать „насчетъ судьбы законовъ“. Писарь — главное лицо въ волостномъ правленіи и отъ него зависитъ поставить дѣло такъ или иначе. „Писарь у насъ хорошій господинъ, онъ у насъ все правленіе исправитъ; теперь и пьянства нѣтъ и хорошо все идетъ“, говорили въ Козловской волости. Не смотря на такое сильное вліяніе писаря, проводника нашихъ формальныхъ законовъ, рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда представляютъ драгоцѣнный матеріалъ при изученіи обычнаго права. Тотъ или иной взглядъ крестьянина почти всегда выскажется въ жалобѣ, подаваемой имъ; онъ выскажется и въ отвѣтахъ противника. Если рѣшенія зачастую несправедливы, постановляются подъ непосредственнымъ давленіемъ писаря, то въ то же время ихъ значеніе, какъ матеріала по обычному праву, нисколько не умалется. Стоитъ лишь бѣгло просмотрѣть ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что ни писарь, писавшій ихъ, ни судьи, подписавшіеся подъ ними, не въ состояніи отрѣшиться отъ воззрѣній, вошедшихъ въ ихъ плоть и кровь. Зачастую несправедливое рѣшеніе прямо бросается въ глаза, зачастую оно замаскировано показаніями подкупныхъ свидѣтелей, извращеніемъ ихъ показаній. Писарь, со своими многочисленными томаами законовъ, лишь внушаетъ крестьянамъ понятіе о существованіи безчисленнаго въ ихъ глазахъ количества статей, посредствомъ которыхъ они могутъ полу-

читать то или иное право, но примѣнить къ нимъ эти статьи онъ не въ состояннн, уже отчасти потому, что самъ выросъ въ крестьянской же средѣ, воспитался на однихъ съ нею убѣжденняхъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ к. н. крестьянинъ — я самъ былъ свидѣтелемъ этого—тщетно требуетъ примѣненн къ себѣ „152 статьи“, судьи рѣшаютъ его дѣло единственно на основанн „прннятыхъ въ крестьянскомъ быту обычаевъ“.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Сарапульскаго уѣзда должность судьи считается на столько доходною, что крестьяне домогаются попасть въ число судей, и ставятъ для этой цѣли вино; въ другихъ волостяхъ должность эта считается тяжелою повинностью. Повсемѣстно судьи не получаютъ вознагражденн, и имъ выдаются лишь деньги на проѣздъ изъ родной деревни въ село. Засѣданн происходятъ еженедѣльно или рѣже, смотря по количеству дѣлъ. Во время страды засѣданн волостнаго суда бывають крайне рѣдки. Обыкновенно засѣдаютъ трое судей; за однимъ столомъ съ ними сидитъ писарь, который, какъ мнѣ неоднократно приходилось замѣчать, часто вмѣшивается въ допросъ. Лишь на Воткинскомъ заводѣ судьи слушали дѣла безъ писаря, приглашаемаго по окончанн каждаго дѣла для составленн рѣшенн по нему. Допросъ ведется тѣмъ изъ судей, который „побойчѣ“. Насколько пришлось замѣчать, присутствуя на засѣданнхъ волостнаго суда, это самая слабая сторона народнаго суда, по крайней мѣрѣ въ Сарапульскомъ уѣздѣ. Допрашиваетъ, напримѣръ, староста относительно того, было ли подсыпано что-нибудь на дворъ крестьянина В., отчего у него поколѣли куры. Судья вполне удовольствовался тѣмъ отвѣтомъ старосты, что „онъ лизалъ все мѣсто, куда, по мнѣнн В., была насыпана отрава, и не околѣлъ“. Нерѣдко судьи становятся въ тупикъ при вопросахъ, стоящихъ выше ихъ пониманн. Такъ, напримѣръ, въ Козловской волости долго не могли рѣшить вопроса,

вмѣняема кликуша или нѣтъ, пока, наконецъ, не разрѣшили этого вопроса тѣмъ, что „она какъ будто не отъ ума дѣйствовала“. Что касается до вѣры различнымъ свидѣтелямъ, то тутъ практикуется, распространенное у всего русскаго народа, „глядя по человѣку“. Почти всякое уголовное дѣло, прежде чѣмъ быть обсуждаемо волостнымъ судомъ, разсматривается судомъ „стариковъ“, которые „обыкновенно наказываютъ виномъ“. „Меня общество, старики, приневолило мириться, чтобы до суда не доходить; я имъ $\frac{1}{2}$ ведра вина и $\frac{1}{2}$ ведра пива отдалъ“. Самосудъ, какъ обычное явленіе, почти исчезъ, и лишь слабымъ отголоскомъ его является вожденіе вора съ украденною вещью по деревнѣ.

Въ заключеніе укажу на слѣдующіе способы отысканія покраденныхъ вещей. Обыкновенно пострадавшій „гонить по слѣду“ и, въ присутствіи сельскаго начальства, производитъ обыскъ у заподозрѣннаго. Существуетъ повѣрье, что, если, зарывъ въ землю часть такого же предмета, какой былъ украденъ, отслужить надъ нею панихиду, воръ начнетъ чахнуть и умирать.

Чтобы покончить съ предлагаемымъ очеркомъ, позволю себѣ привести два случая преній въ волостномъ судѣ, происходившихъ въ моемъ присутствіи.

Сарапульская волость 23 іюля.

Отвѣтчикъ, убійца свиньи, мальчикъ лѣтъ 10-ти, жметя къ матери.

Судья: (обращаясь къ свидѣльницѣ). Ты что видѣла?

Свидѣтельница. Видѣла, камнемъ ударила свинью и стащила къ рѣкѣ.

Судья: Вы-ли, паренекъ, убили свинью?

Отвѣтчикъ плачетъ.

Писарь: Сколько она стоитъ?

Судья: Надо бы сперва освидѣтельствовать, а то можетъ она плоха была и могла сама пропасть.

Другой судья: Ну, такъ почто стащили въ рѣчку?

Истецъ: Свинья это тогда уже опоросилася.

Судья: Сколько предполагаете въсу въ ней? Хозяинъ твой (обращается къ матери мальчика) гдѣ?

Истецъ: Въ острогѣ.

Судья: Это Филиппъ, что лошадей уводилъ. Ладно, что посадили, а то бы и у меня мерина стащилъ.

Свидѣтельница: Я погляжу, какъ свинья лягается и какъ будто не вижу. Почто, спрашиваю, лягается. Да мы, говоритъ, камнемъ бросили.

Судья (къ матери отвѣтчика): А у васъ свиньи есть?

Мать отвѣтчика: Нѣтъ.

Судья: А то бы такъ, свинью за свинью отдать.

Пауза.

Судья: Такъ, поди, не стоитъ 10 рублей.

Истецъ: Рубля два уступлю.

Мать отвѣтчи.: Много 8 рублей будетъ—и семи не стоитъ.

Судья: Такъ, можетъ, онъ кормилъ бы ее на подножномъ корму, такъ продалъ бы дороже. Вотъ на Ижу заводѣ баринъ самъ себя обсудилъ. Собака у него задавила утку и лица. Такъ за утку 1 руб., а за яичко по 50 копѣекъ заплатилъ.

Судья: Не поладитесь ли между собою; можетъ, теперь же заплатить, такъ онъ поменьше возьметъ.

Мать отвѣтчи.: Да гдѣ же я возьму?

Постановляется рѣшеніе о взысканіи съ отвѣтчика 8 руб.

Истецъ Десятковъ отвѣтчику: Ты поряжался 7¹/₂ возовъ вывозить. Вывозилъ М. 2 воза, Н. 3, осталось 1¹/₂. Изъ послѣдняго воза продалъ.

Истецъ: Это я чурочки продалъ.

Десятковъ: Прибѣгаютъ ко мнѣ и говорятъ: твои дрова продали. Я прихожу и дѣйствительно такъ. Я говорю, ты зачѣмъ дрова продалъ? Айда со мною!

Писарь: Довольно объ этомъ: здѣсь дѣло другое.

Десятковъ: Да, вѣдь, я тащилъ его на мѣсто; онъ не пошелъ: я и толкнулъ его. Свидѣтелей его я не знаю. Ты коренныхъ жителей давай.

Истецъ: Я не знаю, послѣ того меня увезли въ больницу.

Десятковъ: А много ты тамъ дочерей моихъ материлъ? Еще солдатъ, а воровать?

Судья: Объ этомъ нечего говорить. Тебѣ бы надо старосту позвать, а горячку пороть нечего.

Истецъ: Отчего ты не приходилъ тогда на меня говорить?

Десятковъ: Я его тащилъ тогда. Айда говорю, иди со мною.

Писарь: Вы не били его?

Десятковъ: Нѣтъ, я его тащилъ.

Писарь: И рубль не должны?

Деятовъ: Рубль не додалъ, доведи дрова и эти отдай, которые проданы.

Истецъ и Деятовъ спорять.

Свидѣтельница Пр.: Я вышла на крыльцо телку поить и вижу: этотъ мужчина лежить, а тотъ бьетъ, а я телку пою, а у меня телка такая, что не пьетъ безъ меня. Потомъ этотъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: больно.

Судья: Мальчика бы спросить.

Свидѣтель мальчикъ: Видѣлъ я, что онъ билъ ногами и за волосы таскалъ.

Свидѣтельница Пр.: Этотъ же Деятовъ былъ пьяный; если чего я видѣла, я за это присягу приму. Видѣла: билъ, а чего не знаю не говорю.

Судья (Деятову). Проси, дядя Тимошей, прощенія.

Деятовъ: Что же, если онъ у меня укралъ. Ты сами крестьяне, понимаете—свое собственное жалко. Рубль я долженъ ему за работу, такъ пускай онъ доставить дрова.

Судья: Да, вѣдь, о побояхъ дѣло.

Свидѣтельница Пр.: Я отроду въ свидѣтельницахъ не была, только пришла дѣвченка ихняя. Тебя какъ зовутъ? спрашиваетъ. Прасковья. А фамилія? Я и ее не сказала только дѣвченка имъ сказала.

По убѣжденію судей спорящіе помирились съ тѣмъ, чтобы Деятовъ заплатилъ истцу 1 руб. и поклонился ему въ ноги.

Судья: Ну, кланяйся въ ноги и айда въ кабакъ.

Засѣданіе волостнаго суда Сарапульской волости.

Карпъ: 9 р. 32 к. я взыскиваю съ троихъ, они мнѣ не заработали.

Судья: Вы что должны?

Вся отпѣлчики гуломъ: Онъ насъ оставилъ безъ работы, мы просидѣли 6 день. Мы два раза ходили къ сельскому старостѣ. (обращаясь къ истцу) Ты зачѣмъ товару не припасъ?

Происходитъ общій споръ.

Истецъ Карпъ: Вы хотѣли въ подать отдать, а сами въ кабакъ.

Рабочіе: У насъ сельскій староста свидѣтель.

Истецъ: Вы сельскому старостѣ четверть вина купили. У насъ сельскій староста безъ четверти не выѣзжаетъ. Сельскій староста безъ меня не можетъ свидѣтельствовать.

Рабочіе: Ты бы не уѣзжалъ.

Истецъ: Такъ я и буду цѣлую зиму сидѣть.

Волостной старшина, (сидящій въ сторонѣ). Тише, тише никто вашего разговору не понимаетъ.

Рабочіе: Мы вѣдь не зря ушли, насъ староста отпустилъ билетъ даль-

Истецъ: Ты бы еще больше напоилъ его. Вы, какъ взяли задатокъ, прѣхали: „хозяинъ, давай пива, давай четверть вина“. Этотъ (указываетъ на одного изъ рабочихъ) говоритъ: „Вы хоть-бы поработали“, — то-то они на него грызутся.

Рабочіе: Ты бы намъ давалъ работы, мы бы все равно работали.

Истецъ: Вы бы день работали, да три пировали.

Писарь (обращаясь къ рабочимъ): вы считаете себя должными?

Рабочіе: Нѣтъ.

Судья: Вы считаете, что не заработали, считаете за прогуль?

Рабочіе: Да, за прогуль.

Судья: По сколько вы зарабатывали?

Рабочіе: 60 коп. въ день.

Судья: 60 рѣдко кто въ день заработаетъ.

Рабочіе: Мы и то къ нему шли, намъ говорили, рѣдкій рабочій безъ слезъ уходитъ.

Одинъ изъ рабочихъ: И работы не даетъ, и отъ себя не пушаетъ.

Истецъ: Заработай сперва деньги.

Судья: А какъ пошли, работа осталась?

Рабочіе: Нисколько не осталось.

Судья къ истцу: Надо между ними счетъ свести, сколько они заработали. Они говорятъ: 6 день безъ работы жили. Гдѣ у васъ заявленіе отъ сельскаго старосты.

Писарь: Это ни къ чему. Развѣ правленіе знаетъ? Пришелъ кто либо заявить: я жилъ безъ работы. Ему и написали бы.

Истецъ: По нашей работѣ на каждый станокъ выдается книжка и для каждыхъ харчевъ выдается книжка. Они не предъявили ее.

Рабочіе: Ты намъ и билеты не даешь.

Истецъ: Заработайте, отдамъ.

Судья: У васъ условіе существуетъ: расчетъ денегъ.—А билеты почему не отдаешь?

Рабочіе: Ты бы намъ книжки выдать.

Истецъ: Они и выданы, да вы ихъ бросили въ печь.

Судья: Ты бы хоть свою привезъ.

Другой судья: Да вѣдь въ книжкѣ написать онъ можетъ, ты хочешь.

Судьи совѣтуются.

Одинъ изъ судей къ истцу: Послушай-ка, господинъ, и тебя хвалить нельзя: надо сперва выработать задатки, а затѣмъ хлѣбомъ давай, а денегъ не давай.

Истецъ: Что же мнѣ дѣлать? они какъ прѣхали, такъ сейчасъ за живомъ посылаютъ.

Судья: Ты за всѣми вообще считаешь?

Истецъ: За всѣми.

Судья: Такъ надо же указать, съ кого сколько.

Истецъ : Да, вѣдь, условіе есть.

Условіе читается.

Рабочіе : Мы не отпираемся, кабы давалъ работу, такъ мы бы и работали.

Судья : Такъ много ли сробили?

Рабочіе : 1300 кулей, кажись.

Судья : А ты сколько принялъ? а то одни не знаютъ, сколько сробили, а другой не знаетъ, сколько принялъ.

Другой судья : Это не важно: они признаютъ себя должными, а говорятъ, что прожили безъ работы.

Судья : Сколько ты принялъ?

Истецъ : Не помню.

Судья : По моему отказать и тѣмъ и другимъ.

Вотъ что, сдѣлайтесь добровольно.

Рабочіе : Нѣтъ, ужъ мы заплакались отъ него.

Судья : Вѣдь вы же пили, ѣли отъ него.

Рабочіе : Это все къ намъ ставится. Онъ насъ однимъ хлѣбомъ кормилъ.

Истецъ : А рыбы не давалъ я вамъ?

Рабочіе : Рыбы? а кто сталъ ее ѣсть?

Истецъ : Вы бы и не брали.

Судъ постановляетъ отказать въ искѣ.

И. М. Богаевскій.

О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губерніи.

„Волостной Судъ властенъ приговаривать: къ обществ. работамъ—до 6 дней, или къ денеж. штрафу—до 3 р., или къ аресту—до 7 дней, или, наконецъ, лицъ отъ тѣл. наказанія не изъятыхъ,—къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самого Суда“ (ст. 102 Общ. Пол. о кр., выш. изъ кр. завис.).

Такъ гласитъ 102 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Она даетъ 4 мѣры наказанія. Обычай добавляетъ къ нимъ еще 2: 1) выговоръ и внушеніе и 2) оставленіе на замѣчаніи (иначе въ подозрѣніи). Собственно въ мѣрахъ наказанія обычай не имѣетъ широкаго поприща для созданія чего либо новаго, оригинальнаго. Законъ предоставляетъ Суду лишь выборъ между указанными мѣрами и больше ничего. Вотъ въ этомъ-то выборѣ и должно искать вліяніе обычая, въ этомъ выборѣ заключается вся его дѣятельность, сила и право. Поэтому на эту именно сторону и слѣдуетъ обратить все вниманіе.

Въ наказаніяхъ, практикуемыхъ Волостнымъ Судомъ, сильны 2 характерныя черты: 1) онѣ относительно постоянны въ смыслѣ выбора наказанія, т. е. за одно и тоже преступленіе налагается почти всегда одинаковое наказаніе и 2) въ нихъ глубоко живетъ еще свойственное древнему и обычному праву, понятіе о преступ-

леніи, какъ личной обидѣ, поэтому и самыя наказанія не носятъ на себѣ характера непремѣннаго слѣдствія каждаго преступленія.

Эта 2-я характерная черта рѣзко разграничиваетъ наказанія Волостнаго Суда отъ наказаній „по закону“ и по наукѣ уголовного права.

Для иллюстраціи этихъ 2-хъ чертъ необходимо прослѣдить всѣ мѣры наказанія въ отдѣльности. „Дѣло“ собственно разбирается на Волостномъ Судѣ такъ: выслушиваются стороны, затѣмъ свидѣтели; по удаленіи тѣхъ и другихъ Судьи обсуждаютъ дѣло и рѣшаютъ, кто правъ, кто виноватъ. Если приходится наложить на виновнаго наказаніе, то очень часто „Волостной Судъ принимаетъ во вниманіе, совершень-ли проступокъ въ 1-й разъ, или виновный часто попадался въ недоброе дѣлѣ, *какой онъ вообще человекъ, учинилъ ли сознаніе или сдѣлалъ заперательство* 1)“. Затѣмъ Судъ выбираетъ, смотря по преступленію, одну изъ упомянутыхъ мѣръ наказанія. (Въ нѣк. волостяхъ употребляются только законныя 4 мѣры; напр., въ Митинской Дмитровскаго у., 2) читаемъ: „наказанія употребляются только перечисленныя въ положеніи“; тоже и въ наказаніяхъ другихъ: (волостяхъ Парфентьевской Коломенскаго у., 3) Михалевской Бронницкаго у., 4) Сергіевской Клинскаго у. 5) и др.).

Обратимся къ разсмотрѣнію приведенныхъ мѣръ наказанія и соотвѣтствующихъ имъ преступленій.

Тѣлесное наказаніе ограничено Общ. Положеніемъ 20-ю ударами. Въ рѣшеніяхъ Волостнаго Суда встрѣчается въ высшей степени разнообразное количество

1) 93 Зюз. в. Моск. у.

2) 501 стр.

3) 769 стр.

4) 452 стр.

5) 579 стр.

ударовъ: начиная съ 8 (меньше мнѣ встрѣчать не приходилось) и кончая 20-ю въ законныхъ границахъ; иногда Судъ превышаетъ свою власть и назначаетъ большее количество. Назначается эта мѣра, главнымъ образомъ, за слѣд. проступки: неплатежъ податей и накопленіе недоимокъ, пьянство съ расточительностью, нерадѣніе къ хозяйству, кражу, неподчиненіе или грубость начальству и родителямъ. Каждый изъ этихъ проступковъ влечетъ за собой не всегда одно и тоже количество ударовъ; напротивъ, рѣшенія до того разнообразны, что нѣтъ возможности уловить общій законъ въ присужденіяхъ. Здѣсь особенно силенъ принципъ наложенія наказанія „глядя по человѣку“. Въ общемъ, неплатежъ податей и накопленіе недоимокъ влечетъ высшую мѣру, т. е. 20 ударовъ ¹⁾. Въ опросахъ членовъ комиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ, на каждомъ шагу наталкиваешься на замѣчательно характерныя мнѣнія крестьянъ: розги „считаются самымъ главнымъ наказаніемъ. Наказываютъ розгами неплательщиковъ податей“: „для неплательщиковъ“, по мнѣнію крестьянъ, „не придумаешь другаго болѣе подходящаго наказанія“, ²⁾ „большинство дѣлъ о неплатежѣ кончается тѣл. наказаніемъ ³⁾. И, когда читаешь въ двухъ волостяхъ мнѣніе противное, даже странно станеть, до того привыкаешь видѣть все одно и тоже. Въ этихъ 2-хъ волостяхъ ⁴⁾ тѣл. наказаніе не играетъ такой предопредѣленной роли неизбежнаго рока недоимщиковъ: напротивъ, въ нихъ крестьяне „наказываются болѣе штрафомъ; розги почти не употребляются. Неплательщики недоимокъ вообще къ Суду не привлекаются, а привлекаются только тѣ изъ нихъ, которые пьянству-

¹⁾ 97. Зюз. в. Моск. у. и 101 стр.; 117. Троиц.-Гол. и 121 стр.; 140. Шалов. в. Богород. у.; 334. Бухалов. в. Волокол. у. и т. д.

²⁾ 112. Тр.—Гол. в. Моск. у.

³⁾ 134. Шалов. в. Богород. у.; 127. Пехор. в. Мск. у.

⁴⁾ 389. Гжелская в. Бронницк. у. и 459. Сандырев. в. Колом. у.

ютъ и безобразничаютъ. Однако Судьи не сѣкутъ и этихъ, а страшатъ или заставляютъ работать на обществен. нужды“. Назначается не всегда 20 ударовъ, а встрѣчаемъ и 19 ¹⁾, 18 ²⁾, 15 ³⁾ и даже 10 ⁴⁾. Все зависитъ отъ того, какой человекъ — виновный. Буньков. в. прямо высказала такое правило: „розги самое тяжкое, посрамительное наказаніе, а потому Волостной Судъ совершившихъ въ 1-ый разъ проступокъ приговариваетъ къ аресту или денежному штрафу; за повтореніе же проступка наказываетъ розгами ⁵⁾“.

Кража, какъ преступленіе влекущее тѣл. наказаніе, встрѣчается сравнительно рѣдко, за исключеніемъ нѣск. весьма немногихъ волостей, гдѣ тѣл. наказаніе назначается преимущественно за кражу и, конечно, неплатежъ податей ⁶⁾. Г. Якушкинъ, въ своемъ „Обычномъ правѣ“, говоритъ: „къ ворами по ремеслу крестьяне относятся весьма строго. Волостные Суды за кражу приговариваютъ большею частью къ высшей мѣрѣ тѣл. наказанія, къ 20 ударамъ розгами“ ⁷⁾. Этого замѣчанія нельзя отнести къ Моск. губерніи, гдѣ кража часто не влечетъ даже вовсе никакого наказанія. Преслѣдуется собственно очень жестоко конокрадство: назначается даже 200 ударовъ ⁸⁾. Равное съ кражей послѣдствіе влечетъ за собой укрывательство: принявшій краденую рожь крестьянинъ И. получилъ 15 ударовъ, а жена его просидѣла 3 сутокъ подъ арестомъ ⁹⁾.

Довольно трудно разобраться въ рѣшеніяхъ съ на-

1) 220 Глазов. в. Мнск. у. и 231 стр.

2) 231 Глаз. в.

3) 117. Троицко-Гол. в. Мск. у.

4) 131. Пехор. в. Мск. у.

5) 143 стр.

6) Нпр., 93. Зюз. в. Мск. у.

7) „Обыч. право“ стр. XXXIV.

8) Тр. Ком. т. VI, стр. 455.

9) 336. Бухолов. в. Волокол. у.

значеніемъ тѣл. наказанія за оскорбленія. Подобнаго рода проступки распадаются на 3 группы: 1) оскорбленіе начальства словами и дѣйствіемъ, 2) оскорбленіе родителей (куда подходитъ и неповиновеніе) и 3) оскорбленія постороннихъ лицъ. Подъ 1-ю рубрику подходятъ иногда въ высшей степени курьезные проступки. Такъ, въ Ногагин. в. Мск. у. „за подачу жалобы на Старшину приговариваютъ къ тѣл. наказанію, признавая такое дѣйствіе оскорбленіемъ начальства“ ¹⁾. Одного крестьянина присудили къ 60 ударамъ розгами на 3 жалобы Миров. Посреднику на незаконныя дѣйствія Старшины, при чемъ послѣдній еще „предлагалъ осужденному получить заразъ или въ 3 приема“ ²⁾. И такихъ примѣровъ не мало ³⁾. Подъ понятіе начальства подходятъ даже сходчики. Въ Нагат. в. крестьянинъ 42 хѣ лѣтъ былъ приговоренъ къ 20 ударамъ за то, что назвалъ сходчиковъ, людей „благонадежныхъ“, не сходчиками, а „ловчими“ ⁴⁾.

Тѣл. наказаніе, налагаемое за оскорбленіе родителямъ, можетъ служить двойкой цѣли: педагогической и чисто юридической. Это зависитъ отъ самаго характера проступка. Если онъ не болѣе, какъ неповиновеніе, то служитъ первой цѣли, педагогической. Здѣсь Судъ по просьбѣ отца „учить“ сына ⁵⁾. Если же сынъ грубитъ отцу и, кромѣ того, вообще, ведетъ жизнь неразумную, то наказаніе служитъ 2-ой цѣли, юридической ⁶⁾. Это дѣленіе очень характерно обрисовываетъ Волостной Судъ и отношеніе къ нему крестьянства.

Третья категорія—оскорбленія постороннихъ лицъ —

¹⁾ 124 стр. Еще примѣры: 126 стр., 324 Серидин. в. Волокол. у.

²⁾ 124 стр. Ног. в. Мск. у.

³⁾ 354. Судник. в. Рузск. у.; 98 Зюз. в. Мск. у. и др.

⁴⁾ 125 стр.

⁵⁾ Н. Астыревъ „Въ вол. Писаряхъ“.

⁶⁾ Примѣры: 253. Судник. в. Рузск. у.; 167. Кіасов. в. Српух. у.; 98. Зюз. в. Мск. у.; 146 Буньков. в. Богород. у.; 170, Кіасов. в.

встрѣчается гораздо чаще двухъ первыхъ. Она замѣчательна тѣмъ, что никогда не выдѣляетъ оскорбленій словами. Видимо, къ такимъ оскорбленіямъ слишкомъ привыкли, чтобы доводить ихъ до Суда. Если же брань и имѣетъ какое либо значеніе, то это лишь тогда, когда она происходитъ уже на самомъ Судѣ. Въ данномъ случаѣ она считается уже оскорбленіемъ Суда, а не лица, на которое она собственно направлена. Въ Пехор. в. Мск. у. крестьянинъ на Судѣ назвалъ бабу „старой вѣдьмой“, за что немедленно и заплатилъ 15-ю ударами розогъ ¹⁾).

Что касается оскорбленій дѣйствіемъ, то онѣ преслѣдуются строго (20 ²⁾ 19 ³⁾ 15 ⁴⁾ ударовъ). Къ этому разряду слѣдуетъ отнести побои женѣ, которые преслѣдуются относительно слабѣе ⁵⁾, если они не соединены съ другими проступками ⁶⁾.

Кромѣ помянутыхъ проступковъ, розгами наказываются еще, встрѣчающіеся гораздо рѣже, „безписьменность“ и бродяжничества (20 ударовъ) ⁷⁾, отлученіе изъ деревни, нищенство и безпаспортное проживание (20 ударовъ) ⁸⁾, безписьменность съ накопленіемъ недоимокъ (19 удар.) ⁹⁾, нарушеніе тишины и спокойствія (19 удар.) ¹⁰⁾, нарушеніе сдѣлокъ (15 удар.) ¹¹⁾, неявка въ Судъ (10 удар.) ¹²⁾, игра въ запрещенныя закономъ игры

1) 131 стр. Тоже стр. 355. Судник. в. Руз. у.; 137. Шалов. в.

2) 360 Судник. в. Руз. у., 100 Зюз. в. Мск. у.

3) 355 Судник. в. Руз. у.; 102 Зюзинск. в. Мск. у.; 231. Глазов. в. Мнск. у.

4) 232. Глазов. в. Мнск. у.

5) 140. Шалов. в. Богород. у.

6) 138. Шалов. в. Богор. у.

7) 121. Гр.-Гол. в. Моск. у.

8) 116. Гр.-Гол. в. Моск. у.

9) 230. Глазов. в. Можайск. у.

10) 354. Судник. в. Рузск. у.

11) 354. *ibid.*

12) 230. Глаз. в. Можайск. у.; 177. Хатун. в. Серя. у.

(14 удар.)¹⁾, явка въ Волостное Правленіе въ пьяномъ видѣ и произведеніе шума ²⁾, ложное показаніе ³⁾).

Въ заключеніе очерка отѣлесныхъ наказанійхъ приведу случай назначенія превышающаго законное количество числа ударовъ: въ Шаловской вол. Богород. у. «за оскорбленіе и нанесеніе родительницѣ своей побоевъ со знаками на тѣлѣ, что противно и закону Божию», виновный будетъ приговоренъ къ 50 ударамъ розогъ ⁴⁾.

Вторая мѣра наказанія, примѣняемая Волостнымъ Судомъ—арестъ до 7 дней — ясно обрисовывается въ отвѣтахъ членамъ комиссіи крестьянъ и судей. Вся масса этихъ показаній легко распадается на 3 группы:

1) арестъ употребительнѣе всѣхъ другихъ наказаній ⁵⁾.

2) арестъ „послѣ розогъ самое употребительное наказаніе“ ⁶⁾ и

3) арестъ почти не употребляется ⁷⁾.

Арестъ примѣняется въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь къ женщинамъ, старикамъ и прочимъ лицамъ, изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія ⁸⁾. Лица же, неосвобожденные отъ тѣлеснаго наказанія, рѣдко подвергаются аресту, какъ наказанію; напр., крестьяне Бухоловской вол. Волоколамскаго у. заявляли, что „подъ арестъ сажаютъ только пьяныхъ для вырезвленія“ ⁹⁾. А если арестъ къ нимъ и примѣняется, какъ наказаніе, то весьма рѣдко, преимущественно за оскорбленія, за

¹⁾ 138. Широв. в. Богород. у.

²⁾ 116. Тр.-Гол. в.

³⁾ 166. Кіасов. в.

⁴⁾ 136. стр.

⁵⁾ 112. Тр.-Гол. в. Моск. у.; 93. Зюз. в.; 143. Буньков. вол. и др.

⁶⁾ 123. Ногатин. в. Моск. у. и др.

⁷⁾ 128. Пехор. в. Моск. у., 135. Шалов. в. Богор. у.; 156. Ямкин. в. Богород. у. и др.

⁸⁾ 164. Кіасов. в., 178. Хатун. в.; 205. Высоцкая в.; 228. Глаз. в.; 255. Бухор. в.; 362. Судннк. в.; 376. Добрят. вол.; 382. Дубров. в.; 385. Молод. в. и пр.

⁹⁾ 330 стр.

ослушаніе родителей¹⁾, пробои женѣ²⁾, за неявку въ судъ отвѣтчика³⁾, а иногда и свидѣтелей. Въ Нагат. в. Моск. у. крестьянинъ сказалъ сходчикамъ: „а чертъ васъ выбиралъ“, подсмѣивался, увѣряя, что одинъ изъ нихъ „служилъ не въ ратникахъ, а свиньяхъ“ (вариантъ „свиной пасъ“) и за эту вину просидѣлъ 5 сутокъ⁴⁾.

Лица же, освобожденные отъ розогъ, сидятъ подѣ арестомъ за тѣ проступки, за которые не освобожденныхъ сбѣгутъ. Эта параллель ясно доказывается дѣломъ въ Судниковскомъ Волостномъ Судѣ: виновный, за неприличное къ суду обращеніе, приговоренъ къ 15 ударамъ розогъ; дальше въ резолюціи Суда добавляется: „если же М. (виновный) по справкѣ окажется пользующимся изъятіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, то, въ такомъ случаѣ, заключить М. при Волостномъ Правленіи на 3-е сутокъ подѣ арестъ“⁵⁾ Очевидное равенство между 3-мя сутками и 15-ю ударами; это-же положеніе подтверждается еще цѣлымъ рядомъ примѣровъ⁶⁾.

Что касается специально женщинъ, то между ихъ проступками встрѣчаются замѣчательно интересные и оригинальные. По большей части они касаются жизни семейной, неурядицы съ мужемъ. Оскорбленіемъ мужа считается непочтеніе къ нему и „укрывательство себя отъ *безъ всякой къ тому цѣли* и особыхъ, увеличивающихъ вину обстоятельствъ“⁷⁾. Въ Шалов. вол. Судѣ приговариваетъ къ 2 суткамъ подѣ арестъ крестьянку за то, что позволила себѣ драться съ мужемъ, хотя онъ-то ее билъ⁸⁾. Въ Зюзин. в. подвергли аресту ви-

1) 137. Шалов. в. Богор. у.

2) 100. Зюз. в. Моск. у.

3) 376. Добряг. в. Под. у.; и 381. Дубров. в. Под. у.

4) 125. стр. Подоб. рѣш. 100. Зюз. в. Моск. у.

5) 351. Судник. в.; 97. Зюз. вол. и 98; 154. Ямк. в.; 167 Кіасов. в. 117. Тр.-Гол.; 100 Зюз. в.; 138. Шалов. вол. Богород. у. 357. Судник. в.

6) 355 стр.

новную въ томъ, что она грозила руки на себя наложить (мужъ ея—пьяница). Вообще въ семейныхъ дѣлахъ приходится встрѣчать не меньше удручающихъ душу фактовъ, тяжелыхъ фактовъ, чѣмъ и въ дѣлахъ о неплатежѣ податей; и отрадно встрѣтить даже такія мѣры, какія принимаетъ Пехорскій Судъ: „Вол. судъ всегда заставляеть стороны смириться“ ¹⁾. Не лишне сказать хотя нѣсколько словъ о тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ содержатся арестованные. Онѣ бываютъ 2-хъ родовъ: такъ называемыя „темныя“ ²⁾ и „свѣтлыя“ ³⁾. Эти комнаты представляютъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ „особыя тѣсныя и грязныя помѣщенія“ ⁴⁾; иногда нѣтъ даже и особыхъ помѣщеній, а арестованныхъ сажаютъ „въ небольшую, грязную комнату въ волостномъ правленіи, въ которой помѣщаются разсыльные“ ⁵⁾; бываютъ и просто „темные чуланы“ ⁶⁾. Кормятъ арестованныхъ ихъ домашніе, «если они не позаботятся, то содержащихся подъ арестомъ кормить старшина на свой счетъ» ⁷⁾. Въ отношеніи этого кормленія арестъ можетъ быть простымъ и арестомъ на хлѣбъ и водѣ ⁸⁾. Одинъ изъ изслѣдователей Волост. Судовъ, г. Чепурный ⁹⁾, объясняетъ это подраздѣленіе тѣмъ, что иногда арестованные—крестьяне не того села, въ которомъ находится Вол. Правленіе; поэтому домашніе не могутъ приносить своей пищи, и арестованныхъ кормятъ хлѣ-

¹⁾ 348. Бухол. в. Волок. у.; 138. Шалов. в. Богор. у.

²⁾ 140 стр.

³⁾ 129. стр. Тоже въ Зюз. в.

⁴⁾ 330. Бухол. в.; 385. Малодн. в.; 228. Глазов. в.

⁵⁾ 164. Кіасов. в.; 143. Буньков. в.

⁶⁾ 93. Зюз. в.; 128. Ногат. в.

⁷⁾ 123. Ногат. в.

⁸⁾ 330 Бухолов. в.

⁹⁾ 93. Зюз. в. Моск. у.

¹⁰⁾ 103. Зюз. в.

¹¹⁾ „Сост. вол. юстиціи въ Тамбов. губ.“ Киев. Устав. Изв 1877 г. кн. II-ая.

бомъ казеннымъ. Пр. Кистяковскій въ примѣчаніи къ этому объясненію говоритъ, что „просто арестъ простой и арестъ на хлѣбъ и водѣ 2 степени одного и того же наказанія“.

Слѣдующей мѣрой наказанія является штрафъ. Его г. Чепурный подраздѣляетъ на штрафъ простой и на штрафъ играющій роль пени ¹⁾. На Волостномъ Судѣ это дѣленіе дѣйствительно проводится. Первый идетъ въ пользу общества или церкви, а пеня въ пользу обиженной стороны. Первый видъ всегда взимается за неявку въ Судъ отвѣтчика ²⁾, иногда свидѣтелей ³⁾ и истца ⁴⁾. За всѣ другіе проступки взимается штрафъ, какъ пеня ⁵⁾. Въ нѣк. волостяхъ штрафъ назначается и за обиду ⁶⁾. Вообще же онъ далеко не распространенъ и примѣняется очень рѣдко ⁷⁾; лишь въ одной только Дубровицкой в. Подольскаго у. встрѣчается мнѣніе, что „слѣдовало бы увеличить размѣръ денежнаго наказанія“ мнѣніе, которое ставитъ положительно въ ту пикъ, такъ какъ Дубровицы—деревня завѣдомо бѣдная.

Еще рѣже штрафа практикуются приговоры къ общественнымъ работамъ. Во всѣхъ почти волостяхъ читаешь неизмѣнное: „никогда не употребляется по немѣнню сего рода работъ“, „никогда не употребляются, потому что ихъ не имѣется“, „потому что ихъ нѣтъ“ и т. д. все въ томъ же лаконическомъ духѣ ⁸⁾. Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, волостяхъ къ общественнымъ работамъ приговариваютъ женщинъ „за распут-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ 92 Зюз. 111 Тр.-Гол.; 128 Пехор.; 164 Кіасов.; 177 Хатун.; 362 Судник.

³⁾ 204 Высоцкая.

⁴⁾ 360—4 Судник. в. 97 Зюз. в.

⁵⁾ 376 Добрят. в.

⁶⁾ 124 Нагат. в.; 128 Пехор. в.; 135 Шалов. в.; 143 Бульков. в.

⁷⁾ 382 стр.

⁸⁾ 112 Тр.-Гол. в.; 135 Шалов. в.; 143 Буньков. в.; 156 Ямкин. в.; 164 Кіасов. в.; 178 Хатун.; 352 Судник. в.; 384 Хотѣб. в.

ство“. „Приговоренныхъ къ этой мѣрѣ наказанія заставляють мыть поля Волостнаго Правленія или мести улицу“ ¹⁾). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ общественнымъ работамъ приговариваетъ не Судъ, а Старшина и Староста ²⁾). Что касается оставленія въ подозрѣннй, то оно примѣняется рѣдко и служитъ какъ бы предупредительнымъ средствомъ противъ преступленій. Въ Судник. в. читаемъ такого рода дѣло: крестьянинъ И. жалуется на сына своего за неповиновеніе и непочтеніе. Отвѣтчикъ Ф не сознается, при чемъ добавляетъ: „если я буду за то наказанъ розгами, то тамъ будетъ видно“. Судъ постановляетъ: „за непочтеніе своего родителя Ф. наказанъ розгами при Волостномъ Правленіи 10 ударами, что же касается до произношенія угрозъ, оставить Ф. на замѣчаніи и вмѣнить въ обязанность сельскому старостѣ о строгомъ наблюденіи за нравственностью Ф.“ ³⁾ Далѣе, самую слабую мѣрою наказанія служатъ выговоры и внушенія. Первые встрѣчаются самостоятельно ⁴⁾, а вторыя почти всегда въ совокупности съ тѣл. наказаніями ⁵⁾. Первые встрѣчаются рѣже вторыхъ. Иногда внушенія имѣють характеръ угрозъ; напр., въ Шалов. в., виновному въ неуплатѣ податей даютъ 20 ударовъ розгами и внушаютъ, что „лишится и всего своего имущества“ ⁶⁾.

Вотъ краткій очеркъ всѣхъ мѣръ наказанія Волостнаго Суда. Онѣ исчерпываютъ почти всѣ рѣшенія Суда, но остается еще 3 весьма интересныхъ, совершенно своеобразныхъ института, которые невольно

¹⁾ 228 Глазов. в. 384 Модол. в.

²⁾ 376 Добрят. в.; 382 Дтбров. в.

³⁾ 353 стр. Въ выпискѣ помѣчено: „однород. рѣшенія № 11, 20, 36, 38“, но къ сожалѣнію эти дѣла не помѣщены въ Трудахъ Комиссіи.

⁴⁾ 117 Тр.-Гол. в. Моск. у.

⁵⁾ 97 Зюз. в.; 230 Глаз. в.

⁶⁾ 140 стр.

останавливаютъ на себѣ вниманіе своею оригинальностью. Это — „грѣхъ пополамъ“, рѣшенія обоюдной обиды и примиреніе.

Когда, при утратѣ или порчѣ чужаго имущества, нельзя опредѣлить степень вины отвѣтчика, Судъ руководствуется принципомъ „грѣхъ пополамъ“, „и присуждаетъ истцу $\frac{1}{2}$ -у того, что онъ искалъ“ ¹⁾. Случаи обоюдной обиды разсматриваются на Судѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Во 1-хъ, если обида разсматривается какъ личное оскорбленіе, то она и погашается обидою съ другой стороны ²⁾. Во 2-хъ, Судъ наказываетъ зачинщика ³⁾. Если же, въ 3-хъ, обида не считается только личной, то наказываются обѣ стороны, какъ совершившія проступокъ.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ примиренію, которое носить характеръ уже совершенно особый и не относится къ наказаніямъ непосредственно, слѣдуетъ сказать 2—3 слова о соотношеніи количества одновременныхъ наказаній съ одновременно совершенными проступками. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ виновный въ нѣсколькихъ проступкахъ наказывается за каждый проступокъ отдѣльно ⁴⁾. Въ другихъ наоборотъ въ подобныхъ случаяхъ налагается за всѣ проступки одно наказаніе, но „построже“ ⁵⁾. Часто же и почти во всѣхъ волостяхъ одинъ проступокъ влечетъ нѣсколько наказаній. Это бываетъ въ большинствѣ случаевъ при утратѣ или порчѣ чужаго имущества, при оскорбленіяхъ съ нанесеніемъ матеріальнаго ущерба. Въ такихъ случаяхъ Волостной Судъ взыскиваетъ извѣст. сумму, какъ

¹⁾ 97 Зюз. в.; 128, Пехор. в.; 134 Шалов. в.; 164 Кясов. в.; 177 Хатунск. в.; 204 Высоц. в.; 228 Глаз. в.; 255 Кукарин. в.

²⁾ 205 Высоц. в.; 382 Дубров. в.; 376 Добрят. в.

³⁾ 323 Серединс. в.

⁴⁾ 135 Шалов. в.; 143 Буньков. в.; 156 Ямцин. в.; 376 Добрят. в.; 382 Дубровиц. в.

⁵⁾ 128 Пехорская в.; 178 Хатунск. в.; 323 Середин. в.; 413 Спаская в.

возмѣщеніе ущерба и, кромѣ того, налагаетъ наказаніе за самый проступокъ ¹⁾. Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ наказанія г. Чепурный ²⁾ добавляетъ „испрошеніе прощенія“. Но едва-ли это чисто случайное окончаніе дѣла можно отнести къ разряду мѣръ наказанія. Вѣдь Волостной Судъ не приговариваетъ виновнаго просить прощенія. Это случается само собой. Кромѣ того необходимо двустороннее примиреніе, и Судъ не принимаетъ мира во вниманіе, если обиженная сторона не прощаетъ. Но, не стотря на то, что примиреніе не есть наказаніе, оно представляетъ изъ себя интересный институтъ, который можетъ оставить преступника безнаказаннымъ или подвергнуть его подобающей карѣ. Миръ играетъ не маловажную роль въ веденіи исковъ, производствѣ самаго дѣла и, наконецъ, производитъ извѣстное давленіе на систему наказаній. Съ этой стороны его и слѣдуетъ разсмотрѣть. Миромъ можетъ кончиться всякое дѣло, безъ различія преступленія. Миромъ могли бы кончаться и дѣла о недоимкахъ, если бы истецъ (въ данномъ случаѣ—государство—лицо юридическое) простилъ виновнаго. Всѣ остальные дѣла могутъ кончаться и часто кончаются миромъ, даже дѣла о кражѣ. Черта права весьма архаическая по своему происхожденію. Основаніе такого порядка вещей не вездѣ одинаково. Часто въ немъ кроется простой страхъ передъ обвиняемымъ, часто—принципъ личной обиды. Въ Кукар. в. Можайск. у. откровенно заявляется, что „мировыя допускаются даже въ дѣлахъ о кражѣ, увѣчѣ, мошенничествѣ, *въ томъ вниманіи*, что Судьи *болтятся* приговаривать виновныхъ къ наказанію изъ опасенія мести“ ³⁾. Иначе говоритъ Тр.-Гол. в.: „если воръ возвратитъ украденное, а хозяинъ его проститъ, то незачѣмъ вмѣшиваться

1) 116 Тр.-Голенищевская в.

2) „Сост. в. юст. Тамб. губ.“ Кіев. Унив Изв 74 г. кн. II-я.

3) 255 стр.

ся въ это дѣло Суду“ ¹⁾. Очевидно, кража считается личной обидой, почему, разъ украденная вещь возвращена, хозяинъ ея прощаетъ, слѣд., обида заглажена, Суду не слѣдуетъ вмѣшиваться. Обоюдное примиреніе принимается во вниманіе Судомъ даже послѣ произнесенія приговора. Истець, поразмысливъ, является на засѣданіе Суда, вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ:

— Вамъ что?

— Да, вотъ, просимъ покорнѣйше нашъ судъ помарать, потому мы помирились...

— На какихъ условіяхъ?

— Рублевку съ него беру. Что его обижать. Господь съ нимъ! ²⁾

„Болѣе $\frac{1}{2}$ -ы дѣль кончается миромъ, говорятъ въ Бухоловской в., послѣ чего Волостные Судьи стараются всѣми средствами помирить стороны изъ боязни мести со стороны обвиняемаго“ ³⁾.

„При разборѣ дѣла главная цѣль Судей—помирить тяжущихся“, свидѣтельствуеъ Протопоповская в. Кол. у. ⁴⁾.

Нечего и говорить, что примиреніе имѣетъ свои хорошія стороны, но дѣло въ томъ, что оно обладаетъ также и дурными, которыя по своему количеству и силѣ превосходятъ первыя и дѣлаютъ изъ примиренія начало развращающее и нравы и юридическіе принципы. Дѣйствительно, будучи возможнымъ исходомъ всякаго дѣла, миръ оставляетъ проступки безнаказанными, подрываетъ все основаніе наказанія и отвѣтственности. Кромѣ того, невольно возбуждаетъ въ преступникѣ надежду на благоприятный исходъ и такимъ образомъ, если не порождаетъ, то развиваетъ, по крайней мѣрѣ, злую волю. Далѣе, переводитъ нравственную отвѣт-

¹⁾ III стр.

²⁾ Н. Астыревъ „Въ вол. писаряхъ“ стр. 221.

³⁾ 330 стр.

⁴⁾ 470 стр.

ственность на почву матеріальной выгоды, напримѣръ, въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ, которыя зачастую кончаются шкаликами водки или рублевкой. И, наконецъ, ставитъ рѣшеніе дѣла въ зависимость отъ воли, каприза или минутнаго настроенія истца. Всѣ эти доводы contra достаточно рельефно выставляютъ все дурное вліяніе мира на понятіе о наказуемости преступленія.

Для того, чтобы объяснить себѣ нѣкоторыя странности въ системѣ наказаній, какъ напримѣръ, такое ужащающее преобладаніе тѣлеснаго наказанія надъ другими, необходимо, въ заключеніе этого очерка, бросить хотя бѣглый взглядъ на тѣ причины, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе многихъ темныхъ сторонъ, которыя искажаютъ на первыхъ порахъ самое представленіе о Волостномъ Судѣ, его судьяхъ и наказаніяхъ, даютъ почву для ложнаго толкованія нѣкоторыхъ сторонъ крестьянскаго Суда.

Это причины — экономическаго характера. Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, какъ не поголовною бѣдностью, какъ не безконечной нуждой, поглощающей съ жадностью всѣ силы, все время крестьянъ, объяснить ту громаду ударовъ розгами, которые еженедѣльно сыплются на мужицкія тѣла? Въ Пехорской в. Мск. у. приговариваютъ къ розгамъ сразу по 50 и болѣе человѣкъ ¹⁾.

Въ рѣдкой волости не слышится желанія, чтобы увеличили число ударовъ до 50-ти и болѣе ²⁾. Розги это самое распространенное наказаніе, другія мѣры въ загоны. „Арестъ и штрафъ употребляются въ равной мѣрѣ, но, примѣрно, *втрое* рѣже, чѣмъ розги“, это въ Митинской в., ³⁾ а въ Сергіевской „штрафъ примѣрно раза въ 4 рѣже розогъ“ ⁴⁾. Да почему же это? А по-

¹⁾ 127 стр.

²⁾ 228. Глазов. в. Мжск. у. 376. Добрят. в. и 382. Дубров. в. Подол. у.

³⁾ Дмитр. у. 501 стр.

⁴⁾ Клиnsk. у. 579 стр.

тому что оно „считается самым „вразумительным“ и полезным“, ¹⁾ потому что „розогъ опасаются всѣ“, ²⁾ потому, наконецъ, и это самое главное, что „отъ розогъ *нѣтъ убытка* ни мужику, ни обществу“. ³⁾ Потому и выходитъ, что „безъ розогъ нельзя обойтись“ ⁴⁾. „Крестьяне сами предпочитаютъ розги, говорятъ въ Шалов. в., потому что арестъ лишаетъ мѣста на фабрикахъ“. Въ Пехор. в. тоже „народъ все фабричный, нетрезвый, *взять съ него нечего*, а подъ арестъ посадить, мѣста лишится, недоимку еще больше накопитъ и подъ арестомъ будетъ пьянствовать и безчинствовать“ ⁵⁾. Это въ фабричныхъ деревняхъ, но и въ другихъ тоже самое: вездѣ встрѣчаешь однообразный отвѣтъ „взять съ него нечего, у него ничего нѣтъ“, ⁶⁾ „и безъ штрафовъ нечѣмъ податей платить“ ⁷⁾ и „безъ продажи имущества (т. е. и окончательнаго раззоренія) съ крестьянъ бѣдныхъ, которые составляютъ большинство. *взять ничего нельзя*“ ⁸⁾. Причина не многосложна и ясно показываетъ, что негуманныя розги дѣйствуютъ на гуманныхъ основаніяхъ, но къ этимъ гуманнымъ основаніямъ примѣшивается, конечно, и доля эгоизма: судья самъ мужикъ и, кромѣ того, по принципу крутовой поруки, всю тяжесть неплатежа понесетъ само же общество. Это давленіе экономическихъ условій кладетъ тяжелую печать на систему наказаній, практикуемыхъ Вол. Судомъ.

В. Кандицкій.

1) 501. Митин. в. Дмитр. у.

2) 167. Кіасов. Српх.; 204. Высоцкая, Српх.; 177. Хатунск. в. Српх. 255. Кукор. Мжск. 228. Глдов. Мжск. и т. д.

3) 135 Шалов. в. Богород. у.

4) 164. Кіасов. в. Српх. у.

5) 128 стр.

6) 156. Якин. в. Богород. у.

7) 135. Шалов. в.

8) 164. Кіасов. в. Српх. у.; 204. Высоцкая, 177 Хатунск. в. и т. д.

О доказательствах на волостномъ судѣ.

Предметомъ настоящаго очерка будутъ служить способности доказательства, употребляемые въ современномъ крестьянскомъ процессѣ. Не имѣя возможности разсмотрѣть здѣсь всю совокупность этихъ процессуальныхъ нормъ обычнаго права, мы ограничимся только четырьмя наиболѣе распространенными изъ нихъ, и имѣющими въ глазахъ народа наибольшее значеніе. Эти четыре способа доказательства — *самопризнаніе отвѣтчика, свидѣтельскія показанія, письменные документы и присяга.*

Сознаніе отвѣтчика играетъ очень видную роль въ крестьянскомъ процессѣ: оно является суррогатомъ всякаго другаго доказательства, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ трудахъ комиссіи по преобразованію Волостныхъ судовъ мы видимъ массу рѣшеній, основанныхъ на одномъ только добровольномъ сознаніи отвѣтчика, на его „чистосердечномъ раскаяніи“, при полномъ отсутствіи какихъ либо доказательствъ со стороны истца. Особенно часто встрѣчается это въ гражданскихъ искахъ при взысканіи долговъ. При маломъ, сравнительно, распространеніи письменныхъ документовъ среди крестьянъ, такое значеніе сознанія является понятнымъ. Для примѣра возьмемъ рѣшеніе одной волости Московскаго уѣзда. Крестьянка взыскиваетъ 100 р. за проданный ею садъ, причемъ никакихъ доказательствъ она не представляетъ. Волостной судъ присуждаетъ отвѣтчика къ уплатѣ иско-

вой суммы, руководясь единственно его сознаниемъ въ долгѣ, не смотря даже на то, что со времени заключенія сдѣлки прошло уже 25 лѣтъ ¹⁾).

Другой примѣръ изъ практики одного волостнаго суда Ковровскаго у.: крестьянинъ просилъ судъ взыскать съ отвѣтчика должныя ему деньги 2 р. Волостной судъ, имѣя въ виду сознание отвѣтчика, постановилъ взыскать съ него долгъ ²⁾).

Значеніе признанія выступаетъ еще рельефнѣе, если принять во вниманіе то обстоятельство, что оно требуется даже и тогда, когда противъ отвѣтчика предъявлена долговая росписка.

Рѣшеній, въ которыхъ на ряду съ письменнымъ документомъ принимается, какъ доказательство, еще и сознание въ долгѣ очень много ³⁾).

Нельзя не отмѣтить того факта, что отрицаніе долга и упорное молчаніе отвѣтчика въ томъ случаѣ, если истецъ не представляетъ доказательствъ, встрѣчается на Волостномъ судѣ крайне рѣдко. „На 100 такихъ случаевъ говоритъ г. Скоробогатый, придется не болѣе 10 случаевъ отрицанія долга“ ⁴⁾).

„Долгъ взыскивается часто и безъ доказательствъ, показывали крестьяне одной волости Харьковской губ., ибо честные люди никогда не отказываются отъ своихъ долговъ“. Въ уголовныхъ дѣлахъ признаніе въ совершенномъ проступкѣ также служитъ полнымъ доказательствомъ и ведетъ часто за собой смягченіе наказанія. Вотъ, одно изъ рѣшеній Ставровской волости Владимірскаго уѣзда по дѣлу о кражѣ. Волостной судъ постановилъ, „что, хотя бы и слѣдовало подвергнуть виновнаго въ кражѣ строгому наказанію, но, принимая во вниманіе чистосер-

¹⁾ II, 109 № 67.

²⁾ II, 73 №15; 72 № 4 и мн. друг.

³⁾ II, 188 № 81, 181 № 38, 39 № 7, 371 № 4, 465 № 3 и друг.

⁴⁾ Юр. В. 1883, II стр. 242.

дечное раскаяніе его въ содѣянномъ проступкѣ, подвергнуть его аресту на 7 дней“ вмѣсто обычнаго наказанія розгами ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ самому важному и наиболѣе употребительному способу доказательства на волостномъ судѣ, именно къ *показаніямъ свидѣтелей*.

Изъ опросовъ крестьянъ и изъ рѣшеній волостныхъ судовъ видно, что свидѣтельскія показанія составляютъ наиболѣе вѣское доказательство, къ которому прибѣгаютъ, какъ въ уголовныхъ дѣлахъ, такъ и въ гражданскихъ искахъ. Гдѣ въ развитомъ гражданскомъ оборотѣ за доказательство совершенной сдѣлки принимаются исключительно письменные документы, тамъ, на волостномъ судѣ, очень часто опираются только на показанія свидѣтелей. Изъ самаго бѣлаго обзора рѣшеній волостныхъ судовъ можно замѣтить, что взысканіе долга производится въ большинствѣ случаевъ на основаніи такого доказательства ²⁾. „Свидѣтелями, говорятъ крестьяне, можно доказывать всякое дѣло; даже долгъ взыщется, если удостовѣрятъ они“. Обычай заключенія договора займа передъ свидѣтелями и доказательство его показаніями послѣднихъ на судѣ принадлежитъ къ числу очень древнихъ. Мы находимъ его еще въ эпоху Русской Правды ³⁾.

Значеніе свидѣтелей на народномъ судѣ по настоящее время еще такъ велико, что имъ дается очень часто даже предпочтеніе передъ другими доказательствами и, въ особенности, передъ письменными документами. Причина этого очевидно — неграмотность нашего простаго народа.

(Когда мы будемъ говорить о письменныхъ документахъ, мы постараемся подробнѣе выяснитъ то взаимное

¹⁾ II, 57 № 3; 55 № 4 и др.

²⁾ II, 186 № 71, 393 № 7, 39 № 15 и мн. друг

³⁾ Ст. 44. Кар.

отношеніе, которое существуетъ между ними и свидѣтельскими показаніями).

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, кто можетъ быть свидѣтелемъ по воззрѣніямъ крестьянъ? Точныхъ указаній о возрастѣ свидѣтелей мы не имѣемъ. Извѣстны какъ такіе случаи, когда волостной судъ принималъ показанія маленькихъ дѣтей, равно какъ и такіе, когда онъ не давалъ вѣры свидѣтелю, потому что ему было 70 лѣтъ ¹⁾.

Болѣе точныя указанія мы имѣемъ относительно допущенія или недопущенія къ свидѣтельству человѣка, состоящаго въ родствѣ съ одной изъ сторонъ. Въ большинствѣ волостей Московской губ. свидѣтели устраняются по родству, кумовству, свойству или враждѣ ²⁾. Но иногда судъ не прибѣгаетъ къ отводу такихъ -свидѣтелей: „имъ не вѣрятъ, даже если они и не устранены“ ³⁾. Такъ въ одной изъ волостей Московской губ. судъ, нашедши, что свидѣтели—всѣ родственники и всѣ изъ одного дома, не могъ допустить полнаго вѣроятія въ ихъ показанія ⁴⁾. Но есть мѣстности, гдѣ родство не служитъ препятствіемъ къ принятію показаній. На Дону, напр., принимаются показанія отца за и противъ дѣтей, братьевъ, супруговъ, дѣтей за и противъ родителей ⁵⁾.

Особенно большое вниманіе судьи—крестьяне обращаютъ на нравственное достоинство свидѣтелей. „Людымъ худымъ судъ не вѣритъ“ ⁶⁾. Иногда, какъ напр., въ Кіевской губ., если свидѣтель только одинъ, ему вѣрятъ въ томъ только случаѣ, если онъ человѣкъ хо-

1) VI, 385. (Приведено у Птицына стр. 106.

2) II, 92, 111, 134, 429, 440, 470 и др.

3) II, 406, 429.

4) II, 13 № 86.

5) Михаилъ Харузинъ, *ibid.*

6) II, 429.

рошій ¹⁾. Въ этомъ особенно ясно проглядываетъ характерная черта нашего народного суда — примѣнять рѣшеніе къ особенностямъ каждаго индивидуальнаго случая, извѣстный принципъ—судить „глядя по человѣку“.—Это же начало устраняетъ на крестьянскомъ судѣ возможность существованія формальныхъ доказательствъ. Определеннаго числа свидѣтелей не требуется. Случаи, когда показаніе считается достовѣрнымъ, если оно дано, по крайней мѣрѣ, 2-мя или 3-мя свидѣтелями, крайне рѣдки. Извѣстенъ напр. даже такой случай, что волостной судъ приговорилъ обидчика къ 3-хъ рублевому штрафу въ пользу истца „по уваженію къ тому, что у отвѣтчика 3, а у истца 4 свидѣтеля“ ²⁾. Но подобные факты крайне рѣдки и число ихъ слишкомъ мало, чтобы можно было сдѣлать на основаніи ихъ какой либо выводъ о формальныхъ доказательствахъ въ крестьянскомъ процессѣ.

Относительно способа допроса свидѣтелей слѣдуетъ замѣтить, что они допрашиваются поодиночкѣ или всѣ вмѣстѣ, и притомъ въ однѣхъ мѣстностяхъ въ присутствіи сторонъ, въ другихъ же наоборотъ. (Въ Московской и Владимірской губ. въ большинствѣ случаевъ допросъ происходитъ при сторонахъ. Изъ 15 вол., о которыхъ имѣются свѣдѣнія по этому вопросу, только въ 3-хъ истецъ и отвѣтчикъ должны удалиться при опросѣ свидѣтельскихъ показаній). Подобной мѣрой волостные судьи стараются, безъ сомнѣнія, предотвратить неприязнь, которая можетъ возникнуть между одной изъ сторонъ и свидѣтелями, если они будутъ показывать противъ нея. Но случаи такого удаленія сторонъ, какъ мы видѣли, сравнительно рѣдки. Напротивъ, гораздо чаще свидѣтели принимаютъ дѣятельное, живое участіе въ судоговореніи. Извѣстно, что они

¹⁾ Пахманъ стр. 414.

²⁾ VI. 389.—23 Ноября.

вставляютъ свои замѣчанія при дачѣ показаній, вступаютъ часто въ споръ съ истцомъ или отвѣтчикомъ. Вслѣдствіе этого допросъ свидѣтелей, по замѣчанію г. Скоробогатаго, представляетъ иногда не совсѣмъ привлекательную картину: среди шума и крика непривычному человѣку разобратъся бываетъ довольно трудно. Но не смотря на это опросъ свидѣтелей въ присутствіи тяжущихся имѣетъ свою выгодную сторону, такъ какъ препирательства, возникающія между тѣми и другими, обыкновенно не мало содѣйствуютъ выясненію обстоятельствъ дѣла. Допрашиваются свидѣтели не всегда на судѣ. Очень часто допросъ производится на мѣстѣ волостнымъ старшиной или сельскимъ старостой, которые потомъ передаютъ судьямъ на словахъ или на письмѣ, что показали свидѣтели, причемъ эти послѣдніе обыкновенно въ судѣ вторично не вызываются, такъ какъ „нѣтъ надобности ихъ вновь разспрашивать“¹⁾. Свидѣтели обыкновенно не присягаютъ. Понятно, что при отсутствіи формализма въ нашемъ крестьянскомъ процессѣ и при указанномъ уже нами требованіи, чтобы свидѣтель былъ человѣкъ хорошей, формальная присяга eo ipso дѣлается излишней. Но, чтобы болѣе или менѣе обезпечить достовѣрность показаній свидѣтелей, судьи ограничиваются большей частью напоминаніемъ имъ показывать „всю правду“²⁾ „передъ Богомъ“³⁾, иногда же заставляютъ ихъ „перекреститься на Спасителя“⁴⁾. Но и послѣднее, какъ это видно изъ словъ крестьянъ, не считается ими присягой.

Въ случаѣ неявки на судѣ свидѣтели обыкновенно подвергаются денежному штрафу или аресту⁵⁾. Размѣръ

¹⁾ II, 412, 429, 458 и др. II, 470.

²⁾ II, 463.

³⁾ II, 64.

⁴⁾ II, 70. („Допрашиваются свидѣтели безъ присяги, но имъ говорятъ, чтобы они перекрестились на Спасителя“).

⁵⁾ II, 2, 23, 25 и проч.

штрафа опредѣляется „глядя по человѣку“¹⁾; иногда же онъ колеблется между 25 коп. и 1 руб. Есть впрочемъ мѣстности, гдѣ за неявку никакого наказанія не полагается (напр. въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Мстерской волости²⁾).

На свидѣтельство крестьяне смотрятъ, какъ на обоюдную услугу и потому, въ большинствѣ случаевъ, свидѣтели вознагражденія отъ тяжущихся не получаютъ. Такъ, изъ всѣхъ 54 обслѣдованныхъ волостей Московской и Владимірской губ., только въ 5 полагается имъ вознагражденіе на счетъ виновнаго за потерю времени. Вознаграждаются они, если только сами этого потребуютъ, и обыкновенно въ размѣрѣ деннаго заработка³⁾. Но и требованіе это предъявляется, по видимому, не особенно часто. Такъ, въ одной волости Вязниковскаго уѣзда крестьяне заявили, что не случилось, чтобы свидѣтели требовали себѣ вознагражденія⁴⁾. Причина этого, очевидно, — указанное воззрѣніе крестьянъ на свидѣтельствованіе, какъ на обоюдную услугу.

„Свидѣтели являются охотно, другъ друга поощряютъ, говорятъ крестьяне, а то и по ихъ дѣламъ станешь выставлять просителя свидѣтелемъ, а онъ не явится“⁵⁾.

При разнорѣчій показаній, а также въ случаѣ отсутствія свидѣтелей, судьи часто обращаются къ показаніямъ сосѣдей и околныхъ людей⁶⁾.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію третьяго способа доказательства — письменныхъ документовъ. Не смотря на то, что эти послѣдніе составляютъ въ глазахъ кре-

¹⁾ II, 28. 31.

²⁾ II, 46.

³⁾ II, 59, 92, 375, 381, 382.

⁴⁾ II, 46.

⁵⁾ *Челурный*. Волости. юстиц. Тамбовской губ.

⁶⁾ II, 228, 283: 52.

стьянъ очень важное доказательство, однако, сравнительно съ свидѣтельскими показаніями, они встрѣчаются гораздо рѣже, что и понятно при незначительныхъ еще успѣхахъ грамотности среди крестьянъ ¹⁾).

Что касается формальной стороны письменныхъ документовъ, то слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно они считаются безспорными, если засвидѣтельствованы въ волостномъ правленіи ²⁾ или сельскимъ старостой ³⁾; если же эта формальность не соблюдена, то необходимо, чтобы свидѣтели удостовѣрили подлинность документа въ случаѣ его спорности ⁴⁾. (Замѣтимъ однако, что въ числѣ рѣшеній Бронницкаго уѣзда есть такое, по которому волостной судъ не призналъ дѣйствительной росписку, хотя и удостовѣренную свидѣтелями, единственно потому, что она была совершена безъ вѣдома старосты) ⁵⁾.—Подписи за неграмотныхъ имѣютъ силу, если только онѣ не отрицаются лицомъ, противъ котораго предъявляется росписка ⁶⁾, или подтверждаются свидѣтелями. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и относительно крестовъ, замѣняющихъ собой подписи ⁷⁾. Но есть мѣстности, гдѣ росписки, снабженныя крестами вмѣсто подписей, не составляютъ доказательства: „такъ писать всякій сумѣетъ“,—говорятъ крестьяне ⁸⁾.

Вотъ все, что можно сказать относительно внѣшней, формальной стороны письменныхъ документовъ. — Теперь представляется вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ ихъ доказательная сила къ доказательной силѣ свидѣтелей?

1) II, 128, 389, 463.

2) II, 429, 440, 452.

3) II, 459.

4) II, 459.

5) II, 423 № 88.

6) II, 2, 41, 134, 433 № 9.

7) II, 463, 470.

8) II, 31.

Сказать опредѣленно, какой изъ этихъ 2-хъ видовъ доказательства имѣеть бѣльшую силу на волостномъ судѣ, при неполнотѣ существующихъ свѣдѣній, не представляется возможнымъ. — Есть мѣстности, гдѣ крестьяне считаютъ свидѣтельскія показанія важнѣйшимъ росписокъ, въ другихъ наоборотъ, послѣднимъ отдается предпочтеніе. Такъ, въ Зюзинской вол. Московскаго у. по заявленію крестьянъ, „если одна сторона представляетъ письменное доказательство, а другая свидѣтелей, то документъ считается поважнѣй“¹⁾.

Въ другой волости того-же уѣзда документы считаются „самымъ вѣрнымъ доказательствомъ“²⁾. Равно какъ и въ Подольскомъ у. (Молодинской волости) „въ долговыхъ дѣлахъ свидѣтельскія показанія силы не имѣютъ“³⁾. Въ Дмитровскомъ же уѣздѣ, наоборотъ, „судьи всего болѣе обращаютъ вниманіе на показанія свидѣтелей“⁴⁾. Наконецъ, въ одной изъ волостей Харьковской губ. документы принимаются, если только нѣтъ другихъ доказательствъ⁵⁾.

Уже эти немногіе факты, (всѣ факты, имѣющіеся у меня, я считаю лишнимъ приводить) показываютъ, что, то свидѣтелямъ отдается предпочтеніе передъ письменными документами, то этимъ послѣднимъ передъ свидѣтельскими показаніями; это и не позволяетъ дать опредѣленный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. — Одной изъ причинъ такого неопредѣленнаго воззрѣнія на значеніе письменныхъ доказательствъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что документы, вслѣдствіе неграмотности нашего деревенскаго населенія составляютъ еще сравнительно новый способъ доказательства, еще не вполне выработанный практикой народнаго суда.

¹⁾ II, 92.

²⁾ II, 142.

³⁾ II, 385.

⁴⁾ II, 487.

⁵⁾ IV, 280.

Невыработанность эта видна, между прочимъ, какъ изъ того, что дѣйствительность долговыхъ росписокъ ставится иногда въ зависимость отъ показаній свидѣтелей, какъ напримѣръ, въ одной волости Коломенскаго у. ¹⁾), такъ, наконецъ, и изъ того, что въ однѣхъ мѣстностяхъ необходима явка документа у волостнаго начальства, въ другихъ же (напр. въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ на Дону ²⁾) это вовсе не требуется.

Намъ осталось разсмотрѣть послѣдній изъ намѣченныхъ способовъ доказательства — *присягу* или божбу, какъ ее называютъ крестьяне.

Хотя въ большинствѣ волостей, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, присяга принимается за доказательство, но къ ней прибѣгаютъ только съ согласія сторонъ, она носитъ чисто договорный характеръ. Подобная форма присяги, какъ извѣстно, допускается и нашимъ законодательствомъ. Случаи же, когда она принимается за доказательство по предложенію судей крайне рѣдки. Такъ, напр. изъ всѣхъ изслѣдованныхъ комиссіей волостей Московской и Владимірской губ., только въ 3-хъ присяга является самостоятельнымъ способомъ доказательства. Въ Шуйскомъ у. напр., „Божба допускается въ томъ случаѣ, *когда нѣтъ другихъ доказательствъ*“ ³⁾). Въ другой волости „если отвѣтчикъ или истецъ крестъ на себя положить, принимая грѣхъ на душу, то это составляетъ уже полное доказательство для волостнаго суда“ ⁴⁾). Обыкновенно это бываетъ при разногласіи свидѣтельскихъ показаній и невозможности добиться истины; тогда сторонамъ предлагается побожиться передъ образомъ ⁵⁾). Подобныя же свѣдѣнія мы имѣемъ напр. и относительно Приволж-

¹⁾ II, 479.

²⁾ См. Михайль *Харузинъ*—Каз. Общ. стр. 323.

³⁾ II, 25.

⁴⁾ II, 31.

⁵⁾ II, 163.

ской вол. Костромскаго уѣзда ¹⁾ „Въ сомнительныхъ случаяхъ, говорили тамъ крестьяне, дѣло рѣшается божбою „кто побожится, тотъ и правъ“. „(Отмѣтимъ здѣсь одну любопытную черту. Въ Ростовскомъ у. хотя и допускается, по словамъ крестьянъ, отдача на душу или присяга, однако преимущественно между женщинами“ ²⁾).

Но всѣ подобные случаи сравнительно рѣдки. Въ большинствѣ же мѣстностей, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, присяга, какъ доказательство, вовсе недопускается или же носитъ договорный характеръ. Такъ, въ большинствѣ волостей Московской губ. божбѣ не вѣрять ³⁾, въ другихъ же судьи прямо запрещаютъ божиться ⁴⁾. — Относительно договорной присяги слѣдуетъ замѣтить, что она примѣняется, когда стороны хотятъ кончить ею дѣло. Истецъ говоритъ обыкновенно отвѣтчику: „побожись, такъ я тебя прощаю“, и если затѣмъ отвѣтчикъ побожится, то дѣло считается оконченнымъ ⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Саратовской губ. для рѣшенія дѣла договорной присягой, кромѣ такого обоюднаго согласія на это сторонъ, требуется еще отсутствіе другихъ доказательствъ ⁶⁾.

Нельзя однако не замѣтить, что и этому послѣднему роду присяги не придается крестьянами часто никакого значенія. Иной разъ, по ихъ словамъ, бываетъ, что оба божатся и на образъ крестятся, какъ ихъ тогда разобратъ ⁷⁾. — Но даже и тамъ, гдѣ допускается присяга на волостномъ судѣ божиться можетъ не всякій, а

¹⁾ III, 309.

²⁾ III, 243.

³⁾ II, 459, 463 и пр.

⁴⁾ II, 501.

⁵⁾ II, 60.

⁶⁾ VI. 407. 418.

⁷⁾ I, 14.

только „человѣкъ хорошій“ ¹⁾. Слѣдовательно правило судить глядя по человѣку имѣеть и здѣсь полную силу.

Относительно внѣшней, обрядовой стороны присяги мы не имѣемъ достаточно матеріала. (Въ Трудахъ комиссіи о волостныхъ судахъ даже нѣтъ совсѣмъ свѣдѣній по этому вопросу). Тяжущимся не воспрещается, конечно, подкрѣплять свои показанія обыкновенными, общераспространенными въ народѣ способами божбы или клятвы (напр. „лопни глаза“, „на себѣ креста не видать“ и т. п.), но, какъ показывали крестьяне одной волости Шуйскаго у., такая божба „въ резонъ не принимается“ ²⁾. Есть однако, такъ называемыя, тяжкія клятвы, которымъ народъ придаетъ особое значеніе, напр., клятва своими дѣтьми у Донскихъ казаковъ или въ Саратовской губ. — По свидѣтельству г. Харузина „если человѣкъ уже началъ такимъ образомъ клясться, то и судьи вѣрятъ ему“ ³⁾.

Къ одной изъ самыхъ древнихъ клятвъ принадлежитъ клятва посредствомъ дерна при поземельныхъ спорахъ. Она совершается такимъ образомъ. Присягающій вырѣзываетъ кусокъ дерна, держитъ его надъ головой и говоритъ, что если спорный участокъ не принадлежитъ ему, „то пусть сама родная земля прикроетъ его на вѣки“ ⁴⁾ *). Болѣе употребительной клятвой является, такъ называемая, „снятіе иконы“, особенно въ дѣлахъ между родными или близкими сосѣдями напр. въ Пермской губ. ⁵⁾, Нижегородской ⁶⁾, въ землѣ Войска

¹⁾ II, 440. 452. (См. также *За рудн. зак. и жизнь* стр. 153).

²⁾ II, 31.

³⁾ Казац. Общ. стр. 325.

⁴⁾ *Макаровъ* Тр. О. И. и Д. Р. 1828, кн. I, стр. 197.

⁵⁾ *Примѣчаніе*: При спорахъ о межѣ присягающій, взявъ кусокъ дерна на голову, проходитъ по межѣ, которую онъ считаетъ правильной. Клятва при помощи дерна, какъ извѣстно, замѣнилась клятвой при посредствѣ иконы: такъ въ спорахъ о межѣ на голову возлагается не кусокъ дерна а икона.

Примѣч. ред.

⁶⁾ *Успенскій*. Пермскій сборн. 1859, т. I, стр. 39.

⁶⁾ *Борисовскій*. Нижегородскій сборн. 1870, т. III, стр. 218.

Донскаго ¹⁾.—Мы не имѣемъ свѣдѣній, употребляются ли эти виды присяги и другіе подобные имъ на волостныхъ судахъ; по крайней мѣрѣ въ Трудахъ комиссії объ этомъ ничего не говорится.

Наиболѣе распространеннымъ видомъ присяги на волостныхъ судахъ, какъ это видно изъ опросовъ крестьянъ, является божба передъ образомъ: „кто перекрестится передъ образомъ съ того уже нельзя ничего болѣе искать“ ²⁾.

Мы указали раньше на нѣкоторыя мѣстности, гдѣ божбѣ или присягѣ не придается большаго значенія, гдѣ ей не вѣрятъ. Утверждать положительно на основаніи только приведенныхъ фактовъ, что присяга въ настоящее время представляетъ вымирающій способъ доказательства и распространять этотъ выводъ на всѣ остальныя мѣстности Россіи,—не представляется, конечно, возможнымъ. Но съ другой стороны само существованіе подобныхъ фактовъ можетъ уже дать поводъ къ постановкѣ вопроса, не представляетъ ли присяга дѣйствительно вымирающаго доказательства въ крестьянскомъ процессѣ. Отвѣтить на этотъ вопросъ можно, разумѣется, опираясь только на гораздо большее количество фактовъ чѣмъ то, которое мы имѣли въ виду.

А. Шанте.

¹⁾ *Михаиль Харузинъ*. 327.

Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губерніи Елатомскаго уѣзда.

Большинствомъ ученыхъ специалистовъ по обычному русскому праву рѣзкими чертами проведены въ жизни крестьянина два начала: начало патріархальное и начало экономическое. Какъ продуктъ глубокой древности, начало патріархальное до сихъ поръ еще отражается на остаткахъ родового быта и упорно борется съ началомъ экономическимъ. Какъ сельскій житель я имѣлъ случай лично наблюдать этотъ интересный процессъ борьбы и провѣрить его на одномъ изъ глухихъ, но въ тоже время, типичныхъ уголковъ Тамбовской губ.—Елатомскомъ уѣздѣ. Болѣе рѣзкой и прозрачной стала эта борьба лишь за послѣднія 10, 12 лѣтъ. Какъ ни упорны и живучи патріархальныя формы жизни, какъ ни слабо поступательное движеніе крестьянъ,—успѣхъ борьбы однако слишкомъ замѣтно клонится на сторону экономическаго начала. Устарѣлыя социальныя основы родового быта разбиваются о свѣжіе жизненные принципы трудового начала и уступаютъ мѣсто новымъ, болѣе содержательнымъ формамъ жизни. Въ сферѣ имущественныхъ отношеній болѣе всего замѣтно это явленіе, значительно менѣе — въ сферѣ личныхъ семейныхъ отношеній. Но и тутъ уцѣлѣла главнымъ образомъ форма, а менѣе всего содержаніе. Лучшій выразитель патріархальнаго начала — задруга (съ ея безусловнымъ обезличеніемъ и отсутствіемъ индивидуализаціи), теперь разложилась на естественныя свои

единицы—малыя семьи, съ новымъ, болѣе или менѣе самостоятельнымъ характеромъ членовъ. Экономическій строй этой семьи оказалъ парализующее вліяніе на традиціонные взгляды, нещадно поломалъ старыя отношенія. Женщина поднялась изъ своего рабскаго приращеннаго состоянія, смѣло заявила о правахъ своихъ и глава семейства, прежде—гордый старѣйшина и безусловный повелитель рода, уступилъ теперь ея требованіямъ и началъ дѣлиться верховными правами. Для одной личности не стало физической возможности воплотить тѣ атрибуты власти, которые давили семью при родовомъ устройствѣ. Каждый работникъ въ семьѣ сталъ работникомъ съ извѣстной долей права и осязательной силы. Но чья власть удивительно возрасла—тихо, незамѣтно подъ шумъ переменъ отношеній—это власть матери. Она отвоевала не только долю юридической свободы, но заставила подѣлиться мужа и верховными правами родительскими ¹⁾. Въ полѣ она—работникъ, бокъ-о-бокъ съ мужемъ и вѣрный совѣтникъ его по дѣламъ хозяйства; придетъ домой—она мать, осязательный центръ семейства. А куда какъ сложна ея задача въ семьѣ! На ней лежитъ главная нравственная отвѣтственность за нее. Отецъ здѣсь глава развѣ юридически и располагаетъ только физической силой. Пожаловалась мать на сына—онъ побьетъ его, не пожаловалась—и слова худого не скажетъ. А что касается дочерей—тутъ ужъ совсѣмъ не воленъ отецъ. Забота, „глазъ“ за ними и вся будущая судьба ихъ почти всецѣло лежитъ на матери. Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пеньки, Савра—Мамышева и др.) мать удержала власть и надъ сыновьями. Сынъ тамъ, до 30, 35 ти лѣтъ приблизительно, не выходитъ изъ-подъ ея власти. За малѣй-

¹⁾ Явленіе это объясняется не однимъ экономическимъ началомъ въ организациі малой семьи, но и другими, чисто мѣстными пожалу причинами, о коихъ будетъ сказано ниже.

;) III, 307. Костромской у.

шую обиду она приказываетъ братьямъ или отцу связать его и сама расправляется съ виновнымъ. Нѣтъ семейной поддержки — обращаются къ сходу, и мирской приговоръ всегда на сторонѣ матери.

И такъ, нравственная отвѣтственность въ семьѣ за дѣтей лежитъ главнымъ образомъ на матери. Нечего и говорить, что обязанности ея увеличиваются, по мѣрѣ того, какъ подростаютъ дочери и сыновья. Обязанность ея тѣмъ труднѣе, что она двоится между сухими, холодными требованіями отца и голосомъ души ея, всегда преисполненной любви къ дѣтямъ. Отъ отца ждутъ дѣти только работы, да грознаго слова, — отъ матери — ласки и удовольствій. Отецъ только приказываетъ, а мать является вѣрнымъ и точнымъ исполнителемъ ихъ собственныхъ желаній. Все еще держась за традиціи прежней власти главы семьи, отецъ потерялъ съ новымъ началомъ всякую юридическую почву, и никакъ не можетъ занять устойчиваго положенія, отыскать точку опоры для опредѣленной власти въ семьѣ. Онъ не понимаетъ новыхъ отношеній къ дѣтямъ, не понимаетъ отношеній къ женѣ, а между тѣмъ свѣжи въ памяти традиціи и, не имѣя другихъ средствъ, онъ старается осуществить ихъ голыми приказаніями, тономъ повелителя, инициатора.

Къ порѣ физической зрѣлости дѣтей обязанность матери еще болѣе увеличивается. Самый характеръ ея становится строже, опредѣленнѣе. Судьей матери является тутъ не одинъ отецъ, а цѣлое общество. До сихъ поръ она „вспаивала - вскармливала“ дѣтей, теперь нужно выводить этихъ дѣтей въ люди, чтобъ семьѣ позору не было и „на улицѣ“ не смѣялись. А дѣти все чаще и чаще уходятъ съ глазъ матери. Пробуждается интересъ (хотя бы духовнаго) полового общенія и нѣтъ силъ противостоять ему. Въ каждой деревушкѣ организуются съ этой цѣлью „по сидѣлки“, куда собираются дѣвушки подъ предлогомъ скромныхъ

вечернихъ занятій, а парни—потѣхи ради. Крайній возрастъ молодыхъ людей того и другого пола 10 и 20 лѣтъ, средній—16—18. Время проводится очень шумно; нескромныя остроты и шутки сыплются одинаково обильно какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Игры носятъ дикій характеръ. О какихъ нибудь „горѣлкахъ“ тутъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Парни даже не войдутъ никогда скромно на посидѣлки. Тихо собираются они обыкновенно кругомъ избы и разомъ врываются потомъ чрезъ двери и окна; тушатъ свѣчи и бросаются, кто на кого попалъ. Пискъ дѣвушекъ заглушается хохотомъ ребятъ; затѣмъ все оканчивается миромъ; обиженный полъ вознаграждается скудными гостинцами. Дѣвушки садятся за донца, но постоянныя объятія и пожиманія мѣшаютъ работамъ. Завязывается ссора; обѣ стороны вступаютъ въ состязаніе и обычные побѣдители—ребята утаскиваютъ, каждый свою жертву: кто на полаты, кто надворь, кто въ сѣнцы. Игры, повторяю, носятъ характеръ дикій; въ основѣ ихъ лежитъ чувство полового общенія и чувство это слишкомъ обнаруживается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи молодыхъ людей. Взглянуть постороннему глазу на эту грубую картину сельской жизни—и легко составить себѣ неправильный взглядъ на нравственность крестьянина. Какъ и въ многихъ другихъ случаяхъ, невѣжество повліяло здѣсь на одну форму, не касаясь содержанія.

Случаи преступной связи здѣсь рѣдки. Религія и опытъ выработали для крестьянина самый строгій взглядъ на нравственность дѣвушки и жестоко караютъ виновниковъ ея потери. Правила эти держатся не одними стариками, они строго соблюдаются и молодымъ поколѣніемъ; послѣднее само ставитъ себя въ такія отношенія другъ съ другомъ, что преступленія прежде всего сдерживаются личной совѣстью cadaго.

Мы уже сказали, что средній возрастъ на посидѣл-

кахъ 16—18 лѣтъ, — возрастъ, наиболѣе совпадающій съ порой зрѣлости, когда молодые люди подумываютъ о женихахъ и невѣстахъ. У каждаго парня въ посидѣлкахъ есть своя „суженая“, почти каждая дѣвушка „держитъ на мысляхъ“ своего „милаго“, излюбленнаго. И парочки эти ревниво смотрятъ другъ за другомъ, ревниво оберегаютъ свои отношенія отъ вмѣшательства третьяго лица. Каждый парень знаетъ, кому изъ товарищей „люба“ извѣстная дѣвушка и не посмѣетъ обидѣть ее; тутъ сдерживаетъ его не одна боязнь расправы товарищей, не одна дружба съ ними, а нѣчто другое, болѣе сильное и дѣйствительное. Это „сильное“ есть суровый крестьянскій обычай, по которому „губитель дѣвичей красоты“ (невинности) навсегда лишается права жениться на другой *дѣвушкѣ*. Обычай этотъ, изстари установившійся, до сихъ поръ твердо стоитъ среди крестьянъ и караетъ виновныхъ жестоко. Довольно слуховъ, что молодые люди „любилась“ и что парень *бросилъ* дѣвушку; бросилъ ли онъ ее, добившись своихъ преступныхъ цѣлей или по чему другому — обычай никогда не осведомляется, опираясь на одни слухи. Слабой стороной его нерѣдко пользуются раздосадованныя матушки и дочери, и распускаютъ подобные слухи и тѣмъ навсегда изгоняютъ бѣдняка изъ дѣвичьяго общества. Какъ строгъ обычай къ парнямъ, такъ немилостивъ онъ и къ дѣвушкамъ. Замѣтили въ посидѣлкахъ, что какая либо дѣвушка любитъ „бросаться отъ одного на другого“, — мигомъ прослыветъ она „заблудящей“ и потеряетъ въ глазахъ молодежи все свое обаянiе; сами подружки отъ нея сторонятся, а ребята только смѣются, да подшучиваютъ. Полюбить такую „заблудящую“ совѣстно передъ товарищами, а жениться — стыдъ передъ родителями, зазоръ передъ миромъ. Нечего и говорить о тѣхъ, которые далско заходятъ въ отношенiяхъ къ парню; не возьметъ её онъ — не возьметъ и никто въ деревнѣ; даже вдовецъ побрезгуетъ

такой дѣвушкой: она и мать плохая будетъ и хозяйка ненадежная. Отъ дѣвушекъ обычай требуетъ даже больше, чѣмъ отъ парней; точнѣе, онъ болѣе строгъ, болѣе взыскателенъ къ нимъ. При тѣхъ близкихъ, тѣсныхъ отношеніяхъ, какія бываютъ на посидѣлкахъ, отъ дѣвушки требуется много выдержки и разсудительности,—иначе не завидна будетъ ея доля. Даже отказъ женихамъ роняетъ ее въ глазахъ общества; „кто бракуетъ—тотъ гордъ, а гордую жену ни отецъ, ни мать не потерпитъ, да и сестры не влюбятъ“. Такъ судятъ между собой разборчивые женихи, прислушиваясь къ голосу родителей.

Мы просмотрѣли вкратцѣ ходъ совмѣстной жизни молодежи и видѣли, что, въ періодъ физической зрѣлости, она почти всецѣло сосредоточена на посидѣлкахъ. Здѣсь дѣвушки присматриваются къ парнямъ; парни выбираютъ по сердцу дѣвушекъ: разглядываютъ ихъ характеръ и физическія достоинства; понравились другъ другу—сходятся, не понравились—сторонятся. Мнѣ казалось необходимымъ остановиться на посидѣлкахъ въ виду того прямаго отношенія, которое имѣютъ онѣ къ браку. Самые обряды, коими сопровождается бракъ, станутъ послѣ этого немного яснѣе и понятнѣе.

Прежде чѣмъ приступить къ предмету нашей статьи постараемся отвѣтить на вопросъ какимъ образомъ *сходятся* брачующіяся стороны: отцы и дѣти. На вторую половину вопроса мы почти отвѣтили, постараемся отвѣтить и на первую. При описаніи посидѣлокъ само собою можетъ возникнуть вопросъ, не обусловливается ли воля родителей желаніемъ дѣтей, тѣмъ или другимъ влияніемъ ихъ и воздѣйствіемъ? *Отчасти* да. Мнѣ хотѣлось бы отвѣтить категорически, но пока я не могу этого сдѣлать: юридически до сихъ поръ нѣтъ удѣтей активной роли въ бракахъ: она существуетъ только *отчасти*, фактически. Объяснюсь точнѣе. Въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ до сихъ поръ еще живетъ и

дѣйствуетъ въ вопросѣ о бракахъ принципъ невмѣшательства дѣтей въ распоряженіе ихъ судьбою. Для недалеяго прошлаго это можно было утверждать *абсолютно* — теперь не то. Не разъ приводилось слышать мнѣ отъ знакомыхъ мужиковъ, какъ вѣнчали ихъ, бывало, (лѣтъ 10, 12 назадъ) съ „незнамой“ дѣвушкой, подсовывали кривыхъ, больныхъ и уродовъ. Теперь другое дѣло: и „хитрѣй сталъ молодой народъ: съ немилой и на канатѣ не введешь ихъ въ церковь“. Нельзя еще сказать, чтобъ молодое поколѣніе „вершило“ свои браки, не спрашивая воли родительской, но это время *близко*. Все болѣе и болѣе захватываетъ себѣ право сельская молодежь, а въ дѣлахъ брака особенно падаетъ авторитетъ родительскій. Сознательно или не сознательно, а старики уступаютъ тутъ молодежи, благосклоннѣе относятся къ ея личнымъ стремленіямъ и желаніямъ. Возьму одно изъ типичныхъ явленій, гдѣ проглядываетъ (фактически) активная роль жениха и невѣсты. Если выберетъ себѣ парень дѣвушку, сойдутся другъ съ другомъ, они сначала стараются воздѣйствовать на матушекъ (эти рѣдко проявляютъ серьезную оппозицію), а ужъ чрезъ этихъ послѣднихъ и на суровыхъ отцовъ своихъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло оканчивается побѣдой молодежи; но случается и такъ, что родители изъ одного упорства не соглашаются на бракъ дѣтей; отказываютъ въ благословеніи, а въ крайнемъ случаѣ грозятъ проклятіемъ за неисполненіе ихъ воли. Послѣдняя мѣра самая страшная и дѣйствительная; рѣдко прибѣгаютъ къ ней родители, еще рѣже случаи, когда бы устояли противъ нея дѣти. Дѣти жертвуютъ тутъ лучшими чувствами, готовы отказаться отъ всего дорогого въ мірѣ, лишь бы не вызвать жестокаго приговора; „проклятыхъ дѣтей счастье бѣжить: ихъ и земля ¹⁾

¹⁾ Между матерью родной и матерью—сырой землей въ понятіи крестьянина существуетъ какая то связь; отказываюсь объяснить,—какая именно. Думаю, что основаніемъ здѣсь—общность идей пло-

не принимаетъ“—говорить объ нихъ глубоко-религіозное убѣжденіе. Случаи эти, повторяю, слишкомъ рѣдки: къ мѣрамъ проклятiя прибѣгають только матери: за отцами не признается этого права. Благословеніе— и то не въ одинаковой мѣрѣ, сильно со стороны отца и матери: „материнское благословеніе отъ дурного человѣка спасаетъ, отъ вражей силы избавляетъ“¹⁾. Зачастую приходилось мнѣ слышать тутъ споры между отцомъ и матерью; нѣкоторыя женщины основываютъ свою силу на апокрифическихъ сказанiяхъ, а большинство прибѣгаетъ къ болѣе простымъ и дѣйствительнымъ доказательствамъ: мы-де въ страданiяхъ производили дѣтей, своею грудью кормили ихъ, въ постоянныхъ *заботахъ* растили,—а, стало быть, и болѣе власти имѣемъ надъ ними. Какъ бы то ни было, а фактъ на лицо: дѣти крѣпко убѣждены въ силѣ материнскаго проклятiя и благословенiя; за отцомъ же первой силы совсѣмъ не признають, а благословеніе съ его стороны гораздо менѣе уважають. Поступательное движеніе молодежи обусловливается прежде всего отхожими промыслами; эти послѣдніе развивають мужика умственно, за то возвращають физически и нравственно. Женщина до сихъ поръ нераздѣльна съ домашнимъ очагомъ своимъ. Она отстала отъ мужчины въ умственномъ развитiи, за то крѣпче держится за старыя принципы. Она выше его въ нравственномъ отношенiи и за послѣднее время все болѣе и болѣе сознаетъ за собой это достоинство. Сильная реакція эта не скрылась, разумѣется, и отъ дѣтей. Черезъ каждые три двора встрѣтите вы теперь гуляку въ почтенной главѣ семейства и въ каждомъ семействѣ

дотворной силы. Отсюда проклятыя *матерью* скорѣе не принимаются *землей*, чѣмъ проклятыя отцомъ, лишеннымъ плодотворной силы.

¹⁾ Изъ апокрифическихъ сказанiй (кои въ самыхъ ужаснѣйшихъ редакціяхъ водятся по нашимъ селамъ) крестьяне почерпнули преданіе о томъ, какъ *Матерь Божія* надѣлила всѣхъ матерей земныхъ благотворной силой благословенiя и губительной силой проклятiя.

противоположный ему лагерь трезвых: мать въ главѣ дѣтей своихъ. Мать и дѣти здѣсь столько же близки другъ къ другу, сколь далеки отъ главы семейства. Самые интересы ихъ разобщаются: отецъ несетъ изъ дому, а дѣти въ домъ. Тутъ не только чувство уваженія и страха — чувство любви подчасъ теряется въ дѣтяхъ; на мать переносится весь почетъ и уваженіе, ей начинаетъ принадлежать инициатива дѣлъ и всѣ привилегіи главы семейства ¹⁾. Само собою разумѣется, что паденію авторитета отцовскаго не мало способствовали и общія причины — естественныя, такъ сказать, разница въ отношеніяхъ къ отцу и матери. Матеріальная связь, точнѣе зависимость, скорѣе замѣчается въ отношеніяхъ къ отцу. Въ отношеніяхъ къ матери рельефнѣе выдвигается связь духовная. Отношенія эти болѣе святы для дѣтей, они болѣе дорожатъ ими, болѣе страшатся попортить или оскорбить ихъ. Матеріальная связь между отцомъ и дѣтьми держалась безспорно крѣпче *до* начала отхожихъ промысловъ. Подушный надѣлъ крестьянъ все уменьшается; отцы семействъ видятъ, что одной сохой не прокормишь семейства и шлютъ дѣтей на заработки. Съ развитіемъ отхожихъ промысловъ развивается и новая сила у дѣтей; въ среднемъ она равна уже теперь половинной силѣ родителя, а иногда и превышаетъ ее. — Было время, вздыхаютъ старики, когда дѣтки во всемъ покорствовали, да прошло; теперь ужъ изъ ихъ рукъ смотри, ихъ приказанія слушай.

Мы прослѣдили бѣгло переменны въ семейныхъ от-

1) Жена называла прежде мужа „отцомъ“ (хотя бы въ присутствіи дѣтей), въ настоящее время это встрѣчается рѣже и рѣже теперь она зоветъ его по имени: Оелока, Ванька, Гришка... Здѣсь видно сильно упавшее чувство уваженія къ мужу со стороны жены. Называя мужа отцомъ, она какъ бы *выдвляла* его прежде изъ всего семейства, его одного считала главой, а себя и дѣтей — только покорными членами семьи.

ношеніяхъ, видѣли постепенный упадокъ родительскаго авторитета и усиленіе власти дѣтей, теперь легче отвѣтить на вопросъ: какъ сходятся отцы брачущихся сторонъ. Официально сватовство всегда ведется родителями сторонъ: одна дѣлаетъ запросъ, другая даетъ тотъ или другой отвѣтъ на него; женихъ съ невѣстой какъ бы не существуютъ: они только предметы сдѣлокъ; для совершенія самихъ сдѣлокъ они еще „глупы“, „неразумны“. Въ большинствѣ случаевъ дѣти и не гонятся за этимъ: они напередъ знаютъ, какъ устроится судьба ихъ и не особенно беспокоятся за нее.

Сватовство бываетъ двухъ главныхъ видовъ, сообразно тому, кто ведетъ его: родители *жениха* или родители *невѣсты*; хоть и рѣдко, но все же бываетъ такъ, что родители невѣсты (не имѣя сыновей напр.) сами начинаютъ сватовство, желая „принять во дворъ“ будущаго зятя. Другой видъ—самый обыкновенный и заурядный, когда невѣста идетъ въ домъ жениха. И тамъ, и тутъ наружная сторона дѣла не измѣняется, за то существенно измѣняется характеръ сватовства: онъ всецѣло зависитъ отъ той или другой доли участія, которую принимаютъ отцы и дѣти брачущихся сторонъ. Идетъ женихъ „во-дворъ“, онъ безусловно имѣетъ рѣшающій голосъ въ семьѣ, *самъ* почти и *договаривается* рука объ руку съ матерью; за то невѣста его теряетъ долю активной роли: „не въ чужіе люди отдастъ ее отецъ съ матерью: будетъ жить она *по-прежнему*—такъ нечего ее и спрашивать, нечего потакать ей слезамъ дѣвичьимъ“. Беретъ женихъ невѣсту въ домъ отца—тутъ ужъ онъ не обладаетъ тѣмъ полномочіемъ, какъ въ первомъ случаѣ. Новый человекъ принимается въ семью; хорошъ-ли онъ, плохъ-ли, это живой интересъ цѣлой семьи жениха, гдѣ онъ—только одинъ изъ членовъ, гдѣ есть родители, которые прежде всѣхъ должны блюсти общій интересъ. Оказались они (родители) слабы или податливы, тогда, за общій интересъ семьи,

вступится одинъ изъ братьевъ жениха и, подь угрозой раздѣла, не позволитъ ввести нежеланную „молодицу“. Мы предположили два вида сватовства, но такое дѣленіе оказалось бы слишкомъ грубымъ, слишкомъ нецеремоннымъ для тѣхъ всевозможныхъ отгѣнковъ и разновидностей его, которыя существуютъ на самомъ дѣлѣ. Мы указали только на главные виды; эти виды имѣютъ свои подраздѣленія и развѣтвленія. Чтобъ не вдаваться въ мелочи и скучный разборъ ихъ, мы укажемъ только на главныя, опредѣляющія условія. Дѣло въ томъ, что характеръ сватовства, со всѣми его отгѣнками, всецѣло ставится въ зависимость отъ состава семей и ихъ матеріальныхъ отношеній. Сойдись бѣдный женихъ съ богатой невѣстой или наоборотъ, тутъ ужъ менѣе простора для ихъ активной роли: богатые родители не захотятъ породниться съ бѣдными влияніе молодежи оказывается въ большинствѣ случаевъ незначительнымъ. Много значить и составъ семьи той и другой стороны; будь семья жениха большая — туда ужъ съ меньшей охотой идетъ невѣста и сами родители рѣдко насилуютъ ея волю въ такихъ случаяхъ: „тамъ тьма-тьмуца золочокъ со снохами: онѣ поѣдомъ съѣдятъ меня, горемычную“, вопить дѣвушка — и родители внимаютъ ея голосу: зачастую отказываютъ жениху. Подобный составъ семьи (со множествомъ снохъ и сестеръ) нерѣдко бываетъ причиной того, что женихъ рѣшается оставить родительскій домъ и идти „во-дворъ“ къ невѣстѣ: и „жизнь не въ жизнь будетъ ему, какъ съ женой стануть грызться сестры, да снохи его“. Отъ семейнаго и матеріальнаго положенія сторонъ вполне зависитъ то обстоятельство, кому принадлежитъ инициатива брака: отцу, матери, жениху (невѣстѣ) или остальнымъ членамъ семьи; кому изъ нихъ будетъ принадлежать инициатива брака — тому и опредѣляющее влияніе на характеръ сватовства. Сообразно этимъ 4-мъ случаямъ распадутся и виды сватовства. Самый обык-

новенный изъ нихъ тотъ, гдѣ инициатива принадлежитъ матери. Въ большинствѣ случаевъ она первая поднимаетъ вопросъ о бракѣ дѣтей, первая и разрѣшаетъ его такъ или иначе. Для этого она и сильнѣе, и компетентнѣе всѣхъ въ семействѣ. Она наперечетъ знаетъ всѣхъ невѣстъ по деревнѣ, знакома почти съ каждой родословной; и всегда найдетъ причину забраковать чужимъ выборомъ. Мы уже говорили, что самыя отношенія ея къ дѣтямъ слишкомъ тѣсны, слишкомъ близки, что-бы не отвести ей больше права и вліянія надъ ними. Крестьяне давно привыкли къ этому, давно привыкли отчислять сватовство къ разряду „бабьихъ дѣлъ“ и рѣдко врываются въ ихъ компетенцію. Болѣе или менѣе однообразный матеріальный бытъ крестьянъ успѣлъ повліять на развитіе существенныхъ сторонъ брака. Тутъ нѣтъ причинъ заботиться главнымъ образомъ о матеріальной сторонѣ дѣла: „выкупъ“ за невѣсту и скудное приданое ея установлено обычаемъ: сдѣлокъ тутъ почти никакихъ не требуется. Рельефнѣе выступаютъ тутъ наоборотъ чисто нравственныя, духовныя стороны, и забота о нихъ лежитъ на той же матери. Она ближе ко всему этому не по однимъ только „бабьимъ“ познаніямъ, а потому что она выше мужчины въ нравственномъ отношеніи, болѣе развита его эстетически. Многое говорить вообще за инициативу матери въ дѣлѣ браковъ: можно указать и на мотивы чисто практическіе. Домашній трудъ лежитъ, главнымъ образомъ, на женщинѣ; одновременно съ этимъ занимается она полевыми работами, не отстаетъ отъ „мужика“ и въ луговой уборкѣ сѣна. Все это требуетъ большой затраты силъ, и лишняя женщина въ семьѣ никогда не мѣшаетъ крестьянину. Недостатокъ этотъ сильнѣе всего ощущается хозяйкой дома и, какъ только подрастаетъ сынъ, она начинаетъ ужъ наводить его на вопросъ о женитьбѣ, склоняетъ къ этому мужа и прочихъ чле-

новъ семьи ¹⁾). Практическіе доводы ея въ такихъ случаяхъ сильнѣе всякихъ нравственныхъ доводовъ и, всегда почти, уважаются семейными. Второй видъ сватовства болѣе древній—это тотъ, когда всѣ сдѣлки учиняются исключительно между родителями. Отецъ невѣсты не просватываетъ, а „пропиваетъ“, какъ говорятъ, дочерей своихъ. И въ самомъ дѣлѣ: сдѣлки происходятъ тутъ обыкновенно по кабакамъ или шинкамъ а результаты ихъ зависятъ болѣе отъ дружбы стариковъ, чѣмъ (не говоря уже о *самомъ* чувствѣ дѣтей) отъ *ихъ* сочувствія къ дѣтямъ ²⁾). Есть, положимъ, „всякіе отцы“: „дѣло вершатъ“ иногда лучше самихъ матерей,—но это ужъ будетъ исключеніе, а мы имѣемъ въ виду только типичныя явленія. Третій видъ сватовства, снаружи почти незамѣтный и блѣдный формами,—это тотъ, который обуславливается инициативой дѣтей. Въ существѣ дѣла онъ чаще всѣхъ и тѣмъ дѣйствительнѣе, что совпадаетъ всегда съ первымъ видомъ, гдѣ инициатива—говорили мы—принадлежитъ матери. Мнѣ хотѣлось бы даже оговориться здѣсь, — назвать вообще вліяніе матери при бракахъ просто только юридическимъ, а за дѣтьми, въ томъ и другомъ (1-мъ и 3-мъ) случаѣ, признать практическую силу. Суть въ томъ, что мать рѣдко представляетъ тутъ серьезное препятствіе для дѣтей, рѣдко бываетъ открытымъ врагомъ ихъ желаній и вкусовъ; она, правда, часто противорѣчитъ имъ, добрыхъ сто разъ поругается съ ними до дня помолвки, но, въ концѣ концовъ, всетаки согласится, а мужу порой не

1) Если живъ дѣдъ въ семьѣ брачущагося, отецъ этого послѣдняго спрашиваетъ у него совѣта: дать согласіе дѣдъ — и отецъ дать не прочь, не дастъ — противъ его воли идти не ладно.

2) Въ Пенькахъ, Жуковкѣ и др. захолустныхъ селахъ Елат. уѣз., такое явленіе — самое обыкновенное и заурядное. Въ деревняхъ близкихъ къ городу или къ селеніямъ однодворцевъ, отцы встрѣчаютъ наоборотъ серьезную оппозицію со стороны дѣтей, и время ужъ успѣло научить ихъ уступать дѣтямъ.

подасть и вида въ своемъ неудовольствіи. Къ силѣ дѣтей, выходить, тутъ присоединяется сила матери, а такой надежный союзъ всегда выигрываетъ въ семьѣ. Что касается 4-го вида сватовства, когда бракъ происходитъ въ интересахъ *цѣлой* семьи, — тутъ говорить много не приходится: явленіе это и рѣдко, и слишкомъ блѣдно, чтобъ заинтересовать наблюдателя.

Таковы виды сватовства, которые чаще всего встрѣчались мнѣ и показались наиболѣе типичными.

Читатель поинтересуется, можетъ быть, узнать, какими соображеніями руководятся крестьяне при выборѣ невѣсты. Вкусы у нихъ болѣе или менѣе однообразны. Женихи ищутъ живыхъ, сильныхъ дѣвушекъ, чтобъ бровь была черная, грудь высокая, лицо „кровь съ молокомъ“! Въ умъ и характеръ они рѣдко вглядываются: все основываютъ на наслѣдственности: хороши мать съ отцомъ—стало-быть, и дочка ихъ съ хорошими задатками, а разбирать эти задатки „добру-молодцу не пристало“. 1) Нравственные цѣли, повторяю, рѣдко преслѣдуетъ женихъ: всѣ его требованія въ этомъ случаѣ сводятся къ тому, чтобъ невѣста была „смирна“. Слово это, положимъ, употребляетъ крестьянинъ въ самомъ широкомъ смыслѣ; сюда входитъ и понятіе покорности и здраваго разсудка и самой наконецъ добродѣтели смиренія. Женихъ съ своими вкусами, а мать его—съ своими; ему бы только красоту дѣвичью, а ей—побольше нравственныхъ достоинствъ: чтобъ не попалась въ снохи какое нибудь „веретено“, 2) „сорока пустая“ 3) иль

1) Здѣсь, какъ нельзя болѣе, сквозятъ остатки родового быта, когда, при бракахъ своихъ членовъ, семья глядѣла только народъ, совершенно игнорируя отдѣльную личность: „что родъ то и племя“, „хорошъ родъ, хорошо будетъ и отродье“

2) Веретено, вертопрахъ—неустойчивый въ нравственномъ отношеніи; противоположное качество—нерасхожій разумъ.

3) „Сорока пустая“,—пустомеля, человекъ, любящій много болтать. Отъ невѣсты требуется больше молчанія это лучшее выраженіе женской скромности.

„непочетница“, а была бы „покорна да податлива; была-бъ охоча до дѣтей маленькихъ, могла бѣ утѣшить на старости свекровь свою богоданную“. Отецъ жениха рѣдко предъявляетъ свои требованія отъ будущей снохи. — „Не мнѣ съ ней жить, не мнѣ съ ней вѣкъ вѣковать“ — такова ихъ обычная отговорка въ этомъ случаѣ. Иногда впрочемъ высказываютъ и они свои вкусы. Вкусы эти въ общихъ чертахъ сходны со вкусами свекрови, развѣ только погрубѣе и не такъ требовательны. Больше же всего пріятно имъ видѣть въ снохахъ рослыхъ и сильныхъ женщинъ; „чтобъ на всякую работу годилась: и щи вкусны варила и траву рядомъ съ мужемъ косила“. Въ этомъ ихъ гордость и слава передъ остальными свекрами на селѣ. Значительно строже другихъ къ невѣстѣ будущія золовки ея: сестры и невѣстки жениха. Онѣ всегда требуютъ отъ нея такое множество добродѣтелей, которыхъ едва-ли совмѣщаль въ себѣ и самый совершеннѣйшій человѣкъ въ мірѣ. И добродѣтель и пороки — одинаково должны уживаться въ ней, если хочетъ „молодая“ прійтись по вкусу золовкамъ. Что бы ни „на стряпали“ онѣ въ отсутствіе „мужиковъ“, — должна молчать, сдѣлали какое либо упущеніе „по домашности“ — пополняй этотъ хозяйственный пробѣлъ, а жаловаться не моги: иначе будутъ звать наушницей, подхалимомъ. О мужьяхъ ихъ должна собирать всякія свѣдѣнія и немедленно доносить обо всемъ; но попрекать тутъ чѣмъ нибудь, — Боже ее упаси! Глаза всѣ повыцарапаютъ, волосы повыдерутъ. Болѣе трезвыя требованія въ данномъ случаѣ сводятся къ тому, чтобъ „молодая“ была не горда, не заносчива, дружно жила бы только съ ними, въ одинаковой ненависти къ свекрови (свекровь и снохи рѣдко живутъ между собою въ согласіи); вмѣстѣ бы ее обманывала, за-одно проводила. Таковы требованія къ невѣстамъ 4-хъ главныхъ членовъ семьи, обладающихъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ инициативой брака. Но

крестьянскія дѣвушки обладаютъ подчасъ замѣчательной выдержкой: легко могутъ обмануться тутъ въ своихъ расчетахъ и золовки, и свекрови. Дѣвушки рано угадываютъ жениховъ своихъ и коль полюбится парень, — понравится его родственникамъ пустое дѣло! Вся сила вліянія на дѣтей въ порѣ зрѣлости какъ мы сказали, всецѣло переносится на мать. Она, главнымъ образомъ, наводитъ дѣтей на мысль о бракѣ, внушаетъ глубину и святость этого таинства, толкуетъ о его необходимости въ жизни; руководитъ иногда выборами ихъ, вліяетъ на тѣ или другіе вкусы. Началось сватовство—она главное официальное лицо въ немъ, и дѣйствуетъ какъ лучшій повѣренный интересовъ жениха или невѣсты. Поладить дѣло—тутъ только вздохнетъ немного счастливая мать: отведетъ душу на вечерахъ у свата. Канунъ и день брака опять полны трудовъ и заботъ: надо ублажать дѣвокъ, ежеминутно утѣшать „горемычную“ дочку, „снаряжать“ и „отпускать“ ее къ „суду Божию“. Обрядовая сторона лежитъ на тѣхъ же матеряхъ: онѣ слѣдятъ за ходомъ ихъ и строго смотрятъ, что бы не произошло какихъ либо упущеній и пробѣловъ въ ритуалѣ: тогда не будетъ ужъ такой „талики“ сынку или дочкѣ ея. Всѣмъ руководитъ тутъ, повторяю, мать: свахи и дружки только помощники ея;—самъ супругъ подчасъ—простое орудіе ея воли.

Приступимъ теперь къ описанію свадьбы. Свадьбы въ нашей мѣстности двухъ типовъ: свадьба собственно крестьянская и однодворская. Тамъ, гдѣ живутъ тѣ или другіе отдѣльнымъ поселеніемъ — обряды ихъ чище, строже сохранили свою физиогномію и понятнѣе для наблюдателя. Тамъ, гдѣ однодворцы мѣшаются съ крестьянами или живутъ близко другъ къ другу—въ обрядахъ, какъ и во всемъ складѣ жизни ихъ, оказывается взаимодействіе: каждый перенимаетъ у другого то, что болѣе нравится ему, болѣе приходится по вкусу и совпадаетъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ.

Богатый крестъ янинъ отталкиваетъ свои обычаи и идетъ за нимать ихъ у однодворца; бѣдный однодворецъ часто не гонится за своими; все ставитъ на крестьянскую ногу: такъ будетъ проще и дешевле. Одновременно съ тѣмъ какъ богатые мужики брали смѣлость присватываться къ „политичнымъ“ однодворцамъ, бѣднѣйшіе изъ этихъ послѣднихъ перестали гнущаться предложеніями первыхъ. Такіе смѣшанные браки стали замѣтны въ нашей мѣстности лишь 7, 10 лѣтъ назадъ и особенно повліяли на смѣшеніе обрядовъ. Явленіе это нѣсколько затрудняетъ изслѣдователя, затемняетъ для него истинное происхожденіе тѣхъ или другихъ обычаевъ. Нужно знать хотя бы одну изъ группъ населеній, — чтобы отдѣлить отъ формъ ея жизни все чужое и наносное. Я, лично, мало знакомъ съ однодворцами, мало видѣлъ цѣльной эту группу населенія и не рѣшаюсь поэтому распространяться объ ихъ обрядахъ. (У насъ, наприм., въ Саверкахъ однодворцы живутъ вмѣстѣ съ обѣднѣвшими барскими семьями, много переняли отъ нихъ обычаевъ цѣной утраты своихъ собственныхъ.)

Сколько я знаю, однодворцевъ Елатомскаго уѣзда можно раздѣлить на слѣдующія группы: или они подходятъ къ городскому населенію (мѣщанамъ), или уподобляются крестьянамъ, или, наконецъ, представляютъ нѣчто среднее между тѣми и другими. Въ основѣ лежитъ вообще смѣсь разныхъ элементовъ—отсюда и смѣсь обычаевъ. Это даетъ мнѣ поводъ заключить, что бытъ населенія однодворцевъ вообще—крайне безъинтересный предметъ для изученія.

Такъ будемъ говорить лучше о средѣ чисто-крестьянской. Тутъ мужикъ крѣпче держится за традиціи, бережнѣе обходится съ завѣтомъ старины и сохраняетъ иногда въ цѣлости самые исконные русскіе обычаи.

Говоря о свадебныхъ обрядахъ, мы *напередъ условимся имѣть въ виду свадьбы только крестьянскія*. На бракъ крестья-

янинъ смотритъ съ трехъ точекъ зрѣнія: съ религіозной нравственной и матеріальной; на каждую обращаетъ серьезное вниманіе. Слабѣе, сравнительно, дѣйствуютъ здѣсь взгляды религіозные. Бракъ—главное условіе порядочности человѣка, его матеріальнаго благосостоянія и вѣса въ обществѣ. Не женятся въ селахъ только физическіе и нравственные уроды, да „забубенныя головы“, кои „завертятся“ смолоду, забудутъ страхъ Божій и наставленія родительскія. Такихъ людей презираютъ въ обществѣ и клеймятъ самыми позорными именами; ни дѣвка, ни баба не упустятъ случая посмѣяться надъ нимъ. Прозываютъ вѣкоушей, вслухъ выражаютъ свои догадки о физическомъ уродствѣ. Такіе строгіе взгляды на безбрачіе обусловливаются экономическимъ бытомъ крестьянъ. Каждый изъ нихъ живетъ подушнымъ надѣломъ; чѣмъ больше у него дѣтей, тѣмъ больше земли и шире хозяйство. Кто не женился — тотъ становится въ неопредѣленныя отношенія къ обществу. Это не только не подойдетъ подъ складъ обычной жизни крестьянина, а прямо идетъ въ разрѣзъ съ нимъ; подрываетъ самыя принципы организациі сельской общины, какъ-то рѣзко и непріятно диссонируетъ съ ними. Мужикъ привыкъ видѣть въ мужикѣ прежде всего домовитаго человѣка, живущаго своимъ домомъ и семействомъ. Разъ онъ не видитъ этого—онъ за трудняется даже назвать по-имени такое явленіе: до того непривычно-рѣзко рябитъ оно въ глазахъ его.

Экономическія невыгоды безбрачія сдѣлали его почти невозможнымъ въ глазахъ крестьянина; онъ не можетъ представить себѣ холостой жизни земледѣльца. „Въ нашемъ быту, говоритъ онъ, безъ бабы никакъ невозможно: хозяйства порядкомъ не заведешь, домъ пойдетъ прахомъ, чего добраго и самъ завертишься; да и какая то жизнь: сиди весь вѣкъ бобылемъ; никто тебѣ привѣтнаго слова не скажетъ, никто не присмотритъ на старости лѣтъ, а умрешь—и похоронитъ некому

будетъ!“ Такова самодѣльная философія крестьянина. Среди другихъ мотивовъ тутъ слышится и желаніе чисто нравственной, духовной поддержки жены; безъ этой надежной подруги онъ боится вступить на жизненный путь свой, труситъ одиночества.

Браки въ селахъ совершаются въ очень раннемъ возрастѣ; рѣдко-рѣдко встрѣтишь невѣсту за 20, а жениха за 25 лѣтъ; сильный, полный здоровья и свѣжести крестьянинъ менѣе всего стѣсняется возрастомъ. Въ 15 лѣтъ дѣвушка „заневѣстилась“ — смѣло засылай къ ней сватовъ, а чрезъ годъ честнымъ пиркомъ и за свадебку. Парню тоже не резонъ засиживаться; погулялъ лѣтъ до 18 и довольно: время „законъ принять“, своей семейкой обзаводиться; не все ему за отцовской шеей жить, пора самому „за разумъ“ браться, снимать со старины заботы по хозяйству. У насъ нигдѣ не дождаются даже узаконеннаго возраста, и, не смотря на увѣщанія, одолѣваютъ священниковъ просьбами о ходатайствѣ. На каждые 5 браковъ обыкновенныхъ всегда придется 1 бракъ не разрѣшенный, когда невѣстѣ или жениху не хватаетъ полгода до установленнаго возраста. Сватовство происходитъ обыкновенно за годъ и за полгода; иногда впрочемъ и раньше — года за 1½, 2, если боятся упустить хорошаго жениха или невѣсту. Сватовство такое рѣдко бываетъ официальнымъ и происходитъ все больше келейно, между одними родителями. Сойдутся хорошо два семейства, подберется добрая парочка молодыхъ людей — вотъ и „пошабашутъ“ дѣло взаимнымъ обѣщаніемъ породниться. Обѣщаніе держится крѣпко, оно нерушимо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ обѣднѣетъ или потерпитъ другое какое несчастіе. „Грѣшно будетъ нарушить слово, хоть люди его не слышали, за то свидѣтелемъ Богъ: Онъ можетъ покарать гордыхъ родителей „не дать талики дѣтямъ“. Такіе сговоры особенно развиты въ сосѣднихъ намъ селахъ: Питалинѣ, и Мочалахъ.

Тамъ сватанье происходитъ открыто. Всѣмъ становится извѣстнымъ, что такого-то двора 14 лѣтняя дѣвочка сговорена за такого-то 15 лѣтняго мальчика. Сзывается кругъ родныхъ невѣсты, тутъ и произносятся вслухъ взаимныя обѣщанія сторонъ. Никто этому особенно не удивляется: всѣ считаютъ ихъ съ этихъ поръ близкими семействами, а мальчугана съ дѣвочкой—женихомъ съ невѣстой. Сравнительно дольше удержался тамъ этотъ обычай потому, что въ составъ населенія вошли полу-земледѣльческіе и полуремесленные крестьяне. Они живѣе ощущаютъ практической интересъ связей и всегда спѣшатъ предупредить сватовство къ богатымъ родителямъ. Подтверждается это тѣмъ, что наряду съ такимъ раннимъ сватовствомъ частенько бываютъ тамъ и поздніе браки: явленіе обратное, но причины его тѣ же самыя—практическіе виды родителей. Не представляется выгоднаго брака—нечего и спѣшить имъ: надо выждать болѣе благопріятнаго случая. Въ Мочалахъ и Питалинѣ—передавали мнѣ—не такъ еще давно (лѣтъ 15, 20) происходили и самыя ранніе браки. Возрастъ брачующихся не превышалъ иногда 12, 13 лѣтъ. На этотъ счетъ сохранилось много разказовъ: какъ живетъ молодая чета, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ родителямъ той и другой стороны и т. п.. Молодая сохраняетъ почти прежнюю связь съ своимъ домомъ: ей носятъ куколь, ублажаютъ гостинцами, мать даже ночуетъ постоянно у дочки въ сватыномъ домѣ. Женихъ въ свою очередь сохраняетъ старыя отношенія къ отцу; никакихъ новыхъ правъ съ женитьбой онъ не приобретаетъ; родители все также треплютъ его за уши, не поцеремонятся наказать и розгой за крупную шалость. Невѣсты они рѣдко касаются: *при ней своя мать*—столь же строгая и нецеремонная. Молодые сначала дичатся другъ друга, плачутъ даже первое время и живутъ страшными врагами. Потомъ мало по малу сходятся какъ дѣти: бѣгаютъ, играютъ вмѣстѣ. Въ зажи-

точныхъ семьяхъ къ нимъ приставлялась какая нибудь дальняя родственница—старушка; она была всегда неотлучна при молодой парочкѣ: затѣваетъ для нихъ игры, рассказываетъ сказки, миритъ при ссорахъ, разнимаетъ въ дракахъ. День молодые рѣзвятся — вечеромъ идутъ спать, каждый въ свою половину: молодая съ матерью (или со старушкой), женихъ съ своими родителями. Годикъ-другой ихъ разъединяютъ,—не кладутъ въ одной комнатѣ. Потомъ мало-по-малу начинаютъ снимать контроль старшихъ: старушка чаще и чаще оставляетъ ихъ однихъ; родители стараются быть къ нимъ благо-склоннѣе: постепенно разъясняютъ имъ супружескія отношенія, стараются отвлечь отъ дѣтскихъ игръ и забавъ. Мать жениха внушаетъ своему сыну; мать невѣсты учить уму-разуму свое дѣтище. Когда доходило до щекотливыхъ вопросовъ — дѣло поручалось всегдашнему посреднику молодыхъ — старушкѣ. Что касается отношенія возрастовъ молодыхъ, то, въ большинствѣ разсказовъ на этотъ счетъ, выдается одинъ любопытный фактъ; отношенія эти какъ разъ обратны теперешнимъ. Невѣста бывала обыкновенно и развитѣе и старше жениха; за 13 лѣтняго мальчика часто выходила 16 и 17 лѣтняя дѣвушка. До сихъ поръ сохранились шутливые разсказы о томъ, какъ молодая жена носила въ передникѣ своего маленькаго супруга, отбивала отъ уличныхъ мальчишекъ и т. п. Не знаютъ только, что сказать объ ихъ отношеніяхъ: такъ же ли скромно слѣдятъ за молодыми старшіе: приставляютъ-ли къ нимъ разныхъ старушекъ или предоставляютъ имъ полную свободу, — сразу допускаютъ супружескія отношенія. По духу разсказовъ скорѣе можно склониться къ послѣднему; гарантія для родителей—достаточно зрѣлости одного изъ супруговъ, чтобъ не беспокоиться особенно за ихъ отношенія. Слабый контроль тутъ можетъ быть и существовалъ, но онъ все же не измѣнялъ самого характера отношенія (такихъ супруговъ)... Не много

прошлое тѣхъ поръ, а далеко ушло время и для крестьянина. Теперь такіе браки живутъ только въ разсказахъ, слышатся въ шутивныхъ бесѣдахъ о причудливой старушкѣ. Не нужна крестьянину переступившая время зрѣлость, плохая невѣста для него и слабая „глупенькая дѣвочка, не успѣвшая собраться съ умомъ-разумомъ“ раскинуться силками. Она и работница плохая будетъ и жена ненадежная. „Изъ подъ вѣнца прямо въ хомутъ должна быть готова молодая, а не даромъ ѣсть хлѣбъ у свекра, служить одной потѣхой мужниной“. Земледѣльцу не надо мѣшкать женитьбою, и слѣдъ и спѣшить ею особенно; нечего бояться упустить ту или другую невѣсту; достатки у всѣхъ почти одинаковые; невѣсты богатыхъ на селѣ не водятся; упускать жениху тутъ, стало-быть, нечего. Придетъ время найдутся и родители честные и дѣвка добрая: „не занимать-стать этого добра на селѣ“. Пошелъ парню 19-й годъ, тогда приспѣло время, надо свахъ засылать. Невѣсты рѣдко бываютъ старше 18, 19-ти лѣтъ, чаще всего 16-ти, 17-ти, иногда даже 15½; въ 20 лѣтъ дѣвушкой начинаютъ браковать: есть стало-быть недостатки, коль цѣлыхъ 4 года „сидитъ въ дѣвкахъ“; а переступить еще два года, тогда и калачомъ не заманешь парня: зазорно будетъ жениться на „перестаркѣ“, стыдъ на селѣ показаться съ ней. Незавидна бываетъ доля этихъ перестарокъ, хотя лѣтъ до 26—7-ми у нихъ не отнимается еще надежда выйти замужъ; на этотъ случай есть другіе женихи, въ свою очередь забракованные невѣстами. Сюда относятся парни плохаго рода, разорившихся семействъ, слабые здоровьемъ или крайне безнравственные, прослывшіе на селѣ за „непутящихъ“. Такіе молодцы живутъ холостыми иногда до 28 и 30 лѣтъ и всегда готовы жениться на перестаркѣ. Есть и другой исходъ для перестарокъ — пойти за вдоваго. Эти уже навѣрняка не откажутся, за честь почтутъ жениться на дѣвушкѣ; но перестарки

бракують больше такими женихами; помимо другихъ причинъ тутъ мѣшаютъ дѣвушкамъ нѣкоторыя предубѣжденія, суевѣрія даже если хотите. Введу маленькое объясненіе. Случаи смертности въ молодыхъ годахъ болѣе чѣмъ рѣдки среди крестьянъ. Смерть привыкъ видѣть мужикъ только въ старости: „похитить“ человѣка въ молодости она можетъ только по особому насланію Божьему — въ какихъ нибудь несчастныхъ случаяхъ. Если ничего подобнаго нѣтъ и человѣкъ, въ полномъ разцвѣтѣ силъ, умираетъ отъ невидимыхъ причинъ, крестьянинъ видитъ тутъ что-то „неладное“, „недоброе“. Онъ менѣе всего склоненъ объяснить дѣло физиологически и ищетъ тутъ присутствіе чего-то сверхъестественнаго, „вражьяго“; дѣло происходитъ не какъ „изволенно“ Божеству, а только по Его „пущенію“: работаетъ тутъ одна злая сила. Сила эта дѣйствуетъ или непосредственно въ лицѣ разныхъ домовыхъ и кикиморъ или чрезъ злыхъ, подвластныхъ ей, людей. Люди эти колдуны, обладающіе *известными* ¹⁾ волшебными чарами, могущіе призывать къ себѣ самихъ злыхъ духовъ въ случаѣ надобности. Этой-то силѣ въ разныхъ проявленіяхъ ея приписываетъ крестьянинъ тѣ или другіе случаи смертности въ молодыхъ годахъ въ „недоброе“. Если умерла невѣста въ семействѣ, родители оплакиваютъ тутъ двойное горе: потерю дочери и потерю стараго положенія въ обществѣ: на селѣ навѣрно пойдутъ всевозможные слухи и розсказни касательно несчастнаго семейства; тутъ услышите вы всевозможныя предположенія: и касательно „порчи“ покойной, и о „гнилости“ рода, предрасположенности его къ недугамъ и т. п. Остались сестры или братья покойной, — можно быть увѣреннымъ, что ни одна сваха не заглянетъ къ нимъ, не переступить порогъ злосчастнаго дома. Если дѣвушка вышла замужъ и чрезъ годъ,

1) Всѣми чарами обладаетъ только „самъ“.

другой неизвѣстно отчего умерла—простора для суевѣрій еще больше. Чего только не наболтаютъ тутъ досужія бабы въ объясненіе такой быстрой смерти молодой! Однѣ говорятъ: не ко двору пришлась, — до-
мовой задушилъ ¹⁾; другія во всемъ обвиняютъ супруга: мужъ не чистъ ²⁾,—онъ свель въ гробъ молодицу. Изъ боязни поминать лихомъ покойника большинство скло-
няется на сторону тѣхъ, кои видятъ корень зла въ мужѣ; всѣ наперерывъ стараются обвинять его и разно-
сятъ по селу ужаснѣйшіе слухи: будто по ночамъ онъ страдалъ падучей, бѣсновался съ пѣной у рта, привя-
зывалъ жену къ кровати, запиралъ въ подполь и т. п. Для пушлага эффекта всѣ эти басни подкрѣпляютъ ино-
гда обильными фактами, и не безъ успѣха; всѣ охотно вѣрятъ этимъ розказнямъ и, въ свою очередь, пере-
даютъ ихъ другимъ съ необходимыми дополненіями. Личность вдовца получаетъ такимъ образомъ подозри-
тельный оттѣнокъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣвушки всегда брезгуютъ подобными женихами. Луч-
ше остаться въ дѣвкахъ, чѣмъ занять мѣсто покойной молодой: первую жену замучилъ—замучить и вторую. Вдовцы рѣдко и присватываются къ дѣвушкамъ, осо-
бенно когда остались дѣти отъ первой жены: плохія онѣ матери чужимъ дѣтямъ. Въ 30, 35 лѣтъ бездѣтный вдовецъ рѣдко и женится: помимо другихъ грустныхъ мотивовъ, тутъ сдерживаетъ его извѣстное предубѣж-
деніе противъ святости 2-го брака. На 1-й бракъ крестьянинъ смотритъ какъ на глубокое таинство, какъ на освященную основу предсупружеской жизни; наруши-
лась эта основа, со смертью жены—такъ, стало-быть, самому Господу было угодно, надо терпѣть несчастье и нести крестъ, указанный самимъ Провидѣніемъ. Пы-

¹⁾ Есть повѣрье, что людей и животныхъ „не ко двору“ домовой душитъ и всячески мучитъ по ночамъ.

²⁾ Духовно и физически.

тается человекъ создать новую основу семейной жизни— этимъ онъ только доказываетъ свою слабость, робость передъ несчастьемъ; церковь соединить его новыми узами, но бракъ этотъ будетъ не отъ *Бога*, а отъ людей; не будетъ безусловно освященъ Его Святою Волей; Богъ только „попускаетъ“ этотъ „людской“ бракъ ради слабости человеческой. Онъ отнималъ жену не для того, чтобъ дать другую, а ради того, чтобы несчастьемъ искупить грѣхи живого супруга, или испытать его. Только въ 1-мъ бракѣ видитъ онъ прямую волю Бога, во 2-мъ одно Его „попущеніе“, въ 3-мъ совсѣмъ какъ бы отрицаетъ присутствіе святости, называетъ его бракомъ „отъ черта“. Оговорюсь нѣсколько; онъ не то чтобы отрицаетъ святое (церковный обрядъ онъ не можетъ не признавать), а видитъ тутъ человека еще болѣе слабымъ, болѣе грѣшнымъ предъ Богомъ. Смертью второй жены Господь какъ бы напоминаетъ ему о томъ пути, который раньше еще назначенъ ему Провидѣніемъ; если и тутъ онъ явится послушникомъ, поддастся страстямъ своимъ, — онъ служитъ скорѣе врагу рода человеческого и самый бракъ называется бракомъ отъ черта. Изъ этого религіознаго предубѣжденія крестьянина само собой вытекаютъ взгляды его на счастье въ бракѣ. Въ 1-мъ бракѣ, какъ въ изволеніи Божіемъ, онъ видитъ и главный залогъ счастья; во 2-мъ бракѣ онъ совсѣмъ не видитъ дара свыше и самое большее, что предполагаетъ въ немъ, это достиженіе практическихъ цѣлей; въ 3-мъ бракѣ отрицается и это послѣднее; имъ безусловно выражается служеніе страстямъ и дьяволу (о счастьѣ говорить тутъ не мѣсто). Религіозное предубѣжденіе хотя и живетъ среди крестьянъ, но сдерживаетъ ихъ развѣ отчасти только. Мужикъ не признаетъ святости 2-го и 3-го брака только тогда, когда не отыскиваетъ въ душѣ ничего кромѣ одной страсти; если же и тамъ и тутъ преслѣдуется практическая цѣль—тогда бракъ является дѣломъ жи-

тейской необходимости и грѣха тутъ никакого особеннаго не будетъ. Практическая необходимость можетъ явиться напр., когда останутся дѣти отъ 1-й и 2-й жены; мужику надо работать, ему не время нянчиться съ ними: обзавестись „бабой“ первое дѣло въ его положеніи. Другое дѣло бездѣтный вдовецъ; для него нѣтъ уважительной причины къ браку; онъ если и женится, то развѣ для потѣхи собственной: это будетъ грѣшно, тутъ ужъ врагъ попуталъ человѣка. Отсюда понятно, почему избѣгаютъ вдовцы присватываться къ дѣвушкамъ: въ такомъ случаѣ сомнительнѣе всего цѣли жениха и само общество недовѣрчиво глядитъ на нихъ, неодобрительно встрѣчаетъ такіе браки. Особенныхъ упрековъ заслуживаютъ люди почтенныхъ возрастовъ: за 30 и 35 лѣтъ; тутъ нечѣмъ уже и оправдаться человѣку, коли „сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро“ ¹⁾. Коли вдовецъ хорошій человѣкъ, онъ долженъ искать въ женѣ только хорошую хозяйку и добрую мать дѣтямъ; къ чему тутъ дѣвка? надо брать бабу опытную, разумную, вкусившую семейной жизни; вдовы самыя подходящія невѣсты въ такихъ случаяхъ, а бракъ съ ними—лучшее доказательство „степенности“ жениховъ.

При описаніи посидѣлокъ мы видѣли, какъ сходятся парни съ дѣвушками; — сами выбираютъ себѣ своихъ суженыхъ. Въ большинствѣ случаевъ такъ и начинается дѣло. Парень говоритъ объ этомъ матери, а та старается воздѣйствовать домашнимъ образомъ на отца. Нѣчто подобное, въ меньшей степени развѣ, происходитъ одновременно и въ домѣ будущей невѣсты. Родители довольствуются тутъ одной ролью опытныхъ руководителей, провѣряютъ выборъ дѣтей и указываютъ на тѣ или другіе его недостатки. Часто происходятъ тутъ несогласія, но и тутъ большею частью усту-

¹⁾ Не имѣетъ ли это выраженіе какой либо связи съ церковнымъ преданіемъ о сотвореніи первой жены?

пають родители. За послѣднее время все болѣе и болѣе обозначаются границы ихъ дѣйствительной власти, при этомъ все яснѣе опредѣляются скудныя требованія родителей, коимъ не смѣютъ еще не удовлетворять дѣти. Требования эти незначительны: будущій супругъ долженъ быть хорошаго роду, не близкій родственникъ, съ честнымъ хорошимъ именемъ на селѣ. Требованиямъ этимъ удовлетворить не трудно тѣмъ болѣе, что понятіе о хорошемъ родѣ весьма растяжимо для крестьянина и на этомъ пунктѣ легче всего примириться. Каковы дѣтки, впрочемъ. Нѣкоторые парни не дѣлаютъ и этой скудной уступки старинѣ. Объявляетъ прямо, что люба ему на селѣ только одна дѣвка—и дѣло съ концомъ: ни съ чѣмъ останутся тутъ и самые суровые родители. Гораздо труднѣе въ этомъ случаѣ положеніе дѣвушки. Въ умственномъ развитіи женщина вообще далеко отстала отъ мужчины, въ глазахъ его она попрежнему нѣчто въ родѣ дополненія къ нему и никогда не должна обладать одинаковыми правами. Многія дѣвушки не смѣютъ даже заикнуться предъ родителями о своемъ сердечномъ выборѣ и скромно отвѣчаютъ только на ихъ предложенія: „на все-де ваша родительская воля, а я *вольна* только покорствоваться“. Слезы—единственный протестъ невѣсты, ея единственное нравственное орудіе противъ суроваго батюшки. Но эта юридическая слабость невѣсты не исключаетъ однако нѣкоторой доли фактической силы ихъ; силу эту полагаютъ они въ женихахъ своихъ. Какъ жалки и слабы онѣ предъ родителями, такъ сильны и энергичны въ своемъ вліяніи на излюбленнаго парня. Въ этихъ отношеніяхъ всегда первенствующая роль принадлежитъ дѣвушкѣ; приглянись она хотя немного парню, она уже сумѣетъ его сдѣлать орудіемъ своихъ желаній, сумѣетъ добиться при его помощи самыхъ завѣтныхъ цѣлей. Она создастъ такую конструкцію отношеній той и другой стороны, что дѣло навѣрняка

увѣнчается бракомъ. Хитрость не оставляетъ ее до конца дѣла: все постарается скрыть она отъ старшихъ; никому и въ умъ не придетъ, гдѣ лежитъ инициатива брака. Сравнительно сильнѣе родительскій авторитетъ тамъ, гдѣ предстоитъ другого рода препятствіе къ браку—духовное или кровное родство брачующихся. Да и то впрочемъ *какъ гдѣ*. Въ Темиревѣ, Пенькахъ и Поселкахъ можно вѣнчаться съ 4-го колѣна. Всѣхъ колѣнъ насчитывается 7, 8. (1-е колѣно—родные братья съ сестрой 2-е—двоюродные и т. д...) Первые три степени—сравнительно близкое родство, 4-е „изъ роду вонъ“: къ вѣнцу вези смѣло ¹⁾. Дѣленіе до 7-го именно колѣна имѣетъ тотъ смыслъ, что цифра 7 здѣсь конечный предѣлъ такъ называемому „сродству“. Сродство—это кругъ родныхъ извѣстнаго двора, начиная съ самыхъ высшихъ и до низшихъ степеней родства. Происходятъ ли въ дому крестины, свадьба или другой какой-нибудь торжественный случай, „сродство“ это сзывается въ полномъ составѣ и, чѣмъ больше оно, тѣмъ больше гордости у хозяевъ, составляющихъ въ данный моментъ, какъ бы главный центръ обширнаго родственнаго круга. Въ селахъ впрочемъ различно дѣленіе, какъ различны самые предѣлы „близкаго“ и „дальняго“ родства. Въ Петелинѣ, напримѣръ, различается больше 5, 6 колѣнъ „сродства“; на случай брака вычеркиваются тамъ развѣ два первыхъ; троюродные братья съ сестрой могутъ вѣнчаться, не погрѣшая противъ обычая. Въ Петелинѣ былъ случай замужества двоюродныхъ братьевъ съ родными сестрами ²⁾ и никто особенно не былъ возму-

¹⁾ 5 и 6 колѣно — „родня съ боку припеку“; 7 и 8 „нашей природы“. Тутъ замѣчается впрочемъ маленькое колебаніе; если родство идетъ по мужской линіи—избѣгаютъ вѣнчаться до 5-го колѣна, если по женской — можно и съ 3-мъ.

²⁾ Тутъ различается родство по женской и по мужской линіи; родство по этой послѣдней гораздо ближе; отсюда роднымъ *сестрамъ* скорѣе простиительно выйти за двоюродныхъ братьевъ чѣмъ на оборотъ.

шенъ этимъ. Въ объясненіе прошу припомнить сказанное раньше о составѣ и характерѣ тамошняго населенія: крестьянская среда въ Петелинѣ, какъ въ базарномъ селѣ, утратила чистый видъ крестьянской семейной общины и носить характеръ торгово-ремесленный. Въ такихъ селахъ слабѣтъ старина, быстро таютъ самые коренные обычаи; слабѣютъ и принципы нравственные, и принципы религіозные. Отсюда и эта нецеремонность въ различеніи степени родства при бракахъ. Въ Темиревѣ напримѣръ, (при чисто земледѣльческомъ характерѣ населенія) болѣе чѣмъ возмутились бы бракомъ родныхъ сестеръ съ двоюродными братьями, да никто никогда не согласился бы на него: жениться такимъ образомъ — значить стать врагомъ себѣ и будущимъ дѣтямъ. Не будутъ жить въ согласіи такіе супруги, прахомъ пройдетъ у нихъ все хозяйство, ¹⁾ не пошлетъ Богъ талики и дѣтямъ. Впрочемъ и у насъ тутъ сказывается нѣкоторая двойственность во взглядахъ. Во 2-мъ и 3-мъ колѣнѣ жениться непростительный грѣхъ, а въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ поощряются браки самими стариками (хранителями старины). Если отецъ семейства имѣетъ въ виду женить сына на какой нибудь изъ двухъ дѣвушекъ на селѣ, то онъ остановится скорѣе на той, которая „ихъ природы“ — состоитъ въ родствѣ ихъ двору въ 7-мъ или 8-мъ колѣнѣ. Отказываюсь объяснять такую двойственность: можетъ быть это остатокъ родового быта, можетъ быть что и другое. Духовное родство различается для браковъ гораздо строже, чѣмъ кровное. Не говоря уже о кумѣ съ кумомъ, дѣти ихъ — братъ съ сестрой и не могутъ вѣнчаться другъ съ другомъ. Церковь тутъ церковь, а обычай — обычаемъ; бокъ-о-бокъ слѣдитъ онъ за этимъ и безусловно воспрещаетъ подобные браки. Преступ-

¹⁾ Существуетъ повѣріе, что жена — родственница должна умереть отъ 1-хъ же родовъ.

ная *связь* и *бракъ* тутъ различаются; строже бичуются послѣдніе: въ нихъ видятъ какъ бы двойной грѣхъ: грѣхъ кровной связи и новой духовной связи (брачной), совершенно уничтожающей прежнюю духовную связь предъ тѣмъ же алтаремъ. Человѣкъ будто шутитъ здѣсь святыми обрядами церкви, если дерзаетъ уничтожать ихъ другими. Этимъ можно объяснить отчасти и тотъ фактъ, что случай связи духовно-родныхъ гораздо чаще, чѣмъ браки въ тѣхъ же отношеніяхъ.

Продолжаемъ прерванное о брачныхъ обрядахъ. Мы замѣтили раньше, что родители возбуждаютъ сватовство и чинятъ браки дѣтей только формально: всему тутъ причиной сами женихъ и невѣста. Формальная сторона тамъ безусловно входитъ въ область родительскаго авторитета. Дѣло обсуждается двоякимъ образомъ, смотря по той или другой степени развитія семейныхъ отношеній. Чаще всего бываетъ такъ: послѣ совѣта съ отцомъ мать предлагаетъ сыну жениться, иногда указываетъ при этомъ на невѣсту. Сынъ большей частью не прочь отъ женитьбы, и, какъ бы вскользь, при этомъ пускаетъ фразу: такая-то дѣвка хорошей была бы *снохой* ей, она, дескать, и роду хорошаго и дурного про нее не слышешь. Не обойдется разумѣется безъ обычнаго спора между сыномъ и матерью; но послѣдняя всегда сдается и является предъ отцомъ его надежной ходатайницей. Подумають старики день-другой, посоветуются съ дѣдомъ жениха, поразспросятъ людей, а тамъ скоро готово и обычное рѣшеніе—засылать сватовъ къ избранной дѣвушкѣ. Другой видъ возбужденія браковъ по существу значительно разнится отъ перваго. Родители сами подыскиваютъ невѣсту и предлагаютъ ее сыну *одновременно* съ вопросомъ о женитьбѣ. Сынъ можетъ и согласиться и не согласиться (рѣдко дѣйствуютъ тутъ особымъ принужденіемъ), но за то не смѣетъ пикнуть о той дѣвушкѣ, которую облюбовалъ онъ гдѣ-нибудь на игрищахъ или посидѣл-

кахъ. Родители посердятъ-посердятъ. а всетаки оставятъ въ покоѣ непокорнаго сына. Пройдетъ мѣсяць, другой—отець предлагаетъ новую невѣсту; если послѣдуетъ опять старый отвѣтъ — отецъ, что называется, „отступается“ отъ сына и между ними возстановляются холодныя, почти враждебныя отношенія. Примирителемъ является всегдашній посредникъ—мать. Въ какіе нибудь полгода она уладитъ все дѣло и побѣда остается всегда на сторонѣ сына. Жаль только, что такіе браки рѣдко бываютъ счастливы. Примиряются отецъ съ сыномъ больше наружно, во имя необходимости, и затаенная вражда нерѣдко вспыхиваетъ послѣ брака. Введетъ сынъ нежеланную сноху и пойдутъ въ домъ всевозможныя непріятности; хорошо еще, если мать за сына, а то бѣда: волей-неволей придется выйти молодымъ изъ родной хаты, да обзаводиться своей собственной. А съ этого момента пойдутъ, чего добраго, упреки молодой женѣ; изъ-за нея де придется бросить родителей, терпѣть нужду и т. п. Непріятности, какъ водится, идутъ далѣе и легко могутъ породить новое несчастье. Всѣ эти невыгоды жениться противъ воли родителей и поддерживаютъ отчасти старую власть родителей надъ дѣтьми. Не будь этой матеріальной зависимости, измѣнись хотя немного экономической складъ крестьянской жизни — и вы увидѣли бы, какъ открыто и безцеремонно стали бы заявлять дѣти о своей свободѣ — требовать законныхъ правъ своихъ.

Когда порѣшатъ въ семействѣ вопросъ о выборѣ невѣсты, посылаютъ за какой нибудь родственницей-старушкой (чаще всего за теткой жениха) и сообщая спрашиваютъ ее идти свахой. Потчуютъ и ублажаютъ ее тутъ до-нельзя. Она обыкновенно соглашается, и на другой же день, разрядившись въ пухъ и прахъ, бредетъ въ домъ невѣсты. Чинно переступаетъ она черезъ порогъ дома, чинно помолится Богу и откланяется хо-

зевамъ. II по одеждѣ, и по особой важности въ разговорѣ и движеніяхъ сейчасъ же узнаютъ „откуда эта птица“ и съ какимъ порученіемъ „прилетѣла“. А кто не догадливъ—у бойкой свахи всегда держатся про запасъ особыя аллегоріи. Сейчасъ же, послѣ обычныхъ привѣтствій, произнесетъ иная многозначительно: „не было снѣга—не было слѣда; снѣгъ выпалъ и слѣдъ къ невѣстамъ выпалъ“. Тутъ поймутъ и самые недогадливые хозяева, на что намекаетъ баба. Мигомъ накрываютъ столъ, уставляютъ его всевозможными яствами часикъ-другой и избѣгаютъ говорить прямо о дѣлѣ: все потчуютъ, да ублажаютъ сваху, чтобъ не было покору „столу хозяйскому“, нечѣмъ было бы попрекнуть ихъ гордой свахѣ; а первымъ заговорить—упаси Боже. никогда не позволяютъ себѣ хозяева: таковъ ужъ характеръ вообще сельскаго гостепріимства: начнетъ сваха—тогда другое дѣло. А сваха все сидитъ, да кушаетъ, закидывая удочки и аллегоріи. Поѣстъ, какъ слѣдуетъ, чинно встанетъ и помолится Богу, чинно поблагодаритъ всѣхъ за угощеніе и тогда только приступаетъ къ дѣлу. Въ открытую однако не идетъ еще дѣло: самое предложеніе начинается сваха съ аллегоріи: „изъ такого-то двора (точное указаніе его) пропала лебедь бѣлая, не къ вамъ ли на дворъ она сѣла хозяйошки?“ Если родители невѣсты имѣютъ какія либо причины отказать жениху — они прерываютъ сваху на ея фразѣ и довольно рѣзко спѣшатъ отвѣтить: „не знаемъ, *роднѣя*, куда залетѣла лебедь ваша бѣлая, къ намъ не прилетала!“ Сваха спѣшитъ удалиться, наговоривъ при этомъ тысячу дерзостей, и дѣлается съ этихъ поръ открытымъ врагомъ гордому дому.

Если же родителямъ по-сердцу женихъ, мать невѣсты уклончиво отвѣчаетъ свахѣ ласковымъ тономъ: „не знаемъ, *сваха любезная*, можетъ быть и залетѣла къ намъ лебедь ваша бѣлая!“ Слѣдуетъ новый, уже болѣе прямой вопросъ со стороны свахи: не желаютъ ли

„родичми“ сдѣлаться. Мать отвѣчаетъ въ томъ же уклончивомъ духѣ: „такой родней мы не брезгуемъ, приходите завтра: я *невѣсты спрошусь*.“ Все дѣло тутъ происходитъ исключительно между свахой и матерью: отецъ въ большинствѣ случаевъ рѣдко и присутствуетъ, а если и присутствуетъ, то никакихъ полномочій не имѣетъ: добрая сваха и толковать съ мужикомъ не станетъ. Я говорилъ ранѣе, повторяю еще разъ, что сначала самого сватанья и до послѣдняго брачнаго обряда дѣтей, первенствующая роль вездѣ принадлежитъ одной матери; она напутствуетъ дѣтей къ таинству брака, даетъ нравственные и практическіе совѣты для предстоящей ихъ новой жизни. Ей всего лучше, наконецъ, знакома обрядовая сторона дѣла; она зорко глядитъ за ея ходомъ, точнымъ и строгимъ ея выполненіемъ. По уходѣ свахи наскоро посовѣтуются старики другъ съ другомъ, спросятъ своихъ родителей, буде они живы, и тогда только предлагаютъ дочери. Та разумѣется въ слезы, и съ этихъ поръ мать неотлучно при ней въ роли утѣшительницы; вмѣстѣ съ родными невѣста не пьетъ, не ѣстъ, рѣдко заговоритъ съ кѣмъ-либо изъ нихъ, а заговоритъ — глаза опуститъ, кумачемъ вспыхнетъ бѣло личико. Долго не дождется мать настоящаго отвѣта отъ дочки: только и слышно отъ нея: „загубили меня горькую головушку, съ молодыхъ годочковъ во чужи люди шлютъ“. Прямого отвѣта, впрочемъ, никогда и не дождешься отъ невѣсты. Не то забота не то стыдъ за собственныя чувства никогда не позволяетъ ей сказать прямо — да. Мать и не требуетъ этого: сама была въ дѣвкахъ, сама знаетъ, что тяжело раскрывать тутъ предъ людьми свою душу — нечего и на дочку дивиться. Для положительнаго отвѣта тутъ достаточно одного отсутствія отрицанія, достаточно того, что дочка не отмахивается отъ жениха и руками и ногами. Коли не посердцу молодець, тутъ отъ ея крика хоть святыхъ вонъ выноси. Заголосить, за-

вопить, да такъ „жалобно,“ такъ „бдѣзно“, что не вытерпѣть тутъ родной матушкѣ; станетъ ублажать она свое дѣтище, станетъ утѣшать ее, что не выдастъ за парня немилаго. А попадется мать суровая или мачиха „постылая,“ что будетъ грозить ей „плеткой отцовской“, — на все можетъ рѣшиться дѣвушка бойкая. Убѣжить къ какимъ нибудь сосѣдямъ или въ посидѣлки, да такъ и не является домой по цѣлымъ недѣлямъ: пусть ждутъ ее свахи постылая съ свекровью ненавистною. За косы приволочетъ отецъ непокорную дочку, „поучить“ разикъ-другой плеткою, да строго-на-строго закажетъ слѣдить за ней матери. А тутъ придетъ еще мать жениха немилаго, пойдетъ бражничанье, глядишь, и по рукамъ старухи ударили, подь окномъ дѣвки запѣли.... Сидитъ горемычная невѣста въ чуланчикѣ, ни жива ни мертва, сидитъ и рѣкой разливается ¹⁾: „выдаютъ ее несчастную за немилаго, сговариваютъ за постылаго“..... Такъ и отдадутъ дѣвушку противъ ея воли: „стерпится-слюбится“ — говорятъ родители,—„глупа еще не разумна, нечего смотреть на ея слезы дѣвичьи: сама не понимаетъ, зачѣмъ плачетъ“. Случаи такихъ насильственныхъ браковъ крайне рѣдки. У насъ они имѣютъ обыкновенно мѣсто только при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ: когда, на примѣръ, невѣста потеряла мать, отца или если она совсѣмъ круглая сирота, подь опекой неблагонадежныхъ родственниковъ; чаще всего, когда въ семействѣ невѣсты только злая мачиха да „смирный“ отецъ. Тутъ рѣдко и спрашиваютъ дочери, „пропьютъ“ ее, что называется, за перваго попавшагося жениха—и не могли сказать слова противнаго. Только и утѣхи дѣвушкѣ, что въ слезахъ; пойдетъ на могилку родной ма-

¹⁾ Плакать тутъ всегда должна дѣвушка; идетъ ли охотой или неохотой: иначе „осудятъ добрые люди“.

тери ¹⁾), выплачеть тамъ свое горе и легче будто станеть ей: вернется домой со свѣжими силами. Рѣдко прибѣгаютъ тутъ къ послѣдному средству — заявить свою „неволю“ предъ алтаремъ Божиимъ: избѣгать тогда отецъ до полусмерти, побереть все добро, съ позоромъ выгонить изъ родительскаго дома и выпадеть ей жребій горше прежняго: надѣвать суму, да кормиться именовъ Божиимъ ²⁾). Есть тутъ и другіе мотивы. У дѣвушки смутны еще взгляды на свою свободу и власть отца; она смѣшиваетъ то и другое, и никакъ не можетъ провести тутъ границы для нормальныхъ отношеній (отцовъ къ дѣтямъ). Она и злится на родителей: упрекаетъ ихъ за что-то и одновременно шлетъ упреки себѣ за непокорность волѣ родительской. Крестьянская дѣвушка боится еще *измѣрять* глубину родительской власти, хотъ и видитъ подъ часъ ея *чрезмѣрность*, грѣхомъ считаетъ открытъ заявленіе своей свободы, хотъ и дѣйствуетъ подъ часъ наперекоръ родительской волѣ. Это особенно проглядываетъ въ одномъ изъ захолустныхъ сель Елатомскаго уѣзда Мамыше-вѣ. Тамъ сплошь и рядомъ выдають дѣвушку за едва-едва знакомаго парня. Чаше всего тамъ, разумѣется, случаи насилія души человѣческой, но никто до сихъ поръ не осмѣлился тамъ назвать этотъ фактъ его настоящимъ именовъ, никто не дерзнулъ заявить хотъ бы маленькаго протеста; на дѣвушку ложится главной тяжестью подобное явленіе, но она еще плохо *сознаетъ* его, она только *ощущаетъ* эту тяжесть и безропотно переносить ее, благо силъ хватаетъ. Возьмемъ наконецъ другія села (Темирево) съ ихъ относительно либеральнымъ женскимъ населеніемъ. Послушайте на посидѣлкахъ, какъ перетирають дѣвушки

¹⁾ Невѣста-сирота всегда должна ходить на могилу родителей и крестить благословенія.

²⁾ Такихъ дѣвушекъ рѣдко берутъ на заработки по селу.

отцевъ и матерей своихъ. Тотъ пьяница, та безтолковая, тотъ „чистый разбойникъ“ для дѣтей, та «хуже змѣи лютой». Наслушаешься такихъ вещей и сочтешь ихъ, чего добраго, прямымъ результатомъ мысли, объяснишь такую смѣлую критику дѣломъ прямого развитія крестьянской среды. А загляните вы поглубже въ души тѣхъ же бойкихъ, острыхъ дѣвушекъ—и увидите совсѣмъ другое. Въ веселомъ беззаботномъ кружкѣ своемъ онѣ *перебираютъ* только болѣе или менѣе крупные факты изъ крестьянской жизни, но только *перебираютъ*: тутъ нѣтъ ни строгой критики, ни анализа жизни. Одна дѣвушка плачется, что отецъ хочетъ отдать ее за рябого Гришку и обвиняетъ за это родителей—всѣ подружки горячо вступаются за дѣвичьи интересы, оттого и подхватываютъ ее обвиненіе; найдется бойкая дѣвка и посоветуетъ взять съ нея *примыръ* — стать противъ воли родительской: пусть бьетъ, дескать, а ты знай свое: «не пойду и не пойду за постылаго». И дѣвушки часто *слушаютъ* эти совѣты: идутъ наперекоръ родителямъ. Вы спросите, гдѣ же причины этого, какъ не въ развитіи дѣвушки, какъ не назвать этотъ смѣлый протестъ ея—сознательнымъ протестомъ, вытекающимъ изъ строгой критики семейныхъ отношеній? Мнѣ думается,—совсѣмъ нѣтъ. Я не хочу этимъ отрицать фактъ развитія крестьянской дѣвушки, но развитіе это слишкомъ еще мало, для того чтобъ брать его за *основаніе* въ данномъ случаѣ. Дѣвушки корятъ отцовъ за ихъ *видимые* недостатки и противятся родительской волѣ, когда самый близкій интересъ ихъ сталкивается лицомъ къ лицу съ этими недостатками и можетъ потерпѣть отъ этого. Но предъ глазами дѣвушки тутъ вовсе не «преступная чрезмѣрность родительской власти» передъ ней безусловно одинъ дѣвичій интересъ ея, и болѣзненный страхъ за него. Противится она не потому, что сознаетъ свое *право* и ясно различаетъ злоупотребленіе отца, а потому, что *слишкомъ* дорога

ей утрата дѣвичьяго интереса своего. Пройдетъ время, „слетитъ горячка“, и она всегда найдетъ въ своей душѣ упрекъ за несправедливость противъ отца. Упрекъ этотъ выйдетъ изъ сознанія; его не было бы, еслибъ поступокъ съ отцомъ вытекалъ изъ глубокаго убѣжденія. Поставьте вы любой крестьянской дѣвушкѣ категорическій вопросъ: можно-ли въ *какихъ-бы то ни было случаяхъ* противиться волѣ родительской и, повѣрьте, она не задумается отвѣтить вамъ такъ-же категорически: „никогда не нужно ей противиться; отецъ властенъ надъ своими дѣтьми, власть его священна и преступать ее — великій грѣхъ дѣтямъ“. Какъ видится, у нея есть уже убѣжденіе, но тѣсное, совершенно несогласное съ поступками, диссонирующее и съ ея смѣлыми словами въ кругу подругъ. Во взглядахъ на отношенія родителей къ дѣтямъ крестьянская дѣвушка какъ бы отдѣляетъ *личные* недостатки отцовъ, совѣмъ не принимаетъ ихъ въ расчетъ, когда доходитъ до глубокаго размышленія объ ихъ власти — безусловно-священной. Все это можно подтвердить фактами. Матери невѣсть также думали въ свое время, какъ ихъ теперешнія дочки, но какъ только появились свои дѣти, — мигомъ отлетѣли старыя „блажныя“ мысли ихъ дѣвичьи и установился твердый, строго-опредѣленный взглядъ на *безусловную* покорность дѣтей. Взглядъ этотъ не выработался бы такъ скоро, еслибъ онъ не таился въ душѣ ранѣе, насажденный традиціями старины. Такъ точно и всѣ эти шустрья, бойкія дѣвушки теперешняго времени. Развитие ихъ сказывается только въ томъ, что онѣ *смѣютъ* наступаютъ подчасъ на родителей, сознательнѣе заявляютъ имъ *о чемъ то въ родѣ правъ своихъ*. Но въ жизнь онѣ глубоко не вдумываются, не разбираютъ строго отношеній, а только замѣчаютъ въ нихъ что то ненормальное, застарѣлое, ощущаютъ отъ нихъ какую-то тяжесть, и порой пытаются столкнуть эту тяжесть. Выйди онѣ за мужъ—

и чрезъ 2, 3 года вы увидите въ нихъ только суровыхъ крестьянскихъ матерей болѣе похожихъ на своихъ бабушекъ и прабабушекъ, чѣмъ на предполагаемое вами новое либеральное поколѣніе. Всему тутъ одна причина — слишкомъ медленное умственное движеніе крестьянъ. Дѣвушка чувствуетъ ненормальность окружающаго, кричитъ и мечется въ ней, какъ бы въ душной атмосферѣ, но нигдѣ не находитъ средствъ къ улучшенію: ни въ себѣ ни въ окружающихъ. Вотъ тутъ-то и кроется вся причина: время слишкомъ быстро ушло впередъ, а крестьянинъ слишкомъ далеко отсталъ отъ него, слишкомъ плохо подвигается. Впереди видно лучъ новой жизни, чувствуется легкая атмосфера ея, но трудно выльзть изъ смрадной ямы, трудно *вытащить* самого себя изъ ея тины.

Будемъ говорить дальше: мы начали о сватовствѣ и прервали на томъ случаѣ, когда родители невесты согласны принять предложеніе жениха. О добромъ результатѣ дѣла сообщаетъ сваха. Ее честь — честью угостить за хорошее начало и на другой же день мать жениха (иногда съ отцомъ) сама идетъ къ родителямъ невесты для окончательныхъ переговоровъ; тѣ радушно встрѣчаютъ ее, называютъ „свашенькой“; въ этой формѣ фактически выражается согласіе на предложеніе жениха. Тутъ происходитъ обыкновенно лада: что дастъ женихъ, что „понесетъ“ съ собой невеста (последнее не всегда обязательно; эту часть вопроса возбуждаютъ больше сами матушки невестъ, чтобъ похвастаться добромъ дочки). Лада идетъ не долго, на этомъ пунктѣ мало бываетъ разногласія, хотя торгуются обѣ стороны нецеремонно, не упустятъ изъ виду послѣдней мелочи. Приданого за невестой не полагается; она несетъ съ собою только холстъ да кое-какую одежку; съ жениха напротивъ требуется

полный годовой костюмъ ¹⁾ невѣсты и 25 рублей денегъ. Явленіе это вполне объяснимо, иначе и быть не можетъ въ крестьянской средѣ. вмѣстѣ съ женой, парень беретъ въ домъ отца даровую безотвѣтную работницу, — къ чему-жъ тутъ приданое? Этого было бы слишкомъ много. Во время лады на столъ ставятъ двѣ бутылки вина и каравай хлѣба съ солоницею и брагу, покрытую 3-мя разными полотенцами. Конѣцъ лады и обоюдное согласіе сторонъ выражается торжественнымъ *рукобитіемъ*. Всѣ присутствующіе (и дѣвки за окномъ) встаютъ; *мать* невѣсты подходитъ къ отцу жениха и даетъ ему свою руку; этимъ дается и слово и торжественное обѣщаніе сдержать это слово. За окномъ уже давно собрались подружки невѣсты; слышатся шумъ и крики: „просватали“ „просватали“; всякій, кто только идетъ по улицѣ, останавливается и толпа все увеличивается. А въ хатѣ между тѣмъ зажигаютъ лампаду предъ образомъ: говоръ стихъ и началась общая молитва о счастіи брачующихся, мирѣ и согласіи семействъ ихъ. Все это время *мать* стоитъ съ караваемъ; затѣмъ торжественно поднимаетъ его кверху, срѣзаетъ горбушку и подаетъ за окно дѣвкамъ. Раздается плачъ невѣсты и жалобныя причитанія ея: „погубили меня, бѣдную головушку; съ молодыхъ лѣтъ въ чужіи люди шлють“... Все это время она сидѣла въ чуланчикѣ тихо-смирно, ни однимъ звукомъ не выдавая своего присутствія: обычай запрещаетъ дѣвушкѣ плакать до той минуты, какъ всѣ помолятся Богу и срѣжутъ горбушку съ караваемъ; только съ этого момента она *отрѣзанный ломоть* въ родномъ семействѣ, только *тогда она — просватанная дѣвушка* — станетъ оплакивать свою дѣвичью долюшку. Въ чуланѣ идетъ плачъ, а за пере-

¹⁾ Зимній и лѣтній: валенки, „коты“ (нѣчто въ родѣ кожаныхъ туфель), чулки (бѣлые и шерстяные) „казинеть“ (кафтанъ изъ казинета) и полусапожки.

городкой у старины веселый говоръ, да бражничанье: отецъ угощаетъ свата съ сватенькой — „пропиваетъ свою дочку родную“. Мать даритъ гостей отъ лица невѣсты: два большихъ полотенца свекру съ свекровьей, поменьше — сестрѣ жениха. Даритъ каждого отдѣльно, въ поясъ кланяется имъ, проситъ не взыскать, „коли плохо сработала дочка“. Жениху шлютъ особые подарки съ матерью: платокъ и еще ч. н. Дѣвушки мало-помалу набираются въ избу, начинаютъ утѣшать „горемычную“ невѣсту; однѣ утѣшаютъ, другія пуще разстраиваютъ. Приглашенныя подружки обнимаются съ ней и начинаютъ вторить ея рыданью и плачу. Горькія чувства выражаютъ тутъ въ причитаньяхъ по утратѣ дѣвичьей волюшки. Пора дѣвичья представляется сплошнымъ весельемъ, беззаботной жизнью подъ крыломъ матушки; жизнь замужняя — рядомъ заботъ по хозяйству, непосильныхъ работъ на свекра съ свекровью; мужъ рисуется въ самыхъ ужаснѣйшихъ видахъ: онъ и пьянъ и сердитъ, и немилостивъ; невѣстки попадутся „присудливы“, мужу стануть шептать да наговаривать. Свекровь „строгая да взыскательная“ за каждую малость тому же мужу жалуется. Свекоръ-батюшка „строгій, непривѣтный“: никогда отъ него ласковаго слова не услышишь; бьетъ ее мужъ плеткой, а онъ только приговариваетъ: „прибавь, прибавь, сынокъ любезный: учи уму-разуму глупую бабу!“ Вся будущая обстановка, словомъ, рисуется діаметрально противоположной настоящей жизни ея въ кругу родныхъ. вмѣсто отца снисходительнаго — свекоръ строгій, вмѣсто матери-баловницы — свекровь взыскательная, вмѣсто сестрицъ да братцевъ любезныхъ — деверья да невѣстки „присудливы“.

Такъ и идетъ плачь кругомъ невѣсты; половина причитываетъ, половина утѣшаетъ. За полночь разойдутся гости со сватями, а невѣста все плачетъ — не унимается. Кое-какъ удастся утѣшить ее дѣвкамъ съ матерью.

Въ родной семьѣ съ этого времени всѣ становятся къ ней ласковѣе, всячески ублажаютъ ее: отецъ каждый базаръ накупаетъ гостинцевъ, мать даритъ платками да бусами. На посидѣлкахъ положеніе просватанной измѣняется. Дѣвки относятся къ ней съ большимъ уваженіемъ, парни становятся дальше, не позволяютъ себѣ прежней свободы въ обращеніи; да и она отъ нихъ какъ-то сторонится: чего добраго, наговорятъ на нее чего злые люди, очернятъ въ глазахъ суженаго.... Другое дѣло женихъ: съ нимъ можно и побаловаться и слово лишнее сказать: свои почти люди, никто не осудитъ. Отъ сговора до свадьбы проходитъ обыкновенно годъ или полгода; все это время женихъ ходитъ на посидѣлки, просиживаетъ каждый разъ часовъ до 12 и позднѣе. Невѣста мудритъ надъ нимъ, елико возможно. Чего-чего только не дѣлаетъ она въ союзѣ съ подружками! Придетъ—его не пускаютъ, томятъ добрыхъ полчаса около двери; войдетъ—обольютъ водой иль сажей измажутъ. Попытается обнять невѣсту—подружки не пускаютъ: дай выкупъ, покажи принесъ ли гостинцевъ своей суженой. Только тогда пропустятъ его къ невѣстѣ, позволятъ сѣсть съ ней рядомъ, „заглянуть въ очи ясныя“. Тайные сердечные разговоры ведутся, гдѣ нибудь въ сѣнцахъ, на дворѣ иль на завазинѣ. Женихъ напередъ угощаетъ для этого товарищей; добромъ невѣста ни за что не выйдетъ да и дѣвки не пустятъ. Соберется человекъ 8, 10 парней, ворвутся дружно на посидѣлки и вытащутъ ему невѣсту: иди съ ней куда хочешь, дѣлай что угодно, никто слова не скажетъ. Удаля дѣвки сами науськаютъ подчасъ жениховъ на подобныя шутки; такъ выйти стыдно: дѣвки задразняютъ; вотъ она и подговариваетъ его набрать парней да и вытащить ее силою. Большинство дѣвушекъ, впрочемъ, избѣгаетъ этого; слишкомъ рис-

кованно это для невѣсты. Женихи часто „отстаютъ“, ¹⁾ тогда чего добраго и замужь не выйдешь. Пойдетъ дурная слава: была де въ близкихъ отношеніяхъ къ жениху—чего добраго—„потеряла себя“. Каждый женихъ на селѣ ее обходить, каждый сомнѣвается въ ней и невольно бракуеть.

Свадьбы бывають обыкновенно зимой съ Крещенія и осенью съ Покрова Пресвятой Богородицы. Лѣтомъ рѣдко: тутъ самый разгаръ дѣловой поры, „день годъ кормить“: не время заниматься пирами да свадьбами. Женихъ послѣ сговора нерѣдко уходитъ на заработки; посылають больше родители, чтобы зашибъ лишнюю копѣйку на свадьбу; ходитъ и по своей охотѣ, когда отца нѣтъ иль хозяйство разстроено. Невѣста задолго до свадьбы (за мѣсяць или за 2 мѣсяца) отстаётъ отъ веселыхъ пѣсень, мало участвуетъ въ дѣвичьихъ играхъ; на посидѣлки ходитъ рѣже, чтобы, „повыть“ съ подружками, —подѣлиться своимъ горемъ-дѣвичьимъ. Начинаетъ обыкновенно съ обвиненія родителей: „родимый ты мой батюшка! накинулся ты на винную чарочку, на ласковы слова, на низкіи поклоны! — родимая ты, моя матушка! накинулась ты на *бражную* чашечку, на ласковы слова, на низки поклоны!“ Ей также „на голось“ отвѣчаютъ подружки; рисуютъ опять мрачныя образы супружеской жизни: пьянаго мужа съ плеткой, холоднаго свекра, свекровь „подколодную“, золовокъ „причудливыхъ“. Въ конецъ разжалобятъ другъ-друга просватанныя дѣвушки, плачуть, не унимаются; кое-какъ удастся утѣшить ихъ остальнымъ дѣвкамъ. Придетъ парень съ заработковъ, надаритъ невѣстѣ

¹⁾ Случай эти нерѣдки. Потерпѣвшая сторона обращается всегда къ сельскому сходу или въ волостное правленіе; тамъ разбирается дѣло и съ виновныхъ присуждають по 10 и 15 р. Когда потерпѣвшей является невѣста—рѣдко удовлетворяетъ ее судъ; сама де забаловалась съ кѣмъ ниб. изъ чужихъ парней. Жалоба жениха, напротивъ, всегда почти удовлетворяется.

платковъ да „вѣрстокъ“, ну, уймется немного — поприутихнеть.

Свадьбы назначаются обыкновенно по воскресеньямъ, вся недѣля передъ этимъ всецѣло почти проводится въ пирахъ, да вечеринкахъ. Пируютъ то у жениха, то у невесты, но вмѣстѣ они другъ съ другомъ не бываютъ; на посидѣлки не ходятъ и до самаго брака не видятся. Главныя „вечерушки“ начинаются съ четверга—дня за 3 до свадьбы. Замѣчу кстати, что всѣ пиры и самое свадебное гулянье устраивается на жениховъ счетъ; гости только приходятъ къ невестѣ, а „гулять“ она отправляетъ ихъ къ свекру. У родителей невесты бываетъ только обѣдъ на другой день свадьбы. Въ четвергъ невеста шлетъ дѣвокъ къ свекру; тутъ ихъ поятъ виномъ, брагой, угощаютъ обѣдомъ и гостинцами. Въ пятницу опять собираются къ невестѣ на *дѣвичникъ*. Посидать у нея часокъ другой — и опять къ жениху. Предводительствуетъ тутъ дѣвушками, такъ называемый, „кислый свать“; безъ него не обходится ни одного вечера, онъ—приближенное лицо невесты и на свадебныхъ вечерахъ. Кислый свать—обыкновенно мальчикъ лѣтъ 7—10-ти, выбирается изъ братьевъ невесты: двоюродныхъ или троюродныхъ; если не случится ихъ въ такомъ возрастѣ — выбираютъ иногда изъ родныхъ братьевъ, въ крайнемъ случаѣ — кого бы то ни было изъ сродства. Въ субботу дѣвушки собираются къ невестѣ на блины, а „гулять“ и ужинать опять къ жениху. Тамъ въ это время самое главное, самое широкое предсвадебное пиршество. За часъ или за два собираются ребята и близкія родственницы изъ бабъ: ихъ напоятъ обыкновенно пьяными и, въ качествѣ „позыватыхъ“, отправляютъ приглашать все женихово „сродство“. Шумной толпой выходятъ всѣ на улицу: бабы, обнявшись, рядами, сзади ихъ ребята и толпа зѣвакъ. Выходятъ сначала съ пѣснями, потомъ раздаются милые звуки гармоники, впередъ вылетаютъ двѣ

три „ухарскихъ“ бабы и начинается пляска; такъ пройдутъ они чрезъ всѣ улицы, возвѣщая канунъ свадьбы. Усталъ игрокъ—его замѣнятъ игривые плясовые мотивы; подъ нихъ еще веселѣе пойдетъ пляска, еще лучше „заговорятъ молодые суставчики“. „Ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь“,—дробью разсыпается—потомъ, „Ахъ кости болятъ: лихой болѣсти хотятъ!“—подхватить какая-нибудь лихая бабенка и молодецки несется впереди толпы подъ свистъ и гиканье молодежи.

По дворамъ „сродственниковъ“ ходятъ ребята, стучать палками и зовутъ „хозяйшекъ“ на пиръ „за столы дубовые, за скатерти бранья, за яства сахарныя“. Къ вечеру потянутся званые гости, полна *изба* наберется у родителей жениха. Самъ женихъ сидитъ съ ребятами въ горницѣ или у сосѣдей. Гостей встрѣчаютъ мать и „дружко“. Дружко такой-же шаферъ. Онъ выбирается обыкновенно въ тотъ же день утромъ изъ ближнихъ родственниковъ, зрѣлыхъ лѣтъ (30 и 40); чаще всего изъ родныхъ или двоюродныхъ дядей жениха. Непремѣнно долженъ быть женатымъ ¹⁾ кромѣ того веселымъ и „разбитнымъ“ мужикомъ; зналъ бы, какъ кого принять, какое кому слово сказать, гостей повеселить, завести бесѣду шутовую; онъ наперечетъ долженъ знать все „сродство“, чтобы не ошибиться, *кого куда* посадить, *кому когда* вина поднести. Дружкѣ должна быть знакома хорошо и обрядовая сторона дѣла: онъ главный менторъ жениха все время, какъ провожатая (сваха) у невѣсты, на каждомъ шагу учитъ его уму-разуму, наставляетъ въ дѣлахъ супружескихъ. Въ богатыхъ домахъ на подмогу дружкѣ выбирается еще „поддружка“, тоже изъ ближайшихъ женатыхъ родственниковъ. Вы-

¹⁾ Дружко при женихѣ—то же, что сваха при невѣстѣ: долженъ научать его уму-разуму *супружескому*. Отсюда ясно, почему и самъ онъ долженъ быть женатымъ.

бираютъ того и другого родители жениха съ крестнымъ отцомъ его. Крестный отецъ послѣ родного — первое лицо въ свадебномъ ритуалѣ. На ряду съ роднымъ отцомъ онъ благословляетъ духовнаго сына, а въ церкви замѣняетъ ему обоихъ родителей. Если нѣтъ крестнаго, выбираютъ „посаженаго отца“ изъ почтенныхъ, непьющихъ, родственниковъ, чтобъ могъ замѣнить онъ въ церкви батюшку роднаго. Соберется сродство въ полномъ составѣ, дружка становится посреди хаты и торжественно испрашиваетъ у всѣхъ позволенія жениху посидѣть съ дѣвушками.

„Добрые люди!

Не всѣхъ я васъ прошу по имени,
Прошу я васъ челомъ всѣхъ:

(кланяется)

Благословите, батюшка и матушка,
Своего сына роднаго
На дѣвичій праздникъ посидѣть,
За столы дубовые, за скатерти бранья,
за яства сахарныя“:

(снова кланяется).

—Господь васъ благословить! говорятъ родители. Съ этими словами присоединяются къ дружкѣ, и вмѣстѣ съ крестными родителями идутъ къ жениху. Передъ дверью останавливаются; крестный отецъ произноситъ краткую молитву—„Господи Иисусе Христе“... женихъ отвѣчаетъ „аминь“ и всѣ входятъ въ горницу. Мать открываетъ коробки, вынимаетъ оттуда полный праздничный нарядъ сына и всѣ начинаютъ торжественно одѣвать его. Главная роль принадлежитъ матери. Обѣими руками беретъ она весь нарядъ жениха, три раза обводитъ имъ вокругъ головы сына, три раза творитъ въ это время молитву! „во имя Отца и Сына и Святаго духа!“ при словѣ „аминь“ плюнетъ каждый разъ въ сторону, какъ бы желая удалить этимъ все нечистое.

Потомъ начинается самое обряжанье: прежде всего надѣваютъ сапоги; въ лѣвый мать кладетъ перья, чтобъ легче на работу былъ сынокъ; въ правый кладетъ отецъ деньги, чтобъ копѣйка лишняя водилась, — хозяйство шло въ порядкѣ. Въ рубашку мать крестная втыкаетъ протезъ (иглу безъ ушковъ), за пазуху поминанье: злой человѣкъ не испортитъ, нечистая сила будетъ сторониться. Обрядивъ такимъ образомъ жениха, всѣ ведутъ его (дружко съ крестной—подъ руку) въ избу къ гостямъ. Черезъ порогъ шагаютъ—всѣ молитву творятъ; до избы дойдутъ — опять остановятся, опять старая церемонія. Крестный отецъ произноситъ молитву: „Господи Іисусе Христе“... имъ отвѣчаютъ: „аминь“ и всѣ входятъ, произнося каждый: „Спаси, Господи, въ святыхъ Твоихъ молитвахъ раба (такого—то). Жениха проводятъ въ передній уголъ и сажаютъ между родителями. Въ это время набираются въ избу дѣвушки съ кислымъ сватомъ, а иногда и посторонніе люди. Посидятъ минутъ пять въ торжественномъ молчаніи, затѣмъ всѣ встаютъ по знаку дружка и молятся Богу. Поддружко въ это время держать дверь; никого нельзя пускать во время общей молитвы, какъ-бы чего *худого* не случилось, — злой человѣкъ не вошелъ—не смутилъ общей молитвы. По окончаніи молитвы жениха уводятъ въ горницу, за нимъ парни и дѣвки. Тутъ только начинается настоящее пиршество: и въ *избѣ*, и въ *горницѣ*. Дружко носится и туда и сюда, но сидитъ больше среди почетныхъ гостей въ *избѣ*, угощаетъ ихъ водкой, а захмелѣютъ особенно, уговариваетъ не шумѣть, не драться. Скандалы тутъ постоянные и каждому дружкѣ всегда уже выпадетъ на долю разнимать гостей, а чего добраго — поплатиться и своими боками. Другое дѣло въ *горницѣ*! Тамъ все тихо, скромно; водки пьютъ мало; дѣвки все больше гостинцами забавляются, щелкаютъ зернышки, пьютъ брагу медовую. Женихъ съ поддружкомъ сидитъ чинно среди стола; не пьетъ ни

вина ни браги. Дѣвушки поютъ ему разныя пѣсни, въ коихъ искусно вставляются его имя и имя невѣсты. Содержание пѣсенъ самое простое и краткое. Въ нихъ указывается на „писанную красоту“ невѣсты, на „глубинную“ кротость ея и смиреніе. Про достоинства жениха не говорится ни единого слова. Въ пѣсняхъ стараются только ласкать его воображеніе заманчивыми картинами супружеской жизни. О самомъ женихѣ если и зайдетъ рѣчь у дѣвокъ, то весьма для него невыгодная; найдется поудалѣе дѣвка — такъ и законфузить его, бѣднаго: гдѣ, дескать, тебѣ, „чувашѣ неумытому“, дойти до „бѣлой лебеди“ нашей: сто разъ она тебя краше, сто разъ добрѣй! Тутъ ужъ спѣши подружко угощать ихъ, а то наговорятъ такихъ вещей, что хоть изъ избы вонъ уходи... Поужинаютъ, парни распостятся съ женихомъ и идутъ къ невѣстѣ съ курникомъ; курникъ — это пирогъ съ запеченой курицей или серебрянымъ гривенникомъ въ мылѣ. Подойдутъ ребята къ невѣстиной хатѣ, произнесутъ молитву — ихъ впускаютъ. (Дѣвки приходятъ обыкновенно раньше ребятъ). Угошеній тутъ никакихъ не бываетъ; происходятъ обыкновенно игры съ ребятами, мажутъ другъ друга сажей, наряжаются въ вывороченныя шубы и т. п... Невѣста сидитъ среди просватанныхъ дѣвушекъ да думаетъ думушку горькую: какъ-то будетъ жить она въ замужествѣ, не попался бы мужъ пьяница, да свекровь „змѣя подколодная“. Мрачныя мысли свои она выражаетъ опять въ причитаніяхъ; ей вторятъ по-прежнему просватанныя дѣвушки. Такъ проголосятъ онѣ часовъ до 12-ти и лягутъ далеко за полночь. Потру раньше всѣхъ встанетъ невѣста и начинаетъ будить всѣхъ подругъ:

„Вставайте, мои подруженки!

Вставайте, мои любезныя:

Бѣлая заря занимается, —

Мои супостаты поднимаются!“

Затѣмъ обращается въ сторону брата:

„Родимый, мой братецъ!
Ты поди-ка во зеленую рощу:
Ты сруби-ка березу бѣлую:
Загороди моимъ супостатамъ дороженку!“

Съ этими словами невѣста начинаетъ рыдать... Дѣвки мало-по малу просыпаются, начинаютъ ее успокаивать. Скоро встаютъ всѣ въ домѣ, собираются родственницы невѣсты: замужнія сестры и тетки. Успокоившись невѣста обращается къ кому либо изъ нихъ:

„Любезная моя тетушка (или сестрица)!
Ты скажи мнѣ про чужіи люди:
Какъ мнѣ съ чужими людьми быть,
Во чужихъ людяхъ жить?“

— Любезная, моя племянница! отвѣчаетъ тетка:

Не тебя пошлютъ, --
А ты догадывайся;
Не тебя скричатъ, —
А ты откликивайся:
Чужіи люди мудрены,
Чужіи люди присудливы“! 1).

Тутъ приходятъ родители, начинаютъ обряжать невѣсту „къ суду Божию“. Одѣваніе невѣсты почти тождественно съ одѣваніемъ жениха. Мать беретъ въ кучку праздничный женскій костюмъ (запонъ, гашикъ, поньку и платокъ); также три раза обводитъ имъ вокругъ головы дочери, произнося каждый разъ молитву и сплевывая въ лѣвую сторону (есть повѣрье, что по правую сторону человѣка всегда ангель, по лѣвую—

1) Присудливый—любящій осуждать.

бѣсь). Въ нѣкоторыхъ селахъ: Пенькахъ, Шинковѣ и др... сохранился интересный обычай—*последней* дѣвичей пляски невѣсты. Какъ только обрядятъ ее, она съ напускнымъ весельемъ прыгаетъ на лавку, гикаетъ, скачетъ и пляшетъ по ней, приговаривая какія-то слова: „скачи, дочка, скачи!“ говоритъ ей мать—„хочу скачу, хочу не скачу!“ задорно отвѣчаетъ невѣста и оканчиваетъ эту оригинальную пляску. Обрядъ этотъ представляетъ значительный интересъ, но трудно объяснить, мнѣ кажется.

Въ большинствѣ селъ Елатомскаго уѣзда обрядъ пляски выводится, въ настоящее время. Дѣвушку честь честью обрядятъ, дадутъ ей маленькій каравай за пазуху въ залогъ будущаго хозяйства и только! Не пляшетъ тутъ невѣста, а только пуще завопить, когда увидитъ себя въ бабьемъ нарядѣ. Воизтъ обыкновенно вмѣстѣ съ матерью. Начинаетъ невѣста:

„Родимая, моя матушка!
Куда ты меня собираешь,
Куда ты меня, горькую, соряжаешь?
Аль на гульбу,
Аль на игры дѣвичьи,
Аль въ чужи люди
Собирать хочешь?“

Мать отвѣчаетъ ей также воплемъ:

„Дитятко мое милое!
Съ молодешенька тебя погубили:
Не дали тебѣ съ умомъ-разумомъ собраться.
На рѣзвья ноженьки подняться, —

Погубили твою буйную головушку!..

.
Хорошо тебѣ—счастье завѣдуетъ,

Хорошо тебѣ — талика будетъ:
Съ плохой таликой тошно жить!“

.

Мать смѣняется подъ-часъ крестной или тетушкой. Такъ провопитъ невѣста часовъ до 11, 12-ти. Къ этому времени всѣ собираются обѣдать. Невѣсту сажаютъ въ передній уголь, между крестной и родной матерью: подъ ноги подстилаютъ платокъ. Она, разумѣется, ничего не ѣстъ; сначала сидитъ молча, потупивъ глаза, потомъ снова начинаетъ рыдать и просить прощенія у братьевъ, сестеръ и тетокъ:

„Родимый мой братецъ,
Не попомни моихъ досадъ:
Можетъ, я тебя чѣмъ обижала,
Глупымъ словомъ досаждала!“

Съ такими же словами обращается и ко всѣмъ прочимъ. У отца съ матерью испрашиваетъ прошеніе болѣе торжественно: при самомъ благословеніи. Послѣ обѣда невѣсту сажаютъ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ; подружки заплетаютъ ей косу, оправляютъ нарядъ. Затѣмъ всѣ садятся кругомъ въ ожиданіи жениха съ поѣздомъ.

Перенесемся теперь въ хату жениха, посмотримъ что дѣлается тамъ. Съ утра заявляются тамъ вчерашніе гости опохмелиться и пообѣдать. Около полудня совершенно почти параллельная картина обѣда. Въ избу къ гостямъ съ старыми церемоніями приводятъ жениха, сажаютъ его въ переднемъ углу между родителями; подъ ноги подстилаютъ потникъ (войлокъ). По окончаніи обѣда подружье беретъ потникъ и кладетъ его среди комнаты. Дружко подводитъ сюда жениха, становится рядомъ съ нимъ противъ родителей и испрашиваетъ у нихъ благословенія:

„Батюшка родный!
Благословите своего сына роднаго
Къ Суду Божию ¹⁾ постоять,
Златъ вѣнецъ принять,
Животворящій Крестъ цѣловать!

.
Какъ святые отцы принимали,
Такъ и намъ грѣшнымъ“.

— „Благослови, батюшка!“ добавляетъ женихъ и три
раза кланяется ему въ ноги, испрашивая прощенія.

— „Богъ благословить!“ говоритъ отецъ, троекрат-
но обнимаетъ его и вручаетъ ему благословенный
образъ съ караваемъ. Затѣмъ женихъ становится про-
тивъ матери, дружно точно также проситъ ее благо-
словить сына: женихъ проситъ у нея прощенія и полу-
чаетъ второй образъ съ караваемъ. Въ ряду благосло-
вляющихъ стоятъ еще духовные родители: крестные
жениха. Женихъ и имъ кланяется по разу, цѣлуетъ и
проситъ благословенія; образъ тутъ даютъ рѣдко. При-
сутствуютъ во время благословенія только близкіе
родные въ 1-мъ колѣнѣ. Остальные родственники и
всѣ званые гости расходятся тотчасъ послѣ обѣда,
запрягаютъ каждый свою подводу, для свадебнаго по-
ѣзда. Кончилось благословеніе—они уже всѣ на дворѣ,
заплетаютъ только гривы конямъ, да убираютъ ихъ
разноцвѣтными ленточками. Еще разъ поцѣлуется со
всѣми женихъ, еще разъ попроситъ у всѣхъ про-

1) Обрядъ вѣчанія—одно изъ самыхъ великихъ таинствъ для
крестьянина. Онъ не только уважаетъ его, но и благоговѣнно гото-
вится къ нему, со страхомъ встрѣчаетъ. Тутъ Богъ благословляетъ
человѣка на новую жизнь, рѣшаетъ для нея счастье или несчастье.
Былъ женихъ добрый, невѣста честная,—присудитъ Господь талику
въ брачной жизни, нѣтъ—не пошлетъ Господь и радости. Моментъ
таинства поэтому самый крупный и страшный въ жизни—моментъ
исполненія предопредѣленія Божія. Отсюда и названіе таинства—
Судомъ Божьимъ.

щенія однимъ общимъ поклономъ и выходить на крыльцо. За нимъ (до самаго крыльца) идутъ родители съ молитвами и напутствованіями... Дружко, перевязанный черезъ плечо широкимъ краснымъ кушакомъ, 3 раза обходитъ съ образомъ весь поѣздъ; всѣ въ это время крестятся, читаютъ про себя молитвы. Затѣмъ всѣ разсаживаются и ѣдутъ: впереди женихъ съ дружкомъ и подружьемъ, за ними крестные мать съ отцомъ, тетка, сестра и т. д., смотря по близости родства. На дугахъ развѣваются широкіе кушаки; визжатъ безчисленные колокольчики. Далекo услышатъ этотъ шумный поѣздъ у невѣсты и спѣшатъ запереть ворота: отдай прежде „выкупъ“ за невѣсту, тогда и въѣзжай на невѣстинъ дворъ. Дружко быстро слѣзаетъ съ повозки и идетъ въ калитку, за нимъ подружіе съ деньгами и „вылаженнымъ“ платьемъ невѣсты. Передадутъ все это въ руки какой нибудь теткѣ ея, затѣмъ въѣзжаютъ на дворъ. Дружко подбѣгаетъ къ повозкѣ жениха, разстилаетъ передъ нимъ потникъ; кругомъ становятся: крестная мать съ отцомъ и подружье. На крыльцо въ это время выходятъ почти тѣ же со стороны невѣсты: провожатые и отецъ съ крестной матерью; каждый выносить свою поставку браги и деревянную чашку. Всѣ поѣзжане подходятъ и угощаются. Происходитъ нѣчто въ родѣ торжественнаго выраженія согласія всего невѣстина родства породниться съ жениховымъ родомъ. Крестные жениха поднимаются на крыльцо и первыми идутъ въ хату; за ними женихъ между дружкой и подружьемъ, а тамъ собирается мало по малу и все сродство ¹⁾. Войдутъ—ихъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью родители и начинаютъ усаживать дорогихъ гостей. Всѣхъ усаживаютъ хозяева—

¹⁾ Не всегда впрочемъ такъ бываетъ; иногда входятъ въ домъ невѣсты только женихъ, да крестный отецъ съ дружкой—и нѣчто больше.

одному жениху не даютъ мѣста: ему еще надо выкупить его у кислаго свата; грозный мальчуганъ съ мѣшалкой сидитъ около невѣсты и недружелюбно поглядываетъ на прибывшихъ гостей. Къ нему подходитъ дружокъ и шутливо—ласковымъ тономъ начинаетъ просить его уступить мѣсто жениху.—Не уходи, не уходи, держится за него невѣста, мнѣ кромѣ тебя никого не надо!“ И кислый свать не отходить, только крѣпче держится за мѣшалку. Дѣлать нечего: вынимаетъ дружокъ мелкую монету и отдаетъ ему выкупъ за сестру. Тогда только уйдетъ мальчуганъ-кислый свать и уступить жениху свое мѣсто (околоневѣсты).

Посидятъ всѣ минутъ пятокъ, затѣмъ встаютъ, ото двигаютъ столъ на средину и по солонь обводятъ кругомъ него три раза жениха съ невѣстой; впереди идетъ дружокъ. Затѣмъ снимаютъ кушакъ съ жениха и въ три узла связываютъ его вмѣстѣ съ невѣстой. Въ связываніи принимаетъ участіе и та и другая сторона: этимъ онѣ какъ бы уступаютъ молодыхъ сочленовъ своихъ другъ другу, во имя обоюдной любви ихъ и крѣпкой, неразрывной связи въ супружеской жизни. Затѣмъ всѣ поднимаются, начинается благословеніе невѣсты; дружокъ подводитъ ее къ родителямъ вмѣстѣ съ женихомъ и троекратно проситъ каждого благословляющаго:

.
— Благословите свое дѣтище родное
Къ суду Божию постоять,
Златъ вѣнецъ принять,
Животворящій крестъ цѣловать!“...

Женихъ съ невѣстой земно кланяются всѣмъ и цѣлуются. Благословляютъ также четверо: кровные и духовные родители невѣсты; иногда, впрочемъ, и старшій братъ. Невѣста обыкновенно *больше* кланяется,

больше и цѣлуется съ родителями. О благословеніи, иногда просить сама:

Батюшка, ты мой родимый,
Благослови-ка меня въ чужи люди жить.

Также обращается и ко всѣмъ остальнымъ. Образа съ караваемъ передаетъ невѣста провожатой, а та обыкновенно — теткамъ невѣсты. Когда даетъ образъ крестный отецъ, невѣста даритъ его полотенцемъ своей работы; взаменъ получаетъ сейчасъ же полотенце отъ крестной матери.

Затѣмъ всѣ выходятъ на крыльцо и начинаютъ разсаживаться. Невѣста на своихъ лошадей съ провожатой и теткой, а женихъ на своихъ ¹⁾ между обоими дружками. Весь поѣздъ 3 раза обходятъ съ образами дружки и сваха (провожатая). Затѣмъ всѣ крестятся, кланяются на всѣ 4 стороны и выѣзжаютъ. Впередъ ѣдетъ женихъ, но потомъ останавливается и пускаетъ невѣсту впередъ. Затѣмъ слѣзаетъ, догоняетъ ее и слегка ударяетъ три раза кнутомъ, приговаривая:

„Покинь волю батюшкину,
Отставай отъ нѣги матушкиной:
Привыкай къ обычаю мужнину;
Забудь красоту свою дѣвичью!“

(Тутъ уже перестаетъ плакать дѣвушка, обычай строго запрещаетъ это). Потомъ садится на повозку и возвращается звать родителей невѣсты на званый пиръ свадебный. Тѣ, обыкновенно, сейчасъ же отправляются въ домъ его родителей. Послѣ священнаго

¹⁾ Ѣхать жениху или невѣстѣ на чужихъ лошадахъ въ церковь страшный позоръ и стыдъ для ихъ „сродства“.

обряда ¹⁾), всѣ поздравляютъ молодыхъ, уводятъ въ притворъ и сажаютъ тамъ на скамейку.

Обрядятъ невѣсту въ кокошникъ, (иногда въ рога), затѣмъ осыпаютъ ихъ обоихъ хмелемъ, чтобы подвижнѣе да легче были молодые, косу молодой расплетаютъ и выбиваютъ изъ платковъ. Выводитъ молодыхъ обыкновенно дружка, сажаетъ вмѣстѣ между провожаткой и замужней сестрой жениха. На разныхъ лошадяхъ молодые не ѣздятъ: съ этого момента они и сидятъ, и ходятъ тѣснясь другъ къ другу, чтобъ злой духъ не поселся между ними, не произошло бы чего худого.

Изъ церкви поѣзжане обыкновенно обгоняются, пляшутъ на повозкахъ, поютъ пѣсни, играютъ на гармоникахъ. Первыми въѣзжаютъ на дворъ дружки съ крестными, затѣмъ молодые (невѣста покрыта большой шалью); ихъ берутъ подъ руки и ведутъ на крыльцо, гдѣ стоятъ уже родители съ хлѣбомъ и солью. Всѣ приступки крыльца устланы широкимъ бѣлымъ холстомъ, чтобъ, какъ холстъ, полна и ровна была жизнь молодыхъ ²⁾).

Подойдутъ близко къ родителямъ — земно поклонятся имъ, перекрестятся, цѣлуются и принимаютъ хлѣбъ съ солью. Тутъ ихъ опять посыпаютъ хмелемъ до самой двери. На порогъ кладутъ всегда запертой замокъ, чтобъ крѣпко — „въ замокъ“ молодые жили —

¹⁾ Во время вѣнчания дружка все время нашептываетъ жениху разныя наставленія, когда поцѣловать руку у священника, когда свѣчу принять, когда погасить, какъ перекреститься и сколько разъ поклониться. А передъ началомъ таинства убѣждаетъ его впередъ стать на платокъ брачующихся: жена будетъ „смирнѣе да податливѣе“. То же самое дѣлаетъ и сваха — провожатая невѣсты.

²⁾ Смотря по погодѣ въ день брака — существуютъ разныя примѣты у крестьянъ. Если дождь идетъ: вѣкъ плакаться молодымъ на своихъ родителей. Ясно — и жизнь ихъ будетъ ясная да веселая. Идетъ погода — богатымъ быть; пасмурно — и въ супружествѣ будетъ неладно.

не расходились. Впередь входятъ родители и крестятся, за ними уже молодые, поддер живаемые свахой и дружкой. Переступаютъ черезъ порогъ,—за косяки не хватаются—и произносятъ молитву: „Господи Исусе Христе“... А крестный: „Спаси, Господи, въ святыхъ твоихъ молитвахъ раба такого-то и такую-то“... Только что входятъ въ избу, какъ ихъ встрѣчаетъ съ кочергой какая ниб. старуха—родственница въ перевернутомъ полушубкѣ, съ закрытымъ лицомъ. Стучить, замахивается на молодую, произносить какую-то безсвязную, строгую рѣчь. Этимъ олицетворяется суровая свекровь—совершенный контрастъ родной „матушки-потачницы,“ строго взыскивающая со снохи за каждую малость. Есть основаніе думать, что въ старину наряжались такимъ образомъ сами свекрови. Въ с. Пеняхъ до сихъ поръ удержался этотъ обычай во всей цѣлости. На крыльцѣ она встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ, а затѣмъ быстро перебѣгаетъ въ избу, одѣвается въ заране перевернутый полушубокъ и встрѣчаетъ въ томъ видѣ молодыхъ.

Когда соберутся всѣ въ избу, дружкой выступаетъ впередь и, обращаясь къ родителямъ, спрашиваетъ:

„Ну, матушка—батушко,

Чѣмъ вы молодыхъ своихъ пожертвуете?..“

Отвѣчаетъ обыкновенно мать въ сторону снохи:

„Коровку съ рогами,

Лошадку съ ногами,

Одно одонье ржи,

А другое сама нажни“!

Тутъ молодые опять въ ноги кланяются родителямъ, а затѣмъ дѣлаютъ по низкому поклону на всѣ четыре стороны. Священникъ читаетъ молитву и всѣ начинаютъ усаживаться за столъ; молодая сидитъ все время закрытая, молчить, ничего не ѣстъ. Свекровь подходитъ

къ ней съ сковородникомъ и поднимаетъ имъ длинную шаль ея со словами:

„Не крива-ли, не слѣпа-ли
Наша молодица“?..

Молодую скоро уводятъ „обряжаться“; за ней уходитъ и молодой въ горницу, а если нѣтъ ея—къ сосѣдямъ. Въ избѣ остаются одни гости. Какъ только уходитъ священникъ, посылаютъ обыкновенно за колдуномъ. Колдуновъ на селѣ боятся въ такихъ случаяхъ: долго ли испортить молодыхъ, насадить киль или поселить между ними нечистую силу. Колдуны всегда наперечетъ извѣстны по селу: одни посильнѣе, другіе послабѣе. Задобришь „сильнаго“, не посмѣетъ тогда сдѣлать худого „слабый“. Въ каждомъ селѣ почти найдутся двое-трое такихъ молодцовъ. Обыкновенно это—пожилые, вдовые крестьяне, бездѣтные, отнюдь не земледѣльцы, а какіе-нибудь ремесленники: рыбаки, лѣсники или караульщики. Всегда при этомъ самая ужаснѣйшая наружность: некрасивые съ свирѣпымъ видомъ, длинными бровями, большой всклокоченной бородой и волосами. Колдуновъ создаетъ тутъ само общество, начиная съ суевѣрныхъ бабъ и глупыхъ ребятишекъ. Умерла у престарѣлаго крестьянина жена, захандрилъ онъ, оставшись бобылемъ, сталъ нелюдимъ въ міру—вотъ уже и первое подозрѣніе на него: не проста, дескать, все это дѣлается, съ чертями знаться начинаетъ. А тамъ глядишь мало по-малу накапливаются факты. Какой-нибудь паренекъ видѣлъ старика во ржахъ съ заколдованными травами, другой сообщаетъ, что „ѣхалъ съ лошадыми“ мимо кладбища видѣлъ его по поясъ въ могилѣ; разрывалъ ногтями землю, доставалъ оттуда кости человѣческія... Такія новости нарасхватъ принимаютъ крестьяне и скоро не только по этой деревнѣ, но и въ окружныхъ селахъ становится извѣстнымъ.

что такой-то—колдунъ, знается съ нечистымъ духомъ, обладаетъ той, или другой силой. Вотъ и начинаютъ къ нему стекаться отовсюду бабы: одна просить приворожить къ ней мужа, другая насадить килы какому нибудь ненавистному человѣку, третья разрѣшить ея безплодіе. За все это онъ напередъ просить богатыя жертвы и обильныя возліянія. Каждая навѣрняка принесетъ полуштофчикъ водки, рубль-другой денегъ, да холста, аршинъ десятокъ. Какъ устоять тутъ бездомному старику, у котораго нѣтъ ни жены, ни дочерей, что бы „ухеталь“ его: сшилъ лишнюю рубашку, справилъ кафтанъ къ празднику. Тутъ сами идутъ деньги, чего же отъ нихъ отказываться коли даютъ, бери! Вотъ онъ и беретъ посильныя приношенія, ворожить за нихъ по планамъ изобрѣтательной фантазіи, придумываетъ различныя травы и нашенгиванія. По долгомъ опытѣ ознакомляется онъ хорошо съ растительнымъ царствомъ: узнаетъ дѣйствія различныхъ травъ и настоекъ. Сначала профессія его носитъ характеръ самоучки-лѣкаря, потомъ уже онъ начинаетъ злоупотреблять своими знаніями: портитъ людей, нагоняетъ повальныя болѣзни на скоть и становится заправскимъ колдуномъ. Онъ завоевалъ уже себѣ нужный кредитъ въ обществѣ, ему нѣтъ нужды зашибать копѣйку *льчи-нѣмъ*, онъ всегда возьметъ деньги и за то, что не *портитъ*. Не далеко отъ насъ есть сплошное почти село колдуновъ. Тамъ доброму человѣку, говорятъ крестьяне, и жить невозможно: не угостишь, не заплатишь хорошенько „первостатейнымъ“ колдунамъ — и не думай заводиться хозяйствомъ: овцы дохнуть, лошади не ходятъ, у коровъ вымя сохнетъ. Призываетъ хозяинъ заглавнаго:—Ты сдѣлалъ? „Нѣтъ“. — Можешь поправить дѣло? „Могу, коли расчетъ будетъ“! Нечего дѣлать. Вынимаетъ хозяинъ 5 рублевую—идетъ опять наладъ хозяйство. Чѣмъ старше колдунъ, тѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ больше у него опытности въ нечи-

стых дѣлахъ. Крестьянинъ строго различаетъ тутъ „учениковъ“ отъ *настоящихъ* колдуновъ. Ученики эти—тоже какіе-нибудь сельскіе неудачники, рѣшающіеся „идти въ науку“ къ колдунамъ. Уроки эти преподаются обыкновенно въ нечистыхъ мѣстахъ: на чердакѣ, въ овинахъ или болотныхъ трупобахъ. Колдунъ сначала испытываетъ ученика, ужасаетъ его привидѣніями, погружаетъ въ воду по самую шею, зарываетъ въ могилахъ, заставляетъ прыгать черезъ костеръ и т. п... Когда выдержитъ ученикъ искусь, тогда онъ открываетъ ему часть своихъ знаній и заповѣдуетъ строго держать ихъ втайнѣ: въ противномъ случаѣ онъ угрожаетъ самой ужасной смертью. Водятся по селамъ и колдуньи, коихъ создаетъ въ народѣ тотъ же факторъ—слѣпое невѣжество крестьянина. Колдуньи—тоже вдовы. Замѣчаются ночью, когда разсыпается надъ ея домомъ огненный змѣй ¹⁾ въ искрахъ. Увидитъ какой-нибудь мальчишка и разнесетъ по всей деревнѣ. Вырабатываются точно также, какъ и колдуны; сначала онѣ простыя ворожеи: не портятъ, а только лѣчатъ. Станутъ постарѣе, заберутъ силы въ обществѣ—и изъ простой знахарки обращаются въ злую колдунью. Колдуньи гораздо слабѣе колдуновъ и далеко не такъ страшны для мужчины. Онѣ рѣдко портятъ людей; до полночи ворожатъ дѣвушкамъ, а съ полночи въ трубу вылетаютъ, оборотнями по селу ходятъ. Онѣ гораздо добрѣе колдуновъ: развѣ пошутятъ порой надъ запоздавшимъ пьянымъ человѣкомъ; оборотится свиньей да и пролетитъ между ногъ его, съ дикимъ визгомъ. Оборачивается вѣдьма у себя въ снѣгахъ: воткнетъ 12 ножей острі-

¹⁾ Змѣй—одно изъ основныхъ представленій нашихъ крестьянъ. Онъ попускается Богомъ за непростительный грѣхъ—тоски по мертвымъ. Вдовѣ змѣй является въ образѣ мужа, дѣвушка въ образѣ жениха ея: возбуждаетъ въ нихъ томительное чувство любви и „сушить“ въ преступной связи съ собою.

емъ кверху, перепрыгнетъ чрезъ нихъ—и станетъ любымъ оборотнемъ.

Колдуны люди нечистые; со смертію попадаютъ прямо въ адъ, но это не мѣшаетъ имъ беспокоить земныхъ враговъ своихъ. Они являются во снѣ, дѣлаютъ какіе-то завѣты и произносятъ угрозы за неисполненіе ихъ. На каждомъ сельскомъ погостѣ увидите вы двѣ—три могилы съ осиновыми колыями: ихъ вбили на могилахъ колдуновъ, чтобъ они не выходили по ночамъ изъ могилъ, не смущали бы мира живущихъ. Нечистые люди колдуны, не надо знаться съ ними, но не слѣдъ и раздражать ихъ: случится ли праздникъ или какой-нибудь торжественный случай въ семьѣ—надо звать колдуна: какъ бы худого чего не случилось. Такъ и на свадьбѣ. Родители жениха всегда позаботятся объ этихъ гостяхъ и съ поклонами отправятъ къ нему поддрузье. Колдунъ не отказывается, но приходитъ послѣ священника: не боится онъ его самого, да боится креста его съ Божиимъ распятіемъ. На всякій случай хозяйка принимаютъ нѣкоторыя мѣры отъ порчи: осѣняютъ крестомъ комнату, пишутъ кресты на притолкахъ входной двери. Попадутся удалые сваха съ дружкой и на строятъ подъ-часъ самыхъ пренепріятныхъ вещей для колдуна. Заткнутъ подъ столъ ножикъ, воткнутъ топоръ на порогъ или перевернуть рогачи съ ухватями; тогда бѣда колдуну: замечется, запрыгаетъ по комнатѣ какъ бѣшенный и убѣжитъ домой безъ шапки. Веселы эти шутки, но рѣдко онѣ имѣютъ мѣсто при свадьбахъ: и свахѣ съ дружкой достанется отъ разобиженнаго колдуна и молодой не сдобровать: либо зачахнетъ, либо въ „покликушу“ ¹⁾ обратится. Всегда

¹⁾ Покликуши—испорченныя, одержимыя злымъ духомъ женщины. Въ церковь ходятъ рѣдко, а если бываютъ за литургіею, нечистая сила сотрясаетъ больную и дважды (во время Херувимской пѣсни и чтенія Евангелія) вопить въ ней дикимъ потрясающимъ голосомъ. (Не разъ приходилось мнѣ самому быть очевидцемъ такихъ явленій).

поэтому избѣгаютъ раздражать колдуна, при свадьбахъ его особенно убажаютъ: угощаютъ предпочтительно предъ всѣми. Долго онъ съ гостями не сидитъ, посидитъ часокъ, другой и распрощается съ хозяевами. Коли скажетъ на прощаніи: пусть, дескать, живутъ молодые въ *здоровьи* да въ *согласіи*, — все стало быть обойдется счастливо, а коли пойдетъ да покряхтитъ, только изъ подъ-лобья взглянувъ на хозяйку, тутъ ужъ дѣло неладно: жди чего нибудь худого, почаще молебны служи.

По уходѣ колдуна самые гости чувствуютъ себя какъ-то свободнѣе. Пойдутъ шуточные, сердечные разговоры, тутъ уже почаще станутъ прикладываться и къ чарочкѣ: скажешь лишнее слово бояться особенно некого: ушелъ „злой человекъ“.

Часовъ до 3-хъ, до 4-хъ кутятъ обыкновенно гости званые; (потомъ начинаютъ расходиться). Называютъ всѣ другъ друга сватами, да сватьями; названіе это присвоивается сторонами брачующихся по отношенію другъ къ другу. Часамъ къ 5 начинаютъ расходиться; длинной вереницей потянутся ряды охмелѣвшихъ мужиковъ съ бабами; идутъ, кто съ кѣмъ попалъ, непременно обнявшись и съ пѣснями. (Остались силы — пустятся въ плясъ). Шумно проводятся вообще крестьянскія свадьбы; много шума по домамъ, еще больше выносятъ его на улицу!

А молодые пируютъ отдѣльно: въ „сосѣдяхъ“ или въ горницѣ. Тутъ все больше дѣвки, да близкія родственницы. Къ вечеру всѣ начинаютъ расходиться. Уводятъ и жениха съ невѣстой въ кухню. Тутъ начинаютъ готовить имъ брачную постель. Постель всегда справляется невѣстой ¹⁾, она состоитъ обыкновенно изъ потника, грубой ветоли и 2-хъ, 4-хъ жесткихъ поду-

¹⁾ За постелью посылаютъ передъ вечеромъ; выдаютъ дѣвушки постѣ выкупа мелкой монетой.

шекъ. Съ измалолѣтства не привыкають крестьяне къ роскоши: вполне довольствуются и такой спартанской обстановкой. Стелятъ постель обыкновенно сваха съ замужней сестрой молодого. Въ Богоявленіи и Шакуровѣ (Елат. уѣз.) тутъ необходимо присутствуетъ еще подружіе, смотритъ какъ бы тутъ не явилась попытка скрыть отсутствіе цѣломудрія молодой; случаи эти, говорятъ, бывають. Готова постель—на нее укладываются прежде всего, дружка со свахой; заигрываютъ обыкновенно другъ съ другомъ, отпускають различныя нескромныя шуточки. Этотъ обычай обновленія новобрачной постели держится почти во всѣхъ нашихъ селахъ, но повсюду почти утратилъ старое содержаніе свое, всякій смыслъ для крестьянъ. Держится только потому, что нравится забавная форма, шутливая сторона дѣла. Приводятъ прежде молодую. Ее укладываетъ сваха въ присутствіи замужней сестры молодого; долго шепчется съ ней: учить ее уму разуму въ отношеніяхъ супружескихъ. Въ составъ этихъ оригинальныхъ наставленій входитъ между прочимъ совѣтъ: играть да „не заигрываться“ съ женихомъ; какъ бы не дошло до чего худого: грѣшно будетъ „худое дѣло“ до 3-хъ дней—до молебна ¹⁾. Скоро приводятъ и жениха: та же сваха съ дружкой, укладываютъ и оставляють наконецъ молодыхъ съ шутливими напутствованіями. Въ первые три дня отношенія молодыхъ сохраняются въ большинствѣ случаевъ чистыми. Невѣста особенно свято хранить этотъ обычай; въ крайнемъ случаѣ она нерѣдко бѣгаетъ отъ мужа и призываетъ на помощь свекровь съ дружкой. Въ селахъ, гдѣ замѣчается вліяніе однодворцевъ—обычай этотъ выходитъ изъ употребленія. Въ Шакуровѣ и Богоявленіи первая ночь для невесты носить почти обязательный характеръ. На другой день заявляются обыкновенно конт-

¹⁾ Иногда до недѣли.

ролеры ея честности, дружко со свахой, и легко могутъ сдѣлать ея безъ вины виноватой,—опозорить въ глазахъ родителей. У насъ узнается все только на третій день; входитъ опять дружко со свахой и, если видятъ обоихъ въ хорошемъ расположеніи духа, тутъ стало-быть и толковать нечего: все обстоитъ благополучно. Золовка готовитъ ушатъ съ водой, сваха беретъ рубашку новобрачной и идутъ съ дружкой къ колодцу торжественно проливать ушатъ съ водою на виду всей деревни¹⁾. Невѣста даритъ тутъ золовкѣ поясъ. Обрядъ этотъ есть нѣчто въ родѣ публичнаго доказательства невинности молодой и особенно имѣетъ мѣсто тогда, когда про невесту ходили по селу дурные слухи. Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пеньки, Абухово, отчасти и Темирево) обманувшійся супругъ наказываетъ свою молодую плетью. Входитъ сваха съ дружкой, а она стоитъ у него на колѣняхъ передъ кроватью, плачетъ и проситъ прощенья.

Дружко говоритъ обыкновенно: „прибавь, прибавь“! сваха заступается, старается умиловить разгнѣваннаго супруга. На этотъ же день, если придутъ родители молодой, дружко выговариваетъ имъ за несоблюденіе чести дочкиной:

„Умѣли вы, родители любезные,
Вскормить-вспоить дочку родную,
А соблюсти не умѣли“!

Когда невеста окажется честной, тотъ же дружко торжественно благодаритъ ихъ:

¹⁾ Обрядъ имѣетъ очевидную связь съ представленіемъ народа о ключѣ, какъ источникѣ животворящей, плодотворной силы; ушатъ съ водой никогда не бываетъ заранѣе приготовленнымъ: воду доставляютъ при самомъ обрядѣ и непременно изъ колодца, гдѣ бьютъ водяныя жилы.

„Благодаримъ васъ, родители любезные,
 Что умѣли вы вспоить-вскормить свою дочку род-
 ную,
 Умѣли вскормить, — умѣли и добру научить“.

Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пателино, Хохловка) на утро послѣ первой ночи бьютъ горшки о двери горницы, а войдутъ молодые въ избу—посуду объ полъ. Среди чистыхъ крестьянъ обычай этотъ почти не встрѣчается. По идеѣ у крестьянъ есть уже однородный обычай—проливаніе воды у колодца, но онъ происходитъ обыкновенно на третій день только. Другой день свадьбы проводится у крестьянъ всегда чинно, безъ особаго шума. Новобрачные идутъ съ утра къ родителямъ молодой, за ними и всѣ близкіе родственники. Устраивается нѣчто въ родѣ завтрака. Молодыхъ кормить мать отдѣльно; угощенія подаетъ большія и изысканныя. Отсюда всѣ идутъ на обѣдъ къ родителямъ же ниша. Молодыхъ усаживаютъ въ передній уголь, заставляють постоянно цѣловаться, спрашиваютъ объ имени другъ-друга; мужъ назоветъ ее обыкновенно по имени и отчеству, но никогда не дожидется этой чести отъ молодой супруги; либо скажетъ „никакъ“, либо назоветъ ругательно: какимъ нибудь Степкой или Яшкой ¹⁾. За столомъ подводятъ къ молодой какого нибудь маленькаго *мальчика* и сажаютъ на колѣнки. Она цѣлуетъ его, да ритъ гостинцами и „дѣвичьимъ поясомъ“. Обрядъ этотъ сильно распространенъ между нашими крестьянами и твердо хранится ими.

Цѣль тутъ по понятіямъ крестьянъ двоякая: расположить молодую женщину къ рожденію дѣтей и внушить любовь вообще къ маленькимъ дѣтямъ. Послѣднее доказываетъ молодая предъ всѣми своимъ цѣлованьемъ и ласками, а духовную расположенность свою

¹⁾ За обѣдомъ берутъ у невѣсты полотенца и кладутъ деньги.

къ рожденію дѣтей отдачей *дѣвственнаго* пояса. Освобожденіе дѣвичихъ чреслъ отъ пояса имѣеть какъ бы нѣкоторую связь съ рожденіемъ дѣтей.

Послѣ обѣда гости пьютъ обыкновенно брагу. Золовка беретъ вѣникъ и 3 раза подметаетъ полъ; молодая дарить ее платкомъ. Обычай этотъ имѣеть цѣлью установить добрыя отношенія золовокъ къ молодой, чтобъ помогали другъ другу въ хозяйствѣ, не перекорялись бы изо всякихъ пустяковъ, изъ того, напр., кому подметать полъ, топить печку и т. п... Первые два дня послѣ свадьбы гуляютъ обыкновенно у молодыхъ, а затѣмъ уже сами молодые ходятъ по своимъ родственникамъ, всегда почти съ родителями и дружкой. Свадебный пиръ длится обыкновенно цѣлую недѣлю, а иногда и больше, смотря по времени и достаткамъ. Молодая сама догадывается, когда нужно братья за работу; иная съ 3-го 4-го дня начинается присматриваться къ хозяйству и помогать свекрови съ золовками. Супружескія отношенія „молодыхъ“ создаются и укрѣпляются постепенно. Попадаются жены, что по году и по два не зовутъ даже своихъ мужей по имени; долгое время дичатся ихъ, избѣгаютъ оставаться наединѣ; обращаются съ ними грубо, какъ бы обиженные иль раздраженные чѣмъ либо.

Съ первыхъ же дней выбираютъ себѣ „подружекъ“ изъ сосѣднихъ „молодицъ“ иль изъ старыхъ близкихъ дѣвушекъ. Имъ повѣряютъ онѣ всѣ тайны, дѣлятся и горемъ и радостью супружеской жизни. Въ большинствѣ случа евъ подруженьки—замужнія молодые женщины изъ такъ называемыхъ названныхъ сестръ. Въ нѣкоторыхъ селахъ сохранился еще обычай посестрія ¹⁾, которое переходитъ съ замужествомъ сторонъ въ „подружіе“. Отношенія подружекъ крайне тѣсныя, мало

¹⁾ Самый обыкновенный обрядъ посестрія слѣдующій: „Дѣвушки (болѣе или менѣе подходящаго возраста) зажигаютъ восковыя свѣчи, становятся передъ иконами молча и долго кладутъ земные пок-

будетъ назвать ихъ даже отношеніями сестеръ. Тайнъ у нихъ почти никакихъ не бываетъ, онѣ откровеннѣе и задушевнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ съ родителями и мужьями своими. При всякомъ удобномъ случаѣ помогаютъ другъ другу, справляютъ разныя хозяйственныя обязанности; вѣрныя ходатайницы и посредницы при ссорахъ и семейныхъ непріятностяхъ. За мужьями другъ друга слѣдятъ такъ же ревниво, какъ за своими собственными; замѣтитъ одна что нибудь недоброе за мужемъ другой, услышитъ какіе нибудь толки на этотъ счетъ и сейчасъ спѣшитъ повѣдать все горемычной подругѣ. Поплачутъ, поголосятъ вмѣстѣ надъ несчастьемъ, а потомъ начнутъ совѣтъ держать какъ помочь горю, возстановить старыя отношенія. У мужей на этотъ случай есть свои помощники — „товарищи“; они выбираютъ изъ взрослыхъ парней и служатъ такую же службу, какъ подружки другъ другу. Товарищество холостыхъ съ женатыми за послѣднее время все увеличивается и увеличивается по мѣрѣ развитія отхожихъ промысловъ. Молодой супругъ не проживетъ иной разъ и году, какъ ужъ отецъ отправляетъ его на Волгу или куда нибудь въ работники. Жена остается одна подъ слабымъ контролемъ свекрови и оставляетъ естественно тысячу опасеній за свою вѣрность. Хорошо еще есть въ семействѣ золовки да невѣстки, а если нѣтъ ихъ—тогда молодой женѣ и воля и доля: любись съ кѣмъ знаешь: кому нужно подсматривать грѣшки ея сердечные, да рассказывать о нихъ супругу „богоданному“? Печальные „грѣшки“ къ несчастью съ каждымъ годомъ все прибавляются и прибавляются. Все чаще и

лоны. Затѣмъ становятся другъ противъ друга, произносятъ взаимныя обѣщанія вѣрной дружбы и троекратно цѣлуются (въ уста и плечи) со словами: „будь же ты моя названная старшая, (или—младшая, смотря по возрасту) сестра, милѣе братцевъ единоутробныхъ, милѣе батюшки родного!!!“

чаще можно встрѣтить среди крестьянъ случаи супружеской невѣрности. Виновны тутъ и отхожіе промыслы, и солдатчина, ранніе браки здѣсь положительно растлѣваютъ нравственность сельской молодежи, въ конецъ извращаютъ ее. За послѣднее время выбивается наружу болѣе грустное и оскорбительное явленіе „снохачества“.

А. П. Звонковъ.

Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ.

Одной изъ отличительныхъ чертъ древнѣйшаго процесса является безспорно та выдающаяся роль, которая принадлежала въ немъ Божеству. Судебная истина являлась въ глазахъ древняго человѣка одной изъ тѣхъ многочисленныхъ, недоступныхъ его пониманію тайнъ, которыя онъ считалъ исключительнымъ достояніемъ Божества и за раскрытіемъ которыхъ къ нему обращался. По характерному сравненію М. М. Ковалевскаго, древнѣйшее судебное разбирательство являлось скорѣе чѣмъ-то въ родѣ гаданія или вопрошанія оракула, а древнее судебное рѣшеніе не столько основывалось на холодной разсудочной дѣятельности человѣка, сколько являлось лишь выполненіемъ того или другого Божьяго внушенія *). Судебные поединки испытанія огнемъ и водой, бросаніе жребія, присяга истца, отвѣтчика, ихъ родственниковъ и другихъ лицъ и нѣкоторыя другія дѣйствія—вотъ тѣ способы, послѣ примѣненія которыхъ,—человѣчество вѣрило,—Божество въ той или другой формѣ обнаруживаетъ свою волю. Древнѣйшія законодательства наряду съ современнымъ обычнымъ правомъ многихъ некультурныхъ народностей въ обилии сохранили намъ слѣды этого рода судебныхъ доказательствъ. Въ меньшемъ количествѣ, но всетаки находимъ мы ихъ и въ русскомъ обычномъ

*) М. М. Ковалевскій: Современный Обычай и Древній Законъ, т. 2-й стр. 236-

правъ и притомъ по преимуществу въ правъ тѣхъ мѣстностей, которыхъ наименѣе коснулось вліяніе новыхъ цивилизующихъ началъ, гдѣ въ бѣльшей цѣлости сохранилось старинное религиозное міросозерцаніе, и гдѣ наряду съ официальными волостными судами продолжаютъ существовать тѣ чисто народные, неофициальные суды родственниковъ, сосѣдей, схода и проч., въ практикѣ которыхъ обращеніе къ Божеству по преимуществу сохранило свою силу. Но и здѣсь слѣды этой стороны старыхъ судебныхъ порядковъ сохранились лишь въ видѣ немногихъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ обломковъ. Лишь кое-гдѣ изрѣдка находимъ мы указаніе на рѣшеніе дѣла жребіемъ, на примѣнявшуюся когда-то ордалію, на выдающееся сравнительно съ закономъ значеніе присяги, на нѣкоторое юридическое значеніе божбы, на существованіе сверхъестественныхъ способовъ раскрытія виновнаго и отысканія краденной вещи еще до судебного разбирательства.

Одной изъ такихъ мѣстностей являются безспорно посѣщенные мною нынѣшнимъ лѣтомъ по порученію Отдѣла Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи — Елатомскій и Темниковскій уѣзды Тамбовской губерніи. Въ настоящемъ очеркѣ я попытаюсь свести воедино всѣ тѣ случаи вмѣшательства сверхъестественной силы въ судебное разбирательство, которые мнѣ удалось лично наблюдать въ этой мѣстности, или о которыхъ пришлось слышать. Одни изъ нихъ, какъ присяга, божба, жребій и т. п. съ полной силой продолжаютъ примѣняться вплоть до настоящаго времени, рассказы объ другихъ, какъ объ ордаліяхъ, представляютъ собой только преданія о томъ, что имѣло здѣсь мѣсто когда-то, въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ. Изложенное вмѣстѣ, это представитъ тотъ матеріаль, который мнѣ удалось по данному вопросу извлечь изъ этой мѣстности.

Наиболѣе распространеннымъ способомъ вмѣшательства Божества какъ въ судебномъ разбирательствѣ, такъ и въ обыденной жизни является тотъ способъ призванія его въ свидѣтели истины, который обыкновенно называютъ божбою, — способъ, нечего и говорить, давно утратившій всякое религіозное и юридическое значеніе. Еще во Второзаконіи находимъ мы извѣстное запрещеніе пользоваться имъ, какъ такимъ, въ которомъ имя Божіе упоминается не серьезно, при чемъ тотъ же памятникъ вполне допускаетъ пользованіе клятвой въ важныхъ случаяхъ. Кромѣ обычныхъ формулъ божбы: „Ей Богу“, „вотъ-те Христось“ и т. п., крестьяне называютъ также божбою нѣкоторыя другія, на первый взглядъ не имѣющія съ божествомъ ничего общаго. Такъ „христіанской“ божбой называются выраженія „съ мѣста не сойти“, „глаза лопни“ и т. п. Названіе этой божбы христіанской по всей вѣроятности объясняется тѣмъ, что слова „христіанскій“ и „крестьянскій“ у крестьянъ постоянно смѣшиваются и слова „христіанская божба“, по всей вѣроятности, равносильны словамъ „обычная, общеупотребительная божба, которою пользуются всѣ добрые люди.“ Юридическаго значенія, какъ я уже сказалъ, божба не имѣетъ. „Не божиться, такъ и не воровать“ говорятъ крестьяне; „попался, такъ и божится, на божбу его не глядишь. Что же, что божится! я самъ видѣлъ!“ говорятъ крестьяне о тѣхъ, кто божится. Но въ видѣ исключенія, по обоюдному согласію сторонъ случается иногда, что судебное разбирательство кончается простою божбою. Одинъ изъ спорящихъ, не желая, какъ говорятъ крестьяне, „доходить изъ за малаго до большихъ дѣловъ“, предлагаетъ другому побожиться въ присутствіи родственниковъ или стариковъ схода (смотря по тому, гдѣ разбирается дѣло), и, если тотъ побожится, считаетъ дѣло оконченнымъ. Трудно сказать, на чемъ больше основывается доказательная сила божбы въ этомъ слу-

чаѣ: на ея ли собственной внутренней силѣ или только на той обстановкѣ, въ которой она произносится. По всей вѣроятности послѣдняя играетъ въ этомъ случаѣ такую же, если еще не болѣе важную роль, что и первая. Кромѣ обыкновенныхъ формъ божбы, въ этомъ случаѣ употребляется другая, болѣе страшная божба женой, дѣтми и самимъ собой, формуль которой я, къ сожалѣнію, не могъ узнать. Окончаніе дѣла божбой бываетъ по преимуществу въ спорахъ между родственниками и при томъ тогда, когда они разбираются на судѣ родственниковъ же или на судѣ сельскаго схода. „Бываетъ такъ,“ говорятъ крестьяне, „спорять братъ съ братомъ; выйдутъ на сродство или на стариковъ. Кто жалуется, скажетъ: побожись дѣтми или собою или такъ просто по христіански побожись: „вотъ съ мѣста не сойти“ или „не видать мнѣ ничего.“ Тотъ побожится и дѣло кончаютъ; попа не тревожатъ. Братъ, который жаловался, скажетъ: „владѣй моимъ добромъ, коли ложно божбу принялъ! Богъ съ тобой, я не гонюсь.“

Совершенно иное значеніе имѣетъ присяга, какъ призываніе Бога въ свидѣтели истины, дѣлаемое въ особой торжественной формѣ, къ которому прибѣгаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности иными путями добраться до истины. Для людей присяга является тѣмъ крайнимъ средствомъ раскрытія истины, къ которому прибѣгаютъ, когда всѣ остальные средства уже испробованы и не привели ни къ какимъ результатамъ. Присяга — это то средство, послѣ примѣненія котораго крестьяне вѣрятъ, что самъ Богъ раскроетъ истину людямъ. Крестьяне убѣждены, что тотъ, кто приметъ присягу, будетъ дѣйствительно говорить правду, подъ страхомъ въ противномъ случаѣ жестокаго Божья гнѣва и неминуемой жестокой Божьей кары. Увѣренность въ неминуемости этой послѣдней, какова бы она ни была, — точныхъ представленій объ ней мнѣ

встрѣтить не удалось, — у крестьянъ такъ велика, такимъ невѣроятнымъ и исключительнымъ является одно предположеніе о возможности ложной присяги, что эта послѣдняя не теряетъ своей безусловной доказательной силы даже и тогда, когда завѣдомо она принята ложно. Будетъ сказана ложь, — все равно присягѣ вѣрять, пускай вся совокупность другихъ доказательствъ говоритъ противное. Другое дѣло ложно присягнувшій. Онъ творитъ страшный грѣхъ, за который въ той или иной формѣ, въ этой или будущей жизни, такъ или иначе, но ему придется жестоко платиться. Определенныхъ представленій относительно того, въ какой именно формѣ обрушивается на него Божье наказаніе, я не встрѣчалъ. Тяжесть вины ложно присягнувшаго увеличивается еще тѣмъ, что кромѣ обмана Божества, онъ является виновникомъ постановки неправильнаго судебного рѣшенія, отвѣтственность за которое съ этого времени также, по понятіямъ крестьянъ, всею своею тяжестью ложится не на судей, а на него одного. Судьи, послѣ принятія обвиняемымъ присяги, свободны отъ всякаго нареканія общественнаго мнѣнія, отъ всякой отвѣтственности какъ нравственной, такъ и юридической. „Коли приметъ присягу, ей вѣрять,“ говорятъ крестьяне; „хоть онъ тамъ и согрѣшилъ, принялъ присягу — его дѣло. Присягу кто даетъ, пускай отвѣчаетъ за свои грѣхи самъ. Начальство все покрываетъ подъ присягу. Такъ божится не вѣрять.“ Юридической отвѣтственности за ложную присягу, сколько мнѣ извѣстно, не бываетъ. Все то, чѣмъ могутъ наказывать ложно присягнувшаго человѣческія власти, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ждетъ его отъ Бога. Ниже я приведу случай, гдѣ завѣдомо была принята ложная присяга. Немаловажнымъ обстоятельствомъ, укрѣпляющимъ въ глазахъ крестьянъ уваженіе къ присягѣ, является, по ихъ собственнымъ словамъ, то, что они знаютъ, что присяга признается и закономъ, и между про-

чимъ примѣняется, по ихъ взглядамъ, съ тѣмъ же значеніемъ, что и у нихъ, и въ такъ называемыхъ „большихъ“ т. е. окружныхъ судахъ.

По словамъ крестьянъ, къ присягѣ прибѣгаютъ въ практикѣ судовъ родственниковъ и въ практикѣ суда сельскаго схода. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ она примѣняется крайне рѣдко. Говоря о случаяхъ обращенія къ ней на судѣ родственниковъ, я основываюсь только на словахъ нѣкоторыхъ крестьянъ, говорившихъ мнѣ, что, „какъ ни въ чемъ нельзя уличить, знамо присягу. Бываетъ, да рѣдко, и отъ сродниковъ присяга: все больше по большимъ судамъ.“ Лично я не знаю ни одного случая ея примѣненія у родственниковъ, что и неудивительно, такъ какъ вообще суду сосѣдей и родственниковъ подвѣдомственъ довольно узкій кругъ дѣлъ, и, если присяга въ нихъ и примѣняется, то, конечно, это бываетъ крайне рѣдко. Приведенныя слова во всякомъ случаѣ указываютъ на то, что присяга у родственниковъ не является чѣмъ-то невысказаннымъ, по крайней мѣрѣ по понятіямъ крестьянъ. Что касается до суда старость и стариковъ схода, то мнѣ лично извѣстенъ одинъ случай ея примѣненія, случай, къ которому я вернусь ниже. Относительно практики волостнаго суда я имѣю рядъ указаній на то, что по крайней мѣрѣ, въ названныхъ двухъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, къ ней не прибѣгаютъ. Что касается до того, для кого изъ тяжущихся допускается присяга, то мнѣ извѣстны только случаи приведенія къ ней отвѣтчика. На существованіе такъ называемой „дополнительной“ присяги т. е. той присяги, которая предоставляется истцу въ небольшихъ искахъ при отсутствіи другихъ доказательствъ, то мнѣ не пришлось встрѣтить указаній. Если она и допускается, то несомнѣнно, что это встрѣчается крайне рѣдко.

Какъ и присяга, приносимая отвѣтчикомъ, доказательную силу имѣетъ иногда и присяга, приносимая

кѣмъ-нибудь изъ лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она освобождаетъ отъ преслѣдованія всѣхъ обвиняемыхъ, даже и главныхъ. Говоря это, я имѣю въ виду одинъ случай, имѣвшій мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ селѣ Поляковскій Майданъ, Елатомскаго уѣзда. Два мужика совершили кражу у третьяго пьянаго: во время сна украли у послѣдняго деньги. Одна женщина, какъ всѣмъ было извѣстно, близко знала объ этомъ преступленіи, такъ какъ послѣ кражи мужики были у нея. Свидѣтельницами кражи были двѣ дѣвушки. Женщина, о которой было сказано, приняла присягу и освободила обвиняемыхъ отъ преслѣдованія. Все село было убѣждено, что присяга была принята ложно, что подозрѣваемые дѣйствительно совершили кражу. Говорили о 5 рубляхъ, которые были обѣщаны женщинѣ обвиняемыми, (которые послѣ, не были ей отданы); „баба приняла присягу за грошъ“—говорили крестьяне. Тѣмъ не менѣе, присяга всетаки сохранила полную доказательную силу и освободила обвиняемыхъ отъ преслѣдованія, на основаніи того убѣжденія, что „начальство все покрываетъ подъ присягу“. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны подробности этого любопытнаго случая. Повидимому присяга принималась въ томъ, что не было совершено самаго факта воровства; неизвѣстнымъ, далѣе, является то, почему было рѣшено окончить дѣло присягой въ то время, какъ на лицо были свидѣтели преступленія, и при томъ свидѣтели „видоки“, которымъ крестьяне очень вѣрятъ, и показанія которыхъ пользуются предпочтеніемъ даже передъ письменными документами ¹⁾;

¹⁾ Словомъ „видокъ“ крестьяне и до сихъ поръ обозначаютъ свидѣтелей очевидцевъ. Отъ свидѣтелей видоконъ крестьяне отличаютъ—послуховъ, подъ которыми разумѣютъ всѣхъ лицъ, тѣмъ или инымъ путемъ, послухомъ слышавшихъ о преступленіи. Показанія послѣднихъ не имѣютъ никакой силы. „Мало ли что мы — слышимъ, что люди говорятъ!“ Первое слово и до сихъ поръ довольно часто употребляется крестьянами.

прибѣгли ли къ ней по требованію судей или по предложенію одной изъ сторонъ. Но несомнѣннымъ слѣдствіемъ этого факта, слѣдствіемъ подтверждаемымъ и другими показаніями крестьянъ, является то, что присяга имѣетъ болѣе доказательной силы, нежели свидѣтельскія показанія. Неудалось мнѣ также узнать, приводилась ли эта женщина къ присягѣ, какъ обвиняемая, или какъ свидѣтельница.

Иногда присягой кончаютъ дѣло, не доводя его до суда. Въ томъ же селѣ (Поляковскій Майданъ Елатомскаго уѣзда) былъ слѣдующій случай. У одной бабы была совершена кража. Потерпѣвшая подумала на сноху. Сноха и свекровь условились „не доходить до суда, кончить дѣло между собою“. Свекровь привела сноху въ церковь и заставила ее при священникѣ принять присягу. Присяга была принята, и сноха стала отъ подозрѣній свободна.

Говоря о присягѣ, я долженъ замѣтить, что описанное ея значеніе мнѣ пришлось встрѣтить далеко не во всѣхъ селахъ, а по преимуществу въ нѣкоторыхъ бывшихъ государственныхъ селахъ Елатомскаго уѣзда, гдѣ въ болѣе развитомъ видѣ сохранились суды родственниковъ, сосѣдей, схода и прочіе народные суды. Въ большинствѣ другихъ селъ мнѣ неоднократно заявляли, что „присягой дѣлъ не рѣшаютъ, что ей теперь вѣры нѣту“. Я не имѣлъ возможности провѣрить, на сколько въ этихъ послѣднихъ факты соотвѣтствуютъ показаніямъ крестьянъ.

Присяга принимается, какъ я уже сказалъ, въ церкви, въ присутствіи священника, передъ крестомъ и евангеліемъ.

Въ близкомъ отношеніи, по своей силѣ, къ присягѣ стоитъ особая извѣстная народная клятва, такъ же какъ и прочія, называемыя божбой, формула которой выражается словами „провались я сквозь землю“. Божба эта является одной изъ тѣхъ, которыми не злоупо-

требляютъ, и къ которымъ прибѣгаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Послѣдствія произнесенія ея для подтвержденія неправды — на этомъ свѣтѣ сухотка и смерть, на томъ — почти тѣ же мученія, что ждутъ и ложно присягнувшаго.

Присяга—не единственный способъ, посредствомъ котораго слабое человѣчество обращалось въ старину къ Божеству и находило у него помощь въ разрѣшеніи темныхъ судебныхъ дѣлъ. Присягой человѣкъ призывалъ Божество ближе, если можно такъ выразиться, слѣдить за ходомъ дѣла и особенно за словами обвиняемаго и, какъ всевѣдущее и всемогущее, поразить его въ случаѣ ложнаго показанія. Вѣрованіе въ благосклонное участіе Божества въ судебномъ разбирательствѣ и до сихъ поръ, какъ мы видѣли, такъ крѣпко живетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что присяга и до сихъ поръ считается въ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, должна считаться, вполне цѣлесообразнымъ средствомъ побудить подозрѣваемаго сказать правду. Случаи ложной присяги, хотя и бываютъ, но бываютъ, сравнительно, рѣдко. Но присяга, какъ я сказалъ, не единственный способъ, которымъ въ старину Божество призывалось на помощь при разбирательствѣ темныхъ судебныхъ дѣлъ. Кромѣ нея существовалъ другой путь, которымъ Божество приглашалось немедленно обнаружить свою волю, немедленно рѣшить дѣло въ ту или другую сторону, сообразно съ сокрытой отъ людей, но открытой его Божескому всевѣдѣнію и премудрости истиной, а не быть только его всемогущимъ, всевѣдущимъ и всеправеднымъ свидѣтелемъ. Тѣмъ болѣе основанія бывало для людей прибѣгать къ этому послѣднему способу рѣшенія дѣла, когда споръ шелъ о какомъ-нибудь предметѣ, имѣющемъ особое отношеніе къ Божеству. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время судовъ Божіихъ уже давно не существуетъ, тѣмъ не менѣе въ этой мѣстности и до сихъ поръ сохрани-

лись преданія объ обращеніи къ нимъ въ былое время. Мнѣ извѣстно одно изъ этихъ преданій, слышанное мною отъ многихъ крестьянъ села Чермныхъ, Темниковскаго уѣзда. Тонъ рассказчиковъ, ихъ убѣжденность въ полной цѣлесообразности того способа рѣшенія дѣла, о которомъ они рассказываютъ, наконецъ,—самая популярность, которой пользуется этотъ рассказъ въ данной мѣстности, не даютъ, повидимому, основаній сомнѣваться въ томъ, что, повторись старый случай опять, многіе, если не всѣ, не видѣли бы основанія, почему опять не прибѣгнуть къ старому способу его рѣшенія. Рассказъ этотъ слѣдующій. Нѣкогда, очень давно тому назадъ, рассказываютъ, крестьяне села Чермныхъ имѣли одну общую церковь съ крестьянами сосѣдняго села Котельни (Елатомскаго уѣзда). Церковь находилась по срединѣ между обѣими деревнями, приблизительно въ равномъ разстояніи отъ той и другой, и въ праздники крестьяне изъ обѣихъ деревень ходили туда къ обѣднѣ. Съ теченіемъ времени обнаружались неудобства этого положенія дѣль, и крестьяне рѣшили построить въ каждомъ селѣ свою особую церковь. Тогда возникъ споръ о томъ, кому строить у себя новую, кому воспользоваться старою церковью; и тѣмъ, и другимъ хотѣлось воспользоваться послѣдней. Послѣ долгихъ и бесплодныхъ споровъ, въ которыхъ та и другая сторона всѣми способами старались доказать свое преимущественное право собственности на церковь было рѣшено переговоры прекратить и отдать дѣло на Божью волю. И Котельня и Чермные находятся на берегу рѣки Мокши. На берегу той же рѣки находилась и старая церковь; вверхъ отъ нея, противъ теченія были Чермные, внизъ—Котельня. Было рѣшено разобрать церковь по бревнамъ, пустить ихъ въ воду и смотрѣть, куда они поплывутъ; если бревна поплывутъ внизъ по теченію, церковь должна была принадлежать Котельнѣ, если вверхъ — Чермнымъ. Бревна

поплыли вверхъ, противъ теченія. Крестьяне поняли Божью волю, и старая церковь была перенесена въ село Чермные, а въ Котельнѣ построили новую. Рассказъ объ этомъ чудѣ Божиѣмъ и до сихъ поръ хорошо извѣстенъ въ этой мѣстности; всякій Чермскій крестьянинъ хорошо знаетъ, что его село владѣетъ церковью по особому Божиюму изволенію. Безспорно, что случай этотъ не представляетъ собой въ полномъ видѣ того, что обыкновенно называютъ ордаліей. Несомнѣнными признаками, сближающими его съ этими послѣдними, являются существованіе спора между двумя сторонами, обращеніе къ Божеству за его разрѣшеніемъ и дѣйствительное (по воспоминаніямъ), сверхъестественное рѣшеніе этого послѣдняго. Но съ другой стороны является неяснымъ, по какому основанію Божество вынесло свой приговоръ. Въ ордаліи Божество своимъ приговоромъ обнаруживаетъ справедливость притязаній одной изъ сторонъ. Въ приведенномъ случаѣ рѣшеніе дѣла въ пользу крестьянъ села Чермныхъ не служить еще доказательствомъ правоты ихъ притязаній. Притязанія обѣихъ деревень могли быть одинаковы законны, такъ какъ церковь могла быть ихъ общою собственностью, и тогда рѣшеніе могло основываться только на томъ, что ему, по какимъ-нибудь непонятнымъ для людей соображеніямъ, могло быть угодно имѣть церковь именно на этомъ, а не на какомъ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ мы и имѣли бы здѣсь передъ собой одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ рассказовъ о томъ, какъ Богу или святому угоднику бывало желательно имѣть церковь на опредѣленномъ мѣстѣ ¹⁾. Преданіе не даетъ основанія рѣшать вопросъ въ ту или другую сторону. При допущеніи втораго предположенія въ рассказѣ всетаки остаются признаки, несомнѣнно даю-

¹⁾ Рассказы эти довольно распространены въ этой мѣстности. Ср. рассказъ о построеніи церкви въ честь явленной иконы св. Николая Можайскаго въ с. Темирѣвѣ Елатомскаго уѣзда.

шіе возможность сближать его съ ордаіей: это именно обращеніе къ Божеству при рѣшеніи спорнаго дѣла и дѣйствительное сверхъестественное рѣшеніе имъ этого послѣдняго. Преданіе это несомнѣнно народное; духовенство знаетъ его отъ крестьянь ¹⁾.

Другимъ способомъ рѣшенія судебныхъ дѣлъ не обнаруживающимъ такъ осязательно непосредственнаго вмѣшательства Божества, но тѣмъ не менѣе находящимся въ тѣсной связи съ его сверхъестественно-силой, его всевѣдѣніемъ и готовностью въ трудныхъ случаяхъ приходитъ на помощь людямъ, является рѣшеніе темныхъ судебныхъ дѣлъ посредствомъ жребія.

¹⁾ Ближе напоминаетъ приведенную ордаію рассказъ о чудѣ Божіемъ бывшимъ со св. Іоанномъ, архіепископомъ Новгородскимъ, память котораго празднуется 7 сентября. Святой Іоаннъ, рассказываетъ житіе, путешествовалъ на бѣсѣ верхомъ въ Іерусалимъ. Впослѣдствіи святой не исполнилъ просьбы бѣса никому не говорить объ этомъ и поэтому подвергся его преслѣдованіямъ. По его наущенію Новгородцы заподозрили святаго въ безнравственной жизни и рѣшили изгнать его за это изъ города. Епископа привели къ мосту на Волховѣ, поставили его на плоть и пустили внизъ по рѣкѣ. „Но неповинность праведнаго“, повѣствуетъ житіе, „поспѣшествующей благодати Божіей, преможе и посрами врага: ибо святому на плоть посажену бывшу, полове плоть той вверхъ рѣки, противу великія быстрины водныя, яже есть у великаго мосту, никимже влекомый, точію силою Божією, и пловяше къ монастырю святаго Георгія, отстоящему отъ града за три поприща. Людіе же видяше такое чудо, ужасавшася, и премѣнишася отъ злобы, растерзаху ризы своя, и рыдаху глаголюще: согрѣшихомъ и неправедное содѣяхомъ, овцы суше пастыря осудихомъ“. Новгородцы провожали святаго Іоанна вдоль берега и просили его вернуться назадъ. Святой внялъ ихъ просьбамъ и не доѣзжая поля поприща отъ названнаго монастыря, присталъ къ берегу „Народи же“, продолжаетъ житіе, „съ плачемъ припадающе къ нему прошенія просяху, и радовахуся, яко умолиша святаго, и яко откры Господь неповинное и чистое житіе его“ (Четы-Минеи изд. 1816 г. 7 сентября). Г. Звонковъ сообщалъ мнѣ, что житіе св. Іоанна Новгородскаго извѣстно и крестьянамъ Елатомскаго уѣзда, при чемъ особенной популярностью пользуется рассказъ о путешествіи этого святаго на бѣсѣ въ Іерусалимъ.

Кому извѣстный жребій достанется, тотъ и является тѣмъ лицомъ, по отношенію къ которому, согласно Божьему указанію, рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе той или другой своей стороной по разъ установленному значенію жребія. Въ гражданскихъ дѣлахъ жребіемъ опредѣлялся тотъ порядокъ, который долженъ былъ установиться, какъ наиболѣе правомѣрный. Случай при рѣшеніи дѣла жребіемъ не имѣлъ мѣста: то или другое рѣшеніе считалось прямымъ результатомъ непосредственнаго высшаго божескаго вмѣшательства и благосклоннаго раскрытія высшихъ божественныхъ предначертаній. Таково значеніе жребія въ его первоначальномъ видѣ, такова его древнѣйшая роль въ процессѣ, и такимъ мы находимъ его въ правѣ многихъ некультурныхъ народностей. Не совсѣмъ такимъ является его значеніе въ *русскомъ обычномъ правѣ*, имѣя въ настоящую минуту главнымъ образомъ въ виду обычное право крестьянъ Елатомскаго и Темниковскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи. Тамбовскому крестьянину уже не совсѣмъ ясно представляется мысль о непосредственномъ вмѣшательствѣ Божества въ рѣшеніе этимъ путемъ судебныхъ дѣлъ. „Жребіемъ рѣшаемъ, чтобы никому обидно не было“—вотъ то утилитарное основаніе, которое придается въ настоящее время жребію. Участіе Божества сводится къ принятію какой то простой непонятной сверхъестественной силы, которая какъ-нибудь рѣшаетъ дѣло и, какъ бы она ни рѣшила, является иногда желательной уже по одному тому, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть лицъ сознательно противъ когонибудь недовольныхъ за рѣшеніе. Какъ отголосокъ, впрочемъ, другихъ представлений о жребіи можно слышать иногда еще и теперь, хотя и не особенно часто, слова, что жребій — это судъ Божій, что это не случай, а обнаруженіе его святой воли, и что рѣшеніе, вынесенное на основаніи жребія, должно считаться особенно священнымъ. Такъ

между прочимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ, части, полученныя при раздѣлѣ жребіемъ, въ силу, между прочимъ, одного этого, на ряду съ другими основаніями, считаются неприкосновенными: „по суду Божию пришли,“ „Богъ опредѣлилъ,“ говорятъ крестьяне, „супротивъ Бога не пойдешь.“ Но представленія такого рода, какъ я уже сказалъ, являются только въ видѣ отживающихъ свой вѣкъ отголосковъ далекаго прошлаго, отголосковъ, лишь тамъ и сямъ заявляющихъ о своемъ существованіи, но на каждомъ шагу уступающихъ свое мѣсто другимъ, менѣе высокимъ, но за то болѣе соответствующимъ современному состоянію умственнаго и нравственнаго уровня крестьянъ представленіямъ о жребіи. Самое количество и характеръ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ прибѣгаютъ къ жребію, указываютъ на то невысокое значеніе въ судебномъ разбирательствѣ, которое въ настоящее время ему придается. Правда, обращаются къ нему лишь въ крайнихъ случаяхъ, лишь послѣ того, какъ безуспѣшно испробованы всѣ остальные человѣческія средства примиренія, — черта, безспорно сближающая его съ прочими судами Божьими—но обращеніе это имѣетъ мѣсто, сколько мнѣ извѣстно, лишь въ судахъ родственниковъ, сосѣдей и схода, и при томъ лишь въ одномъ только случаѣ, именно въ дѣлахъ о раздѣлахъ, да и въ этомъ случаѣ люди стараются сдѣлать все зависящее отъ нихъ, чтобы сдѣлать могущее быть неправильнымъ т. н. Божье рѣшеніе въ этомъ случаѣ какъ можно менѣе ощутительнымъ для спорящихъ сторонъ. Задолго до бросанія жребія имущество съ заботливостью дѣлится на возможно равныя части и только какое нибудь неравенство въ мелочахъ предоставляется безобидному рѣшенію, когда то игравшей столь большую роль въ судебномъ разбирательствѣ Божьей воли. О рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ жребіемъ не можетъ быть и рѣчи; также не примѣняется онъ и въ другихъ гражданскихъ дѣлахъ.

Жребій примѣняется, какъ я уже сказалъ, въ практикѣ судовъ родственниковъ, сосѣдей и сельскаго схода. Что касается до примѣненія его на волостномъ судѣ, то въ уѣздахъ, посѣщенныхъ мною нынѣшнимъ лѣтомъ, мнѣ неоднократно заявляли, что жребій на волостномъ судѣ здѣсь совсѣмъ не примѣняется. Бѣглый просмотръ рѣшеній волостныхъ судовъ, за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ подтвердилъ эти слова, за полную справедливость которыхъ я всетаки не могу поручиться. Что же касается до дѣлъ о раздѣлахъ, то по неоднократнымъ заявленіямъ крестьянъ, провереннымъ фактами, мнѣ извѣстно что они въ этой мѣстности до суда почти не доходятъ, а, если это когда нибудь и бываетъ, то, большею частью, снова возвращаются волостными судьями на разсмотрѣніе схода, или же судьи только подтверждаютъ старыя рѣшенія. „Какъ сходъ рѣшить, такъ волостные судьи поэтому и дѣлаютъ,“ говорятъ крестьяне. „Старики пуще всего знаютъ“. Объ общемъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ о раздѣлахъ крестьяне говорятъ такъ: „Дѣлежь если сосѣдовъ, сродство кличутъ. Не довольны — качнется на сходъ. Не довольны—волостной судъ. Да старики пуще всего знаютъ. Онъ потѣшитъ себя, подастъ прошеніе, а оно опять на стариковъ вернется. Волостной судъ стариковъ не обходитъ: они лучше все знаютъ.“ „Знаютъ, и грѣшатъ немножко,“ прибавляютъ крестьяне, „да ихъ много: 12 человекъ. Сходъ нынче больше все на вино, да и волостной судъ тоже: мы, говорятъ, безъ жалованья.“ Въ другихъ извѣстныхъ мнѣ уѣздахъ Тамбовской губерніи (Шацкомъ и Моршанскомъ) дѣла о раздѣлахъ до суда доходятъ чаще, рѣшаются ли они тамъ жребіемъ—мнѣ неизвѣстно. Въ практикѣ схода и на судѣ родственниковъ жребій допускается и тамъ.

Есть разница въ характерѣ рѣшенія, основаннаго на жребіи, смотря по тому, брошенъ ли онъ на судѣ у родственниковъ, или на судѣ схода. Разница находя-

щаяся въ тѣсной связи съ разницей въ общемъ характерѣ рѣшеній этихъ народныхъ судовъ, на которой я въ силу этого и принужденъ въ настоящую минуту въ короткихъ словахъ остановиться. Судъ сосѣдей не отдѣляется въ данной мѣстности отъ суда родственниковъ. И тѣ и другіе, безъ различія въ главномъ, одинаково призываются для рѣшенія большею частью маловажныхъ дѣлъ между родственниками. Если и является разница между сосѣдями и родственниками, какъ судьями, такъ это только въ томъ, что не ко всякому дѣлу между родственниками допускаются на ряду съ родственниками и сосѣди, а не на оборотъ. Какъ самостоятельнаго вида народныхъ судовъ, суда сосѣдей въ этой мѣстности не существуетъ. Что касается до тѣхъ взглядовъ, которые существуютъ у крестьянъ на сосѣдей, то они прекрасно выразятся въ разговорѣ каждаго объ этомъ предметѣ. Всякій скажетъ, что „сосѣдь все видитъ, онъ тутъ близко, а родственникъ далѣе; сосѣда позовешь помочь справиться съ сыномъ: сосѣди первые придутъ мирить, если ссора въ домѣ случится къ сосѣду, коли онъ хорошій, пойдешь въ бѣдѣ посоветоваться и т. п. Относительно „почитанія“ сосѣдей существуютъ особыя правила, при томъ правила не вездѣ одинаковыя. Въ однихъ селахъ „почитаютъ“ только сосѣдей „п'обочь“, т. е. сосѣдей направо и налево отъ двора, въ другихъ кромѣ нихъ почитаютъ еще два двора насупротивъ. „Почитаніе“ сосѣдей выражается обыкновенно въ приглашеніи ихъ гулять на свадьбы, крестины и праздники. Характерную черту этого суда родственниковъ, какъ я буду называть этотъ смѣшанный изъ родственниковъ и сосѣдей судъ, въ которомъ родственники являются всетаки преобладающимъ элементомъ, представляетъ то, что рѣшенія его, основывая свою силу исключительно на обоюдномъ согласіи сторонъ ему подчиниться, не имѣютъ никакой юридически обязательной силы, не снабжены

никакими средствами принужденія. Отъ доброй воли лицъ, обратившихся къ суду родственниковъ, зависитъ, подчиниться его рѣшенію или не подчиниться. Но если нельзя говорить, по отношенію къ этимъ судамъ объ обязательности юридической, то рѣшенія ихъ являются безспорно нравственно обязательными для сторонъ, разъ рѣшившихся къ нимъ прибѣгнуть. Если бы, основываясь на его, такъ сказать, незаконности кто-нибудь не захотѣлъ ему подчиниться, то онъ встрѣтилъ бы сильное нареканіе общественнаго мнѣнія. Судъ схода и волостной судъ являются по отношенію къ суду родственниковъ чѣмъ-то въ родѣ апелляціонныхъ инстанцій, къ которымъ, если нельзя сказать, что должно и что всегда такъ бываетъ, то во всякомъ случаѣ къ которымъ, по мнѣнію крестьянъ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ слѣдовало бы обращаться лишь въ случаѣ неудовлетворительнаго рѣшенія дѣла родственниками. Но и въ этомъ случаѣ съ рѣшеніемъ родственниковъ считаются, какъ съ настоящимъ судебнымъ рѣшеніемъ, и слова, „чего просите: вѣдь вы уже сошлись“, будутъ первыя, которыя услышитъ тотъ, кто, недовольный родственниками, захотѣлъ бы, чтобы его дѣло разобрали старики на сходѣ. Дѣятельность этого суда родственниковъ также, какъ и всѣхъ народныхъ судовъ, извѣстна подъ названіемъ „мирить“.—Что касается до суда сельскаго схода, то въ дѣлахъ о раздѣлахъ приговоры его имѣютъ обязательную силу. Рѣшеніе его постановляется старостой съ выборными стариками, которые, по назначенію схода, производятъ раздѣлъ на мѣстѣ. Такимъ образомъ, возвращаясь въ жребію, разница между жребіемъ, бросаемымъ при раздѣлѣ родственниками и сосѣдями съ одной стороны, и старостой со стариками съ другой—такова, что жребію, бросаемому первыми, стороны подчиняются только по обоюдному согласію подчиниться, жребій же, бросаемый вторыми, для нихъ обязательенъ, и не позволить

его бросить или отказаться отъ повиновенія разъ брошенному — не въ ихъ волѣ. Выше были указаны тѣ соображенія, которыя придають рѣшеніямъ судовъ родственниковъ больше чѣмъ простой факультативный характеръ.

Бросаніе жребія при раздѣлѣ совершался иногда въ особой торжественной обстановкѣ. Изба чисто выметается, столъ въ переднемъ углу накрывается бѣлымъ столешникомъ, готовится хлѣбъ-соль и благословенная икона, передъ иконами въ углу на т. н. „полчикѣ“¹⁾ зажигаются свѣчи. Задолго до дѣлежа изба наполняется сосѣдями и родственниками, которые, кромѣ призванныхъ совершать дѣлежъ, приходятъ посмотрѣть, какъ другіе будутъ дѣлиться. Старики или родственники, производящіе дѣлежъ, дѣлятъ все имущество на ранѣе уже намѣченные, опредѣленные возможно равные паи; недостающее въ одномъ родѣ имущество вознаграждается соотвѣтственной прибавкой въ другомъ. Присутствующіе, по преимуществу родственники, высказываютъ иногда свое мнѣніе относительно той или другой доли, и дѣлящіе, слѣдуя ихъ указаніямъ, сдѣлаютъ иногда въ нихъ соотвѣтствующія измѣненія. Когда все готово, дѣлящіе въ послѣдній разъ приглашаютъ спорящихъ подѣлиться миромъ и, получивъ отказъ, приступаютъ, наконецъ, къ бросанію жребія. Обрядъ заканчивается извѣстнымъ разрѣзаніемъ хлѣба и благословеніемъ иконою.

Говоря о жребіи въ практикѣ народныхъ судовъ, я ни слова не говорилъ объ его примѣненіи въ обыденной жизни. Сфера обращенія къ нему въ этомъ случаѣ гораздо обширнѣе обращенія къ нему на судѣ. Въ обыденной жизни жребіемъ рѣшаются разнообразныя дѣла: жребіемъ опредѣляютъ, кому изъ братьевъ идти на заработки, если никто не хочетъ идти добровольно,

¹⁾ Мѣсто гдѣ стоятъ иконы.

жребій употребляется при полюбовныхъ семейныхъ дѣлажахъ и т. п. И здѣсь во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшителемъ недоумѣній является высшая человѣческой сверхъестественная сила, которая въ глазахъ большинства является непонятнымъ слѣпымъ случаемъ, по понятіямъ же меньшинства — Божьей волей. Набожные большею частію старики и старухи говорятъ: „Богъ далъ“; молодежь, а за нею все населеніе, говоритъ: „такъ знать судьба“, „такое твое счастье“!

Вотъ тѣ способы, которыми крестьяне призываютъ и призывали сверхъестественную силу на помощь при рѣшеніи темныхъ судебныхъ дѣлъ. Сверхъестественной силой во всѣхъ этихъ случаяхъ являлось Божество. Обращеній къ нечистой силѣ въ такихъ случаяхъ не бываетъ.

Въ заключеніе мнѣ остается въ короткихъ словахъ сказать о тѣхъ способахъ обращенія къ сверхъестественнымъ силамъ, къ которымъ заинтересованные прибѣгаютъ по собственному почину еще до судебного разбирательства. Эти обращенія къ сверхъестественной силѣ бываютъ по преимуществу въ дѣлахъ о кражахъ. Способы эти не представляютъ ничего характернаго, и поэтому я скажу о нихъ лишь въ самыхъ короткихъ словахъ. Въ противоположность судебному разбирательству, въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ не только къ Божеству, но и къ нечистой силѣ. Однимъ изъ средствъ найти краденую вещь и въ Тамбовской губерніи является такая популярная во всей Россіи т. н. „забидящая“ свѣча. Крестьяне вѣрятъ, что, послѣ того какъ она будетъ поставлена, воръ начнетъ сохнуть, чахнуть, и въ концѣ концовъ самъ принесетъ вещь назадъ или какъ-нибудь ее подброситъ. Ставится она передъ иконами св. Іоанна Воина или Обидящей Божьей Матери. Другимъ подобнымъ же средствомъ для достиженія этого являются молебны святому Іоанну Воину. (Святой этотъ имѣетъ особое отношеніе

къ воровству). И тотъ и другой способъ не имѣютъ ни для Божьей Матери, ни для святаго обязательной силы; отъ послѣднихъ зависитъ, проявить свою силу или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, крестьяне твердо вѣрятъ въ дѣйствительность этихъ средствъ, и случаи обращенія къ нимъ бываютъ довольно часто. Другимъ средствомъ отыскать вора и найти краденую вещь, какъ я уже сказалъ, является обращеніе черезъ посредство колдуна или ворожеи къ нечистой силѣ. Въ этомъ отношеніи никто изъ крестьянъ не сомнѣвается, что колдуны въ состояніи раскрыть искомую тайну; тѣмъ не менѣе не всякій рѣшается къ нимъ обратиться: грѣшно имѣть дѣло съ нечистой силой, да и страшно къ тому же: самъ заплатишься хоть и узнаешь, кто укралъ вещь, и гдѣ она находится. И сами колдуны необязательные люди: „не станеть говорить. Тутъ того и гляди съ нимъ заспиришь, тамъ поссоришься. Отъ этого добра не будеть: онъ надѣлаеть тебѣ такихъ бѣдъ, что послѣ и не расхлебаешь. Лучше съ ними не связываться“. Опасенія эти наряду съ увѣренностью въ томъ, что не всякій колдунъ все знаетъ, отстраняютъ иногда крестьянъ отъ нихъ, и заставляютъ предпочитать имъ другіе болѣе чистые и святыя, хотя и не всегда такіе вѣрные, способы раскрытія истины, каковы молебны, изобидящая свѣчка. Не смотря на это, колдуны и ворожеи, какъ указатели воровъ и краденыхъ вещей, пользуются большой популярностью, и нѣкоторые изъ нихъ именно этимъ составили себѣ имя. Среди смѣшаннаго русскаго, мордовскаго и татарскаго населенія Елатомскаго, Тешанковскаго и Спасскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи особенной славой пользуется въ этомъ отношеніи одна старуха—ворожея мордовка изъ Спасскаго уѣзда, къ которой обращается, въ случаѣ темныхъ кражъ, почти все окрестное и русское, и мордовское населеніе.

Ш. Ш. Астровъ.

По Минской губ. (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 г.).

I.

Предисловіе. Цѣль и условія поѣздки. Раскопки. Антропологическія наблюденія. Затруднительность изслѣдованій въ бѣлоруссіи.

Бѣлоруссія, эта настоящая падчерица въ семьѣ славянскихъ народностей, много потерпѣвшая отъ судьбы-мачехи, и до сихъ поръ остается какимъ-то забытымъ, брошеннымъ краемъ, никого не интересующимъ и какъ будто не заслуживающимъ вниманія. Не говоримъ уже о вопросахъ, касающихся администраціи, экономическаго положенія бѣлорусскаго народа, судовъ, народнаго образованія и т. п.: это вопросы такого рода, что ими не всегда удобно заниматься. Но удивительно, что даже отвлеченная наука, свободная отъ всякихъ злобъ дня и не могущая никого обидѣть и задѣть за живое, сторонится этого края. Мы не знаемъ языка бѣлоруссовъ, не смотря на то, что чуть-ли не десятки молодыхъ лѣтъ тратимъ на изученіе лингвистическихъ тонкостей мертвыхъ языковъ и даже начинаемъ охотно изучать „всякіе волапюки“; мы не знаемъ міросозерцанія бѣлорусса, его религіозныхъ воззрѣній, его взглядовъ на семейныя и родовыя отношенія, хотя беремъ широко трактовать о какой-то народной религіи, о народномъ правѣ, нерѣдко навязывая нашему народу такія мысли и взгляды, отъ которыхъ истинный представитель народа открещивался-бы обѣими руками.

Если весь народъ вообще представляется намъ, такимъ образомъ, какою-то жалкою единицею, которою всякій считаетъ себя въ правѣ помыкать, вовсе не зная ея, то еще болѣе незавидна роль отдѣльныхъ частей этого народа, отличающихся своими специальными особенностями быта, языка и характера. Теоретическія разглагольствованія людей, берушихся рѣшать общіе вопросы на народной подкладкѣ, къ сожалѣнію, мало помогаютъ дѣлу настоящаго изученія народной жизни какъ внѣшней, такъ и духовной, и самый этотъ народъ такъ и остается для насъ какою-то неопредѣленною величиною, какимъ-то таинственнымъ незнакомцемъ. А что касается въ частности Бѣлоруссіи, то мы, кажется, не далеко ушли отъ того времени, когда греки, эти носители цивилизаціи, были убѣждены, что всякій бѣлоруссъ обязательно долженъ одинъ разъ въ годъ пробѣгать извѣстное время по лѣсамъ въ видѣ волка. Мы и теперь готовы представлять себѣ бѣлорусса какимъ-то полудикаремъ, полузвѣремъ, живущимъ въ лѣсу, и только наука, только правильное, систематическое изученіе типа, характера и быта этого народа, а также самой страны, въ которой онъ живетъ, можетъ пролить истинный свѣтъ на эту темную страницу нашего народовѣдѣнія и позволить со временемъ сдѣлать какіе-нибудь общіе выводы и заключенія.

Но гдѣ-же эта наука и каковы ея силы? Силь много, но наука въ этомъ смыслѣ покамѣстъ только въ зародышѣ. При отсутствіи систематичности, силы эти дѣйствуютъ крайне разрозненно, а кромѣ того, такъ какъ нѣтъ вѣрнаго руководствующаго начала, нѣтъ основательнаго знакомства съ требованіями положительной науки, то почти каждый, ктобы ни взялся трактовать о народности, осмѣливается считать только себя авторитетомъ въ разбираемомъ имъ вопросѣ, выставлять только свое мнѣніе справедливымъ. Бѣлоруссію изучаютъ и изучали давно и русскіе изслѣдователи, и

польскіе, но всѣ эти труды такъ разбросаны, что рѣдко одинъ изслѣдователь знаетъ то, что сдѣлано другимъ въ той-же области, а человѣку, принимающемуся вновь за изученіе этого края, приходится тратить много времени на разысканіе этихъ крохъ, что притомъ не всегда оказывається возможнымъ. Кромѣ того, имѣющійся на лицо матеріаль не всегда надеженъ, такъ какъ, во-первыхъ, собиратели его не всегда имѣли должную подготовку къ этому дѣлу, а во-вторыхъ, они часто приступали къ изученію этого края съ предвзятыми мыслями, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ партійныхъ взглядовъ, національныхъ предубѣждений, вражды и шовинизма, который такъ не присталъ людямъ науки. Еще въ 1840 г. была издана, на примѣръ, интересная книжечка на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Białorus“, но авторъ ея, эмигрантъ А. Рышинскій, такъ глубоко ненавидитъ все русское, что эта ненависть доходитъ иногда до смѣшного, и сквозь призму этой ненависти онъ представляетъ многое въ ложномъ свѣтѣ, глубоко вѣруя, что бѣлорусскіе и полякскіе — одно, что Бѣлоруссія никогда не была русскимъ краемъ и не должна считаться таковымъ. Съ другой стороны, наши изслѣдователи доходятъ до противоположной крайности: когда дѣло коснется культурнаго вліянія Польши на Бѣлоруссію, они всегда стараются кстати или некстати выразить всю свою непримиримую ненависть и вражду ко всему польскому даже въ такихъ мелочахъ, которыя кажутся смѣшными, и, какъ будто желая вычеркнуть изъ исторіи Бѣлоруссии цѣлые вѣка, стремятся представить бѣлоруссовъ не только болѣе русскими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, но даже болѣе, чѣмъ какими они могутъ быть. Однимъ словомъ, почти на всѣхъ трудахъ, касающихся изученія Бѣлоруссии, лежитъ печать отрывочности, случайности, научной несостоятельности, или же, что еще хуже, печать тенденціозности, мѣшающей

вѣрно смотрѣть на дѣло какъ самому автору. такъ и читателю.

Остается послѣдняя надеждана болѣе безпристрастные авторитеты, именно на ученых общества; наступила ихъ очередь ввести порядокъ въ томъ хаосѣ, какой представляетъ собою нынѣшнее состояніе изученія того края, о которомъ мы говоримъ; имъ слѣдуетъ постараться поставить дѣло на должную почву и взять на себя руководство надъ разрозненными учеными силами. Мы не станемъ подробно говорить, въ чемъ должно состоять это вмѣшательство ученыхъ обществъ: необходимость этого вмѣшательства и тѣ пути, по какимъ должно идти настоящее научное изученіе народности, ясно указаны людьми авторитетными и болѣе насъ компетентными, напр. А. Н. Пыпинымъ въ его недавнихъ статьяхъ о задачахъ русской этнографіи ¹⁾. Вы спросите: какія-же именно эти общества? Главный очагъ нашей этнографической науки — петербургское Русское Географическое Общество; его задача — изученіе отдѣльныхъ странъ Россіи въ физическомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, надо признаться, что для изученія Бѣлоруссіи имъ сдѣлано весьма немного. Въ прежнее время появлялись довольно цѣнные работы о Бѣлоруссіи въ изданіяхъ этого общества, напр. о Виленской и Гродненской губерніяхъ; но, на сколько извѣстно, въ этихъ трудахъ участвовала болѣе инициатива частныхъ лицъ, принимавшихся за изученіе края, чѣмъ инициатива самого общества. Въ послѣднее время труды П. В. Шейна тоже являются, такъ сказать, счастливою случайностью и результатомъ неутомимой личной энергіи собирателя. Изъ всего этого нельзя усмотрѣть, чтобы Геогр. Общ. задавалось какимъ-нибудь болѣе широкимъ планомъ всесторонняго изученія Бѣлоруссіи. Между тѣмъ, если бы была сна-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1885 г. Апрель и Май.

ряжена въ этотъ край ученая экспедиція, она убѣдила бы всѣхъ, что онъ представляется совершенно нетро-нутымъ наукою.

Есть еще въ Москвѣ младшее ученое Общество, состоящее при университетѣ; это Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Въ этомъ Обществѣ давно уже ясно сознавалась необходимость подвергнуть изученію обитателей Бѣлоруссіи съ антропологической и этнографической стороны. Но при всемъ искреннемъ желаніи пополнить сколько нибудь этотъ пробѣлъ въ отечественной наукѣ, Обществу не всегда оказывается возможнымъ приводить въ исполненіе свои планы въ виду скудости матеріальныхъ средствъ, имѣющихся въ его распоряженіи; а всякія экспедиціи и экскурсіи сопряжены прежде всего съ большими денежными затратами: и есть кого послать, да не на что.

Въ 1886 году, благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ лицъ, сочувствующихъ начинаніямъ Общества, ему оказалось возможнымъ сдѣлать попытку командировать двухъ своихъ членовъ, К. Н. Икова и меня, на лѣтнее время въ Бѣлоруссію.

Цѣль этой поѣздки была двоякая: антропологическая и этнографическая. Съ одной стороны, имѣлось въ виду изученіе типа бѣлорусской народности, ея особенностей въ физическомъ строеніи; съ другой стороны, хотѣлось при случаѣ пополнить запасъ свѣдѣній относительно народнаго быта бѣлоруссовъ, ихъ обычаевъ, обрядовъ, міровоззрѣнія, а также языка, чтó достигается личнымъ ознакомленіемъ съ разговорнымъ языкомъ, а равно какъ точнымъ записываніемъ пѣсенъ, повѣрій, суевѣрій, обычаевъ и т. п. Для первой цѣли нужно было, во-первыхъ, собрать сколько удастся антропометрическихъ свѣдѣній, иначе говоря, произвести подробныя измѣренія головы, лица и всего тѣла бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ и въ различныхъ

мѣстностяхъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ можно было сдѣлать какіе-нибудь выводы касательно типа нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. Но подобныя данныя, добытыя изъ наблюдений надъ современными жителями страны, не всегда позволяютъ заключать отъ настоящаго къ прошедшему. Мы не можемъ быть увѣрены, что современный типъ бѣлорусса есть его исконный типъ; скорѣе онъ представляетъ собою результатъ многихъ смѣшеній и перерожденій. Въ какой степени и какъ именно происходили послѣдовательныя измѣненія типа подъ вліяніемъ вѣковыхъ историческихъ и бытовыхъ условій, — объ этомъ могли бы намъ сказать только прежніе обитатели Бѣлоруссіи, но ихъ не вызовешь изъ могилы и не поставишь живьемъ подъ аршинъ или измѣрительный циркуль. Остались отъ нихъ только черепа и нѣкоторыя другія полусгнившія кости въ могилахъ и курганахъ, которые повсемѣстно въ Бѣлоруссіи встаютъ мрачно передъ нашими глазами, напоминая о быломъ. Наука осмѣливается заглянуть своимъ испытующимъ окомъ внутрь этихъ могилъ и потревожить покой ихъ обитателей. Черепа и костяки она подвергаетъ своему изслѣдованію, и хотя по мертвой головѣ нельзя судить ни о цвѣтѣ глазъ, ни о характерѣ и цвѣтѣ волосъ того, кому она принадлежала, что представляется перво-степенною важною при опредѣленіи типа, тѣмъ не менѣе измѣренія череповъ, добытыхъ изъ старыхъ кургановъ и изъ старинныхъ, завѣдомо бѣлорусскихъ кладбищъ, могутъ дать весьма важныя антропологическія свѣдѣнія относительно исторіи бѣлорусскаго типа, въ сравненіи съ типами другихъ народностей.

Для антропологической науки бѣлоруссъ представляется чрезвычайно важнымъ. Во первыхъ, является вопросъ: кто такіе бѣлоруссы въ самомъ своемъ основаніи? къ какому племени, къ какой народности принадлежали отдаленные предки нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, совсѣмъ исчезнувшіе съ лица земли? Высказывалось

даже сомнѣніе, дѣйствительно-ли бѣлоруссы чистые славяне по своему происхожденію и нѣтъ-ли въ нихъ примѣси иноплеменной крови, сказывающейся и въ настоящее время въ косыхъ глазахъ и въ большихъ скулахъ. Кромѣ этого принципиальнаго вопроса, важно также историческое перерожденіе типа. Бѣлоруссы съ незапамятныхъ временъ поставлены судьбою на перепутьи между разными народностями: великоруссами, малоруссами, поляками, литовцами; отсюда понятно, что въ теченіе вѣковъ они претерпѣвали самыя разнообразныя вліянія и смѣшенія. Слѣдить за всѣми этими измѣненіями значить уяснять себѣ причины и условія образованія видоизмѣненныхъ, такъ сказать, вторичныхъ и третичныхъ типовъ и наблюдать законы примѣненія, приспособленія основнаго типа къ извѣстнымъ условіямъ, представляемымъ исторіею и культурою.

Безъ сомнѣнія, задача, изложенная нами, слишкомъ обширна и слишкомъ трудна, что-бы она могла быть легко и скоро рѣшена. Поэтому, благоразумный читатель не станетъ тотчасъ требовать отъ насъ отвѣта на затронутые нами вопросы. Для рѣшенія каждаго болѣе или менѣе сложнаго вопроса необходимо прежде всего возможно больше данныхъ, а ихъ-то у насъ и нѣтъ еще въ достаточномъ количествѣ. Для собиранія необходимаго матеріала нужно немало времени, а за собираніемъ данныхъ должна далѣе слѣдовать ихъ разработка, для которой тоже требуются не мѣсяцы, а годы и десятки лѣтъ. Для примѣра возьмемъ хоть вопросъ о языкѣ. Образцы бѣлорусской рѣчи стали записываться еще съ начала сороковыхъ годовъ, въ видѣ пѣсенъ, загадокъ и т. п., а между тѣмъ до сихъ поръ нѣтъ полныхъ основательныхъ изслѣдованій въ области этого языка. Недавно появился интересный трудъ г. Карскаго о бѣлорусскомъ нарѣчій, но и этотъ опытъ, при всей его научности, далеко не исчерпываетъ воп-

роса. Этнографических свѣдѣній точно также соби-
ралось и записывалось довольно много въ Бѣлоруссіи,
но всѣ они недостаточны для того, чтобы можно бы-
ло по нимъ нарисовать полную картину народнаго быта,
чѣмъ и объясняется отсутствіе такихъ общихъ очер-
ковъ, касающихся всей Бѣлоруссіи. Можно развѣ упо-
мянуть прекрасные очерки знатока этого края, покой-
наго А. Киркора, помѣщенные въ „Живописной Рос-
сіи“ (т. 3), изящно изданный Вольфомъ; но они имѣютъ
болѣе популярный, чѣмъ чисто научный характеръ,
такъ какъ предназначались для болѣе широкаго круга
читателей. Новѣйшіе „Матеріалы“ П. В. Шейна задума-
ны по довольно широкому плану, но въ программу это-
го изданія, повидимому не входитъ внѣшній бытъ бѣло-
руссовъ. Археологія края также довольно усердно съ
давнихъ поръ разрабатывается мѣстными учеными и лю-
бителями, и по этой части есть хорошія работы на
русскомъ и на польскомъ языкахъ. Археологическія
разысканія продолжаются и до сихъ поръ, и съ ре-
зультатами ихъ можно отчасти ознакомиться не толь-
ко по ученымъ изслѣдованіямъ, но и по тѣмъ коллек-
ціямъ, которыя имѣются у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ,
а также въ разныхъ музеяхъ, столичныхъ и провин-
ціальныхъ, какъ напр. при губернскихъ статистиче-
скихъ комитетахъ, въ особенности же въ виленскомъ
музеѣ древностей. При всемъ томъ и въ этой области,
можно сказать, сдѣлано только начало. Еще въ болѣе
заброшенномъ состояніи находится антропологія бѣло-
руссовъ, тѣмъ болѣе, что эта наука и вообще очень
молода у насъ въ Россіи. Если по другимъ отраслямъ
науки относительно Бѣлоруссіи дѣлаются даже попыт-
ки нѣкоторыхъ обобщеній, подведенія итоговъ собран-
ныхъ данныхъ, то по части антропологіи не можетъ
быть объ этомъ и рѣчи: не чему подводить итогъ.
Всѣ данныя по вопросу о Бѣлоруссіи, какими распола-
гаетъ антропологическій отдѣлъ московскаго Общества

Любителей Естествознанія, ограничиваются чуть-ли не нѣсколькими десятками череповъ, добытыхъ двумя—тремя мѣстными изслѣдователями при археологическихъ раскопкахъ въ Минской губ. и присланныхъ гр. К. Тышкевичемъ и Р. Игнатьевымъ на бывшую въ Москвѣ въ 1879 г. антропологическую выставку. Въ нынѣшнемъ году Минскій Губернскій Статистическій Комитетъ предоставилъ въ распоряженіе Общества около 30 череповъ, добытыхъ при раскопкахъ въ послѣднее время Г. Татуромъ и другими. Благодаря этому, хотя нѣсколько пополнятся необходимыя данныя по краниологіи бѣлоруссовъ. Но краниологія непременно должна идти рука объ руку съ антропометріею, т. е. съ точнымъ измѣреніемъ живыхъ субъектовъ, а въ этомъ отношеніи для Бѣлоруссіи до сихъ поръ ничего не было сдѣлано.

Въ виду всего сказаннаго, въ виду крайней скудости свѣдѣній, касающихся бѣлорусскаго края и его обитателей, нужно дорожить всякими, даже самыми ничтожными свѣдѣніями, какія при удобныхъ обстоятельствахъ удастся получить. Только подъ этимъ условіемъ я и рѣшаюсь говорить о своихъ занятіяхъ и наблюденіяхъ во время моей командировки, которая, замѣчу кстати, продолжалась весьма короткое время, всего одинъ мѣсяць.

Скажу прежде всего о произведенныхъ мною раскопкахъ. Первую болѣе продолжительную остановку я сдѣлалъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ Юревичской волости. Тамъ, на берегу рѣчки Усы, подъ лѣсомъ есть урочище подъ названіемъ Городище, а при немъ курганы. Оно представляетъ изъ себя довольно большой окопъ, съ одной стороны круто спускающійся къ рѣчкѣ, имѣющій въ своемъ валѣ два входа или въѣзда съ востока и запада и окруженный ровомъ. Внутренняя его площадь была нѣкогда заросшая лѣсомъ, но крестьяне, поселенные помѣщикомъ на Городищѣ, срубили

лѣсъ, землю вспахали, въ валу настроили погребовъ; курганы также большею частью распаханы. При паханіи площади городища, по разсказамъ, находили нѣмецкія монеты первой половины XVIII в., большія, довольно оригинальныя стальные шпоры, черепки посуды толщиною въ палець и притомъ иногда съ признаками лѣпки безъ помощи гончарнаго станка, наконецъ, много желѣзнаго нагара, по мѣстному „дзынды“, и еще какія-то вещицы — небольшіе, немного сплюснутые шарики изъ обожженной глины, въ родѣ огромныхъ бусъ, съ дырой посрединѣ. Изъ этого видно, что здѣсь остались слѣды разныхъ эпохъ, какъ болѣе древняго, такъ и болѣе поздняго времени. Въ особенности загадочны эти шарики. Ихъ находили изслѣдователи и въ другихъ частяхъ Бѣлоруссіи, напр. въ Витебской губ., и по поводу ихъ были высказываемы различныя мнѣнія: одни видѣли въ нихъ принадлежности рыболовныхъ сѣтей, что врядъ-ли вѣроятно, такъ какъ шарики слишкомъ легки; другіе считали ихъ принадлежностью наряда языческихъ жрецовъ, а можетъ быть и простыхъ смертныхъ, на подобіе того, какъ теперь цыгане увѣшиваютъ себя разными костяными, мѣдными, желѣзными шариками, бубенцами. Что-бы не захватывать слишкомъ отдаленныхъ временъ, во всякомъ случаѣ лучше предположимъ, что эти вещицы имѣли какое то назначеніе въ обыденномъ, домашнемъ быту; можетъ быть, ихъ вѣшали на шею животнымъ для украшенія или для отмѣтки; быть можетъ, подобные шарики разныхъ величинъ служили для счета. Какъ бы то ни было, разъ существовала довольно хлопотливая ихъ выдѣлка, они должны были составлять какой-то предметъ необходимости; при томъ, такъ какъ и старики-крестьяне не знаютъ и не помнятъ ихъ примѣненія, то эти вещи все-таки довольно древнія. Мѣстный священникъ, почтенный старичекъ, прожившійе едва-ли не все время своего священства на этомъ приходѣ, настаиваетъ на

томъ убѣжденіи, что, по народному преданію, на мѣстѣ Городища нѣкогда было языческое капище; то-же самое, вѣроятно, по догадкѣ батюшки, утверждаютъ и крестьяне. Впрочемъ, у нихъ есть и другое преданіе, повидимому, удачнѣе объясняющее происхождение и назначеніе Городища. Умершій лѣтъ 10 тому назадъ въ глубокой старости крестьянинъ Ковганъ рассказывалъ, что онъ слышалъ отъ своего дѣда, будто окопъ на Городищѣ устроенъ былъ какимъ-то княземъ *Мечеємъ*, который защищался въ немъ вмѣстѣ съ своею дружиною противъ другого князя, но не устоялъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Объ этомъ событіи прежде была извѣстна даже пѣсня, но теперь ея никто не знаетъ, и самъ Ковганъ помнилъ только ея начало:

„Якъ узяли Мечееньку
Коло Новой Нивы“....

Новая Нива — ближайшая деревня. Кто же такой этотъ Мечей и съ кѣмъ онъ воевалъ, достовѣрно нельзя сказать. Можетъ быть, онъ даже не былъ владѣтельнымъ княземъ, а только простымъ предводителемъ извѣстнаго отряда, превратившимся въ народномъ преданіи въ князя. Хотя, съ другой стороны, малоли было русскихъ и литовскихъ князей и князьковъ, имена которыхъ не записаны на страницахъ исторіи? Всѣ они когда то жили и дѣйствовали, воевали и мирились, а мы ничего не знаемъ о ихъ жизни. Жители мѣстностей, ознаменованныхъ ихъ дѣятельностью, хранили нѣкоторое время въ своемъ преданіи ихъ имена, но мало-по-малу и этотъ источникъ исторіи изсякъ, прежде чѣмъ какой-нибудь ученый успѣлъ имъ воспользоваться. И сколько такихъ преданій гибнетъ безвозвратно!... Съ своей стороны, я бы предложилъ догадку, не скрывается ли подъ Мечеемъ какой-нибудь Мечиславъ, или-же украинскій Нечай. Раскопки самага Го-

родища, можетъ быть, бросили-бы какой нибудь свѣтъ на этотъ темный вопросъ; но для этой работы у меня не было достаточно средствъ, и притомъ не хотѣлось вводить въ убытокъ крестьянъ, засѣявшихъ площадь Городища.

Я долженъ былъ ограничиться раскопкою вблизи лежащихъ кургановъ; три изъ нихъ были у самаго Городища, еще два-три — въ лѣсу, наконецъ, нѣкоторые совсѣмъ распаханы. Что они довольно стары, видно хотя-бы изъ того, что на нихъ уже успѣли отжить свой вѣкъ такія долголѣтнія деревья, какъ дубъ. Курганы были довольно большіе, съ опавшими вершинами: всѣ насыпи изъ песку и окружены рвами. Интересно, какъ сами крестьяне объясняютъ происхождение кургановъ, или „копцовъ“, какъ ихъ называютъ бѣлоруссы Минской губерніи. Большинство кургановъ, по мнѣнію народа, осталось отъ разныхъ войнъ, и въ нихъ зарыты тѣла убитыхъ воиновъ; но есть и такіе курганы, которые сыпались и въ мирное время надъ тѣлами отдѣльных умершихъ. Въ старину, говорятъ крестьяне, когда наши прапрадѣды были еще некрещеные, если кто умиралъ, то при его похоронахъ каждый родственникъ былъ обязанъ принести на его могилу подоль земли; потомъ, каждый годъ, когда совершались поминки, повторялось тоже самое, и такъ длилось черезъ нѣсколько поколѣній, пока память объ умершемъ не успѣла загладиться. Чѣмъ больше было у покойнаго родственниковъ, тѣмъ больше выходилъ курганъ; этимъ и объясняетъ народъ различіе въ величинѣ кургановъ. Когда умиралъ великій панъ или князь, то указанная обязанность лежала не только на родственникахъ, но и на всѣхъ ему подвластныхъ; отсюда, чѣмъ богаче и знатнѣе былъ умершій, тѣмъ большій курганъ насыпался на немъ, и въ этомъ другая причина различія въ величинѣ кургановъ. Во всемъ этомъ есть значительная доля правды; по крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно,

что почетныхъ и богатыхъ покойниковъ очень часто отличали большими курганами въ то время, когда эти насыпи были единственными памятниками славы предковъ. Что-же касается вышеупомянутаго обычая поминанія съ присыпаніемъ, то очень вѣроятно, что онъ также существовалъ въ той или другой формѣ, и этимъ, можетъ быть, объясняются въ иныхъ случаяхъ разные слои земли въ могильныхъ насыпяхъ. И теперь бѣлоруссы черезъ годъ послѣ чьей-нибудь смерти совершаютъ такъ называемыя „прикладыны“ т. е. кладутъ на могилу доску, иногда съ выгибомъ, чтобы она обхватывала могилу, какъ сѣдло, что, можетъ быть, находится въ связи съ предполагаемымъ обычаемъ присыпанія.

Всѣ эти рассказы о курганахъ и о самомъ Городищѣ еще болѣе подстрекали мое любопытство, и я разрылъ три кургана. Въ каждомъ изъ нихъ оказалось по одному человѣческому скелету, чему крестьяне не мало дивились: они были увѣрены, что это курганы отъ какой-нибудь войны и что въ каждомъ зарыто нѣсколько человѣкъ. Давность кургановъ доказывается уже тѣмъ, что при костяхъ не осталось и признаковъ одежды или амуниціи и даже самыя кости уже начали перегнивать; а кромѣ того на давность указываетъ и способъ погребенія. Всѣ покойники были, очевидно, положены прямо на землю безъ всякаго углубленія, головою къ юго-западу, и прикрыты досками, а за тѣмъ уже на нихъ насыпались курганы. Что доски были положены только сверху, ясно изъ того, что снизу къ костямъ прямо прилегалъ чистый песокъ, а сверху и между костями былъ рыжеватый слой отъ истлѣвшаго дерева и одежды. Всѣ кости оказались приблизительно въ одинаковомъ состояніи, и на основаніи этого можно бы заключить, что всѣ три покойника были погребены приблизительно въ одно время. Если это такъ, то скорѣе всего эти курганы остались отъ какой-нибудь бит-

вы. и такъ какъ остальные курганы давно распаханы, — вѣроятно потому, что были меньшихъ размѣровъ, — то эти, оставшіеся въ цѣлости, должны бы обозначать могилы болѣе важныхъ лицъ, напр. полководцевъ. Странно только одно, что въ курганахъ не оказалось никакого оружія, кромѣ остатка небольшого ножа съ костяной ручкой; кромѣ этого, изъ вещей было найдено только одно серебряное, плетеное, неспаянное колечко и больше ничего. Въ добытыхъ мною изъ этихъ кургановъ черепахъ бросается въ глаза одна особенность, которая вовсе не составляетъ отличительной черты нынѣшнихъ жителей этой мѣстности; это, именно, слишкомъ низкій и притомъ довольно покатый лобъ съ сильно выдавшимися впередъ бровными костями; врядъ-ли это бѣлорусскій лобъ.

Дальнѣйшимъ мѣстомъ моихъ раскопокъ было село Языль, Бобруйскаго уѣзда, Горковской волости, гдѣ мнѣ оказано было просвѣщенное вниманіе со стороны мѣстнаго священника, уважаемаго о. протоіерея І. Пигулевскаго. Село Языль довольно старинное, что уже видно хотя бы изъ того, что въ немъ три кладбища. На одномъ изъ этихъ кладбищъ, лежащемъ на возвышенномъ мѣстѣ, часть площади занята курганами, которыхъ теперь только 10, но прежде, по рассказамъ, было больше; именно, за границею кладбища, гдѣ теперь пашня и гдѣ уцѣлѣлъ только одинъ курганъ у самой канавы, замѣняющей ограду кладбища, были еще курганы, но они распаханы. Интересно это кладбище въ историческомъ отношеніи, если вѣренъ тотъ взглядъ, какой я себѣ составилъ о немъ. Повидимому, здѣсь было нѣкогда языческое кладбище. Впоследствии, изъ укоренившагося уваженія къ этому мѣсту, продолжали тутъ-же хоронить и христіанъ, вслѣдствіе чего размѣры кладбища увеличились въ одну сторону, и границы его измѣнились. Прежнее кладбище, вѣроятно, было исключительно курганное и не имѣло точно опре-

дѣленной границы. По мѣрѣ того, какъ приростало христіанское кладбище, старые курганы осѣдали, и со временемъ часть прежняго кладбища обращена подъ пашню; вокругъ кладбища сдѣлана канава, при чемъ въ чертѣ нынѣшняго кладбища оказались и всѣ оставшіеся курганы, кромѣ одного. Замѣчательно то, что въ той части кладбища, гдѣ находятся курганы, теперь почему-то избѣгаютъ хоронить, не смотря на то, что мѣста свободнаго около кургановъ и между ними много, въ остальной-же части кладбища могилы чрезвычайно сучены. Изъ кургановъ два очень малы, остальные же размѣрами гораздо больше юревичскихъ. Всѣ они имѣютъ круглую форму, точно также съ осѣвшими вершинами; около кургановъ замѣтны канавы, откуда брали для нихъ землю. При мнѣ раскопано шесть большихъ кургановъ, въ томъ числѣ и находившійся за чертою кладбища, а также одинъ маленькій. Въ послѣднемъ ничего не оказалось, кромѣ весьма малаго количества угольевъ и остатковъ сожженныхъ костей, которые были не на днѣ кургана, а недалеко отъ поверхности и при томъ какъ-то съ боку. Въ бѣлорусскихъ и литовскихъ курганахъ не рѣдко находили ясные признаки древнѣйшаго погребальнаго обычая, именно сожиганія мертвыхъ: отрывали даже остатки костра съ обожженными костями, или же сосуды съ пепломъ отъ сожженного трупа и т. д. Но въ данномъ случаѣ трудно усматривать подобные признаки, и вотъ почему. Во всѣхъ остальныхъ, тутъ-же находящихся курганахъ, оказалось по одному скелету, при томъ въ нѣкоторыхъ, приблизительно на половинѣ высоты, показывалась также сажа. Поэтому надо думать, что въ маленькомъ курганѣ также былъ скелетъ, но онъ успѣлъ совершенно истлѣть и превратиться въ прахъ, потому-ли, что этотъ курганъ древнѣе прочихъ, или потому, что въ немъ былъ зарытъ ребенокъ, чѣмъ можно объяснить и меньшую величину кургана. Что-же касается обго-

рѣбыхъ косточекъ, угольковъ и чернаго пепла не далеко отъ поверхности кургана, то все это, можетъ быть, остатокъ поминальныхъ тризнъ. Положеніе покойниковъ было такое-же, какъ и въ юревичскихъ курганахъ; только у двухъ черепа были повернуты вправо, на бокъ, чтó могло случиться и отъ напора земли: кости точно также почти на столько же истлѣли, какъ и въ юревичскихъ курганахъ, такъ что на основаніи этого можно отнести тѣ и другіе курганы приблизительно къ одному времени. Изъ вещей здѣсь точно также найдено весьма немного. Въ курганѣ, находившемся за чертою кладбища, была, очевидно, похоронена женщина богатой семьи: на рукахъ у нея было нѣсколько колецъ, хотя и плохого серебра; на шеѣ — шнурокъ бусъ не дурной работы: однѣ серебряныя, другія стеклянныя, съ позолотою внутри между двумя слоями стекла. Эти бусы никакъ не мѣстнаго приготовленія, а очевидно привозныя. Съ юга и съ сѣвера черезъ Балтійское море, этого товару въ древнія времена шло много къ латышамъ, литовцамъ и бѣлоруссамъ, какъ это показали раскопки. Кромѣ этихъ вещей, въ одномъ курганѣ былъ еще найденъ перержавѣвшій ножъ, подобный тому, какой найденъ въ одномъ изъ юревичскихъ кургановъ. Они оба имѣютъ величину и форму нынѣшнихъ охотничьихъ ножей, если только дѣйствительно ихъ можно принимать за ножи; это могутъ быть и наконечники копій или остатки другихъ орудій: за ржавчиной нельзя сказать опредѣленно. Никакихъ преданій о языльскихъ курганахъ я не слышалъ; только одна старуха рассказывала, что кому-то изъ сосѣдей снилось, будто въ одномъ изъ этихъ кургановъ зарыты деньги, а въ другомъ крайнемъ — рукавицы, хотя и никто не могъ объяснить значенія этихъ рукавицъ; можетъ быть, по народному представленію, онѣ служатъ символами рукъ, оберегающихъ кладъ. Когда въ маленькомъ курганѣ, одномъ изъ крайнихъ, ничего не

было найдено, то крестьяне рѣшили, что въ немъ-го и были рукавицы, но сгнили; а относительно клада они убѣждены, что онъ находится въ одномъ изъ тѣхъ трехъ кургановъ, которые остались не расопаны, хотя въ каждомъ изъ нихъ, очевидно, зарыты покойники, такъ какъ всѣ они имѣютъ впалыя вершины.

Въ той-же Горковской волости, но уже въ другой мѣстности, именно въ урочищѣ Нижеровкѣ, въ лѣсу, въ 4 верстахъ отъ м. Урѣчья, былъ раскопанъ мною еще одинъ большой курганъ, носящій названіе „князевой могилы.“ Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ какимъ-то неизвѣстнымъ княземъ, при томъ, какъ увидимъ, довольно древнимъ; значительная величина кургана указываетъ на его знатность, или славу. Есть еще и другіе курганы въ томъ-же лѣсу, но всѣ они меньше; кромѣ того, въ разстояніи полуверсты на полѣ, поросшемъ теперь лѣсомъ, разсѣяно болѣе 80 маленькихъ кургановъ, оставшихся, несомнѣнно, отъ войны и не очень древнихъ. „Князева могила“ стоитъ особнякомъ у рѣчки Нижеровки въ глухомъ лѣсу; на немъ росла когда-то вѣковая ель, но она срублена. Надъ могилой князя, или около нея, по преданію, висѣла стальная сабля, принадлежавшая ему; но потомъ она пропала и была замѣнена деревянной, которая тоже лѣтъ 40 тому назадъ неизвѣстно куда дѣвалась. Въ курганѣ открытъ мною мужской скелетъ, сильно сгнившій. Покойникъ былъ положенъ прямо на землѣ головой къ западу; у лѣваго бока была у него сѣкира или бердышь, древко котораго совершенно сгнило, а на ржавчинѣ самаго бердыша видны слѣды ткани одежды, отъ которой найдены также куски пряжекъ, или застежекъ. Въ ногахъ покойника былъ поставленъ большой горшокъ съ поминальной кашей, которая обратилась въ сѣрый, бѣловатый пепелъ. Этотъ то именно погребальный обычай и указываетъ на значительную древность. Горшокъ, къ сожалѣнію, оказался раздавленнымъ отъ на-

пора земли; онъ, очевидно, имѣлъ форму широкой, осадистой кубышки, съ довольно тонкими стѣнками, безъ ручекъ, безъ поливы, сдѣланъ при помощи станка; никакихъ изображеній, ни мѣтокъ на черепкахъ не оказалось.

Тѣмъ и закончились мои раскопки на этотъ разъ. Разумѣется, это была только попытка, одна капля въ морѣ, особенно въ виду того безчисленнаго множества кургановъ и городищъ, которыми переполнена Минская губернія, какъ и вся Бѣлоруссія съ Литвою. Всѣ эти археологическіе и историческіе памятники ждуть еще систематическаго изученія. На первыхъ порахъ хорошо было бы покрайней мѣрѣ привести ихъ всѣ въ точную извѣстность путемъ описанія и перечисленія. По Минской губерніи въ этомъ отношеніи уже сдѣлано доброе начало по инициативѣ Губернскаго Статистическаго Комитета. Въ 1876 г. тогдашнимъ губернаторомъ Чернышевымъ былъ розосланъ по волостямъ циркуляръ, предписывавшій доставить въ Комитетъ подробныя свѣдѣнія о находящихся въ губерніи курганахъ, городищахъ и другихъ памятникахъ этого рода съ описаніемъ ихъ по особой программѣ. Результатомъ этого распоряженія явились довольно значительныя матеріалы, которые окажутъ изслѣдователю незамѣнимую помощь. Однимъ изъ членовъ Комитета, г. Генр. Христ. Татуромъ, сдѣлана также попытка распределенія собранныхъ свѣдѣній на картѣ, которая хранится въ Комитетѣ. Будемъ надѣяться, что начатое дѣло найдетъ продолжателей.

Въ ближайшей и непосредственной связи съ раскопками, имѣющими цѣлью разысканіе останковъ представителей прежнихъ поколѣній бѣлорусской народности, должны быть поставлены изслѣдованія надъ живыми субъектами, какъ представителями современнаго типа, нынѣшняго поколѣнія. Я разумѣю изслѣдованія,

производимыя путемъ точныхъ измѣреній всего корпуса, головы, конечностей.

Антропометрія и краниометрія—наука новая, молодая не только у насъ въ Россіи, но и заграницею. Появленіе ея можно отчасти приравнять къ появленію статистики, какъ науки. Было время, когда разные финансовыя, экономическіе и многіе другіе вопросы рѣшались на основаніи общихъ данныхъ, поверхностныхъ наблюденій, неправильныхъ обобщеній отдѣльныхъ случаевъ и т. д. Съ развитіемъ болѣе строгихъ и серьезныхъ пріемовъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и науки потребовалась провѣрка общепринятыхъ выводовъ при помощи точныхъ цифровыхъ данныхъ и таблицъ, воплощающихъ въ себѣ группировку фактовъ изъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, явилась настоящая необходимость въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Точно также антропологи нѣкогда довольствовались общими разсужденіями о расахъ, о типахъ, о народностяхъ, основывая эти разсужденія на поверхностныхъ наблюденіяхъ, довѣряясь, такъ сказать, глазу. Но когда это оказалось недостаточнымъ для серьезнаго обоснованія научныхъ выводовъ, касающихся челоуѣчества вообще и разныхъ племенъ въ отдѣльности, на помощь наукѣ явились цифры, таблицы съ ихъ итогами, пропорціональными и процентными отношеніями и т. д.; явилась, однимъ словомъ, своего рода статистика, безъ которой въ настоящее время немыслима и сама наука о челоуѣкѣ.

Эти цифровыя данныя, необходимыя для антропологическихъ выводовъ, добываются постепенно путемъ измѣреній. У насъ починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Императорскимъ Обществомъ любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московскомъ университетѣ, и благодаря такимъ даровитымъ и энергичнымъ дѣятелямъ, какъ нынѣшній президентъ этого Общества, профессоръ Анатолій Петровичъ Богдановъ и

нѣкоторые другіе, это дѣло поставлено на должную высоту, и заслуги русскихъ антропологовъ признаны и оцѣнены по достоинству и заграничными учеными. Прежде всего, конечно, Обществомъ обращено было вниманіе на главное племя — великорусское, и антропометрическимъ изслѣдованіямъ подвергались жители центральныхъ губерній; а такъ какъ, по установившемся общему мнѣнію, на типъ великоруссовъ оказали не малое вліяніе разные инородцы, какъ то: татары, финны, монголы и др., то для уясненія степени этого вліянія, подвергнуты изслѣдованію и инородцы, населяющіе Россію *). Затѣмъ, наступила очередь малоруссовъ и, наконецъ, бѣлоруссовъ, которыхъ и мнѣ пришлось измѣрять въ эту поѣздку.

Измѣренія эти для начала производились мною, такъ сказать, между прочимъ, и кромѣ того, имѣя въ виду непродолжительность срока и другія занятія, пришлось ограничиться лишь измѣреніями головъ бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ; при этомъ также отмѣчался цвѣтъ волосъ и глазъ и другіе наружные признаки, наконецъ мѣсто рожденія, лѣта, происхожденіе, родъ занятій, мѣсто и время наблюденія. Эти краниометрическія и другія данныя собраны мною въ разныхъ волостяхъ четырехъ уѣздовъ Минской губерніи: Минскаго, Игуменскаго, Слуцкаго и Бобруйскаго, причемъ, конечно, попадалось также немало уроженцевъ и другихъ уѣздовъ и волостей. Въ теченіе іюня мѣсяца, при постоянныхъ переѣздахъ, мнѣ удалось измѣрить такимъ образомъ 160 человекъ, въ числѣ которыхъ попало также 8 евреевъ, 5 поляковъ, 1 великоруссъ, 1 татаринъ и 1 цыганъ, остальные же 134 мѣстные бѣлоруссы, которые главнымъ образомъ и имѣлись въ виду при поѣздкѣ. Цифра эта, конечно, слишкомъ недоста-

*) Въ этомъ отношеніи не мала заслуга и другихъ ученыхъ обществъ, напр. Казанскаго Общ. Естествоиспытателей.

точна для общихъ выводовъ; эти данныя имѣютъ значеніе только въ совокупности съ другими, какъ имѣющими еще быть собранными въ будущемъ, такъ и уже отчасти собранными въ томъ же году К. Н. Иковымъ, посѣтившимъ почти одновременно со мною нѣкоторыя части Бѣлоруссіи исключительно съ этою цѣлью. Покамѣстъ я могу только слегка коснуться вопроса о бѣлорусскомъ типѣ, основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ и надѣясь въ будущемъ при случаѣ пополнить эти свѣдѣнія новыми данными.

Человѣческое племя, какъ извѣстно, раздѣляется на нѣсколько расъ, при чемъ въ основаніе этой классификаціи кладутся чисто внѣшніе признаки, каковы: цвѣтъ кожи, цвѣтъ волосъ и ихъ характеръ, форма и цвѣтъ глазъ, форма черепа и еще нѣкоторые признаки. О цвѣтѣ кожи бѣлоруссовъ говорить нечего, такъ какъ въ этомъ отношеніи бѣлоруссъ не отличается отъ великорусса или малорусса. Въ цвѣтѣ волосъ уже можетъ быть больше различія, такъ какъ извѣстно, что народы живущіе въ сѣверныхъ странахъ отличаются болѣе свѣтлыми волосами, чѣмъ живущіе на югѣ, хотя бы и тѣ и другіе принадлежали къ одному и тому же племени. У бѣлоруссовъ преобладаютъ русые волосы, при чемъ свѣтлорусыхъ больше, чѣмъ темно-русыхъ, приближающихся къ чернымъ, такъ что вообще у нихъ замѣтна сильная склонность къ свѣтловолосости, и между тѣмъ, какъ настоящіе брюнеты почти не встрѣчаются среди чистыхъ бѣлоруссовъ, блондиновъ довольно много. Это преобладаніе свѣтлаго элемента въ цвѣтѣ волосъ, а также глазъ и даже одежды бѣлоруссовъ служить, по мнѣнію ученыхъ, нѣкоторымъ объясненіемъ самаго названія „бѣлоруссъ“ въ противоположность, напри- мѣръ, черноруссамъ, у которыхъ замѣчается большая склонность къ темному цвѣту. Рыжеволосыхъ бѣлоруссовъ почти не встрѣчается, хотя на первый взглядъ казалось бы, что рыжій цвѣтъ близокъ къ бѣлому и дол-

жень бы во всякомъ случаѣ считаться свѣтлымъ. Но дѣло въ томъ, что рыжеволосость имѣетъ свое особое значеніе: рыжіе волосы, особенно вмѣстѣ съ темными глазами, по изслѣдованіямъ ученыхъ, указываютъ на примѣсь финской крови, которую въ бѣлоруссахъ врядъ-ли можно допустить. Что-же касается характера волосъ, то они у бѣлоруссовъ почти всегда прямые, невьющіеся, иногда слегка волнистые и довольно мягкіе.

Глаза у бѣлоруссовъ, какъ я уже замѣтилъ, точно также преобладаютъ свѣтлые: голубые, сѣрые и голубоватые. Но очень много и сложныхъ глазъ, являющихся слѣдствіемъ смѣшеній, скрещиваній болѣе чистыхъ представителей типа; таковы глаза съ сѣрымъ или голубымъ полемъ, по которому идутъ желтые или каріе штрихи или пятнышки, что издали нерѣдко придаетъ глазамъ зеленоватый цвѣтъ; но настоящіе зеленые глаза почти не встрѣчаются у бѣлоруссовъ. Карихъ глазъ довольно много, настоящихъ-же черныхъ почти не бываетъ, а если и бываютъ то очень рѣдко. По своей формѣ глаза у бѣлоруссовъ чаще бываютъ узкіе и какъ бы вдавленные, рѣже круглые, широкіе и открытые. Г. Сементовскій указывалъ даже именно въ этомъ рѣзкое отличіе бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ *). Надо еще прибавить, что у бѣлоруссовъ нерѣдко замѣчается прорѣзъ глазъ не горизонтальный, а приподнятый наружными углами нѣсколько кверху. Узкіе глаза вмѣстѣ съ приподнятыми наружными углами ученые привыкли считать характеристичными чертами монгольского типа; но ничѣмъ не доказано, чтобы эти черты не могли появиться и независимо отъ расовыхъ смѣшеній, такъ что на основаніи этихъ чертъ еще рискованно было бы утверждать въ бѣлоруссахъ присутствіе монголизма, примѣсь монгольской крови.

*) Сборникъ въ память I-го статист. съѣзда въ 1870 г., т. I (статья; „Этногр. обзоръ Витеб. губ.“).

Несомнѣнно, что часть типическихъ чертъ нынѣшнихъ бѣлоруссовъ нужно отнести на долю того народа, который нѣкогда обиталъ въ мѣстахъ, заселенныхъ впоследствии бѣлоруссами, и слился мало-помалу съ послѣдними; но какой это именно былъ народъ и вообще съ какими народцами приходилось еще въ доисторическое время сталкиваться и смѣшиваться той славянской отрасли, изъ которой произошелъ бѣлорусскій народъ, этого опредѣленно сказать нельзя, и потому единичныя черты монголизма такъ и остаются пока единичными, мало говорящими. Можно, впрочемъ и еще кое-что къ этому прибавить. Такъ, на примѣръ, скуластость также считается признакомъ монголизма, а у бѣлоруссовъ очень часто попадаются выдающіяся скулы, пожалуй чаще, чѣмъ у великоруссовъ; при этомъ скулы нерѣдко выдаются именно въ бока, такъ что характеристическою чертою бѣлорусскаго лица является значительная ширина его у скулъ, т. е. по срединѣ, съ замѣтнымъ суженіемъ книзу. Но тутъ можетъ явиться вопросъ, не есть ли эта скулатость слѣдствіе вліянія польскаго типа, въ которомъ эта черта также замѣчается, хотя тамъ она не такъ ярко выступаетъ при сравнительно болѣе короткомъ лицѣ поляка. Далѣе, въ характерѣ лица не маловажную роль играетъ переносица, т. е. вѣрнѣе разстояніе между глазами, или такъ называемое межглазничное пространство. Чѣмъ шире пространство между глазами, чѣмъ дальше глаза удалены одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе это придаетъ лицу какое-то тагарское выраженіе. Несоразмѣрная же ширина межглазничнаго пространства особенно тогда бросается намъ въ глаза, когда она очень приближается къ ширинѣ носа въ его нижней части, или даже превосходитъ ее. При сравненіи ширины носа съ шириною межглазничнаго пространства у изслѣдованныхъ мною бѣлоруссовъ оказалось, что не рѣдки случаи, когда эти величины равны между собою, а еще

чаще вторая больше первой, хотя въ большинствѣ случаевъ все-таки ширина носа больше, чѣмъ разстояніе между глазами. Интересно, что у дѣтей въ этомъ отношеніи замѣчается меньшее колебаніе, чѣмъ у взрослыхъ.

По формѣ черепа, среди бѣлоруссовъ въ числѣ моихъ наблюденій оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, громадное большинство короткоголовыхъ какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, но значительный процентъ приходится также и на долю длинноголовыхъ и еще болѣе среднеголовыхъ. Между дѣтьми, которыхъ впрочемъ измѣрено мною немного, длинноголовыхъ я вовсе не встрѣчалъ. Такимъ образомъ, бѣлоруссы, при громадной склонности къ короткоголовости, все-таки представляютъ довольно большое разнообразіе относительно формы головы. Замѣтимъ кстати, что такое же разнообразіе въ этомъ отношеніи замѣчено и среди малоруссовъ, напримѣръ, въ Кобелякскомъ уѣз. Полтавск. губ. *).

Чтобы не утруждать читателя сухими выкладками, я не буду останавливаться на другихъ измѣреніяхъ, касающихся лица, лба, носа и пр., такъ какъ эти данныя для неспециалиста представляютъ меньше интереса. Взамѣнъ этого скажу нѣсколько словъ о тѣхъ затрудненіяхъ, на которыя придется наталкиваться всякому, кто будетъ имѣть дѣло съ бѣлоруссами. Во-первыхъ, иногда немалую трудность представляетъ опредѣлить, дѣйствительно-ли изслѣдуемый субъектъ есть бѣлоруссъ, тѣмъ болѣе, что названіе „бѣлоруссъ“ — книжное, сочиненное, а сами бѣлоруссы никогда не называютъ себя бѣлоруссами. Въ народѣ существуетъ только подраздѣленіе на русскихъ и поляковъ; но не слѣдуетъ думать, что это различіе дѣйствительно основано на національности: это—дѣленіе по вѣроисповѣданію. На-

*) В. Эмме, Антропология и Медицина Полтава. 1882.

родъ отождествляетъ вѣроисповѣданіе съ происхожденіемъ, и всякій бѣлоруссъ, числящійся католикомъ, считается уже, благодаря этому, полякомъ, и на оборотъ, исповѣдующій православіе считается уже русскимъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ.

Правда, иногда и изслѣдователи склонны къ такому неправильному отождествленію. Такъ, напримѣръ, Р. Ф. Эркерть, издавшій „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“ (сначала на франц. яз. 1863 г., а потомъ на русскомъ. Спб. 1864 г.), замѣчаетъ: „Ничто въ западныхъ губерніяхъ Россіи не опредѣляетъ черты, отдѣляющей русскую народность отъ польской такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій.“ Но, зная исторію тамошняго края, конечно, смѣшно было бы признавать всякаго православнаго бѣлоруссомъ, хотя бы онъ былъ и коренной мѣстный житель, а всякаго католика считать полякомъ. Поэтому при вопросѣ о національности нерѣдко приходится выпрашивать всю родословную лица, чтобы составить себѣ хоть приблизительно вѣрное понятіе о томъ, кто такое оно по народности, и всетаки не всегда можно быть увѣреннымъ въ безошибочности, особенно, когда имѣешь дѣло съ городскимъ населеніемъ. Языкъ, какимъ говорятъ дома, въ семьѣ, можетъ иногда помочь въ этомъ вопросѣ, хотя и этому указанію не всегда слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе, такъ какъ съ одной стороны, напримѣръ бѣлоруссы-мѣщане большею частью говорятъ по-польски, съ другой стороны, мелкая польская шляхта, живущая среди крестьянъ-бѣлоруссовъ, говоритъ очень часто побѣлорусски.

Другое затрудненіе происходитъ оттого, что на мѣстномъ языкѣ, а тѣмъ болѣе на польскомъ, нерѣдко смѣшиваются въ названіи Бѣлоруссія и Литва, бѣлорусскій языкъ и литовскій, т. е. по старинной памяти о тѣхъ временахъ, когда Бѣлоруссія и Литва составляли

одно цѣлое, все бѣлорусское называется литовскимъ. Спросите вы, напримѣръ, какую нибудь мѣшанку, кто она такая? — *Polka*, отвѣтитъ она вамъ. — Откуда родомъ? — *Z Litwy*. — Какъ говорятъ дома? — *Po litewsku*. Между тѣмъ, по наведеніи болѣе точныхъ справокъ оказывается, что ни сама она, ни ея родные ни слова не понимаютъ по-литовски, а исключительно говорятъ по-бѣлорусски. Такъ и за Бугомъ, напр. въ Сѣдлецкой губ., бѣлорусса иначе не назовутъ, какъ литвиномъ. Слишкомъ довѣрчиваго изслѣдователя подобные случаи очень легко могутъ вводить въ обманъ.

Точное опредѣленіе возраста также иногда затруднительно, какъ это бываетъ вообще, когда имѣешь дѣло съ простымъ народомъ. Приходится опредѣлять приблизительно, или же, по крайней мѣрѣ, въ очень сомнительныхъ случаяхъ, справляться съ метрическими записями, паспортами, что не всегда удобно, а иногда и невозможно. Между тѣмъ въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ антропологическія, лѣта имѣютъ первостепенную важность, такъ какъ организмъ въ разныхъ фазисахъ своего развитія можетъ представлять тѣ или другія особенности.

Но всего болѣе затрудненій встрѣчаетъ изслѣдователь вслѣдствіе недовѣрчиваго отношенія народа къ нему. На всѣхъ такихъ господъ, посѣщающихъ деревни съ научною цѣлью или по дѣлу службы, деревенскій людъ смотритъ съ большимъ подозрѣніемъ, и, сколько бы вы ни объясняли настоящую цѣль вашего пріѣзда, народъ всегда подозрѣваетъ другое. Въ данномъ случаѣ и объяснять-то было не особенно легко. Какъ растолковать въ самомъ дѣлѣ крестьянину цѣль и значеніе этнографическихъ, а тѣмъ болѣе антропометрическихъ изслѣдованій? Приходилось измышлять сколько-нибудь понятныя и подходящія объясненія въ родѣ того, напримѣръ, что измѣренія нужны для докторовъ, чтобы они могли успѣшнѣе лѣчить людей, когда изучатъ

побольше разнородныхъ формъ человѣческаго тѣла. Такъ какъ это былъ первый опытъ измѣреній среди бѣлоруссовъ, то самая новизна дѣла какъ-то запугивала ихъ и заставляла ихъ ожидать для себя какихъ-нибудь дурныхъ послѣдствій, какъ на примѣръ, новыхъ налоговъ, выселеній и т. п. Такъ, въ одной волости распространилась легенда, что Царь хочетъ заселить какую-то дикую страну, а для того, чтобы народъ тамъ былъ однокалиберный, выберутъ всѣхъ, у кого мѣрки сходятся, и поселятъ въ одномъ мѣстѣ, притомъ свѣтловолосыхъ особо, а темноволосыхъ особо, или же голубоглазыхъ отдѣльно отъ черноглазыхъ и т. д. Я пересталъ записывать имена и фамилии измѣряемыхъ, говоря, что если бы и захотѣли кого-нибудь выселить, то не найдутъ; на это мнѣ замѣтили, что по мѣркѣ всегда разыщутъ кого надо и безъ фамилии. Проѣзжая черезъ г. Слуцкъ, я обратился къ г. смотрителю мѣстнаго тюремнаго замка съ просьбою позволить мнѣ производить измѣренія надъ арестантами. Это была очень счастливая мысль, потому что въ тюрьмѣ оказалось, конечно, не мало бѣлоруссовъ и притомъ изъ разныхъ мѣстностей губерніи, такъ что, сидя на одномъ мѣстѣ, можно было брать для себя матеріаль отовсюду, чѣмъ я и воспользовался, благодаря любезности смотрителя. И вотъ тутъ-то особенно ясно сказалось, какое значеніе придавалъ народъ моему пріѣзду. Каждый арестантъ, котораго я измѣрялъ, былъ увѣренъ, чтось этимъ связана какая-то перемѣна въ его судьбѣ. Каждый считалъ своею обязанностью рассказать мнѣ исторію своей жизни, хотя его объ этомъ и не спрашивали, объяснить, за что онъ арестованъ, и выставить себя совершенно невиновнымъ. Всѣ эти бытовые картинки чрезвычайно интересны, но мнѣ, къ сожалѣнію, некогда было все это выслушивать съ должнымъ вниманіемъ. Охотнѣе всего измѣрялись тѣ, которые присуждены къ ссылкѣ, каторгѣ и т. п.: все равно, дескать, хуже не будетъ.

Иной мужичекъ, оторванный отъ семьи, отъ хозяйства и тяготящійся болѣе другихъ бездѣльемъ, тоже становится подѣ мѣрку, махнувъ рукой: „одно изъ двухъ, говорить, или выпускать, или повѣсять, — все же лучше, чѣмъ тутъ томиться“. На другой день я узналъ, что иные со слезами на глазахъ просили смотрителя вычеркнуть ихъ изъ числа измѣренныхъ.

Существуетъ еще въ народѣ одно суевѣріе, которое также заставляетъ его бояться измѣреній: измѣренный челоуѣкъ, по мнѣнію бѣлорусса, или заболѣетъ или даже умретъ. Снятіе мѣрки съ челоуѣка сближается въ этомъ случаѣ со снятіемъ его портрета, а по исконному народному вѣрованію, все, что ни дѣлается надъ изображеніемъ челоуѣка или его тѣню, все это испытываетъ онъ самъ, какъ будто это производилось надъ нимъ самимъ. Поэтому, напримѣръ, въ средніе вѣка существовали преоригинальный юридическій обычай подвергать наказанію не самоговинноваго (особенно, если это было знатное лицо), а только его тѣнь. На этомъ же основаны многія чары, заговоры, заклинанія, которыя производятся или надъ полнымъ изображеніемъ челоуѣка въ видѣ куклы, рисунка, тѣни, или же только надъ его частью, напр. надъ слѣдомъ, т. е. оттискомъ, изображеніемъ ноги на землѣ. Страхъ передъ чарами, колдовствомъ до сихъ поръ такъ великъ въ народѣ, что уже одно сниманіе мѣрки, хотя бы и съ самою невинною цѣлью, наводитъ суевѣрнаго челоуѣка на мысль о болѣзни и смерти.—Одинъ старикъотказался отъ измѣреній, и всѣ свои доводы онъ выразилъ въ одной лаконической фразѣ: „Якъ умру, тагда и безъ васъ помѣряюць“. Смысль тотъ, что только мертвыхъ мѣряютъ, когда нужно сдѣлать гробъ, и слѣдовательно измѣряющійся заживо какъ бы заранѣе обрекается на смерть. Женщины не даютъ измѣрять дѣтей еще и потому, чтобоятся, чтобы не прекратилъ ихъ ростъ. Былъ со мною, впрочемъ, и такой слу-

чай, что баба сама просила измѣрить ея больного сына, не будетъ-ли онъ послѣ этого здоровѣе. Однимъ словомъ, приходится безпрестанно наталкиваться на самыя курьезныя неожиданности, которыя иногда даже не знаешь, какъ устранить. Опытъ показалъ, что лучше всего начинать изслѣдованія съ лицъ, имѣющихъ въ деревнѣ особое значеніе, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, напр. старшинъ, священниковъ, писарей, урядниковъ. Содѣйствию этихъ лицъ я много обязанъ. Вниманіе, оказанное мнѣ во время поѣздки разными лицами и учрежденіями, конечно, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что у меня былъ открытый листъ отъ г. губернатора. Поэтому, прежде всего я приношу мою глубокую благодарность Его Сіятельству Князю Николаю Николаевичу Трубецкому за оказанную помощь; затѣмъ, считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе словомъ или дѣломъ.

II.

Этнографическія наблюденія: характеръ страны; костюмъ; языкъ; экономическій бытъ; народное образованіе; вѣрованія: „прощи“, „присвятки“; отношенія къ раскольникамъ и къ евреямъ; пьянство.

Наблюдатель-этнографъ обыкновенно находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ антропологъ: уже одно то, что онъ можетъ собирать свой этнографическій матеріаль, такъ сказать, издали, со стороны, не подвергая никакимъ особеннымъ манипуляціямъ изслѣдуемыхъ субъектовъ, очень облегчаетъ ему дѣло. За то у него есть свои трудности. Антропологъ, куда бы ни направился, вездѣ для него найдется живой матеріаль; этнографъ же долженъ изыскивать для себя матеріаль; ему нужно умѣніе и особенная наблюдательность въ подмѣчаніи фактовъ и явленій, которыя легко могутъ ускользнуть отъ его наблюденія; ему часто приходится подолгу выжидать удобный случай, чтобы быть свидѣтелемъ того или другого интереснаго явленія въ народной жизни; ему, однимъ словомъ, нужно время при его изслѣдованіяхъ, такъ какъ безъ этого не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было систематичности въ наблюденіяхъ,—что и сказалось во время моей поѣздки.

Двойственность задачи, которую я имѣлъ въ виду, не мало мѣшала мнѣ въ болѣе или мѣнѣе успѣшномъ ея

выполненіи. Именно, для того чтобы собрать побольше антропологическихъ свѣдѣній, мнѣ хотѣлось захватить пошире районъ для наблюденій, такъ какъ въ антропологическомъ отношеніи одна отдѣльная мѣстность, казалось мнѣ, представляетъ менѣ интереса, чѣмъ отдѣльные уголки разныхъ мѣстностей, хотя бы взятые на удачу. Въ виду этого я не могъ засиживаться долго въ одномъ мѣстѣ, но долженъ былъ дѣлать частые переѣзды. Между тѣмъ, для этнографическихъ наблюденій этотъ способъ менѣ всего удобный. Чтобы присмотрѣться къ нравамъ, обычаямъ и быту народа, необходимо подольше пожить въ одной мѣстности, потомъ въ другой и т. д., потому что, только сжившись до известной степени съ той или другой мѣстностью, можно вѣрно подмѣтить ея этнографическія особенности; при частыхъ же переѣздахъ наблюдатель принужденъ ограничиться одними отрывочными случайными свѣдѣніями, краткими замѣчаніями, по которымъ очень трудно составить сколько-нибудь полную и интересную картину народной жизни съ ея отличительными особенностями.

Это общее правило приложимо ко всѣмъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, въ какихъ бы странахъ они ни производились; но для Бѣлоруссіи оно въ особенности важно, такъ какъ эта страна чрезвычайно разнохарактерна. Разнохарактерность же эта, быть можетъ, всего рѣзче выступаетъ именно въ Минской губерніи. Уже по своей обширности эта губернія не можетъ отличаться однообразіемъ: если же мы обратимъ вниманіе на ея физическое устройство и природу, то еще болѣе убѣдимся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ сѣверная и сѣверо-восточная ея часть занята лѣсами, среди которыхъ не мало находится болотъ; къ серединѣ лѣса рѣдѣютъ, почва становится суше, возвышеннѣе; къ югу опять больше лѣсовъ, а ужъ болота тутъ непроходимыя. Здѣсь-то, въ котловинѣ Припети, обитаетъ та-

инственный полѣшукъ, не признающій себя даже за человѣка. Существуетъ такой анекдотъ: когда полѣшукъ спросили, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „а какой я человѣкъ? я полѣшукъ!“ Каждая изъ этихъ трехъ полосъ имѣетъ свои отличительныя черты, во многомъ обусловливаемая именно природою: „въ лѣсу“ вы увидите иное, чѣмъ „наполѣ“ или „на болотѣ“. Привыкшій жить въ лѣсу, положимъ, игуменецъ или борисовецъ, выскажетъ вамъ даже съ убѣжденіемъ такой парадоксъ, что только въ лѣсу и можно жить безопасно, потому что тамъ никого нѣтъ, кромѣ звѣря, а звѣрь не подожжетъ, не ограбитъ; отъ звѣря можно защититься оружіемъ, а отъ злого человѣка—ничѣмъ. Напротивъ, живущій „на полѣ“ случанинъ или новогрудецъ какъ будто боится лѣса и весь привязанъ къ землѣ. Пинчукъ, въ свою очередь, не можетъ представить себѣ, какъ можно жить безъ воды и болота, гдѣ такое раздолье въ отношеніи рыбы и дичи: многія озера не замерзаютъ, и дичь живетъ на нихъ круглый годъ.

Кромѣ различія въ характерѣ, даже и относительно внѣшности существуютъ коренныя отличія у бѣлоруссовъ разныхъ мѣстностей. На сѣверѣ и с.-востокѣ Минской губерніи вы видите, на примѣръ, характерную для бѣлорусса бѣлую одежду, свиты изъ бѣлаго сукна, шапки зимой изъ бѣлаго барашка, и если вы спросите, почему тамъ держатъ почти исключительно бѣлыхъ овецъ, вамъ прямо скажутъ, что черныя здѣсь не ведутся. Удаляетесь вы къ югу и замѣчаете, что этотъ бѣлый цвѣтъ постепенно темнѣетъ, переходитъ въ сѣрый и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, замѣняясь чернымъ и красноватымъ. Такъ и видите постепенный переходъ отъ Бѣлой Руси къ Черной и Красной или Червоной. Само собою разумѣется, что точно также мѣняется по мѣстностямъ и покррой платья, и форма головныхъ уборовъ, какъ мужскихъ, такъ и жен-

скихъ, и пр., но объ этомъ говорить подробнѣе мы здѣсь не станемъ.

Что касается языка, то въ этомъ отношеніи также нѣтъ какого-нибудь единства даже и въ той небольшой области, которую я ближе наблюдалъ. Такъ, напримѣръ „дзѣканье“, т. е. произношеніе мягкихъ *д* и *т*, какъ и *цъ*, повидимому, слабѣетъ по мѣрѣ приближенія къ Могилевской губ., гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ эти звуки, какъ мнѣ извѣстно, выговариваются уже, какъ въ великорусскомъ. Особенность, которую мнѣ впервые случилось здѣсь подмѣтить и которой я не зналъ по записямъ другихъ собирателей, касается произношенія ударяемаго *ъ*, *о*, *ѣ*, какъ *іе*, *уо*, *юо*, съ удареніемъ на первый изъ каждаго этихъ двухъ гласныхъ, напр. *сіено* (сѣно), *вуоль* (воль), *моодъ* (медь). Эта черта для меня, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно важна, потому что она связываетъ минскій говоръ съ однимъ малорусскимъ говоромъ въ Польшѣ, который я имѣлъ случай характеризовать при изданіи пѣсенъ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго уѣзда *). Такое произношеніе въ Минской губ. я слышалъ въ уѣздахъ: Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ; но опять-таки я долженъ замѣтить, что къ сѣверу, къ востоку и отчасти къ ю.-востоку эта особенность постепенно исчезаетъ, и даже очень легко подмѣтить, какимъ образомъ происходитъ этотъ переходъ. Именно, въ сѣверной части Игуменскаго уѣзда и въ восточной и ю.-восточной Бобруйскаго удареніе въ названныхъ дифтонгахъ, или двугласныхъ, ставится уже не на первой, а на второй части: *сіено*, *вуол*, *моод*, и такимъ образомъ дается перевѣсъ первоначальной, основной гласной, между тѣмъ, какъ первая часть дифтонга остается только въ видѣ слаба-

*) Въ „Извѣстіяхъ Импер. Общ. Любит. Естествознанія Антроп. и Этногр.“ т. 48 и отдѣльный оттискъ: „Малорусская свадьба въ Константиновск. уѣзд. Сѣдлецкой губ.“ Москва, 1886 г.

го призвука; еще далѣе—и этотъ призвукъ совсѣмъ исчезаетъ. такъ что, напримѣръ, въ Борисовскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ, а также на восточной окраинѣ Бобруйскаго уѣзда слышится уже прямо *ь* (*e*), *o*, *ё*. Что касается „аканья“, т. е. произношенія неударяемаго *o* какъ *a*, то въ этомъ отношеніи трудно установить какія нибудь обобщенія. Какъ-то очень неаккуратно произносятъ бѣлоруссы этотъ звукъ *o*, когда на немъ нѣтъ ударенія. Достаточно того, что одинъ и тотъ-же субъектъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же или аналогичномъ случаѣ произноситъ то *o*, то *a*; большею же частью слышится нѣчто среднее между *o* и *a*. Но во всякомъ случаѣ *a* вмѣсто *o* рѣзче выступаетъ по сосѣдству съ настоящей Бѣлоруссіею. Еще на одну характерную особенность я обратилъ вниманіе, именно на употребленіе твердаго *л* вмѣсто *ль* въ Игуменскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ; тамъ говорятъ, напримѣръ: *силно*, *болно*, *палцы* и т. п., хотя, впрочемъ такое произношеніе не составляетъ общаго правила даже и для этихъ мѣстностей. Въ этой особенностии какъ будто замѣтно стремленіе къ нѣкоторому уравниванію звуковъ: твердое *л* во многихъ случаяхъ въ устахъ бѣлорусса перешло въ полугласное *ю* или даже въ *в* (*воўкь пашоў*—, *воўкь*, *пошелъ* и т. п.), и чтобы пополнить образовавшійся пробѣлъ, бѣлоруссъ дѣлаетъ твердое *л* изъ *ль*, хотя опять-таки только въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы это было не въ ущербъ мягкому *л*, которое все-таки употребительно у бѣлоруссовъ. Въ какихъ случаяхъ эта замѣна возможна, этого я здѣсь касаться не стану, потому что это специально-филологическій вопросъ. Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губерніи, въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый

типъ языка съ большой примѣсю польскаго и малорусскаго. Въ рѣчицкихъ говорахъ я знаю одну интересную особенность, которая на первыхъ порахъ можетъ показаться странною; это именно употребленіе *y* вмѣсто *ы*, на пр. *му*, *сунъ*, *букъ*, *буйстрый*—мы, сынъ, быкъ, быстрый и т. п. Это можно объяснить филологически родствомъ этихъ звуковъ (*y* и *ы*), такъ какъ, напримѣръ, наше слово *сынъ*=санскритск. *sûpuz* и проч. Но какъ понять самое это родство? Конечно, причина его чисто физиологическая и прослѣдить ее весьма легко на иностранцахъ. Заставьте, напримѣръ, француза сказать *быкъ*: онъ или скажетъ *бикъ*, или, понатужившись, произнесетъ *буйкъ*, т. е. чтобы произнести трудный для него звукъ *ы*, онъ прибѣгаетъ къ хитрости, именно, начинаетъ какъ будто произносить *y* вмѣсто *ы*, а затѣмъ быстро сворачиваетъ на *и*; это мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать надъ иностранцами. Можетъ быть въ вышеприведенномъ словѣ *буйстрый* такъ и объясняется двугласная *уй*, хотя вставка *й* въ этомъ случаѣ можетъ быть объяснена и трудною для произношенія группю согласныхъ *стр.*, какъ это бываетъ и въ другихъ случаяхъ, напр. *войстрый*—острый (Могилевской губ.). Но вмѣсто того, чтобы утомлять читателя теоретическими объясненіями, я лучше сошлюсь на подлинныя образцы языка бѣлоруссовъ Минской губ., именно на пѣсни, записанныя мною въ эту поѣздку и приложенныя въ концѣ этой статьи.

Понятное дѣло, что пѣсни не всегда могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для изученія языка, потому что съ одной стороны онѣ удерживаютъ многія традиціонныя формы, слова и выраженія, не употребляемыя въ настоящее время, но твердо сохраняющіяся въ пѣсняхъ, по пословицѣ:² „изъ пѣсни слова не выкинешь“; съ другой стороны, пѣсни не передаютъ всѣхъ особенностей и тонкостей обыденной рѣчи. Самую вѣрную характеристику живого народнаго языка можно

составить только на основаніи разговорной рѣчи, и въ этомъ случаѣ могутъ быть болѣе полезны другіе памятники народнаго творчества, какъ напр. сказки, преданія, легенды, и т. п., записываемыя прямо со словъ народа, въ которыхъ рассказчикъ не стѣсненъ традиционными формами и болѣе придерживается языка разговорнаго. Говоря о языкѣ бѣлоруссовъ, необходимо еще отличать языкъ чисто народный отъ языка тѣхъ бѣлоруссовъ, которые, хотя и очень близко стоятъ къ народу и большею частью сами вышли изъ народа, однако уже, такъ сказать, нѣсколько вкусили плодовъ, хотя и мнимой, цивилизаціи. Во всѣ времена и у cadaго народа языкъ людей полуобразованныхъ составлялъ и составляетъ нѣчто среднее между языкомъ литературнымъ и чисто-народнымъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отождествляемъ съ послѣднимъ. Когда мы теперь читаемъ, напримѣръ, старинные акты или грамоты, писанныя, по общепринятому выраженію, на бѣлорусскомъ языкѣ, то мы не должны думать, что и весь бѣлорусскій народъ того времени говорилъ именно такимъ языкомъ. Это было бы ошибочно по отношенію къ далекому прошлому, какъ и по отношенію къ настоящему. Кто бывалъ въ Бѣлоруссіи, тотъ вѣроятно имѣлъ случай прислушаться, какимъ языкомъ говорятъ писаря, старшины, помѣщичьи управляющіе, экононы и т. п. *)

*) Для характеристики этого особаго типа бѣлорусскаго языка я приведу одинъ интереснѣйшій документъ, который кстати, можетъ быть, нѣсколько развеселитъ того, кто имѣетъ терпѣніе читать мою сухую статью. Это, именно, письмо влюбленнаго помощника волостнаго писаря къ своей возлюбленной, дочери фельдшера. Такъ какъ это письмо досталось мнѣ черезъ третьи руки, то я не стану упоминать фамилій; въ остальномъ же точно послѣдую оригиналу, который относится къ 1876 г. и хранится у меня. „Милая Юлька! Скучно! скучно! не только на сердцу, но и всюду. Поглядите на надворье, навѣть и тое скучае по васъ, солнце зайшло за горку, помнице за тую, что кала церкви и пойшовъ такіи великій снѣгъ

Конечно, это языкъ не народный и не литературный а нѣчто среднее; но въ то же время это языкъ разговорный, употребляемый извѣстнымъ классомъ людей въ обыденной рѣчи.

Итакъ, съ какой бы мы стороны ни взглянули на Бѣлоруссію, намъ представится картина пестроты и разнообразія. И только одна черта въ этой картинѣ повторяется повсемѣстно, это — бѣдность населенія, доходящая до нищеты, и невѣжество. Очень невзрачно смотрять бѣлорусскія хижины. Почти всѣ онѣ очень маленькія, въ видѣ квадрата, съ маленькими окошечками; большая часть изъ нихъ и до сихъ поръ не имѣетъ трубъ; сложены онѣ кое-какъ, дрань навалена на крышу часто въ безпорядкѣ и даже не приколочена гвоздями. И страннымъ кажется, что тамъ, гдѣ больше лѣсу, тамъ избы гораздо хуже чѣмъ тамъ, гдѣ его меньше или совсѣмъ нѣтъ. Но это понятно. Во-первыхъ, гдѣ мало лѣсу, тамъ крестьянинъ привыкъ дорожить

што не можно изъ хаты вылесци. Нетое было у Заболоцьи, коли вы были у насъ, Слонце всегда такъ весело играло на небѣ, а я на гармонику, а якъ поишли вы скакаць польку, такъ было радостно глядѣть якъ вевіорочка (*блѣчка*) скикъ скикъ, помнице тогды якъ приѣхали отъ N и коли говорили што выпили три бутельки вина и тогды на другій дзень написали на цыгарной попѣрцѣ што любице менѣ, якъ тую попѣрку сховавъ сабѣ напамяць у штаны въ кишению, не думайце кабъ я вздумавъ кампузоваць (*конфюзитъ*) васъ сохрани Богъ, я ее такъ счпра люблю што ни коли не закуру еѣ. А якъ успомню вашъ взглядъ якій хорошенькій такъ и пронизвае менѣ, стрѣлки вашихъ миленькихъ очекъ (и) упились въ мои грудзи. Богъ свидѣцель якъ яны мяѣ боляць и скажу вамъ!.. коли не буду васъ довга бачиць такъ умру. Горизеть (*горизонтъ*) нашъ цеперь пахмурный што васъ нима, а може не знаеце што такое гаризеть, ета Мардафара (*метафора*) ?.. такъ выражаютца только разумные людзи и я думаю што колись буду разумный человекъ.

Съ истиннымъ почитаніемъ вашего добродушія остаюсь поклонникъ вашего благоутробія и целую ваши малиновые уста Искрѣнейшій другъ и доброжелатель NN.

Хоть ето письмо написавъ не даштыху (*исскладно*), Алешъ смѣшна. N. (postscriptum самого же автора)“.

каждой щепкой, и уже при постройкѣ дома онъ, конечно, употребить все стараніе, чтобы домъ вышелъ прочнѣе; притомъ, у него и средствъ къ этому больше, потому что „на полѣ“ живетъ крестьянину лучше, такъ какъ земли больше и она лучше. Въ лѣсныхъ же мѣстахъ лѣсъ не имѣетъ никакой цѣны; его жгутъ цѣлыми участками, лишь бы только раздѣлать лишній клочекъ земли подъ пашню. Собственный лѣсъ крестьяне большею частью уже давно извели такимъ образомъ, и теперь они снимаютъ въ аренду или покупаютъ участки лѣса вмѣстѣ съ землей у помѣщиковъ, которые иногда не прочь воспользоваться стѣснительнымъ положеніемъ крестьянъ при ихъ малоземельности. Если крестьянинъ пожелаетъ арендовать нѣсколько десятинъ готовой пашни, то съ него требуется вдвое большая плата, чѣмъ за такойже участокъ поросшій лѣсомъ. Понятное дѣло, что крестьянинъ возьметъ лѣсной участокъ: ему важнѣе всего, чтобы отдавать меньше денегъ, а сколько онъ положитъ труда на разчистку и распашку, этого онъ въ счетъ не ставитъ; бѣлорусскіе до сихъ поръ не привыкъ цѣнить свой личный трудъ на деньги. То же самое бываетъ и при покупкѣ земли въ собственность. Заплативъ 40—60 руб. за десятину, поросшую лѣсомъ, крестьянинъ, только на второй или на третій годъ получаетъ плоды своихъ трудовъ; а готовая пашня цѣнится опять вдвое дороже и доходитъ до 80 руб. за десятину и болѣе.

Бывшія казенныя деревни смотрятъ болѣе приглядно: домики исправнѣе, выстроены въ линію, а не разбросаны; на крышахъ виднѣются трубы, большею частью желѣзныя. Но жалобы на безземелье вездѣ повторяются. Семейные раздѣлы, раздробленія надѣловъ на мелкіе участки между сыновьями по мѣрѣ ихъ наростанія еще болѣе усиливаютъ это бѣдственное положеніе. Понятно поэтому, что малѣйшая хотя бы и ложная надежда на улучшеніе экономическаго быта можетъ про-

известии броженіе среди мѣстныхъ крестьянъ. Неудивительно, что, напр., въ Игуменскомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ явился какойто бродяга, выдававшій себя за тайнаго посла отъ Царя и приглашавшій всѣхъ желающихъ получить землю записываться у него съ известной платой. Много народа онъ смутилъ: иные, какъ передаютъ, поспѣшили даже продать свое имущество въ надеждѣ скорого переселенія на Амуръ.

При такихъ условіяхъ жизни гдѣ уже тутъ думать бѣлоруссу объ образованіи, задаваться какими-нибудь отвлеченными вопросами. Умъ его до сихъ поръ продолжаетъ питаться обломками старинныхъ воззрѣній, остатками отъ древней системы вѣрованій. Школа пока только начинаетъ давать утѣшительные результаты. На духовенство то-же нельзя много рассчитывать. Трудность сообщеній не мало мѣшаетъ въ этомъ отношеніи. Иной крестьянинъ по мѣсяцамъ не можетъ посѣщать церковь, находящуюся за нѣсколько верстъ. Какъ же можно ожидать исправнаго посѣщенія школы маленькими дѣтьми? Болѣе дѣятельные священники многого ожидаютъ отъ церковно-приходскихъ школъ, и онѣ дѣйствительно принесли быздѣсь громадную пользу, еслибы ихъ программа не была такъ узка. Но и священниковъ такихъ, правду сказать, не много. Бѣлорусскій батюшка часто самъ раздѣляетъ съ народомъ всѣ его предрасудки или же, который по смышленіе, не прочь извлечь изъ нихъ кое-какую выгоду для себя. Положимъ, на полѣ крестьянина во ржи злой челоувѣкъ сдѣлалъ завитку или заломъ. Чтобы избѣжать бѣдствія, которое ему грозитъ отъ этой козни, онъ немедленно приглашаетъ священника, который за известную плату читаетъ известную молитву противъ бѣсовскаго навожденія, торжественно вырываетъ завитку и предаетъ сожженію. Впрочемъ, священники не могутъ похвастать, что они одни властны въ этомъ. И до сихъ поръ часто крестьянинъ предпочитаетъ призвать знахаря, кото-

рый къ тому-же разгадаетъ, съ какою цѣлью сдѣлана была завитка: на скоть, на поле, или на самого хозяина, или его дѣтей, чего священникъ, конечно, не въ состоянїи сказать; а иногда знахарь укажетъ даже виновника злого умысла, и тогда онъ беретъ завитку и переноситъ тайкомъ на поле этого виновника со всею бѣдою, какая должна произойти отъ завитки; конечно, это дѣлается съ тою мыслью, что другой тоже пригласитъ того-же знахаря и заплатитъ за развѣдку завитки. Иногда приглашаютъ сначала знахаря, колдуна для разъясненія завитки, а потомъ уже священника для ея уничтоженія, такъ что здѣсь вы видите уже маленькое превосходство христіанскаго элемента надъ языческимъ, хотя оба они, такъ сказать, уживаются еще рядомъ.

Такъ какъ я заговорилъ объ остаткахъ язычества, то прибавлю еще кое-что въ этомъ родѣ и, прежде всего, упомяну о такъ называемыхъ „прощахъ“.

Проща—собственно моленіе о прощеніи грѣховъ съ приношеніемъ пожертвованій въ какомъ нибудь святомъ или чудесномъ мѣстѣ. Но въ обыденной рѣчи прощю называется самое это мѣсто, прослывшее почему-нибудь въ народѣ, который въ опредѣленные дни стекается туда въ большомъ числѣ на богомолье. Итти на прощю, значитъ итти на богомолье. Такими прощами бываютъ ключи, источники, особенные камни, горки, наконецъ старинные кресты и т. п. Съ каждою изъ такихъ прощъ связано преданіе о какомъ-нибудь необыкновенномъ событїи или совершившемся здѣсь чудѣ, въ которое народъ вѣритъ безусловно. Эти прощи открываются и до сихъ поръ по поводу разныхъ случаевъ. Представьте себѣ, на примѣръ, деревенскую бабу, у которой тяжелое горе на душѣ; вотъ она, пася скоть, заснула на пригоркѣ и видитъ во снѣ исполненіе всѣхъ ея мечтаній, видитъ, что горе ея прошло, и ей даже представляется, что сама Богородица явилась возвѣ-

стить ей эту радость. Какъ только сонъ сбудется, хотя бы черезъ годъ или черезъ два, баба спѣшитъ на пригорокъ съ приношеніями, кладетъ на мѣстѣ видѣнія деньги, свѣчи, воскъ, лёнъ, полотно, молится, наконецъ, оповѣщаетъ объ этомъ сосѣдокъ, мѣсто огораживается — и прѣща готова. Съ тѣхъ поръ ежегодно въ этотъ день, а также одинъ разъ въ мѣсяцъ и во всякіе богородичные дни, сюда стекается народъ, и каждый разъ все въ большемъ количествѣ; они молятся, приносятъ, „офѣры“ (офѣра, польск. оѣга — приношеніе). Эти приношенія потомъ раздаются нищимъ или собираются въ ближайшій монастырь или церковь. Въ концѣ концовъ духовенство принимаетъ такую прѣщущу подъ свое покровительство; тогда вмѣсто ограды или навѣса строится часовенька, мѣсто освящается, служатся въ извѣстные дни молебны, а мелкіе торговцы къ этимъ днямъ привозятъ туда разный товаръ: пряности, игрушки, посуду и пр., и открывается нѣчто въ родѣ ярмарки. Если мѣстный священникъ вздумаетъ останавливать это поклоненіе, то онъ самъ рискуетъ потерять уваженіе у прихожанъ, и если съ нимъ случится какая нибудь бѣда, то ее тотчасъ объясняютъ наказаніемъ Божиимъ за его противодѣйствіе Божьей волѣ. Такой случай былъ, напр., въ д. Евличахъ, около Ивани, гдѣ священникъ скоропостижно умеръ, будто бы за то, что не хотѣлъ признать новой прѣщи на горкѣ, гдѣ дѣвушка видѣла сонъ на счетъ урожая и своей судьбы, который вскорѣ исполнился. Замѣчательно, что всего усерднѣе посѣщаются прѣщи въ каждое первое воскресенье послѣ новолунія. Вообще, эти новолунныя воскресенія въ большемъ уваженіи у бѣлоруссовъ. Считается большимъ грѣхомъ не быть за обѣдней въ такое воскресенье; иные старики даже считаютъ долгомъ въ этотъ день исповѣдываться и причаститься. Думаютъ объяснять почитаніе новолунныхъ воскресеній влияніемъ католичества, которое совершало въ эти дни

крестные ходы, или же влияніемъ іудейства; но эти объясненія несостоятельны: культъ луны былъ, конечно, повѣстенъ и древнимъ обитателямъ Бѣлоруссіи и онъ достаточно ясно выступаетъ въ другихъ обрядахъ и пѣсняхъ, напр. свадебныхъ, гдѣ этихъ влияній нельзя подо-зрѣвать. Надо замѣтить еще, что отъ поволуній бѣлоруссы ожидаютъ атмосферическихъ переменъ: хорошей погоды послѣ дождя, дождя послѣ засухи, и дѣйствительныя измѣненія погоды по четвертямъ мѣсяца еще болѣе поддерживаютъ уваженіе къ лунѣ. Когда бѣлоруссъ долго ожидаетъ переменъ погоды, онъ возлагаетъ послѣднюю надежду на молодой мѣсяць: „увидимъ, што маладзичкъ покаже“, говоритъ онъ въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ. Завидѣвъ впервые серпockъ молодика, онъ крестится и говоритъ вполголоса:

„Маладзичокъ маладый, рогъ залатый, великій князь, поздравляй насъ; дай намъ способъ и раду до жицця, сабіе на прыбытокъ а намъ на спасене“, а затѣмъ читаетъ „Отче нашъ“ и другія молитвы. Однимъ словомъ, культъ луны, проявляющійся въ прѣскахъ и въ другихъ случаяхъ жизни бѣлорусса, это древнѣйшій культъ, который въ Бѣлоруссіи опять таки замѣчательнымъ образомъ уживается съ христіанскими догматами.

Кстати, въ параллель къ только что приведенной молитвѣ я позволю себѣ привести здѣсь еще одну такую же апокрифическую молитву „на сонъ грядущи“, хотя это и будетъ маленькимъ отступленіемъ. Одна старуха, которой теперь болѣе 90 лѣтъ, ложась спать и осѣняя крестнымъ знаменіемъ постель, себя и все кругомъ, говоритъ: „Лажуся спаць; Пречистая, придзи ка мнѣ начеваць зъ дванадцатью ангѣлами, съ тринадцатымъ апостоломъ. Ангѣлы майіе (мои), старѣжи майіе, сцережица душу маю до поўночи, Пречистая до свѣта, апостоль до конанія вѣка, пакуль будзе маё павѣдане. Самъ Гасподь знае, дзѣ маю душу надзѣ-еци“. Надо замѣтить, что старуха эта вывезена еще

въ молодости, при крѣпостномъ правѣ, изъ Румыніи и совсѣмъ обрусѣла, хотя свой языкъ нѣсколько помнитъ, и если очень разсердится, то начинаетъ бормотать по своему. Неизвѣстно, гдѣ она научилась этой молитвѣ, но во всякомъ случаѣ можно спросить себя, не есть ли эта молитва переложение или переводъ какой нибудь румынской молитвы. Это очень интересно было бы знать, потому что, какъ извѣстно, въ Румыніи была нѣкогда сильно распространена богомильская ересь (первые ея послѣдователи, впрочемъ, отвергали почитаніе Богородицы), подъ вліяніемъ которой явилось тамъ много ложныхъ молитвъ и цѣлыхъ книгъ и сочиненій, которыя, между прочимъ, не остались безъ вліянія и на нашу апокрифическую или отреченную литературу, особенно черезъ посредство болгарской. Впрочемъ, и среди коренныхъ бѣлоруссовъ есть не мало подобныхъ молитвъ, прямо сочиненныхъ или представляющихъ только искаженія общеизвѣстныхъ. Измѣряя одного парня, которому предстояло итти на призывъ и который хвасталъ передо мною, что онъ учился въ школѣ, я спросилъ у него изъ любопытства, знаетъ ли онъ „Отче Нашъ“.

— Чамужъ ня знаць? отвѣчалъ онъ, нѣсколько обиженный: „Отче нашъ, иже вездѣсый и вся исполняй...“.

— А „Царю небесный“?

— А Царю небесный — такъ само-жь, только починаетца трохи ня такъ. — Вотъ вамъ примѣръ искаженія молитвы.

Но вернемся еще къ прощамъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ прощъ, извѣстныхъ мнѣ, упомяну прежде всего Марьину горку въ Игуменскомъ уѣздѣ. Проѣзжая по Либаво-Роменской жел. д., вы видите здѣсь, на 3-й станціи отъ Минска, прекрасную каменную церковь на пригоркѣ, среди роши. Эта церковь вся построена на приношенія богомольцевъ и еще часть оставшихся суммъ пошло на устройство здѣсь-же

прекраснаго ремесленнаго училища. Предметомъ поклоненія теперь здѣсь служитъ икона Божьей Матери, но по преданію тутъ была прѣща на холмѣ. Въ другомъ мѣстѣ, около мѣстечка Смилловичи того-же уѣзда, есть Святая горка; тамъ находится камень со знакомъ, похожимъ на человѣческій слѣдъ. Этотъ камень долго служилъ предметомъ поклоненія, а теперь тамъ церковь. Преданіе гласитъ, что шли нѣкогда три Богородицы, ища себѣ мѣста, гдѣ бы объявиться. Одна пошла въ Дудичи, другая въ Новоселки, а третья въ Ляды (въ поименованныхъ мѣстахъ теперь находятся чудотворныя иконы Богородицы). Последняя, т. е. Ляданская, остановилась отдыхать на горкѣ между Смилловичами и Лядами, гдѣ и оставила свой слѣдъ на камнѣ. Первымъ чудомъ ея здѣсь было исцѣленіе помѣщика, случайно ослѣпшаго. Онъ спалъ на этой горкѣ и видѣлъ во снѣ, будто къ нему подошла Богородица, коснулась его глазъ, и онъ проснулся зрячимъ. Увѣряютъ, что это неожиданное исцѣленіе — фактъ дѣйствительный и не особенно давній. — Подобнымъ уваженіемъ пользуется камень, находящійся около Новогрудка, съ изображеніемъ какихъ то слѣдовъ, какъ будто пятки и пальцевъ. Пальцы — это, по народному вѣрованію, слѣдъ Богородицы, а пятка — слѣдъ чорта, который гнался за нею, но не могъ догнать: она скрылась въ ближайшій монастырь, гдѣ стала оказывать чудеса. Къ этому камню также стекаются крестьяне на поклоненіе, кладутъ деньги, воскъ, лёнъ и т. п., молятся и цѣлуютъ слѣдъ Богоматери, а на слѣдъ чорта плюютъ, при чемъ нерѣдко происходятъ ошибки: гдѣ нужно цѣловать, туда плюютъ, и наоборотъ. Другіе иначе объясняютъ знаки на этомъ камнѣ: будто во время нашествія шведовъ передовой шведскій отрядъ оставилъ этотъ знакъ, чтобы послѣдующіе отряды знали, куда направились шведы. Камень съ подобіемъ человѣческаго слѣда есть еще на полдорогѣ изъ г. Слуцка въ мѣ-

стечкѣ Грозовѣ. Увѣряютъ, что это слѣдъ св. Николая, который, шель въ ближайшую церковь, чтобы тамъ творить чудеса.

Въ разныхъ мѣстахъ западной окраины, въ особенности въ Виленской губерніи, существуютъ подобные камни съ болѣе или менѣе явственными знаками, похожими на оттискъ человѣческой ноги, чаще всего принимаемый народомъ за слѣдъ Богородицы; напримѣръ: въ Ошмянскомъ у., при большой дорогѣ изъ Троку въ Ольшаны, въ Лидскомъ у. при д. Мейры, въ Трокомскомъ у. въ имѣніи Микишки на правомъ берегу Вилии, въ Виленск. у. Эти камни были когда-то описаны А. Киркоромъ въ его этнографическомъ описаніи Виленской губ. (Этнографич. Сборникъ, изд. Имп. Рус. Географич. Общества, вып. 3. Спб. 1858). Были случаи, что эти камни разбивались на куски по приказанію властей, но народъ опять ихъ складывалъ, или же приписывалъ каждому обломку такую же чудесную силу.

Немалымъ уваженіемъ и почитаніемъ пользуются также камни съ надписями, въ особенности если надпись непонятна для народа. Такіе памятники называются „писанными камнями“. Мнѣ встрѣтился такой камень по дорогѣ изъ г. Слуцка въ Бобруйскъ въ Новодорожской волости, близъ деревни Пастовичи. Онъ довольно большихъ размѣровъ и кругомъ покрытъ высѣченными надписями, которыя никому до сихъ поръ, равно какъ и мнѣ, не удалось прочесть. Около него крестъ, на камнѣ икона.

Кромѣ камней, большимъ почитаніемъ пользуются еще ключи, источники.

По дорогѣ изъ Бобруйска въ Могилевъ при р. Алѣ, въ урочищѣ Вольскѣ, Качеричскаго прихода, есть приписная церковь съ мѣстнотворной иконой Божьей Матери. Преданіе говоритъ, что жили два брата Кондрата по прозванію Сокоры; младшій былъ тяжело боленъ. Во снѣ ему Богородица указала ключъ (крыницу)

отъ котораго онъ получилъ исцѣленіе, въ память чего и поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ. Открылась прѣща, посыпались приношенія, и въ 63 г. выстроена здѣсь большая церковь на однихъ этихъ пожертвованій. Въ Минскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Ракова, есть прѣща-ключъ. Слепой старикъ нашель его по тайному голосу Богородицы и исцѣлился отъ него. Въ Слуцкомъ у., около села Доросина, находится прѣща-колодець. Два раза въ годъ, 1-го авг. (Макавей) и въ Преполовеніе, здѣсь бываетъ громадное стеченіе народа, совершается служба съ водосвятиемъ, и каждый беретъ себѣ запасъ цѣлебной воды. Можетъ быть, дѣйствительно нѣкоторые изъ этихъ ключей, почитающихся святыми, имѣютъ цѣлебныя свойства, такъ же какъ и нѣкоторыя озера, напр. оз. Свистязь въ Новогрудскомъ уѣз., воспѣтое Мицкевичемъ, куда привозятъ больныхъ для купанія, иногда даже въ холодную пору. Нѣтъ возможности перечислить всѣ подобныя мѣста; если бы имъ составить списокъ по всей губерніи, то ихъ навѣрно оказались бы десятки, если не сотни.

Рядомъ съ этимъ множествомъ мнимо святыхъ мѣстъ существуетъ въ Бѣлорусіи такое же множество мнимо-святыхъ дней, въ которые считается грѣхомъ работать, несмотря на то, что эти дни не освящены церковью и называются „присвятками“, т. е. полупраздниками при большихъ праздникахъ; въ иные же дни, какъ напр. въ среду и пятницу послѣ новолунія, не приступаютъ только къ особенно важнымъ дѣламъ. Вообще эти празднованія больше всего выпадаютъ на долю среды и пятницы, слѣдующихъ за большими праздниками. Такъ, напримѣръ, на Святой празднуется „градовая“ среда и пятница (иначе ледоватый день), чтобы лѣтомъ поля не страдали отъ градобитія.

Еще празднуются пятницы: 1) послѣ Рождества Хр., 2) на маслянницѣ, 3) послѣ Троицы—среда и пятница, такъ называемая „семѣха“, 4) на 10-й недѣлѣ послѣ

Пасхи. т. н. „дзесятѹха“, также отъ града. Иезуиты сумѣли примѣнить къ этому послѣднему народному празднику свое главное церковное торжество въ честь *sanctissimi cordis Jezu*, и этимъ еще болѣе упрочилось уваженіе народа къ этому дню, къ „дзесятѹхѣ“. Нѣчто подобное сдѣлала наша церковь, примѣнивъ къ народному празднованію девятаго четверга, или „дзевятника“, церковное торжество въ память воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ съ православною церковью. „Дзевятникъ“ — важный праздникъ еще и потому, что въ этотъ день народъ приноситъ въ церковь травы и вѣнки для освященія къ Ивану-Купалѣ. Католики и униаты праздновали девятникъ въ честь тѣла Господня и совершали крестные ходы съ большими церемоніями. Празднуется также и десятый четвергъ по Пасхѣ — „дзесятникъ“.

Среда и пятница, какъ дни, посвященные воспоминанію страданій и смерти Спасителя, всегда почитались и церковью, и народомъ. Но у народа это почитаніе уже съ давнихъ поръ имѣло нѣкоторый нехристіанскій оттѣнокъ. По пятницамъ, по народному повѣрью, не должно ни пряхать, ни пахать, чтобы не запылить матушку Пятницу и не засорить ей глаза кострикой и пескомъ. Здѣсь видимъ олицетвореніе пятницы, о чемъ будетъ сказано еще ниже. Въ „Регламентѣ“ указывается на существовавшій обычай „водить простоволосую жонку, подъ пменемъ Пятницы, въ церковномъ ходу и воздавать ей честь и дары“. Во времена Грознаго, какъ видно изъ Стоглава, ходили „по погостамъ и по селомъ и по волостемъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія (съ греч. воскресеніе) и велятъ имъ заповѣдати крестьяномъ кануны завѣчивати; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручнаго

дѣла не дѣлати, и женамъ не прѣсти, и платья не мыти, и каменя (камина) не разжигати, и иные заповѣдаютъ богомерзскіе дѣла творити“. Соборъ предаль проклятію всѣхъ этихъ лжепророковъ, но почитаніе дня пятницы этимъ не прекратилось, да и не могло быть прекращено.

По рукамъ старинныхъ грамотныхъ людей ходило множество списковъ такъ называемаго преданія о 12 пятницахъ. Въ этомъ апокрифическомъ писаніи перечислялись 12 пятницъ въ году, въ которыя будто бы не слѣдуетъ работать подѣ страхомъ тяжкаго грѣха; это именно пятницы: 1) 6-го марта, 2) предѣ Благовѣщеньемъ, 3) на Страстной недѣлѣ, 4) предѣ Вознесеніемъ, 5) предѣ Пятидесятницей, 6) предѣ Петровымъ днемъ, 7) предѣ Успеньемъ, 8) предѣ Усѣкновеніемъ главы Предтечи, 9) предѣ Воздвиженіемъ. 10) предѣ днемъ Михаила Архангела, 11) предѣ Рождествомъ Христ., 12) по Рождествѣ. Съ каждою изъ этихъ пятницъ соединяется какое-нибудь воспоминаніе преимущественно о ветхозавѣтномъ событіи, и въ этомъ нельзя не видѣть слабаго отголоска іудейства; между прочимъ, имя Параскевы Пятницы объясняется также тѣмъ, что Параскева по гречески значитъ „приготовленіе“, а у іудеевъ пятница есть именно приготовленіе къ празднованію субботы. Перечисленные пятницы, по словамъ того-же ложнаго писанія, „подобаетъ блюсти постомъ и молитвою и пѣніемъ, единою днемъ хлѣба вкусити, аще мощно, то и милостыню творити убогимъ. А отъ плотскихъ похотій грѣховныхъ сохранитися; аще ли кто въ ты пятницы зачнетъ, нездравъ бываетъ: либо хромъ, либо слѣпъ, или иною вещию прокаженъ, или тать, или разбойникъ, злу начальникъ“ и пр. Въ настоящее время особенно въ ходу такіе листки у раскольниковъ, при чемъ тамъ указывается цѣль празднованія каждой пятницы отдѣльно. Вотъ какія могутъ быть самыя разнообразныя причины, обуславливающія то или другое явленіе въ духовной жизни народа.

Интересно то, что, по понятіямъ народа, большинство присвятковъ имѣють прямое отношеніе къ землѣ, къ пашнѣ; работая на ней въ праздникъ, можно накликасть на нее бѣду въ видѣ неурожая, градобитія, засухи и т. п. Но при этомъ имѣется въ виду только земля, принадлежащая христіанину. Работать на собственной землѣ въ неважный полупраздникъ нельзя, но на еврейской можно. Если на землѣ, принадлежащей христіанину, но арендованной евреемъ, работаютъ въ христіанскій праздникъ, хотя бы только сами евреи, то это все таки можетъ навлечь гнѣвъ Божій на собственника земли. До того доходить иногда это уваженіе къ землѣ, что, напримѣръ, католики, поселившіеся на землѣ, принадлежавшей русскимъ, считаютъ долгомъ совѣсти хранить, хотя отчасти, русскіе праздники и посты, а равно и давать въ церковь на поминавленіе прежнихъ владѣльцевъ, обливавшихъ своимъ потомъ ихъ землю; православные, осѣвшіе, такъ сказать, на католическомъ грунтѣ, поминають прежнихъ его собственниковъ въ костелѣ. Это бывало особенно часто въ прежнее время, когда въ Бѣлоруссіи было больше костеловъ и вообще польское вліяніе было сильнѣе.

Въ числѣ наказаній за несоблюденіе праздниковъ самое страшное — это обращеніе виновнаго въ камень. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Житина въ Осиповичи, около с. Кринки указываютъ камень, называемый „волами“. Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ вышелъ пахать въ Свѣтлый праздникъ и обратился въ камень вмѣстѣ съ волами и сохой. Впрочемъ этотъ разсказъ варьируется на разные лады. Въ безформенномъ камнѣ народъ усматриваетъ фигуру пахаря, воловъ и т. д. Указываютъ тутъ-же и другіе камни, имѣющіе какъ будто форму птицъ, напр. утки, и считающіеся таинственными, обладающими какою-то силой. Разсказовъ и преданій объ окаменѣніи за ослушаніе волѣ Божьей живетъ не мало среди бѣлорус-

совъ и всѣ они, безъ сомнѣнія, составляютъ отголосокъ далекой старины, такъ какъ этотъ мотивъ мы знаемъ и изъ ветхаго завѣта, изъ окаменѣнія жены Лота. Слѣдуетъ замѣтить еще, что по понятіямъ бѣлоруссовъ, не столько Богъ наказываетъ за ослушаніе его волѣ, сколько мститъ самый праздникъ за неуваженіе къ нему. Каждый праздникъ и даже дни недѣли бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ олицетворенномъ видѣ. Въ высшей степени характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій рассказъ, который мнѣ случилось услышать отъ одной старухи. Шли три женщины: св. Пятница, св. Суббота и св. Недѣля. Самая красивая, нарядная и веселая изъ нихъ была именно Суббота, между тѣмъ, какъ двѣ другія были грустны, заплаканы и отрепаны; Пятница была вся въ ранахъ, истыкана, исцарапана, а о Недѣлѣ ужъ и говорить нечего: на ней живого мѣста не оставалось,—одни раны и синяки, а платье все въ клочкахъ. Всему этому причиною люди; они не чтятъ, какъ слѣдуетъ, пятницы и воскресенья и этимъ заставляютъ страдать свв Пятницу и Недѣлю. Шьеть-ли баба въ пятницу; она колетъ св. Пятницу; работеть-ли крестьянинъ топоромъ въ воскресенье или заводитъ драку въ пьяномъ видѣ — онъ наноситъ раны и побои св. Недѣлѣ. Одна только св. Суббота живетъ весело и спокойно, потому что евреи во всей строгости хранятъ посвященный ей день.

Кромѣ обращенія въ камень есть еще и другіе способы наказанія за несоблюденіе праздниковъ. Болѣзнь и смерть—это второй послѣ окаменѣнія самый страшный родъ наказанія ослушниковъ воли Божьей; иногда эти наказанія распространяются даже на все семейство виновнаго и на скоть. И вообще это самое обычное, по понятіямъ бѣлорусса, наказаніе за всякое тяжкое преступленіе. Такъ, напр., если кто украдетъ съ поля соху у сосѣда или другое хозяйственное оружіе, то у виновнаго подохнуть волю, не будетъ вестись скоть въ

течение семи лѣтъ и наконецъ самъ онъ заболѣеть или умереть. Поэтому-то такъ рѣдки случаи воровства среди бѣлоруссовъ: ульи въ лѣсахъ стоятъ безопасно, хлѣба въ копнахъ никто не тронетъ подѣ страхомъ смерти, лошади спокойно остаются ночью на дворѣ. Конечно нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не было кражъ; еслибъ не было такихъ случаевъ, то не за чѣмъ было бы придумывать бѣлоруссу такое страшное наказаніе ворами. Добрые старые обычаи и патріархальныя отношенія начинаютъ сильно рушиться и въ глухой Бѣлоруссіи.

Въ послѣднее время особенно часто слышатся жалобы на старовѣровъ, въ особенности въ Игуменскомъ у., гдѣ ихъ поселилъ на своей землѣ б. рижскій губернаторъ, генераль Шевичъ. Они очень часто попадаютъ въ дерзкихъ кражахъ и грабительствахъ, и крестьяне бѣлоруссы ненавидятъ ихъ до глубины души. Когда встрѣчается старовѣръ, котораго они тотчасъ узнаютъ по длиннополой одеждѣ и бородѣ, они пальцами въ него тыкаютъ и ругаютъ въ голосъ „кацапомъ“ и другими бранными словами.

Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Кояловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлоруссіи высказывалъ какъ-то жалобы на уменьшеніе великорусскаго элемента среди населенія этого края. Если рѣчь идетъ о выселеніи отсюда старовѣровъ, то объ уменьшеніи этого вреднаго элемента сожалѣть нечего. Не думайте, однако, чтобы я хотѣлъ представлять самого бѣлорусса безпорочнымъ, хотя бы даже относительно воровства. Онъ, конечно, не пойдетъ въ домъ красть деньги, не взломаетъ амбаръ, не уведетъ лошадь, развѣ за рѣдкими исключеніями; но, напримѣръ, чужое дерево, если оно не загорожено, трава чужая, особенно въ лѣсу, не считаются неприкосновенными, и въ этомъ отношеніи нерѣдко нарушаются права собственности; въ особенности помѣщики часто жалуются на кражи крестьянами стро-

еваго лѣса и дровъ изъ лѣсу, также на поправу луговъ. Нерѣдко крестьяне высказываютъ ту мысль, что вся земля должна принадлежать народу, и потому еще болѣе считаютъ себя вправѣ присвоивать себѣ собственность помѣщиковъ и казны. Впрочемъ, болѣею частью это дѣлается по необходимости. За скудостью собственного надѣла, крестьянину часто некуда дѣваться со скотомъ, и онъ пасетъ его на чужомъ участкѣ; вслѣдствіе расчистки лѣса подъ пашню, ему иногда не изъ чего возвести самую пустячную постройку, и онъ тащитъ потихоньку лѣсъ отъ помѣщика или отъ казны. Случаются иногда и бунты крестьянъ въ Бѣлоруссіи подъ вліяніемъ разныхъ подстрекателей. И не удивительно. Приведенный выше случай изъ Игуменскаго уѣзда служить иллюстраціей къэтому. Всякій прохода можетъ безъ труда провести и эксплуатировать легковѣрнаго, безграмотнаго бѣлорусса, и онъ же еще будетъ защищать предъ вами своего эксплуататора. Заговорите вы съ нимъ, напр., про какого-нибудь фактора-еврея, у котораго онъ весь въ рукахъ; онъ вамъ скажетъ: „да вѣдь еврей еще бѣднѣе меня; если бы еврей тянули съ мужиковъ деньги, то они и были бы у нихъ: а какія у еврея деньги? Иной, можетъ быть, два дня не ѣвши бѣгаетъ, а ужъ оборваны всѣ—тѣло видно! А вотъ, что жидъ во всякой бѣдѣ поможетъ,—это правда; недаромъ говорится: якъ бѣда, то до жидѣ“. Такое разсужденіе мнѣ пришлось услышать самому отъ крестьянина въ Слуцкѣ, на ярмаркѣ.

Итакъ, пусть не удивляется читатель, если я нахожу возможнымъ, на основаніи личныхъ наблюдений, сказать прямо, что простой бѣлорусскій народъ очень рѣдко высказываетъ жалобы на то, что онъ терпитъ отъ евреевъ зло. Сознаетъ ли онъ это зло или нѣтъ,—это другой вопросъ; но мнѣ кажется, что общая нужда, постоянная борьба изъ-за насущнаго хлѣба, гнетущія экономическія условія, въ какихъ приходится жить

и крестьянину, и простому еврею, — все это как то приводит всѣхъ, такъ сказать, къ одному знаменателю, заглушаетъ всякіе другіе вопросы какъ религіозные, такъ и національные. Присматриваясь лично къ взаимнымъ отношеніямъ бѣлорусскаго народа и евреевъ, прислушиваясь къ сужденіямъ самихъ крестьянъ о евреяхъ, вы не замѣтите той непримиримой вражды, того антагонизма, о которомъ вы такъ часто привыкли слышать отъ другихъ.

Ни одинъ крестьянинъ, конечно, не станетъ отрицать отдѣльныхъ случаевъ грубаго нахальства, дерзости, обмана, явнаго обирательства со стороны евреевъ, какъ класса преимущественно торговаго; но это не мѣшаетъ добродушному бѣлоруссу миролюбиво и даже черезчуръ довѣрчиво относиться къ евреямъ вообще. Чтобы вѣрнѣе судить объ этихъ отношеніяхъ, не надо упускать изъ виду еще одну очень характерную черту бѣлорусскаго народа. Бѣлоруссъ, какъ и малоруссъ, очень скептически и неодобрительно относится къ занятію торговлею вообще. Всю жизнь копаясь въ землѣ и изъ нея добывая себѣ пропитаніе въ потѣ лица, онъ смотритъ на торговлю, какъ на барышничество, и никакъ не можетъ одобрить такого занятія, при которомъ приходится жить исключительно „выручкою“ съ другого. И согласно съ этимъ, нельзя не замѣтить, что недовольство бѣлоруссовъ скорѣе всего могутъ возбудить евреи, занимающіеся мелкою торговлею. Напротивъ, разъ еврей занимается какимъ нибудь другимъ, по понятіямъ народа, болѣе благороднымъ промысломъ, бѣлоруссъ ничего противъ него не имѣетъ и всегда отдаетъ справедливость при оцѣнкѣ честнаго труда еврея. Ремесленный классъ евреевъ, составляющій также не малый процентъ сравнительно съ торговымъ, всегда пользуется ббольшимъ уваженіемъ со стороны бѣлоруссовъ.

Но что всего болѣе можетъ удивить посторонняго

наблюдателя, мало знакомаго съ жизнью западнаго края, это—необыкновенная довѣрчивость народа къ евреямъ. Мнѣ случалось встрѣчать лицъ, которыя, по назначеніи на службу въ Бѣлоруссію, ѣхали туда впервые ни болѣе ни менѣе, какъ съ тою мыслью, чтобы спастись бѣлоруссовъ отъ жидовства и заранѣе приготовить, такъ сказать, свои уши и нервы, чтобы быть въ состояніи выносить народныя стоны и вопли подъ задающею еврейскою массою. И каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что тотъ самый мужикъ, которому они желали протянуть руку помощи, относится къ нимъ съ какимъ то подозрѣніемъ, бѣжитъ отъ нихъ и всегда охотнѣе обратится за совѣтомъ и за помощью къ знакомому еврею, чѣмъ къ какому бы то ни было „пану“. Такъ или иначе, а приходится сознаться, что къ лапсердаку мужикъ до сихъ поръ имѣетъ больше довѣрія, чѣмъ къ сюртуку, подъ которымъ онъ скорѣе склоненъ подозрѣвать своего тайнаго врага. И это недовѣріе и нерасположеніе замѣчается не только къ людямъ пріѣзжимъ, чиновнымъ, официальнымъ, но и къ частнымъ и притомъ хорошо знакомымъ, напр. къ помѣщикамъ, хотя бы они желали добра народу. И замѣчательно, что именно еврей служить большею частью для мужика какимъ то авторитетомъ. Если крестьянину придется выслушать отъ помѣщика или чиновника какой-нибудь полезный совѣтъ, услышать какую-нибудь важную новость, для провѣрки всего этого онъ отправится прежде всего къ какому-нибудь знакомому шинкарю-еврею. Если помѣщикъ будетъ самъ нанимать подводы для возки дерева, то крестьяне потребуютъ съ него рубля по полтора; если же наемъ будетъ производиться черезъ шинкаря или другого фактора-еврея, то они согласятся взять не болѣе какихъ-нибудь 75 копеекъ. Такіе факты происходили, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Еврей угостить мужиковъ водкой, пообщаетъ кое-кому вычеркнуть какой-нибудь ничтож-

ный долгъ или позволить повременить его уплатою, посулить впередъ помогать имъ, стоять за нихъ горой передъ помѣщикомъ и т. д., и они готовы исполнить за полцѣны ту-же работу, за которую желали получить вдвое больше; другая половина или хоть часть этой платы въ томъ или иномъ видѣ идетъ, конечно, въ пользу фактора, въ видѣ награды отъ помѣщика.

Во всѣхъ подобныхъ сдѣлкахъ всемогущимъ двигателемъ является водка. Водка и пьянство—вотъ второе, послѣ невѣжества, несчастье бѣлорусса, его разоръ! И всѣ, кому только нужно, съ полнымъ успѣхомъ пользуются этой гибельной слабостью бѣлорусса для своихъ цѣлей. Одна-другая чарка водки, которою деревенскій факторъ охотно угощаетъ своего сосѣда-крестьянина въ счетъ будущей уплаты, по пословицѣ: „свои люди—сочтемся“, дѣлаетъ то, что нерѣдко часть крестьянскаго хлѣба еще на корню давно продана еврею или принадлежитъ ему какъ плата за выпитую водку и другіе долги, такъ какъ деньгами бѣлоруссы не въ состояніи платить: ихъ у него нѣтъ и въ поминѣ, и продукты хлѣбопашества составляютъ для него единственно-возможный способъ расчета.

Кому случалось быть на ярмаркѣ въ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ, тотъ особенно наглядно можетъ представить себѣ, какъ сильно вкоренилась въ бѣлорусскомъ народѣ склонность къ пьянству и какъ гибельно отзывается этотъ порокъ на народномъ благосостояніи. Въ эту мою поѣздку мнѣ пришлось наблюдать въ одномъ мѣстечкѣ много печаль ныхъ ярмарочныхъ сценъ, которыя закончились прискорбной картиною. Была ярмарка наканунѣ шабаша, и вотъ, съ наступленіемъ захода солнца, евреи засуегились еще пуще, стали запирать лавченки; проползъ по площади старикъ, зовущій визгливымъ голосомъ въ синагогу, и ярмарка прекратилась. Я былъ за городомъ. По всѣмъ дорогамъ, идущимъ изъ мѣстечка въ видѣ радіусовъ къ деревнямъ, потяну-

лись крестьянскія телѣги и группы пѣшиходовъ. Въ каждой телѣгѣ вы видите пьянаго мужика, который уже не въ состояніи удержать вожжей; баба правитъ лошадыю и заливается слезами отъ побоевъ и оскорбленій пьянаго мужа или отца, или оттого, что онъ пропилъ всѣ деньги, которыя предназначались на подать или хозяйственныя необходимыя. Рядомъ ѣдетъ телѣга, нагруженная цѣлой кучею мужиковъ и бабъ; всѣ они пьяны до крайности, орутъ всевозможныя срамныя пѣсни, бранятся, ругаются и наконецъ дерутся. Присматриваетесь къ кучкѣ пѣшиходовъ и видите то-же самое: пьяные ведутъ подъ руки одни другихъ, сопровождая свое шествіе такимъ-же аккомпанементомъ, или же сваливаются въ канаву, гдѣ спать до утра; и это еще лучший исходъ: по крайней мѣрѣ, домашніе спасены отъ буиства, которымъ всегда сопровождается возвращеніе съ ярмарки.

Я вошелъ въ центръ города, и тутъ опять тѣ же сцены: бабы подымаютъ съ мостовой пьяныхъ мужиковъ, или плачутъ, убиваясь надъ лошадыми; пьяные бредутъ спотыкаясь, сами не зная куда, а въ вертепахъ пьянства — трактирахъ, которые остаются незакрытыми и въ шабашъ съ наемной христіанской прислугой идетъ неустанный гомонъ, пѣсни, брань, драка, пока наконецъ всѣхъ пьяныхъ не вытолкаютъ оттуда на улицу, хотя бы и деньги не были заплачены: онѣ не пропадутъ, шинкаръ въ томъ увѣренъ. И какъ больно и тяжело на душѣ, когда рядомъ съ этимъ развратомъ видишь, какъ трезвые евреи съ книгами и своими пестрыми покрывалами подъ мышкой чинно, молча направляются вереницами въ синагогу, старые и малые, начинаютъ тамъ молиться во весь голосъ, какъ бы стараясь заглушить своимъ благочестивымъ крикомъ оргіи близлежащихъ трактировъ. И вотъ они возвращаются домой, окна освѣщаются, начинается трапеза со всею чинностью и скромностью, въ полномъ составѣ семьи

и съ гордымъ сознаниемъ своего нравственнаго превосходства, своей правоты и благочестія.

— „Что-же дѣлается теперь въ тѣхъ мрачныхъ деревенскихъ избенкахъ, куда возвратились съ ярмарки пьяные члены семьи?“ думалось мнѣ, когда я въ сумерки проходилъ по улицамъ городка, освѣщаемымъ изъ оконъ шабашевыми огнями. Грубая брань, драка, плачь испуганныхъ дѣтей, ломка и битье всего, что ни попадетъ подъ руку,—вотъ эпилогъ печальной драмы, разыгрывающійся уже въ избѣ, въ семьѣ. А тамъ болѣзни, какъ послѣдствія пьянства, поврежденія, нанесенныя себѣ и другимъ въ нетрезвомъ видѣ; еще далѣе—судебные процессы, наконецъ разореніе, нищенство, голоданіе...

Подъ впечатлѣніемъ всего этого невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели славянская натура бѣлорусса, не смотря на поддержку высокихъ христіанскихъ началъ, настолько все-таки дрябла и слаба, что не можетъ противостоятъ деморализации, не можетъ дать отпора заѣдающей ее средѣ? Вѣдь низшій классъ еврейства находится никакъ не въ лучшихъ, если не въ худшихъ, экономическихъ условіяхъ, чѣмъ нашъ мужикъ, и точно такъ же непросвѣщенъ; а между тѣмъ бѣдность и нищета не погружаютъ его въ развратъ и не убиваютъ въ немъ энергіи и бодрости. Еврей, въ какихъ бы трудныхъ условіяхъ ему ни приходилось жить, остается вѣчно дѣятельнымъ и не только не даетъ себя забрать въ руки другому, особенно мужику, но самъ сумѣетъ при удобномъ случаѣ взять надъ нимъ верхъ и вертѣтъ имъ, какъ ему заблагоразсудится.

Главное преимущество еврея предъ мужикомъ это—твердое и неуклонное исполненіе своихъ правилъ и предписаній, а затѣмъ, что еще важнѣе, житейская опытность и умѣнье пользоваться обстоятельствами. Круглый день еврей, подобно древнему греку, живетъ на площади своего мѣстечка, трется между людьми вся-

каго званія и состоянія и этимъ путемъ достигаетъ такой практичности и опытности, которая ему вполне замѣняетъ образованіе и до которой деревенскому мужику никогда не дойти. Онъ болѣе или менѣе знаетъ всякія правила, постановленія и законы, знаетъ, какъ приступить къ какому человѣку будетъ-ли то частное лицо или начальникъ, или чиновникъ, знаетъ чѣмъ на него подѣйствовать, и въ случаѣ возникновенія какогонибудь дѣла сумѣетъ его скорѣе выиграть при помощи своихъ многочисленныхъ друзей, изъ которыхъ каждый представляетъ собою ходячую энциклопедію свѣдѣній относительно всѣхъ и каждаго. Поэтому-то такой силою пользуются въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ бѣлорусскихъ разные ходатаи по дѣламъ и „адвокаты“, болѣею частью изъ евреевъ. Это люди, часто получившіе только начальное образованіе, люди пытавшіеся было выбиться изъ мелкой торгашеской среды, но почему-нибудь оборвавшіеся и не имѣющіе ходу. Не смотря на свой низкій образовательный цензъ, они все-таки ведутъ дѣла, выступаютъ весьма дѣятельными и иногда полезными помощниками въ мелкихъ процессахъ, и этимъ кормятся и живутъ. Есть между ними люди болѣе или менѣе честные. Но за то, сколько же и обманщиковъ, продѣлки которыхъ даютъ матеріалъ для цѣлыхъ страницъ мѣстной ежедневной прессы, въ видѣ судебной хроники или частныхъ извѣстій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, бѣлоруссъ остается совершенно безпомощнымъ, безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагоприятными условіями жизни. Это общее впечатлѣніе, какое оставляетъ въ наблюдателѣ этотъ несчастный край, — впечатлѣніе далеко не выгодное. И какова должна быть живучесть этого народа, если вся эта совокупность отрицательныхъ условій не въ состояніи еще убить бѣлорусса, стереть его съ лица земли! Очевидно, что при всей своей нравственной дряблости, бѣлоруссъ обладаетъ доста-

точнымъ количествомъ просто силы животной, которая поддерживаетъ его существованіе и даетъ надежду на возможность совершенствованія. Кабы намъ хоть въ этомъ отношеніи помочь бѣлоруссу, постараться сохранить его физическую бодрость разумными заботами о народномъ здравіи. Я говорю именно о разумныхъ заботахъ, потому что до сихъ поръ наши старанія по части сельской медицины въ этомъ краѣ доводили часто до того, что народъ въ одинъ голосъ кричалъ на сельскомъ сходѣ: „Не надо намъ доктора! не надо больницы!“ И больницы закрывались, а вмѣсто докторовъ въ нихъ поселялись урядники и пр. Примѣры подобнаго рода печальныхъ фактовъ можетъ представить, напримѣръ, Игуменскій уѣздъ. Значить-ли это, что народъ не понимаетъ пользы медицинскаго лѣченія, какъ обыкновенно думаютъ? Нѣтъ, это значитъ только, что содержаніе докторовъ, фельдшеровъ и больницъ повело за собою лишніе расходы для крестьянскихъ обществъ, а всякій новый налогъ, хотя бы самый ничтожный, является для бездольнаго бѣлорусса лишнимъ ударомъ головѣ. Лучшія доказательства въ пользу того могли бы дать тѣ молодые медики, которые, окончивая медицинскій факультетъ, робуютъ на каникулахъ въ деревнѣ заниматься практикой для собственнаго упражненія безъ всякаго вознагражденія: ихъ крестьяне, что называется, рвутъ на части, приглашая на перерывъ къ больнымъ или привозя больныхъ къ нимъ на-домъ. Увѣрить бѣлорусса, какъ и всякаго крестьянина, въ пользѣ медицины очень не трудно: два-три случая удачнаго излѣченія совершенно достаточны, чтобы докторъ не имѣлъ отбоя отъ больныхъ. Само собою разумѣется, что при этомъ все-таки долго будутъ держаться и разныя домашнія, симпатическія, знахарскія средства, которыя вкоренились въ народъ, именно благодаря отсутствію дѣйствительной медицинской помощи. Употребленіе ихъ тѣмъ труднѣе можетъ быть пре-

крашено, что оно во многихъ случаяхъ тѣсно связано съ народными вѣрованіями, съ извѣстными представленіями о болѣзняхъ, и облечено таинственностью, которая невольно поражаетъ воображеніе простаго, необразованнаго крестьянина. Мы должны здѣсь считаться волей-неволей съ вѣковыми традиціями, и современный медикъ, вооруженный положительнымъ знаніемъ не станетъ требовать внезапнаго искорененія этихъ традицій, помня, что даже такой великій переворотъ въ умственной и нравственной жизни народа, какъ введеніе христіанства, не могъ сразу изгладить въ народной памяти все прошлое и заставить забыть все съ чѣмъ народъ сжился. Въ понятіяхъ бѣлорусса, какъ мы видѣли, священникъ и до сихъ поръ иногда замѣняетъ захаря, и кто знаетъ, не тѣ-ли-же полуязыческіе взгляды и убѣжденія заставляютъ бѣлорусса и въ разныхъ болѣзняхъ прибѣгать подъ охрану церкви, къ помощи священника или даже внѣшнихъ атрибутовъ его сана такъ какъ и вообще религію онъ понимаетъ почти исключительно во внѣшнемъ, вещественномъ, осязательномъ смыслѣ. Болитъ-ли у него рука или нога, онъ жертвуетъ тому или другому святому слѣпокъ, рѣзное или шитое изображеніе болящаго члена; падаетъ-ли скоть, онъ вѣшаетъ въ церкви изображеніе коровы и т. п. Разные священные и церковные предметы въ особенности имѣютъ для бѣлорусса цѣлительное значеніе. Такъ, во время большого выхода съ дарами, страдающіе глазами стараются протереть ихъ епитрахилью; даже прикосновеніе къ ризѣ считается часто предохраняющимъ отъ болѣзней, — обычай, явившійся, конечно, уже подъ вліяніемъ евангельскаго разсказа объ исцѣленіи кровоточивой. Не мало есть курьезныхъ способовъ лѣченія, такъ или иначе связанныхъ съ церковью. Такъ, на примѣръ, въ предупрежденіе разныхъ болѣзней бѣлоруссъ при выходѣ крестнаго хода изъ церкви ложится у церковныхъ дверей для того, чтобы

священникъ перешагнулъ черезъ него; въ великій четвергъ во время чтенія евангелій онъ завязываетъ 12 узелковъ на суровой ниткѣ и опоясывается ею отъ лихорадки. Нельзя однако не замѣтить, что постепенное исчезновеніе старинныхъ народныхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи идетъ такъ же быстро, какъ и паденіе другихъ обычаевъ старины. Школа и духовенство имѣютъ въ данномъ случаѣ самое сильное вліяніе на народные умы. Церковь вмѣняетъ въ обязанность пастырямъ искоренять всякіе отголоски язычества въ народѣ, и многіе священники дѣйствительно могутъ похвастать тѣмъ, что они вполне успѣли въ этомъ; хотя съ другой стороны этотъ успѣхъ часто бываетъ только кажущійся, чисто внѣшній.

Въ видѣ небольшого отступленія приведу здѣсь мой разговоръ съ однимъ бѣлорусскимъ батюшкой по этому вопросу. Спросилъ я вообще, нѣтъ-ли у мѣстныхъ прихожанъ какихъ-нибудь особенныхъ обычаевъ. Вопросъ показался подозрительнымъ, и отвѣтъ былъ отрицательный. Батюшка, очевидно, готовъ былъ видѣть во мнѣ опаснаго человѣка, пріѣхавшаго поразвѣдать, насколько духовенство рачительно къ своей паствѣ, и донести куда слѣдуетъ.

— Нѣтъ-ли какихъ-нибудь остатковъ язычества?— пытаюсь я еще спросить.

— Язычества? переспросилъ батюшка съ нѣкоторымъ испугомъ. Неужели вы, пріѣхавши изъ столицы въ наше захолустье, думаете, что ужъ мы тутъ и истиннаго Бога забыли и покланяемся какому нибудь Перуну? Нѣтъ, господинъ добрый, мы помнимъ о Богѣ и вѣруемъ въ Него по простотѣ душевной; а язычники тѣ, которые мнятъ себя очень умными и говорятъ, что нѣтъ Бога. У насъ, слава Богу, такихъ нѣтъ.

— Да вы, батюшка, не такъ меня поняли. Вѣдь, знаете, есть въ народѣ вездѣ, не только здѣсь, много

такихъ обрядовъ, которые, очевидно, остались отъ очень давняго времени и которые никакъ не могутъ быть признаваемы христіанскими, хотя бы, напримѣръ, празднованіе Ивана Купала съ обрядовыми огнями и пр.

— Иванъ Купала? Такъ это просто обычай не-образованнаго народа, а не язычество. Какое-же тутъ язычество? Вы, господинъ добрый, пожалуй поѣдете тамъ куда нибудь да наговорите или напишите, чего у насъ вовсе нѣтъ, а потомъ къ намъ будутъ летѣть циркуляры съ вопросами: „какіе у васъ тамъ развелись язычники?“

— Помилуйте, батюшка, за кого же вы меня принимаете?

— Да я не про васъ собственно; а только ничего у насъ этого нѣтъ. Можетъ быть, тамъ по другимъ приходамъ и есть что-нибудь такое, не знаю; но въ моемъ приходѣ этого нѣтъ: я стараюсь все искоренить, если что такое заведется. Я вѣдь не даромъ живу на приходѣ и жалованіе получаю. Я вотъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ и, слава Богу, свои обязанности знаю, ничего такого не позволю въ своемъ приходѣ.

— А значитъ все-таки и вамъ, батюшка, приходится вести нѣкоторую борьбу?

— Да, знаете, были въ прежнее время и здѣсь разныя такіе обычаи или обряды, какъ вы ихъ называете. Теперъ, конечно, нѣтъ, но были, и мнѣ приходилось съ ними воевать.

— Это очень любопытно. Въ этихъ случаяхъ, мнѣ кажется, только строгостью и можно чего-нибудь достигнуть,—стараюсь я поддѣлаться къ батюшкѣ.

— Да, истинно. Съ простымъ народомъ, знаете, иначе нельзя; а поприжать немножко, онъ и оставитъ свои дурныя привычки. Вотъ вы вспомнили про Купала. У насъ тоже все это было, и огни, и купанье, и пѣсни. Такъ вотъ бывало узнаешь, что какая-нибудь дѣвушка прыгала съ парнемъ черезъ огонь—и не ста-

нешь ихъ вѣнчать, когда вздумаютъ жениться: другимъ наука. А то еще, напримѣръ, у насъ Рождество называли всегда Колядою: все Коляда, да Коляда, а по-христіански никто и не назоветъ. Я, знаете, и въ проповѣди и въ разговорахъ объяснялъ, что нѣтъ у насъ такого святого, чтобы Колядою назывался,—ничего не помогло; а какъ я не допустилъ одного-другого къ причастію за это самое названіе, такъ и стали всѣ называть Рождествомъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ боятся вспоминать Коляду.

Я хотѣлъ замѣтить, что изгнать изъ употребленія названіе обычая еще не значитъ искоренить самый обычай, но счелъ за лучшее воздержаться и продолжалъ слушать батюшку. Онъ рассказалъ еще, сколько труда ему стоило отучить своихъ прихожанъ надѣвать на умершихъ мужчинъ шапки. Теперь они по крайней мѣрѣ въ церковь не вносятъ покойниковъ въ шапкѣ, а только кладутъ ее сбоку.

Бесѣда наша была прервана приходомъ крестьянина, съ которымъ батюшка началъ говорить о какихъ то дѣлахъ и горячился. Крестьянинъ, повидимому, требовалъ отъ батюшки какого то противозаконнаго поступка (впослѣдствіи оказалось, что онъ хотѣлъ женить сына, которому еще не вышли года). Въ концѣ концовъ батюшка прочиталъ ему строгую нотацію и посоветовалъ лучше не доводить его до злости. Крестьянинъ предобродушно замѣтилъ на это, что ему нѣтъ никакого расчета ссориться съ батюшкой и что не даромъ говорится пословица: „Бога не гнѣви, а чорта не дрази“... Это мудрое житейское правило, примѣненное такъ некстати, готово было вызвать бурю. Но тутъ я вмѣшался въ разговоръ и, между прочимъ, замѣтивъ, что у крестьянина какой то очень болѣзненный видъ, сталъ спрашивать его о здоровьѣ, при чемъ узналъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о взглядахъ народа на нѣкоторыя болѣзни. Оказалось, что крестьянинъ стра-

даетъ изнурительной хронической лихорадкой, и что именно его болѣзненность и заставила его думать о ранней женитьбѣ сына, хотя его хлопоты по этому дѣлу остались тщетными.

Въ вопросѣ о взглядахъ бѣлорусса на разныя болѣзни интереснымъ является олицетвореніе ихъ. Очень многія болѣзни бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ человѣческомъ образѣ, и этимъ объясняются нѣкоторыя странныя отношенія его къ той или другой болѣзни, какъ, на примѣръ, желаніе обмануть болѣзнь, схитрить передъ нею или, наконецъ, запугать ее. Лихорадку, на примѣръ, бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ образѣ холодной красавицы или наоборотъ въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, выходитъ изъ подъ земли, именно весною, и шатается всюду, пока не наткнется на кого-нибудь спяшаго на весеннемъ солнышкѣ. Если это ей удастся, то она подкрадется къ спящему, поцѣлуетъ его и уже не разстанется съ нимъ. Проснувшись, онъ чувствуетъ, что спалъ особенно сладко, и только въ послѣдствіи непрощенная гостя начинаетъ заявлять свои права. Поэтому заботливыя матери, выводя своихъ дѣтей весною на солнце, предостерегаютъ ихъ главнымъ образомъ, чтобы они не заснули. Тутъ уже, безъ сомнѣнія, сказывается не одно только суевѣріе бѣлорусса, но и практической опытъ. Нѣтъ ничего обманчивѣе первыхъ теплыхъ лучей весенняго солнышка, когда выглянетъ наружу изъ-подъ снѣга земля, протекуть говорливыя ручьи вешней воды, начнетъ показываться травка, въ воздухѣ раздастся веселая трель жаворонка. Сколько опьяняющаго въ этомъ возвращеніи весны! Такъ и клонить васъ ко сну подъ ласкающими лучами солнца. Вы готовы повалиться на ожившую мать-сыру землю, прильнуть своею полно-дышащею грудью къ ея груди и забыться въ сладкомъ упоеніи. И дѣйствительно вы засыпаете; солнышко, какъ бы подкрадываясь къ вамъ, нѣж-

но лобзаетъ васъ своими лучами, но эти лобзанія предательскія; они заставляютъ васъ забыть, что подъ вами земля, еще полная вредныхъ испареній, еще недостаточно осушенная отъ излишней сырости, и тогда-то къ вамъ незамѣтно, потихоньку прильнетъ страшное порожденіе этой земли, прикинувшись красавицей-незнакомкой. Такая лихорадка всего страшнѣе. Конечно, она можетъ пристать и при другихъ обстоятельствахъ, но самая неотвязчивая она бываетъ тогда, когда вы ее „приспите“ и какъ-бы признаете своею. „Приспать“ болѣзнь, по западно-русскому повѣрью, вообще очень опасно. Поэтому часто бываетъ, что когда кто начинаетъ жаловаться на недомоганіе, на головную боль и т. п., то стараются не дать ему заснуть не въ урочное время, авось скорѣе переможется.

Поселившись въ человѣкѣ, лихорадка очень неохотно оставляетъ его. Для того чтобъ ее выжить, употребляются разныя внутреннія средства, отличающіяся особенною горечью или противнымъ вкусомъ. Пьютъ, на примѣръ, крѣпкій настой полыни на спирту, настой изъ воробьиного помета и т. п. Внутреннія средства употребляются именно въ томъ убѣжденіи, что лихорадка сидитъ внутри человѣка. Но есть и наружныя средства, на примѣръ, упомянутая выше нитка съ 12 узлами, служащая впрочемъ болѣе предохранительнымъ талисманомъ. Совѣтуютъ также носить на шеѣ освященное пасхальное яйцо, пока оно не засохнетъ; вмѣсто него употребляется также первое яйцо, снесенное насѣдкою послѣ того, какъ она бросила своихъ цыплятъ. Двѣнадцать узловъ на ниткѣ, конечно, стоятъ въ непосредственной связи съ народнымъ вѣрованіемъ въ существованіе 12-ти сестеръ-лихорадокъ, именуемыхъ дочерьми царя Ирода, который и самъ представляется трясущимся, въ пословицѣ: „трасетца, якъ тѣй Иродъ“; такъ говорятъ объ очень сердитомъ человѣкѣ, а также о скрягѣ. Двѣнадцать лихорадокъ на весь свѣтъ — это

слишкомъ мало. Имъ приходится постоянно переходить отъ одного къ другому по очереди, и вотъ почему лихорадка часто оставляетъ пациента, а потомъ опять является въ опредѣленный срокъ. Пользуясь этими ея отлучками, можно иногда избавиться отъ нея хитростью. Рассказываютъ про одного, который, ожидая въ урочный часъ свою неотвязную гостью, вздумалъ притвориться мертвымъ, легъ подъ образами, а домашнимъ велѣлъ причитать, какъ по умершемъ. Лихорадка повѣрила, что онъ умеръ, и больше къ нему не возвращалась. Другой сыгралъ съ нею еще лучшую штуку. Ко времени ея возвращенія онъ забрался подъ квашню, перевернутую вверхъ дномъ, а сверху на дно велѣлъ налить воды. Вдругъ слышится стукъ у двери — пришла. Домашніе кричатъ въ окно: „его нѣтъ дома“; но она все-таки вошла въ избу и окликаетъ старика. Онъ отзывается подъ квашней то съ одной стороны, то съ другой, а потомъ и затихъ. Лихорадка ходила—ходила кругомъ, ища его, наконецъ посмотрѣла сверху, видитъ—вода: утонулъ значить, бѣдняга. Такъ и ушла, оставивъ старика на всегда въ покоѣ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что теткѣ-лихорадкѣ съ родни, должно быть, родимчикъ, который мучитъ дѣтей: его тоже легко надуть. Когда онъ является въ гости, ребенокъ начинаетъ кричать, а ему это и любо. Тогда нужно поскорѣе высадить ребенка за окно. Родимчикъ, услышавъ за окномъ его крикъ, пойдетъ его искать, а пока онъ будетъ выходить въ дверь, ребенка слѣдуетъ взять обратно и закрыть окно. Родимчикъ и будетъ его все искать на дворѣ, потомъ пойдетъ по другимъ избамъ, пока не облюбуетъ себѣ другого. У великороссовъ вмѣсто этого накрываютъ ребенка въ такомъ случаѣ съ головою скатертью со стола, можетъ быть, тоже съ цѣлью спрятать его отъ родимчика, или „крикая“, какъ его называютъ иначе. Скатерть тутъ могла получить особенную силу и отъ хлѣба, считающаго

ся святымъ; такую-же силу получилъ и столъ, который, напримѣръ, играетъ важную роль въ лѣченіи отъ коклюша: нужно больному проспаться по одной ночи подъ всѣми столами, какіе имѣются въ домѣ, и кашель пройдетъ, коли совсѣмъ не задушитъ. Высаживаніе кричащихъ дѣтей за окно напоминаетъ намъ еще одно суевѣрное средство, къ какому прибѣгаютъ крестьяне гродненской и сѣдлецкой губ. въ томъ случаѣ, когда ребенокъ кричитъ съ—перепугу. Тогда отодвигаютъ отъ стѣны „лаву“, т. е. скамью, приподнимаютъ немного тотъ ея конецъ, который прилегаетъ къ окну, и высаживаютъ подъ нею три раза ребенка противъ окна, чмокая каждый разъ губами и сплевывая въ сторону. Предпочитаютъ производить это поближе къ камину, такъ что здѣсь можно еще усматривать остатокъ почитанія домашняго очага, какъ хранилища огня, считавшагося и считающагося до сихъ поръ священнымъ и очистительнымъ. Бѣлоруссы и теперь не позволяютъ себѣ непочтительно отозваться объ огнѣ; плевать въ него или производить надъ нимъ какое бы то ни было безчинство также считается великимъ грѣхомъ.

Но вернемся еще къ лихорадкѣ. При всей своей глупости, она къ тому же еще большая трусиха. Она, напримѣръ, боится ружейнаго выстрѣла хуже всякой женщины. Какъ только почувствуется холодъ вслѣдствіе ея приближенія, стоитъ только неожиданно выстрѣлить такъ, чтобы самого больного передернуло, и она уйдетъ и больше не вернется. Въмѣсто ружья можетъ быть употреблено и другое подобнаго рода запугивающее средство, напримѣръ: стукъ, крикъ и т. п. Кромѣ указаннаго взгляда, что лихорадка сидитъ внутри челоуѣка, есть у бѣлоруссовъ и другой взглядъ, по которому она будто бы живетъ подъ ногтями; по крайней мѣрѣ, она прежде всего забирается туда, вслѣдствіе чего при наступленіи лихорадки первымъ дѣломъ снѣютъ ногти. Когда она заберется туда, ее никакъ

нельзя выжить, развѣ что ногти остричь при самомъ тѣлѣ; да и то все-таки найдется тамъ такой уголокъ, въ которомъ она притаится, а потомъ и начнетъ подергивать все дальше да больше; отъ ногтей она разойдется потихоньку по всему тѣлу, и какъ доберется до нутра, тутъ и начнется трясъ.

По мѣстному повѣрью, и морозъ тоже забирается подъ ногти, и у кого они велики, у того скорѣе зябнуть ноги и руки, начиная съ кончиковъ пальцевъ. Большіе ногти очень удобная защита для лихорадки, и потому великоруссы совѣтуютъ для устранения этой болѣзни остричь ногти и сжечь ихъ. Но бѣлоруссы, конечно, жечь ихъ не станутъ, потому что онъ знаетъ, что на томъ свѣтѣ спросятъ даже про самую малѣйшую частицу тѣла, и если чего не будетъ доставать, то пошлютъ разыскивать. А гдѣ-же тогда найдешь сожженные ногти? Такъ и будешь бродить весь свой загробный вѣкъ, разыскивая свои собственные ногти, словно древній грекъ или римлянинъ, умершій безъ погребенія. Поэтому, обстригая ногти, необходимо ихъ завертывать въ тряпочку и складывать въ опредѣленномъ мѣстѣ, на примѣръ, подъ печкою: когда понадобится, пришелъ и взялъ, какъ свое.

Такъ-же слѣдуетъ поступать и съ выпавшими или выдернутыми зубами. Впрочемъ зубы не всегда берегаются. Часто ребенка, у котораго выпалъ зубъ, подводятъ къ печкѣ, велятъ ему бросить свой зубъ подъ печь, приговаривая: „Мышка, мышка, на табѣ коспяный, дай мнѣ зелѣзный!“ Это дѣлается для того, чтобы выросъ новый зубъ, болѣе крѣпкій, не уступающій мышиному. Такъ какъ мышь въ состояніи разгрызть почти все, что угодно, то зубамъ ея приписывается необыкновенная крѣпость и здоровье. Поэтому даже мышинымъ огрызкамъ придается нѣкоторое цѣлительное и предохранительное свойство: нужно съѣсть, не брез-

гуя, то мѣсто въ хлѣбѣ или въ чемъ нибудь еще, гдѣ надгрызла мышь, и зубы не будутъ болѣть.

По поводу зубовъ мнѣ вспоминается одинъ курьезъ. При раскопкахъ кургановъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, мнѣ удалось вырыть нѣсколько человѣческихъ череповъ съ прекрасно сохранившимися зубами. Я взялъ эти черепа и велѣлъ одному парню отнести ихъ на мою квартиру. Парень отказался, и когда я самъ поклялъ ему въ полу эти головы, онъ даже заплакалъ отъ страха. А другіе еще его пугаютъ:

— Сцѣражись, Ясюкъ, кабъ яны къ табѣ у нача ня пришли по гэты головы; тагда яны и табѣ галаву знимуць.

Я успокоилъ парня, что отвѣтственность падеть на меня, и мы кое-какъ принесли эти головы домой. Спустя нѣсколько минутъ, являются ко мнѣ бабы и именно желаютъ видѣть черепа. Меня удивила такая смѣлость. Но мало того: осмотрѣвъ черепа, онѣ начали меня упрашивать, чтобы я имъ далъ хоть по зубочку.

— Зачѣмъ вамъ мертвецкіе зубы? спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Барыньку, яны-жъ дужа помощны: кажуць, якъ у каго зубы баяць, то поцѣрець гэтымъ зубомъ, такъ и занѣмѣюць“. Дѣлать нечего, пришлось пожертвовать нѣсколькими зубами, пускай трутъ. Хотя я и старался увѣрить бабъ, что это вздоръ, но мои убѣжденія, конечно, не подѣйствовали.

Какими умозаключеніями дошелъ народъ до этого симпатическаго средства, это ясно изъ слѣдующихъ малорусскихъ заговоровъ противъ зубной боли, вѣроятно извѣстныхъ и въ Бѣлоруссіи, въ томъ или иномъ видѣ: 1) „Мисяць у неби, *Мертвецъ у гроби*, камень у мори: якъ три браты до купы зберутця и будутъ бенкетъ робыты, тоды у мене зубы будутъ болиты“. 2) „Ты мисяцю, Адаме, молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болятъ? — У *мертвого*

зубы никола не болят: кости здубилы, зубы занимилы, никола не будутъ болить. Даруй, Господы, щобъ у мене раба Божого нарoженного, молитвенного, крещонoго (*имя*) зубы занимилы, никола не болилы!" Стало быть: какъ мертвецъ не можетъ встать изъ гроба, такъ пусть никогда не болятъ мои зубы; какъ у мертвеца задубѣвшіе и занѣмѣвшіе зубы не могутъ болѣть, такъ пусть не болятъ и у меня. Эти эпическія сравненія и подали поводъ къ дѣйствительному употребленію зубовъ мертвеца противъ зубной боли.

Еще въ той-же болѣзни, говорятъ, помогаетъ „громничная“ (срѣтенская), страстная и вообще освященная свѣча: нужно ее кусать большимъ зубомъ, и боль утихнетъ. Когда понадобится кусочекъ воску отъ святой свѣчки (напр. для писанія яиць), то никогда ее не рѣжутъ, а всегда откусываютъ, сколько надо. Концы такихъ свѣчей, имѣющихся въ каждомъ домѣ, всегда изгрызены. Эти слѣды зубовъ на святыхъ свѣчахъ бываютъ, впрочемъ, иногда совсѣмъ иного происхожденія. Дѣло въ томъ, что эти свѣчи вѣшаютъ также въ хлѣвахъ для предохраненія скота, особенно коровъ и лошадей, отъ вѣдьмъ и домовыхъ. Завидѣвъ такую свѣчу въ хлѣву, вѣдьма со злостью бросается на нее и грызетъ, не для того, конечно, чтобы полѣчить зубы, а потому, что освященный предметъ служить ей помѣхой при выдаиваніи коровъ и т. п. Причину зубной боли приписываютъ маленькому червячку, который точитъ зубъ.

Другія болѣзни приносятся вѣтромъ съ моря или изъ-за моря, изъ горъ, изъ лѣсовъ по волѣ, Божьей или же по насланію колдуновъ и чаровницъ. Съ вѣтромъ приходятъ, кажется, только эпидемическія болѣзни, почему народъ и называетъ ихъ „повѣтріемъ“; такoвы: моръ, чума, холера, оспа, и т. п. Эти болѣзни являютъся въ деревню въ видѣ женщинъ, которыхъ однако рѣдко кому случится видѣть. Прикинувшись красавицей, такая болѣзнь обыкновенно останавливается за се-

ломъ на кладбищѣ и оттуда въ сумерки и предъ восходомъ солнца помахиваетъ на село краснымъ или чернымъ платочкомъ, и отъ этихъ взмаховъ люди мрутъ, какъ мухи; ночью она въ томъ или иномъ видѣ ходитъ и по домамъ, хотя иногда бѣжитъ отъ собакъ. Въ одномъ селѣ Бобруйскаго уѣзда во время послѣдней холеры по всѣмъ избамъ умирали, а у батюшки всѣ были здоровы: это потому, что сердитыя собаки не пустили холеру къ священнику во дворъ. Село это раздѣлено на двѣ слободы рѣчкою. Рассказываютъ, что холера началась въ одной слободѣ и долго не перебиралась черезъ рѣчку. Крестьяне будто бы рѣшили и совсѣмъ не пустить ее въ другую слободу и устроили на мосту карауль. Въ одну темную ночь видятъ они, пробирается черезъ мостикъ холера въ видѣ черной коровы; они налетѣли на нее съ дубьемъ и убили. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, холера прекратилась; другіе-же утверждаютъ напротивъ, что и въ другой слободѣ послѣ этого начали умирать, потому что крестьяне по ошибкѣ убили настоящую корову вмѣсто холеры и, успокоившись на этомъ, сняли карантинъ. Приведу здѣсь кстати слѣдующій весьма интересный случай, хотя онъ имѣлъ мѣсто уже въ другой губерніи. Появилась холера въ одномъ селѣ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго у. Чего-чего только не придумывали мѣстные малоруссы, чтобы ее изгнать, ничто не дѣйствуетъ. Наконецъ, кто-то надоумилъ сдѣлать вотъ что: бросить одного изъ умершихъ, въ могилу не опрятывая, не одѣвая, безъ гроба, безъ отпѣванія, да еще лицомъ книзу, и засыпать землею. Такъ и сдѣлали. Была въ этомъ селѣ какая-то шляхтянка безъ роду, безъ племени, притомъ, кажется, старая дѣвушка. Жила она въ церковномъ домѣ, занималась шитьемъ покрововъ для аналоевъ, вышиваніемъ ликовъ для хоругвей, починкой ризъ, дѣланіемъ искусственныхъ цвѣтовъ для иконъ и т. п. Умираетъ эта женщина отъ холеры, и ее-то обрекли

міромъ какъ бы принести въ жертву холерѣ: бросили въ яму, какъ попало, не посмотрѣли даже на ея добродѣтельную и благочестивую жизнь, зарыли, — и холера прекратилась: этой жертвы, стало быть, ей только и нужно было. Въ древнія, болѣе грубыя времена холера, можетъ быть, захотѣла бы живой жертвы, и тогда эту женщину, вѣроятно, зарыли бы живьемъ въ землю; теперь нравы стали далеко мягче, и человѣческія жертвы вышли изъ употребленія... Да вышли ли? .. Посмотрите въ наши захолустья, хотя бы въ Бѣлоруссіи: сколько тамъ здоровыхъ силъ, сколько жизней уноситъ смерть ежедневно! Какъ иначе назовемъ мы этихъ несчастныхъ, если не невинными, напрасными человѣческими жертвами? Оставленные безъ медицинской помощи на произволь судьбы эти захолустные жители мечтаютъ о томъ, чтобы хоть собаками или дубинами прогнать отъ себя болѣзни. Это не смѣшно, а грустно и больно.

Прерывая на этомъ наши бѣглые очерки, мы придержимся отъ какихъ бы то ни было общихъ выводовъ и заключеній. Основанные на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ подобные выводы были бы, съ одной стороны, слишкомъ скороспѣлыми, а съ другой стороны, можетъ быть, не представили бы ничего новаго.

III (прибавленіе).

Бѣлорусскія народныя пѣсни Минск. губ.

Въ видѣ сырого, необработаннаго научно матеріала предлагаю народныя пѣсни Минской губ., отчасти записанныя мною лично, отчасти собранныя при посредствѣ другихъ лицъ, изъ которыхъ считаю должнымъ назвать здѣсь двухъ съ выраженіемъ моей искренней признательности: 1) Петръ Александровичъ Гарднеръ, казенный лѣсничій, нынѣ умершій, прислалъ мнѣ 22 пѣс-

ни, записанныя имъ въ Любоничахъ Бобруйскаго уѣзда въ 1882—83 гг. 2) Маркъ Ѳедоровичъ Давидовскій, народный учитель въ м. Городкѣ Бобруйскаго уѣзда, доставилъ мнѣ въ 1886 г. 60 пѣсенъ ¹⁾ изъ м. Городка, въ томъ числѣ 21 съ напѣвами. Имена этихъ собирателей обозначены въ своихъ мѣстахъ подъ пѣснями буквами Г и Д. Остальныя пѣсни записаны мною въ 1886—87 гг. въ разныхъ мѣстахъ Минской губ. съ образцами нотъ; онѣ обозначены буквою Я съ указаніемъ мѣста записи. Что касается точности записей со стороны языка, то я лично старался по возможности сохранять особенности говора; тексты же, доставленные другими, я не счелъ себя въ правѣ измѣнять, исключая нѣкоторыя явныя неточности и ошибки, которыми въ особенности погрѣшилъ П. Гарднеръ, какъ великороссъ, не вполне освоившійся съ бѣлорусскимъ языкомъ. Обѣ упомянутыя рукописи, доставленныя изъ Бобруйскаго уѣзда, не различаютъ дифтонговъ *ie* (=ѣ, е, и, ъ), *yo*(=о), *yo* = ё) подъ удареніемъ, между тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ этого уѣзда эти дифтонги слышатся довольно ясно. Въ пѣсняхъ, записанныхъ мною, буквы *ъ, е, и, о, ё*, произносимыя въ качествѣ указанныхъ дифтонговъ, отмѣчены курсивомъ, причемъ надо замѣтить, что дифтонгъ *ie* въ началѣ слова и послѣ гласной произносится какъ *jie*; буква *у*, стоящая на мѣстѣ *л* и *в*, произносится въ ползвукъ.

Ноты прилагаемыя особо въ количествѣ 39 номеровъ *) (для 45 пѣсенъ), надѣмся, будутъ имѣть свою цѣну хотя бы въ виду того, что въ печати этого матеріала до сихъ поръ появилось очень мало. Отдѣльные

¹⁾ Двѣ изъ нихъ не печатаются, какъ совершенно сходныя съ великорусскими (*Сизенькій голубчикъ сидѣлъ на дубочкѣ и Не велѣтъ Машѣ за рѣчку ходить*).

*) № 36 записанъ въ Сѣдлецк. губ. (съ малор. словами) и помещенъ здѣсь кстаті потому, что слова сходны, а мотивъ къ нимъ изъ Минск. г. мнѣ неизвѣстенъ.

бѣлорусскіе мотивы можно найти только въ сборникѣ г-жи З. Радченко, въ „Матеріалахъ“ П. В. Шейна, да кое-что у г. Славянскаго. Другіе собиратели пренебрегаютъ этой частью, забывая, что пѣсня безъ музыки все равно, что тѣло безъ души. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ музыкантовъ имѣютъ собранія бѣлорусскихъ мотивовъ, напримѣръ, обыватель Минскаго уѣзда Михашъ Ельскій; будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени эти лица познакомятъ насъ со своими матеріалами и тѣмъ помогутъ спасти бѣлорусскую музыку отъ забвенія и отъ пренебреженія къ ней.

Подъ влияніемъ искусственной музыки въ нашемъ образованномъ обществѣ установился далеко невыгодный взглядъ на народную музыку вообще: она обыкновенно представляется намъ скучною, а величественные обрядовые мотивы считаются монотонными, однообразными, томительными. И бѣлорусская народная музыка едва ли не болѣе всего подвергается этимъ упрекамъ. А между тѣмъ сколько въ ней можно найти красоты, силы, граціи! Вслушайтесь, напримѣръ, въ какую угодно весеннюю пѣсню, которую молодая бѣлорусская дѣвушка поетъ гдѣ нибудь въ полѣ, среди разцвѣтающей природы: это сплошное ликование, неудержимо льющееся изъ груди, полной радости, любви и нѣги; это дѣйствительно гимнъ веснѣ, къ которому вамъ такъ и хочется присоединить свой слабый голосъ, если бы не боязнь внести дисгармонію въ эти веселые, полные жизни и силы звуки.

И эта настоящая непосредственная поэзія изсыкаетъ, гибнетъ годъ отъ году непризнанная нами. Ее замѣняетъ поэзія пошлаго пошиба, проникающая даже въ самые глухіе закоулки черезъ посредство желѣзныхъ дорогъ, отставныхъ солдатъ, лицъ отправляющихся на заработки и т. д. И не удивляйтесь если въ какой-нибудь бѣлорусской деревушкѣ вы услышите вариантъ подмосковной фабричной пѣсни (напр. „Нидзѣ дружка я не

вижу“ — „Кто повѣритъ моей скукѣ“). Отъ городского населенія и къ простому народу переходитъ тотъ уродливый взглядъ, что старинныя народныя пѣсни смѣшны, некрасивы, и пѣть ихъ при другихъ стыдно. Когда я спросилъ однажды своего ямщика, не знаетъ ли онъ какихъ-нибудь пѣсень, онъ отказался спѣть что-нибудь, говоря, что я самъ буду смѣяться надъ ихъ пѣснями, а то еще, пожалуй, завезу куда-нибудь къ „панамъ“, и они будутъ насмѣхаться надъ глупыми пѣснями и надъ тѣми, кто ихъ поетъ. Мало того, поинтересовавшись, зачѣмъ я записываю простыя пѣсни, онъ высказалъ даже предположеніе, что, должно быть, за нихъ наложить штрафъ и не велятъ пѣть. Впрочемъ, и безъ того, прибавилъ онъ, ихъ уже мало поютъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Да и до пѣнія ли тутъ, когда ѣсть нечего и на душѣ скребетъ...

1. Свадебныя пѣсни. *)

а) Изъ с. Языля, Бобр. уѣзда.

1. Прилецъли гусочки а зъ раю,
Ци уже караваю посаджали?
Ци уже караваю посаджали?
Чаму насъ гусочекъ не звали?
Мы бъ вамъ караваю посаджали
Да своими лапками пописали.

(Я.)

2. Откуль каравайницы, 2. -
Ци зъ Мира, ци зъ Несъвижа?
Ци зъ Мира, ци зъ Несъвижа, 2.
Ци зъ Языльского села?

*) Сравнительныя примѣчанія см. въ концѣ.

Откуль да воду брали, 2.
 Каравай расчиняли?
Ни зъ Мира, ни зъ Несвижа, 2.
 Но зъ Языльскаго села.
Съ калодзязя да воду брали, 2.
 Каравай расчиняли

(Я.)

3: Да съ суботоньки на недзёмленьку гадзина.
 Зъбжджалася Марцинкова радзина.
Звязли, знясли двѣ бочки муки на каравай.
Хвалиць Бога, вяликъ будзе нашъ каравай.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли кваску масла на каравай.
Хвалиць Бога и пр.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли два вѣсы соли на каравай.
Хвалиць Бога и пр.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли яецъ три копь на каравай.

(Я.)

4. Черезъ поле да широкее,
 Черезъ мѣсто да великое,
Туды бѣ ишли каравайницы,
А слуцкіе мѣщаночки.
Нясли муку пшаничную.
Ены йдучи да гаварили:
Станьмо мы да паслухаймо,
Дзѣ музыченьки играюць,
Тамъ аны каравай пякуць
Ручкамі да бяленькімі,
Перстнямі залаценькімі.

(Я.)

5 Чія бѣ жана каравай мясила,
 Каравай мясила да Бога прасила:

Ой дай же Боже што дзень, то сьвята,
Што нядзюлю, то вясюля.
Кобъ я малада канापель не брала,
Кобъ мае личенько да пыломъ не упало,
Да пыломъ не упало, не упылилося,
Кобъ я малада не утамилася.

(Я.)

6. Въ сядзѣ гальѣ висиць,
Тамъ Марцинковъ каравай мюсяць,
Боярье избы топяць,
Шоуковые да дымы йдуць,
Съ Кіева купцы ъдуць,
Залаты обручь вязуць;
Залаты обручь вязуць,
Да на нашъ каравай кладуць.

(Я.)

7. Добре табю, Марцинка,
Што твой баценько багаты,
Да родзиць пшаница въ навиню,
Да каравайко на сталью;
Сталовыя ножки пагнутца,
Да людзи караваю дзивятца.
Сталовыя ножки згібнули.
Да людзи караваю здзивили.

(Я.)

8. Злеталиса пташечки
На чирвону калину,
На салодку малину,
Не сядзюце, пташечки, не сядзюце,
Озьмюце малиночку, обламюце.
Озьмюце малиночку, обламюце,
Сабю ягодки обярюце.
Да збирауса родъ къ роду,
Да старыя бабки на параду,

Маладые молодочки къ караваю.
Не сядзѣце, молодочки, не сядзѣце,
Озьмѣце каравай усадзѣце,
Сабѣ гарьлочкі зарабѣце.

(Я.)

9. Нихто не угадае,
Што у нашумъ караваю.
Лучиночка (или свѣчечка) погасиласа,
Целя съ хвостомъ умясилоса.
Целя было не лапѣе (=малое)
Да на лѣто на другое;
Целя было куртате (=куцее)
Да на лѣто на пяте;
Целя было бесхвосте
Да на лѣто на шостѣ.

(Я.)

10. Хадзѣмъ же мы до коваля,
А скуймо мы да востры мечъ,
Порубаймо мы камяную печъ,
Откуль каравайка убѣраці,
Съ печечкі да у вѣчечко,
Да й поставимъ на жицѣ,
Дай Боже маладымъ на жице.

(Я.)

11. Да хвалиць цябе, Боже,
Усѣ дзѣло зрабила,
Уже каравай усадзила
Ручкамі да бяленькімі,
Рустнямі залаценькімі.

(Я.)

12. Ёхала Кацярынка до вѣнца,
Зламала бярозку съ коренца;

Росьци, мая бярозка. безъ верха,
Бо уже я малада безъ вѣнка. *)

(Я.)

13. Ъхау Марцинко рѣкою,
Обняу Кацяринку рукою:
Сѣдзи, мая Кацяринка, не дрижи,
Я твой Марцинко, не чужи.
Прошу цябе, конику, подбѣсьци,
Дамъ табѣ аброку подбѣсьци.
Добре табѣ, Марцинко, ѡхаци,
Якаво мнѣ конику бѣгаци.
Добре табѣ, Марцинко, подбѣжджаць,
Што ты будзешъ у сѣцлка начеваць,
Да й за новою скамнею,
Съ Кацяринкою сваю.

(Я.)

14. Выйдзи 2. мая матко. съ сѣвичами,
Мы твае дзицятко звинчали
Да съ тымъ чалавѣкомъ, што учора буу.
А сягодня рано прѣѡхау 2.
Привѣзъ госьцинцы — арѡхоу.
Да не бяри-жъ, Кацяринка, арѡхоу,
Бо тые цябе арѡшки сподманяць,
Отъ родной матухны отманяць,
Да къ лютому сѣвекратку приманяць.

(Я.)

15. Ой знаци, знаци, што чужая маци:
Вывернула кажуха, хоче спужаци.

(Я.)

16. Ой попе, попе, гардзѣю,
Не звони раненько у недзѣлю,
Зазвони раненько у суботу,

*) Поется и въ м. Урѣчѣ, Бобр. у.

Кабъ кидали дзѣвочки работу.
Одна наша Кацяринка пышна была,
Да кинула гребенець подъ столець,
Да кинула гребенець подъ столець,
Сама ена пошла подъ вѣнець.
Верниса, Марцинко, по гребенець!
Я табь, Кацяринка, да не маладзецъ,
Я табь, Кацяринка, да не маладзецъ,
Кобъ я табь варочауса по гребенець.
Есьць у цебе дружечка—служечка.
Ена табь вернетца по гребенець.
Ена табь вернетца по гребенець,
Расчесаць кусочки подъ вянець.

(Я.)

17. Завивала ее дзядзинка да не жалослива,
А сястрица якъ узяласа,
Такъ слѣзками облиласа.

(Я.)

18. Не давайса, Кацяринка,
Русое косы расплегаць.
Рада бь же я да не даласа,
Да скубуць да нибо мясо.

(Я.)

19. На дварь сонейко заходзиць,
Кацяринка Марцинка праводзиць
За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный.
Верниса, Кацяринка, верниса,
На травѣ росочка роситца,
На цябе бацюхна грозитца.
Я жь тую росочку отрошу (отрушу?),
Я своего бацюхна упрашу. (2)
Таки своего Марцинка проведу.

За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный

(Я.)

20. Не жалосливы жъ бацюхна,
Што процивъ ночи вонъ жене,
Мнѣ проводничка не дае,
А ни самъ со мною не ѣдзе.
Пошлабъ же я сама—боюся,
Дарога вялика—утомлюся;
Да на той дарозѣ сторожи,
Тые-жъ мене сторожи сдоймаоць, (2)
По русой кастъ познаоць;
Отъ родного бацюхна отманяць,
Да къ лютому съвекратку приманяць.
Дзѣ мнѣ маладзѣ ночъ ночеваци:
Ци мнѣ-жъ маладзѣ на вадзѣ;
Ци на поповуй синожаци,
Ци у Марцинковуй караваци?
Да не на поповуй синожаци,
Да у Марцинковуй караваци.

(Я.)

21. Да казала маци: не збуду дзицяци,
Ажно мое дзицятко да само збулоса.
Въ суботу зъ-вечера да не вечерало,
А въ недзѣльку рано да не абѣдало;
А яжъ думала, што волю погнало,
Ажно мое дзицятко да на вѣкъ забрано.
А яжъ думала, што короуки доиць,
А маи коровы да стояць въ обори.

(Я.)

22. Цябе повязуць, а я тутъ буду,
Цябе по...ць, а я такъ буду.
Цябе повязли, отъ и конь пристау,
Мене по...ли, отъ и х..не встау.

(Я.)

23. Выйду я замужъ да подумаю:

Кали добре будзе, я замужемъ буду,
А кали не добре—я назадъ вернуса...

(Я.)

24. Гуляйце, братцы, гуляйце,

Моего сорома не знайце;
Ще я сорома не дойшла,
Сличною панною къ вамъ пришла,
Да на ложу упала дзявою.
А зъ ложи устала жанною.

(Я.)

25. Стояла Кацяринка на ганку,

Кроила чирвону китайку
И послала бацюхну подарку:
Ѕдзь, мой бацюхна, не бойса,
Въ чирвонные чоботки обуйса,
Сядзь сабъ, бацюхна, на куць,
Будзе табъ гарьлочка у сыць.

(Я.)

26. Што зъ лугу, зъ лугу да хмарочка встала,

Наша Кацяринка зъ Марцинкомъ спала;
Ена думала, што соромъ будзе,
Ажъ на ёй сорома да никольки нема.
Ее бацюхна да на покуць вядуць,
Да на покуць вядуць, червонцы кладуць,
Да виномъ частуюць, словцемъ шануюць,
Виномъзелененькимъ, словцемъвѣрненькимъ.
Дзякую, бацюхна, за твое дзицятко,
Хоць ано маленьке, абы ано добреньке;
Хоць ано не величке, абы румяне личко.
Ци на нашуу улицы рабятъ не было?
Да, были рабята, да усё хлопята;
Стояли москали, къ ёй не пристали;

Стояли жоунеры, къ ей не посьмѣли;
Якъ пришла пора, то й сама дала.

(Я.)

27. Зѣ виннаго да калодзязя
Тамъ Кацяринка да воду брала,
Въ свой край да позирала:
Ци не ѣдзе мой бацюхна,
Ци не вязе мнѣ госьцинчика,
Госьцинчика—моего кубличка.
Я не рада госьцинчику,
Тульки рада своему бацюхнѣ.
Бдзъ, (2) мой бацюхна,
Бо я тутъ не знаюса,
Кажному поклонюса,
И старому, и малому,
И своему Марцинкови маладому.
Кацяринко, дзицятко,
Старому поклониса,
Маладому не схисниса,
Бо стареньки похвалиць,
Маладзеньки сподманиць.

(Я.)

28. Чибъ тые да приданочки блудзили,
Въ чистумъ поли да дорожечку згубили,
Да пыталися славнаго села Языля.
Съ подъ новаго двора да вышло паненя:
Да сюды, сюды, маи приданочки, до двора;
Это-жъ тое подворье, што вамъ быць,
Это-жъ тое застолейко, што медъ - вино пьюць.

(Я.)

б) Изъ с. Юревичъ, Игум. у.

29. Ходзиць рай по улицѣ, —раю мой,
А за раемъ Иванкова мамочка, —раю мой,
За раемъ ходзиць и Бога просиць, —раю мой:

Ко мнѣ, раю, ко мнѣ, Божи, ко мнѣ у дворѣ!
Я сына женю и Бога хвалю,—раю мой,
Веселейко на дубейко, (?) раю мой.

(Я.)

30. Тадорчина матка 2.

По улицы ходзиць,
По улицы ходзиць 2.
Да сусѣдочекъ просиць:
Сусѣдочки мои, 2.
А ходзице-жъ вы ко мнѣ 3.
А не ко мнѣ—къ дзицяци 3.
Коровай учиняци.
Ручками бяленькими, 2.
Персценьками золоценькими.
Милые сусѣдочки. 2.
Чи вы дзѣтокъ не маце, 3.
Што ко мнѣ не бываце?
Кобы вы дзѣтки мѣли, 2.
Вы бы ко мнѣ присьпѣли.

(Я.)

31. Ишла дзѣвочка на посадъ,

Махнула хустою наперодъ:
Встаньце, бояра, усѣ у радъ,
Будзе ици Марулька на посадъ,
Будзе шукаць батьку мижъ боярѣ,
Низенько галовочку клонючи
Свого батьку ищучи.
Усѣ бояре перейшла,
Родного батька не нашла;
Вся моя голова у квѣци,
Нема мого таточка на сьвѣци.

(Я.)

в) Из с. Любоничъ, Бобр. у.

32. Забращали кованы возы на дварѣ,
Зазвонили кубки, талерки на сталѣ,
Зашебетали два салавейки на окнѣ,
Да забили маладые свахи у долони,
Заплакала маладая дзѣвочка у комори.
Не отдай 2, мой таточка, отъ себе,
Останетца мая руточка у тебе.
Да и вставай мой таточка раненько,
Паливай мою руточку часценько:
Не паливай маеи руточки водою,
Да паливай маю руточку сытою:
Отъ воды мая руточка желцѣ,
А отъ сыты мая руточка зеленѣ.

(Г.)

33. А паѣдземъ мы, браточка, да дому,
Да повеземъ невольницу съ собою,
Пусцимъ ее въ своёмъ домѣ по волѣ,
Дадзимъ ей золотый ключъ отъ каморы,
Да будзе ана поцихусеньку хадзици,
Да будзе ана ащцу й матоццѣ гадзици.
Да вставайце, пышные бояре, уже свѣтъ,
Паѣдземъ у каралевщину на привѣтъ.
Будземъ ѣхаць чатыри мили борами,
А пятую цихусенькимъ Дунаемъ.
На томъ Дунаѣ дзѣвочка хусты бѣлила;
Она бѣлила, вѣрненько Бога прасила:
Принеси, Боже, таго паничка, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.

(Г.)

34. Умненькій да разумненькій дзѣщина:
Привязау каня къ зелёному явору,

Самъ пошоу сивой зязюли слухади.
Мнѣ здаетца, сива зязюля кукуя,
Мая дзѣвочка хусточку рубить, спѣвая:
Принеси, Боже, того панича, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.

(Г.)

35. Да по мору, по синему озеру
Малады дзѣцинка на лебѣдочку стрѣляя,
Да правымъ очкомъ на дзѣвочку. взирая.
Да по комъ же ты, мая дзѣвочка, удаласа,
У старое золото у ковалёвъ *) поясъ увиласа.
Пусцила сваю касу по кованому поясу:
Нехай косочка зъ буйными вѣтрами лялѣе,
Нехай мамочка по маея косѣ жалѣе.
Да годзи, годзи маея косонцѣ лялѣци,
Годзи матонцѣ по маея косѣ жалѣци.

(Г.)

36. Постаяла староженька у браду,
Да и сама сѣла у вишнёвому саду.
Да аткель ясенъ мѣсяць изыйдзе?
Да аткель-же маладый дзѣцинка придзе?
Зыйшоу ясенъ мѣсяць зъ зорами,
Пріѣхау маладый дзѣцинка съ сестрама.

(Г.)

37. Ты кланяйса, мае дзиця, не пыжиса,
Пашлюць тебе къ цихаму Дунаю по воду
И скажуць людзи: разумныя маточки, науче-
ны бацюшки...

(Г.)

38. На дворѣ дощъ, мяцелица, пляхота,
Нашему дзѣцинкѣ жанитца ѣхаць ахвота.

*) =кованный?

Его бацюшко въ варатахъ стаиць—не вялиць:
Не їдзь 2, мой сыночокъ жанитца!
Ты сваи вараны кони потопишь,
Да ты сваи дарагія шубы помочишь,
Да не журися, мой таточка, обо мнѣ:
Есьць у моего сцилухны (тестя) зелѣный яворъ
на дварѣ.

Я подь яворомъ вараныя кони напасу,
А на яворѣ дарагія шубы посушу.

(Г.)

39. На гарѣ два браценька ячень жнуць,
Да у далинѣ двѣ Кацярины пшаницу.
Дзѣвочка умна, вышла изъ гумна, гукнула:
Принеси, Боже, панича, што люблю,
Дарую ему хусточку, што рублю.

(Г.)

40. Зажуриуса дзѣцинка у дорозѣ,
Што не кованъ его коникъ у возѣ.
Да зачула тое дзѣвчинка:
Да не журиса, дзѣцинка.
Есьць у мене залатыя персценьки,
Будуць тваему конику подковки.
Есьць у мене маладыя (?) плёточки,
Будуць тваему конику вожжечки.

(Г.)

41. Ударили лютые марозы на дварѣ,
Замарозили маладую дзѣцинку на канѣ;
Да выходзила его дзѣвочка съ церема
Вынасила кубочекъ вина, мѣду два.
Напейса, развеселиса.
Ты самъ маленькій, твой конь старенькій,
Дакъ ты и замёрзъ.
Не журиса, дзѣвочка, не правда твая:

Я самъ маладый, конь мой вараный—
Я не замёрзъ.

(Г.)

42. Разгарѣлася калина,
Да у цёмнумъ лѣсѣ стоючи.
Тушиу вѣтричекъ—не утушиу,
А больше искры разнасиу.
Я тебе, калина, не утушу,
Да утушитъ тебе добры (=дробны?) дощъ.
Расплакаласа дзѣвочка
Предъ сваимъ бацюшкомъ родненькимъ.
Сунимау бацюшко, да не суняу,
Большей жалосци ей поддау:
Я тебе, дзицятко, не суйму,
Да унине тебе канчучокъ,
Да утре слѣзочки ручничокъ.

(Г.)

43. Гдзѣ наши очечки глядзѣли.
Што свае дзиця утопили
Да у это село дурное.
За эти мужики-дураки,
Што мѣняюць коней безъ цаны,
Да бьюць жонокъ безъ вины.
По самыя ворота—болоты
А по качережникъ—березникъ.
Братки маи родные,
Берице тапорики острые,
Прорубице, братки, шире дворъ, (=боръ?)
Штобъ обачила бацьковъ дворъ.

(Г.)

г) Изъ д. Строчицъ. Минскаго уѣзда

(отъ гг. Срочицкихъ).

44. Да ляцѣли гусачки циразъ садъ,
Крикнули, гукнули на уесь садъ: (2)

Пара табѣ, Кацяринка, на пасадѣ.
Да што-же вамъ, гусачки, да таго?
Есьць у мяне панойцы для таго.
Яны у мяне да шлюбу выправяць.
Братко мяне на пасадѣ пасадзиць.

(Я)

45. Памажи Боже вянки виць,
Дай Боже маладымъ доуга жиць.
Ня стой же Боже подѣ акномъ,
Да идзи Боже у хату.
Сядзь сабѣ Боже на куцѣ,
Дай Боже долю сирацѣ.
Да я и у сьнцахъ пастаю,
Сирацину доляй надзялю.

(Я.)

46. Отъ табѣ, Кацяринка, уся надзѣя.
Што твой Марцинка да рабиць ня умѣя,
Ни ораць, ни сямѣнька сѣяць,
Да тольки у карчомцѣ кватерки мѣраць

(Я.)

47. Отъ табѣ, Марцинка, уся надзѣя,
Што твоя Кацяринка да робиць ня умѣя,
Ни шиць, ни прасьци, ни красенкоу ткаци,
Да тольки па улицѣ зъ малацама гуляци.

(Я.)

48. Сьцерва сваця, сьцерва,
На што касу сцерла,
Змяла, счесала,
Подѣ чапець схавала.

(Я.)

2. Родинныя и крестинныя.

Изъ Городка, Бобр. уѣз.

49. Кто у насъ, кто у насъ повночи ходзиць?

Иванка голубчикъ повночи ходзиць,

Ёнъ своей бабочки хорошенько просиць:

Бабочка, голубочка, ходзи ты ко мнѣ.

Иванка, голубчикъ, чаго-жъ я пайдю?

Бабочка, голубочка, жена-жъ моя да недужа.

Иванка, унучекъ, чаго-жъ ена да недужа?

Бабочка, голубочка, животочекъ болиць.

Иванка, унучекъ, помолимся Богу и Духу Святому,

Дасць намъ сына, ци дочухну.

Коли сынъ—господаръ будзе,

Коли дочка голубочка—госцина моя.

(Д.)

50. Учора зъ-вечера на родзинкахъ была,

А сегодня поранесенько на хрисцинки пришла.

Закладзице, запражице двананцаць верабьёу,

Отвезице отправацьце бабусю дамой.

Ниць не поможе, (2) двананцаць верабьёу:

Якъ не захоче, такъ не поѣдзе бабуся дамой.

Учора зъ-вечера и проч.

Закладзице, запражице двананцаць паръ волоу,

Отвезице, отправацьце кумусю дамой.

Ниць не поможе, (2) двананцаць паръ волоу:

Якъ не захоче, такъ не поѣдзе кумуся дамой.

Учора зъ-вечера и проч.

Закладзице, запражице вороного коня,

Отвезице, отправацьце молодого кума,

Ниць не поможе, (2) вороненькій конь:

Якъ не захоче, такъ не поѣдзе мой кумочекъ дамой.

(Д.)

3. Посидѣлочныя *).

Изъ с. Языля. Бобруйскаго уѣзда.

51. Сѣдзѣла Рында да на печищи—Рында, 2.
Задрала ноги да на градзище—Рында, 2.
Пришли къ Рындзѣ женихи, взяли Рынду ворухи—
Рында 2.
Ой пошла ана по сусѣдочкахъ—Рында 2.
Да сусѣдочки, маи матушки—Рында 2.
Ой дайце мнѣ по сарочеццѣ—Рында 2.
По сарочеццѣ, по наметоццѣ—Рында 2.
Не спаць було Рындзѣ Пилиповой noci—Рында 2.
Продзираць було дзеркачемъ вочи—Рында 2.
Чортъ-же васъ бери, маи сусѣдочки—Рында 2.
У маего бацька да берозъ много—Рында 2.
Да здзеру-же я бересьциночку—Рында 2.
Да пошю-жъ я хвартушиночку—Рында 2.
Пазьдзѣрочкомъ подпережуса—Рында 2.
Передъ сваимъ женишкомъ якъ наражуса—Рында 2.
Накрыюса я мѣшкомъ, не мнѣ соромъ—жениш-
комъ—Рында 2.

(Я.)

- 52.**) Запрагу я бугая, куды людзи, туды й я,
Да гаю, гаю,—куды людзи, туды й я.***).
Да насѣку жъ я да вазокъ прущя.
Загараджу агародъ на чатыри углы.
Да у первумъ углѣ постю я моркву,
А у другумъ углѣ да постю бурака,

*) «Пяюць у Пилипоуки, сѣдзячи на кудзелі».

***) „Дзѣвучата хлопцамъ“.

***) Такъ повторяется половина каждаго стиха.

4. Колядки и щедровки.

А у трешомъ угль да посью постернякъ.
 А у чешвѣртумъ угль да посажду рѣпу,
 Серодь агароду—чирвоную рожу.
 Кому тая морковъ? Да Марцинку морковъ.
 И у хату йдзе—скребетца, и съ хаты йдзе—скребетца.
 Кому той бурачокъ? Да Пилипу бурачокъ.
 И у хату йдзе чирвоны, и съ хаты йдзе чирвоны.
 Кому той постернякъ? Да Еухиму постернякъ.
 И у хату йдзе—постаиць, и съ хаты йдзе—постаиць
 Кому тая рѣпа? Да Павлюку рѣпа.
 И у хату йдзе—лупитца, и съ хаты йдзе—лупитца.
 Кому тая рожа? Да Ивану рожа,
 Кабъ я яму была да дзѣвочка гожа.
 Да гаю, гаю,—да дзѣвочка гожа.

(Я).

а) Юревичи, Песум. у.

53. А у поли, у поли зялёная елочка,
 Свѣтый вечѣрь *)—зялёная елочка.
 Подь тою елочкою—зялёная далинка,
 А на той далинцѣ вараны конь ходзиць,
 А на томъ кони—залатое сядзелце,
 А на томъ сядзелцы—залатое стременце,
 А на томъ стременцы—маладый паничикъ.
 А на томъ паничику вишнёвая шапочка.
 А на той шапоццѣ—чирвоная квѣточка,
 А на той квѣтоццѣ—яровая пчолочка.
 То-жъ ня квѣточка—его дзѣвочка,
 То-жъ ня пчолочка—его жоночка.
 Мнѣ съ квѣточкою только дзень быци.
 А зъ жоночкою треба вѣкъ жици,
 Свѣтый вечоръ—треба вѣкъ жици.

(Я)

54. Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
Святыи вечеръ *)—чоуночокъ плыве.
А у томъ чоуночку—малады паничикъ.
Приплывае ёнъ къ царскому двару.
Выносяць яму полмисокъ грошей.
Вонъ шапки ня зняу и грошей ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у томъ чоуночку—малады паничикъ;
Приплывае ёнъ къ панскому двару.
Выводзяць яму вараного каня.
Ёнъ шапки ня зняу и коня ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у томъ чоуночку—маладыи паничикъ;
Приплывае ёнъ къ съцёвому двару:
Выводзяць яму маладую панну.
Ёнъ и шапку зняу, и панну, собь узяу.
Святыи вечеръ,—панну собь узяу.

(Я)

б) С. Горли, Бобр. у.

55. Щодры вечеръ добрымъ людзямъ,
Ци дома дома самъ панъ господарь?
Ой дома дома самъ панъ господарь:
Сѣдять онъ собь у конца стола.
Позвольте (ци позволять) нашему козлу по-гуляць...
Ну-ну-ну, козель, поворочайся
Да и на ножечки, да и на рожечки,
На копыщики на золотые.
Тыжъ гаспадынька не будь такая,
Якъ тая была барабаниха.
А будь ласкава, запали скъпочку,
Запали скъпочку, да падзи у кльточку,
Да набери мачку на тарилочку.

*) Послѣ каждаго стиха.

Нашему козлу не много треба:
Семь печь перяпечь, решето овса,
Решето овса, на верхъ колбаса,
На ресьць мачку хоць на тарелочку,
Було-бъ намъ маладзёнамъ на гарелочку.
Судзи тобъ Боже сынки женици,
Сынки женици, дочки оддаваці, (2)
Да й насъ молодыхъ на веселе зваці.

(Я)

в) С. Язль, Бобр. у.

56. Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечерище 2.
Да усимъ дзѣукамъ по казаку,
А мнѣ овчарничка 2.
Да й погнау мой овчарничка
Да у поле овечки 2.
Да й загубиу овчарничка
Малое ягнятко 2.
Была у мене жуковинка
Съ тремá каменцами 2.
Нема моего овчарничка
Ись поля съ овцами 2.
Кали-бъ же я шука-рыба,
То-бъ я помырнула 2.
Таки-бъ же я своего овчарничка
Къ сердцу пригорнула 2.
Кали-бъ же я крыла мала,
То-бъ я палецьла 2.
Таки-бъ же я своему овчарничку
Въ очки поглядзѣла 2.

(Я)

57. При дарозѣ дзѣвь берозѣ,
Сарока зависла 2.

Кличе маци вечераци,
Вечера покисла 2.
Да вже-жъ бо мнѣ, моя матка,
Вечера не мила 2.
Не бачила, моя матка,
Съ кимъ я говорила 2.
Якъ бачила у середу,
Жанучи череду 2.
Якъ бачила у вувторокъ,
То уже недзѣль сорокъ 2.
Да выйду я на улочку,
Рассыплю я карты 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе жарты 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я иглы 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе игры 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я рѣшки 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе сѣмѣшки 2.

(Я)

5. Масляничныя.

Юрєвичи, Пуменск. уездѣ

58. Я маладзенька не угадала,
Цы было лѣто, цы не было.
Мамка на вулку не пускала,
Въ каморочку замыкала,
А въ камороццы--окенечко,
А на окенечку—кватерочка.
А я выбью вокенечко,
Зярну, гляну на вулечку:

На вулещы дзѣуки ходзяць;
Дзѣуки ходзяць и гуляюць, (2)
А мой нелюбый передъ водзиць.
А бодай ёнь таночку не зводзиу,
Якъ я вѣночка не зносила.

(Я.)

59. Кароука мыче, вясну кличе;
Воликъ бушуе—вясну чуе.
(Курка кудахче—ѣсьци хоче);
Дзѣвочка плаче—замужъ хоче.
Не мыць, кароука, намычися,
Не бушуй воликъ, набушуеся (2)
Не плачь, дзѣвочка, наживеся

(Я.)

6. Великодныя

а) Юревичи, Пуцменск. уезда.

60. А на рыночку проти ганочку,
Зялёны яворъ, зялёны. (прип.)
Тамъ сядзѣла да паненочка,
Да паненочка—молода Ходорка.
У правой руцѣ да кубокъ несе,
А у лъвой руцѣ—уциральничекъ.
А тудой ишоу купецкій сынъ,
Просить кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Ни дала кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Хоць купецки сынъ, да не роуня мнѣ.
А на рыночку... и пр.
Тудою ишоу мужицкій сынъ

Просить кубка... и пр.
Хоць мужицкій сынъ, да ты роуня мнѣ.
Дала кубочка умывацися,
Уциральничка уцирацися.

(Я.)

61. У гародзи за клѣткою,
Росла рожа исъ квѣткою.
Хтожь тую рожу щипаць будзе?
Молода паненка защипала,
Защипавши у рукавець клала,
Зъ рукавца брала, къ лицу ровновала:
Кобъ мое лицо да такое было,
Не пошла бъ я за богатого,
А пошла бъ я за сенатора,
Што съ коника не ссѣдае,
Меча съ плеча не скидае,
Пуховой шапки не знимае.

(Я.)

б) Новая Дорога, Бобр. у.

62. У городчичку на трасочничку
Да не макъ—рожа расцвѣтала,
Христось воскресъ на увесь сьвѣтъ! (прип.)
Вышла—выцекла красна паненка,
Красна паненка, молода Кацеринка,
Тую рожу сощипала,
Къ своему лицу ровновала:
Кобъ маё лицо таково было,
Не вышла бъ я ни за селянина,
Ни за селянина, ни за дворанина,
А вышла бъ я за такого пана,
Што съ коника не ссѣдае,
Съ стремянь ножекъ не виймае.

(Я.)

7. Весенія.

а) С. Языль, Бобр. у.

63. Воль бушуе, весну чуе;
Воронъ краче, сыра хоче;
Дзѣўка плаче, замужъ хоче.
Не бушуй, воликъ, найоресса:
Не крачъ, воронъ, нажересса:
Не плачъ, дзѣўка, наживесса.
Воль бушуе. найоравшиса;
Воронъ краче, нажравшиса;
Дзѣўка плаче, сына мѣўши.

(Я.)

64. На муравѣ на туравѣ
Лежить цѣло, якъ дзень бѣло.
Прилецѣло три пташеки...
Одна сѣла у головочкахъ,
А другая блиско серца,
А трецяя у ножечкахъ.
Што у головкахъ—матка яго.
Блиско серца—сестра яго.
А у ножкахъ—жена яго.
Матка плаче вѣкъ одъ вѣку.
Сестра плаче годъ одъ году.
Жена плаче до й-обѣду.
По й-обѣдзѣ други ѣдзе:
Якъ гай, дакъ гай наймилѣйши.
Цебе у голоу, у мене лѣпши.

(Я.)

8. Купальскія

М. Городокъ, Бобр. уезда.

65. Ой мала ночка Петровочка,
Ня выпалася молодочка,
Да сукала шнуры шоукòвы
Да на черевички замшòвы,
Сяму таму запродала,
А своему милому й такъ оддала.
(Я.)

66. Да плавау чоуночокъ по рьчеццы,
Да плакау Донатко по дзьвоццы;
Содрау лычечко съ крапивочки:
Хоць задавьце безъ дзьвочки.
(Я.)

67. Да на Купалья ночка мала,
Ой яжъ молодзенька не доспала,
Да сукала шнуры шоуковые,
Да рубила хусты рипсовые,
Да сему гому продавала,
Молодому Гардзѣйку даромъ давала.
(Д.)

9. Жнивныя и покосныя.

Строчице, Минск. уезда.

(Отъ гг. Срочинскихъ).

68. Я думала—зажалася,
Ажъ зноу съ хвостомъ засталася;
Я думала—скрипки йграюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ вядуць;

Я думала — пирогъ даюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ лаюць.

(Я.)

69. Да я у полѣ жита жала,
Ажъ мянѣ у дому бяда стала:
Звалилася съвякроу съ тыну,
Да у жижкую крапиву.
Ня шкода жъ мнѣ съвякровачки.
А шкода жъ мнѣ крапивачки.
Бо съвякроу сама зноу устане.
А крапиука зноу завяне.

(Я.)

70. Кациуся вянокъ съ поля.
Да прасиуся ёнѣ да пакоя:
Пусьци мяне, панокъ, да пакоя.
Да ужо жъ я у полѣ настаяуся.
Да мяне вѣтрикъ намахауся.
Да мяне дощикъ накрапляуся.

(Я.)

б) Юрєвичи, Гумен. уѣзди.

71. Ишоу Богъ дарогою 2.
А за Богомъ нашъ паночокъ:
Ка мнѣ, Боже, ка мнѣ, 2.
До маёго гуменца.
Маё гумно вяликое 2.
Азяроды высокіе.
Маё гумно великое 2.
Переплѣты широкіе.
Есьць дзѣ азяредзиць,
Е дзѣ копы класьци.

(Я.)

72. Пора домоу, пора,
Съюдзёная раса пала.

А першая Богоявая,
А другая дожджовая, 2.
А треця снѣговая.
Мы першую будземъ пици,
А другою лицо мыци, 2-
А трецюю топтаць будземъ.
Боговую будземъ пици,
Дожджовую лицо мыци 2.
Снѣговую топтаць будземъ.

(Я.)

73. Пойду я дарогою,
Пушу голось дубровою;
Нехай голось голосуе.
Нехай же мой татка чуе,
Нехай же мой татка чуе,
Дзѣ мое дзиця ночуе.
Колижъ мое дзиця пѣе,
Нехай воно домоу идзе:
Коли вона невѣхночка,
Нехай болѣ пожинае,
Мого поля повидае,
Къ моему полю привыкае,
(Къ моёй ячной лусьци,
Къ нясолоний капуста),
Къ моему полю далёкому
Къ моёй нивѣ да широкуй.
Мое поле далёкое,
Моя нива широкая.

(Я.)

в) с. Языль, Бобр. уѣз.

74. Нашъ панъ баранъ, баранъ, 2.
Не пускае домоу зарань.
Наша пани овечая, 2.
Держитъ жнѣекъ до вечера.

Пусьци, пави, до дому 2.
Старыхъ бабокъ ручки зябнуць,
Молодочекъ дзѣтки плачуць, 2.
На дзѣвочкахъ вѣнки вянуць.

(Я.)

75. Говорила гарѣлочка 2.

Да на своихъ пивоварувъ:
Коли мене не уварице, 2.
То вы мене не удержице
Ни у дубовыхъ бочечкахъ, 2
Ни у залъзныхъ обручикахъ.
Говориу же Марцинка 2.
На своего бацохна:
Коли жъ мене не женице, 2.
То вы мене не удержице
Ни у цѣмнуй цямницы, 2.
Ни у свѣтлуй свѣтлицы.

(Я.)

76. Да вишенька цярашенька

На дворъ налягае,
А съ-пудъ тое вишеньки
Сивы конь убѣгае;
Не самъ же ёнь убѣгае,
Да паничикъ уѣжджае.
На ёмъ кудры маюць,
Да на ёмъ шубы зяюць.
Паничикъ молодзеньки,
Хто кошулю вышивау?
Шила матка старенька,
А сестрица маленька:
Шила матка, вышивала,
Сестрица злотомъ укладала, 2.
Да на мене ускладала.

(Я.)

в) с. Любоничи, Бобр. у.

77. Великъ нашъ боръ, великъ
Надо усѣми борами,
Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надо усѣми панами.
Нема таки пана дома,
Поѣхау онъ у въ Шклово
Чарочекъ покупаци,
Жнеечекъ частоваци.
Наши жнейки маладые,
И(ихъ?) серпочки залатые,
По мѣсячку жито жали
И серпочки поламали.

(I.)

78. Лѣтомъ, дзѣвочка хороша,
Я улюбиуса у тебе.
Я улюбиуса у нещасцье,
Намъ съ табою не владаць.
Не имѣу нидзѣ я щасцья,
Сизы бѣ крылушки сабѣ:
Стрепенууса, полецѣу бы
У размашисть, зелѣный садъ;
Сѣу бы, пау бы я Машенькѣ,
Сѣу бы на правое плечо,
Посмотрю бы я Машенькѣ
Во румяное лицо.
— О чѣмъ, о чѣмъ, раз-Машенька,
У лицѣ худа и блѣдна?
— О томъ, о томъ, разголубчикъ,
Тосковала о табѣ.

(I.)

79. Жена мужа пробовала,
На попары припинала.
Ой мой мужу татарину,

Да ѣшь траву попарину,
Да пи воду луговую,
Люби мене молодую.

(Д.)

80. Коля коля рѣчки
Да ходзила паненочка,
Да сѣяла руту—мяту.
Росци, росци, рута мята,
И тонкая, й высокая,
Съ кореньейка глубокая.
Якъ у восень за—мужъ пойду.
Такъ я себе свинямъ порву;
Якъ у свойго татки буду,
Такъ я себе полоць буду;
Якъ у восень за—мужъ пойду.
Нехай себе кони стопчуць,
Да коники гарцюючи,
Молойчики танцюючи.

(Д.)

13. Лѣтнія *).

Изъ м. Городка. Бобр. у.

81. Зелёная дубровочка,
Чаго рано зашумѣла,
Жоутымъ листомъ жауцѣла?
Ой якъ же мнѣ не шумѣци,
Жоутымъ листомъ не жауцѣци?
Церезъ мене дубровочку
Да битая дорожечка:
Да што дзень купцы ѣдуць,
На коники дубцы рѣжуць,
На кореняхъ огни кладуць.

*) Такъ значится въ рукописи г. Давидовскаго.

Сь—подъ каменя воду беруць,
Везуць соби волыночку,
Молодую украиночку;
Да за ею погонь идзе—
Ее родный ойченько.
Вернися, волыночка,
Вернися, дзиця моё!
Вернися, мой ойченько,
Вернися, не томися:
Ты мене не догонишь,
Только ножки потомишь.
Да кали мнѣ добро будзе,
То я къ табѣ листы пришло,
А кали мнѣ лихо будзе,
То я къ табѣ саму приду.
У вирь, дзиця, галавою,
А не ко мнѣ удавою!

(Д)

82. Да гула пчолка, гула, (2)

По бору летаючи,
Да медокъ збераючи:
Горки мой медочку
Да безъ цебе, мой бортничку.
Да плакала удовочка,
Да по двору ходзячи,
Да дровца збираючи,
Да обѣдъ готуючи:
Горкій мой обѣдзе
Да безъ цебе, мой миленькій.
Сама сяду на покуци,
А дзѣтками осаджуся,
Слѣзками обольюся.
Дзѣтки жъ мои маленькія.
Слѣзки мои дробненькія;
Дзѣтки мои побольшали,
Слѣзки мои погоршали.

(Д)

II. Историческія.

а) *Изъ Слуцкаго уѣз.*

(по рукописи гимназиста г. Н. Береснева)

83. Изъ—за Слуцка, изъ - за Клецка

Будзе дружба молодзецка,
Отъ княжати мѣста Пинска,
Мѣста Пинска воевати, (2)
Отъ ляховъ обороняти.
Хоть пришли, не дали рады,
Погинули уси одъ зрады.
А я пойду у постъ велики
До Турова до владыки,
Щобъ молебень отслужити,
Да й покаюсь за грѣхи.
День и ночь буду молити,
День и ночь буду просити.
Щобы згинули ляхи.

(Я)

б) *Изъ м. Городка. Бобр. уѣзда.*

84. Ой мяцежница Варшава,
Бунтовщица издавна.
Збунтовалися поляки.
Черци стары оборваны,
Всѣ косцѣлы поламали,
Хресты, звоны познимали, 2.
Саби пушки поуливали.
Якъ поуливали саби пушки,
Пошли всякій дзень пирушки...

(Д.)

12. Разныя *).

а) Изъ д. Строчицъ, Минск. уѣз.

(Отъ гг. Срочинскихъ).

85. Парасла крапива выше гарадзиша,
Кабъ не наши паничи, не былобъ игрища.
Пагарѣли хамуты, пагарѣли лямцы.
Пагалѣли дѣцюки, не съ кимъ исьци у танцы.
А я тыхъ хамутоу тушици ня буду,
А я тыхъ блазною просици ня буду.
Чи я у маци не дочка, чи я не дачушка,
Руса коса да пояса, червоная устужка.
У гародзѣ на градзѣ три каливы мяты,
А хто мене пацалуе, не вылѣзе съ хаты.
У гародзѣ на градзѣ три каливы бобу.
А хто мене пацалуе, не выбудзе году.
Сѣю руту, сѣю мяту, рута зеляненька,
Еще замужъ не пайду, еще маладзенька.
А я той рупѣ-мяцѣ вяршки посьцинаю,
Еще замужъ не пайду, еще пагуляю.
Еще сабѣ пагуляю, якъ рыбачка па Дунаю,
Туды-сюды повярнусь и никого не баюсь.
- (Я)

б) Изъ г. Минска.

(отъ г. Г—га).

86. Ишоу Тодоръ и съ Тадорой,
Знайшоу лапоць и зъ аборой:
Ой ты Тодоръ, я Тадора,
Табъ лапоць, мнѣ абора.

(Я.)

*) Поются, когда угодно; нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно рекрутскія и солдатскія.

87. Ишли дзѣуки баразною,
Нашли х. . . зѣ барадою.
Адна каже: рѣжмо!
Друга каже: ѣжмо!
Третця каже: ня псуймо,
Да па разу усуньмо!

(Я.)

88. Нашъ татулька упиуся,
На матульку узбиуся;
А матулька лихая,
Татулька спыхае.

(Я.)

89. А што жъ гѣто за Лявониha была!
Не салѣную капусту дала,
Не салѣную, не вареную,
Толька трошки перяпареную.
А дзѣ-жъ тые кавалѣчики,
Што куюць тапарочкики. . . .

(Я.)

Изъ с. Юревичъ. Печм. уѣз.

90. Ай на морѣ волма бѣе,
Салдатъ на войну идзе;
Дзѣука плаче а рыдае,
Хустой слѣзы уцирае.
Ня плачь, дзѣука, не рыдай,
Хустой слѣзы не уцирай;
Тогда, дзѣука, заплачешъ,
Якъ на войнѣ обачишъ.
Ай салдацкая ѣда—
Сухари да вода,
А салдацкая посьцель—
Мундирикъ да шинель.
Мундирикъ подѣ бочокъ.

Шинеликомъ обкрыся, 2.
Слѣзками облися.
Вы слѣзки мои гарачіе,
Откацицесь отъ мене,
Я на чужой старанъ,
Прикацицесь къ тому,
Хто зъ жаною у дому.
Да пріѣхау бѣлый царь,
Нашъ бацюшка государь.
— Харашо вамъ, ребята,
На страженіи стаяць?
Ай харашо, харашо,
Нашъ бацюшка государь:
По капыты у кривъ,
По калъни у трупъ.
А царица, наша маць
Стала ребяць абучаць:
Ой вы, дѣтушки маи,
Вы рабятушки маи,
Мы у крѣпосць забяромся,
Тогда съ туркамъ подзяромся.
Наши кулюшки идучъ,
Та-дыкъ (такъ какъ) пчолушки гудучъ.
Салдаты идзе на Капкасъ,
Мужикъ ѣдзе на кирмашъ;
Салдаты идзе съ Капкасу,
Мужикъ ѣдзе съ кирмашу.
Салдаты праздника дажжотца,
Серце кроую оболлѣтца;
Мужикъ праздника дожжотца,
Какъ съвинья водки нажротца;
Закотитца за жану,
Какъ за камянну сцяну.
Салдаты идзе на *овсыци*, *)

*) „Въ калавуръ“, пояснилъ пѣвецъ (отставной солдатъ). Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть, *осецъ* овинъ? Есть

Мужикъ ѣдзе у госьци;
Салдаты идзе зъ восьцѣй,
Мужикъ ѣдзе зъ госьцей;
Мужикъ ѣдзе пахаць,
Салдаты жонку у караваць.

(Я.)

91. За Дунаемъ за рѣкой,
Тамъ малойчикъ гуляу,
Полынь-трѣбушку зрывау,
На конюшню брасау.
Своего коня напасау...

(Я.)

з) Изъ с. Языля, Бобр. у.

92. Ляжиць камень надъ (*sic*) водою, 2.
Ень не разобѣецца;
Стоиць милый съ чужой жаною 2.
Ень не разоидзецца.
Яжъ молода коло ихъ ишла, 2.
Яжъ ихъ ни чипала:
Только тяжко моѣму сердцу, 2.
Што я присягала.

(Я.)

93. Оддау мене бацько замужъ молодую,
Ой дау же мнѣ Гбспудъ долечку лихую.
Была у мене коса, коса до пояса,
Вывау яе милый усю до волоса.
Ой уу поли у поли стаить садъ зелѣны,
А у томъ садочку дзѣбучина гуляла.
Проколола ножку на калочу розку.
Балиць моя ножка, балиць очень болно,
Нагуляюся баринъ зъ дзѣукою доволно.

еще *овин.-ий* (острога), которое больше подходило бы по формѣ, но меньше по смыслу.

Запражице яму да новыя санки,
Поѣдзе нашъ баринъ до свае коханки;
Запражице яму да новыя вазочокъ,
Поѣдзе нашъ баринъ у новыя гарадочокъ.
А за имъ дзѣбучина, за имъ у слѣдочокъ;
Гнала ена гнала, никакъ не догнала:
Заболѣли ей вочень болно ножки,
Стала ночовати ена упоудорожки.
Ѣхали казаки яны съ украины,
Стали пробужаці прекрасной дзѣбучины:
Уставай, дзѣбучина, устань и ідзѣ ізъ нами,
Устань и ідзѣ ізъ нами, зъ нами казакамі.
Дзѣбучиночка устала, цяженько здыхнула,
Цяженько здыхнула, жалко заплакала.

(Я.)

д) Горки, Бобр. уезда.

94. Выхадзіла дзѣбучиночка за новыя ворта,
За новыя, кляновыя, за рашетистыя,
Вынімала ісь кармана тонкай бѣленькай платокъ,
Воцерала любезному свему горкія слѣзы.
А уцѣрши горкія слѣзы, на крутую пошла горушку,
А на тую гору крутую, дзѣ скончалася любовъ.
Наша любовъ не большая, вотъ разлука цяжела,
Разлучила насъ неволя, чужедальня сторона.

(Я.)

е) Новыя Дароги, Бобр. уезда.

95. Соловейко маленькі,
Твой голасокъ тоненькі,
Леці у нашу старану,
Накажи роду моему,
Што я бѣдна сирота,
Што у мене роду нема,

Тольки адзинь дзядзько,
Якъ родны мой бацько.

(Я.)

96. II сёгодня не быу, и учора не быу:
Видно мой милы на мене забую.
О, не забую, хиба забуду,
Якъ поьду, семъ годъ не буду.
О, есьць у мене муляри свои,
Отмулюю я милого къ собь.
Отмулюю его хоць на дощецфъ,
Да й поставлю его у концы стола,
Поставлю его у концы стола,
Да й буду смотреть, якъ на сокола.
Ой зачимъ соколь смуценъ не весёлъ?
Ой якъ-же мнъ весёлому быци:
Учора зъ-вечора уточка была,
А сёгодня разстрёляная.
Не жаль бы було, кабъ е на водзъ.
А то у лузфъ, у черецъ.
Ой чому козакъ смуценъ, не весёлъ?
А якъ-же мнъ весёлому быци:
Што учора зъ—вечора дзъвочка была,
А сёгодня засватана.
Не жаль бы мнъ было, кабъ ена далёко.
А то за сусьдочку:
У кльць идзе, добраночъ дае,
Псь кльци йдзе, добрыдзень дае.

(Я.)

ж) Городак, Бобр. уезда.

97. Эхъ, не могу я зъ гора разгуляцца,
Эй да тоски, скуки свае разогнаць.
Пойду зъ гора на быструю рьчку.
Ой да сама сяду на крутъ бережка.
Ни одна тутъ я здэсьси на рьццфъ:

Эхъ виджу — бачу свой цѣнь на водѣль.
(Цѣнь пустая, цѣнь холодная, — да,
Эхъ цѣнь не грѣе мене ничово;
Цѣнь не грѣе мене ничово,
Эхъ, при мнѣ здѣсьси нѣту никово).
А съ—пудъ лѣсу ой да поцихеньку,
Ой бачу ѣдзе милый на кони.
Здрастуй, милая моя красаука (забаука)!
Ахъ я нарочно просьцитца зайшоу.
Езъли дасьць Богъ—назадъ повернуса,
Эхъ, три подарки тобѣ привезу:
Первый подарокъ, ты моя красаука.
Ой на голову да шалѣвый платокъ;
Други подарокъ, ты-жъ моя забаука.
Ой да на шѣчку замша—замшушка;
А треци подарокъ, ты-жъ моя красаука.
Ой да на ручечку злоты персыценѣкъ.
(Я.)

98. Была я у бацьки на выгодѣъ,
Сѣяла орѣшки въ огородзи;
Росцице орѣшки выше плоту,
Отдау мене бацька за блазноту.
Чужіе молайцы пьюць, гуляюць
А моей блазноты не примаюць.
Бодай вамъ, молайцы, лиха у грудзи,
А зъ моей блазноты будуць людзи.
(Д.)

99. Якъ мнѣ тошненько, якъ мнѣ нудненько,
Сама не знаю чого.
Эй, ой пойдзице-жъ вы, приведзице мнѣ.
Кого я вѣрно люблю: *)

*) Для слѣдующаго куплета повторяется 2-я половина предыдущаго (безъ *эй*): *Ой пойдзице и т д.*

Эй, черномазаго, черноглазаго,
Русы кудзерки у его.
Эй, ёнъ чау (-чесау) кудри, ёнъ чау русы,
До барыни поспѣшау.
Эй, черезъ рѣченьку, черезъ быструю
Мостовинушка лежиць;
Эй, о по той же да мостовинушкѣ
Другъ любезный проходилъ;
Эй, мостовинушка возыбнулася,
Другъ сердечный утонулъ.
Эй, о пойду же я молодѣшенька
Всё й по крутымъ бережкамъ,
Эй, ци не сустрѣну, ци не споткаю
Рыбалоуцау молодойцу.
Эй, вы молодойчики рыбалоуники,
Закидайце невода!
Эй, ци не зловице, не споймаеце
Мойго милаго дружка.
Эй, коли зловице и споймаеце,
Буду рѣчку вспоминаць;
Эй, якъ не зловице, не споймаеце,
Буду рѣчку проклинаць:
Эй, да бода рѣчка, да бодай быстра
Жоутымъ пескомъ заплыла,
Эй, якъ же ты мойго милаго дружка
Въ тихій Дунай занесла.

(Д.)

100. Ой скучно мнѣ, скучно,
Якъ былины въ поли,
Нихтожь не разважиць
Мене молодой.
Яжъ тую развагу
Я й сама разважу,
Посцелю посцельку,
Сама спаци лягу.

Посцелькайка, бѣл
Сама моленька, а,
Подушка пуходзенов
Сама черноброва.
Устану раненько,
Умыюся бѣленько.
Сяду подь оконце,
Навсходь ясна сонца.
Еше ясенъ мѣсяць.
Еше не заходзиць,
Да уже мой миленьки
По рыночку ходзиць, (2)
Молодушекъ водзиць.
Ахъ, мой ты миленьки,
Якій не вѣрненьки!
Гардуешь ты мною,
Якъ вѣцеръ горою, (2)
Туманъ долиною.
Такъ и ты да мною,
Мною молодою.

(Д).

101. Была саби удова,
Породзила сыны два;
Породзила повила,
Въ колыбелюшку вшила, (2)
Въ цихій Дунай пуссила.
Ты, Дунайчику мой,
Ты досматривай ихъ.
А вы, цихія волны,
Покалыхивайце!
А вы, ницыя лозы,
Содзѣвайце вы ихъ!
А вы, жоутые пески,
Накармляйце вы ихъ!
На пятнадцатомъ году

Пошла удова по воду,
Стала удова воду браць,
Стау каребчикъ приплываць,
А на томъ же карабцы
Два удалые молодойцы:
Одзинь сѣдзиць на брусу,
Чеше русую косу;
Другій сѣдзиць на долу.
Поглядая на удову.
Ой, ты, удова молода,
Да ци любишь ты мене, (2)
Да ци пойдзешь за мене!
Я за цебе пойдю,
За другого дочь отдамъ.
Штобъ же ты така маць
Наскрозь землю прошла,
Штобъ за роднаго сына
Сама замужъ пошла.

(Д.)

102. Калина—малина

У лузи стояла.
У лузи стояла,
Стоячи совяла.
 Ци вѣтру боишься,
 Ци дожджу жадаешь?
 Вѣтру не боюся,
 Дожджу не жадаю.
Дзѣучина—рыбнина,
Чаго смутна ходзишь?
Ци свѣтъ у неволи,
Ци горкая доля?
 Мнѣ свѣтъ не у неволи.
 Ни горкая доля.
 Не дай же мнѣ, Боже,
 Заслужнаго хлѣба.

Бо хлѣбъ той заслужный,
Вельми ёнъ потужный:
Якъ я стану кроиць,
Пани гордо мовиць;
Якъ я его укушу,
Заплакаци мушу.

Ой тамъ да на горѣ
Церковка стояла,
Тамъ же любезная
Зъ нелюбымъ шлюбъ брала;
Брала-жъ ена брала,
Да у шлюба пытала:
Ой шлюбе мой, шлюбе,
Скажи ширу прауду!
Ци горы копацы,
Ци зъ немилымъ шлюбъ браци?
Горы копаючи,
Водзицы напьешься,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши.
Слезьми обольешься;
Горы копаючи,
Сядешь, сопочинешь,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши,
Навѣки загинешь.

(Д.)

103. Прилецьла галка,
Чужая землянка,
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ;
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ,
Да на сухой соснѣ,
Спѣвая жалосне:
„Не хилися, сосна,
Бо мнѣ вельма тошно,

Што я въ чужомъ краю
Дармо пропадаю,
Безъ ойца, безъ матки,
Безъ роднаго братки.
Пріѣдзь, братка, въ госци,
Пріѣдзь голубочекъ!

Пріѣдзь, голубочекъ,
Хоць разъ у годочекъ;
Пріѣдзь, пріѣдзь, братка.
Хоць не умывавшися;
Хоць не вмывавшися,
Хоць не вциравшися:
У мене водзица
Съ подъ саду крыницы:

Вода у кубочку,
Ручникъ на колочку:
Возьми, братка, умыйся.
Ручничкомъ утрися;

Ручничкомъ утрися,
Богу помолися,
Богу помолися,
Да й спаци ложися!

А вы, соловейки,
Вы не пѣйце рано,
Вы не пѣйце рано,
Не будзице пана!
Нашъ панъ маладзенькій,
Мой братка родненькій,
Учора зъ—вечора
Поздненько пріѣхау,

А сегодня рано
Да уже отѣѣжжая,
Мене молодую
Одну покидая.

104. Ой у поли, поли

Вѣцерь калину колыша,

А братъ до сестрички

Часто листы пиша.

Ци привыкла, сестра,

На чужой сторонцы?

Я хоць не привыкла,

Треба привыкаци,

Треба тое знаци.

Што чужая маци.

Матка-жъ моя, матка!

Дзѣ мнѣ цебе узяци?

Ци мнѣ заслужици,

Ци мнѣ заробици, (2)

Да й матку купици?

Моляры молююць,

Матку одмалююць,

Да все не такую.

Якъ матку родную.

Моляры молююць.

На личко бѣленько.

Да не одмалююць

На словцо вѣрненько.

Моляры молююць

Съ черными бровами.

Да не одмалююць

Вѣрными словами.

(Д.).

105. Жалко было вечерочка.

Што не была учора; (2)

А змѣнився голосочекъ,

Якъ цихая мова.

Голосочекъ у лѣсочекъ,

Циха мова розна. (2)

Не гнѣвайся, мой миленькій,

Што я хожу позно.

Я хожу, гуляю,
Добрый разумъ маю; (2)
Коля рѣчки, коля гаю
Коня наповаю.
Конь воронный воды не пье,
Ёнь дорожку чую, (2)
Ой Богъ зная, Богъ вѣдая,
Дзѣ милый ночуя.
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Ночуй, обдымайся! (2)
Жена твоя молодая
Слезьми обливайся.
Ци всѣ тые сады цвили,
Што мы поливали? (2)
Ци всѣ тые вѣнчались,
Што залецались?
Половина саду цвице,
Половина вяне; (2)
Половина свѣту скаче,
А другая плаче.

106. Не знала дзѣучина,
Што ёй будзе лиха,
Пусцила жаунѣра
Въ каморочку циха.
 Жаунѣръ тамъ побыуши,
 Причину зробиуши,
 Коника сѣдлая,
 Зъ двора выѣжжая;
Зъ двора выѣжжая,
Дзѣучина рыдая;
Дзѣучина остается,
Слезьми оболъется.
 Не плачь ты, дзѣучина,
 Годуй мойго сына!

Назадъ ворочуся,
Съ тобой оженюся.

(Д.)

107. Ой, калина—малина,
Да што тебе ссушило?
Ссушили мене буйные вѣтры
И лютые морозы.
Ой, казаче—бурлаче,
Да што тебе ссушило?
Ссушила мене тая дзѣучина,
Што съ чорными очима.
Ты, дзѣучиночка моя,
Да й сухотонька моя,
Выйдзи, дѣвчина, сердце, рыбчина.
Поговоримъ съ тобою.
Ой рада бѣ я выходзици
И съ тобою говорици,
Лежиць немилый на правой ручицы,
Я боюся пробудзици.
Ты боишься пробудзици,
Я его мушу забици.
Да ци забьешь, ци не забьешь,
Только зъ свѣту изведзешь;
Бери коня, зѣбжжай зъ двора:
Ты не мой, я не твоя.

(Д.)

108. Бѣлая бероза похилилися,
Жена по мужу зажурилася,
По зелѣномъ саду похожаючи,
Свойго милаго побуждаючи:
Устань, миленькій, уже свѣтъ бѣленькій;
Ой по подворку пѣтушки пѣюць,
Да по городахъ барабаны бьюць,
Мойго милаго у приѣмъ ведуць;
Хоць его ведуць, его не здадуць.

Его не здадуць, ему кару дадуць.
Пойду я молода на високу гору,
Зирну я молода зь горы у далину;
Ажно у далинѣ да сивый конь стоиць.
Подь тымъ коникомъ мой братка лежиць,
Надъ имъ сестрица родная стоиць.
Ци я не казала, да мой браточка:
Не бери жены съ чужой стороны.
Ой возьми жену у своёмъ селѣ,
У своёмъ селѣ хоць сусѣдочку.
Хоць сусѣдочку сирочиночку.

(Д.)

109. Прилецѣли два сизые голубы,
Сѣли, пали у удовушки на дворѣ,
Крыльяхками подворъечка подмели.
Очечками свѣцѣлышку свѣцили.
Голосами удовушку будзили:
Устань, устань, молодая удова,
Да послухай, да ци шумиць дуброва,
Да ци стогне широкая дорога,
Да ци ѣдуць козаченьки изъ войны.
Шумиць, шумиць зелѣная дуброва,
Стогне, стогне широкая дорога,
ѣдуць, ѣдуць козаченьки изъ войны,
Ведуць, ведуць миленькаго на кони:
Рубашечка вся же кровью излита
И пулями вся же она избита.
Вотъ цеперь же я на вѣки удова,
Дѣтки-жѣ мои да на вѣки сироты.

(Д.)

110. Ой выйду я на гору. (2)
Посмотру я на рѣку.
Ой на быстрой на рѣцѣ (2)
Нова лодочка стоиць.

Ой у той же лодоцѣ (2)
Страшна смертхуна сѣдзиць.
Ой ты смерць ты моя, смерць, (2)
Приплыви къ моему дому, (3)
Замори мою жену.
Яжъ такъ даромъ не хочу, (2)
Сребромъ золотомъ заплачу.
Не поспѣла ена умерци, (2)
Полотномъ вочи накрыву, (3)
Самъ до дзѣвушекъ пошоу.
Усѣ дзѣуки хороши, (2)
Одна дзѣука лутше всѣхъ,
Што зачесана коса,
Што заплаканы глаза,
То моей жены сестра.

(Д

111. Чимъ дубъ не зелѣный?

Ци туча побила?
Козакъ не весѣлый,
Лихая годзина.
Якъ мнѣ молодому
Весѣлому быци?
Я любиу дзѣучину,
Не могу забыци, 2.
Бо сватали людзи:
Знаць мнѣ молодому
Пареньки не будзе;
Только всее пары.
Што воченьки кары,
Только всей любви,
Што чорныя бровы.
Чорны бровы маю,
Да не оженюся,
Ой пойду я зъ жалю
Въ рѣчку утоплюся.

Не топись, козаче,
Марне душу сгубишь;
Пойдемъ звѣнчаемся,
Кали вѣрне любишь.
Вдземъ же мы поле,
Вдземъ и другое,
На трейцее поле
Стау конь спотыкаться,
Вернемся, дзѣучина,
Ни будземъ вѣнчатся
Вернемся, дзѣучина.
Нема попа въ дому:
Ци твое нещасце,
Ци моя недоля.

(Д)

112. Охъ, не спится, не дремится
И сонъ мене не берощь;
Пошоу бы я до дзѣучины,
Самъ, не знаю дзѣ живець;
Да спрасиу бы товариша,
Пушай мене заведзе,
Такъ товаришъ краснѣй мене,
Ень дзѣвушку отобье.
Ночью дзѣвушка уснула,
Видѣла дружка во снѣ;
Я уснула, воздыхнула,
Закипѣла кровь во мнѣ.
Чимъ я тебе огорчила,
Скажи миленькій мой мнѣ.
Коли вѣрно не любила.
Отправляй мене домой;
А не хочешь отправляци,
Возьми у ручки пистолетъ.
Узяуши у ручки пистолецикъ,
Разстрѣляй же грудзь мою,

То я буду тымъ довольна,
Што ты укончиль жисць мою.

(Д.)

113. На гуляны у канпани
Барынь дзѣвушку обняу,
А дзѣвучонкѣ стыдно стало,
Показились слёзы зъ глазъ,
А мальчишку жалко стало,
Стау дзѣвучонку унимаць:
Полно, полно, дзѣвучоночка,
Табѣ плакаць и рыдаць.
Заболѣло мое сердце,
Возьму замужъ за себе.
Ты богатый, а я бѣдна,
Не пойду я за тебе.
Хоць ты бѣдна, я богатый,
Не покину я тебе.

(Д.)

114. Маць моя, маці,
Маць моя родима,
Не оддай мене за рудаго,
Бо я чорнобрыва.
Отдай мене за того,
Што чорные очи;
Ёнъ вочима заморгая,
А я засмѣюся.
Маць мене не слухала,
Отдала за рудаго,
Еще ена приказала
Шановаці его.
Я-жъ его не люблю,
Шановаць не мушу,
Ой Боже мой, Боже,
Прими его душу.

.

Церезъ боръ да въ контору
За писара пошла.
Бодай тому писару
Три болячки въ лысину,
Кабъ ёнъ письма писау
И болячки чесау.
Ой тамъ за горою
Цыгане стояли,
Ой тамъ за другою
Шацёръ напинали.
Охъ у той шацёръ
Дѣвокъ зазывали

.
Охъ у сади, у сади
Трава зеленѣя,
За хорошимъ человѣкомъ
Жена молодѣя.
Охъ у сади, у сади
Трава посухая,
За поганимъ человѣкомъ
Жена пропадая.
Въ огородзи мята,
За городомъ мята,
На улицы гарны хлопцы,
Молоды дѣвчата.

(Д.).

115. Въ рѣцѣ вода лялѣя,
Писаръ гуси гоняя.
Эй, эй, о—хо—хо,
Писаръ гуси гоняя. *)
Писаръ гуси гоняя,
На дѣвчушекъ моргая.

*) Припѣвъ къ каждой строфѣ съ повтореніемъ 2-го стиха.

Вы дзѣвушки—красотушки,
Накажице паненцы,
Накажице паненцы,
Што въ чирвоной сукенцы,
Пушай мене не жде,
Пушай замужъ иде,
Нехай мене не любить
Своихъ лѣцеу не губить.
Дзѣука тое зачула,
Въ вишнёвый садъ скочила,
Накопала кореня
Съ—подъ бѣлаго камня,
Перемыла у рѣцѣ,
Приставила въ молоцѣ,
Присунула до жару,
Кипи корень помалу.
Еще корень не укипѣу,
Писарь къ дзѣуцы прилецѣу.
А чего-жъ ты прилецѣу?
А ты-жъ мене не хацѣу.
А што тебе принесло,
О ци човенъ, ци весло?
Мене привѣзъ сивый конь
Къ красной дзѣвушкѣ въ покой.

(Д.)

116. Ой да не спится не дремится,
Голова моя болиць,
Ой никого мнѣ не жалко,
Жалко тройки вороной;
Жалко тройки воли вороной,
Молодого ямщика.
Ямщикъ у доми не бывая,
По Россіи поѣжжая.
Всю Россіюшку Ваня проѣхау,
Лутшей Маши не нашоу.
Бнѣ зъ Россіи вороциуса,

Живой Маши не застаю,
Лежиць Маша у свѣтлицы,
У свѣтлицы подѣ окномъ:
Вся головушка у цвѣты убрана,
Грудзь накрыта китаёмъ.
Я китаечку открюю,
Хоць на Машу посмотру,
Въ ручки, въ ножки поцѣлую,
Въ ея бѣлое лицо.
Пушай Маша не жалкуя,
Што быу Ваня подлецомъ.

(Д.)

117. Да усѣ хмарочки да по парочки,
Одна хмара розна.
Да свариць мене моя мамочка,
Што я хожу позно.
О хоць ты свари, о хоць не свари,
Ты мене не научишь.
Кого вѣрно люблю,
Ты мене не разлучишь.

(Д.)

118. Росла, росла трава зеленая,
Расцилалась по земли.
Расцилалась по земельцы,
По круценькимъ бережкамъ.
Нихто травушки ни косиць,
Нихто ее не сожнець;
Нихто дѣвушки не любиць,
Нихто замужъ не берець.
Якъ я была у малыхъ лѣтахъ,
Зѣ ойцомъ, зѣ матушкой спала,
А цеперь я пребольшая,
Пожалуйце молодойца...
Хмары цѣмны, тучи грозны
Всѣ й подѣ небесахъ идуць,

Хороши наши ребята—
На ученъе сами йдуць;
Ены идуць машеруюць,
Сами съ собой говораць:
Трудно, трудно намъ, ребята,
Пребольшой городъ узяць,
Еще-жь было потруднѣй-же,
Якъ подъ пушки подбѣжаць.
Якъ подъ пушки подбѣжали,
Разкричалися мы вразъ.
Михаиль. нашъ князь великій
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
Вы палице, братцы, не робѣйце,
За морями знаюць насъ!
Окаянные пранцузы,
Покарицесьа вы намъ!
Якъ не будзеце карится,
Мы порубимъ васъ, побѣмъ;
Мы порубимъ васъ, побѣмъ,
У Россію жиць сошлѣмъ.

(Д.)

119. Поглядзице, братцы, за моремъ погодушка,
За моремъ погодушка, сильна безуремене.
Уже намъ, братцы, горе надокучило,
Жоутые пески зъ мора вытаскаючи,
Крутые береги, братцы, выроуняючи.
Тамъ да гуляла красная дѣвушка,
Красная дѣвушка—дуца Палагеюшка.
Ена гуляла, ена умывалася,
Лицу своему бѣлому дзивовалася:
Кому-жь, мое личико, кому-жь призастанешься?
Ой ци тому ся, братцы, полковничку,
Ой ци тому ся, братцы, невольничку,
Што сѣдзиць въ корчмѣ, сѣдзиць напивается,
Придзе до дому, со мной разбивается,

Своимъ родомъ выхваляется:
Ой мой родзе съ панами Ёдзе,
А твой родзе съ старцами ходзишь.

(Д.)

120. Сторона моя, старонка,
Развесёла сторона,
Што по табѣ по старонцы
Росли зелены лужка.
Што по тыхъ же лужочкахъ
Разливалася вода,
Разливалася, напоунялась
Ровно съ крутымъ бережкомъ.
Зроблю я нову лодку,
Переѣду я къ милой
Переѣхауши къ милой,
Устрою церемъ цесовой;
Устроиуши цесовъ церемъ,
По садочку похожу;
Походзиуши по садочку.
Разны цвѣты разсажу;
Разсадзиуши разны цвѣты,
Русы волосъ расчешу;
Расчесауши русы волосъ,
Вижу дѣвушку въ глаза.
Здрастуй, здрастуй, красавица,
Давно я тебе видаль,
Якъ думау я женицца,
Намѣронъ я васъ узяць, 2.
Не посмѣю вамъ сказаць.
Женись, козакъ, женись, бурлакъ.
Женись, удалый молодець.
Вотъ не може тому статья.
Штобъ я была за тобой.
Якъ я была въ малыхъ лѣтахъ,
Насмѣяся ты зъ мене;

Якъ цеперь же уразумѣла.
Отыдзи прочь отъ мене.

(Д.)

121. Граю, граю на гитары,
Граю, граю, веселюсь.
Нихто горесци не зная,
Якъ я зъ милымъ расстаюсь.
Запалю я лампу—свѣчку
На всю млада цѣмну ночь.
Гари, гари, лампа—свѣчка.
Гари, гари, не згасай,
Ты жъ, мой дружокъ любезный.
Часто въ госци заѣжжай;
Накажи мойму батюшку,
Што я въ горесци живу
За сцѣною каменною,
За рѣшоткой драцяной.
Ой вы, ракиковы кусточки,
Прихилицесе къ земли;
Вы, звѣри мои, соболѣчки.
Выходзице вы ко мнѣ,
Расцерзайце цѣло бѣло.
По ракиковымъ кустамъ,
Разолице кровь гарачу
Всѣ по жоуценькимъ пескамъ.
Положице моѣ сердце
На серебрянный поднось,
Занесице моѣ сердце
Къ мойму милому дружку.

(Д.)

122. Унадзиуся, унадзиуся, унадзиуся
Да соколъ до чайки,
Да што у ее горѣлки ни чарки.
Гэта табѣ, чаечка, за тое,

Да што твое крыльейко рябое,
Гэта табѣ, чаечка, заплата,
Да што твоя голука чубата.
Ой тамъ дзѣўка, ой тамъ дзѣўка
Пшениченьку жала
І къ зелёному дубу позирала.
Яжъ думала, яжъ думала,
Што дубъ зелененькій.
Ажно вышоу козакъ молодзенькій.
Козаченьку, козаченьку, козаченьку,
Господъ Богъ съ тобою,
Выведзь мене млоду на дорогу.
Коли будзешь вѣрнымъ дружкомъ зваці,
Велю хлопцамъ дорогу указаци.
Хоць я буду у лузи ночеваці,
А не буду вѣрнымъ дружкомъ зваці.
Помолюся я святому Богу,
Ци не выйду сама на дорогу,
Поклянуся я святой Миколи.
Што не пойду по грибцы николи.
Бодай тые грибцы не родзили,
Кабъ дзѣўчата по ихъ не ходзили,
Да по цёмныхъ лужкахъ не блудзили.

(Д.)

123. Не шуми дуброва,
Не шуми зелёна,
Не задавай серцу жалю,
Што я у чужомъ краю.
Ой я у чужомъ краю,
Якъ на пожаринѣ,
Нихто жъ мене не жалѣя
При лихой годзинѣ.
Нихто мене не жалѣя,
Ни оецъ, ни маці,
Только-жъ мене той жалѣя,
Хто захоче узяці.

Плыви, плыви, сѣра утка
 Противъ воды хутко,
 Да не кажи мойму роду,
 Што я тутъ горую,
 Да скажи ты мойму роду,
 Што я тутъ паную:

Мое панованье—
 Цяжкое вздыханье.
 Выжь мои раскошечки—
 Дробныя слёзочки.

Да говораць людзи,
 Што я не журуся:
 Якъ выйду я за ворота,
 Такъ зъ вѣтру валюся.

Да говораць людзи,
 Што я не плачу,
 А якъ выйду на улицу,
 Сцежечки не бачу.

(Д.)

124. Бероза, бероза, зелѣная, кудрава,
 Што тебе, бероза, сѣкуць да рубаюць?
 Мене молодую хто хоче ругая.
 Ой нудно мнѣ, тошно да на моемъ серцу,
 Што мой миленькій со мной не говориць;
 Со мной не говориць, по вечоркахъ ходзиць,
 И къ бѣлому свѣту да дому приходзиць.
 Ёнъ ложится спаці вперокъ короваци,
 На хату вочима, а къ сцѣнѣ плечима.
 Устань, устань, милый, я тебе раззую,
 Я тебе раззую, въ личко поцѣлую.
 Оступися, жонка, оступися, шельма,
 Я не съ такими ночку пересѣдзая,
 Ночку пересѣдзая, на ихъ перегледзая.
 Хоць у тебе, милый, и три и четыры,
 Но я старшѣйшая надъ ими усими:
 Я съ тобою, милый, въ косцели стояла,

Въ косцели стояла, персцѣнки мѣняла,
Персцѣнки мѣняла, Богу присягала.

(Д).

125. Горе горе, пребольшое:

Зъ гора ноженьки не ходзяць,

Ручки дзѣленька не робяць,

Сонъ головушку хилая,

Мене милый покидая,

Самъ на войну уѣжжая,

Мене въ гори покидая

Всё зъ дробными дзѣточками.

Дзѣтки мои дробненькіе,

Служки мои вѣрненькіе,

Безъ поры мене ссушили,

Серце мое выкрушили,

Красоту зъ лица змѣнили.

Красота моя прекрасна,

Только доленька нещасна.

Выйду млода за ворота,

Ажно лециць воронъ чорный,

Воронъ чорный, бѣлокрылый,

Пытається: дзѣ твой милый?

О, мой милый у забоци,

У государа на работи:

У дзень ходзиць—ружьѣ носиць.

Въ ноци ходзиць—калауриць,

Калауриць, люльку куриць.

Люлька моя золотая,

Жонка моя молодая,

Я покинуу тебе у гори,

Якъ уточку у синемъ мори.

(Д)

126. Ой што-жъ кому да за дзѣла,

Што я зъ милымъ сѣла.

Вотъ я сѣла посидѣла,

Пісеньку запѣла:
Развивайся, клѣнь дздравый.
На четыре листы,
Любиу барынь трохъ дѣвчонокъ,
Ёнь не мѣу корысци.
Одна пошла зимой замужъ,
А другая у лѣтку,
А трейця черноброва
У лѣсь по чернушку.
Чернушечки не набрала,
Ой Боже-жъ мой милый,
Што у той же дзеревенцы
Казакъ чернобривый.
Его шапочка боброва,
Голоука съ кудрами,
Его личинько бѣленько,
Сапожки сафьяны.

(Д.)

127. Доня моя милая,
На што глупа здѣлала?
Любила Ваню, бросила.
Матка моя родная,
Якъ же мнѣ его любить,
Коли мое сердце не церпиць.
Што дзень вижу пьянаго:
Ёнь за столикомъ сидзляць,
Зелёное вино пье,
Молодая жонка йдзе.
Ступай, пьяница, домой!
Пропиу мое имячко,
Пропиу бѣлое личко,
Изъ головушки платокъ,
Съ правой руки персенёкъ.

(Д.)

128. Цёмна ночка да не видная.
Головочка моя бѣдная!
Дзѣжъ я буду да ночеваци,
Што я буду да вечераци?
Вечерацьму да шуку—рыбу,
Шуку—рыбу да й осетрину.
Коня пушу да на долину,
А самъ лягу да й отпочину.
Ой тамъ дзѣука да жита жала,
Жита жала да пшениченьку,
Меня будзиць да пьяниченьку:
Устань, милый, бо татары йдуць,
Татары йдуць, коня возьмуць.
Коня возьмуць, конь другій будзе,
Цебе забьюць, то намъ жаль будзе.
Ой дзѣучина, сердце, рыбчина,
Ци ты мене да такъ вѣрно любишь,
Што ты мене да заране будзишь?
Штобъ я тебе да не любила,
То бъ я тебе да не будзила.

(Д.)

129. О, ты поле, поле чистое,
Поле чистое, неуродливое,
Только породило кустъ ракитовый.
Ой на кусцику—соловеюшко,
А подь кусцикомъ—сацдаты молодой.
Посцелька его—шоукова трава,
Въ головахъ у его—шляпа черная,
У грудзи его—пуля быстрая,
А при боку его—шабля вострая.
Въ головахъ стоиць сивый конь его.
Ой, ты конь мой, конь, ты товаришь мой,
Отвези жъ ты поклонъ къ ойцу мацери моей
Не кажи жъ ты, коню, што я убитый лежу,
Да скажи ты, коню, што я въ войску служу,

Што я въ войску служу, я жениться хочу
Оженила мене куля быстрая,
Одружила мене сабля вострая.

(Д.)

130. Выйду, выйду за ворота,
Покачу ведзерце.
Выйдзи, выйдзи, душа радосць,
Да поцѣшь мое сердце.
Да мое сердце вельма мляво,
Лучше-бъ я его не знала.
Да коля луга, да коля цѣмна
Сизъ голубъ летая;
Ёнъ летая, ёнъ пытая,
Да голубки шукая:
Да сизые два голубчики,
Ци не видѣли да мае голубки?
Да скажи, скажи, да голубчику,
Якая твоя голубка?
Да сама сиза, да бѣлы крылья,
А личко, якъ калина.
Полецѣла да твоя голубка
У чистое поле;
Сѣла. пала да голубочка,
Коля синяго мора.
Да вмывается да голубочка
Морскою водою,
Да уцирается да голубочка
Русою косою.
Расци, коса, до пояса,
Я буду чесаци.
Да любю барынь дѣвуку,
Да стау покидаци.
Да любю три годы й недѣльку,
Якъ пришлось браци,
Такъ стау покидаци.

(Д.)

131. Коля луга хожу, своего друга гляжу.
Ой, друже мой, друже, любилися дуже;
Любилися дуже да четыре года,
А не бачилися четыре недзѣльки,
А въ одну недзѣлю разомъ заболѣли.
Казаченько лежиць у зелѣной дубрави.
Дзѣучиночка лежиць у новой каморы.
Дзѣучиноццы носяць ѣсци, пици досыць.
Казаченько лежиць, зимной воды просиць:
Земля моя земля, дай воды напиться,
Ци ни покинуу бы по дзѣучинѣ журиться.
Да у недзѣлю рано звоны зазвонили,
Дзѣучиночка бѣдна своей матки просиць:
Послухай, matka, ци усѣ звоны звоняць.
Коли усѣ звоняць, казака хороняць;
Коли у половинѣ, будзе й по дзѣучинѣ.
Дзѣучиночка бѣдна своей матки просиць:
Поховай насъ, matka, да въ одной могилѣ,
Положи насъ, matka, впоручь головами,
Штобъ была размова на томъ свѣцѣ зъ нами.

(Д.)

132. У поли калина
Зъ вѣтромъ говорила:
Повѣнь вѣцерь, повѣнь буйны,
Штобъ я не совяла.
У поли дубочекъ
Зродзиу желудочекъ,
Якъ не вижу миленькаго,
Болиць животочекъ.
Ой у поли хвойка
Изломила голька.
Якъ не вижу миленькаго,
Такъ болиць голоука.
Ой у поли жито
Зелѣное збито,

Подъ бѣлою берозою
Казаченько убитый.

Ой убитый, убитый,
Да укинутый у жито,
Чирвоною хустынькою
Оченьки накрыты.

Ой пришла дзѣучина
Съ черными очима,
Да подняла хустыночку
Да й заголосила.

Ой пришла другая,
Совсѣмъ не такая,
Да подняла хустыночку
Да й поцѣловала,

Неживому казаченьку
Всю правду сказала:

Ой устань, казаче,
Устань, молодзенькій,
Ходзиць, блудзиць по дубровѣ
Твой конь вороненькій.

Ой нехай ёнь ходзиць,
Хоць и заночуя;
Ёнь до маи миленькой
Дороженьку чую.

Ой нехай ёнь ходзиць,
Покуль напасется;
Нехай моей миленькой
Лёгонько икнется.

(Д.)

133. Пошла дзѣука къ цѣмному броду по воду,
Приблудзила къ цихому Дунаю и къ бору.
А жъ тамъ звощикъ, перевощикъ молодой.
Ой ты звощикъ, перевощикъ молодой,
Перевези да й да матушки родной,
То я табѣ за перевозъ заплачу.
Дамъ я табѣ всё й ядбабненькій платокъ,

Еще къ тому атласовый поясокъ.
Не хочу твойго ядбабнаго платка,
Не хочу твойго й атласна пояска,
Только хочу съ тобой подъ шлюбомъ стояць
И серебряны персцѣнки помѣняць.
Лутше буду я у мори потопаць,
Якъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць:
Лутше буду кременны горы копаць,
Чимъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць.
(Д.)

134. Малолѣтна дѣвчоночка
Научилася страдаць.
Страдай, страдай дѣвчоночка,
Еще въ лѣтахъ молода.
Въ гѣтыхъ лѣтахъ будзешъ вѣдаць
Всѣ любовныя дѣла.
Мнѣ подружки говорили,
Што милого очень жаль,
А я свойго миленькаго
Запросила ночеваць:
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Хотя ночку у меня.
Ой радъ бы я, моя мила,
И двѣ noci ночеваць,
Да боюся, моя мила,
Штобъ до свѣту не проспаяць.
Не бойсь, не бойсь, мой миленькій,
Я сама рано встаю,
Я сама рано встаю,
Цебе дружка обужу.
И обудзила, проводзила,
Дзѣ сканчалася любовь.
Дзѣ сканчалася, распрощалася,
Такъ тамъ рѣчка процекла.
Молодая дѣвчоночка

Пала грудзью на воду:
Празь тебе я, мой миленькій,
Празь тебе я утону.

(Д.)

135. Вечеръ цёмный, (2)

А ночка видная;
Бацька добрый, (2)
А матка лихая,
Не пушай на улицу.
Што я молодая.
Пусци, маці, (2)
Я не забаўлюся,
Только хлопцамъ добраночъ дамъ.
И назадъ вернуся.
Да расчесау барынь кудри,
А дѣвчина косу,
Да пожану сивы волы,
На раннюю росу.
Пасицеса, сивы волы,
Не бойцеса воука,
А я пойду до дѣвчины,
Бо болиць голоука.
Напасвились сивы волы
И усѣ у радъ постали:
Да дзѣ тые оратые,
Што нами орали?
Пошли наши оратые,
Пошли у косарину,
Покосили руту—мяту,
Погребли на сѣно.
Бодай сѣно коломъ сѣло,
Коса зломилася,
Якъ у мойго миленькаго
Ручка утомилася.

(Д.)

136. Ой, волы мои все й половые,
Чаму сами не ореце?
Ой дѣта мои молодзенькіе,
Чаго марно йдзецце?
Ой я на волы повью поводы,
А на коники пута.
О кали бѣ не ты, сердце дѣвчина,
То бѣ не быубы я тута.
Ой въздзи, въздзи, ясенъ мѣсячикъ,
Якъ млиновое коло.
Ой выдзи, выдзи, сердце дѣвчина,
Поговоримъ мы съ тобою.
Ой рада бѣ я выйць, рада бѣ говориць,
Объ насъ людзи гвораць.
Ой нехай судзяць, нехай гвораць
Хоць по цѣлому свѣту.
Я тебе любиу и цюбиць буду,
Мой ты дороги квѣту.
Мала пташечка маленькая
По былиноццы скаче,
Дурна дѣвчина неразумная,
По казаченьку плаче.
Ой я не плачу, я и не тужу,
Сами слѣзоньки льются,
Што отъ милаго листочка нема,
Отъ немилаго шлются.
Ой кали бѣ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣда за бѣдою,
То бѣ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Хоць я й за водою.
Ой калибѣ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣдонька докучила,
Тобѣ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Штобѣ я тутѣ не скучила.

(Д.)

137. Зъѣдзиу коня, зъѣдзиу вороного,
Да скажи, сердце, правду,
Да ци будзе што съ того,
 Да ци будзе, да ци не,
 Да не суши сердца мнѣ.
Да покинь, дѣвка, годзи жартоваци,
Да пойдземъ до косцѣла
Съ тобою шлюбъ браци.
 Да свяжучь намъ ручки стулою,
 Да будземъ жици съ тобою.
Да цеперь ты кажешь, што зоронька ясна,
А потымъ ты скажешь: долечка нещасна.
Да цеперь берешь и дужу й здорову,
Самъ же ты видишь по очкахъ весѣлу,
 А бронь Боже недуги,
 То ты помыслишь о другихъ.
Скарай мене Боже на души, на цѣли,
Коли я помыслию объ иншихъ тебе.
 Скарай мене Боже найвысшій,
 Коли я помыслию объ иншихъ.
Да не скажешь ты, то маци:
Было мене бѣдной не браци,
Бо у мене посагу не было й не будзе.
 Бо у мене посагу я сама,
 Якъ на небѣ ясная зара.

(Д)

138. За моремъ далѣкимъ,
Межь горъ высокихъ,
Гдѣ моя любезная Машенька живець,
Ой съ той стороны воздухъ пріятный несець.
Ой радъ бы я засцигнуць, правды распитаць.
Когда любишь вѣрно, люби ты мене;
А когда не любишь, убью самъ себе,
Самъ себе убью, въ сыру землю йду.
Пушай людзи скажучь, што я боленъ быу,

А того не знаюць, што серце скрушиу.
Бо старыя людзи не разсудливы:
Знаць ены молодыми знаць не бывали,
Знаць ены любви знаць ены не знали;
Только ены знаюць, што я веселиуся,
А того не знаюць, што серцемъ скрушиуся.

(Д.)

139. Быу у матки одзинь сынъ

Да й той матки не слухау,
Да на войну поѣхау.
Матка сына провела
И зъ жалосци проклѣла:
Бодай сынокъ яворомъ,
А коничекъ каменемъ,
А шапочка купинкой,
А хусточка рѣченькой,
А поясокъ сѣжечкой!
Тудой ишла дзѣвочка...
Ой явору, явору,
Я съ тобою говору:
Будзе на тебе дробный дожджъ,
Еще къ тому зъ вѣтрикомъ,
Твойго голья надломиць.
Твое лисцья обгониць.
Ой дзѣвочка, дзѣвочка,
Цеперь же ты у бацюшки,
Цеперь же ты молода,
Цеперь же ты хороша;
А якъ пойдзешъ ты замужъ,
Будзе табѣ лихій мужъ:
Твое личко надобье,
Твоихъ косокъ надорве,
Твоихъ слѣзокъ надолье.

(Д.)

140. Долина (3) широкая,
По табѣ, долинушка,
Туманъ разсциляется,
Сонце выкатается,
Зара занимается.
У недзѣлю раненько
Выйду я на улицу,
Стану, подумаю,
Кого я любить буду.
Любила бѣ я женатаго,
Жена будзе сердится;
Любила бѣ холостого,
Холостой оженится,
Любошчѣ перемѣнится.
Буду любить прежняго,
Солдата военного.
Солдатъ будзе у войску служиць,
А я буду здзѣся жиць;
Солдатъ будзе воеваці,
А я буду гореваци;
Солдатъ будзе съ пушекъ биць,
А я буду слѣзы лицѣ.

(Д.)

141. Ой крапива, ты крапивца,
Чаго рано позаивлевала?
Ни сцежечки, ни дорожечки,
Нима миленькому проходочки.
Мой милый су походу йдзе,
За собою пару лошадей ведзе.
Конь буланый попереду йдзе,
Помижи ножекъ буйну голову несе.
Коню, конь буланый мой,
Чимъ на табѣ я цежело сѣджу?
Не сами вы цежелы,
Цежела мнѣ муница ваша.

(Д.)

142. Ходзиу, блудзиу молодой молодчикъ по крутой
горы,

Расчесая русы кудзерки по всей головѣ,
Русые кудзерки расчесаючи,
На чужія на хорошія заглядаючи.
Што чужія да хорошія, якъ рожевый цвѣтъ,
Противъ мои невдашечки въ бѣломъ свѣци нѣтъ.
Возму я невдашечку за бѣлу руку,
Поведу невдашечку на круту гору,
Кину, брошу невдашечку у вирь головой,
Еще трошка почекауши и самъ за тобой.
Остается конь вороненьки, сѣдзельшко,
Только сѣси да поѣхаць икъ сцю на совѣтъ.
Дзень добрый, мой цесцюхно, да й на добрый дзень.
Здоровъ, здоровъ, мой зяцюхно, да й на довги вѣкъ.
Отдау дочку да невдашечку только на семъ лѣтъ.
Трудно, трудно, мой цесцюхно, безъ невдашечки,
Десятая да недзѣлечка безъ рубашечки.
Бодай же ты, мой зяцюхна, семъ лѣтъ не дабыу,
Якъ ты мою паненочку изъ свѣту згубиу.

(Д.)

143. Возлѣ рѣчки, возлѣ гаю,

Возлѣ цихаго Дунаю,

Берѣза кудрявая

Надъ рѣчкою стояла.

Тожъ не берѣза,

Тожъ не кудрява

Надъ рѣчкою стояла.

} прип.

Ой тамъ казакъ, ой тамъ млоды

Стаду коней наповау. Береза и т. д.

Стаду коней наповау,

На красну дѣвку моргау. Береза...

Поможи, поможи, красна дѣвка,

Стаду коней мнѣ загнаць. Береза...

Ой рада бѣ я помощи,

Да боюся бацюшки. Береза...
И боюся бацюшки,
И худой славушки. Береза...
Мене бацюшка не пабьёць,
Худа слава такъ пройдёць. Береза...
Худа слава такъ пройдёць,
Нихто замужъ ни возьмёць. Береза...
(Д.)

144. Скука мнѣ, досада,
На улицу не йду.
Ёнъ шельма не зная, } 2.
Што я его люблю. }
Не любиць зломучицель,
Чаго мнѣ больше ждаць?
Кащицеса. горки слёзы, } 2.
Кащицеса изъ глазъ. }
Напрасно я страдаю,
Журу сама себе;
Я про гэта знаю. } 2.
Не любиць ёнъ мене. }
Якъ у поли вѣцерь
Всё одно цвердиць.
Такъ ёнъ зъ моей доли } 2.
Смѣется и шуциць. }
Смѣйся ты, безсовѣсный,
Смѣйся надо мной,
Богъ тебе накаже } 2.
Нещасною судьбой. }
Нещасною судьбой,
Невѣрною дружбой,
Невѣрною дружбой, } 2.
Нелюбою женой. }

(Д.)

145. Нихто того не вознау,
Да хто у мене ночевау;

Ночевау же папоу сынъ,
Даровау же коней семь.
Дурна была не брала:
Шесцёркою катала-бъ,
А семаго продала-бъ,
Да звощика наняла-бъ.
Звощикъ, баринъ молодой,
Ведзи коня да й напои,
Дзѣ криничная вода,
Тамъ дзѣучина молода.
Ой, дзѣучина молода,
Люби мене молодойца.
Хозь я хаты не маю,
Женицися думаю.
Роби хату зъ лебеды,
Да у чужую не ходзи:
Чужа хата не своя,
Гоняць съ хаты гультая.
Вѣщеръ дуба хилля,
Дзѣука воду цягая, (2)
Баринъ дзѣуки пытая.
Не пытай ты мене,
Не кохау ты мене;
Кохау мене татка
И родная матка.
Давелося дураку
Руки поцираци.
Поцирай, негодзай,
Коли давелося,
А мнѣ млодзѣ—молодзѣ
Такъ и осталося.

(Д.)

146. Охъ ты моя бражечка зелёная,
А хто жъ тебе бражечку будзе пшци?
Поѣхау Иванечка въ городочекъ
На малое времячко, на часочекъ,

За имъ, за имъ Машечка во слѣдочекъ.
Гнала, гнала Машечка, не догнала,
Въ вишнёвый садочекъ забѣжала.
Въ вишнёвумъ садочку вишня зелёная,
На вищанцы яблачко чирвоное.
Гнула, гнула Машенька, не нагнула,
Пріѣхавъ Иваночка, дакъ не чула.
Устанъ, устанъ, Машенька, пробудзися.
На мою колясочку подзивися,
Што моя колясочка не простая,
Што моя колясочка золотая.

(Л.)

147. Дѣвушка моя прекрасна,
Лицомъ бѣла и хороша.
Жисць наша съ тобой нещасна,
Што влюбиуся я въ себя;
Улюбюся, укахауся
Въ твое бѣлое лицо.
Колько съ тобой я не знауся,
Знаць тобою не владѣць.
Не мѣу бы я лѣпшаго щасця—
Сизы крылушки у себе:
Встрепенуся, полецѣу бы
У вишнёвый садъ гуляць
У вишнёвумъ садочку
Дѣвушки гуляли,
Распрекрасну, расхорошу
Пѣсеньку играли.
Сѣу бы я, посѣдѣу бы
На твое право плечо,
Посѣдѣу бы, посмотрѣу бы
На твоё бѣло лицо.
Посѣдѣуши, распросиу бы
Про здоровье про твоё,
Ци жива и здорова,
Ци весѣленько живешъ,

Когда мене, любезная,
Къ сабѣ въ госци зазовешъ.
Я дужа и здорова,
И весѣленька живу;
Когда придзе часъ—уремя,
Тогда въ госци зазову.

(Д.)

148. Ой лецьла пава,
Середь двора пала,
Траву разгортала,
Сокола шукала.
Соколе мой ясный—
Молодець прекрасный.
Козаче до хатки,
Пытається у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя“?
— „Пошла моя донька
Пшениченьку жаци“.
Козакъ до пшеницы,
Не нашоу дѣвицы;
Козаче до хатки,
Пытається у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя“?
— „Пошла моя донька,
Пошла до коморы,
Пошла до коморы
Посцель бѣлу слаци“.
Козакъ до коморы
И знашоу дзѣвицу:
„Дзѣвица сиротка,
Не сцели широка!
Посцели узенько,
Полягамъ близенько.

Будземъ говорици,
Якъ на свѣцѣ жици,
Будамъ размовляци,
Якъ ночь коротаци“.

(Д.)

з) *Любоничи. Бобр. уезда.*

149. Бѣлая берозочка голѣя опускала,
Чаго мене молодую замужъ покрутила!
Я у своего татуля не упила, не уѣла,
Я не упила, не уѣла, хорошо не походзила.
Только лѣты молодые свае потрацила.
Ой выду я молодая за ворота,
Покочу я два тарали (=талера) по дорозѣ.
Одзинъ тараль покациуся. другий призостауся,
Гдѣ мой милый, другъ любезный зъ другоюраспознауся.
Што мене молодой милый очурауся.

(Г.)

150. Да выду я за ворота,
Ажно луги да болоты;
Да выду я за другіе,
Ажно мое сердце ные,
Ано ные, понывае,
Любиць милый, покидае.
Да на дворѣ снѣгъ бѣленькій,
Ѣдзе, Ѣдзе мой миленькій.....
Яка дзѣука чорноброука
У вороцяхъ стояла?
Охъ ты дзѣука—гордовница,
Не гордуй ты мною,
Будзе твоя руса коса
Подъ моей нагою,
Будзе твоя бѣла посцель
Въ моей новой камори.
Будзе твоя посцель слатца,

Да слёзы ко мнѣ вливатца.
Будзешь мои ножки мыць,
Да тую воду будзешь пиць.

(Г.)

151. Гориць серце, разгарае,
Любиць милый, покидае,
 Не могу я жиць,
 Безъ милаго быць.
Милый по улицы йдзе,
Зъ гора пѣсенку пѣе.
Выхадзила свѣтъ—надзежа
Да изъ новаго двора,
 За ручку взяла,
 У горницу увяла.
Посадзила на кроваць,
Стала его спрашиваць:
 Цы ты будешь со мной, милый,
 Ночку ночеваць?
Онъ ничово не говорить,
Посцель слаць не велить.
 Только говорить
 Его проводзиць.
Я съ таго свѣта не устану,
Проводзиць тебе не стану,
 Боюся тебе,
 Обманешь мене.
Ты же мене молода обманешь,
Маю родню осмѣшешь.
 Нельзя вараццѣ
 Къ атцу, къ матушкѣ.
Любилъ, любилъ - не буду,
За полчаса позабуду.

(Г.)

152. Сынку мой, Иване,
Серце мое кохане,

Ти мнѣ тебе жаниць,
Ти мнѣ тебе въ войско подаць?
Якъ я тебе ожаню,
Сама себе узвеселю;
Якъ я тебе въ войско оддамъ,
Сама сабѣ жалю поддамъ.
Выкупи мнѣ, мамонька,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Чецьвѣрту золотую.
У перву трубу затрублю,
Коника сѣдлаючи;
У другу трубу затрублю,
Зъ двора выѣжджаючи;
А у трецюю затрублю,
Серодъ войска стоючи;
У золотую затрублю,
Салдатоу воюючи,
Галауки сцинаючи,
У поле брасаючи.

(Г.)

153. Ходзиць Маша по дубровѣ,
Разчорныя у Маши брови.
Сама Маша говорила,
Пастушка дружка манила:
„Сюда, сюда, пастушочекъ,
Сюда, миленькій дружочекъ,
Не спокинъ мене сирацины
При широкой при далинѣ (*)
Въ лужку однае“.....
За частые кусцики хоронила ся.
Пушай мужъ прійдзецъ....
Не сцерпѣлося сердзечко,
Я промолвила словечко:

*) Дальнѣйшіе стихи сильно испорчены.

Я Машенька здѣсь.
 Онъ началъ зваць.....
 Онъ цалуе, размилуе,
 Сваей женой называе:
 Ты жена жъ моя, жонушка,
 Жена, вѣрная служанка,
 Не жджи почеваць;
 Не жджи мене порою.
 Да вечернею зарею,
 Я къ тебѣ приду, усю правду скажу.
 Что жъ, Маша, что жъ ты, хороша,
 Ты Ванюшу любишь, мене кинула?
 Ваня часто разчасценько ходзиць,
 Да гостинчики мнѣ носиць.
 А ты никогда.

(Г.)

154. Журуся, журуся, не знаю чаго;
 Съ миленькимъ разлука, очень цижало.
 Разлучила судьба, судьба далеко,
 Судьба далеко, далеко и высоко.
 Отгуль вѣтричокъ дует, пріятно дуець,
 Дѣѣ моя кралечка, кралечка живець.
 Когда будуць слыхи, слыхи про нее,
 Возьму ее замужь, замужь за себе,
 А слыховъ не будзе, забью самъ себе;
 Я самъ себе забью, у сыру землю пойду.
 Пущай людзи судзяць, што я боленъ быу;
 А того не знаюць, што вѣрно любиу.
 Пущай людзи судзяць, што сестра была,
 А того не знаюць, якъ жена была;
 Пущай людзи судзяць, што рожаона;
 А того не вѣдзяць, што сужоная.

(Г).

155. Соловейка мой размалюсенькій,
 Голосочекъ твой растонюсенькій,

Ты не щелячи, угору летучи,
Не обивай росы, згоры летучи.
Буду щелятаць, сестрица моя,
Обобью росу сестрица моя.
Ти есць у тебе хлѣбъ, ти купляетца?
Ти есць у тебе родъ, ти признаетца?
Есць у мене хлѣбъ, онъ купляетца;
Есць у мене родъ—не признаетца.
(Г.)

и) *Борисовск. у.*

(отъ свящ. Павла Вуколовича**).

156. Ахъ вы сотнички, полковнички,
Вы чините свою волю, што я вамъ позволю.
Выведите коня вороного и усю его збрую,
Ти не заржетъ конь вороной хоть разъ надо мною.
Ти ни услышитъ отецъ матери съ каменной палаты...
Ти ня той же конь вороной по полю гуляить?
Ти ня той же казаченько, што роду ни маить?
Померъ, померъ казаченька у воскресенья рано...
Положили казаченьку у свѣтлицѣ на флауцѣ,
Прилетѣла кукушечка, стала кукувати:
Устань, устань, казаченька, устань, мой миленькій!
Ой радъ бы, радъ бы я устати,—голоуки ни узняти.
Дубовыя да усѣ дошки притиснули ножки,
А жаутые усѣ пясочки притиснули животочка.

(Я.)

157. Ай рѣка, рѣка, рѣка быстрая,
Отчаго жъ рѣка такъ смутна стала?
Чаму жъ мнѣ рѣцѣ не смутитися?
Надо мной рѣкой три роты стоять.
А у первой роти сивый конь иржеть.
Сивый конь иржеть, дарожку чуить.

А у другой роти малайцы пяють,
Малайцы пяють, у паходъ идуть.
А у третей роти шабельки зъвиняць,
Шабельки зъвиняць голоуки стинать,
Дявица плачить: у палонъ берутъ.
Не плачь, дѣвица, не плачь, молода;
Коли жъ буду я да и жениться,
Возьму жъ я тябе за жану свою“.

(Я.)

158. Якъ паѣхау Данилушка во на Русь навойну, *)

Мати яго родитялка листь па листу писала:

„Твоя жана Катярина свою волю узяла:

„Коній твоихъ вороненькихъ позаганивала,

„Мяды твай салодкіе пораспаивала,

„Сукни твай бялёвыя позанашивала,

„Служакъ тваихъ вярнюсенькихъ поэымѣивала,

„Дѣтокъ твоихъ драбнюсенькихъ пораски дывала“.

Вотъ вярнууса жъ Данилушка во со русской войны,

Жонка яго маладая пала у ноги яму.

Вотъ вынуу же Данилушка свой сувострусенькій мечъ,

Ды й сняу же имъ Катяринѣ головушку съ плечь.

Якъ пашау же Данилушка во да стаенки сваей.

Ажъ кони яго вороные пазастаивали.

Якъ пашоу же Данилушка во да клѣти своей.

Ажъ мяды яго салодкіе пазапльсьнивали 2.

Сукни яго бялёвыя пазапыливали.

Якъ пашоу же Данилушка да пакоевъ сваихъ,

Ажъ служки яго вярнюсеньки усѣ тихонька сидять 2.

Да на ручкахъ драбнюсенькихъ дѣточекъ диржать.

Богъ-дай тябе, моя мати, сыра зямля убила,

Якъ ты маю жонку Катярину со свѣту згубила.

(Я.)

*) 2 раза каждый стихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Нѣкоторые варианты къ напечатаннымъ здѣсь пѣснямъ находимъ въ сборникахъ: 1) *Шейна*, Бѣлор. пѣсни, С.-Пб. 1870 (въ сокращеніи—Ш.); 2) *Шейна*, Матеріалы для изуч. быта и яз. рус. населенія зап. края. С.-Пб. 1887 (въ сокр.—Ш. Мат.); 3) *Везенова*, Бѣлор. пѣс. (Бзс.); 4) *Романова*, Бѣлор. сборникъ, I, вып. 1 и 2 (Рм.); 5) *Czeczota*, Piosnki Wiesniacze, Wilno, 1846, и др.

Ограничиваемся указаніемъ главнымъ образомъ бѣлорусскихъ параллелей, хотя можно было бы привести и множество другихъ, въ особенности малорусскихъ.

№ 3. Ш. стр. 292 и 340, № 611. — № 5. Ш. № 616. — № 14. Рм. 342, № 21. — № 16. Ш. 290 и 464, № 37. — № 29. Ср. жнивныя, № 71. — № 30. Ш. № 610. — № 33. Ср. ниже, № 39. — № 48. Рм. 341, № 14. — № 50. Ш. Мат. № 18 — 20. — № 51. Рында — прозвище лѣнливой, нерадивой, неумѣлой женщины, какъ и у Ш. Мат. № 135; не можемъ утверждать навѣрное, то-ли же это слово, что и въ малорус. загадкѣ: „скунда скаче, рында рые“ (ворона и свинья). *Сементовскій*. Малор. заг. 1872. № 342. и *Загрескій*, Старосвѣтск. бандуристь, 232. № 19. — № 52. Ш. № 252. — № 53. Бзс. 152. № 164. — № 54. Ш. № 149 и 155. Бзс. 13, № 15. — № 55. Поется, когда ходять съ козю. Суще ствуетъ выраженіе: „пѣць козла“=щедровать. — № 56. Ср. отчасти Малор. у *Лисенки*, Збирникъ II, № 31; ср. ниже № 126. — № 57. Ш. № 426. Ш. Мат. № 350. Ср. мою „Малор. свадьбу“ № 7 и примѣч. *) — № 58. Бзс. 56, № 99; 157, № 170. — № 59. Поется и какъ веснянка. Ср. № 63 — № 61. Ср. № 62; Ш. № 165; Бзс. 15, № 20 — 1 и 59, № 105. — № 62 Ср. предыд. — № 63. Ср. № 59. — № 64. Ср. литовск. у; *Куршата*, Grammatik der Lit. Sprache, 454, № 7 и примѣч. ib. 463, § 1672. Ш. Мат. № 379; Чечоть 59, № 96, и друг. — № 65. Ср. ниже, № 67. Ш. № 269, 270. Ш. Мат. № 204. Бзс. 49, № 89 и 90; начало ср. у Ш. № 241. — № 66. Ш. № 127. — № 67. Ср. № 65. — № 69. Ш. № 305. Рм. 280, № 1. — № 70. Ш. Мат. № 314. — № 71. Ср. выше свад. № 29. Ш. № 357 — 362. Ш. Мат. № 301 — 309. — № 72. Рм. 284, № 15. — № 73. Ш. № 316, 352. Ш. Мат. № 283. Рм. 443, № 40. — № 75. Ш. № 100 и

*) Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест. Антроп. и Этнограф., . 48, в. 1.

377. — № 77. III. № 381—385. III. Мат. № 316—318, 326. Рм. 286, № 24. — № 78. Покосная. Ср. ниже № 147. — № 79. III. Мат. № 289, 534—6. Рм. 18, № 34. — № 80. III. № 32[?]. III. Мат. № 269, 274. — № 81. Рм. 87, № 40. III. Мат. № 173, 220, 263; начало ср. ниже № 124 и у Бас. 58 № 103. — № 82. III. № 312, 448, 451. III. Мат. № 505. — № 84. Неоконч. Содержаніе напоминаетъ стихи о повстаньи; ср. у М. Дмитріева, Собр. пѣс. сказ., обряд. и обыч. крест. с.-зап. крал. 113, Вильна 1869. № 85. Рм. 244, № 165 и 251, № 208. — № 86. III. № 543. — № 89. III. № 486. — № 90. Рм. 82, № 30. — № 91. Рм. 84, № 34. — № 94. Рм. 130, № 76. — № 95. Ср. начало ниже, № 155 и у Рм. 40, № 75. — № 96. III № 253 и много-малор., нпр. Чубин. V, 242. — № 99. Ср. нач. въ моей „Малорус. свадьбѣ“, пѣс. 115, 171 и примѣч.; конецъ ср. у Рм. 122, № 57 и 420 № 162. — № 100. Оконч. малор. ср. мою „Малор. свадьбу“, примѣч. къ п. 76. — № 101. III. № 452. III. Мат. № 507. Рм. 13, № 26. — № 102. III. Мат. № 364. Бас. 148. № 157. — № 103. III. Мат. № 451—2. Малор. ср. нпр. Лисенка II. № 37. — № 104. Малор., ср. Чубин., 474, № 59. См. Потѣбни, Объясн. малор. и сродн. пѣс. II, 209. — № 105. Малор., ср. начало и мотивъ у Лисен. III, № 20; оконч. ср. въ моей „Малор. свадьбѣ, примѣч. къ п. 257 и у III. Мат. № 40¹, 415. — № 106. III. Мат. № 424. Малор. ср. у Лисен. II, № 25. — № 107. III. Мат. № 173, 220, 263. Рм. 5, № 13. Ср. ниже № 111. — № 109. III. Мат. № 591, 598. — № 110. III. 445. III. Мат. № 463—4. — № 111. III. Мат. № 522. Малор. ср. у Чуб. V. 1208 и въ моей „Малор. свад.“, прим. къ п. 296 Ср. выше № 107. — № 112. Рм. 416, № 156; нач. ib. 154, № 126. Малор., нпр. у Чуб. V. 248. Великор. известная: „Пометь бы я къ Самѣ въ гости“. — № 114. Отрывки изъ нѣсколькихъ пѣс. Малор. у Лисен. I. № 20, III. № 36. и друг. — № 115. III. Мат. № 366. — № 118. Первые 12 стих. изъ другой пѣс. См. мою „Малор. свад.“, прим. къ п. 167 (косты-любить) и къ п. 118. — № 121. Рм. 67, № 7. — № 122. III. Мат. № 287, 419, 425. Ср. Чуб. V. 160, 346—7; Kolberg: Pokucie II, № 194, 237; Zbiór wiad. do antrop. kraj. (Краковъ), II. 3, стр. 261, 3; VII. 3, 190, № 16; VIII. 3. 12. № 19; Жегота Паули. II. 118; Kollár I. 322, № 10. — № 123. Отдѣльные отрывки по-малор. у Лисен. IV. № 27; I. № 18, 9. — № 124. III. Мат. № 473—4; нач. ср. выше № 81. — № 125. III. Мат. № 498. — № 126. Нач. ср. у Рм. 67, № 8; продолж. малор. у Лисен. II. № 31; ср. выше № 56. — № 128. III. Мат. № 387, 398. — № 129. Чечоть, 25, № 42; есть масса вариантовъ на другихъ языкахъ. — № 132. III. № 397. — № 136. Малор.; ср. Чубинск. V, 275, № 540 и 184 № 373; Максимовича. 1884 г., 169; Головац. I. 256; Вацл. зъ Ол. 201 и 434; Лисен. II. № 34. Ср. мою „Малор. свад.“, примѣч. къ п. 61. — № 137. III. № 398. Малор. у Голов. I, 383. — № 138. ср. № 154. — № 139. Для оконч. см. мою „Малор. свад.“, прим. къ п. 76 и 269. — № 141. Рм. 136, № 87. — № 142. Рм. 19, № 36. — № 143. Рм. 341, № 13. — № 145. Ср. отчасти Рм. 258

№ 268; Ш. Мат. № 441. Малор. у Закревск., 95.—№ 147. Ср. выше № 78.—
№ 149. Ш. № 431. Ср. Лисенка Ш. № 35.—№ 154. Ср. № 138.—№ 157.
Три роты, ср. у Потебни, Малорус. пѣсня по спис. XVI в., Ворон. 1876 г.
33; Ш. Мат. № 602.— № 158. Ш. Мат. № 533. Рм. 375, № 113; 400,
№ 161. Чечотъ, 49, № 85.

Ноты прилагаются для слѣд. пѣсенъ: 1, 2, 3, 44—47, 51—2, 56—7,
63, 66—9, 74—5, 85, 97—113, 128, 135—7, 144, 148, 156—8.

Н. Янчукъ.

Москва.

31 дек. 1888 г.

Петербургскія балаганныя прибаутки.

Записанныя В. И. Кельсиевымъ.

Печатаемая здѣсь прибаутки записаны моимъ покойнымъ братомъ Вас. Ив. Кельсиевымъ въ Петербургѣ, весною 1871 года, за полтора года до кончины, и вмѣстѣ съ прочими его бумагами перешли ко мнѣ.

Обычныя въ Петербургѣ народныя гулянья на масляной и на святой недѣлѣ происходили тогда на Адмиралтейской площади; нынѣ они переведены на Марсово поле. Закостюмированныя дѣйствующія лица даваемыхъ въ балаганахъ представлений выходятъ во время антрактовъ на наружный балкончикъ и стоятъ молча. Чтобы гуляющій народъ замѣтилъ ихъ и столпился къ балагану, вмѣстѣ съ ними выходятъ такъ называемый, *старикъ*, нарочно для сего нанимаемый балагуръ, знающій присказки. Старикъ одѣтъ русскимъ мужикомъ въ лаптяхъ и армякѣ; на головѣ у него большой парикъ, накладные усы и борода, сдѣланные изъ чесаного льна, — за пазухой полуштофъ. Старикъ съ разными смѣшными тѣлодвиженіями обращается съ балкона съ рѣчью къ публикѣ, по возможности громко произнося свои шутки. Его каждый возгласъ обыкновенно прерывается взрывами хохота слушателей.

Покойный братъ мой предполагалъ записать эти прибаутки въ Петербургѣ и по другимъ мѣстностямъ Россіи и издать ихъ вмѣстѣ съ біографіями балагуровъ и существующими свѣдѣніями объ ихъ учителяхъ цѣлымъ сборникомъ. Онъ успѣлъ записать прибаутки только отъ двухъ, выступавшихъ въ роли *стариковъ*,

отставныхъ еще бравыхъ солдатъ: Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева. Они оба приходили къ брату и диктовали ему все, чѣмъ умѣли съ балкона потѣшать публику. Въ печатаемомъ въ текстѣ Ивану Евграфову принадлежать номера: 6, 12, 13, 14, 16 и частію 19, всѣ прочіе записаны отъ Казанцева. Старики, повидимому, вносятъ въ рѣчь мало собственного вымысла, а только собираютъ, запоминаютъ и, сообразно случаямъ, группируютъ ходячія простонародныя остроты.

Дѣйствительно, прибаутки эти имѣютъ всѣ признаки народнаго творчества. Мимолетность вниманія гуляющей толпы и трудность громкой рѣчи на холодѣ, при шумѣ, заставляютъ стариковъ быть сжатыми, что придаетъ языку ихъ шутокъ большую силу. Покойный братъ мой смотрѣлъ на эти прибаутки, какъ на остатки балагурствъ старинныхъ русскихъ скомороховъ и потѣшниковъ.

Печатаемый матеріалъ имѣетъ конечно петербургскій колоритъ. Разбирать его можно было бы только сравнительно съ прибаутками другихъ городовъ. Но, сколько извѣстно, даже въ Москвѣ подобныхъ записей еще не дѣлалось, что очень жаль, такъ-какъ народныя гулянья, отъ перенесенія ихъ съ мѣста на мѣсто и отъ возникновенія многихъ народо-просвѣтительныхъ учреждений, утрачиваютъ свои былыя краски. Московскіе зазыватели, напримѣръ, имѣютъ большое отличіе отъ петербургскаго *старика* уже потому, что всегда выходятъ по двое, одинъ одѣтый *русскимъ дуракомъ*, а другой, съ палкой, его *учителемъ нѣмецемъ*.

Я точно скопировалъ записные листы моего брата, въ двухъ-трехъ листахъ смягчилъ слова, опустилъ повторенія, расположилъ тексты въ порядкѣ содержанія, перенумеровалъ и озаглавилъ ихъ, придерживаясь помѣтокъ на оригиналѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ номеровъ неудобныхъ къ печатанію, здѣсь все, что я на-

шелъ въ рукописяхъ брата. Ореографическія неправильности должны быть отнесены къ произношенію.

Александръ Кельсиевъ.

1. Книга.

Вотъ что, милые друзья, я прѣхалъ изъ Москвы сюда, изъ гостиннаго двора — наниматься въ повара; только не рябчиковъ жарить, а съ рыжимъ по карманамъ шарить.

Вотъ моя книга раздвигаетъ. Въ этой книгѣ есть много чего, хотя не видно ничего. Тутъ есть диковинная птичка, не снигирь и не синичка, не пѣтухъ, не воробей, не шеголь, не соловей, — тутъ есть портретъ жены моей. Вотъ я про нее расскажу и портретъ вамъ покажу. Отъ прелести — лесты — сяду я на этомъ мѣстѣ.

Вы, господа, на меня глядите а отъ рыжаго карманы берегите.

2. Свадьба.

Задумалъ я жениться. не было гдѣ деньгами разжиться. У меня семь бураковъ мѣдныхъ пятаковъ. лежать подъ кокорой, самъ не знаю подъ которой.

Присваталась ко мнѣ невѣста, свѣтъ — Хавроньюшка любезна. Красавица какая, хромонога — кривая, лепетунья и зайка. Сама ростомъ не велика, лицо узко какъ лопата, а назади-то заплата, оборвали ей ребяты.

Когда я посватался къ ней, какая она была шеголиха, притомъ-же франтиха. Зовутъ ее Ненила, которая юбки не мыла. Какія у ней ножки, чистыя какъ у кошки. На рукахъ носить браслеты, кушаетъ всегда котлеты. На шеѣ два фермуара, что бы шляпку не сдувало. Сарафанъ у ней французское пике и рожа въ мукѣ.

Какъ задумалъ жениться, мнѣ и ночь не спится.

Мнѣ стало сниться, будто я съ невѣстой на балѣ; а какъ проснулся, очутился въ углу въ подвалѣ. Съ испугу не могъ молчать, началъ караулъ кричать. Тутъ сейчасъ прибѣжали, меня связали, невѣстѣ сказали, такъ меня связаннаго и вѣнчали.

Вѣнчали насъ у Флора, противъ гостиннаго двора, гдѣ висятъ три фонаря. Свадьба была пышная, только не было ничего лишняго. Кареты и коляски не нанимали, ни за что денегъ не давали. Невѣсту въ телѣгу вворотили; а меня, добраго молодца, посадили къ мерину на хвостъ и повезли прямо подъ Тючковъ мостъ. Тамъ была и свадьба.

Гостей-то гостей было со всѣхъ волостей. Былъ Герасимъ, который у насъ крыши красилъ. Былъ еще важный франтъ, сапоги въ рантъ, на высокихъ каблучкахъ, и поганое ведро въ рукахъ. Я думалъ, что придворный поваръ, а онъ былъ французъ Тельдантъ, собачій комендантъ. Еще были на свадьбѣ тараканъ и паукъ, заморской пѣтухъ, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лѣсная лисица, да стараго попа кобылица.

Была на свадьбѣ чудная мадера, новаго манера. Взялъ я бочку воды, да полфунта лебеды, ломоточекъ красной свеклы утащилъ у тетки Оеклы; толокна два стакана въ воду, чтобы пили слаще меду. Стакана по два поднести, да березовымъ полѣномъ по затылку оплести—право на ногахъ не устоишь.

3. Жена.

У меня жена красавица. Подъ носомъ румянецъ, во всю щеку сопля. Какъ по Невскому прокатить, только грязь изъ подъ ногъ летить.

Зовутъ ее Софья, которая три года на печкѣ сохла. Съ печки то я ее снялъ, она мнѣ и поклонилась, да

на трое и развалилась. Что мнѣ дѣлать? Я взялъ мочалу, сшилъ, да еще три года съ нею жилъ.

Послалъ ее къ рынку, купить изъ подъ хвоста грудинку, хрящикъ, самый-то ящикъ. Тамъ фурманщики ее убили, такъ мнѣ досадили, даже слезы покатались, только назадъ воротились. Съ головы вошь свалилась, да съ трѣмъ курамъ драться схватилась; я насилу рознялъ.

Пошелъ на Сѣнную, купилъ за грошъ жену другую, да и съ кошкой. Кошка-то въ грошъ, да жена-то въ барышъ, что ни дай такъ поѣсть.

4. Жена.

Жена моя солидна, за три версты видно. Стройная, высокая, съ недѣлю ростомъ и два дни загнувши. Ужъ признаться сказать, какъ бывало въ красный сарафанъ нарядится, да на Невскій проспектъ покажется—даже извозчики ругаются, очень лошади пугаются. Какъ поклонится, такъ три фунта грязи отломится.

5. Жена.

У меня, голова, жена красавица. Глаза-то у ней по булавочкѣ, а подъ носомъ двѣ табачныя лавочки. У ней, голова, рожа на мой лапотъ похожа. Она у меня, голова, тужа, гдѣ постоитъ тамъ и лужа. И хорошаго, голова, поведенья—изъ Полторацкаго заведенья. Была въ магазинѣ, плела, голова, корзины. Еще, голова, по домашнему я что скажу: щи варить, жаркое жарить, пироги печь, али на печь лечь—и то умѣть. Я, голова, недалеко скажу: вчера она, г., полъ мыла, грязь-то, г., и соскоблила, въ кучу собрала, да мнѣ блиновъ напекла. Вотъ, г., какъ она мнѣ щи варить, въ одномъ горшкѣ два кушанья.

У ней горшокъ съ перекладиной. Въ одной половинѣ

щи болтаетъ, въ другую помои выливаетъ. Я разъ и хлебнулъ, такъ руками и ногами дрыгнулъ. Жаркое жарила въ двухъ плоскахъ, а только все изъ тараканьихъ ножковъ.

Вотъ, голова, жена у меня мальчика родила сегодня, лѣтъ шести весь въ шерсти. Послѣ родовъ и захворала. Я, голова, къ дохтуру; я, г., къ другому. Вотъ, г., одинъ прохожій, вотъ эдакій толсторожій, онъ меня и научилъ, а ужъ я раньше рубли полтора пролѣчилъ. Дай ей, г., порошокъ, который дается до самыхъ кишковъ. Я, г., пришелъ домой и женѣ, г., сказалъ. Она, голова, у меня порошокъ-то и приняла, такъ меня ручкамъ и ногамъ и обняла.

6. Жена страшаетъ.

Мастерица моя жена варить, въ каждомъ горшкѣ по два кушанья. Кашу варить: крупу всыпаетъ, не мѣшаетъ, — такъ въ печь и пихаетъ. Потомъ вынимаетъ, меня старика-то ѣсть и заставляетъ. Со старости не разберу, все съ горшкомъ и уберу.

Мастерица печь пироги и короваи, пекетъ всегда въ сараѣ. Готовить въ кухнѣ, чтобы больше пухли, съ начинкой, съ телячьей овчинкой, съ лукомъ, съ перцемъ, съ селедочными головками, съ яичной скорлупой, съ собачьей требухой—во какой! Съ одного конца разорвалося, по всей деревнѣ раздалося. А ѣсть только свиньѣ удалось. Рыжій облизывается, вѣрно попробоваль.

Мастерица хлѣбы печь. Становить съ вечера на дрождахъ, утромъ подымаетъ на вожжахъ. Сажаетъ на лопатѣ, вытаскиваетъ на ухватѣ. Сажаетъ два, а вытащить тридцать два. Да что и за хлѣбы! Снизу подопрѣло, сверху подгорѣло, съ краевъ-то прѣсно, въ серединѣ-то тѣсто. Не рѣжь ножичкомъ, а черпай ло-

жечкой. Я со свиньей перебиралъ, да рыло все перемаралъ.

7. Обѣдъ.

Что случилось со мной наемднн, когда бабушка ушла къ обѣдни. Зажегъ я свѣчку, полѣзъ съ Акулькой на печку. Мнѣ не спится и не лежится, на брюхѣ ничего не вертится; я на тотъ бокъ, на другой бокъ, все не спится. Думалъ—думалъ: отчего? Какъ на брюхо-то погляжу, а я не ѣвши лежу. Съ печки то я соскочилъ, да три хлѣбца и обточилъ.

Проклятой женѣ что-то и не понравилось. Она меня голоднаго увидала, какъ сабакѣ въ чашку говядину накидала, и къ этому припасу налила рѣпнаго квасу. Это все хорошо, только ложка была узка, таскала по три куска. Надо-бы ее пошире развести, чтобъ таскала кусковъ по шести. Поѣлъ то я слегка, раздуло какъ телка. Ни Богу помолиться, ни къ стѣнкѣ прислониться. Живь-то-живь,—а если я умру, на тебя, рыжій, столько чертямъ навру. Ты думаешь, буду я въ аду, а я тамъ буду съ чертями въ ладу. На томъ свѣту соломенную шляпу тебѣ, рыжій, сплету.

8. Домъ.

Вотъ я, голова, семь лѣтъ дома не бывалъ и оброка не плачивалъ. Приѣхалъ домой, свой домъ поправилъ, четыре снняка сосѣду подставилъ. Мой домъ каменный, на соломенномъ фундаментѣ. Труба еловая, печка сосновая, заслонка не благословленная, глиняная. Въ домѣ окна большія, буравомъ наверхенныя. Черная собака за хвостъ палкой привязана; хвостомъ лаесть, головой качаетъ, ни чего не чаесть. Четверо воротъ, и всѣ въ огородъ. Кто мимо меня ѣдетъ, ко мнѣ заворачи-

ваетъ, я карманъ выворачиваю. Такъ угощаю, чуть живыхъ отпущаю.

Былъ я тогда портнымъ. Иголочка у меня язовенькая, только безъ ушка—выдержать ли башка? Какъ разъ стегну, такъ кафтанъ-шубу и сошью. Я и разбогатѣлъ. У меня на Невскомъ лавки свои: по правой сторонѣ это не мое, а по лѣвой вовсе чужія. Прежде я былъ купцомъ, торговалъ кирпичемъ и остался ни при чемъ. Теперь живу день въ водѣ, день въ дровахъ и камень въ головахъ.

9. Звѣринецъ.

Былъ я въ звѣринцѣ. Ну ужъ тамъ удивленье. со звѣрями представленья. Тамъ медвѣдь боролся съ козой. Коза не выдавала, медвѣдю въ зубы поддавала. Вотъ на что поддалась она—въ помощь привели слона.

Тамъ много было народу, смотрѣли на урода, — и я взялъ мысли такія, посмотрѣть какъ и другіе. Я смотрѣлъ не одинъ, былъ съ невѣстой, какъ господинъ. Мы смотрѣли больше на слона.

Вотъ какъ слонъ съ медвѣдемъ началъ биться, — коза бросилась топиться. Я вижу, что намъ не мѣсто: пойдёмъ домой, невѣста. Она захлопотала: посидимъ покуда. А насъ и выгнали оттуда.

10. Баня.

Я по Невскому шоль, четвертака искалъ, да въ чужомъ карманѣ рубль нашель, едва и самъ ушель. Потомъ иду да подумываю.

Вдругъ навернулся купецъ знакомый да нездоровый. только очень толсторожий. Я спросилъ: Дядюшка, въ которой сторонѣ деревня? А онъ мнѣ сказалъ: у насъ деревни нѣтъ, а все лѣсъ. А я къ нему въ карманъ

и влѣзь. Онъ меня взялъ да въ баню и пригласилъ. А я этого дѣла не раскусилъ: я на доровщинку и самъ не свой.

Приходимъ мы въ баню. Баня-то баня—высокая. У воротъ стоитъ два часовыхъ въ мѣдныхъ шапкахъ. Какъ я въ баню-то вошелъ, да глазомъ-то окинулъ, то небо и увидѣлъ. Ни полка, ни потолка, только скамейка одна. Есть полокъ, на которомъ чертъ орѣхи толочъ. Вотъ, голова, привели двоихъ парильщиковъ, да четверыхъ держальщиковъ. Какъ положили меня дружка не на лавочку, а на скамеечку, какъ начали парить съ обѣихъ сторонъ гладить. Вотъ тутъ я вертѣлся, вертѣлся, насилу согрѣлся. Не сдержалъ, караулъ закричалъ. Банщикъ то добрый, денегъ не просить, охалками вѣники такъ и носить.

Какъ съ этой бани сорвался, у воротъ съ часовымъ подрался.

11. Баня.

Вотъ, голова, я сегодня, накануне Обухова мосту. двѣ недѣли въ сторону, не доходя, прошедши, на уголку въ Семеновскомъ полку осклизнулся, голова, да упалъ—а рыжій за меня въ карманы попалъ. А городской меня, г., къ мировому отправлялъ. А мировой то меня зналъ, что я бани на смерть не люблю, лучше раньше умру. Онъ меня, г., осудилъ, въ баню и сводилъ. А какая, г., баня-то! безъ крышки безъ дна, только скамейка одна. Какъ, г., меня привели, на меня, г., парильщики то и глядятъ, точно сейчасъ съѣдятъ. Какъ меня, добраго молодца, шесть человекъ положили: двое парильщиковъ, четверо держальщиковъ. Разъ, г., отпустили и другой, г., отпустили; какъ я, г., третій порошокъ то принялъ, такъ, г., скамейку руками и ногами обнялъ. Потомъ, г., я оттудова бѣжать да бѣжать споткнулся да упалъ, да къ приставу

прямо въ карманъ и попалъ. Онъ, г., меня и благодарилъ, на косушку 12 к. подарилъ.

12. Часы.

У васъ, господа, есть часы? У меня часы есть. Два вершка пятнадцатаго.

Позвольте, господа, у васъ повѣрить, или мнѣ аршиномъ помѣрить. Если мнѣ мои часы заводить, такъ надо за Нарвскую заставу выходить. У насъ таперича здѣсь неразрѣшено, и въ публикѣ не заведено. Мои часы, господа, трещать, а рыжіе изъ чужаго кармана тащать.

13. Лоторея.

Вотъ, господа, я къ вамъ пришелъ, съ масляницей васъ проздравить да ваши карманы ошарить.

Вотъ, господа, я сегодня сюды шоль, въ одномъ карманѣ четвертакъ и нашоль. Потомъ, г., дальше пошоль, въ другомъ карманѣ полтинникъ нашель. По томъ, г., попадается мнѣ прохожій. Я къ нему, спотыкнулся да упаль, прямо на шесть рублей въ карманъ и попалъ. Онъ, г., меня такъ благодарилъ, чуть-чуть до смерти не убилъ.

Теперь, г., я съ несчатья розыграю лоторею. По пятачку билетъ, а разыграется черезъ сто лѣтъ.

Розыгрывается у меня, г., лоторея: подержанный жидь, два заячьихъ филея.

Еще, г., двѣ шинели безъ фланели, да подкладка отъ сертука, старый замокъ отъ сундука.

Постой, г., я сбился, не пересчитать. Разъ два, три — а ты, Марѳа, съ носу утри.

Еще, г., розыгрываются у меня двѣ дамы, которыя вынуты вчерась изъ помойной ямы. Я, г., ихъ перемыль — переполоскаль, да зубамъ на карусель перета-скаль.

Еще, г., подсвѣчникъ аплике, и тотъ заложенъ въ Полторацкомъ кабакѣ. А ты, рыжій, свѣчку погаси, а подсвѣчникъ въ Апраксинъ продать снеси.

Еще, г., самоваръ накладнаго серебра, безъ трубы, безъ дна, только крышка одна.

Еще, г., полдюжины марокъ, да дюжина старыхъ кухарокъ.

Еще, г., тулупъ новый, крытый, только не шитый. Дубовый воротникъ, сосновая подкладка, а на верху 01 заплатка.

Еще, г., кровать объ трехъ ногахъ и березовое полѣно въ головахъ.

Еще, г., часы на 13 камняхъ, которые возятся шестерней на дровняхъ. Они, г., глухіе и въ срединѣ пустые. На масляницѣ блины пеку, да здѣшнихъ мазуриковъ кормлю.

Еще, г., салопъ женинъ атласный, только портной нечаянно пришилъ воротникъ красный.

Еще, г., кольцо золотое, даже заказное, у Берта отлитое, полтора пуда вѣсомъ.

Еще, г., имѣнье, въ гавани два воза камня, а только не простое, все бульжное.

Еще, г., полдюжины платковъ изъ моихъ синихъ портковъ.

Еще, г., шубка безъ ватки, безъ подкладки, а на верху 73 заплатки.

Господа, на лоторею давайте сюда. Я съ лотореей то прощусь, а съ карманомъ съ вашимъ подѣлюсь. Не всѣ, не всѣ! Лучше отдохните, сразу по полтинѣ махните.

14. Лоторея.

Розыгрывается лоторея: киса стараго бородобрѣя, въ Апраксиномъ рынкѣ въ галереѣ. Вещи можно видѣть на балѣ, у огородника въ подвалѣ.

Въ логорей будутъ раздавать билеты два еврея; будутъ розыгрываться воловій хвостъ и два филея.

Чайникъ безъ крышки, безъ дна, только ручка одна.

Изъ чистаго бѣлья два фунта тряпья; одѣяло, покрывало, двухъ подушекъ вовсе не бывало.

Серьги золотыя, у Берта на заводѣ изъ мѣди литыя, безо всякаго подмѣсу, девять пудовъ вѣсу.

Бурнусъ вороньяго цвѣту, переднихъ половинокъ совсѣмъ нѣту. Взади есть мѣшокъ, кисточки на вершокъ. Берестой наставлень, а задъ то на Невскомъ проспектѣ за бутылку пива оставлень.

Французскіе платки, да мои старые портки, мало ношенные, только были въ помойную яму брошенные. Каждый день на меня надѣваются, а кто выиграетъ—назадъ отбираются.

Двѣнадцать подсвѣчниковъ изъ воловьихъ хвостовъ, чтобы ружіе не забывали великихъ постовъ.

Будетъ розыгрываться золотая булавка,— а у этой кухарки подъ носомъ табачная лавка.

Перина ежоваго пуха, разбиваютъ каждое утро въ три обуха.

Шляпка изъ навознаго пуха, носить дамамъ для духа.

Сорокъ кадушекъ соленыхъ лягушекъ.

Матерія мареморъ съ воробьиныхъ горъ.

Шкапъ краснаго дерева, и тотъ въ закладѣ у повѣреннаго.

Краснаго дерева диванъ, на которомъ околѣваль дядюшка Иванъ.

Два ухвата, да четыре поганыхъ ушата.

Пять козь, да мусору возъ.

Салопъ на лисьемъ мѣху, обѣли крысы для смѣху. Атласный, весь красный, съ бахромой лиловаго цвѣту, воротника и капишона совсѣмъ нѣту.

Будетъ розыгрываться великимъ постомъ подъ Воскресенскимъ мостомъ, гдѣ меня бабушка крестила, на

всю зиму въ прорубь опустила. Ледь-то раздался, я такой чудаць и остался.

15. Прохожіі

Вижу, голова, я нынче на Рождествѣ—прохожіі, вотъ на этого рыжаго похожіі. Онъ меня, голова, и позвалъ Христа славить, въ чужихъ домахъ по стѣнамъ шарить. Мы, голова, и прославили, шубу съ бобровымъ воротникомъ сгладили.

Потомъ, голова, въ Свѣтло Христова Воскресенье мнѣ онъ попался у заутрени. Священникъ сказалъ: Христосъ-Воскресъ, а онъ къ купцу прямо въ карманъ и влѣзь.

Онъ, г., хорошіі мастеровой: кузнецъ, слесарь, токаръ, столяръ, а еще плотникъ, по чужимъ карманамъ лазить охотникъ. Еще, г., литейщикъ, башмачникъ, сапожникъ, портной—только онъ г., за Московской заставой съ вязовой иголой стоялъ. Разъ г., стегнулъ. енотовую шубу сразу и махнулъ.

16. Кухарка.

Кухарка съ Бертова завода—сегодня только пустилъ въ моду. Готовить разные макароны, изъ которыхъ вьютъ гнѣзда вороны. Варить супъ изъ разныхъ крупъ, которыми мостовую посыпаютъ. Вѣрно была въ пассажѣ—замарала носикъ въ сажѣ. Кофей-то варила, меня не напоила, Богъ покаралъ, послѣ въ сажѣ замаралъ. Забыла мою хлѣбъ-соль, какъ я у тебя обѣдалъ.

17. Цырульникъ.

Былъ я цырульникомъ на большой Московской дорогѣ. Кого побрить, постричь, усы поправить, молодцомъ поставить, а нѣтъ, такъ и совсѣмъ безъ головы оста-

вить. Кого я ни бриваль, тотъ дома никогда не бываль. Эту цырульню мнѣ запретили.

18. Рыболовъ.

Я записался рыболовомъ. Купилъ 50 сажень веревокъ, у Берта на заводѣ заказалъ крючокъ. На крючокъ посадилъ курицу-цыцарку и бросилъ съ Николаевского моста въ Неву, подъ арку. Вижу—идутъ два налима, только мимо. Одинъ налимъ одумался да воротился, за курицу схватился. За налима схватилась щука, за щуку два карася, за карасей два окуня, за окуней два сига, за сеговъ два ерша, за ершей два язя — тащить то и нельзя.

Рыжий, подсоби тащить, что стоишь да пожимаешься? Сразу опѣшилъ—вѣрно усталъ, еще изъ кармановъ не досталъ.

19. Шублива.

Рыжий, помнишь великій постъ, какъ теленка тащилъ за хвостъ. Теленокъ кричитъ *ме*, а онъ говоритъ пойдѣмъ на праздникъ ко мнѣ.

У кого есть въ карманѣ рублей двѣсти, у рыжаго сердце не на мѣстѣ. Признаться сказать, у кого волосы чѣрны, и тѣ на эти дѣла задорны. Въ особенности рыжіе, да плѣшивые самые люди фальшивые. Кому лапоть сплестъ, кому въ карманъ влѣзтъ—и то умѣютъ.

А вишь и русый не даетъ чужому карману трусу. Какъ увидить, такъ и затрясетъ, въ свой карманъ понесетъ.

Вотъ этотъ капраль у меня два хлѣба укралъ.

А вотъ дикій баринъ дрожавши спотѣлъ, купаться захотѣлъ.

Господа, вамъ фокусъ покажу: что вы дадите, я въ свой карманъ положу.

Вотъ что я, вамъ, господа, скажу. У меня сегодня несчастье случилось, въ пустой корзинкѣ кошка утопилась. Осталось семеро котятъ на молочко-то, господа, давайте сюда.

А я вотъ что, господа, скажу: пряники да орѣхъ кидать великій грѣхъ. Лучше отдохните, да копѣекъ по шести мнѣ махните.

Дай тебѣ Богъ полную пазуху блохъ, четверть вшей, огородъ чертей. Нова хата провались, а старая загорись.

Изъ русской народной космогоніи *).

Пошехонскій уѣздъ—самый глухой и сѣверный уѣздъ Ярославской губерніи; онъ занимаетъ площадь въ 5.165 кв. верстъ, населенную 94 тыс. жителей. Совершенно отрѣзанный отъ всѣхъ торговыхъ путей, исключая небольшого пространства, прилегающаго своей западной частью къ Шекснѣ, онъ представляетъ мѣстность почти исключительно земледѣльческую: ни большихъ торговыхъ селъ, ни заводовъ, ни фабрикъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ не встрѣчается; изъ отхожихъ промысловъ, какъ наиболѣе развитой, можно указать только на портняжничество; грамотность между жителями стоитъ на самой низкой степени развитія: во всемъ уѣздѣ существуетъ всего пять школъ.

Суровъ и непривѣтливъ этотъ сѣверный край Ярославской губерніи. Какимъ-то уныніемъ и тоской вѣетъ на свѣжаго человѣка, при взглядѣ на эти поля, съ убогими нивами, на эти топи и непроходимыя болота, на эти дремучіе лѣса, то глухо шумящіе, то утрюмо и глубоко молчаливые, словно заколдованные. Не надъ чѣмъ здѣсь остановиться, ничто не приласкаетъ вашъ взоръ и не обрадуетъ: печально все и дико вокругъ. Изрѣдка кое гдѣ на встрѣчу попадется забытая Богомъ деревнишка, выгланеть изъ-за лѣса полусгнившій крестъ бѣдной сельской колокольни—и только; а тамъ пойдутъ опять болота, валуны и лѣсъ, безконечный лѣсъ...

*) Передано крестьянскомъ с. Козмодемьянска, Пошехонскаго уѣзда, С. Я. Деруновымъ.

Здѣсь, въ этой мрачной сторонѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе люди ведутъ упорную борьбу съ природой, воюють съ враждебными стихіями, непрерывно бьются за свое существованіе.

Не трудно объяснить, почему въ мѣстномъ населеніи, не смотря на принадлежность послѣдняго къ вѣроисповѣданію православному, такъ крѣпко еще держатся языческія вѣрованія. Весь міръ, по народному представленію, населенъ добрыми и злыми существами, но злыми больше, чѣмъ добрыми. Къ покровительству и защитѣ первыхъ народъ прибѣгаетъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ, къ нимъ-же онъ обращается за помощью во всѣхъ бѣдахъ, неразлучныхъ спутниковъ его трудовой жизни. Здѣсь, мы встрѣчаемся еще съипоклоненіемъ деревьямъ, ключамъ и камнямъ; находимъ заговоры и молитвы отъ болѣзней, порчи колдуновъ, нечистой силы, начальниковъ и недобрыхъ людей. Деревья, рощи и колодцы считаются святыми съ незапамятныхъ временъ. Къ нимъ постоянно стекаются цѣлыя массы больныхъ и несчастныхъ, которые приносятъ съ собою полотенца, крестики и пояски, развѣшивая ихъ на деревьяхъ и колодцахъ. Точно также большимъ почетомъ со стороны народа пользуются и святыя камни, къ которымъ богомольцы приходятъ за нѣсколькими десятковъ верстъ. Еще недавно при святыхъ березахъ и рощахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, служили молебны и были къ нимъ крестныя ходы. Нѣкоторыя изъ деревьевъ избавляютъ отъ болѣзни, другія подають исцѣленія испорченнымъ и т. п. Святыя деревья большею частію съ отверстиями, черезъ которыя пролѣзають больные. Когда пролѣзають, то говорятъ: „сосна, тебѣ на стояніе, а мнѣ рабу Божию, на здорově“.

Послѣднее обстоятельство указываетъ какъ много придаетъ народъ значенія слову, на шептываньямъ и разнымъ заговорамъ, безъ которыхъ, даже при всей

своей увѣренности въ цѣлебныхъ свойствахъ деревьевъ, обойтись не можетъ. Заговоры и молитвы, хотя многіе изъ нихъ ничего въ себѣ *божескаго* и не заключаютъ, имѣютъ широкое распространеніе въ народѣ и занимаютъ первенствующее мѣсто въ исторіи народныхъ суевѣрій. Они встрѣчаютъ человѣка съ момента появленія его на свѣтъ и провожаютъ его до самой могилы. Едва ребенокъ родится, бабка-повитуха, произноситъ надъ нимъ уже молитву, моетъ его, потомъ завертываетъ въ подоль и по три зари выноситъ его изъ избы, при говаривая: „заря-зарница, красная дѣвица, Крикса, Фокса, возьми свой крикъ, подай младенцу (имрекъ) сонъ“. Случится-ли у младенца родимецъ, его парятъ, продѣваютъ сквозь лѣстницу и говорятъ: „Тихонькій, тихонькій, тихонькій, не ломайся надъ младенцемъ (имя), ломайся надъ лѣстницею“. Отправляются женихъ съ невѣстой въ церковь, на паперти они должны взяться за скобу и сказать: „пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а остаются на тебѣ, на желѣзной скобѣ“. Если женщина страдаетъ ломотою въ спинѣ, больная ходитъ шесть зорь къ отвореннымъ воротамъ и, наклонившись подъ заперъ, говоритъ три раза: „заперъ, заперъ, возьми и мой упоръ отъ рабы Божіей (имя) во вѣки вѣковъ. Аминь“. Вздумаетъ крестьянинъ пойти на охоту, онъ точно также произноситъ заговоръ: „встану я, рабъ (имя). не умоюся. не помолюся, одѣнуся и обуюсь, не перекрещуся, выйду я не изъ дверей—въ окошко, не въ ворота—въ подворотню, пойду я не на востокъ солнца краснаго,—въ ночную, темную сторонушку, не помолюся на всѣ четыре стороны. Приду я рабъ (имя) ко всѣмъ своимъ ставушкамъ, ловушкамъ, ко булатнымъ клепамъ; стану я сзывать, кликать всѣхъ своихъ слугъ, сторожей, приговорю я всѣ къ нимъ призывы, привороты; заставлю всѣхъ стражей, загонщиковъ и пригонщиковъ, водяныхъ, лѣсныхъ, болотныхъ боровъ и поддорож-

ныхъ, больше ухихъ, малоухихъ, рогатыхъ и косолапыхъ, хвостатыхъ и шерстнатыхъ загонять въ мои ставушки, ловушки и въ булатные клепы“... Далѣе, перечисляются всѣ животныя, находящіяся въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Заговоръ оканчивается словами: „пусть имъ кажется по сторону огонь, по другую — стѣна, сзади — калена стрѣла; пусть будутъ по моимъ приговорамъ и заговорамъ бѣгать — ходить въ каждомъ днѣ и часу, ночью и за полночь утромъ въ утреннюю зорюшку, вечеромъ при звѣздахъ и мѣсяцѣ, во всякую пору, отнынѣ и до вѣка. Аминь. Кон слова не договорля — позади, кои переговориль — впереди“. *)).

Такимъ образомъ, мы видимъ, житель сѣвера ведетъ непрестанную борьбу съ природою съ одной стороны и нечистой силою, чертовщиною — съ другой стороны. Въ этой двойной и страшной борьбѣ проходитъ вся жизнь народа. Но таковы ужъ видно свой ства чело-вѣческой природы, что, подъ влияніемъ какихъ-бы гнетущихъ условій ни слагалась жизнь народа, умъ чело-вѣка не откажется отъ пытливости и станетъ доискиваться разрѣшенія тайнъ. Какъ произошелъ мѣръ? Кто создалъ землю и небо? Откуда взялся чело-вѣкъ? задаетъ себѣ вопросы народъ. Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ сказаніяхъ русскаго народа. легендахъ его, сказкахъ и памятникахъ литературы, названной отреченною.

Въ основѣ большинства подобнаго рода произведе-ній, какъ извѣстно, лежитъ дуализмъ. Слѣды этого дуализма видны и въ народномъ сказаніи Пошехонскаго края. Нужно замѣтить, что это сказаніе, обращаясь среди народа въ живомъ разсказѣ, называется теперь сказ-

*) См. Труды Ярославскаго Губернскаго Статист. Ком. 1860 г. Статьи Е. И. Якушкина: „Молитвы и заговоры въ Пошехонскомъ уѣздѣ“ и С. Я. Дерунова: „Крестьянская свадьба въ Пошехонскомъ уѣздѣ“.

кою; только въ немногихъ спискахъ, которые иногда попадаютъ, осталось названіе — сказаніе.

Къ нему теперь мы и перейдемъ.

Чтобы показать—какое отношеніе имѣтъ наше сказаніе къ другимъ уже извѣстнымъ и чѣмъ оно отъ нихъ отличается, приведемъ отрывки изъ „Свитка божественныхъ книгъ“ и „Сѣверныхъ сказаній о Лембояхъ и Удѣльницахъ“.

„Свитокъ“ начинается разсказъ еще до сотворенія міра и затѣмъ переходитъ къ исторіи мірозданія и человѣка. По слову Божію являются небо, заря, облака, звѣзды и т. д.; за ними слѣдуетъ созданіе тьмы столповъ на воздухѣ, „а на томъ столпѣ камень неподвиженъ“; далѣе—твореніе земли и ада: на землѣ является „море Тиверіадское, а береговъ у него не было“.

„И сниде Господь на море по воздуху... и видѣ на морѣ *гоголя* плавающая, а той есть рекомый Сатана, заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь Сатанаилу, аки не вѣдая его: ты кто еси за человѣкъ? — И рече ему Сатана: азъ есмь богъ. — А меня како нареши? — Отвѣщавъ же Сатана: Ты Богъ богомъ и Господь господемъ. — Аще бы Сатана не рекъ Господу такъ, тутъ же бы Господь его сокрушилъ въ морѣ Тиверіадскомъ“.

Богъ велитъ Сатанаилу нырнуть въ море и вынести оттуда песку и кремень. Сатанаиль безпрепятственно выноситъ. Изъ песку Богъ создаетъ землю, а изъ одной половины кремня — ангеловъ. Сатанаиль тоже проявляетъ силу творчества: посредствомъ другой половины кремня онъ создаетъ своихъ ангеловъ. Богъ дѣлаетъ Сатанаила начальникомъ надъ всѣми чинами ангельскими; послѣдній возгордился и захотѣлъ быть подобнымъ Богу. Богъ повелѣлъ архангелу низвергнуть Сатану; но тотъ воротился не исполнивъ повелѣнія. За ослушаніе архангелъ былъ постриженъ въ чернецы и названъ Михаиломъ. Богъ послалъ его во второй разъ;

Михаилъ ударилъ скипетромъ силу Сатанину и она пала на землю, какъ дождь. *)).

По другому народному сказанію,—сказанію о Лембояхъ,—дѣло творенія происходило нѣсколько иначе. Была одна вода. Спустился Саваоѣъ на землю и спросилъ: *кто здѣ е?*—И откликнулся Сатана и рекъ: *я здѣ е?*—И спросилъ Саваоѣъ Сатану: есть ли гдѣ земля, не видалъ-ли?—Есть на днѣ моря, — отвѣчалъ Сатана. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о ныряніи Сатаны, но земли онъ не досталъ. Саваоѣъ его укоряетъ и говоритъ: *„молитесь, братъ, ты. — Иди въ третій разъ, да вотъ на днѣ морскомъ увидишь икону—дѣву съ младенцемъ, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возьми земли“*. Сатана сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему Саваоѣъ и принесъ земли. За твореніемъ земли послѣдовало твореніе ангеловъ: Сатана, по повелѣнію Саваоѣа, беретъ молотъ и бьетъ имъ въ каменную гору правою рукою — изъ камня вылетаютъ свѣтлые воины и кланяются на востокъ Богу. Сатана попробовалъ бить лѣвою рукою—стали выскакивать черти и кланяться молотобойцу. Саваоѣъ увидалъ это и скорѣе зааминилъ. Саваоѣъ строить небо, а Сатана—другое; оба сдѣлали по семи небесъ, а Сатана все выше забирается. Саваоѣъ зааминилъ и велѣлъ Михаилу архангелу столкнуть Сатану со всѣми его небесами. Два раза прогонялъ Сатана архангела; но въ третій разъ, при помощи иконы, дѣвы съ младенцемъ, Михаилу удалось побѣдить Сатану **).

Пошехонское сказаніе о сотвореніи земли разсказываетъ такъ:

„Когда не видно было ни неба ни земли, по всюду носилась тьма и вода: ни звѣзды, ни солнце, ни луна

*) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

**) Труды Этнограф. отд. кн. 3, вып. 1. Ст. Е. В. Барсова: „Сѣверныя сказанія о Лембояхъ и Удѣльницахъ“.

не выглядывали съ небесъ. Господь въ это время носился во тьмѣ и водѣ, за нимъ всюду шествовали всѣ силы небесныя: архистратиги, архангелы, ангелы, херувимы и серафимы.

Въ одно время Господь и надумалъ сотворить землю; надумалъ и подозвалъ къ себѣ перваго и любимѣйшаго своего архистратига Сатанайла. Говорить ему:

— „Любимѣйшій мой духъ, Сатанайле, опустишь ты въ воды глубины неизмѣримыя, за тридевять поприщъ, въ тридесятомъ возьми на днѣ водномъ земли пригоршни, вынеси ю на поверхность воды: посѣю—да будетъ твердь земная“!

Выслушалъ Сатанайль слова Господни. Взвился надъ бездною водной,—поднялся отъ шума вихрь великій, яко громъ небесный; нырнулъ въ воду,—водныя брызги летятъ, какъ дождь и градъ, клопочуть точно въ котлѣ. Все успокоилось, вынырнулъ Сатанайль, глядя на пригоршни, а въ нихъ земли—ни зернышка: выполоסקало водой до чиста. Взвился Сатанайль пуще прежняго, пуще перваго вода всколыхалася, пуще перваго пошелъ рокотъ по околицѣ; нырнулъ во второй разъ. Погодя вынырнулъ Сатанайль, глядя, а въ пригоршняхъ земли ни зернышка: всю выполоסקало до чиста! Паче прежняго поднялся шумъ отъ взмаховъ Сатанайла. Тутъ ему Господь и рыкнулъ гласомъ велиимъ:

— „Остановись“!

Сатанайль остановился. Господь ему и говоритъ:

— „Сатанайле, духъ мой возлюбленный, приди ко мнѣ, попроси со смиреніемъ и кротостию у меня благословія на такое дѣло великое. Съ нимъ достанешь и вынесешь землю на поверхность водную“.

Подошелъ Сатанайль къ Господу, преклонилъ выю ниже чресла Господня. Возложи на него Господь руцѣ своя, благословилъ.

Смиренно и кротко нырнулъ Сатанайль: не возшумѣлося окрестъ, не взбрызгалися воды глубокия. Скоро

вынириль Сатанайль и вынесъ земли пригоршни, подалью ко Господу.

Господь трижды бралъ земли сырой, трижды леталь съ ею въ даль незримую, разсѣвая о десную и о шую руку; за нимъ летали сонмы небесныхъ силъ: архистратиговъ, архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ; всѣ они славили мудрость Господню, За полетами Господними возставала твердь земная и дѣлалась прекрасною, ровною равниною; засинѣла голубая твердь небесная; засіяло солнце, засверкали звѣзды, заходили тучи и заблестала молонья. Увидавъ Господь великолѣпнѣе земли, возрадовался; шибко возрадовались съ нимъ и всѣ силы небесныя, лики ихъ сдѣлались, ровно заря ясная, пѣли онѣ передъ Господомъ пѣсни чудныя радости велией, приносили хвалу Господу. Одинъ изъ силъ небесныхъ, Сатанайль, стоялъ поодаль отъ Господа, какъ туча черная, нахмуривъ чело, не приносилъ хвалу Господу. Господь и возговорить къ Сатанайлу:

— „Сатанайле, духъ нашъ возлюбленный, что не возрадуешься съ нами, не воздашь хвалы намъ?“

Съ гордостью великой говорить Сатанайль Господу:

— „Мнѣ за сіе придите и воздайте хвалы: мои труды!“

Сатанайль указалъ на сіяющую красой землю.

Трижды Господь призывалъ къ себѣ на поклоненіе Сатанайла; трижды Сатанайль отрекался и призывалъ къ себѣ на поклоненіе Господа воздать ему славословіе и почести. Тогда Господь съ гнѣвомъ сказалъ:

— „Отойди отъ меня, Сатана гордый!“

Взвился Сатанайль выше облака ходячаго, рыкнулъ голосомъ страшнымъ:

— „За мной, мнѣ вѣрные духи!“

„Сдѣлался шумъ ужасный, небеса потряслися, звѣзды попадали и померкли, солнце и луна потемнѣли; всѣ силы небесныя шумѣли, отъ шума земля колебалася, вихри крутились, даль незримая тьмой покрылася.

Долго-ль коротко-ль — стихло.

Осмотрѣлъ Господь свои вѣрныя силы небесныя, увидалъ, что отъ него отошла девятая часть на сторону Сатанайла.

Тучей темной чернѣлась сила Сатанайлова въ дали необозримой. Опять рыкнулъ Сатанайлъ къ своей силѣ темной:

— „За мной, на дѣло, втопчемъ землю въ глубь водную“!

Зашумѣла темная сила Сатанайлова, полетѣла. Гдѣ пролетитъ да хлопнетъ крылами, — дѣлаются на землѣ провалы, выступаютъ моря водныя; гдѣ пуститъ изъ себя воду, — тамъ бѣгутъ рѣки и ручьи; гдѣ крошитъ изъ себя калъ, — тамъ дѣлаются камни; гдѣ топнетъ ногой, — тамъ выдвигаются горы; гдѣ пуститъ изъ себя дыханіе, — тамъ изъ земли пышетъ поломя.

Господь видитъ такія каверзы Сатанайла и его темной силы, подзываетъ къ себѣ юнаго духа Миха, говоритъ ему:

— „Юный и любимый мой духъ Миха, благословляю тебя на брань съ Сатаною! Отнынѣ ты имѣй силу и именуйся Михайломъ архистратигомъ, воеводою всѣхъ небесныхъ воинствъ. Иди и свергни Сатану въ преисподнюю землю“.

Проговоривъ такія слова, Господь подалъ юному архистратигу Михаилу огненное копье, мечъ — кладенецъ, броню булатную, на головушку надѣлъ шлемъ духовный съ перьями изъ павлина и благословилъ его правою рукою. Припалъ юный архистратигъ Михаилъ къ стопамъ Господнимъ, всталъ, потрясъ копьемъ и полетѣлъ; за нимъ полетѣли всѣ силы небесныя, въ ризахъ, яко снѣгъ бѣлыхъ, съ лаврами на головушкахъ, сотворити брань съ Сатаною и съ его темною силой.

Прозошла битва великая, тряслася земля и небо, крутились вихри буйные, слышался рокотъ лютый, солнце было какъ уголь черное, луны и звѣздъ не

видно было во тьмѣ. Трижды три дня стояла тьма и была ночь, слышалось рокотанье отъ побоища. И побѣдилъ юный архистратигъ Михаилъ Сатану и всю силу его, сверзилъ въ треисподнюю земли.

Возвратился юный архистратигъ предъ очи Господни со всѣми силами небесными, словословили всѣ силу и крѣпость Господню, принося хвалу каждочасно отъ нынѣ и до вѣка“.

Таково сказаніе или сказка пошехонцевъ о сотвореніи земли. Это сказаніе весьма живо обращается въ мѣстномъ населеніи и является такимъ образомъ, какъ бы проводникомъ извѣстной группы знаній, потому что многіе ему вѣрятъ и крѣпко убѣждены, что дѣло именно происходило такъ, какъ въ сказкѣ разсказывается.

Изъ матеріаловъ собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда Олонец. губ.

Пудожскій уѣздъ являлся до сихъ поръ, если такъ позволено выразиться, пасынкомъ изслѣдователей Олонецкой губерніи. Большинство изъ нихъ направлялось въ дебри Повѣнецкаго уѣзда, въ уѣзды Каргопольскій, Петрозаводскій и другіе и лишь сравнительно очень немногіе заѣзжали и въ Пудожскій уѣздъ, да и то нѣкоторыя изъ нихъ лишь мимоѣздомъ. Эта нелюбовь изслѣдователей къ Пудожскому краю объясняется тѣмъ, что онъ рѣзко отличается во многихъ отношеніяхъ отъ сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ. Въ то время, какъ въ дру-

* Примѣчаніе: Нижеслѣдующее есть лишь нѣсколько пространенный рефератъ, читанный мною въ Отдѣлѣ Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи (въ 1888 г.). Будучи лѣтомъ 1887 г. командированъ Обществомъ для собиранія этнографическихъ данныхъ о бытѣ населенія въ Олонецкой губерніи, — я, по невозможности познакомиться со всѣми уѣздами губерніи, выбралъ райономъ своихъ изслѣдованій Пудожскій уѣздъ, причемъ, главнымъ образомъ ту часть его, которая лежитъ къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ уѣзднаго города, какъ часть уѣзда наиболѣе глухую. Знакомясь главнымъ образомъ съ юридическимъ бытомъ крестьянъ, я имѣлъ лишь немного времени для ознакомленія своего съ вѣрованіями населенія. Вотъ почему свѣдѣнія, сообщаемыя мною, страдаютъ подчасъ и неполнотою и отрывочностью. Что касается собранныхъ мною данныхъ о юридическомъ бытѣ населенія, то они составятъ содержаніе особаго изданія. Въ настоящемъ сообщеніи я имѣлъ въ виду представить лишь сбшую характеристику быта крестьянъ Пудожскаго уѣзда и то, что являлось болѣе интереснымъ въ ихъ вѣрованіяхъ. Собранныя мною свѣдѣнія я дополнилъ свѣдѣніями, собранными моей сестрой и спутницей В. Н. Харузиной, за доставленіе которыхъ приношу ей свою благодарность.

гихъ мѣстахъ губерніи, благодаря разнымъ условіямъ, населеніе сохранило въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ цѣлый рядъ архаизмовъ, сохранило много слѣдовъ своего стариннаго быта—крестьяне Пудожскіе на первый взглядъ мало чѣмъ отличаются отъ крестьянъ нашихъ среднихъ губерній. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними приходится лишь убѣждаться, что это первое впечатлѣніе касательно общихъ чертъ быта не было ошибочнымъ. Въ ихъ правовыхъ воззрѣніяхъ мало найдешь оригинальнаго, своеобразнаго, архаическаго: всюду видишь ломку прежнихъ устоевъ, ломку, прогрессирующую съ поразительной быстротой. И какой бы отдѣлъ права ни взяли вы изслѣдовать—всюду васъ поразитъ какая-то бѣдность, неопредѣленность данныхъ, всюду вы замѣтите усилившееся вліяніе волостныхъ писарей, успѣвшихъ замѣнить въ умѣ крестьянина его праѣдовскіе обычаи—взглядами на дѣло статей нашего Свода Законовъ.

Еще недавно преобладающимъ типомъ семьи была, такъ называемая, большая семья, — теперь большія семьи даже въ болѣе глухихъ углахъ уѣзда встрѣчаются лишь рѣдкими оазисами среди распадающихся все больше и больше семей. Еще недавно большинство селеній уѣзда были, по выраженію мѣстныхъ жителей, „загнано льето“, гдѣ не было въ употребленіи ни чаю ни кофе — это время помнятъ еще не очень пожилые люди; — теперь не только самовары встрѣчаются во всякой семьѣ, но и употребленіе кофе распространено до того, что нѣкоторыя бѣдныя семьи ходятъ подъ окнами, собираютъ подаваніе и, собравъ копѣекъ 60—80, удовлетворяютъ прежде всего своей потребности въ кофе. Нѣкоторые даже просто просятъ: „подайте ради Христа на кофе“ и т. д.

Прислушаетесь вы къ пѣснямъ — ясно слышите въ нихъ заводское и кабацкое вліяніе, — пойдете на бесѣду — увидите крестьянъ, танцующихъ „кандрель“ и

„ланцетъ“. И такъ начиная съ крупныхъ сторонъ быта, кончая такими мелочами—вы всюду увидите, что, такъ называемая, городская культура сказывается съ чрезвычайной силой. Но это лишь одна сторона дѣла. Въ деревнѣ, гдѣ постоянно вы слышите заводскія пѣсни, гдѣ молодежь поетъ даже „По синимъ волнамъ океана“ и извѣстное всѣмъ „Казь-Булатъ удалой“—оказывается, живетъ пѣвецъ былинъ или сказитель сказокъ, знающій старину. Подобно тому какъ среди разрозненныхъ семей вы встрѣтите еще, какъ рѣдкое исключеніе, большую семью, живущую по устоямъ завѣщаннымъ дѣдами—можете вы увидѣть и среди обучавшейся въ школахъ молодежи еще старика грамотнаго, начитаннаго въ апокрифическихъ книгахъ, драгоценнаго для него наслѣдія его предковъ-раскольниковъ и т. д. и т. д.

Такія явленія, какъ пѣвецъ былинъ, сказитель сказокъ, начитанный въ старыхъ книгахъ человѣкъ—лишь рѣдкія исключенія, одинокіе столбы, не поддавшіеся еще общему теченію, охватившему молодежь и людей среднихъ лѣтъ. Все представляетъ какое-то хаотическое состояніе, какое-то ниспроверженіе стараго и послѣднюю замѣну новымъ, схватываемымъ безъ разбора; все смотритъ какъ будто недодѣланнымъ, неоконченнымъ, сколоченнымъ наспѣхъ. Видно, что съ сравнительно недавняго времени произошла эта рѣзкая перемѣна въ умахъ, что, разрушивши старый строй, не успѣли его еще замѣнить прочнымъ новымъ, выработать себѣ, въ замѣнъ старыхъ устоевъ, новое, трезвое міровоззрѣніе.

Не буду подробно касаться на этотъ разъ причинъ, вызвавшихъ такое смѣшеніе въ умахъ Пудожскихъ крестьянъ, укажу лишь на нѣкоторыя изъ этихъ причинъ, приводимыхъ самими крестьянами въ объясненіе этого факта. Это—удобства сообщенія съ Петербургомъ, благодаря недавно проложеннымъ земствомъ до-

рогамъ въ глухія мѣста уѣзда, (куда еще лѣтъ 10—12 вела лишь тропинка изъ Пудожа, по которой съ трудомъ можно было проѣхать даже верхомъ) и пароходное сообщеніе, сближающее Олонецкую губернію съ Петербургомъ, уничтожающимъ такія препятствія, какъ Онежское и Ладожское озера. Это улучшеніе путей сообщенія и сближеніе съ Петербургомъ, полезно отразившееся на экономическомъ состояніи крестьянъ, считается ими одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ разрушеніе быта.

Далѣе къ числу причинъ относятъ крестьяне еще отхожіе промыслы. Каждую зиму въ лѣсахъ, окружающихъ деревни Пудожскихъ крестьянъ, рубится лѣсъ, который затѣмъ весной сплавляется по теченію рѣкъ къ Онежскому озеру и дальше идетъ на Петербургъ. Насмотрѣвшись въ Петербургѣ разныхъ чудесъ, познакомившись съ трактирной жизнью, крестьянинъ приноситъ съ собой въ свое „загнано мѣсто“ и новыя пѣсни, и новыя прихоти въ костюмѣ и пищѣ, и новые взгляды. Наконецъ, въ третьихъ, причиной, разрушающей древній бытъ, считается воинская повинность, когда парень, проживъ нѣсколько лѣтъ далеко отъ дома, въ совершенно новой для него сферѣ, возвращается по окончаніи срока службы совершенно новымъ человѣкомъ, авторитетомъ для своей семьи и подчасъ для всей деревни. Другихъ причинъ пока я касаться не буду. Если мнѣнія крестьянъ о причинахъ, рушащихъ ихъ бытъ вѣрны, если они не ошибаются, сопоставляя въ причинную связь эти явленія, то эта ломка быта должна была наступить лишь въ очень недавнее время, такъ какъ пароходство появилось недавно на нашихъ сѣверныхъ озерахъ; воинская повинность—также явленіе недавнее.

Разъ же признать, что ломка быта началась сравнительно недавно, то а priori уже можно заключить, что въ средѣ крестьянъ Пудожскаго уѣзда должны

сохраниться слѣды прошлаго ихъ быта, которые не успѣли еще стереться и забыться подъ напоромъ новыхъ идей, что за этимъ слоемъ новыхъ взглядовъ, новой внѣшней оболочки, должны таиться взгляды, вѣрованія, воззрѣнія болѣе старинныя, воспоминаніе эпохи предшествующей современному крушенію прежнихъ устоевъ крестьянской жизни.

Къ таковымъ относятся похищеніе невѣстъ и обычай катанья свата на боронѣ.

Что касается похищенія невѣстъ, то этотъ обычай сохранился въ полной силѣ на Кенозерѣ. Если парень полюбитъ дѣвушку — онъ посылаетъ сначала къ родителямъ ея сватовъ. Если родители невѣсты не соглашаются на бракъ, то парень, сговорившись съ ней и 2—3 товарищами, увозитъ ее къ себѣ въ деревню и передаетъ ее на руки какой-нибудь бабѣ, которая въ данномъ случаѣ и называется „сватья“. Дѣвушки обыкновенно знаютъ о предполагаемомъ похищеніи своей подруги и провожаютъ ее съ особенной пѣснью торжественно за ворота. Иногда родители дѣвушки, прослышавъ про похищеніе своей дочери, гонятся за похитителемъ и отбиваютъ ее у него. Похититель, славъ дѣвушку на руки сваты, не долженъ съ нею вступать въ сожителство, до тѣхъ поръ, пока не помирится съ ея родителями: онъ посылаетъ къ нимъ либо крестнаго, либо родного отца или идетъ самъ „мириться“.

Если родители дѣвушки не мирятся, то похититель *обязанъ* вернуть дѣвушку. Даже фактъ вступленія съ ней до примиренія въ сожителство не обязываетъ родителей ея выдать свою дочь за-мужъ за него. Лишь послѣ „примиренія“, вѣнчаются и изъ церкви отправляются къ родителямъ молодой „прощаться“, то есть, просить прощенія.

Интереснымъ также является обычай свата, не имѣвшего успѣха въ своемъ сватовствѣ, катать на боронѣ по деревнѣ. Этотъ обычай, сохранившійся до сихъ

поръ въ нѣкоторыхъ деревняхъ уѣзда, встрѣчается до послѣдняго времени и среди мѣшанъ города Пудожа. Послѣдній извѣстный мнѣ случай этого рода былъ въ городѣ года 2—3 тому назадъ, когда несчастнаго свата прокатили на боронѣ по всѣмъ главнымъ улицамъ города.

Если подобныхъ архаизмовъ мы мало и очень мало находимъ въ юридическихъ воззрѣнiяхъ населенiя, въ его внѣшней обстановкѣ и бытѣ, то въ области вѣрованiй это не такъ. Легче было разрушить правовое воззрѣнiе, измѣнить бытъ, костюмъ, пищу, ввести въ языкъ массу чуждыхъ населенiю словъ, чѣмъ поколебать, ниспровергнуть вѣрованiя, которыми жила, дышала такъ много вѣковъ Пудожская земля.

Молодое поколѣнiе многимъ изъ отцовскихъ вѣрованiй не придаетъ значенiя; затемняются вѣрованiя подчасъ въ головахъ и у среднихъ лѣтъ мужиковъ, но они живы еще и въ полной силѣ среди женскаго населенiя уѣзда. Женщины, болѣе консервативныя и въ своей одеждѣ, и въ своихъ пѣсняхъ, оказались такими же по отношенiю и къ вѣрованiямъ. И теперь еще въ праздничные дни крестьянка надѣваетъ парчевую душегрѣйку на шелковый сарафанъ, украшаетъ голову повязкой унизанной жемчугомъ, на шею нацѣпляетъ прабабушкины жемчужныя нитки, а въ уши вдѣваетъ жемчужныя серьги. Женщина-пудожанка сохранила и древнiя вѣрованiя подобно тому, какъ она сохранила свой древнiй костюмъ и въ настоящее время является по преимуществу носительницей прежняго культа. Этимъ и объясняется, почему большинство свѣдѣнiй о вѣрованiяхъ мы слышали отъ крестьянокъ. Мужское населенiе уѣзда мало ихъ умѣло передать намъ.

Религiозныя вѣрованiя Пудожскихъ крестьянъ, взятая въ общихъ чертахъ, мало чѣмъ отличаются отъ вѣрованiй большинства населенiя великорусскаго пле-

мени. Оригинальныхъ, характерныхъ фактовъ—мы здѣсь не встрѣтимъ. Тѣ же великорусскіе домовые населяютъ дома, тотъ же водяной живетъ въ глубинѣ озеръ, тотъ же лѣшій пугаетъ и заводитъ путника въ дремучихъ пудожскихъ лѣсахъ. Мало оригинальнаго имѣютъ въ себѣ и представленія о молніи; затемнилось, какъ это мы видимъ почти повсюду, воззрѣніе на свѣтила. Бѣдно и какъ-то невидно празднуется тутъ Иванова ночь; въ иныхъ мѣстахъ на Иванову ночь не происходитъ никакого праздника и т. д. Однимъ словомъ, повторяю, эти вѣрованія, взятая *въ общихъ чертахъ*, мало дадутъ намъ новыхъ данныхъ. — данныхъ, которыя обогатили бы наши свѣдѣнія о вѣрованіяхъ великоруссовъ.

Но и тутъ по нѣкоторымъ остаткамъ мы увидимъ, что это лишь обломки нѣкогда развитыхъ религіозныхъ представленій, узнаемъ въ нихъ остатки прежняго развитаго культа. Эти робкія переживанія сохранились въ народѣ такъ долго, устояли лучше другихъ въ общей ломкѣ, не поддались напору могучей волны новыхъ идей—главнымъ образомъ потому, что они принаровлены къ быту пудожанина, относятся къ тѣмъ божествамъ и святымъ, которые явились населяющими и правящими въ той природѣ, среди которой приходилось преимущественно жить крестьянину этого уѣзда, боротся для охраненія собственной жизни.

Естественно, что и въ древнія времена культъ именно этихъ святыхъ и божествъ долженъ былъ болѣе всего развиться, запечатлѣться въ умахъ пудожанъ и, разъ запечатлѣвшись, устоять, сохраниться все-таки цѣльнѣе, чѣмъ другія религіозныя воззрѣнія, не имѣющія такой тѣсной связи съ природой и съ главными средствами существованія пудожанина.

Пудожскій уѣздъ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ своихъ, покрытъ лѣсомъ, выросшимъ преимущественно на болотистыхъ низинахъ и отчасти по вершинамъ и склонамъ горъ, песчаная

почва которыхъ благоприятствуетъ развитію хвойныхъ деревьевъ. Среди этихъ дремучихъ лѣсовъ, растянувшихся подчасъ на десятки и сотни верстъ, раскинуты, словно зеркала, озера, разнящіяся какъ размѣрами, такъ и глубиной. По берегамъ болѣе или менѣе значительныхъ озеръ стоятъ деревни, окаймляющія ихъ словно изгороди.

Если не большинство, то многія изъ этихъ деревень (какъ и урочищъ, лежащихъ на всемъ протяженіи уѣзда) сохранили несомнѣнно финскія имена, какъ напр.: Куль-наволокъ, Конза-наволокъ и т. д. Въ именахъ рѣкъ и озеръ, мы также встрѣчаемъ явные слѣды финскаго языка, напр. Водлоzero съ рѣкой Водла, рѣка Шала, Саръ-озеро, Тягъ озеро и т. п.

Въ иныхъ мѣстахъ и самые мѣстные жители помнятъ, хотя и смутно, свое финское происхожденіе: такъ напр. на Водлозерѣ они сами говорятъ, что однѣ деревни происходятъ отъ Шведовъ (шведами называютъ здѣсь финляндцевъ), другія отъ Чуди, а нѣкоторыя были заселены бѣглецами „ворами и разбойниками“ русскими и положили тѣмъ основаніе русской колонизаціи. Жители дер. Гость-Наволокъ происходятъ, по словамъ крестьянъ, отъ купцовъ, гостей, которые приходили торговать сюда и впоследствии остались здѣсь жить. Другія деревни имѣютъ чисто русское происхожденіе. Къ такимъ относится большинство деревень и поселковъ, лежащихъ по берегамъ Купецкаго озера, такъ наприм.: дер. Авдѣевская, Алексѣевская, Воробьевка и т. п.

Интересно то, что даже для человѣка, не занимающагося антропологіей, бросается въ глаза, что въ большинствѣ селеній, носящихъ финскія имена, типъ населенія носитъ явные признаки финской расы (такъ напр., рѣдкость бороды, небольшой ростъ, бѣлокурость и т. д.) и наоборотъ въ тѣхъ деревняхъ, которыя носятъ русскія названія, типъ у жителей совершенно другой. Это

по преимуществу люди высокаго роста, съ густой бородой, цвѣтъ волосъ преимущественно темно-русый или черный. Особенно бросается это въ глаза, когда направляешься къ Купецкому озеру.

Не доѣзжая 15 верстъ до послѣдняго, вы проѣзжаете Сарозеро съ деревней того же имени. Еслибъ не русскій языкъ, которымъ говорятъ сарозеры, можно было бы ихъ принять за несомнѣнныхъ финновъ, пріѣзжаете въ дер. Авдѣевскую и вы чувствуете себя въ другой мѣстности. Типъ крестьянъ похожъ въ общемъ на типъ жителей бѣломорскаго побережья.

Загнанный въ свои лѣса и дебри пудожанинъ поддерживаетъ свое существованіе рыболовствомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Значеніе двухъ первыхъ изъ этихъ занятій колеблется по мѣстностямъ. Въ иныхъ мѣстахъ главное занятіе крестьянина рыболовство, и хлѣбопашество отходитъ до извѣстной степени на *второй* планъ; въ другихъ наоборотъ, хлѣбопашество является главнымъ занятіемъ, и рыболовство имѣетъ лишь субсидіарное значеніе. Что всегда идетъ параллельно— это хлѣбопашество и скотоводство.

Гдѣ болѣе развито хлѣбопашество, тамъ развивается и скотоводство. Это и понятно: земля у пудожанина очень плоха, она даже при хорошемъ удобреніи не можетъ обезпечить крестьянина на годъ, а безъ удобренія почти что ничего не даетъ. Этой неплодородностью и объясняется необходимость имѣть больше скота, чтобы какъ ни-какъ а обрабатывать землю. Неплодородностью земли объясняется также необходимость обращаться къ такъ называемому лядинному, подсѣчному хозяйству, которое, доставляя мѣстнымъ жителямъ много трудовъ и лишений, которыя являются подчасъ невыносимыми даже для привыкшаго ко многимъ невздамъ пудожанина, даетъ ему все-таки возможность обезпечить себя хлѣбомъ на круглый годъ.

Итакъ, борьба съ лѣсомъ, съ бурными озерами по-

глождетъ главнымъ образомъ дѣятельность крестьянина.

Неудивительно поэтому, что изъ разрушившихся вѣрованій наиболѣе уцѣлѣли тѣ, которыя стоятъ въ связи съ лѣсомъ, съ озерами и со скотоводствомъ, какъ главнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ крестьянина.

Начну съ описанія вѣрованій, связанныхъ съ лѣсомъ; вѣрованія эти наиболѣе цѣльно сохранились до сихъ поръ, такъ какъ все-таки подсѣчное хозяйство встрѣчается въ разныхъ степеняхъ на *всѣмъ* протяженіи уѣзда.

Лѣсовикъ, обитатель лѣса, представляется не одинаково. Обыкновенно, впрочемъ, онъ представляется ростомъ съ дерево, является людямъ то въ видѣ военнаго, то въ видѣ плохо одѣтаго старика. У лѣсовика свои собачки, маленькія, пестрыя, которыхъ, однако, увидѣть не легко. Въ народномъ представленіи онъ является то добрымъ, то злымъ. То онъ заводитъ людей въ чащахъ, держа ихъ у себя по нѣсколько дней, то наоборотъ оказываетъ заблудившимся благодѣянія. По встрѣчаться съ лѣсовиковой свадьбой обыкновенно считается опаснымъ. Такъ, рассказываютъ въ Авдѣевской, что одинъ мужикъ, повстрѣчавъ лѣсовикову свадьбу, сдѣлался, по выраженію крестьянъ „глупенькимъ“... „Цѣлый вечеръ, прости Господи, просмѣялись надъ нимъ, передавала рассказщица: говорить, Богъ знаетъ что: Я въ окошко пойду, да на Вытегру попаду“. Но по мнѣнію другихъ, „лѣсовикъ праведный, такъ безъ причины не подшутитъ“. И если кто будетъ имѣть несчастье повстрѣчаться съ его свадьбой, того онъ оборонитъ. Вотъ рассказъ одной крестьянки о томъ, какъ дѣвушка повстрѣчала лѣсовикову свадьбу. поѣхавъ въ лѣсъ.

„Ѣдетъ ихъ много, много, какъ люди точно, только что почернѣе нашихъ будутъ. Старикъ одинъ соскочилъ и отвелъ ея лошадь въ сторону. Такъ и держалъ все—а они ѣхали. Кто помоложе изъ нихъ зашучивалъ

даже съ дѣвушкой-то,—теребятъ ее. А какъ проѣхали всѣ, вывелъ старикъ ея лошадь на дорогу и уѣхалъ самъ.“ Вотъ это-то представленіе о лѣсовикѣ, какъ о существѣ благодѣтельномъ, получаетъ полное развитіе и ясность въ представленіи о лѣсномъ царѣ. Лѣсной царь—есть глава и управитель лѣсомъ; онъ съ своей женой, лѣсной царицей, править въ своемъ царствѣ и ему повинуются всѣ остальные духи (лѣсовики, боровики и моховики *). Этотъ лѣсной царь является по существу своему добрымъ, но согрѣшившихъ по отношенію къ нему онъ караетъ. Его, однако, можно смягчить просьбами и жертвами.

Вотъ что передавала одна баба изъ собственной жизни (Купецкое оз.): въ жаркій лѣтній день, утомившись въ лѣсу отъ работы по приготовленію мѣста для лядины, эта баба выкупалась въ лѣсномъ прудикѣ, отъ чего она скоро заболѣла. За помощью она обращалась и къ мѣстному фельдшеру и къ знахаркѣ; но ни лѣкарства, даваемая фельдшеромъ, ни тайныя слова, произносимыя знахаркой, нисколько ей не помогали. Знахарка, наконецъ, убѣдила больную идти къ пруду, гдѣ послѣдняя выкупалась, „прощаться“ т. е. просить прощенія. Придя къ пруду, знахарка велѣла разскащицѣ повторить громко за нею слѣдующія слова: „Царь лѣсовый и царица лѣсовая и лѣсовыя малыя дѣтушки, простите меня въ чемъ я согрѣшила.“ Она повторила эти слова три раза и послѣ каждаго раза онѣ клали по земному поклону. Послѣ третьяго раза послышался около нихъ шумъ, словно выстрѣлъ. Обѣ вернулись домой. Знахарка стала лѣчить больную и въ скоромъ времени ей удалось вылѣчить ее.

*) Примѣчаніе: Дѣятельность этихъ божествъ почти тождественна; представленія о нихъ у крестьянъ обыкновенно смѣшиваются, разнятся они другъ отъ друга лишь ростомъ: лѣсовики самые большіе, моховики самые маленькіе.

Это лишь частный случай. Но расказица не представляла исключенія изъ общаго уровня бабъ и мужиковъ. Очень часто, если кто захвораетъ въ лѣсу, то, приписывая болѣзнь лѣсовику, больная отправляется въ лѣсъ. Она несетъ яйцо и, ставъ на перекресткѣ, кладетъ яйцо на лѣвую руку и въ лѣсу произноситъ слѣдующую молитву: **)

„Кто этому мѣсту житель, кто настоятель, кто содержавецъ—тотъ даръ возьмите, а меня простите во всѣхъ грѣхахъ и во всѣхъ винахъ, сдѣлайте здраву и здорову, чтобы никакое мѣсто не шумѣло, не болѣло.“ Яйцо оставляется на перекресткѣ. Если лѣсовикъ услышитъ эту мольбу—болѣзнь пройдетъ.

Но будучи по существу добрымъ, этотъ лѣсной царь наноситъ не мало вреда мѣстнымъ жителямъ, похищая у нихъ скотъ, либо самъ для себя, либо насылая дикаго медвѣдя на стадо. Иногда порученіе похитить скотину у мужика лѣсной царь передаетъ одному изъ подчиненныхъ ему духовъ. Взявъ къ себѣ скотину, онъ однако поддается извѣстнымъ просьбамъ потерпѣвшихъ и иногда возвращаетъ взятое имъ. Для этого нужно рано утромъ на зарѣ пойти къ лѣсу и на перекресткѣ принести жертву, о которой я скажу ниже, для того чтобы лѣсовой царь вернулъ похищенную у

**) Примѣчаніе. Считаю долгомъ отмѣтить, что упомянутое обращеніе къ лѣсовику самими крестьянами называется молитвой. Дѣло въ томъ, что населеніе въ обращеніи своемъ къ духамъ, населяющимъ природу, дѣлаетъ рѣзкое различіе между молитвой и заговоромъ, который называется просто „слова.“ Последній имѣетъ обязательную силу: заговоръ, произнесенный безъ ошибокъ, *обязываетъ* къ совершенію или несовершенію извѣстныхъ дѣйствій духа, къ которому заговоръ относится. Молитва имѣетъ лишь просительное значеніе. Къ такимъ относится и воззваніе къ лѣсовику. Оно не обязываетъ лѣсовика ничѣмъ: онъ воленъ или неволенъ исполнить просьбу просителя. Этому отдѣленію заговора отъ молитвы, установленнаго самими крестьянами, я буду придерживаться и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

крестьянина скотину. Хотя, по убѣжденію населенія, идти къ лѣсу съ этой цѣлью тяжкій грѣхъ, хотя ему и становится страшно при принесеніи такой жертвы, такъ какъ лѣсной царь не всегда является милостивымъ къ просителю, тѣмъ не менѣе рѣдкій крестьянинъ, изъ неутратившихъ еще прадѣдовскія вѣрованія, способенъ противостоять искушенію. Скотина ему слишкомъ дорога, слишкомъ большое подспорье въ его хозяйствѣ, требующемъ отъ него такъ много хлопотъ и жертвъ, чтобы не рѣшиться совершить ради нахождения ея и грѣхъ, чтобы не побороть свой страхъ, который онъ испытываетъ, подходя къ лѣсу, съ цѣлью жертвоприношенія лѣсному царю.

Понятіе о лѣсномъ царѣ очень часто смѣшивается съ понятіемъ о простомъ лѣсовикѣ; вотъ почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣсто лѣснаго царя занимаетъ лѣсовикъ - жертвоприношеніе совершается этому послѣднему. Во всякомъ случаѣ этотъ видъ отношенія крестьянина къ лѣсовику или лѣсному царю заслуживаетъ вниманія оттого, что это одинъ изъ рѣдкихъ остатковъ, прежде быть можетъ и болѣе развитаго культа.

Да и въ настоящее время, когда христіанство заставило поблѣднѣть прежнія представленія о духахъ, населяющихъ лѣсную чащу, крестьянинъ все-таки относится къ лѣсовику съ прежнимъ суевѣрнымъ страхомъ своихъ отдаленныхъ предковъ: это жертвоприношеніе *не* является, такъ сказать, симпатическимъ средствомъ, способствующимъ нахожденію скотины, обрядомъ, перешедшимъ отъ далекихъ временъ, значеніе котораго не вполне ясно крестьянину. Напротивъ того онъ вѣруетъ въ дѣйствіе этой жертвы также сильно, также убѣжденно, какъ вѣровали его, быть можетъ, не просвѣщенные христіанствомъ предки.

Какъ ни могущественъ лѣсной царь или лѣсовикъ, но противъ козней его существуютъ средства, которыми можно его сдѣлать безсильнымъ. Это особый за-

говоръ. Каждый хорошій пастухъ знаетъ его. И одно изъ условій, которое предъявляютъ крестьяне при наймѣ пастуха—это знаніе заговора. Когда около Николіна дня отпускаютъ скотъ на пастбище, пастухъ три раза обходить скотъ съ заговоромъ. Этотъ заговоръ называется „отпускомъ.“

Если онъ не грамотень, то достаточно молча обойти съ отпускомъ стадо. Послѣ этого звѣрь не тронетъ скота. Приведу заговоръ, который намъ удалось достать въ уѣздѣ: „Выйду въ чистое поле, въ широко раздолье, обойду около широкаго двора и обнесу свой приданный образъ и свою зажженную свѣчу восковую около своего широкаго двора, около своей милой береженной скотинушки, около любимыхъ конюшекъ, около своихъ дойныхъ коровушекъ, около своихъ маленькихъ овечушекъ, чтобы черные медвѣди и сѣрые волки, злыя росомахи, чтобы они на мою милую боженую скотинушку, чтобы они глазомъ не глядѣли и ухомъ не слышали, вонью не воняли, носомъ не слышали; около моей скотинушки будь огненна рѣка и каменна стѣна и желѣзный тынь и Миколинъ замокъ, чтобы эта скотинушка была бы цѣла и сохранна, а вы, черные медвѣди и сѣрые волки и злыя росомахи, идите къ синему морю, у синяго моря бейте и копайте черный сонотливый пенъ и черную глиную колоду и отъ нынѣ бы и до вѣку и отъ вѣку и до по вѣку. Аминь.“

Другой заговоръ, оказывающій то же дѣйствіе, гласитъ такъ: „Стану я, рабъ Божій, благословясь, выйду я, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ сѣней воротами, въ чистое поле, принимая милый скотъ, крестьянскій животъ, на свои на бѣлыя руки и пойду около своего скоту и около своего стада и за тотъ ли желѣзный тынь, замкну тридевятъ замками, тридевятъ ключами и снесу эти ключи Пречистой Божіей Матушкѣ.—Пречистая Божія Матушка, Пресвятая Богородица, закрой своей ризой нетлѣнною мой милый скотъ и крестьян-

скій животъ отъ звиря широколапаго и кажись мой милый скотъ, крестьянскій животъ, дубьемъ-колодемъ и сѣрымъ камнемъ, и какъ народъ сходится, собирается въ одну Божию Апостольскую Церковь, такъ солнце поиди на западъ, какъ весь милый скотъ и крестьянскій животъ, сходись, собирайся къ своему двору и кто буде завидовать, осужать переговаривать, и тому лѣсы считать и съ лѣсъ хвоя вырубать и въ морѣ воду вынимать и около моря песокъ вызубать.“

Позволю себѣ привести еще одинъ видъ заговора скота, доставленный мнѣ учителемъ Водлозерскаго училища, при Ильинскомъ погостѣ, М. С. Стратонниковымъ, и найденный имъ у Водлозеровъ. Это старинная рукопись, находящаяся въ большомъ употребленіи у мѣстныхъ жителей. Заговоръ носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды раскольничьяго вліянія. Привожу заговоръ буквально: слова, которыя за ветхостью рукописи нельзя было разобрать, отмѣчены точками.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій, пастырь (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, отцомъ своимъ прощенъ и матерью благословенъ, выду на бѣлый свѣтъ, стану на мать сырую землю на востокъ лицомъ и на западъ хребтомъ, помолюсь я, рабъ Божій пастырь (имя рекъ), Господу Богу Саваофу Иисусу Христу Сыну Божию и Приснодѣвы Маріи, Іоанну Предтечу Крестителю Христову, Михаилу Архангелу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ, Петру и Павлу, верховнымъ апостоламъ, и святому Николаю Чудотворцу, преподобнымъ отцамъ Зосимѣ и Савватию, соловецкимъ чудотворцамъ, и святому великому мученику Георгію храброму и святому священномученику Власію, епископу Севастинскому и всѣмъ небеснымъ силамъ со умиленіемъ припадаю молюся Вамъ, Господи. пособите и помогите и благословите и на путь спроводите меня, раба Божія пастыря (имя рекъ), съ моимъ милымъ скотомъ, съ крестьянскимъ

животомъ, съ коровымъ стадомъ почти.... во все теп-
лое лѣто и до бѣлое снѣгу, закройте и защитите и за-
градите и закрѣпите святыми своими божественными
ризами ходячи волови по скотинѣ посеку по тропамъ и
поухожамъ моимъ меня, раба Божія пастыря (имя рекъ),
и мой милой скоть крестьянской животъ, коровъ и
быковъ, кладенныхъ и не кладенныхъ и малыхъ
и подтелковъ комолыхъ и рогатыхъ, домокормленыхъ и
новоприведенныхъ, бѣлыхъ и черныхъ, бурыхъ и крас-
ныхъ, и пестрыхъ и всякую разношерстную скотину, отъ
чернаго звиря и отъ бураго звиря широколалаго мид-
ведя, отъ опрокидня отъ пакостнаго отъ перехожалаго
отъ волка и отъ волчицы рысучей и отъ всякой зми
скорпіи и отъ всякаго злого и лихого человѣка пыто-
щика и порченника, отъ пострѣлу и повѣтрія
и отъ всякаго силы дьявольскаго нечистаго духа
отъ тущаго отъ постигающаго видящаго отъ
пола отъ старца отъ мужа отъ жены отъ парня отъ
дѣвки отъ черноволоса отъ бѣловолоса отъ всякаго
разнаго чина людей и отъ всякаго дьявольскаго нечис-
таго духа, и закрѣплю я, рабъ Божій (имя рекъ).
и заговорю свое вышеписанное коровье стадо, сколь
крѣпко и твердо основаніе земное и ничто съ мѣста
двинуть не можетъ и коль крѣпко гробъ Господень на
воздусе во святомъ градѣ Іеросалимѣ и сколь крѣ-
покъ и жестокъ синій камень въ окіянѣ морѣ не кро-
шится и не колется и не родится и не котится и не ро-
дится и столь крѣпокъ и жестокъ сей мой буде выше-
писанный заговоръ кругомъ моего вышеписаннаго ко-
ровья стада вѣкъ по вѣку. Аминь, аминь. аминемъ за-
ключается, о пречистая госпоже Богородице Мати Хрис-
това, какъ заграждала закрывала сына своего господя
Ісусо Христа въ граде Виѣліемѣ Іудействомъ отъ Иро-
ды безбожнаго и такъ закрой и защите и загради
и закрѣпи Святой Своей ризою нетлѣнною меня, раба
Божія пастыря (имя рекъ), и мой милый скоть, кре-

стьянскій животъ, любимое мое коровье стадо коровъ и быковъ и не телей и малыхъ подтелковъ, комолыхъ и рогатыхъ кладенныхъ и не кладенныхъ, домокормленныхъ и недомокормленныхъ и новоприведенныхъ, бурыхъ и красныхъ и пестрыхъ и всякую ходячи въ мѣрѣ и по скотамъ и тропамъ и по ухажамъ моимъ отъ чернаго звиря отъ бѣлаго звиря широколапаго мидведя пакостника переходня и отъ волка и отъ волчицы рысучей и отъ всякой змѣи скорпи и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка и отъ всякаго дьявольскаго нечистаго духа по вѣку Аминь Аминемъ залѣчуся О пречистый царь Господи, сошли, Господи, съ небесъ святаго пророка Божія Ілію на огненной колесницѣ съ громомъ и молніею и со стрѣлою кременною, чтобы жгло и ранило и стрѣлою отстрѣливало изъ моей поскотины, и отъ моего вышеписаннаго коровья стада чернымъ и дивнымъ и разнымъ разношерстнымъ звѣрямъ и мидведемъ моего вышеписаннаго коровья стада вѣкъ по вѣку не видать. Аминь, Аминь Аминемъ заключается. О пресвятыи царь Господи, нашли, Господи, злыхъ лютыхъ тридевятъ мяденскихъ кобелей—съ острыми ногтями съ желѣзными зубами чтобъ прогоняли отъ скотины и осеку отъ моего коровья стада старожили и разныхъ разносильныхъ и разношерстныхъ звѣрей и мидведей синемъ морѣ на дикой лѣсѣ тамо зеленую ту рѣку болотную воду сломайте и вочайте пенье и дикое камень, а у меня, раба Божія пастыря имя рекъ, въ моей поскотинѣ и осеку нѣтъ вамъ килатую кидяры вѣкъ по вѣку а кажись мой милый скотъ вышеписанное мое коровье стадо въ моей поскотинѣ и осеку по тропамъ и по ухажамъ моимъ чернымъ и дикимъ и различнымъ звѣрямъ и мидведемъ лѣсомъ, при горѣ горой, при камени каменемъ, при травѣ травой, при водѣ водой, при грязи грязь вѣкъ Аминь Аминь Аминемъ заклю-

чается. Сбирайся, миль народъ православный, къ звону колокольному къ пѣнью церковному, къ отцу духовному и какъ собираются муравьевы дѣти со всѣ четыре стороны къ всякой ночи къ Царю своему Муравью, слушать ему и слушаютъ его всегда, и какъ летаются медовые пчелы по гнѣздамъ своимъ и къ дѣтямъ ко всякой ночи и гнѣздъ своихъ не забываютъ и дѣтей своихъ не покидаютъ и какъ стекаются источники со всей святой русской земли въ одно синее море и такъ бы мой вышеписанный скоть любимый мое коровье стадо меня раба Божія пастыря имя рекъ шли-бѣ и въ одно мѣсто стекалися и на трусья изъ лѣсовъ, изъ мховъ, изъ болотъ и рѣкъ, изъ ручьевъ черныхъ грязей вконецъ въ ветхъ въ переходное мѣсяца и въ меженные дни и во всякое время шли-бѣ дружка отъ дружку не останавливаясь безопасно ко всякой ночи къ домамъ, къ хозяевымъ и къ дѣткамъ своимъ, вѣкъ по вѣку аминь, аминь, аминемъ заключается. Да будетъ на меня, раба Божія пастыря имя рекъ, и на мой милый скоть, крестьянскій животъ, любимое мое коровье стадо какой злой и лихой человѣкъ подумаетъ зло лихо. или какое врожденное и у того бы порченника языкъ воротило, жилы со лба спрыгнулибѣ и подколѣнное жилье рвало, что бы ему супостату порченнику и пытащиму въ день покоя а въ ночь усыпу не было и до смертнаго его часу буди, Господи, во вѣки вѣковъ аминь, аминь, аминемъ заключается, о пресвятый Господи съ умиленіемъ припадаю постави, Господи, меня, раба Божія пастыря имя рекъ, и около моей по скотинѣ и около моего милаго вышеписаннаго коровья стада и коровъ и быковъ и нетелей и малыхъ подтелковъ, комолыхъ и рогатыхъ и домокормленныхъ и новоприведенныхъ, бѣлыхъ, черныхъ, бурыхъ и красныхъ и пестрыхъ и околь всякой разношерстной скотины и около всего

моего вышеписаннаго закрѣпноу
. вору
. постави еси стѣну каменную глубиною три
сажени въ землю а вышиною до небеси а кругомъ стѣ-
ны завали, Господи, землею матерью а кругомъ валу
землянаго проведи, Господи, рѣку огненную глуби-
ною и повели, Господи, тѣ вышеписанныя . .
. . . и стѣну каменную и замкнуть заложить стѣну . .
. Петру златыми его ключами да нести
ключи къ самому Господу Исусу Христу Сыну Бо-
жю на престоль, подѣ святую его нетлѣнную одеж-
ду и какъ сего замки люди не видятъ
въ моей поскотинѣ и осеку моего вышеписаннаго ко-
ровья стада чернымъ
.
.

Этотъ обычай обходить скотину съ отпускомъ очень распространень среди крестьянъ Олон. губ., не только Пудожскаго, но и другихъ уѣздовъ. Такъ, въ уѣздѣ Вытегорскомъ, по словамъ В. Реброва *), пастухи покупаютъ отпускъ и тщательно хранятъ его, чтобы чужія руки не коснулись этой рукописи: вслѣдствіе такого прикосновенія отпускъ можетъ потерять свою силу. Они прячутъ его либо въ своей свирѣли, либо въ фуражкѣ, либо въ глубинѣ дремучаго лѣса, вмѣстѣ съ шерстью отъ каждой головы пасомага ими скота.

Само чтеніе этого отпуска сопровождается еще лишнимъ обрядомъ: скотъ окропляютъ водой, взятой изъ трехъ ключей. Если пастухъ безграмотень, то въ Вытегорскомъ уѣздѣ приглашается для этого грамотный, который и обходить стадо, читая заговоръ, и окропляетъ скотъ. „По прочтеніи молитвы **) и окропленіи стада, пастухъ принимаетъ остатки воды и рукопись отъ

*) „Олонецкій Сборн.“, вып. 1886 г.

**) В. Ребровъ не дѣлаетъ различія между заговоромъ и молитвой.

чтеца и въ свою очередь тоже кропитъ его водою, боясь, чтобы онъ чего-либо не похитилъ изъ молитвы, удаляется въ лѣсъ и тамъ прячетъ принадлежащую ему молитву, гдѣ вздумается; остатки же воды или выпиваетъ, или же изливаетъ на землю подъ камень“.

Этихъ интересныхъ подробностей мнѣ не удалось узнать въ Пудожскомъ уѣздѣ. И обычай окропленія скота водой, взятой изъ трехъ ключей, и боязнь, что чтець, не окропленный той же водой, какъ и обойденный имъ скоть, можетъ похитить часть силы молитвы, дышать такой отдаленной эпохой, такими свѣжими воспоминаніями того времени, когда вода считалась священной, что какъ-то невольно переносятся въ гораздо болѣе отдаленныя отъ насъ времена; эти обряды рисуютъ случайно сохранившееся переживаніе очень далекаго отъ насъ быта и я поэтому позволилъ себѣ подробнѣе остановиться на нихъ.

Въ Пудожскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ его частяхъ, по крайней мѣрѣ, соблюдаются при обходѣ скота слѣдующіе обряды: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ читается первый изъ приведенныхъ мною заговоровъ, наблюдаются при обходѣ скота слѣдующія формальности: скоть загоняютъ во дворъ или въ загородку и съ иконою и зажженной восковой свѣчей въ рукахъ обходятъ скоть по солнцу 3 раза. Затѣмъ изъ свѣчи дѣлаютъ три шарика и, по прочтеніи заговора, приклеиваютъ изъ за воротъ, затѣмъ бросаютъ.

Тамъ, гдѣ употребителенъ второй заговоръ, пастухъ также дѣлаетъ три шарика изъ воска и приклеиваетъ ихъ къ иконѣ; за иконою же хранится и отпускъ. Въ иныхъ случаяхъ каждая домохозяйка дѣлаетъ это для себя и своего скота. Въ шарики закатывается подчасъ немного шерсти, срѣзанной отъ каждой выгоняемой на пастьбу коровы. Эти восковые шарики домохозяйки хранятъ за иконами и, по окончаніи пастьбы, спускаютъ либо въ рѣку, либо въ озеро. Тамъ, гдѣ шарики ката-

еть самъ пастухъ, спусканіе шариковъ въ воду производится имъ самимъ по окончаніи пастьбы.

Когда читають третій видъ заговора, то, по словамъ рукописи, слѣдуетъ при прочтеніи отпуска „взять отъ всякой скотины изъ уха сѣры въ чистый воскъ закатать да ключъ съ замкомъ, да съ муравейника земли, съ которой четыре дороги, и около скота... да кругомъ обойти... трижды по солнцу на все на то наговаривать трижды; воску положить на обѣ стороны воротъ, ключъ на сторону: на другую—замокъ, на обѣ стороны воротъ земли положить: на сторону воротъ; на другую ножикъ... (конецъ рукописи испорченъ).

Хотя въ этихъ обрядахъ мы и не видимъ тѣхъ архаизмовъ, какъ въ обрядахъ, употребляемыхъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, такъ какъ здѣсь вліяніе христіанства повидимому отразилось сильнѣе на измѣненіи суевѣрныхъ обрядовъ населенія, тѣмъ не менѣе и здѣсь мы замѣчаемъ также остатокъ мышленія первобытнаго человѣка: вѣра въ то, что собранная часть шерсти, закатанная въ шарики изъ воска и сберегаемая за иконой, спасаетъ все стадо, что отданная подъ непосредственное покровительство иконы *paris pro toto*, что шарики и шерсть, сберегаемые и отъ дурного глаза и вліянія злого человѣка самой иконой сохраняетъ достояніе крестьянина,—дышитъ такимъ архаизмомъ, такой далекой эпохой, что какъ-то странно встрѣтить его среди сравнительно развитого населенія Пудожскаго уѣзда.

Какъ отдаленное воспоминаніе культа воды, сохранился обрядъ бросанія этихъ шариковъ, по окончаніи пастьбы, въ воду. Это можетъ быть, впрочемъ, объяснено двумя способами: либо какъ вещь священную, лежавшую за иконами, шарикъ нельзя выбросить просто на улицу и во дворъ, гдѣ его могутъ попирать ногами; либо эти шарики являются предметомъ, съ которымъ связано какое-либо суевѣрное представленіе. Взглядъ,

что вещь священную нужно уничтожить либо посредствомъ огня, либо воды, либо погребенія въ землю, однимъ словомъ, при помощи такъ назыв. „чистыхъ стикій“, какъ извѣстно, очень распространенъ въ народѣ. Извѣстно, что, напримѣръ, испортившіяся иконы не бросаютъ, а либо сжигаютъ, либо погребаютъ, либо спускаютъ въ воду.

Объ обычаѣ пускать старую ненужную икону упоминаютъ и древніе писатели о Россіи. Въ самой Москвѣ этотъ обычай сохранился до послѣдняго времени. Тоже дѣлаютъ съ просфорой, высохшей и неудобосъѣдаемой: ее даже въ Москвѣ до послѣдняго времени бросали въ колодцы. Подобно тому, какъ во всѣхъ этихъ обрядахъ сохранилось, какъ переживаніе, темное воспоминаніе о водѣ, которая наиболѣе достойна принять священный предметъ, такъ, быть можетъ, это же воззрѣніе лежитъ въ основаніи обряда бросанья упомянутыхъ восковыхъ шариковъ въ озеро.

Быть можетъ и другое соображеніе обусловливаетъ вышеупомянутый обрядъ: извѣстно по народнымъ повѣртіямъ, что для того, чтобы „испортить“, погубить человѣка или животное, нужно, чтобы желающій погубить имѣлъ въ своихъ рукахъ кусокъ одежды обрекаемой на погибель жертвы, или вообще что-нибудь, что составляло-бы необходимую принадлежность данной личности или животного. Естественно, что человѣкъ, находящійся на низкой степени развитія, боится, что, если шерсть животного или кусокъ одежды или часть волосъ кого-либо, порчи котораго онъ не желаетъ, попадетъ въ руки человѣка, могущаго „навести порчу“, что такимъ образомъ все его достояніе, самое дорогое изъ всего его имущества, даже, онъ самъ, можетъ подвергнуться опасности быть испорченнымъ. Отсюда и обычай сжигать или бросать въ воду, напр. сръзанные волосы, ногти и т. д.

Будучи брошены въ воду, они затериваются и для

колдуна, для человѣка злого нѣтъ возможности получить ихъ. Этимъ, быть можетъ, также объясненъ обычай бросать шарики съ шерстью отъ коровъ въ воду, чтобы никто не могъ ихъ найти и заклятіями и заговорами надъ ними, причинить вредъ находящемуся въ домѣ скоту.

Какъ-бы то ни было, но ни молитва, которой начинается „отпускъ“, ни такія предосторожности, какъ положеніе отпуска и шариковъ за иконы не считаются жителями Пудожскаго уѣзда достаточными, чтобы „оберечь“ свой скотъ отъ лѣсовика или лѣснаго царя. Маленькая упущенная формальность, случайно невѣрно произнесенное слово можетъ уничтожить всю силу заговора, и лѣсной царь, гнѣваясь на лицъ, желавшихъ силой заговора и обрядовъ ограничить его власть надъ скотомъ, нашьлетъ намѣренно больше дикихъ звѣрей на стадо и большее количество коровъ заведетъ въ глубину лѣса, къ себѣ. Поэтому-то лучше дружить съ лѣснымъ божествомъ. Благодаря этому, пастухи предпочитаютъ заключать договоръ съ лѣсовикомъ, по которому ему предоставляется право взять къ себѣ извѣстную часть скота (обыкновенно, впрочемъ, не больше одной двухъ коровъ).

За это лѣсовикъ обязанъ оберегать стадо. Этотъ договоръ съ лѣсовикомъ считается очень грѣховнымъ, но и на него соглашаются крестьяне, лишь бы ихъ стадо оставалось цѣлымъ. Договоръ заключается при посредствѣ строго опредѣленной формулы—заговора, изъ котораго нельзя выкидывать ни слова.

Дѣйствительно не всѣ пастухи знаютъ какъ это слѣдовать; а тѣ, которые знаютъ, хранятъ эту тайну и не всегда рѣшаются говорить объ этомъ односельчанамъ. Нѣкоторые крестьяне также знаютъ слова заговора, но боятся рассказывать его. Этимъ-то страхомъ сообщить вещь, которая считается столь грѣховной, и объясняется, что до сихъ поръ этотъ заговоръ не прони-

каль въ печать; этимъ-же объясняется, что крестьяне, сообщавшіе намъ объ этомъ договорѣ съ лѣсовикомъ, всѣ, поголовно, отзывались незнаніемъ словъ заговора, ни за что не соглашались открыть намъ слова его.

Въ виду возможности заключить съ лѣсовикомъ подобный договоръ и является существенно необходимымъ при пропажѣ скота изъ стада узнать, пропала-ли она по „шалости“ лѣсовика или была пропавшая скотина ему завѣщана. Чтобы узнать это, обращаются къ лицамъ, которыя, по мнѣнію населенія, „знаются съ лѣсовикомъ“, — „есть такіе люди“, прибавляютъ обыкновенно при этомъ.

Эти люди обыкновенно отправляются въ лѣсъ, становятся на перекресткѣ и свищутъ. Лѣсовикъ приходитъ на свистъ. „Человѣкъ, который знаетъ съ лѣсовикомъ“, спрашиваетъ его, что пропавшая скотина была ему завѣщана или нѣтъ. Если она была завѣщана, то хозяину пропавшей скотины остается лишь примириться съ своимъ горемъ: ничто не можетъ помочь ему вернуть скотины (корову или лошадь), уведенную лѣсовикомъ. Другое дѣло, когда лѣсовикъ похититъ у него скотину ему не завѣщанную.

Потерпѣвшій, узнавъ отъ того, „кто съ лѣсовикомъ знаетъ“, что онъ можетъ вернуть пропавшую скотину, такъ какъ она лѣсовику завѣщанной не была, совершаетъ то жертвоприношеніе, о которомъ я уже говорилъ выше. Хозяинъ пропавшей скотины, взявъ завернутое въ тряпку или бумажку яйцо, отправляется въ лѣсъ на перекрестокъ и, положивъ на лѣвую руку яйцо (иногда и ржаныя лепешки), произноситъ слѣдующія слова: „Кто этому мѣсту житель, кто настоятель, кто содержавецъ тотъ возьмите даръ, возьмите и домой скотинку спустите, нигдѣ не задержите, не за рѣками, и не за ручьями, и не за водами“; онъ оставляетъ яйцо на перекресткѣ для лѣснаго царя. Скотина послѣ этого должна найтись.

Таковъ въ общихъ чертахъ культъ лѣсного божества. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ чертахъ лѣсовника, которыя мы можемъ встрѣтить почти во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ великорусскимъ племенемъ, отмѣчу лишь то, что въ наиболѣе развитой формѣ этотъ культъ является среди жителей, населяющихъ берега оз. Купецкаго и въ близъ лежащихъ отъ него деревняхъ. Этотъ культъ сохранился здѣсь наиболѣе цѣльнымъ не оттого что лѣса, окружающіе это озеро, болѣе дремучи, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ уѣзда, не оттого, что городская культура здѣсь оказала меньшее дѣйствіе, чѣмъ въ другихъ деревняхъ. Напротивъ того, во многихъ частяхъ уѣзда лѣсъ заполонилъ большее пространство земли, болѣе дремучимъ растянулся онъ по берегамъ озеръ и по кряжамъ горъ. Городская культура болѣе чѣмъ въ большинствѣ другихъ частяхъ уѣзда оказала свое дѣйствіе. Вѣрнѣе будетъ искать причину сохраненія культа лѣсовника въ самой жизни крестьянина, поселившагося издревле на Купецкомъ озерѣ.

Главное занятіе его хлѣбопашество: рыболовство уступаетъ ему первенство, такъ какъ само Купецкое озеро съ прилежащимъ къ нему Тягозеромъ не велики (первое 4—5 в. шир. и приблизительно такой-же длины; второе 6—7 вер. длины) и не въ состояніи обезпечить жителей рыбой. Хлѣбопашество, какъ я уже сказала, требуетъ отъ мѣстнаго крестьянина усиленной борьбы съ лѣсомъ. Проводя почти все лѣто въ лѣсу, крестьянинъ невольно сживается съ нимъ. Дѣло въ томъ, что въ виду того, что лядины отстоятъ иногда версть за 15—20 отъ деревни, крестьяне, запасшись провизіей на недѣлю, отправляются утромъ рано въ понедѣльникъ, пробываютъ въ лѣсу цѣлую недѣлю и лишь въ субботу вечеромъ возвращаются домой. И такъ почти все лѣто.

Неудивительно поэтому, что лѣсъ долженъ былъ оказать наиболѣе сильное вліяніе на воображеніе крестья-

янина данной мѣстности, что изъ духовъ, населяющихъ, по вѣрованіямъ крестьянъ землю,—лѣсовикъ. какъ наиболѣе близкій, долженъ былъ пользоваться и наибольшимъ почетомъ, что культъ его наиболѣе развился.

Понятно поэтому также, что въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ рыболовство занимаетъ первое мѣсто въ экономическомъ быту крестьянина. гдѣ ему приходится не столько проводить время въ лѣсу, сколько на волнахъ озеръ, что въ такихъ мѣстностяхъ культъ лѣсного духа долженъ былъ отойти на второй планъ.

Къ такимъ относятся жители береговъ оз. Водлозера. Близость этого послѣдняго, имѣющаго 60 в. длины и 40 в. шир., изобилующаго при этомъ рыбой, должно было повліять на занятія мѣстныхъ жителей, которые и являются съ давнихъ временъ рыболовами, и лишь отчасти хлѣбопашами. Поэтому естественно, что культъ духа лѣсного не могъ здѣсь развиться, но за то также естественно, что именно здѣсь, гдѣ большая часть дня крестьянина проходитъ на озерѣ, которое, какъ и всѣ озера сѣвера, крайне непостоянно, долженъ былъ развиться культъ вѣтра и духа воды. То стоитъ тишь и ловъ идетъ удачно, то вдругъ подуетъ сѣверикъ и рыбы не станетъ. „Сѣверикъ подуетъ—изъ котла рыбку повинеть“, говорятъ водлозеры, желая указать зависимость главнаго источника ихъ дохода отъ случайныхъ переменъ вѣтра.

Поэтому здѣсь, на Водлозерѣ, является антропоморфизация вѣтровъ, если и не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, главнаго и самаго опаснаго для крестьянина сѣверика. Это старикъ, и старикъ суровый. Вѣтры то помогаютъ, то препятствуютъ плавающему на озерѣ рыболову. Они вѣдутъ на тройкахъ и дуютъ, поднимая то попутный, то встрѣчный вѣтеръ. Употребительно у водлозеровъ заклинаніе вѣтра, которое мнѣ не приходилось встрѣчать въ другихъ мѣстностяхъ Пудожскаго уѣзда. Если вѣтеръ попутный, но дуетъ слишкомъ вяло, такъ что па-

русь не надувается, водлозёры произносятъ слѣдующее заклинаніе:

Сивушки-бурушки,
Вѣщіе вороняюшки
Пособите, дружки,
Помогите.
Какъ моего дѣдушку слухали,
Какъ моего батюшку слухали
Послужите и мнѣ
Вѣрою правдою, силою крѣпкою.

Если попутный вѣтеръ дуетъ слишкомъ сильно, то начинаютъ его просить дуть потише: „перестань, ишь разгулялся: что ты! потише!“ Снимаютъ шапку, просятъ и, если вѣтеръ случайно не ослабѣетъ, грозятъ ему кулакомъ и грозно прибавляютъ: „Говорятъ тебѣ перестань! не смѣй.“

Но гораздо страшнѣе для водлозёра водяной. Въ отношеніяхъ къ божествамъ воды слѣдуетъ также отличать водяного царя отъ простаго водяного. Этотъ послѣдній стоитъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ царю водяному, какъ простой лѣсовикъ къ лѣсному царю. Онъ также подвѣдомственъ ему. Но понятіе о лѣсномъ царѣ гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ представленіе о царѣ водяномъ. Первый господствуетъ надъ лѣсомъ, окружающемъ селеніе, водяной же менѣе опредѣленъ. То онъ является главнымъ начальникомъ и управителемъ озера, которому служатъ и котораго слушаются водяные рѣкы и ручьевъ, втекающихъ въ это озеро, и водяные мелкихъ озеръ, сообщающихся посредствомъ рѣкы съ большимъ озеромъ. То въ одномъ озерѣ ихъ оказывается нѣсколько. Нечего и говорить, что понятіе о водяномъ царѣ подчасъ смѣшивается съ понятіемъ о простомъ водяномъ. Простыхъ водяныхъ часто видаютъ: они выходятъ на берегъ, гдѣ сидя у воды расче-

сываютъ себѣ волосы. При появленіи челоуѣка они обыкновенно бросаются въ воду.

Въ общихъ чертахъ водяной, царь водяной, въ отношеніи своей дѣятельности, въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ мало чѣмъ отличается отъ водяного нашихъ среднихъ губерній. Въ виду этого, я на немъ останавливаться не буду. Отмѣчу лишь тотъ фактъ, что въ Водлозѣрѣ живутъ, по преданію, два водяныхъ: одинъ у Пречистенскаго погоста, другой у Ильинскаго.

Дѣло въ томъ, что все населеніе, осѣвшееся по берегамъ и островамъ Водлозѣра, дѣлится въ церковномъ отношеніи на два прихода: Пречистенскій (ближе къ южному берегу озера) и Ильинскій въ 15 верстахъ отъ перваго (по озеру), ближе къ сѣверному берегу. О построеніи церквей въ томъ и другомъ погостѣ ходятъ у жителей сказочныя преданія, впрочемъ того характера, который очень распространенъ по всѣмъ мѣстностямъ Россіи. Рассказываютъ, что Ильинскую церковь хотѣли прежде построить на другомъ мѣстѣ и привезли для этой цѣли лѣсъ на мѣсто, предназначенное для постройки церкви. Невидимая сила снесла его на островъ; лѣсъ снова привезли на мѣсто, предназначенное для постройки; но невидимая сила вернула лѣсъ снова на тотъ островъ, гдѣ онъ былъ найденъ послѣ перваго раза. И такъ нѣсколько разъ. Послѣ этого жители рѣшили, что самъ Богъ назначаетъ мѣсто, угодное Ему для постройки храма. И церковь во имя Св. Ильи была воздвигнута на томъ островѣ, гдѣ она стоитъ до сихъ поръ. Такое же преданіе, съ незначительнымъ лишь вариантомъ, ходитъ и о построеніи церкви въ погостѣ Пречистенскомъ.

Хотя этого рода преданія очень распространены въ народѣ, но на этотъ разъ, касаясь положенія водлозерскихъ церквей, они останавливаютъ на себѣ вниманіе. Дѣло въ томъ, что тотъ и другой погостъ расположены на островахъ, причемъ узкій проливъ отдѣля-

еть Пречистенскій погостъ отъ материка, а Ильинскій погостъ отдѣляется узкимъ проливомъ отъ другого острова. Въ проливахъ, по преданію жителей, помѣщаются водяные.

Впрочемъ для Пречистенскаго погоста водяной пногда помѣщается и въ другомъ проливѣ, отстоящемъ отъ погоста въ нѣсколькихъ верстахъ и называемаго желѣзными воротами. Одинъ водяной называется поэтому пречистенскимъ, а другой — ильинскимъ. Это обстоятельство, именно что мѣстожителство водяныхъ означается около погостовъ, заставляеть думать, что сами церкви построены на мѣстахъ, на которыхъ въ давнія времена, быть можетъ, стояли священныя роши, остатки которыхъ сохранились и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Пудожскаго уѣзда; о нихъ я буду имѣть случай говорить ниже.

Какъ бы то ни было, но на мой взглядъ, сближеніе жилища водяного съ мѣстомъ нахождения церкви едва ли случайное. Вѣроятноже, во всякомъ случаѣ, что христіанская святыня лишь замѣнила собой языческую, и освятила своимъ присутствіемъ мѣсто, гдѣ прежде, быть можетъ, приносились жертвы языческимъ божествамъ; что мѣста, на которыхъ въ настоящее время стоятъ церкви были прежде языческими святилищами, и вновь прибывшее христіанство лишь замѣнило божество языческое храмомъ Св. Пліи, измѣнило, такъ сказать, предметъ, но не мѣсто поклоненія... Во всякомъ случаѣ можно предположить, что культъ водяного здѣсь очень древень и, быть можетъ, даже унаслѣдованъ русскими отъ финновъ. Постройка же церквей на этихъ мѣстахъ тѣмъ болѣе вѣроятна, что, какъ извѣстно, вообще постройка церквей на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ и урочищахъ, съ которыми соединялись древнія религіозныя представленія населенія—была въ большемъ ходу въ древней Россіи, такъ напр., городище подъ Москвой въ Кунцевѣ, называемое обыкновенно проклятымъ мѣстомъ.

Окрестные жители, какъ извѣстно, и теперь еще питаютъ къ этому мѣсту суевѣрное уваженіе и бросаніе въ рѣку вѣнковъ въ семикъ производится именно противъ городища, хотя многимъ деревнямъ приходится для этого идти нѣсколько версть. На этомъ мѣстѣ стояла нѣкогда церковь, упраздненная по свѣдѣніямъ П. Е. Забѣлина въ XVII столѣтіи.

Въ настоящее время, когда оба эти проливы освящены присутствіемъ церквей, мѣсто жительство водяныхъ все-таки указывается именно около нихъ. Ни сила православнаго креста, ни близость церкви не были въ состояніи изгнать, по преданію живущаго именно здѣсь, водяного; онъ только утратилъ часть своей силы, но все-таки остался и не убоился креста. Это можетъ объясняться отчасти консерватизмомъ народныхъ представленій, отчасти и тѣмъ, что по понятіямъ водлозеровъ водяной и не особенно злой духъ.

Онъ дѣйствительно подчасъ и утащить человѣка къ себѣ, но въ общемъ онъ не золь: мирно сидитъ онъ себѣ въ своемъ прошвѣ и рѣдко безъ нужды вредитъ людямъ. Видъ его опредѣляется различно: по однимъ— онъ является совсѣмъ схожимъ съ человѣкомъ; по другимъ,— онъ похожъ на человѣка, лишь, какъ и лѣсовикъ, *„почертье нашихъ будетъ“*; третьи, наконецъ, рисуютъ его снабженнымъ гусиными руками и ногами. Всѣ эти представленія сходны въ одномъ — водяной старецъ. Объяснить то обстоятельство, что въ то время какъ въ другихъ извѣстныхъ мнѣ мѣстахъ каждое озеро находится подъ управленіемъ одного водяного или водяного царя—на Водлозерѣ ихъ два—я не рѣшаюсь. Но въ качествѣ предположенія можно было-бы объяснить это слѣдующей причиной. Тутъ, на Водлозерѣ столкнулись два племени или, быть можетъ, два рода, быть можетъ еще до заселенія края русскими.

За рѣдкими исключеніями всѣ деревни на Водлозерѣ носятъ финскія названія, какъ и само озеро и вы-

текающая изъ него рѣка Водла. Нѣтъ невѣроятнаго, что два племени или два рода, быть можетъ, еще финскіе столкнулись здѣсь: одно, шедшее съ сѣвера къ югу, другое, направляющееся съ юга на сѣверъ; причемъ каждое изъ этихъ племенъ имѣло свое святилище: одно въ современномъ Пречистенскомъ погостѣ, другое въ современномъ Ильинскомъ погостѣ. Быть можетъ, что рода, изъ которыхъ одинъ былъ оттѣсненъ другимъ дальше на сѣверъ, или наоборотъ къ югу *перенесъ* свое святилище и обособилъ свой культъ. Не вдаваясь въ догадки, укажу лишь на то, что смутное преданіе о происходившей здѣсь на Водлозерѣ борьбѣ сохранилось до сихъ поръ среди водлозеровъ.

Какъ я указалъ уже выше среди жителей сохранилось довольно ясное воспоминаніе о своемъ происхожденіи: одни называютъ себя потомками шведовъ (т. е. финляндцевъ), другіе — русскихъ насельникахъ, третьи — Чуди. Сохранилось на ряду съ этимъ и преданіе о панахъ, которые приходили и къ берегамъ Водлозера, причемъ у деревни Конза-наволокъ происходила большая битва съ ними, и нѣкоторыя семьи считаются потомками пановъ; наконецъ, рассказываютъ, что одинъ Каргопольскій князь, отправившись за данью на Водлозеро изъ Повѣнца, приказалъ для проѣзда въ лодкахъ зимой пропешить ледъ, но, благодаря непогодѣ, потонулъ въ озерѣ со всей дружиною.

Какъ видно изъ этого у мѣстныхъ жителей лучше, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, сохранились воспоминанія о прошлой ихъ исторической жизни: въ памяти ихъ сохранились не только упомянутыя воспоминанія о своемъ происхожденіи и принадлежности, какъ данниковъ къ Каргопольскому княженію, но даже и воспоминанія о сраженіяхъ и спорахъ, бывшихъ въ давнее время у жителей разныхъ селеній между собою. Это живучесть воспоминаній объ историческомъ прошломъ и заставляетъ съ бѣльшимъ довѣріемъ относиться

къ сохранившимся среди Водлозеровъ преданіямъ о населявшей нѣкогда берега и острова озера — Чуди, съ которой предки ихъ вели жестокую борьбу.

До сихъ поръ показываютъ Кингъ-островъ, на которомъ, по преданію, были уничтожены остатки разбитой Чуди, спасшейся на этотъ островъ; тутъ и легла вся Чудь *). Этотъ островъ считается священнымъ: онъ поросъ лѣсомъ и рубить этотъ лѣсъ считалось грѣховнымъ и опаснымъ, такъ какъ, если сама убитая Чудь и не вступится непосредственно за свои права, то она впоследствии такъ или иначе должна была отомстить оскорбившему ея святыню. Какъ ни украшено это преданіе о Чуди поэтическими арабесками, все-таки, за рядомъ вымысловъ, мы можемъ замѣтить, что основаніемъ этого разсказа послужило воспоминаніе о бывшей здѣсь нѣкогда битвѣ, и вѣроятно битвѣ съ народомъ мало знакомымъ съ предками современныхъ водлозеровъ, такъ какъ остальные воспоминанія о битвахъ деревни съ деревней или союза нѣсколькихъ деревень съ другимъ подобнымъ же союзомъ ярко запечатлѣлись въ памяти жителей.

Какъ бы то ни было оба водяные являются совершенно самостоятельными господами, каждый въ своей части озера. Они то дружатъ другъ съ другомъ, то

*) Что касается названія Чудь, то позволю себѣ замѣтить, въ виду сказочнаго значенія, которое ей придается очень часто самимъ народомъ, что въ данномъ случаѣ это названіе племени нѣкогда здѣсь жившаго, быть можетъ имѣетъ за собой историческое основаніе. Извѣстно, что кромѣ названія Эстовъ Чудью и финскихъ насельниковъ Заволочья — заволоцкой Чудью -- этимъ названіемъ означается еще финское племя Вепсовъ (*Wepśälaiset*), населяющихъ частью Новгородскую губернію, частью Олонецкую, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, на югъ отъ Онежскаго озера, на истокахъ рѣки Ояти. Это и въ настоящее время довольно многочисленное племя (около 20,000 душъ), быть можетъ нѣкогда заселяло и весь современный Пудожскій уѣздъ и было вытѣснено новыми пришельцами быть можетъ также финскаго или русскаго происхожденія.

враждуютъ. Въ настоящее время оба водяные породнились. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ преданіе: у водяного ильинскаго была дочь; за ней сваталась водяной пречистенскій и водяной, — владѣлецъ Кенозера, которое въ ту отдаленную эпоху было соединено съ Водлозеромъ. Какъ пречистенскій, такъ и кенозерскій водяные часто навѣщали ильинскаго. Кенозерскій водяной первый посватался и ему отказали. Посватался затѣмъ пречистенскій водяной и старикъ — ильинскій отдалъ за него свою дочь. Кенозерскій разсердился, ушелъ къ себѣ въ озеро и, чтобы никогда не ходить больше въ Водлозеро, засыпалъ большими камнями дорогу; съ тѣхъ поръ Кенозеро не сообщается больше съ Водлозеромъ. Отправляя свою дочь къ зятю, къ пречистенскому погосту, ильинскій водяной далъ ей въ приданое много золота и драгоценностей и, наконецъ, цѣлый островъ изъ своихъ владѣній послалъ вмѣстѣ съ дочерью въ ея новое жилище. Этотъ островъ лежалъ прежде недалеко отъ рѣки Илексы и, ведомый пѣтухомъ, прибылъ къ деревнѣ Большой Куль-Наволокъ, недалеко отъ которой онъ остановился. Вѣщій пѣтухъ затѣмъ улетѣлъ, а островъ стоитъ до сихъ поръ и прозванъ въ память того, что его привезъ пѣтухъ, Пѣтуньимъ островомъ.

Кстати замѣтить, что понятіе о пѣтухѣ какъ о птицѣ вѣщей, сохранилось у народа, на протяженіи всего Пудожскаго уѣзда, довольно ясно. Онъ, между прочимъ, помѣщается въ рярядъ птицъ, ѣсть которыхъ грѣшно.

Что касается жертвоприношеній водяному, то мнѣ не удалось открыть ихъ; но не безынтересенъ тотъ фактъ, что водлозѣры, проѣзжая черезъ проливы, въ которыхъ живутъ водяные, отвѣщиваютъ глубокіе поклонны водяному царю, снимая шапку. Большинство проѣзжаетъ съ суевѣрнымъ страхомъ и радостно крестится, когда проѣздъ совершился благополучно.

Но указывая и отъѣняя, что водяной особенно чтится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь жителя тѣсно связана съ этой стихіей, а культъ лѣсовика, тамъ, гдѣ подсѣчное хозяйство является *главнымъ* подспорьемъ въ жизни крестьянина, я отнюдь не хочу сказать, что культъ водяного отсутствуетъ у послѣдней категоріи крестьянъ, а культъ лѣсовика у крестьянъ первой категоріи. И то и другое божество чтится повсемѣстно, но въ разныхъ степеняхъ.

Такъ, на Водлозерѣ, гдѣ развитъ особенно культъ водяного, чтится и лѣсовикъ. Послѣднему также какъ и на озерѣ Купецкомъ приносятъ жертвоприношенія въ случаѣ пропавшн скота. Это понятно: водлозѣры также занимаются хлѣбопашествомъ въ лѣсахъ и до послѣдняго времени оно являлось все-таки важнымъ подспорьемъ въ ихъ хозяйствѣ. За нѣсколько лѣтъ жители стали обращаться главнымъ образомъ къ рыболовству. Поэтому культъ лѣсовика не псчезъ, но онъ отступилъ лишь на второй планъ: культъ же водяного занимаетъ первое мѣсто въ вѣрованіяхъ крестьянъ. поэтому - то водяной пользуется меньшимъ почетомъ у жителей озера Купецкаго, чѣмъ у водлозѣровъ и наоборотъ, водлозѣры меньше почитаютъ лѣсовика, чѣмъ обитатели Купецкаго озера.

Лучшимъ подтвержденіемъ того, что даже на Купецкомъ озерѣ, гдѣ роль водяного низведена до *минимума* — воспоминаніе о водяномъ царѣ все-таки очень сильно, служить слѣдующая молитва, которую читаютъ всякій разъ, когда берутъ воду для лѣченія ею больного.

„Бережокъ батюшка, водушка матушка, *царь водяной и царина водяная съ малыми дѣтьми, съ приходящими гостями*, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божию“. На Водлозерѣ, гдѣ культъ лѣсовика стоитъ сравнительно съ озеромъ Купецкимъ очень низко, молитва, которую читаютъ при черпаніи воды для больного гласитъ такъ:

„Царь земной и царица земная и царь водяной и царь лѣсной, благословите водушки взять не ради хитрости, не ради мудрости, для добраго здоровья раба Божія“. Обѣ эти молитвы важны, какъ доказательства того, что въ общемъ божества у всѣхъ жителей уѣзда одинаковы, лишь степень поклоненія каждаго изъ нихъ зависитъ отъ условій быта. Поэтому, хотя въ молитвѣ, читаемой на Купецкомъ озерѣ и не поминается царь лѣсной, а въ той, которая читается на Волдозерѣ, онъ поминается,—все-таки культъ водяного занимаетъ главное мѣсто у водлозѣровъ, а культъ лѣсовика на Купецкомъ озерѣ. Приведенныя выше слова молитвы интересны для насъ еще тѣмъ, что здѣсь встрѣчается упоминаніе о земномъ царѣ и земной царицѣ. Понятіе объ этихъ двухъ божествахъ земли, объ ихъ дѣятельности и отношеніи къ людямъ, у крестьянъ тѣхъ мѣстностей по крайней мѣрѣ, гдѣ эти молитвы записаны, намъ не удалось открыть.

Повидимому, въ настоящее время эти представленія о божествахъ земли совершенно исчезли изъ народной памяти и лишь въ видѣ переживанія ихъ имена сохранились въ молитвахъ, свидѣтельствуя о древности ихъ также, какъ это дѣлаютъ и олицетворенія берега и воды, встрѣчающіяся въ этой молитвѣ („бережокъ-батюшка, водушка-матушка“). Что касается этихъ послѣднихъ олицетвореній, то и они для современнаго пудожанина утратили истинное свое значеніе и служатъ въ настоящее время лишь формой, значеніе которой крестьяне не понимаютъ. Но безспорно, что въ тѣ отдаленныя времена, когда культъ языческихъ божествъ былъ еще крѣпокъ, эти олицетворенія имѣли для крестьянина свое буквальное значеніе.

Не останавливаясь болѣе на водяномъ, перейду теперь къ тѣмъ божествамъ и духамъ, которые связаны съ жилищемъ пудожанина какъ съ его очагомъ, такъ и постройками, такъ или иначе необходимыми ему въ его

хозяйствѣ; къ этимъ духамъ относятся: дворовой, подполянникъ, запеченникъ, жихарь, овиняникъ, хлѣвный и баенникъ. Изъ нихъ четыре первые живутъ въ домѣ; хлѣвный—въ хлѣвѣ, овиняникъ—въ овинѣ, и баенникъ—въ банѣ. Подробно на этихъ домашнихъ духахъ я останавливаться не буду какъ по малому количеству данныхъ, имѣющихся у меня подъ руками, такъ и благодаря безъинтересности этого культа у подожанъ. Всѣ домашніе духи, какъ дворовой (иногда назыв. домовымъ), подполянникъ и запечникъ имѣютъ, какъ извѣстно, въ своемъ происхожденіи связь съ домашнимъ очагомъ, но эта связь въ настоящее время утратилась и утратилась при томъ на столько, что мы почти-что лишь по аналогіи можемъ судить, что современныя вѣрованія въ этихъ домашнихъ духахъ—не болѣе, какъ слабыя слѣды древняго поклоненія предковъ. Дворовыхъ поселяютъ въ подпольѣ. Ихъ число бываетъ равно числу членовъ семьи; они управляются большакомъ; есть у нихъ большуха, есть и дѣти. Дворовые живутъ, какъ обыкновенные люди: они ѣдятъ, пьютъ, женятся. Однимъ словомъ, проводятъ въ своемъ подпольѣ время также, какъ крестьянинъ въ избѣ. Большакъ-дворовой обыкновенно называемый „избенный большакъ“ пользуется въ своей подпольной семьѣ такимъ-же объемомъ власти, какъ и крестьянскій большакъ: „что онъ прикажетъ дѣлать, то и дѣлаютъ“.

Дворовой является людямъ, и видъ его описывается либо какъ обыкновенный человѣческій, либо также „почернѣе“ обыкновенныхъ людей. Съ нимъ можно вступать и въ разговоръ. Вотъ, напримѣръ, рассказъ одной крестьянки, деревни Авдѣевской: „мужикъ разъ лежитъ себѣ ночью. Видитъ вдругъ вошла баба съ зыбкою. Повѣсила зыбку, а сама у печки грѣться стала: А-а-а! говорить, холодно! а сама зыбку качаетъ. Испугался мужикъ, взялъ да и зажегъ спичку. Она сейчасъ въ дверь и зыбку съ собой взяла. Потушилъ мужикъ огонь—ле-

жить. Вошелъ самъ-то дворовой — говоритъ: „жалко тебѣ избы стало, что-ли? не пустилъ бабу обогрѣться“. Онъ мужъ ея былъ, знать. Мужикъ опять зажегъ спичку и тотъ въ ходъ пустился“. Этотъ рассказъ, ярко рисующій намъ дворового, интересенъ между прочимъ тѣмъ, что и онъ и его жена какъ-бы боятся свѣта, словно они не совсѣмъ „чисты“ и какъ духи нечистые отъ зажиганія огня мгновенно удаляются.

Но это представленіе о дворовыхъ, какъ о существахъ не совсѣмъ чистыхъ, является лишь обезображеніемъ древнихъ вѣрованій, обезображеніемъ, которое мы нерѣдко встрѣчаемъ въ отношеніи къ домашнимъ духамъ почти повсемѣстно въ Великороссіи, гдѣ домо-вой также чаще представляется злымъ, чѣмъ добрымъ. Но въ другихъ мѣстахъ Пудожскаго уѣзда, какъ напримѣръ, на Кенозерѣ, дворовой является скорѣе духомъ свѣтлымъ, котораго боится нечистая сила. Тамъ, какъ впрочемъ и во многихъ мѣстахъ уѣзда, при входѣ въ лѣсную избушку для ночевки считается необходимымъ произнести слѣдующую молитву, какъ сами крестьяне называютъ это обращеніе къ дворовому лѣсной избы:

„Большачекъ и большушка, благословите ночевать и постоять раба Божія (имя рекъ)“. Уже то, что при обращеніи къ дворовому употребляются слова «рабъ Божій» доказываетъ, что дворовой не считается мѣстнымъ населеніемъ въ числѣ, такъ называемой, „не чистой силы“. Кромѣ того существуютъ и рассказы, изъ которыхъ явствуетъ, что онъ, дворовой, охраняетъ отдавшихся подъ его покровительство лицъ отъ вторженія нечистой силы и наоборотъ отказываетъ въ покровительствѣ тѣмъ, которые упомянутой молитвы не читаютъ.

Приведу для примѣра одинъ изъ такихъ рассказовъ: „Мужикъ одинъ вошелъ въ избушку лѣсную ночевать, да не благословяся. Лежитъ онъ себѣ, а въ углу у печки видитъ стоитъ себѣ лѣшій—большой такой, согнулся

въ избушкѣ, грѣется: „А-а-а“. Мужикъ, зная, печку-то не благословясь затопилъ. Вѣдь, какъ никого нѣтъ въ избушкѣ-то, такъ они и налѣзутъ туда, нечисть-то“. Изъ этого разсказа слѣдуетъ, что благословись мужикъ, т. е. прочитай онъ упомянутую молитву дворовому, тотъ оградилъ-бы его отъ вторженія въ избу лѣшаго, который въ мѣстности, гдѣ записанъ этотъ разсказъ, именно Кенозеро, дер. Вершинино, считается въ разрядѣ нечистой силы. И такъ, въ данномъ случаѣ мы видимъ, хотя и отдаленное воспоминаніе о дворовомъ, какъ о благодѣтельномъ духѣ, покровителѣ жилища — воспоминаніе, которое въ большинствѣ мѣстностей уѣзда окончательно уступило мѣсто другому воззрѣнію на дворового, какъ на духа суроваго, на духа не совсѣмъ „чистаго“.

Кстати, отмѣтить при этомъ извѣстную странность. Между тѣмъ какъ въ лѣсной избушкѣ живетъ, повидимому, одна дворовой съ женой — въ избахъ населенныхъ ихъ столько, сколько членовъ семьи, хотя крестьянамъ и неизвѣстно, умираетъ-ли дворовой по смерти одного изъ членовъ семьи.

Объясненія соотношенія числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи также нѣтъ никакого. Вообще въ этомъ представленіи царствуетъ какая-то неопредѣленность, какое-то смѣшеніе понятій. Мнѣ кажется, что въ видѣ гипотезы, это соотношеніе числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи, въ виду ея неопредѣленности, могло-бы быть объяснено слѣдующимъ путемъ: вѣра въ дворовыхъ, какъ они являются повсюду, произошла, какъ извѣстно, отъ вѣрованія, что души умершихъ предковъ продолжаютъ жить въ домѣ, чѣмъ больше предковъ умершихъ, тѣмъ больше и дворовыхъ; предокъ, основатель рода и является въ такомъ случаѣ большакомъ своихъ пришедшихъ къ нему послѣ смерти потомковъ.

Таково первоначальное вѣрованіе и, быть можетъ,

впослѣдствіи, когда вѣра въ предковъ утратилась, явилось необъяснимымъ для крестьянина произвольное и не одинаковое у всѣхъ домохозяевъ число дворовыхъ и онъ, стремясь выйти изъ этого затрудненія, опредѣлилъ число дворовыхъ равнымъ числу членовъ семьи, такъ что каждый изъ членовъ семьи имѣетъ своего покровителя *).

Лишь съ теченіемъ времени, подъ влияніемъ христіанства, дворового стали считать силой „нечистой“, „черной“. Если кто пожелаетъ увидѣть двороваго — стоить ему лишь надѣть хомутъ на себя, причемъ этимъ способомъ можно узнать о будущемъ. Вотъ рассказъ одной крестьянки о томъ, какъ лицо ей знакомое, видѣло двороваго. Передаю ея рассказъ вкратцѣ. Одна изъ двухъ подругъ-дѣвушекъ сѣла въ большой уголь, между тѣмъ какъ другая влѣзла на печку и стала смотрѣть сквозь хомутъ. Вдругъ она увидѣла двухъ страшныхъ „черныхъ“ мужиковъ, которые несли гробъ: они поставили гробъ въ большой уголь. Это и были дворовые. Дѣвушка такъ испугалась, что упала съ печки. „А та дѣвушка, прибавила расказащица, что въ большемъ углу сидѣла, въ тотъ годъ умерла“.

Болѣе интереснымъ является другой способъ уви-

*) *Примѣч.* Не безынтересенъ слѣдующій фактъ, сообщенный мнѣ П. М. Богаевскимъ, касающійся собственно Сарапульскихъ Вотяковъ, но могущій до извѣстной степени подтвердить только что высказанное мною предположеніе: Когда Вотяки устраиваютъ поминки, они увѣрены, что покойники ихъ присутствуютъ на пиршествѣ; послѣ пиршества Вотяки приглашаютъ ихъ гулять, въ баню и т. д. *Во время поминального пиршества* каждый изъ присутствующихъ живыхъ родственниковъ находится подъ особымъ покровительствомъ одного изъ умершихъ предковъ, слѣдовательно, они полагаютъ, что присутствующихъ родственниковъ-покойниковъ столько, сколько родственниковъ живыхъ принимаютъ участіе въ пиршествѣ. Вѣрованіе, которое можетъ до извѣстной степени освѣтить вѣрованіе пудожскихъ крестьянъ о соотношеніи числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи.

дѣть дворового: надо спуститься на 3-ю ступень внутренней лѣстницы, ведущей въ хлѣвъ и нагнувшись по-смотреть промежь ногъ. Дѣвушки дѣлаютъ это обыкновенно на святкахъ, чтобы въ лицѣ дворового увидѣть своего суженнаго. При помощи этого же способа можно увидѣть и подполянника, съ которымъ очень часто смѣшиваютъ дворового. Онъ также живетъ въ подпольѣ; ихъ также нѣсколько въ домѣ и подпольная жизнь ихъ ничѣмъ не отличается отъ жизни крестьянской семьи. Это сходство подполянника съ дворовымъ невольно наводитъ на мысль, не являются-ли оба домашніе духа тождественными и лишь обозначаемыми разными именами. Въ разсказахъ крестьянъ они часто смѣшиваются, хотя подполяннику, когда говорятъ о немъ собственно, приписываютъ больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ чертъ. Онъ вообще не добръ. Какъ примѣръ смѣшенія дворовыхъ съ подполянниками, позволю себѣ указать, что крестьянка, передававшая о томъ способѣ, которымъ можно видѣть *дворового*, въ доказательство правды своихъ словъ привела слѣдующій разсказъ: „Мать свою дочь проклѣла. *Подполянникъ* и заташилъ ее къ себѣ въ подполье. Такъ она тамъ и замужъ выйти успѣла и стала ужъ сына женить, да и пришла къ матери просить сыта:

„Матушка, говоритъ, коли хочешь видѣть какъ я живу, сойди три ступени въ подполье (именно по лѣстницѣ, ведущей въ хлѣвъ) и гляди промежь ногъ своихъ“. Ну и увидѣла ихъ, мать-то. Сидятъ они всѣ, какъ наши мужики. Такъ она и сыта принесла дочкѣ и рубашку“.

Средство смотрѣнья съ третьей ступени промежь своихъ ногъ, чтобы увидѣть дворового или подполянника, — обратившееся въ настоящее время въ простое повѣрье, быть можетъ, имѣетъ въ своемъ основаніи связь съ глубокой древностью, когда умершихъ предковъ хоронили подъ очагомъ, подъ порогами, подъ по-

ломъ. Быть можетъ то, что въ настоящее время пу-
дожанки продѣлываютъ изъ любопытства увидать своего
суженаго или узнать знакомый имъ лишь по рассказамъ
быть подпольныхъ обитателей родительскаго дома,—
ихъ прабабушки-язычницы дѣлали съ цѣлю увидѣть
дѣйствительно похороненныхъ здѣсь прежде своихъ
предковъ...

Къ числу домашнихъ духовъ принадлежать еще:
хлѣвный, жихарь и запеченникъ. Про этихъ духовъ
крестьяне немного умѣютъ рассказать. Первый живетъ
въ хлѣвѣ, отличается своей добротой, помогаетъ содер-
жать хлѣвы.

Второй—жихарь—злой духъ; гдѣ въ домѣ онъ жи-
ветъ, въ точности неизвѣстно, но онъ опасный для ма-
тери сосѣдъ: въ отсутствіи матерей онъ крадетъ дѣтей
изъ зыбки, но въ присутствіи матери онъ сдѣлать это
не рѣшается. Если мать бываетъ вынуждена уйти изъ
избы, то для предохраненія отъ покушеній жихаря
украсть ребенка въ отсутствіе матери, принимаются
слѣдующія мѣры: мать кладетъ въ зыбку ножницы и
веретяной камень, а подъ зыбку, на полъ, кладутъ
старый вѣникъ. Если принять эти мѣры предосторо-
жности—жихарь оказывается безсильнымъ. Наконецъ,
запеченникъ, живущій за печкой, духъ веселый, любящій
шутить. Пропадетъ-ли у хозяйки ухватъ, разобьется-
ли внезапно посуда—все это шутки запеченника.

Наконецъ, чтобъ покончить съ домашними духами,
скажу еще нѣсколько словъ объ овнянникѣ и баенникѣ.
Какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ, даже среднихъ
губерній Россіи, наиболѣе упорно, наиболѣе живуче
сохранился культъ духа-покровителя овина, которому
даже до настоящаго времени приносятъ въ опредѣлен-
ные дни жертвоприношенія. Но въ Пудожскомъ уѣздѣ,
на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя намъ удалось
узнать, культъ именно этого духа развитъ до крайности
слабо и лишь блѣдныя отблески древнихъ вѣрованій

мы встрѣчаемъ здѣсь у крестьянъ. Дѣйствительно овинъ служить жилищемъ овиняннику, отличающемуся, по мнѣнію крестьянъ, большимъ ростомъ. Крестьяне знаютъ, что овинянникъ духъ добрый, „милосливый“. „Онъ, батюшка, говорятъ про него крестьяне, чужому не выдастъ, только помолиться ему“. Ночевать въ овинѣ можно совершенно безопасно, если только произнести слѣдующую молитву: „Овинный батюшко, побереги, постереги отъ всякаго зла, отъ всякаго супостата раба Божія“. И такъ, на основаніи этихъ малочисленныхъ данныхъ можно лишь вывести то, что овинянникъ принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ духовъ, что онъ является покровителемъ своихъ, если они къ нему обращаются съ молитвой, защитникомъ ихъ отъ нечистой силы какъ и дворовой, въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣзда по крайней мѣрѣ. Больше подробностей объ этомъ духѣ мнѣ открыть не удалось. Ходить только рядъ рассказовъ о добротѣ „овиннаго батюшки“ „достоверныя исторіи“ о случаяхъ, гдѣ эта доброта проявлялась. Позволю себѣ привести одинъ изъ такихъ рассказовъ: „сошлась разъ бесѣда (мѣстное названіе для посидѣлокъ). А тутъ какъ разъ старуха передъ этимъ помри. И стали холостые (т. е. молодые люди) дразнить одного парня: явится ему старуха. А онъ всё смѣялся. Вышелъ онъ съ бесѣды, старуха и пристасть къ нему. Такъ онъ бѣжать отъ нея, а она за нимъ. Взмолился онъ тутъ овиняннику. Такъ онъ, батюшка, вышелъ, да со старухой до самыхъ пѣтуховъ дрался, а парня сберечь“.

Что касается баенника или баеннаго, то это въ противоположность овиняннику, духъ злой, отъ котораго добра ждать нечего. Ночевать въ банѣ никто, даже изъ самыхъ храбрыхъ пудожанъ, ни за что не рѣшится. Даже днемъ страшно идти въ баню одному, и женщина или дѣвушка, посланная впередъ, чтобы приготовить баню, идетъ туда съ замираніемъ сердца. Въ баняхъ не вѣшаютъ образовъ и съ груднымъ крестомъ

въ неё не входятъ. Подробностей объ этомъ духѣ узнать не пришлось, но достовѣрно то что онъ считается „нечистымъ“. Чтобы уяснить себѣ хоть сколько нибудь значеніе баенника, позволю себѣ отмѣтить, что обыкновенно каждая семья имѣетъ свою баню и рѣже встрѣчаются, что двѣ, три семьи складываются вмѣстѣ для постройки бани: поэтому каждый баенникъ является духомъ, имѣющимъ отношеніе главнымъ образомъ лишь къ той семьѣ, которой баня принадлежитъ: онъ является также, какъ и упомянутые выше домашніе духи — духомъ семейнымъ, домашнимъ.

Эта обособленность баенниковъ для каждой отдѣльной семьи является интересной и невольно рождается вопросъ: не имѣетъ ли представленіе о баенникѣ какой нибудь связи съ культомъ предковъ, быть можетъ тамъ похороненныхъ. Вопросъ, который я разрѣшить не берусь.

Таковы домашніе духи пудожанъ. Какъ видно культъ ихъ почти что изгладился вовсе, оставивъ за собой лишь блѣдныя слѣды. Новаго онъ ничего не даетъ намъ: мы не обогатимъ благодаря этимъ остаткамъ, нашихъ свѣдѣній о древнихъ вѣрованіяхъ русскаго народа. Тѣмъ не менѣе, я счелъ невозможнымъ обойти его молчаніемъ: эти домашніе духи все-таки слишкомъ близки пудожанину, слишкомъ тѣсно связаны съ его жизнію, и даже въ этомъ разбитомъ видѣ составляютъ слишкомъ видный отдѣлъ въ представленіяхъ населенія, чтобы не изложить ихъ здѣсь, хотя бы вкратцѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ.

Перейду теперь къ нѣкоторымъ повѣрьямъ, связаннымъ съ представителями животнаго міра. У пудожанъ, какъ и повсюду, существуетъ дѣленіе животныхъ на чистыхъ и не чистыхъ. Но кромѣ этого дѣленія изъ числа животныхъ и птицъ чистыхъ, выдѣляются нѣкоторыя, убивать и ѣсть которыя считается грѣхомъ и не оттого, что это „запрещено Богомъ“, какъ это по

отношенію, къ такъ называемымъ, нечистымъ животнымъ, но по совершенно особымъ соображеніямъ, привести которыхъ крестьяне подчасъ сами не умѣютъ. Къ такимъ относятся между прочимъ свиньи, пѣтухи и лебеди. Послѣднихъ особенно много въ озерахъ, гдѣ они въ плесахъ гдѣ нибудь у пустыннаго острова проводятъ все лѣто, собираясь иногда въ довольно значительныя стаи. Свиней не ѣдятъ, считая это просто грѣхомъ. Этимъ соображеніемъ крестьяне и объясняютъ, почему почти никто изъ нихъ не держитъ свиней *)).

Что касается пѣтуховъ, то быть можетъ то обстоятельство, что ѣсть его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда, считается грѣховнымъ — объясняется переживаніемъ древняго возрѣнія на пѣтуха, какъ на птицу вѣщую. Кромѣ распространеннаго по всей Россіи повѣрья, что нечистая сила разбѣгается отъ пѣнія пѣтуха, мы встрѣчаемъ здѣсь пѣтуха въ разказѣ о водлозерскихъ во-

*) *Примѣч.* Обычай не употреблять свиней въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ является трудно объяснимымъ. Въ то время, какъ у славянскихъ и германскихъ племенъ свинья является символомъ плодородія и составляетъ лакомое блюдо — этотъ обычай неупотребленія свиного мяса какъ-то странно поражаетъ среди пудожанъ, въ большинствѣ происходящихъ отъ древнихъ новгородцевъ-населенниковъ. Свиная голова, окорокъ, поросенокъ, выставлялись и во многихъ мѣстахъ выставляются и по настоящее время въ праздники солнцеворота, какъ символъ счастья, обилія на предстоящій годъ. Этотъ обычай, употребляемый и во многихъ мѣстностяхъ внутреннихъ губерній Россіи, естественно не можетъ встрѣчаться у пудожанъ. Быть можетъ въ этомъ обычаѣ неупотребленія въ пищу свиного мяса, должно видѣть до извѣстной степени влияние закона Моисея, хранимый нѣкоторыми раскольниками при посредствѣ которыхъ этотъ обычай неупотребленія свиней въ пищу могъ передаться и остальному населенію. Не могу не указать, что интереснымъ является то, что финны очень поздно познакомились съ разведеніемъ свиней, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ этому могло благоприятствовать земледѣльческій бытъ населенія. Какъ извѣстно, финны познакомились съ разведеніемъ свиней и домашней птицы отъ своихъ сосѣдей, чѣмъ и объясняется, что у финновъ нѣтъ для обозначенія свиней

дьяныхъ, который я привелъ выше. Тотъ пѣтухъ, который, исполняя порученіе ильинскаго водяного, привелъ островъ, былъ не простой: онъ является какимъ-то полусказочнымъ, одареннымъ большою силою, однимъ словомъ, если можно такъ выразиться, „божественною птицей“. Далѣе существуетъ повѣрье, имѣющее связь съ понятіемъ о пѣтухѣ, какъ о птицѣ, прогоняющей своимъ пѣніемъ нечистую силу — именно когда рвутъ чертополохъ — растеніе, имѣющее и здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи мѣстическое значеніе, нужно сорвать его такъ, чтобы не было слышно пѣнія пѣтуха, иначе чертополохъ потеряетъ свою чудодѣйственную силу. Чертополохъ вѣшаютъ въ хлѣвѣ, чтобы хлѣвный не дѣлалъ вреда скотинѣ. Не повліяло ли такое воззрѣніе на пѣтуха, воззрѣніе слабое, полузабытые остатки котораго мы видимъ въ настоящее время, на запрещеніе употреблять его въ пищу?

Что касается лебедя, то не только грѣшно употреблять его въ пищу, но даже и стрѣлять его считается грѣхомъ. Къ лебедю народъ питаетъ особенное благоговѣніе.

На вопросы почему лебедя нельзя стрѣлять, мы не получали удовлетворительнаго отвѣта; обыкновенно отвѣтъ былъ подобенъ нижеслѣдующему, который намъ сообщилъ одинъ крестьянинъ, житель деревни Лядни-

(какъ и для домашней птицы) своихъ коренныхъ словъ. Лѣтъ сто тому назадъ, въ самой Финляндіи не разводили свиней и домашнюю птицу вовсе, такъ что бродячіе цыгане показывали своихъ куръ и свиней какъ „какихъ нибудь невиданныхъ животныхъ“. (Изложеніе по Алквисту: Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1877. іюнь, стр. 276). Быть можетъ жители тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ настоящее время въ уѣздѣ не употребляютъ въ пищу свиней, либо ихъ вовсе не знали, либо бросили ихъ разведеніе подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей, коренныхъ финновъ не разводившихъ свиней, и лишь впоследствии, подыскивая объясненіе этому факту, стали объяснять, что употребленіе свиньи въ пищу — грѣхъ.

ной (недалеко отъ оз. Купецкаго): „Лебедь ужъ такая птица, она и яйца кладеть-то какъ: всё вдвоемъ плаваеть; одна яйца кладеть, а другая всё около плаваеть. И какъ одна умреть, то къ другой уже не поидеть. Опять таки, какъ она поеть“. Таково было обыденное объясненіе. Удалось намъ узнать еше, что стрѣляніе лебеда не проходитъ безнаказанно: провинившійся по отношенію лебеда охотникъ, наказывается падежомъ скота или другимъ несчастіемъ для него и его семьи. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удалось услышать, что лебедь похожъ на женщину, но въ чемъ это сходство выражается, намъ точно объяснить не могли: можно было лишь понять, что, по мнѣнію крестьянъ, лебедь носитъ яйца 9 мѣсяцевъ, какъ женщина ребенка. Г. И. Куликовскій любезно предоставившій мнѣ въ рукописи свое сообщеніе («Общественный пиръ въ Обонежѣ» читанный имъ въ Отд. Этнографіи Имп. Общ. Любит. Естествознанія) сообщаетъ слѣдующее объясненіе грѣховности убивать лебеда: „крестьяне говорятъ, что если одного изъ пары убить, то другой три года летаеть на то-же мѣсто и наконецъ умираеть съ горя по убитому; поэтому убить лебеда большой грѣхъ“. Эта хотя и очень неясная связь лебеда съ женщиной, которую можно было усмотрѣть изъ отвѣтовъ крестьянъ можетъ до извѣстной степени пролить свѣтъ на запрещеніе его стрѣлять. Извѣстно, что не только у славянъ, но вообще у всѣхъ арійцевъ, лебедь является не простой птицей и въ мифологіяхъ почти всѣхъ арійцевъ, то боги и богини превращаются въ лебедь, то божества привозятся и отвозятся лебедями. Въ нашихъ сказкахъ эти вѣрованія въ лебедь сказались въ рядѣ эпизодовъ, гдѣ царевна обращается въ лебедь. Въ виду извѣстности этихъ взглядовъ на лебедь и рассказовъ о ней, я не считаю нужнымъ останавливаться на нихъ. Быть можетъ это-то возрѣніе далеко ушедшаго отъ насъ времени, нашло себѣ отголосокъ у пудожанъ въ ихъ отноше-

ніяхъ къ лебедю, быть можетъ это есть безсознательно сохранившееся переживаніе, въ значеніи котораго не могутъ себѣ дать отчета сами жители, свято хранящіе завѣтъ своихъ предковъ и до сихъ поръ съ суевѣрнымъ страхомъ относящіеся къ лебедю.

Запрещеніе употреблять лебедя въ пищу встрѣчается не въ одной Олонецкой губерніи; въ „Матеріалахъ по Этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.“, собранныя П. С. Ефименкомъ *) читаемъ: „животныя въ нашей мѣстности, (въ Шенкурскомъ уѣздѣ) не употребляются въ пищу тѣ же, которыхъ не позволяетъ употреблять и Моисей... Законъ Моисеевъ о неупотребленіи въ пищу животныхъ... строго содержится преимущественно раскольниками, чрезъ которыхъ распространяется и на прочій народъ“. Законъ Моисеевъ запрещаетъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, употреблять въ пищу и лебедя. Мнѣ кажется, что видѣть вліяніе закона Моисея на запрещеніе употреблять лебедя въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ по крайней мѣрѣ, не вполне основательно уже потому, что нѣкоторыя птицы, запрещенныя Моисеемъ, пудожанами въ пищу употребляются. Второзаконіе (гл. XIV, 11—18) гласитъ: „всякую птицу ѣште. Но сихъ не должно вамъ ѣсть изъ нихъ: орла, грифа, и морскаго орла и коршуна и сокола и кречета съ породой ихъ, и всякаго ворона съ породой его и страуса и совы и чайки и ястреба съ породой его, и филина и ибиса и лебедя и сипа и рыболова и цапли и зуя съ породой его и удода и нетопыря“. Чаекъ и зуевъ въ Пудожскомъ уѣздѣ употребляютъ въ пищу, хотя и рѣдко, но это послѣднѣе происходитъ по словамъ крестьянъ лишь благодаря плохому вкусу мяса этихъ птицъ. Изъ остальныхъ птицъ, перечисленныхъ во Второзаконіи однѣ не встрѣчаются вовсе на сѣверѣ, другія нигдѣ (ни въ Россіи,

*) Изв. И. О. Л. Е. А. и Э. т. XXX, стр. 188.

ни въ извѣстныхъ мнѣ странахъ Зап. Европы и Азіи) въ пищу народомъ не употребляются, какъ нацримѣръ филины, совы и др.; и по всѣмъ вѣроятіямъ едва ли подѣ влияніемъ закона Моисея, такъ какъ вѣроятнѣе предположить, что обычай неупотреблять въ пищу филиновъ, совъ, ястребовъ и др. развился параллельно у многихъ народовъ, безъ взаимнаго, въ этомъ отношеніи воздѣйствія.

Но не отрицая даже вполне возможности воздѣйствія закона Моисея черезъ посредство раскольниковъ, на запрещеніе употреблять лебедей въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ—все-таки останется неразрѣшеннымъ вопросъ, почему запрещено *не только ѣсть лебедей, но считается грѣховнымъ даже стрѣляніе ихъ*, все равно будетъ ли слѣдствіемъ этого смерть лебеда или только пораненіе его: между тѣмъ стрѣляніе другихъ птицъ и животныхъ, которыхъ въ пищу не употребляютъ, грѣхомъ не считается. Какъ напр. зайцевъ, бѣлокъ и другихъ нечистыхъ животныхъ, а изъ запрещенныхъ Моисеемъ птицъ—напр. ястребовъ и совъ.

Далѣе стрѣляніе лебедей запрещается обычаемъ или считается грѣховнымъ въ Россіи не только на сѣверѣ. Такъ Аванасевъ, ссылаясь на Оренбургск. Г. В. сообщаетъ, что стрѣлять лебеда считаютъ грѣхомъ и что существуетъ повѣрье, по которому, если убитаго лебеда показать дѣтямъ, то они всѣ помрутъ *). Въ Тульской губ., Крапивенскаго у., д. Малынки, гдѣ въ настоящее время лебедей не встрѣчается болѣе, все-таки, по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ, ѣсть лебеда грѣхъ. Въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ. **) крестьяне не рѣшаются стрѣлять лебеда, считая его „благородной птицей“. На Уралѣ ***) лебедей не бьютъ.

*) Аванасевъ: Поэт. воззр. Сл. на природу. I. 542.

**) Сообщено А. П. Звонковымъ.

***) Сѣв. Вѣстн. 1888 года, №10. Областной судъ въ стр. 61.

„такъ какъ это считается большимъ грѣхомъ“. Въ Оренбургской губ., (Челябинскаго у., с. Птичье) среди русскаго населенія (но не у казаковъ) мы встрѣчаемся съ повѣрьемъ о лебеди, схожимъ съ тѣмъ, какое мы видимъ и въ Каргопольскомъ у.: убивать лебедя грѣхъ, такъ какъ если убить одного изъ пары, то другой тоже умираетъ: онъ съ крикомъ поднимается надъ тѣломъ убитаго и исчезаетъ навсегда. Кромѣ того въ этой-же мѣстности существуетъ интересное повѣрье, что, если убить лебедя-самца, то въ скоромъ времени долженъ умереть отецъ убившаго, если-же убить лебедь самку, то смерть постигнетъ мать убившаго. Сопоставляя эти свѣдѣнія съ повѣрьемъ, встрѣчающимся у пудожанъ, что лебедь похожъ на женщину и съ тѣми вѣрованіями у различныхъ арійскихъ народовъ, въ которыхъ лебедь является вѣщей птицей какъ у индусовъ, грековъ (у которыхъ между прочимъ лебедь былъ посвященъ Апполону, и употреблялся при гаданіи) германцевъ и славянъ — трудно объяснить это разбросанное въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи почитаніе лебедя влияніемъ Моисеева закона; вѣроятнѣе объяснить это мнѣическими представленіями о лебеди, выразившимися въ огромномъ количествѣ сказокъ и пѣсень нашей древней народной литературы. Слабые отголоски этихъ представленій могли устоять и въ Пудожскомъ уѣздѣ, хотя-бы въ видѣ смутнаго представленія о сходствѣ лебедя съ женщиной. Однако если мы и встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи почитаніе лебедя, то на ряду съ этимъ можемъ мы найти и рядъ мѣстностей, гдѣ этого почитанія лебедя не встрѣчается. Часто встрѣчающійся въ нашихъ былинахъ стихъ: „бѣлую лебедь рушати“ — заставляетъ думать, что уже въ древней Руси къ лебедямъ не относились какъ птицамъ священнымъ. Выраженіе: „бѣлый лебедь на блюдѣ не быкъ, ножемъ не рушень, а всякъ его кушалъ“ *) под-

*) Аванасевъ: III, стр. 187.

тверждаетъ это. Въ XVII в. з мѣ блюдомъ на боярской свадьбѣ былъ обыкновенно лебедь (Костомаровъ т. XIX. стр. 245) Бѣлоруссы Могилевской губерніи, Мстиславскаго уѣзда повидимому не считаютъ грѣховнымъ употребленіе лебедей въ пищу **): жители Темрюка и нѣкоторыхъ частей Вологодской губерніи охотятся на лебедя и нисколько не считаютъ грѣхомъ его стрѣлять.

Быть можетъ древнія вѣрованія по отношенію къ лебедю успѣли уже разрушиться, быть можетъ это разрушеніе произошло въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи еще въ незапамятныя времена; въ другихъ же частяхъ Россіи они случайно сохранились; между прочимъ и на сѣверѣ Россіи сдѣлавшимся благодаря разнымъ условіямъ, лучшимъ хранилищемъ старины, былинъ и древнерусскихъ повѣрій.

Быть можетъ также, что древніе славянскія вѣрованія нашли себѣ удобную почву у первоначальныхъ насельниковъ инородцевъ. быть можетъ смѣшались съ ними и развились подъ вліяніемъ представленій своихъ сосѣдей—инородцевъ. вслѣдствіе чего и удержались на сѣверѣ лучше чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. По крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ мы встрѣчаемся также съ представленіемъ о лебеди, какъ о птицѣ вѣщей. Такъ наприм. лебедь, по словамъ нѣкоторыхъ вотяковъ, ***) птица священная. Существуетъ между прочимъ племя Юсь (лебедь), а племенное названіе первоначально совпадаетъ у вотяковъ съ названіемъ воршуда, родоваго божества. Далѣе у вотяковъ существуетъ слѣдующее преданіе: перваго человѣка звали Зерпаломъ; у него было 7 сыновей. Однажды Инмаръ (божество) спрашиваетъ его: сколько

**) Изв. И. О. Л. Е. А. п. Э. XXVIII, ст. В. п. А. Зенковичей, стр. 28 Лебедь не помѣшенъ въ спискѣ животныхъ и птицъ, которыхъ употреблять въ пищу запрещается.

***) Свѣдѣнія, касающіяся вотяковъ, сообщены мнѣ П. М. Богачевскимъ.

у тебя сыновей. Нѣтъ у меня сыновей, отвѣчаетъ Зерпаль. Инмарь повторилъ свой вопросъ до трехъ разъ и получивъ тотъ же отвѣтъ—обратилъ одного изъ сыновей Зерпала въ медвѣдя, другого—въ лебедя, третьяго—въ воршуда, четвертаго—въ мудора и т. д.; одного оставилъ человѣкомъ. И сказала Инмарь: ты хотѣлъ отъ меня скрыть, но я все знаю и накажу тебя за твою скрытность тѣмъ, что изъ твоего потомства произведу враговъ, хранителей и потомство. Г. Верещагинъ *) сообщаетъ, что убить лебедя считаютъ великимъ грѣхомъ, за которымъ слѣдуетъ Божіе наказаніе - несчастіе. Не особенный грѣхъ убить пару лебедей, но если убить только самца или самку, то наказаніе становится неизбѣжнымъ, „потому что жалобы лебедей сильны передъ Создателемъ и вопіютъ объ отмщеніи. Одинъ вотякъ, продолжаетъ г. Верещагинъ, передалъ мнѣ слѣдующій рассказъ: однажды охотникъ увидѣлъ на рѣкѣ весною двухъ лебедей—самку и самца и вотъ, зарядивъ ружье, застрѣлил самку на повалъ. Видя самку убитою, самецъ закричалъ жалобнымъ тономъ и, поднявшись высоко на воздухъ, стремглавъ спустился внизъ подобно камню и, ударившись о землю убился. Охотникъ, который убилъ лебедку, вскорѣ потомъ запился водкой“. У маньзовъ Аясъ-торумъ имѣетъ способность обращаться въ лебедя **). „Лебедь былъ когда-то человѣкомъ, гласитъ преданіе маньзовъ, но затѣмъ во время постоянныхъ дракъ, бывшихъ прежде, онъ сталъ просить нуми превратить его въ птицу; желаніе его было исполнено и тогда появился лебедь; доказательствомъ его человѣческаго происхожденія служить то, что у него, какъ и у женщины, существуетъ мѣсячное очищеніе... Царемъ птицъ прежде былъ

*) Вотяки Сосновскаго края. Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. XIV. 82.

***) Н. Л. Гондатти: Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ. стр. 57 Изв. И. О. Л. Е. А. и Э. т. XLVIII, вып. 2.

сдѣланъ *миръ-суснэ-хумъ* лебедь, а княземъ—орель; но затѣмъ на мѣсто перваго онъ поставилъ журавля, такъ какъ лебедь не умѣетъ во время кричать⁴ *).

Встрѣчая подобныя данныя у маньзовъ и вотяковъ, невольно рождается вопросъ, не заимствовали ли пудожане своего почитанія лебеда отъ своихъ сосѣдей инородцевъ, съ которыми новые колонизаторы края столкнулись и у которыхъ повидимому заимствовали многое изъ своихъ вѣрованій. Конечно, фактъ простаго сходства, даже тождественности вѣрованій и преданій разныхъ народовъ, неродственныхъ, еще не можетъ служить доказательствомъ заимствования однимъ народомъ у другого. Фактъ, что обще-арійскія вѣрованія въ лебедь, какъ птицу вѣщую, сближеніе и даже отождествленіе его съ женщиной такъ распространено, такъ много оставило по себѣ слѣдовъ въ разныхъ повѣрьяхъ и эпосѣ арійскихъ народовъ и въ томъ числѣ у славянъ, наконецъ, самъ фактъ распространенія представленія о грѣховности убиванія лебеда въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, не даетъ права видѣть вліянія хотя бы финновъ въ почитаніи лебеда русскими. Но многія древнія вѣрованія русскаго населенія сложились внѣ всякаго сомнѣнія подъ вліяніемъ сосѣдей инородцевъ и въ томъ числѣ финновъ; заимствования эти, сдѣланныя русскими въ незапамятныя времена, являются подчасъ, при современной скудости данныхъ, невозможнымъ прослѣдить и сказать положительно, что почитаніе лебеда, есть древне-славянское, что вліяніе сосѣдей-инородцевъ не имѣло при этомъ мѣста, а также и наоборотъ—невозможно. Во всякомъ случаѣ будемъ ли мы склоняться къ мысли, что почитаніе лебеда — переживание древне-славянской миеологии, или что это финское вѣрованіе, заимствованное русскими, или наконецъ, что миеологическія представленія двухъ разныхъ на-

*, Ibid, стр. 172.

родностей, развившись самостоятельно столкнулись и смѣшались въ одно на сѣверѣ Руси — намъ все-таки придется отрицать, что почитаніе лебедя, запрещеніе его *не только ѣсть, но и стрѣлять*, могло возникнуть подъ вліяніемъ закона Моисея, передаваемомъ раскольниками мѣстному населенію. Самое большее, что могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи раскольникъ, это поддержать уже существовавшее у населенія вѣрованіе, сохранить его отъ уничтоженія.

Позволю себѣ коснуться еще отношеній къ медвѣдю: лѣса пудожскіе изобилуютъ имъ; не мало вреда наноситъ медвѣдь и стадамъ жителей и тѣмъ смѣльчакамъ, которые рѣшаются выступить противъ него. Масса разказовъ ходящихъ въ уѣздѣ о случаяхъ, бывшихъ во время охоты на медвѣдя, анекдоты о хитрости или добродушии медвѣдя, доказываютъ, что не легко дается пудожанину эта борьба. Но отношеніе къ медвѣдю не вездѣ одинаково: въ однихъ мѣстахъ его считаютъ нечистымъ; жители къ нему относятся крайне враждебно; награждаютъ его эпитетомъ „окаянный“. Такое отношеніе къ медвѣдю встрѣтили мы у Купецкаго озера. Совсѣмъ другое говорили намъ на Кенозерѣ: „медвѣдь отъ Бога“ сообщали намъ крестьяне деревни Вершинина. Почти во всѣхъ мѣстностяхъ уѣзда вы услышите, распространенный во многихъ вариантахъ въ Россіи, разказъ, что медвѣдь прежде былъ человекомъ и обращенъ въ медвѣдей вмѣстѣ съ своей женой, по приказанію которой онъ слишкомъ надѣдалъ просьбами чудодѣйственной липы, которую онъ не сталъ рубить, уступивъ ея просьбѣ; за это липа обѣщала ему исполнять его желанія. Но пожелавъ по настоянію жены, чтобы всѣ люди ихъ боялись, старикъ и жена его были обращены въ медвѣдей. Вообще въ отношеніяхъ къ медвѣдю проскальзываетъ, не смотря на различіе отношеній къ нему крестьянъ уѣзда, какое то смутное представленіе о его сверхъестественной силѣ, о томъ, что

онъ звѣрь не простой. Медвѣжьего мяса не ѣдятъ и, обыкновенно, снявъ съ него шкуру, закапываютъ его. „Даже страшно ѣсть“ говорили намъ разскашцы; существуетъ также мнѣніе, что „если медвѣдь и возьметъ скотину, то ему Богъ позволилъ“, что медвѣдь все дѣлаетъ по особому разрѣшенію отъ Бога.

На Водлозерѣ передавали намъ слѣдующее преданіе о происхожденіи медвѣдей отъ людей: „У моря люди живутъ, говорили крестьяне; они такъ то ничего себѣ, да вдругъ зло и сдѣлаютъ. Свадьба разъ была, они и обратили всю свадьбу въ медвѣдей. Оттого медвѣди и пошли“. (Отношеніямъ къ медвѣдю, который, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда по крайней мѣрѣ, считается отъ Бога, совершенно противоположно отношеніе къ волку, другому сильному врагу крестьянъ: волкъ „вигряный“, такъ какъ онъ не спрашиваетъ ни у кого позволенія зарѣзать скотину.)

Въ этихъ отношеніяхъ къ медвѣдю нельзя не усмотрѣть робкаго переживанія древняго культа медвѣдя столь распространеннаго у многихъ народовъ и, повидимому, бывшаго также и у пудожанъ. Какое то смутное чувство говоритъ мѣстному жителю, что медвѣдь не чета прочимъ звѣрямъ и, не помня происхожденія этого вѣрованія, онъ таитъ его у себя, и безсознательно повинуется давно навѣянному ему убѣжденіямъ и хранить и этотъ обломокъ стараго культа, какъ онъ хранить и обломки культа водяного и лѣснаго царей.

Не менѣе интереснымъ переживаніемъ древнихъ вѣрованій въ средѣ пудожанъ являются и священныя рощи. Дѣло въ томъ, что церковей въ уѣздѣ, сравнительно съ тѣмъ пространствомъ, которое онъ занимаетъ очень мало, вслѣдствіе этого въ большинствѣ деревень, отстоящихъ въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ церкви, стоятъ часовни во имя того или иного Святаго. Въ эти часовни, по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, собираются крестьяне, не имѣющіе возможности

или желанія отправляться за нѣсколько верстъ въ церковь, зажигаютъ свѣчки передъ иконами и заставляютъ кого нибудь изъ своихъ грамотныхъ односельчанъ читать Псалтирь и Евангеліе; по окончаніи чтенія всѣ расходятся. Эти часовни, замѣняющія крестьянамъ церкви, можно подраздѣлить на два разряда: однѣ, стоящія на открытыхъ мѣстахъ; другія, стоящія среди лѣса или вѣрнѣе сказать среди рощи. Что касается этихъ послѣднихъ, то рощи, окружающія часовни, считаются населеніемъ священными. Это не просто мѣста, пользующіяся благоговѣйнымъ почетомъ окрестнаго населенія, подобно кладбищамъ напримѣръ. Напротивъ того это въ самомъ полномъ и истинномъ значеніи этого слова—рощи священныя, къ которымъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, считая ихъ за рощи принадлежащія тому угоднику, въ честь котораго въ рошѣ выстроена часовня. Въ виду того, что сами часовни стоятъ обыкновенно на горѣ, то рощи спускаются по скатамъ ея. Оригинальное впечатлѣніе оставляютъ эти кучки деревьевъ, словно оазисы брошенные среди запаханныхъ полей. Подчасъ и нуждается крестьянинъ въ землѣ, подчасъ онъ и былъ бы радъ срубить и запахать нѣсколько лишнихъ десятинъ земли, но страхъ наказанія удерживаетъ его отъ этого святотатства. Мало того, если роща съ теченіемъ времени разрастается и отвоевываетъ себѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше земли, распространяя свое господство на запаханные уже участки, то у крестьянина все-таки не хватаетъ смѣлости срубить новые побѣги и молодыя деревца; онъ уступаетъ имъ мѣсто и ухаживаетъ своими запашками все дальше, и дальше. Краснорѣчивымъ примѣромъ этого можетъ служить между прочимъ роща, окружающая часовню, выстроенную во имя Тихвинской иконы Божіей Матери, на берегу Кенозера, недалеко отъ деревни Вершинина: проходя чрезъ нее замѣчаешь слѣды пахатныхъ участковъ, которые

нѣкогда тянулись вверхъ по склону горы, на которой выстроена часовня; теперь, ввиду усиливающегося роста лѣса крестьяне отступаютъ все дальше и дальше и никто не рѣшится съ топоромъ проникнуть въ рощу. Рубить деревья, брать изъ рощи хворостъ считается тяжкимъ грѣхомъ; мало того даже ломать деревья и вѣтви, растущихъ въ рощѣ деревьяевъ грѣховно по понятіямъ крестьянъ. Среди населенія ходитъ цѣлый рядъ разказовъ, что такой то или такая то хотѣли срубить дерево или взять изъ рощи хворостъ, но что либо невидимая сила воспрепятствовала имъ сдѣлать это, либо, совершивъ святотатство, они были наказаны или слѣпотой, или отнятіемъ рукъ и ногъ. Нѣтъ почти ни одной рощи, о которой бы не ходили въ огромномъ количествѣ подобные разказы.

Что касается взгляда самихъ крестьянъ на происхожденіе этой святыни, то они объясняютъ это тѣмъ, что рощи принадлежатъ тому угоднику, во имя котораго построена часовня, что роща является его собственностью, которую онъ оберегаетъ и охраняетъ ревниво отъ всякаго насильственного вторженія посторонняго лица; даже тотъ фактъ, что роща на данномъ мѣстѣ существуетъ, что она продолжаетъ расти — приписывается особому благоволенію Святаго. Неудивительно поэтому, что крестьянинъ боится похищать собственность Святаго, ожидая отъ него за это скорой, неминуемой кары, неудивительно, что онъ предпочитаетъ, скорѣе дать мѣсто рощѣ, которой распространяться велитъ самъ Угодникъ, чѣмъ раздражать святаго и грознаго владѣльца рощи.

По своему происхожденію, эти священныя рощи могутъ быть подраздѣлены на 2 разряда: однѣ происхожденія недавняго, посажены при отцахъ дѣдахъ современныхъ крестьянъ; другія стоятъ уже такъ давно, что никто и не запомнить, какъ и когда эти рощи выросли на этомъ мѣстѣ.

Что касается первой категоріи священныхъ лѣсовъ, то необходимо оговориться, что и до сихъ поръ у пудожскихъ крестьянъ сохранилась тенденція обсаживать вновь строямыя часовни деревьями; если деревья принимаются то значить Угодникъ желаетъ, чтобы его храмъ стоялъ въ тѣни посаженныхъ деревьевъ. Если деревья не примутся или будутъ уничтожены вѣтромъ или бурей, или другимъ какимъ либо способомъ, то крестьяне нѣсколько разъ повторяютъ свой опытъ и, если онъ оканчивается попрежнему неудачей, считаютъ это несомнѣннымъ признакомъ того, что Святой тѣни не желаетъ и часовню оставляютъ стоять безъ деревьевъ. Къ такимъ, между прочимъ, относится другая часовня, стоящая у деревни Вершинина, на горѣ, поднимающейся тотчасъ за деревней; часовня посвящена Св. Николаю. Крестьяне неоднократно сажали подлѣ нея деревья, но они либо не принимались, либо уничтожались бурей; вслѣдствіе этого, часовня стоитъ безъ тѣни, такъ какъ крестьяне не рѣшаются раздражать угодника своею настойчивостью. Не лишенъ интереса и тотъ фактъ, что въ томъ случаѣ, если лѣсъ не растетъ около часовни, земля ее окружающая считается все-таки достояніемъ святаго и мѣстные жители остерегаются ее запахивать.

Что-же касается тѣхъ рощъ, времени происхожденія которыхъ крестьяне не запомнятъ, то онѣ невольно наводятъ на вопросъ, не составляютъ ли онѣ остатокъ священныхъ языческихъ лѣсовъ, въ которыхъ приносились жертвы другимъ народомъ, народомъ язычникомъ, жившимъ здѣсь задолго, быть можетъ, до прихода сюда русскихъ, которые на ряду со многими суевѣрїями, унаслѣдовали и это почитаніе рощъ. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что въ числѣ священныхъ рощъ, до сихъ поръ встрѣчаются еще такія, которыя не освящены присутствіемъ въ ихъ глубинѣ христіанской святыни: ни часовень, ни храмовъ, ни

даже простыхъ деревянныхъ крестовъ. Къ такимъ имѣющимъ несомнѣнно очень древнее происхожденіе рошамъ, относится между прочимъ и тотъ священный лѣсъ на о. Кингъ—островѣ, лежащемъ на Водлозерѣ, — лѣсъ, который считается священнымъ оттого, что въ ней легли костями остатки Чуди, впоследствии сказочно опоэтизированной. Признавая преданіе о бывшей здѣсь упорной битвѣ съ Чудью, допустивъ даже, что битва была рѣшительной, уничтожившей послѣднихъ чудиновъ,—все-таки окажется страннымъ почему и самъ островъ и лѣсъ его покрывающій, считаются священными и при томъ настолько, что когда одинъ изъ богатыхъ водлозеровъ пожелалъ его срубить, то онъ не скоро, даже за очень возвышенную плату, могъ найти рабочихъ, рѣшившихся побороть въ себѣ суевѣрный страхъ. Вѣроятноже предположить, что на этомъ островѣ было древнее святилище, хотя бы сказочной Чуди, которая, быть можетъ, именно здѣсь и была уничтожена новыми насельниками и что, не смотря на то, что вѣка прошли съ того времени, это святилище осталось священнымъ у новыхъ мѣстныхъ жителей, которые теперь, утративъ въ него вѣру, все-таки продолжаютъ его бояться. Другой подобный священный лѣсъ находится на Иламъ островѣ (Водлозеро); рубка этого лѣса также до послѣдняго времени считалась грѣховной. Этотъ островъ интересенъ своимъ каменнымъ укрѣпленіемъ, растянувшимся вдоль острова по сѣверо-восточному берегу его. Укрѣпленіе представляетъ огромную стѣну, циклопической постройки, сложенной изъ совершенно неотесанныхъ каменныхъ глыбъ, безъ всякихъ признаковъ скрѣпляющаго вещества между глыбами (цемента, извести или глины). Въ тѣхъ частяхъ стѣны, которыя сохранились еще довольно хорошо и не пострадали отъ ежегоднаго наводненія, попортившаго во многихъ мѣстахъ стѣну, можно замѣтить, что камни плотно приложены другъ къ другу, и если между нѣ-

сколькими глыбами круглой формы образуется дыра, то въ нее вставляли глыбу стоймя. Длина всего укрѣпленія около 220 шаговъ, причемъ стѣна направляется (съ уклоненіемъ) отъ SO къ NW. Изгибы же, которые она дѣлаетъ, располагаются такъ: 100 шаговъ на NW; 13—на W; 37—NW; 25—на N; 16—на NO и 29 - на SO. Такимъ образомъ стѣна образуетъ два острыхъ угла къ озеру. За стѣной замѣчается земляное возвышеніе, плоское по направленію отъ WNW къ N. Признаковъ жилья открыть не удалось. За стѣной видны слѣды нѣсколькихъ могилъ, направляющихся отъ SW къ NO, приблизительно длиной до 3 аршинъ и шириной до 21 вершка, обставленные мелкимъ камнемъ. Такого же рода могилы мнѣ пришлось видѣть около дер. Большой Куль-Наволокъ, на берегу Волдозера, подъ склономъ горы, на вершинѣ которой выстроена часовня. Размѣры и направленіе могилъ въ Б. Куль-Наволокъ тождественны съ могилами на Иламъ-островѣ. Мѣсто, гдѣ расположены могилы въ Куль-Наволокъ носить названіе могильника и никто изъ мѣстныхъ жителей не знаетъ кто здѣсь похороненъ, и эти могилы жители деревни за свои не признаютъ. Что касается стѣны на Иламъ-островѣ, то точно никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ объяснить, кому принадлежитъ постройка этой стѣны; дѣйствительно нѣкоторые приписывали постройку Чуди, другіе „панамъ“, но большинство отзывалось незнаніемъ. Камни, изъ которыхъ стѣна сложена, повидимому привезены съ берега, такъ какъ Иламъ-островъ невеликъ и не могъ доставить такое количество камней; кромѣ того онъ очень низменъ и болотистъ. Что касается могилъ, то ихъ можно приписать болѣе позднимъ насельникамъ, хотя конечно лишь раскопки могли бы дать чтонибудь болѣе положительное. Дѣло въ томъ, что мѣстность, на которой въ настоящее время расположена д. Куль-Наволокъ, принадлежала, по мѣстному преданію, нѣкогда даниловцамъ, и лишь по уходѣ ихъ обра-

зовались на этомъ мѣстѣ двѣ деревни Большой и Малый Куль-Наволокъ. Съ другой стороны извѣстно крестьянамъ, что между прочимъ подтвердилъ и священникъ Ильинскаго погоста о. Іоаннъ, что недавно еще ходили раскольничьи собиратели пожертвованій, прося на устройство Иламоостровской обители, въ то время какъ Иламъ островъ былъ уже пустъ. Слѣдовательно можно предположить, что на этомъ островѣ обитель нѣкогда существовала, или что раскольники на этомъ островѣ спасались отъ гоненій. Быть можетъ что и могилы могутъ принадлежать раскольникамъ, какъ на Иламъ-островѣ (гдѣ ихъ очень немного), такъ и въ д. Б. Куль-Наволокъ. Вѣроятно раскольники воспользовались уже готовымъ сооруженіемъ на островѣ, сооруженіемъ, требовавшимъ многолѣтняго труда и едва-ли бывшему подъ силу бѣглецамъ-раскольникамъ, никогда не бывшимъ многочисленными въ этомъ краю. Какъ бы то ни было, но сопоставляя фактъ существованія циклопическаго укрѣпленія съ почитаніемъ лѣса на Иламъ-островѣ святымъ (тогда какъ другіе лѣса и мѣстности, гдѣ жили нѣкогда раскольники, священными не считаются) невольно рождается вопросъ, не составляетъ ли и укрѣпленіе и лѣсъ остатки древняго святилища или города, обитателей-язычниковъ Водлозера, почитаніе котораго унаслѣдовано и современными жителями

Такова далѣе роща на Пѣтуньемъ островѣ, который какъ я сообщилъ выше, былъ по преданію привезенъ пѣтухомъ въ приданое за дочерью Ильинскаго водяного, при выдачѣ ее замужъ за Пречистенскаго водяного царя. Этотъ небольшой островъ былъ покрытъ сплошь лѣсомъ, рубить который считалось тяжкимъ грѣхомъ. Принимая во вниманіе преданіе о привозѣ острова вѣщимъ пѣтухомъ, о связи его съ преданіемъ о свадьбѣ водяной царевны, мнѣ кажется не будетъ не вѣроятнымъ, видѣть въ этомъ островѣ и въ рощѣ, его покрывавшей, мѣсто бывшаго святилища эпохи языческой.

Одинъ изъ мѣстныхъ жителей, Василій Кузнецовъ, рѣшилъ срубить лѣсъ, за что, по словамъ крестьянъ, онъ былъ наказанъ отнятіемъ рукъ.

Интересенъ и тотъ фактъ, что около часовень, если и не всѣхъ, то очень многихъ, происходятъ игрища: напримѣръ на Иванову ночь, (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта ночь празднуется). Этотъ фактъ несомнѣнно доказываетъ относительно тѣхъ часовень, гдѣ эти игрища происходятъ, что онѣ построены на мѣстахъ, къ которымъ такъ или иначе присоединялись языческія вѣрованія. Къ числу такихъ относится напримѣръ, часовня св. Николая на Кенозерѣ у деревни Вершинина и роща около д. Авдѣевской на оз. Купецкомъ. Какъ бы то ни было и каково бы ни было происхожденіе священныхъ рощъ въ Пудожскомъ уѣздѣ, во всѣхъ нихъ, какъ въ тѣхъ, которыя уже стоятъ вѣка, такъ и въ тѣхъ, которыя посажены сравнительно недавно, кроется несомнѣнная языческая подкладка далекаго отъ насъ цикла вѣрованій, взглядъ на Святаго далеко отстоящій отъ взгляда христіанскаго. Поэтому, если та или иная роща и не является, быть можетъ, непосредственнымъ потомкомъ лѣснаго святилища языческихъ насельниковъ уѣзда, все-таки въ основаніи своемъ она имѣетъ одинаковое съ языческими рощами происхожденіе, родственна съ ними, если такъ можно выразиться, по духу, по той идеѣ, которая кроется въ фактѣ существованія этихъ священныхъ рощъ. Это, впрочемъ, едва ли можетъ насъ удивлять въ странѣ, гдѣ приносятся до сихъ поръ еще жертвоприношенія лѣсовику, гдѣ шлютъ поклоны водяному царю, гдѣ молятся вѣтрамъ и домашнимъ духамъ.

Священныхъ деревьевъ въ Пудожскомъ уѣздѣ намъ встрѣтить не удалось, но какъ переживаніе культа священныхъ деревьевъ можно указать на сосну, теперь на-половину высохшую, у деревни Ананьево (Купецкое оз.). Объ этой соснѣ ходитъ слѣдующій рассказъ: На

мѣстѣ сосны была похоронена „панская сестра“ и изъ косы ея выросла эта сосна; „пробовали ее рубить, да не смогли“. Подъ этой сосной устраиваются „гулянки“ на Петровъ день.

Вообще, что касается христіанства, то оно, не смотря на свое давнее существованіе въ уѣздѣ, все-таки хранится жителями, главнымъ образомъ съ его обрядовой, формальной стороны и лишь немногими, встрѣчающимися, какъ рѣдкое и очень рѣдкое исключеніе, лицами, оно исповѣдуется какъ религія духовная, смыслъ которой является яснымъ только этимъ немногимъ избраннымъ. Въ понятіяхъ же большинства крестьянъ уѣзда оно до того смѣшано съ языческими вѣрованіями, обрядами и культомъ, что подчасъ можно забыть, что не находишься въ странѣ, населенной инородческимъ племенемъ, недавно лишь просвѣщеннымъ христіанствомъ.

Я не буду останавливаться на многихъ обрядахъ, связанныхъ съ христіанскими праздниками, на народномъ календарѣ, на колдунахъ и колдуньяхъ и т. п., что завело бы насъ за предѣлы бѣлаго очерка. Отмѣчу лишь какъ небезынтересное переживаніе слѣдующій обычай. Извѣстно, что скоть въ средней полосѣ Россіи выгоняется въ первый разъ на пастбище обыкновенно 23 Апрѣля. Въ Пудожскомъ уѣздѣ это является невозможнымъ, благодаря холоду, который стоитъ еще въ это время, почему выгонъ скота на пастбище производится около Николина дня (9 Мая). Но въ качествѣ переживанія сохранился у мѣстныхъ жителей обычай, все-таки въ Егорьевъ день (23 Апрѣля) выгонять скоть, освященной вербой, хотя на нѣсколько минутъ изъ стойла на улицу.

Переживаніе это наглядно доказываетъ живучесть народныхъ вѣрованій и обрядовъ, даже въ томъ случаѣ, если эти обряды перенесены на почву и въ климатъ,

совершенно несхожіе съ тѣми, въ которыхъ эти обряды возникли и развились.

Не касаясь подробностей, скажу въ общихъ чертахъ еще объ остаткахъ общественныхъ пировъ, сохранившихся въ уѣздѣ, и носящихъ на себѣ несомнѣнные слѣды языческихъ жертвоприношеній. Нужно замѣтить, что каждая, болѣе или менѣе значительная деревня имѣетъ своего Святаго, память котораго она только и чтитъ. Это—память того Святаго, во имя котораго построена въ данной деревнѣ часовня. О происхожденіи этого крестьяне рассказываютъ такъ: всякій разъ, когда въ деревнѣ случится падежъ скота, неурожай или повальная болѣзнь,—крестьяне даютъобѣтъ—„завичаніе“ чтить память какого нибудь Святаго. Въ день памяти этого Святаго, даже если нѣтъ ему часовни, все-таки вся деревня служитъ общій молебень и не работаетъ въ этотъ день. Это, такъ называемые, „заповѣдные“ праздники. Въ эти же праздники обыкновенно купаются въ озерахъ. Эти праздничные дни имѣютъ чисто мѣстный характеръ: такъ на примѣръ, деревня Авдѣевская празднуетъ Ильинскую пятницу. Девеня же Бураково (въ которой находится и церковь приходская для деревни Авдѣевской, отстоящая отъ дерев. Авдѣевской въ 1-й верстѣ по озеру) празднуетъ день памяти св. Флора и Лавра и Петровскую пятницу.

Кромѣ этихъ чисто мѣстныхъ праздниковъ, существуютъ еще общіе для всей волости. Это—праздники тѣхъ Святыхъ, которые не являются покровителями одной какой либо деревни или мѣстности, но имѣющихъ одинаковое отношеніе ко всѣмъ крестьянамъ, безъ различія деревень и урочищъ. Въ такіе дни или совершаются цѣлою волостью крестные ходы и служатся молебны, либо даются пиры и приносятся у часовни то, что крестьяне называютъ „жертвой“. Последнее совершается въ дни памяти св. Ильи пророка, свв. Апостоловъ Петра и Павла, св. Макарія и др. Впрочемъ

что касается „жертвы“ въ день памяти свв. апостоловъ Петра и Павла, то, на сколько мнѣ извѣстно, это перешло теперь въ рассказы о прошломъ, хотя и очень недавнемъ прошломъ.

Какъ извѣстно эти общественные пиры. въ корнѣ своемъ происходящіе отъ древнихъ родовыхъ или племенныхъ жертвоприношеній, встрѣчались еще и въ древней Руси, да и въ настоящее время не составляютъ рѣдкости ни среди русскаго населенія, живущаго въ Олонецкой и Архангельской губ., какъ они не составляютъ рѣдкости и у многихъ инородцевъ, населяющихъ Россію. Въ древнемъ Новгородѣ эти общественные пиры-братчины были повидимому въ особенномъ ходу.

Въ Новгородѣ для пиршества соединялись улицы. Эти братчины устраивались на храмовые праздники, откуда и произошли ихъ названія „никольщина, покровщина“ *) и т. п. „Каждый участникъ давалъ отъ себя „ссыпь“ т. е. извѣстную, причитающуюся на его долю часть съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для приготовления напитковъ; впоследствии ссыпщики давали свою часть деньгами. Братчина изъ среды себя избирала пироваго старосту, который распоряжался вкладами членовъ братчины и устраивалъ пиръ“ **).

Обычай составлять складчины, хотя и въ гораздо менѣ развитой формѣ, новгородцы колонисты перенесли съ собой и въ современныя Архангельскую и Олонецкую губерніи. Этотъ обычай до сего времени свято чтится въ народѣ, хотя въ разныхъ мѣстахъ и ни въ одинаковой степени. Что касается Пудожскаго уѣзда, то онъ и въ этомъ отношеніи представляетъ лишь остатки, прежде, повидимому сильно развитаго обычая, сохранившагося въ гораздо болѣе чистой формѣ до сихъ поръ и въ Архангельской губерніи, въ нѣ-

*) Сб. мат. объ артеляхъ въ Россіи, вып. 2. 1876. стр. 170.

**) *ibid* стр. 173.

которыхъ ея уѣздахъ по крайней мѣрѣ, и въ уѣздѣ Каргопольскомъ. Волна новыхъ идей дала себя чувствовать и здѣсь.

То, что сохранилось въ относительной цѣлости въ другихъ уѣздахъ, здѣсь, въ уѣздѣ Пудожскомъ, представляетъ лишь жалкіе обломки прежняго культа.

Изъ этихъ общественныхъ пировъ, которые встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, въ болѣе или менѣе развитой формѣ, останавливаются на себѣ особое вниманіе „жертва“ въ Ильинъ день на Корбозерѣ и жертва въ день св. Макарія на оз. Купецкомъ.

Что касается св. Ильи, то онъ является и въ Пудожскомъ уѣздѣ распорядителемъ грозы и молніи. Громъ происходитъ оттого, что Илья ѣдетъ въ это время по небу „въ таратайкѣ“. Молнію называютъ „Божьей милостью“; „загорѣлось отъ Божьей милости“, говорятъ въ случаѣ пожара отъ молніи и тушить такой пожаръ слѣдуетъ прѣснымъ, т. е. сырымъ молокомъ. Болѣе оригинальнымъ является вѣрованіе, что Илья даетъ хлѣбъ, что можетъ быть стоитъ въ связи съ вѣрованіемъ, распространеннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (напр. у жителей Тарусинскаго у. Калужской губ.) что хлѣбъ зрѣетъ не только отъ солнца, но и отъ „молніи“—ночной зарницы. Интересна и молитва, которую читаютъ во время грозы: «Илья пророкъ многомилостивый, дай, Господи, тихую росу смиренную—частаго, мелкаго дождичку, сохрани и помилуй, Господи, на синемъ морѣ, въ темныхъ лѣсахъ, крещеныхъ на работѣ, милую скотинку, крестьянскую животинку отъ всякаго врага и супостата». Среди населенія существуетъ вѣра и въ громовыя стрѣлы. Эта стрѣла должна быть каменная и послѣ удара молніи ее тщательно ищутъ, прокапывая землю подчасъ довольно глубоко. На Кенозерѣ, гдѣ часто находятъ орудія каменнаго вѣка, какъ на берегу озера, такъ и въ поляхъ—эти ка-

менные орудія считаются за громовыя стрѣлы: ихъ хранятъ какъ „Божью милость“, и сохраненіе ихъ дома даетъ счастье. Въ случаѣ колотья въ бокахъ, ихъ обливаютъ водой и эту воду даютъ пить больному. Громовыя стрѣлы кладутъ также въ рѣпное сѣмя, чтобы оно не портилось. Неудивительно поэтому, что, разъ св. Илья пользуется особымъ передъ прочими святыми почетомъ,—что большинство общественныхъ пировъ принаровлено къ его празднеству. Наиболѣе типичнымъ представителемъ общественнаго пиршества въ день празднованія св. Ильи для Пудожскаго уѣзда является общественный пирь на Корбозерѣ.

На Корбозерѣ сохранился обычай рѣзать быка въ день памяти св. Ильи пророка. За нѣсколько дней до праздника, крестьяне - корбозеры устраиваютъ складчину деньгами; на эту сумму покупаютъ у кого нибудь изъ сосѣдей быка. Наканунѣ праздника Корбозеры выбираютъ нѣсколько челоуѣкъ изъ своей среды, на обязанности которыхъ лежитъ зарѣзать быка и раздѣлить мясо на каждый дворъ, по числу душъ въ дворѣ. На слѣдующее утро, въ день праздника, всѣ отправляются къ обѣдни, а послѣ обѣдни остаются около церкви, гдѣ распорядители пиршества уже приготовили доски, должнствующія служить столами. Каждый домохозяинъ приноситъ кромѣ того съ собой рыбы, хлѣба и все вообще, что онъ считаетъ нужнымъ для своего обѣда и сдаетъ все это еще до обѣдни, въ продолженіе которой мясо и рыба варятся. Когда обѣдня кончается, каждая семья подходитъ къ своему котлу и обѣдаетъ, причемъ угощаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, приходящихъ всегда къ празднеству изъ сосѣднихъ деревень. Священникъ и причтъ не принимаютъ вполнѣ участія въ этомъ общественномъ пиршествѣ: они обѣдаютъ особо отъ остальныхъ присутствующихъ, но тѣмъ же жертвеннымъ мясомъ, которое для нихъ остав-

ляется особо и отдѣльно варится. *) Что касается шкуры быка, то она идетъ въ пользу того хозяина, у котораго быкъ былъ купленъ, причемъ стоимость ея вычитается изъ платы за быка.

Объ общественномъ пивовареніи практикуемомъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились общественные пиры въ Пудожскомъ уѣздѣ нѣтъ и помину: всякій приноситъ либо водки, либо квасу и пирующие ограничиваются взаимнымъ угощеніемъ. Таково въ общихъ чертахъ общественное пиршество на Корбозерѣ въ день памяти св. Ильи. Какъ видно оно въ главномъ мало чѣмъ отличается отъ древне-новгородскихъ братчинь.

Въ настоящее время пиршество въ день памяти св. Ильи пророка, въ томъ сравнительно полномъ видѣ, какъ на Корбозерѣ, нигдѣ въ уѣздѣ, на сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается болѣе. Встрѣчающіеся остатки пиршествъ въ этотъ день представляютъ лишь болѣе или менѣе значительныя переживанія нѣкогда болѣе развитыхъ, болѣе широко празднуемыхъ общественныхъ пиршествъ. Да и само Корбозерское пиршество, въ

*) *Примѣчаніе.* Интересно, что въ большинствѣ мѣстностей, въ которыхъ сохраняются еще общественныя моленья, священники обѣдаютъ всегда отдѣльно, хотя также жертвеннымъ мясомъ, что, можетъ быть, объясняется уваженіемъ къ священническому сану. У народовъ—язычниковъ и полуязычниковъ мы встрѣчаемъ совершенно аналогичное явленіе, такъ напр. у Вотяковъ, Черемисъ и Ингушей, насколько мнѣ извѣстно, по сожженіи извѣстныхъ частей жертвеннаго животнаго или соблюденія того или другого жертвеннаго ритуала устраивается также пиръ, на которомъ присутствуютъ и жрецы причемъ также каждая семья обособливается, а жрецы обѣдаютъ отдѣльно. Этотъ распространенный обычай, что жрецы, замѣнившіе собою родовыхъ старѣйшинъ, обѣдаютъ отдѣльно, невольно наводитъ на мысль, что обычай, давать причту отдѣльно кушанье, произошелъ отъ того, что священники заняли мѣсто языческихъ жрецовъ, которые въ свою очередь, какъ я только что сказалъ, замѣнили собой родовыхъ старѣйшинъ. Это предположеніе находитъ себѣ оправданіе въ происхожденіи современныхъ общественныхъ пировъ отъ языческихъ жертвоприношеній.

свою очередь, лишь болѣе хорошо и цѣло сохранившееся переживаніе братчинъ, сравнительно съ тѣми, которыя устраиваются въ Каргопольскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи. Этотъ обычай устройства общественнаго пиршества произошелъ, какъ мною было уже указано, изъ древнихъ родовыхъ и племенныхъ жертвоприношеній *), быть можетъ, громовнику, съ принятіемъ христіанства приноровленный къ празднику св. Ильи, замѣстившаго въ народномъ представленіи языческаго бога громовника. Этотъ языческій характеръ современнаго пиршества, иллюстрируется слѣдующимъ, уже извѣстнымъ впрочемъ въ литературѣ, народнымъ преданіемъ: въ древнее время, гласить это преданіе, къ мѣсту, куда собирались для общественнаго пира, прибѣгалъ олень иногда и лось, котораго и рѣзали. Однажды когда всѣ уже собрались, олень все не прибѣгалъ: тогда не дождавшись оленя жители рѣшили зарѣзать по однимъ быка, по другимъ барана, смотря по тому, которое изъ двухъ животныхъ рѣжется въ этотъ день. Въ это самое время прибѣжалъ олень и, увидавъ, что его не дождались, убѣжалъ и ужъ больше не являлся **).

*) Лишнимъ доказательствомъ подтверждающимъ происхождение общественныхъ пиршествъ изъ древнихъ родовыхъ жертвоприношеній — можетъ служить и то обстоятельство, сообщаемое Г. И. Куликовскимъ (рефератъ „Общественный пиръ въ Обонежѣ“), что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петрозаводскаго уѣзда женщины къ участию въ трапезѣ не допускаются; въ одной изъ мѣстностей поименованнаго уѣзда „говорятъ даже, что когда разъ кто-то далъ женѣ своей косточку, такъ и то медвѣдь много бѣдъ натворилъ“.

**) *Примѣчаніе.* Преданіе о томъ, что къ жертвоприношенію прибѣгалъ олень, котораго и приносили въ жерву, столь распространенное почти во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ великороссами, гдѣ сохранились еще общественные пиры, встрѣчается и у зырянъ. Такъ по свѣдѣніямъ 1848 года (Вол. Г. Вѣд. № 10—12) извѣстно, что на Вышерѣ ходитъ совершенно такое же преданіе о жертвоприношеніи оленя, котораго также какъ-то разъ не дождались и приступили къ закланію домашняго животнаго. „Послѣ богослуженія,

Въ одной изъ мѣстностей уѣзда, въ Задней Дубровѣ, по словамъ г. Полякова, существуетъ аналогичное преданіе, гдѣ мѣсто оленя заступаетъ лебедь.

Съ каждымъ годомъ все больше и больше падаетъ обычай устраивать общественныя пиршества, но преданіе о нихъ, тѣмъ не менѣе, живо еще; это и понятно, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ они прекратились лишь очень недавно. Ходятъ рассказы о прежнихъ общественныхъ пирахъ въ день св. Ильи и свв. Петра и Павла и въ Ильинскомъ погостѣ, а въ деревнѣ Конзанаволокъ рассказывали намъ, что 20 Юля, завичали нетѣлку; на пречистенскомъ погостѣ—завичали на Петровъ день. По словамъ Г. И. Куликовскаго на Отовозерѣ приносится въ Ильинъ день въ жертву нехолощенный быкъ *непрѣменно краснаго цвѣта*, для того чтобы пр.Илья далъ хорошую, ясную погоду для сѣнокоса и уборки хлѣба.

прибѣгаетъ жертвенное животное, и, видя что оно замѣнено другимъ, падаетъ тутъ же мертвымъ. Съ тѣхъ поръ таинственный олень болѣе не являлся... При входѣ въ церковь показываютъ обломокъ оленьяго рога... его считаютъ свидѣтельствомъ преданія о давно минувшемъ. Ижемцы, въ проѣздъ по здѣшнему селенію, всегда стараются приобрести хотя маленькій кусочекъ, который у нихъ почитается талисманомъ для умноженія своихъ стада... Ижемцы занимаются оленеводствомъ „(Кл. Поповъ: Зыряне и Зырянскій край: въ Извѣст. Импер. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, т. XIII, вып. 2-й. 1874 г., стр. 19. Примѣч.). Не вдаваясь въ объясненіе этого преданія и преданій съ нимъ аналогичныхъ, позволю себѣ указать, что олень вообще въ представленіяхъ многихъ народовъ является животнымъ, такъ сказать, „полубожественнымъ“. Не останавливаясь на значеніи оленя въ христіанскомъ искусствѣ, позволю себѣ отмѣтить, что вообще, даже въ древне-христіанскомъ искусствѣ, заимствовавшемъ много мотивовъ изъ языческой культуры, олень занимаетъ важное мѣсто въ символикѣ: Иисусъ Христосъ, Апостолы, Евангелисты, Святые, кающіеся нерѣдко изображаются въ видѣ оленя. (Martigny: Dictionnaire des Antiquités Chrétiennes p. 158). Много ходитъ преданій и легендъ о явленіи иконъ на рогахъ оленя, какъ напр. Ченстоховская икона Божіей Матери;

Перейду теперь къ другому общественному пиру, носящему характеръ сильно отличный отъ вышеописаннаго, именно къ пиру, устраиваемому на озерѣ Купецкомъ у часовни св. Макарія. Этотъ видъ общественнаго пиршества также какъ и предыдущій напоминаетъ намъ о жертвоприношеніи чисто языческаго характера. Если въ Корбозерскомъ и ему подобныхъ пирахъ можно видѣть переживаніе родовыхъ или племенныхъ жертвоприношеній, то въ пиршествѣ, устраиваемомъ въ день памяти св. Макарія, который, кстати сказать, считаетъ

кромѣ того, въ житіи св. Евстафія Плакиды также является олень, который заводитъ Святаго въ уединенное мѣсто, гдѣ ему является Спаситель; по другимъ вариантамъ олень заводящій Плакиду имѣетъ между рогами крестъ. Въ легендѣ о св. Губертѣ олень также является съ распятіемъ между рогами, а у румынъ рассказывается, что олень, въ котораго охотники намѣреваются стрѣлять, оказывается Иоанномъ Крестителемъ, котораго въ гнѣвъ заклала мать. (А. Потебня: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень; стр. 325). Въ мифологіяхъ многихъ арійскихъ народовъ вспоминается олень: такъ напр. чудесная лань Артемиды у Грековъ. Въ германской мифологіи поминается также олень, „съ роговъ котораго падаютъ капли, стекающія въ источникъ у одного изъ корней ясеня Иггдрасилле, откуда вытекають многія рѣки“. (А. Потебня *ibid.*). Въ нашихъ народныхъ сказкахъ является нерѣдко олень-золотые рога, оказывающій то или иное вліяніе на судьбу героевъ сказки. Въ „Объясненіяхъ малор. и сродн. народн. пѣсень“ (стр. 319 — 339) приводится цѣлый рядъ пѣсень, въ которыхъ выступаетъ чудодѣйственный олень, „ланья бурая, съ оленятами“, которая говоритъ человѣческимъ языкомъ; олень то доставляетъ добру-молодцу невѣсту, то подаетъ ему счастье въ его семейной жизни. Въ чешской пѣснѣ „молодецъ пасетъ оленей, посылаетъ одного къ дѣвицѣ; олень приноситъ на рогу яблоко; изъ раскроеннаго яблока, вылетаетъ птица, это не птица, а дѣвица“. Не касаясь больше многочисленныхъ примѣровъ объ упоминаніи оленя, позволю себѣ отмѣтить, что уже тотъ фактъ, что олень такъ часто и въ столькихъ мѣстностяхъ, выступаетъ въ своей сказочной мифической роли, заставляетъ думать, что въ основаніи преданія о приобъганіи оленя къ жертвоприношенію, лежитъ вѣрованіе, утратившееся въ настоящее время у пудожанъ, но вѣрованіе, имѣвшее тѣсную связь съ религиозными представленіями ихъ прапредковъ-язычниковъ.

ся здѣсь покровителемъ стада—ясны слѣды жертвоприношенія по обѣту отдѣльныхъ семействъ. Если случится съ кѣмъ либо болѣзнь или другое какое нибудь несчастье, падающее либо на одного изъ членовъ семьи, либо на всю семью, то страдающіе общаются „завичають“ св. Макарію барана. Этотъ баранъ выбирается изъ стада, получаетъ особую отмѣтку: ему либо навязываютъ ленту на шею или рога, либо мѣтятъ особо отъ прочихъ уши, чтобы не спутать его съ остальными; „завиченнаго“ барана откармливаютъ. Въ день памяти св. Макарія послѣ обѣдни, священникъ пріѣзжаетъ въ часовню, служить въ ней молебенъ; завищавшіе еще раньше, рѣжутъ барановъ и варятъ ихъ мясо въ котлахъ. По окончаніи молебна священникъ кропятъ святой водой „жертву“, какъ сами крестьяне называютъ въ данномъ случаѣ это мясо; послѣ этого начинается пиршество, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ желающіе; завищавшіе всѣхъ угощаютъ. Принимаютъ участіе и священникъ и причтъ. Что же касается до шкуры зарѣзанныхъ барановъ, то онѣ продаются, и деньги, вырученныя отъ продажи, идутъ въ пользу часовни. Крестьяне очень дорожатъ благословеніемъ „жертвы“, т. е. окропленіемъ ея священникомъ святой водою. Когда однажды мѣстный священникъ, желая искоренить этотъ обрядъ, отказался окропить жертвенное мясо святой водою и послѣ молебна тотчасъ уѣхалъ, крестьяне долго не рѣшались приступить къ пиршеству неблагословеннаго мяса; они нѣсколько разъ посылали къ священнику просить его пріѣхать, но тотъ оставался непреклоннымъ. Лишь послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ склонить священника крестьяне рѣшились, скрѣпя сердце, приступить къ пиршеству, которое въ тотъ разъ, по словамъ крестьянъ, прошло очень вяло. Такого же рода завичанья барановъ употребительны у крестьянъ и по отношенію къ другимъ святымъ, на примѣръ св. Пахомію. Какъ переживаніе

этого древняго жертвоприношенія, мы встрѣчаемъ слѣдующій обычай у Пудожанъ: завичаютъ кромѣ овецъ, быковъ и телятъ также шерсть, полотно и масло; все это, смотря потому, куда и какому святому это было завѣщено, сносятъ либо въ Муромскій монастырь св. Лазаря на праздникъ св. Іоанна Крестителя (24 Іюля), либо въ Кенскій монастырь въ день памяти св. Пахомію (8 Сентября), либо въ Макарьевскій монастырь. Какъ скоть, такъ и принесенныя шерсть, полотно, масло поступаютъ въ монастырь, который ихъ отъ себя и продаетъ.

Жертва св. Макарію на Купецкомъ озерѣ является не менѣе интереснымъ переживаніемъ древнихъ вѣрованій, чѣмъ общественное пиршество въ Ильинъ день: оно сохранило также много признаковъ древняго жертвоприношенія, также рельефно отразило на себѣ прежнія религіозныя воззрѣнія населенія. Этотъ обрядъ „завичать“ св. Макарію сохраняется крѣпче среди крестьянъ, чѣмъ общественный пиръ въ Ильинъ день, и, въ то время, какъ послѣдній съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ и становится все рѣже,—жертва „завиченныхъ“ животныхъ св. Макарію продолжаетъ жить и, насколько мнѣ извѣстно, не идетъ такъ быстро къ разрушенію. Это быть можетъ объясняется тѣмъ, что и само „завичаніе“ *отдѣльными семьями* жертвенныхъ животныхъ — есть слѣдствіе разрушенія принциповъ родового быта, причемъ жертвоприношеніе цѣлымъ родомъ-племенемъ замѣнилось жертвоприношеніемъ отдѣльной семьей; какъ явленіе болѣе недавнее оно должно было оказаться и болѣе живучимъ.

Этимъ бѣглымъ очеркомъ я полагаю закончить мое сообщеніе. Считаю однако необходимымъ въ заключеніе оговориться, что каковы бы ни были переживанія древнихъ вѣрованій среди пудожанъ, какъ бы ни сильны были въ нихъ воспоминанія о прошломъ культѣ ихъ предковъ-язычниковъ, не нужно все-таки забывать, что

они хранятся преимущественно лишь среди женскаго населенія уѣзда, что въ средѣ мужскаго населенія эти воспоминанія гораздо слабѣе. Не слѣдуетъ и забывать того, что эти остатки прадѣдовскихъ вѣрованій лишь обломки, сохранившіеся, благодаря тѣмъ или инымъ условіямъ, среди общей ломки и крушенія всего стараго быта, что это лишь одинокіе острова среди волнъ новыхъ идей. Общая ломка прежнихъ устоевъ настолько сильна, настолько отразилась на всѣхъ другихъ сторонахъ быта, что, занимаясь изученіемъ юридическаго быта крестьянина Пудожскаго уѣзда и его домашней обстановки, трудно представить себѣ, что такіе драгоценные остатки старины онъ хранитъ въ себѣ подъ этой внѣшней оболочкой „петербургской культуры“.

Николай Харузинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ.

Всѣ игрушки и игры дѣтей въ селѣ Мазунинѣ можно раздѣлить на двѣ главныя группы 1) на подражательныя и 2) на чисто-дѣтскія.

Къ первой группѣ я отношу всѣ игрушки и игры, которыя выработались у дѣтей чрезъ подражаніе ихъ старшимъ въ ежедневныхъ занятіяхъ этихъ послѣднихъ и чрезъ подражаніе неразлучнымъ съ этими занятіями различнымъ орудіямъ и дѣйствіямъ, при которыхъ эти орудія употребляются.

Во второй группѣ я отношу всѣ тѣ игрушки и игры, которыя выработались, по моему мнѣнію, у дѣтей самобытно испоконъ вѣковъ ихъ непосредственнымъ художественнымъ творчествомъ.

Описывая тотъ и другой родъ игрушекъ и игръ, я имѣю въ виду только тѣ изъ нихъ, которыя исполняются дѣтьми безъ всякой инициативы со стороны старшихъ, или если она, эта инициатива и является гдѣ нибудь, то въ такомъ незначительномъ видѣ, что не имѣетъ никакого рѣшающаго вліянія на свободную волю дѣтей: сами дѣти дѣлаютъ себѣ игрушки, сами изобрѣтаютъ для себя игры и сами-же устанавливаютъ тѣ законы, по которымъ должны совершаться эти игры. Здѣсь все предоставлено собственной волѣ дѣтей, ихъ вкусамъ и наклонностямъ.

1.

Игрушки подражательныя.

Такъ какъ быть Мазунинскихъ жителей — быть земледѣльческій, то и игрушки этого рода относятся всѣ къ этому быту. Этотъ отдѣлъ игрушекъ составляютъ: а) соха, б) берова, в) мельница — водяная и вѣтряная и г) телѣжка.

а) *Соха и борона*. Эти игрушки представляют изъ себя совершенное подобіе названныхъ земледѣльческихъ орудій. Дѣлаютъ ихъ сами дѣти и дѣлаютъ на столько хорошо, что не оставляютъ желать ничего лучшаго. Цѣнность работы и ея достоинство увеличиваются еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что все дѣлается только съ помощію топора и ножа и, рѣдко, къ этимъ двумъ инструментамъ присоединяется еще долото или буравчикъ.

б) *Мельница сътряная и водяная*. На конецъ длиннаго шеста укрѣпляютъ поперекъ палку съ полъаршина длиною такъ, чтобы палка эта свободно вращалась вокругъ шеста; затѣмъ изъ досечекъ выстрагиваютъ отъ 2-хъ до 6-ти крыльевъ, на подобіе крыльевъ вѣтряной мельницы. Крылья эти скрѣпляютъ между собою, провертываютъ посреди ихъ отверстіе и затѣмъ черезъ это отверстіе прикрѣпляютъ ихъ гвоздемъ къ палочкѣ, поперечной длинному шесту, такъ, что крылья свободно могутъ вращаться на этомъ гвоздѣ. Чтобы крылья мельницы вращались постоянно, когда дуетъ вѣтеръ, въ другой конецъ палки, на которой укрѣплены крылья, вставляютъ перпендикулярно широкую тоненькую досечку или лубочекъ, такъ что получается вмѣстѣ и флюгеръ и мельница. Вѣтеръ, ударя въ эту досечку, поворачиваетъ мельницу крыльями себѣ навстрѣчу, и онѣ начинаютъ вертѣться.

Водяная мельница по своему устройству еще менѣе замысловата, чѣмъ вѣтряная. Берутъ кругленькую палочку въ полъаршина длины, средину этой палочки надкалываютъ со всѣхъ сторонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, соответственно предполагаемому числу крыльевъ. Для крыльевъ обстрагиваютъ ножемъ нѣсколько лучинокъ, дѣлаютъ ихъ всѣ равной длины и ширины. Затѣмъ обстроганная и выровненная такимъ образомъ лучинки вколачиваютъ въ надколы вала — и водяная мельница готова. Эту мельницу несутъ куда нибудь или на дождевой ручеекъ, или на ключъ, струящийся гдѣ нибудь съ горы (а такихъ ключей здѣсь множество) и концы валика укрѣпляютъ въ берега, такъ, чтобы валикъ свободно могъ вращаться. Вода, протекая, задѣваетъ крылышки и заставляеть валикъ вертѣться.

г) *Тельжка*. Тельжки дѣлаютъ двухъ родовъ — въ четыре колеса и въ два. Тѣлжка въ четыре колеса представляетъ изъ себя совершенное подобіе большой тельги съ тѣмъ-же устройствомъ всѣхъ ея деталей, за исключеніемъ колесъ и желѣзныхъ частей. Колеса большею частью дѣлаются пиленыя и рѣдко-точеныя. Пиленыя колеса дѣлаются изъ бревенъ вершка въ 3—4 толщиною и дѣлаются весьма просто: отпилятъ отъ дерева кружокъ въ вершокъ толщиною, въ центрѣ кружка провертатъ или продолжать круглое отверстіе — и колесо готово. Точеныя колеса вытачиваютъ на то-

карныхъ станкахъ, которые здѣсь водятся у крестьянъ, занимающихся выдѣлкою настоящихъ колесъ. Телѣжка о двухъ колесахъ состоитъ изъ одной только оси, на которую и насажены оба колеса, а по срединѣ этой оси провертывается отверстіе и въ него вставляется рукоятка, за которую возать телѣжку, Чтобы колеса не спадали съ оси, по концамъ оси вбиваютъ гвоздики.

Игры подражательныя.

Эти игры, какъ самыя игрушки, которыя мы только что разсматривали, представляютъ изъ себя полное подражаніе старшимъ. Главное время этихъ игръ — лѣто и не потому только, что лѣтомъ тепло и звездѣ просторно играть — это справедливо только съ одной стороны. Съ другой, — что собственно вызываетъ эти игры — это то, что лѣто — пора рабочая въ крестьянскомъ быту. Общія впечатлѣнія дѣтей, которыя они получаютъ во все это время, впечатлѣнія труда во всѣхъ его видахъ. Да и сами они нерѣдко становятся участниками въ этомъ трудѣ старшихъ. Не мудрено, что эти-же элементы труда входятъ и въ ихъ игры и придаютъ ихъ забавамъ дѣловую окраску.

Собираются нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ на удобное для игры мѣсто и здѣсь начинаютъ прежде всего строить домъ. Дома дѣлаютъ или въ видѣ шалашей и покрываютъ ихъ соломой или травою, или-же чаще просто изъ рядовъ вбитыхъ въ землю колышковъ, которыми они отгораживаютъ себѣ воображаемыя жилища. Но за то чего-чего только не нагородятъ они себѣ изъ этихъ колышковъ! Тутъ и стряпущая изба, и горница, куда принимаютъ гостей, и сѣни, и хлѣвы, и сарай — все есть. Устроивъ такимъ образомъ жилище, дѣти начинаютъ игры. Мальчики отправляются на работы, дѣвочки остаются дома. Вотъ двое мальчиковъ берутъ соху и везутъ ее куда нибудь на такое мѣсто, гдѣ земля по мягче или гдѣ песокъ — и начинается игра. Одинъ впрягается въ соху; другой берется за рогачъ — и напуть выбранное мѣсто. Двое другихъ привозятъ туда-же борону и начинаютъ оборанивать вспаханное товарищами пространство. Тамъ двое запряглись въ телѣжку, третій сѣлъ на нее — и поѣхали. Приѣзжаютъ они на лугъ и начинаютъ сѣно косить. Нарвали руками травы, наложили ее рядами и поѣхали домой. Минуту спустя изъ дома выходятъ дѣвочки; онѣ идутъ тоже на лугъ — переворачивать только что скошенное сѣно и метать его въ стога. Другая партія дѣвочекъ идетъ на другую часть луга, и здѣсь начинается жнитво. Онѣ рвутъ руками все ту-же траву и вяжутъ ее въ снопы. Приѣзжаютъ съ телѣжкой мальчики, складываютъ эти снопы на телѣжку и везутъ

ихъ домой молотить. Однѣ работы кончены — много еще остается другихъ. Вотъ на ту-же телѣжку кладутъ навозу, везутъ его на только что распаханное поле, и разбрасываютъ его здѣсь. Поле готово, остается его засеять. Не далеко пилать тесъ. Съ той-же телѣжкой мальчики ѣдутъ за опилками, привозятъ ихъ на свою распаханную и удобренную полосу и разсѣваютъ ихъ по ней. Бо роноволокни забораниваютъ тотчасъ же посѣвъ. Полевая работа кончена. Надо запасти дровъ, — и вотъ все съ той-же телѣжкой мальчики отправляются куда нибудь въ высокой репейникъ, — воображаемый лѣсъ. — Здѣсь они надергиваютъ съ корнемъ или наламываютъ этого репейника и везутъ его въ свое игрушечное жилище. Это — запасъ дровъ на зиму. А въ домѣ? Здѣсь пока въ отсутствіи мальчиковъ господствуетъ дѣвичій мірокъ. Одна вырыла въ землѣ ямку, и наложила въ нее нѣсколько кусочковъ глины; другая взяла черепокъ и пошла съ нимъ на рѣчку за водой. Принесла она воды и вылила ее на глину. Затѣмъ онѣ обѣ принялись мѣсить эту глину. Это онѣ мѣсятъ хлѣбъ. Рядомъ другія дѣвочки ведутъ самую разнообразную стряпню — готовятъ рабочимъ ужинъ. Одна дѣвочка сидитъ въ уголкѣ и убаюкиваетъ буклу — ребенка. Поодаль другая собираетъ тряпки, кладетъ ихъ на концы палки и, положивъ палку на плеча, важно несетъ тряпки на рѣку — полоскать бѣлье. Третья возится въ „стаѣ“ — убираетъ воображаемую скотину. Но вотъ работы кончены. Мальчики возвращаются, садятся всѣ за свой ужинъ. Послѣ ужина принимаются всѣ за забавы; вотъ собрались на катанье; двое-трое впрягаются въ телѣжку, столько же садятся на нее, и импровизированная пара или тройка несетъ своихъ сѣдоковъ — только стукъ колесъ да скрипъ ихъ далеко несутся по улицѣ. Словомъ въ этихъ играхъ предъ вами развертывается полная обстановка крестьянскаго житья-бытья, проносится полная до мельчайшихъ подробностей картина крестьянской трудовой жизни. Что не достаетъ въ этой игрушечной обстановкѣ противъ дѣйствительности, то дополняетъ подвижное дѣтское воображеніе, богатое всевозможными вымыслами и способностью одухотворять все. Безъ сомнѣнія въ этихъ играхъ заключаются первые уроки того дѣла, за которое возьмется впоследствии будущій земледѣлецъ.

Но не всегда игры дѣтей остаются играми, — иногда эти игры выходятъ изъ своихъ рамокъ и переходятъ прямо въ настоящую работу. Такъ, на примѣръ, по два года я наблюдалъ здѣсь игры — работы дѣтей обоого пола отъ 7 до 13 лѣтъ, состоявшія въ запруживаніи рѣки, которая протекаетъ по срединѣ села. Рѣка эта лѣтомъ, въ жаркое время, дѣлается обыкновенно весьма мелководной («курица перейдетъ въ любомъ мѣстѣ») — по мѣстному выраженію).

Когда въ срединѣ лѣта прошлаго года рѣка такимъ образомъ обме-
лѣла, человекъ 15 дѣтей обоого пола, по своей собственной ини-
циативѣ, безъ всякаго принужденія со стороны старшихъ, явились
на рѣку: кто съ топоромъ, кто съ лопатой, кто съ колотушками—
и работа закипѣла. Живо нанесены были колья, кусты, солома,
навозъ. Кто тешетъ колья: кто вколачиваетъ ихъ въ дно рѣки,
кто заплетаетъ вколоченные колья кустами, кто прудить,—и въ
день — два плотина была готова да еще такая, что цѣлое лѣто
противостояла всеѣмъ напорамъ воды. Выше плотины образовалось
довольно порядочное озеро, въ которомъ свободно могли купаться
и сами строители и ихъ товарищи и подруги, а на поверхности
его—плавать гуси и утки. По-ниже же плотины паденіемъ воды
такъ расчистило русло рѣки, что этимъ мѣстомъ стали пользо-
ваться и взрослые и для купанья, и для полосканья бѣлья. Та-
кая-же работа была произведена и этимъ лѣтомъ.

2.

Игрушки чисто дѣтскія.

Объ игрушкахъ покупныхъ я не считаю нужнымъ говорить,
такъ какъ эти игрушки едва-ли не одинаковы для всеѣхъ мѣст-
ностей. По крайней мѣрѣ здѣсь я вижу въ продажѣ такія-же,
какія я видѣлъ и въ Казани. Игрушки мѣстнаго производства и
притомъ производства дѣтей здѣсь слѣдующія: а) свистулька,
б) мячъ, в) шаръ, г) барабанъ, д) пузырь, е) солдатъ съ саблей,
ж) волчекъ, з) лукъ со стрѣлою, и) трещетка и і) москвошка (змѣй).
За безынтересностью устройства этихъ игрушекъ остановлюсь лишь
на нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Мячъ. Мячи дѣлаютъ изъ тряпокъ или кожи, изъ клубковъ
пряденной старой шерсти и изъ непряденной-новой. (Покупаютъ —
резиновые). Изъ одной непряденной шерсти мячи дѣлаютъ такимъ
образомъ: берутъ клокъ шерсти и катаютъ его кругообразно въ
рукахъ. Когда шерсть значительно укатается, бросаютъ ее въ ки-
пятокъ и оставляютъ ее тамъ приблизительно на полчаса. Потомъ
шерсть просушивается и превращается въ плотный упругій шаръ—
мячъ. Мячи изъ шерсти и въ особенности мячъ послѣдняго рода—
самые лучшіе мячи, такъ какъ упругостью они иногда не усту-
паютъ резиновымъ.

Солдатъ съ саблей. Вырѣзаютъ изъ дерева статую человекъ.
Въ плечахъ этой статуи провертываютъ круглое отверстіе, а
въ отверстіе вставляютъ налочку, которая могла-бы свободно вра-
щаться въ этомъ отверстіи. Къ концамъ налочки прикрѣпляютъ

руки. Затѣмъ къ пальцамъ правой руки такой статуи прикрѣпляютъ деревянную-же саблю, а къ лѣвой гусиное перо. (Руки располагаютъ такъ, что въ то время, когда правая бываетъ поднята вверхъ, лѣвая опускается внизъ). Статую эту укрѣпляютъ на длинномъ шестѣ. Когда подуетъ вѣтеръ, онъ задѣваетъ за перо и руки начинаютъ дѣлать круговращательныя движенія, какъ будто солдатъ машетъ своею саблею.

Трещетка. Выстрагиваютъ два четырехугольных брусочка длиною въ полъаршина. Въ каждомъ изъ этихъ брусочковъ дѣлаютъ по три отверстія — одно противъ другого. Два отверстія дѣлаютъ по краямъ брусочковъ, третье — по срединѣ. Одно изъ крайнихъ отверстій на каждомъ брусочкѣ дѣлаютъ круглое. Въ четырехугольные отверстія плотно вставляютъ двѣ поперечины, а въ круглыя — валикъ. Этотъ валикъ вставляется такъ, чтобы вокругъ него могла свободно вращаться составленная изъ брусочковъ рамка. На той части валика, которая вставлена въ рамку, нарѣзаютъ вокругъ него продольные рубчики; оканчивается валъ круглой рукояткой. По срединѣ рамки вставляютъ тоненькую досечку вдоль всей рамки, перегибая ее черезъ оба брусочка рамки, упирая концомъ въ зубчики валика. Когда такимъ образомъ трещетка устроена, берутъ трещетку за рукоятку валика и дѣлаютъ круговращательныя движенія рукою. Отъ этихъ движеній рамка трещетки вертится вокругъ валика, а поперечная перекладина задѣваетъ за зубцы валика и производитъ трескъ.

Игры чисто дѣтскія.

Игры этого отдѣла здѣсь существуютъ слѣдующія: а) игры съ движеніями, б) игры съ мячемъ, в) игры съ шаромъ, г) игры вружками, палками, деревяшками и т. п. д) игры съ веревкою, е) игры съ завязанными глазами, ж) игры въ прятки, и з) символическія игры.

а) Игры съ движеніями.

Игры съ движеніями здѣсь слѣдующія: 1) въ лошадки, 2) катанье съ горъ, 3) качели, 4) ходули, 5) въ перескачки, 6) въ горѣлки, 7) въ козышки, 8) въ смольники, 9) въ кругъ, 10) съ лѣса на лѣсъ.

1) *Катанье съ горъ.* Во время катанья съ горъ никакихъ собственно игръ не происходитъ. Катанье производится или съ нарочно для этого устроенныхъ изъ снѣга горъ, или-же съ вы-

сокаго пологого берега рѣки. Мѣсто катанья — гору или берегъ рѣки, — обыкновенно равняютъ лопатами и поливаютъ водою. Съ такихъ горъ катаются на санкахъ, лоткахъ, на соломѣ или просто безъ всего. Санки у здѣшнихъ дѣтей представляютъ изъ себя совершенное подобіе обыкновенныхъ крестьянскихъ дровней — и большею частью покупныя. Лотки дѣлаютъ сами мальчики. Лотокъ представляетъ изъ себя нѣчто подобное скамьѣ съ двумя перевёрнутыми вверхъ ножками. Эти ножки вставляются какъ разъ по срединѣ лотка. Передній конецъ лотка обыкновенно заостряютъ съ боковъ и съ нижней стороны стесываютъ. Катаются на лоткахъ или стоя, становясь позади ножекъ и держась за нихъ руками, или сидя, садясь на поперечнику ножекъ.

2) *Качели*. Качели устраиваются обыкновенно на нарочно для того устроенныхъ изъ жердей козлахъ. Жерди связываются веревками по три и представляются въ видѣ треножниковъ. На верхъ обоихъ треножниковъ кладутъ перекладину и къ ней привязываютъ одну или двѣ веревки. Если привязана одна веревка, то внизу на нее кладутъ доску, длиною въ $\frac{3}{4}$ — 1 арш., на которую поперекъ и садится желающій качаться. Если же повѣшены двѣ веревки, то берутъ длинную доску и привязываютъ ее за концы повѣшенными веревками. Съ каждаго конца встаютъ по одному качальщику, которые и раскачиваютъ качель, а на средину доски садятся тѣ, кого качаютъ, сколько ихъ помѣстится.

3) *Въ перескочки*. Играющіе ложатся всѣ по прямой линіи, поперекъ этой прямой, головами въ одну сторону. Промежутки между лежащими — сажени 2—3. Самый крайній изъ лежащихъ встаетъ и начинаетъ скакать черезъ всѣхъ лежащихъ, начиная съ своего сосѣда. Когда онъ перескочитъ черезъ послѣдняго, то ложится рядомъ съ этимъ послѣднимъ, на одинаковомъ разстояніи съ остальными. Затѣмъ встаетъ слѣдующій и дѣлаетъ то-же и т. д. перескакиваютъ всѣ до послѣдняго.

4) *Въ Колышки*. Преобладающіе участники въ этой игрѣ — дѣвочки, иногда впрочемъ и мальчики. По окружности круга — около трехъ и болѣе сажени въ діаметрѣ садятся играющіе. Эти посаженные называются колышками. Возлѣ каждаго колышка становится его хозяинъ. Такъ располагаются всѣ попарно, кромя одного играющаго — покупателя колышковъ. Покупателемъ колышковъ становится кто-нибудь по желанію. Покупатель подходитъ къ кому-нибудь изъ хозяевъ и проситъ у него продать колышекъ. Хозяинъ соглашается. Тогда оба и хозяинъ, и покупатель — каждый прикасается одновременно рукою къ головѣ колышка и оба пускаются бѣжать по вѣншей окружности круга, образуемаго колышками и ихъ хозяевами, въ направленіи каждый противоположномъ одинъ другому. Кто

изъ нихъ прежде прибѣжить къ продающемуся колышку, въ собственность того и переходить колышекъ, а оставшійся безъ колышка идетъ покупать къ слѣдующему хозяину.

5) *Въ смольникѣ.* Выбираютъ какую нибудь яму или оврагъ. По жребію избираютъ, кому стоять въ ямѣ — смолить. Остальные играющіе перебѣгаютъ взадъ и впередъ по ямѣ и кричатъ: „смольникъ, смольникъ, смолочку-то у тебя украли!“ Смольникъ ловитъ бѣгающихъ по ямѣ и, кого поймаетъ, тому и смолить, а самъ присоединяется къ остальнымъ играющимъ.

6) *Въ кругѣ.* Берутъ другъ друга за руки и начинаютъ быстро бѣгать кругомъ. Усталый бѣгунъ отрывается отъ общаго круга и летитъ далеко въ сторону. Кругъ снова смыкается и снова всѣ начинаютъ быстро бѣгать, теряя одного за другимъ. Это круженіе происходитъ до тѣхъ поръ, пока не растеряютъ большей половины игроковъ, и пока остальные не опустятся отъ изнеможенія на землю.

7) *Съ лѣса на лѣсъ.* Выбираютъ такое мѣсто, гдѣ много положено лѣса — бревенъ или досокъ. По желанію кто нибудь одинъ становится на землю ловить; остальные всѣ разбѣгаются по лѣсу. Затѣмъ стоящіе на лѣсѣ сбѣгаютъ на землю и перебѣгаютъ съ одной лѣсины на другую. Въ то время, когда кто-нибудь изъ стоящихъ на лѣсѣ станетъ на землю, ловецъ старается схватить его. Кого ловецъ поймаетъ, тотъ и долженъ ловить, а самъ онъ становится вмѣстѣ съ другими на лѣсъ.

б) *Игры съ мячемъ.*

Игры съ мячемъ здѣсь существуютъ шесть: 1) биль — бѣгалъ (лапта), 2) изъ круга, 3) въ лунки, 4) въ столбъ, 5) биль-бѣгалъ объ одномъ шарильникѣ и 6) объ стѣнку.

1. *Въ столбъ.* Выбираютъ какой нибудь столбъ, (напримѣръ — воротній) и по желанію кого нибудь ставятъ одного изъ играющихъ съ мячемъ у назначеннаго столба — спиною къ этому столбу. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: стоящій у столба подбрасываетъ мячъ на небольшую высоту кверху и потомъ рукой отбиваетъ его по направленію къ стоящимъ «въ полѣ». Тѣ ловятъ летящій мячъ, стараясь схватить его прежде, чѣмъ онъ упалъ на землю. Поймавшій мячъ бросаетъ имъ въ столбъ. Тотъ, кто попадетъ въ столбъ, идетъ къ столбу ударять мячъ, а ударявшій прежде присоединяется къ остальнымъ ловить; сдѣлавшій промахъ остается въ прежнемъ положеніи. Ударъ въ столбъ только тогда считается дѣйствительнымъ, когда мячъ ударяется въ него непосредственно

изъ руки бросившаго. Ударъ, произведенный отраженіемъ мяча отъ земли не считается. Иногда ставятъ условіемъ, что поймавшій непосредственно въ руки брошенный отъ столба мячъ считается какъ-бы попавшимъ имъ въ столбъ и идетъ ударять мячъ.

2. *Билъ - бьгалъ обз одномъ шарилъ.* Два упрощенія лапты:

а) Въ этой игрѣ матокъ не избираютъ. Бросаютъ жребій, кому подавать мячъ. Мячъ бьютъ рукой. Бьютъ въ вертикальномъ направленіи. Каждый бьющій, ударивъ по мячу, долженъ тотчасъ-же непременно бѣжать до другого сала и обратно. Въ это время подающій долженъ или поймать мячъ при паденіи послѣдняго внизъ, или, если ему это не удалось, схватить его съ земли и попасть имъ въ перебѣгающаго въ это время отъ сала до сала пробившаго. Удача въ томъ и другомъ случаѣ переводитъ шарилку въ бьющіе, и только что пробившаго въ шарилы. При неудачѣ въ обоихъ случаяхъ шарилка остается при своей обязанности.

б) Эта игра — еще большее упрощеніе предъидущей: здѣсь не перебѣгаютъ отъ сала до сала и не бросаютъ мячемъ въ бѣгущаго. Такимъ образомъ при обстановкѣ, одинаковой съ предъидущей, вся эта игра заключается лишь только въ томъ, что одинъ подаетъ мячъ, другой бьетъ, а всѣ остальные ловятъ мячъ. Кто поймаетъ, тотъ и ударяетъ мячъ; подаетъ же желающій.

3. *Обз стѣнку.* Эта игра происходитъ большею частью въ домѣ, но не исключительно. Она состоитъ изъ 11 различныхъ фигуръ, требующихъ болѣе или менѣе ловкости со стороны играющихъ. Всѣ фигуры состояются изъ бросаній мячемъ известнымъ образомъ. Нормальное число бросаній мяча въ каждой фигурѣ иногда 3 раза, иногда 5. Главное условіе всей игры — не выронить изъ рукъ мячъ. Если мячъ будетъ выроненъ изъ рукъ, то играющій долженъ передать его другому, а самъ ожидать слѣдующей своей очереди. Дождавшись очереди, онъ начинаетъ игру съ той самой фигуры, во время исполненія которой онъ выронилъ мячъ. Не исполнившій окончательно всѣхъ фигуръ, подвергается, какъ увидимъ ниже, наказаніямъ.

Фигура первая. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну на 1—2 аршина выше головы подъ острымъ угломъ и, стоя прямо, лицомъ къ стѣнѣ, ловитъ его одной или обѣими руками.

Фигура вторая. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну, какъ и въ предъидущей фигурѣ, но не ловитъ его, а отбиваетъ рукою по тому же приблизительно направленію, по какому падаетъ мячъ, такъ что мячъ здѣсь непрерывно перелетаетъ отъ стѣны къ рукѣ и отъ руки къ стѣнѣ.

Фигура третья. Галки. Пученье глазъ. Играющій становится къ стѣнѣ спиною и сгибаетъ назадъ голову такимъ образомъ, что

темя его головы упирается въ стѣну. Уставившись такъ, онъ бросаетъ надъ своимъ лицомъ мячъ, какъ въ первой фигурѣ.

Фигура четвертая. Чрезъ ногу. Эта фигура только для мальчиковъ. Играющій становится на одну правую ногу, а лѣвой упирается въ стѣну перпендикулярно этой послѣдней, т. е. такъ, чтобы вся ступня его согнутой въ колѣнѣ лѣвой ноги лежала на стѣнѣ. Затѣмъ онъ бросаетъ мячъ такъ, чтобы онъ, облетая пролеталъ подъ лѣвую ногу, и ловить его по другую сторону ноги.

Фигура пятая. Играющій становится лицомъ къ стѣнѣ и, вытянувъ лѣвую ногу, упирается кистью ея въ стѣну. Правую руку онъ просовываетъ подъ лѣвую и бросаетъ мячъ такимъ-же образомъ, какъ и въ предыдущей фигурѣ.

Фигура шестая. Хамы. Играющій бросаетъ мячъ отвѣсно къ полу и на лету сверху ловить его, не допуская упасть на полъ.

Фигура седьмая. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи и, въ то время, когда мячъ летитъ вверхъ, перевортываетъ кисть руки ладонью книзу, принимаетъ ударъ мяча на руку и, не перемѣняя положенія руки, снова подбрасываетъ мячъ кверху, затѣмъ, во время этого полета мяча, оборачиваетъ кисть руки ладонью кверху, принимаетъ ударъ мяча и снова подбрасываетъ его вверхъ. Потомъ снова оборачиваетъ руку ладонью книзу, и т. д.

Фигура восьмая. Землянки. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи, даетъ ему упасть на полъ и, когда мячъ отскочитъ отъ пола, ловятъ его.

Фигура девятая. Клошки прямыя. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи, даетъ ему упасть на полъ и, когда мячъ отскочитъ отъ пола, ловить его.

Фигура десятая. Клошки косыя. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну такъ, что мячъ ударяется объ стѣну, падаетъ на полъ и отскакиваетъ. Тогда играющій ловить его.

Фигура одиннадцатая. Бычки. Играющій бросаетъ мячъ въ полъ такъ, что онъ, отскочивъ отъ пола, ударяется въ стѣну и отскакиваетъ отъ стѣны. Въ это время играющій ловить его.

Окончаніе игры бываетъ различное, смотря потому, какъ условятся между собою играющіе.

а) Исполнившій всѣ эти фигуры считается вышедшимъ, т. е. кончившимъ свою игру.

б) Для окончательнаго выхода назначаютъ еще фигуру 12-ю: играющій долженъ бросить мячъ въ стѣну, затѣмъ, когда мячъ будетъ падать, принять его на темя своей головы и отбить такъ, чтобы мячъ упалъ позади его. Исполнивъ эту фигуру, играющій

считается вышедшимъ. Въ случаѣ-же промаха, онъ долженъ исполнить снова эту 12-ю фигуру. Такъ онъ повторяетъ эту фигуру до тѣхъ поръ, пока не исполнить ее удачно.

в) При исполненіи фигуры двѣнадцатой остальные участвующіе въ игрѣ стараются схватить мячъ въ то время, когда послѣдній падаетъ съ головы бросившаго его. Если имъ это удастся, то бросающій мячъ долженъ снова исполнить сейчасъ-же всѣ двѣнадцать фигуръ. — или постолько-же бросаній въ каждой фигурѣ или на одно меньше, т. е. вмѣсто 3-хъ по 2, вмѣсто 5-ти по 4. Если товарищи снова схватятъ у него мячъ при исполненіи имъ 12-й фигуры, то онъ долженъ снова исполнить всѣ 12 фигуръ, но уже число бросаній удваивается въ каждой фигурѣ противъ предыдущаго, т. е. вмѣсто 2-хъ бросаютъ 4 раза, вмѣсто 4-хъ 8 разъ и т. д. при каждомъ новомъ исполненіи удваиваютъ число бросаній предыдущаго исполненія. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока ему наконецъ удастся отбить мячъ головою такъ, что товарищи не поймутъ уже его, или-же обезсиленный, онъ выронитъ мячъ и игра переходитъ къ другому.

г) Окончаніе то-же самое, но послѣ того, какъ поймутъ мячъ съ головы играющаго, этотъ послѣдній дѣлаетъ въ каждой фигурѣ прежде-же число бросаній, т. е. 3 или 5.

д) Остальные игроки не ловятъ мяча, но исполняющему послѣднюю фигуру дается право дѣлать ее одинъ-только разъ. Въ случаѣ промаха онъ снова исполняетъ всѣ 12 фигуръ съ тѣмъ-же числомъ ударовъ въ каждой, какъ и въ первый разъ.

е) Когда выходитъ останется только одному игроку, то онъ можетъ сдѣлать при этомъ только опредѣленное число промаховъ—именно равное числу всѣхъ играющихъ. Если, сдѣлавъ столько промаховъ, онъ некончитъ игры, то ему уже не дается право продолжать ее.

Нужно замѣтить, что не при каждой игрѣ исполняются всѣ эти 12 фигуръ. Это обусловливается иногда и качествомъ мяча: съ упругимъ мячемъ всѣ эти фигуры не представляютъ труда для исполненія. Еслиже мячъ не упругій, то изъ всей игры исполняются только слѣдующія фигуры: 1, 3, 4, и 5-я. Иногда 6-ю и 7-ю фигуры соединяютъ въ одну такимъ образомъ: бросаютъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи и, въ то время, когда мячъ падаетъ на землю, переворачиваютъ руку ладонью книзу, принимаютъ на руку ударъ мяча, затѣмъ отнимаютъ руку, мячъ летитъ внизъ и тогда ловятъ его, не допуская упасть на землю.

Самыя наказанія для тѣхъ, которые не исполнили этой игры, бываютъ различныя, смотря по-тому, какъ-договорятся играющіе:

1) *Кормить овсомъ.* Заслужившаго наказаніе ставятъ лицомъ

къ стѣнѣ. Наказующій подходитъ къ нему съ мячемъ, бросаетъ мячъ вертикально кверху и въ то время, пока мячъ совершаетъ свой полетъ, ударяетъ ладонью въ спину наказуемаго, затѣмъ ловитъ мячъ. Поймавъ мячъ, онъ снова повторяетъ то-же. Такъ онъ дѣлаетъ до тѣхъ поръ, пока не выронитъ какимъ нибудь образомъ изъ рукъ мячъ, послѣ чего право наказывать переходитъ къ другому. Этимъ правомъ пользуются всѣ вышедшіе участники игры.

2) Заслужившему наказаніе предоставляется право самому наметить разстояніе, съ котораго въ него будутъ бросать мячемъ. Однако, чтобы разстояніе это не вышло слишкомъ значительно, онъ долженъ измѣрить его такимъ образомъ: лѣвою рукою онъ беретъ себя за правое ухо, правую свою руку просовываетъ въ образующееся отъ этого изъ руки кольцо и бросаетъ мячъ. Каждый наказывающій становится на то мѣсто, гдѣ упалъ мячъ и съ него бросаетъ имъ въ наказываемаго. Промаховъ въ этомъ случаѣ со стороны наказывающаго не допускается. Если-же наказывающій промахнется, то наказываемый имѣетъ право поставить промахнушаго на свое мѣсто и ударить его самого мячемъ.

3) Наказывающіе отмѣриваютъ какое нибудь разстояніе и ставятъ по нему бѣгать взадъ и впередъ наказываемаго. При каждомъ бѣгѣ по разу въ него бросаютъ поочереди мячемъ.

4) Это наказаніе назначается въ связи съ условіемъ въ окончанія игры. Все число промаховъ, которое сдѣлаетъ играющій, оканчивая игру одинъ, ставится ему въ вину. За каждый промахъ онъ долженъ получить ударъ мячемъ. Для этого наказываемаго ставятъ къ стѣнѣ; отмѣриваютъ отъ него разстояніе шагами, по одному шагу за каждый промахъ. Становясь на этомъ разстояніи, каждый играющій бросаетъ въ наказываемаго мячемъ одинъ разъ. Если производящій наказаніе не попадетъ въ подвергнутого наказанію, то этотъ послѣдній можетъ его поставить на свое мѣсто и ударить мячемъ. Если играющій сдѣлаетъ промаховъ меньше числа всѣхъ участниковъ игры, то послѣдніе бросаютъ между собою жребій, кому достанется наказывать.

с) *Игры съ шаромъ.*

Игра съ шаромъ здѣсь бываетъ шесть родовъ: 1) жаровка, 2) въ буй, 3) въ котель, 4) въ бабки, 5) въ стѣнку, 6) въ катовки.

1) *Жаровка.* Игра начинается выборомъ матокъ и подборомъ прій. Затѣмъ дѣлаютъ рядъ лунокъ по числу играющихъ въ партіи. Лунки дѣлаютъ по прямой линіи на разстояніи сажени одна

отъ другой. Матки бросаютъ жребій между собою, которой партіи идти въ поле, которой бить. Бить долженъ каждый съ своей лунки. Бьютъ шаръ палками въ $\frac{3}{8}$ — $1\frac{1}{2}$ аршина длиною. Эти палки называются козлинками. Козлинокъ набираютъ столько, сколько человекъ въ партіи: стоящіе въ полѣ ихъ не имѣютъ. Тѣ, которымъ достанется въ полѣ стоять, отходятъ отъ лунокъ сажень на 15—20, а матка ихъ остается при лункахъ. И здѣсь ея обязанность подавать безсмѣнно шаръ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ: матка той партіи, которая стоитъ въ полѣ, бросаетъ шаръ кверху вертикально, и тотъ, чья очередь бить (очередь и здѣсь начинается съ матки) бросаетъ въ шаръ козлинкой въ то время, когда брошенный шаръ падаетъ къ низу. Если бьющій попадетъ въ шаръ, то шаръ отлетаетъ въ ту сторону, гдѣ находятся стоящіе въ полѣ. Послѣдніе ловятъ шаръ и бросаютъ его къ своей маткѣ. А бьющій, бросивъ своей козлинкой въ шаръ, бѣжитъ къ своей козлинкѣ, схватываетъ ее и бѣжитъ къ своей лункѣ. Судьба каждой партіи зависитъ отъ того, кто прежде дотронется — „замакнетъ“ — какъ выражаются здѣсь — до лунки пробившаго, самъ-ли хозяинъ ея своей козлинкой, или матка партіи, стоящей въ полѣ. Если замакнетъ прежде самъ хозяинъ своей козлинкой въ лунку, то каждая партія остается на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Если же въ лунку пробившаго замакнетъ прежде матка шаромъ, то стоящіе въ полѣ идутъ бить, а бьющіе переходятъ въ поле. Для того, чтобы „выбѣжать“ пробившему за козлинкой и обратновъ этой игрѣ существуетъ одно изъ слѣдующихъ трехъ условій.

а. Пробившій тотчасъ, послѣ того какъ бросилъ своей козлинкой въ шаръ, долженъ бѣжать за ней и взять ее въ руки. Въ это время матка не имѣетъ права замакать шаромъ въ лунку пробившаго. Поэтому пробившій можетъ стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ упала его козлинка, даже подвинуться нѣсколько къ своей лункѣ (шага на 2—3) и ждать удобнаго случая добѣжать до своей лунки, сколько ему угодно. Только въ то время, когда онъ побѣжитъ къ лункѣ, матка противной партіи имѣетъ право замакнуть шаромъ въ его лунку. Вслѣдствіе этого, чтобы перебѣжать обратно отъ мѣста, гдѣ упала его козлинка, до своей лунки, пробившій выбираетъ такое время, когда шара еще не будетъ въ рукахъ матки противной партіи, т. е. того времени, когда пробьетъ кто нибудь изъ его товарищей и на столько удачно, что шаръ улетитъ далеко въ поле и долго не можетъ попасть въ руки матки противной партіи.

б) Пробившій только тогда можетъ бѣжать за своей козлинкой, когда еще шаръ не переданъ подающей маткѣ. При этомъ матка,

подающая шаръ, можетъ замачать шаромъ въ лунку пробившаго даже и тогда, когда этотъ послѣдній только хотъ немного сошелъ съ своей лунки. Поэтому пробившій долженъ всегда стоять на своей лункѣ, не сходя съ нея, или если сойдетъ, то уже долженъ сбѣгать за козлинкой и обратно, какъ можно скорѣе.

в. Пробившій можетъ бѣжать къ тому мѣсту, гдѣ упадетъ его козлика. Но самой козлики въ руки онъ брать не долженъ. Если-же онъ возьметъ въ руки козлику, то матка противной партіи имѣетъ право замачать шаромъ въ лунку пробившаго.

2. *Вз буй*. Въ этой игрѣ матокъ не выбираютъ. Въ полѣ, стоятъ или одинъ, или двое по жребію; стоящій въ полѣ называется шарильщикомъ. Игра происходитъ такимъ образомъ: кладутъ на землю жердь въ видѣ барьера. Эта жердь называется буюмъ. Шарильщикъ становится съ шаромъ у бую. Остальные отходятъ отъ бую сажени на 4 — 5 и бросаютъ козлинками къ бую, такъ чтобы козлики летѣли къ бую не прямо, какъ стрѣла, а дѣлали круговращательныя движенія, ударяясь концами въ землю — „копыляя“, какъ выражаются здѣсь. При этомъ однако не соблюдается, чтобы все бросали непременно съ одного и того-же разстоянія; необходимо только одно, чтобы козлики перелетали чрезъ буй. У кого-же козлинка падетъ предъ буюмъ, тотъ долженъ идти снова копылять. Когда все прокопыляютъ, шарильщикъ смотритъ, въ какую козлику ему всего удобнѣе будетъ „калить“ т. е. бросить шаромъ. Намѣтивъ себѣ козлику, онъ бросаетъ въ нее шаромъ. Понавъ шаромъ въ чью нибудь козлику, шарильщикъ схватываетъ эту козлику и бѣжитъ съ нею къ бую. Остальные игроки тоже берутъ каждый свою козлику и все бѣгутъ къ бую. А тотъ, въ чью козлику шарильщикъ попалъ шаромъ, бѣжитъ за шаромъ и, схвата его, бросаетъ имъ въ буй. Остальные игроки стараются не допустить его до этого, отбивая бросаемыми козликами шаръ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока шарильщикъ не попадетъ въ буй, тогда все снова идутъ копылять. Если-же первый шарильщикъ не попадетъ ни въ чью козлику, то онъ долженъ самъ бѣжать за шаромъ и затѣмъ стараться попасть имъ въ буй. Если ему это удастся, и игра начинается снова. Когда шарильщиковъ двое, то игра ведется точно такъ-же: сначала одинъ шарильщикъ бросаетъ шаромъ въ одну козлику; потомъ шаръ подается другому и тотъ бросаетъ имъ въ другую козлику. Послѣ того, какъ они сдѣлаютъ это, одинъ изъ тѣхъ, въ чьи козлики они попали шаромъ, бѣжитъ за шаромъ, а другой становится у бую. Шарильщикъ, стоящій въ полѣ, бросаетъ шаромъ въ буй, а стоящій у бую, въ случаѣ, если товарищъ его броситъ шаръ неудачно, ловить его, или бросаетъ снова своему стоящему въ

полѣ товарищу, или-же самъ бросаетъ шаръ въ буй, смотря потому, что болѣе удобно.

3) *Въ котель.* Вырываютъ въ землѣ котлообразную яму въ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ аршина глубины и $\frac{1}{2}$ —1 арш. въ диаметръ. Яма эта называется котломъ. Отъ котла, какъ отъ центра, проводятъ кругъ приблизительно 1 — $1\frac{1}{2}$ сажени въ радіусѣ и по окружности этого круга вырываютъ рядъ лунокъ — числомъ на одну меньше числа всѣхъ участвующихъ въ игрѣ. Всѣ играющіе берутъ въ руки палки — длиною отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{4}$ аршинъ, смотря по возрасту каждаго. Игра начинается тѣмъ, что бросаютъ жребій, кому достанется „водить“ шаръ: становятся всѣ въ рядъ, ставятъ палки тонкими концами перпендикулярно на пальцы правой ноги и, затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько размаховъ ногою, каждый бросаетъ свою палку такъ, чтобы она летѣла прямо, какъ стрѣла, разсѣвая воздухъ. При этомъ палка, предъ тѣмъ, какъ упасть окончательно на землю и остановиться, дѣлаетъ нѣсколько круговращательныхъ движеній, ударяясь въ землю то однимъ своимъ концомъ, то другимъ. Чья палка упадетъ ближе всѣхъ, тому и водить шаръ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ: шарильщикъ старается ввести палкой шаръ въ котель, а остальные играющіе не допускаютъ его до этого, отбивая шаръ отъ котла дальше въ поле. Ударивъ по шару палкой, каждый стоящій на лункахъ спѣшитъ какъ можно скорѣе замакнуть палкой въ свою лунку, чтобы предупредить въ этомъ шарильщика. Если-же шарильщикъ махнетъ въ лунку раньше хозяина этой послѣдней, то онъ дѣлается ея хозяиномъ и становится на лункѣ отбивать шаръ, а прежній хозяинъ идетъ шарить. Впрочемъ, и не прикасаясь къ шару, стоящій на лункѣ все-таки долженъ остерегаться, чтобы не прозѣвать своей лунки; иногда дѣлаютъ такъ: если хозяинъ лунки вынетъ свою палку изъ лунки, его лунку занимаетъ другой его товарищъ, а свою оставляетъ не занятою. Тогда забывавшійся игрокъ долженъ занимать уже эту не занятую лунку товарища, иначе ее займетъ шарильщикъ, и тогда ему нужно будетъ идти шарить. Когда шарильщику наконецъ удастся ввести шаръ въ котель, то или игра начинается сначала, т. е. всѣ идутъ вновь бросать палки, какъ въ началѣ игры, или же всѣ переменяются своими лунками, и кто останется безъ лунки, тотъ долженъ идти шарить.

б) Игры кружками, палками, деревяшками и т. п.

Всѣхъ игръ этого отдѣла здѣсь существуетъ одиннадцать: 1) кружками 2) въ шашки, 3) въ бабки и шипки съ салкой, 4) то-же съ попомъ, 5) то-же въ сачкѣ, 6) то-же въ гнѣзда, 7) то-же въ тройки, 11) то-же въ пятерки.

1) *Кружками.* Сходятся два мальчика, берутъ колесо отъ своей дѣтской телѣжки, выходятъ на дорогу и начинаютъ игру. Игра состоитъ въ томъ, кто кого „угонитъ“, какъ выражаются они. Одинъ становится на мѣстѣ и катитъ вдоль улицы колесо. Другой бѣжитъ за колесомъ и, гдѣ остановилось колесо, катитъ его оттуда обратно къ своему товарищу. Тотъ въ свою очередь тоже бѣжитъ за колесомъ и, также, гдѣ колесо остановилось, оттуда катитъ его къ своему товарищу. Разумѣется угонитъ тотъ, кто дальше прокатитъ колесо. Иногда подобнымъ образомъ игроки проходятъ всю улицу изъ конца въ конецъ, гоня другъ друга колесомъ.

2) *Въ шашки.* Напилятъ круглыхъ шашекъ длиною въ $\frac{1}{2}$ вершка и расколятъ каждую шашку пополамъ. Для игры ихъ дѣлаютъ десятка два—три. Шашки дѣлятся по-ровну между всѣми играющими; игроки садятся вокругъ стола и игра начинается. Каждый игрокъ беретъ въ пригоршни всѣ свои шашки и подбрасываетъ ихъ на столъ такъ, чтобы онѣ покатались по столу. Затѣмъ всѣ считаютъ, сколько шашекъ у бросившаго упало „саккой“, сколько „боккой“. То-же дѣлаютъ и остальные игроки съ своими шашками. (Саккой въ этой игрѣ называется то положеніе шашки, когда она упадетъ полукругомъ кверху, — а остальные всѣ положенія ея называются боккой). У кого сакъ окажется всѣхъ больше, тому остальные игроки отдадутъ всѣ свои шашки. Онъ откладываетъ свои собственные въ сторону, а шашки товарищей сдвигаетъ въ одну кучу и катаетъ ихъ по столу, какъ и въ началѣ, пригоршнями. Прокативъ всѣ шашки, онъ смотритъ, сколько шашекъ станетъ прямо (понами), сколько ляжетъ одна на другую (колоды). Всѣ попы и колоды онъ беретъ себѣ, а остальные шашки начинаетъ бить щелчками такъ, чтобы шашка ударила въ другую шашку. Всѣ выбитыя такимъ образомъ шашки онъ также беретъ себѣ. Такъ игрокъ отбираетъ шашку за шашкой до тѣхъ поръ, пока или не переберетъ всѣ шашки, или не сдѣлаетъ промахъ, или не щелкнетъ въ шашку такъ, что она ударитъ вмѣсто одной—въ двѣ сразу. При двухъ послѣднихъ условіяхъ ему уже болѣе не дадутъ бить, и его право переходитъ къ слѣдующему, у

кого сакъ было всѣхъ болѣе послѣ него. Тотъ снова собираетъ всѣ шашки, включая сюда и отложенныя въ сторону шашки перваго бившаго (за исключеніемъ выигранныхъ этимъ послѣднимъ, которыя остаются собственностью выигравшаго), снова катитъ ихъ, какъ и первый. Прокативъ всѣ шашки, онъ постукаетъ точно такимъ-же образомъ, какъ и первый, т. е. отбираетъ всѣ попы и колоды, а остальные шашки бьетъ щелчками. Если второй выбьетъ всѣ шашки, то игра на немъ и кончается; если-же онъ лишится права бить, то это право переходитъ къ третьему, слѣдующему за нимъ по количеству сакъ и т. д. до послѣдняго. Кончивъ игру, т. е. разыгравъ всѣ шашки, игроки начинаютъ считать, у кого сколько ихъ стало. Тотъ, у кого ихъ окажется больше всѣхъ, получаетъ право наказывать щелчками тѣхъ, у кого ихъ не достанетъ скольконибудь до первоначальнаго количества. Каждому онъ щелкаетъ въ лобъ по столько разъ, по сколько у каждаго не достаетъ шашекъ.

3) *Взъ бабки и шишки съ салкой.* Для бабокъ и шишекъ игры одинаковы. Когда есть бабки, играютъ въ нихъ, а за неимѣніемъ бабокъ играютъ въ шишки. Шишками называются шашки, величиною отъ $\frac{1}{2}$ до 1 вершка, наплевныя изъ круглыхъ палокъ. Въ этой игрѣ каждый играющій ставитъ на конъ по двѣ бабки. На кону бабки кладутъ спинками вверхъ въ одну непрерывную прямую линію. Всѣ играющіе становятся за кономъ, возлѣ него, и бросаютъ панками чрезъ конъ вдаль (панкомъ называется бабка, которой бьютъ). Перебросавъ всѣ панки, игроки идутъ къ нимъ, чтобы бить ими въ конъ. Первымъ бьетъ тотъ, у кого панокъ упалъ всѣхъ дальше. Пробивъ въ конъ, онъ беретъ столько бабокъ, сколько выбьетъ изъ прямой линіи ихъ. Если онъ выбьетъ всѣ, то остальные собираютъ свои панки; снова всѣ ставятъ на конъ по двѣ бабки, не исключая и пробившаго, и снова идутъ бросать. Если же первый выбьетъ не всѣ бабки, то послѣ него бьетъ второй, у кого панокъ послѣ перваго упалъ всѣхъ дальше отъ кова и т. д. на сколькоихъ хватить бабокъ въ кону. Если очередь бить въ конъ дойдетъ до самаго послѣдняго, у котораго панокъ упалъ всѣхъ ближе къ кону, то первый пробившій, предъ тѣмъ, какъ бить послѣднему, ставитъ, если хочетъ, на конъ одну бабку; эта бабка называется салкой. Поставивъ салку, первый этимъ покупаетъ себѣ право бить въ оставшіяся послѣ него на кону бабки. Послѣдній бьетъ, и если онъ выбьетъ всѣ бабки изъ кона, то игра начинается снова. Еслиже и послѣ послѣдняго останется на кону скольконибудь бабокъ, то бьетъ первый, съ какою ему угодно разстоянія. Но предъ тѣмъ, какъ и ему бить, слѣдующій по очереди можетъ ставить на конъ ему салку, чтобы

тоже воспользоваться правомъ бить въ оставшіяся послѣ него на кону бабки, и такъ игра идетъ до тѣхъ поръ, пока на кону не останется ни одной бабки. Тогда игра начинается снова. Если-же предъ тѣмъ, какъ бить послѣднему, первый не поставитъ на конъ салки, то послѣдній имѣетъ правозять безъ боя всѣ оставшіяся на кону бабки.

4) *Толже съ попомъ.* Самая игра происходитъ точно также, какъ и предыдущая. Разница этой игры отъ предыдущей заключается въ томъ, что здѣсь не ставятъ салки, а вмѣсто нея ставятъ на конъ панокъ, который называется попомъ. Когда всѣ перебрасаютъ чрезъ конъ свои панки, то тотъ, у кого панокъ ближе всѣхъ къ кону, долженъ „попить“, т. е. ставитъ свой панокъ на конъ. Попъ ставится на конъ предъ тѣмъ, какъ начинаютъ бить. Поставивъ панокъ, попильщикъ становится въ сторонѣ и ждетъ, когда пробьютъ всѣ, но самъ не бьетъ. Если, послѣ того, какъ пробьютъ всѣ, на кону останется сколько нибудь бабокъ, то эти бабки дѣлаются собственностью попильщика. Если же бабки всѣ будутъ выбиты, то попильщикъ беретъ одинъ свой панокъ, и игра начинается снова.

5) *Толже съ сачки съ салкой.* Игра исключительно въ бабки. Бабки ставятъ на конъ также какъ и въ предыдущей игрѣ. Затѣмъ всѣ игроки подходятъ къ кону и бросаютъ отъ кона панки такимъ образомъ, чтобы панокъ, вылетѣвъ изъ руки, сдѣлалъ сколько нибудь оборотовъ. Бьютъ въ конъ сообразно тому, какое положеніе приметъ панокъ, когда упадетъ на землю. Если панокъ упадетъ на землю спинкой кверху, то это положеніе панка называется „сакой“, а всѣ остальные положенія „бокой“. Первымъ бьетъ тотъ, у кого панокъ ляжетъ сакой, послѣднимъ тотъ у кого панокъ ляжетъ бокой. Если нѣсколько панковъ упадутъ сакой, то преимущество бить первымъ дается тому, у кого панокъ ляжетъ далѣе отъ кона; точно такой-же порядокъ битья соблюдается и при нѣсколькихъ бокахъ. Если очередь бить дойдетъ до послѣдняго, то предъ тѣмъ, какъ бить этому послѣднему, первый ставитъ на конъ салку, и игра идетъ въ томъ-же самомъ порядкѣ, какъ простая игра съ салкой.

6) *Въ гильда.* Каждый играющій ставитъ на конъ по двѣ бабки. Бабки въ этой игрѣ ставятся стоймя на $\frac{1}{4}$ аршина одна отъ другой и въ двѣ параллельныхъ линіи на $\frac{1}{4}$ аршина линія отъ линіи. Каждый играющій ставитъ одну бабку въ одну линію, а другую въ другую. Панки бросаютъ также, какъ и въ первой игрѣ, но только вдоль кона. Въ остальномъ вся игра ведется

такъ же, какъ игра съ салкой, но только саять не одной бабкой, а парой *).

7. *Въ тройки.* Эта игра происходитъ между двумя игроками. Одинъ ставитъ бабки, а другой бьетъ. Бабки ставятся стоймя и по три рядъ. Ставятся онѣ въ видѣ равнобедреннаго треугольника, такъ что неравныя стороны его въ вершокъ, а равная — вершка въ полтора, и треугольникъ этотъ лежитъ вершиною въ ту сторону, откуда бьютъ. Поставившій бабки отмѣриваетъ разстояніе, съ котораго его товарищъ долженъ бить, такимъ образомъ: сначала онъ отъ вершины треугольника отмѣриваетъ три ступни („три лапы“ — го ворять здѣсь), ставя пятку одной ноги къ пальцамъ другой; потомъ отъ конца третьей ступни дѣлаетъ одинъ шагъ. Съ этого разстоянія бьющій и долженъ бросать панкомъ въ бабки, бросать безъ пришага. Если бьющій дастъ промахъ по всѣмъ тремъ бабкамъ, то бабка, которой онъ бросилъ въ поставленныя бабки переходить въ собственность поставившаго. Если бьющій собьетъ одну изъ трехъ поставленныхъ бабокъ, то онъ беретъ себѣ и сбитую бабку и ту, которой сбилъ. Если же онъ собьетъ двѣ сразу, то платитъ двѣ, а ту, которой сбилъ, беретъ обратно. Если же онъ попадетъ во всѣ три сразу, то беретъ себѣ всю тройку вмѣстѣ съ той бабкой, которой сбилъ эту тройку. Послѣ того очередь ставить — ему. Онъ ставитъ на конъ три бабки, а ставившій прежде идетъ бить, и игра начинается снова.

8. *Въ пятерки.* Игра происходитъ также между двумя игроками. Одинъ ставитъ бабки; другой бьетъ въ конъ. Ставятъ на конъ въ этой игрѣ по пяти бабокъ. Четыре бабки ставятся въ видѣ правильнаго четырехугольника, двѣ параллельныя стороны котораго въ вершокъ, а другія двѣ — вершка въ полтора. Пятая бабка занимаетъ центръ этого четырехугольника. Разстояніе отмѣриваетъ, какъ и въ предыдущей игрѣ, тотъ, чьи бабки поставлены, такимъ образомъ: сначала отмѣриваетъ пять ступней, а потомъ дѣлаетъ одинъ шагъ. Если бьющій сдѣлаетъ промахъ по всей пятеркѣ, то бабка, которой онъ бросилъ въ эту пятерку, дѣлается собственностію поставившаго. Если онъ собьетъ бабку изъ пятерки, то беретъ ее себѣ, равно какъ и ту, которой пробилъ. Если выбьетъ двѣ, то платитъ поставившему своихъ двѣ, а ту, которой пробилъ, беретъ обратно. Если выбьетъ три, то беретъ всѣ себѣ. Если выбьетъ четверку, то платитъ поставившему своихъ четверку. Если выбьетъ однимъ ударомъ всю пятерку, то беретъ себѣ всѣ бабки, равно какъ и ту, которой пробилъ.

*) Во всѣхъ этихъ четырехъ играхъ бьютъ панками съ рипагомъ. т. е. предъ тѣмъ какъ бросить панокъ въ конъ, дѣлаютъ шагъ къ кону отъ того мѣста, гдѣ упалъ панокъ.

д) *Игры съ веревкою.*

Игра жгутомъ. Вблочиваютъ въ землю колъ, въ аршинъ приблизительно длиною выставляющийся изъ земли. Къ колу привязываютъ веревку такъ, чтобы оба конца веревки были одинаковой длины и чтобы веревка могла свободно вращаться вокругъ кола. Концами веревокъ обвязываютъ по поясу двоихъ игроковъ, по одному каждымъ концомъ. Одному изъ игроковъ плотно завязываютъ глаза и даютъ въ руки жгутъ (пояску, свитую веревкой, или веревку), а другому оставляютъ глаза открытыми и даютъ въ руки двѣ палочки. Эти двое привязанныхъ начинаютъ бѣгать вокругъ, — съ открытыми глазами бѣжитъ впереди и постукиваетъ палочкой о палочку, а съ завязанными глазами старается догнать его. Если послѣднему удастся догнатьперваго, то онъ бьетъ того жгутомъ.

е) *Игры съ завязанными глазами.*

Этого рода игръ здѣсь существуетъ двѣ: 1) жмурки, 2) въ слѣпныя Олѣны.

Въ слѣпныя Олѣны. Святочная игра. Игра начинается жеребьевкой. Кому достанется ловить, тому завязываютъ глаза—это и есть слѣпая Олѣна. Слепую Олѣну ставятъ къ стаміку (столбу у печи) спиною къ остальнымъ играющимъ и подлѣ нея остается одинъ изъ играющихъ. Остальные играющіе всѣ расходятся по избѣ и садятся на лавки. Оставшійся возлѣ слѣпой Олѣны вырываетъ когонибудь изъ играющихъ, называя его какимънибудь вымышленнымъ именемъ. Вызванный подходитъ къ слѣпой Олѣнѣ и ударяетъ ее ладонью по спинѣ. Стоящій возлѣ слѣпой Олѣны спрашиваетъ ее, кто ее ударилъ. Слепая Олѣна должна назвать ударившаго по имени. Если слѣпая Олѣна отгадаетъ, кто ее ударилъ, то ударившему завязываютъ глаза, и онъ становится слѣпой Олѣной.

Эта-же игра происходитъ такимъ образомъ: слѣпую Олѣну вмѣсто того, чтобы ставить къ столбу, одинъ изъ играющихъ водить мимо всѣхъ и остальныхъ играющихъ, которые сидятъ въ это время на лавкахъ, и сажаетъ ее то къ одному, то къ другому на колѣни. Слепая Олѣна должна назвать того, на чьи колѣни ее посадили. Если слѣпая Олѣна назоветъ по имени того, на чьи колѣни ее посадили, то тому завязываютъ глаза, и онъ дѣлается слѣпой Олѣной.

ж) *Игры съ палочк.*

Этого рода игръ здѣсь существуетъ одна: прятанцы съ палочкой.

1. *Прятанцы съ палочкой.* Искальщика сажаютъ на стулъ такъ, чтобы онъ не могъ видѣть, кто куда будетъ прятаться, и возлѣ него кладутъ палочку. По данному знаку, искальщикъ идетъ розыскивать спрятавшихся. Когда онъ найдетъ когонибудь, то тотъ, кого онъ найдетъ, и самъ искальщикъ — оба вмѣстѣ бѣгутъ въ ту сторону, гдѣ положена палочка. Кто изъ нихъ первый посту- чить палочкой, тому и искать въ слѣдующую игру.

з) *Символическія игры.*

Символическихъ игръ здѣсь существуетъ три: 1) въ коршуны, 2) въ кринки и 3) въ овечки.

1. *Въ коршуны.* Избираютъ прежде всего коршуна и хозяина. Выборы происходятъ или по жребію или по общему согласію. Всѣ играющіе, за исключеніемъ хозяина, становятся цѣпью одинъ сзади другого, держа другъ друга сзади за одежду. Впереди всѣхъ становится коршунъ. Установившись такимъ образомъ, всѣ начинаютъ ходить кругомъ, а хозяинъ садится на землю въ центрѣ этого круга, беретъ въ руки палочку и начинаетъ ею копать землю. Между коршуномъ и хозяиномъ происходитъ слѣдующій разговоръ: „что дѣлаешь?“ спрашиваетъ коршунъ. „Ямочку копаю“, отвѣчаетъ хозяинъ. „На что тебѣ ямочка?“ „Денегку ищу“. „А на что тебѣ денюжка?“ „Иголочку купить“. „А на что тебѣ иглочка?“ „Мѣшечки шить“. „А на что тебѣ мѣшечки?“ „Камешки класть“. „А на что тебѣ камешки?“ „Твоихъ дѣтей побивать“. „А за что ты ихъ станешь бить?“ „За то, что они у меня садъ погубили“. „А какой у тебя садъ былъ — большой или маленькій?“ Хозяинъ, не вставая съ мѣста, показываетъ рукой, какой вышины былъ у него садъ. Затѣмъ хозяинъ встаетъ и кидается ловить дѣтей коршуна. Коршунъ защищаетъ своихъ дѣтей. Онъ налетаетъ на хозяина, загораживаетъ ему дорогу, махая предъ нимъ руками, и дѣти прячутся позади коршуна. Наконецъ, улуча моментъ, хозяинъ схватываетъ самаго задняго дѣтеныша у коршуна, отводитъ его куданибудь въ сторону, оставляетъ его тамъ и снова идетъ ловить другого дѣтеныша. Такъ одного по одному онъ переловитъ ихъ всѣхъ. Когда хозяинъ поймаетъ послѣдняго дѣтеныша у кор-

шуна, то коршунъ бросается въ средину своихъ дѣтей, и дѣти тотчасъ образуютъ вокругъ него сплошной плотный кругъ. Хозяинъ подходитъ къ этому кругу и спрашиваетъ у дѣтей: „дѣтки, дѣтки, гдѣ ваша мать?“ „По коней ушла“, отвѣчаютъ дѣти. „Здѣсь ваши кони, — а гдѣ-же мать?“ спрашиваетъ снова хозяинъ. Дѣти называютъ другую какую нибудь скотину, за которой будто бы ушла ихъ мать. Но хозяинъ каждый разъ уличаетъ ихъ въ обманѣ, показывая на названную скотину, которая будто бы находится тутъ, возлѣ него. Когда такимъ образомъ дѣти перечислятъ весь скотъ и птицъ, какия только водятся у крестьянина, и хозяинъ уличитъ ихъ окончательно въ обманѣ, коршунъ выскакиваетъ изъ круга своихъ дѣтей и пускается бѣжать. Хозяинъ бѣжить за нимъ и ловитъ его. Поймавъ коршуна, хозяинъ ведетъ его обратно къ дѣтямъ. Дѣти берутъ длинный рычагъ, сажаютъ на него коршуна и несутъ его въ баню парить. Принеся коршуна куда нибудь къ стѣнѣ, дѣти опускаютъ его на землю и начинаютъ колотить его кулаками въ спину. Когда эти колотушки надоѣдятъ коршуну, онъ вскакиваетъ съ мѣста и пускается бѣжать, крича во все горло: „ой лягушки, лягушки!“ или: „ой мушки, мушки!“ Тѣмъ игра и кончается.

2) *Въ кринки.* Играющіе садятся всѣ, кромѣ двоихъ, по прямой линіи на разстояніи 1 — $\frac{1}{2}$ аршина одинъ отъ другого. На головы сидящихъ кладутъ по щеночкѣ, подражая тому, какъ закрываютъ кринки. Эти всѣ сидящіе представляютъ кринки. Изъ остальныхъ двоихъ играющихъ — одинъ принимаетъ на себя роль хозяйки, другой — кота этой хозяйки. Хозяйка уходитъ куда нибудь поодаль, какъ будто уходитъ домой. Котъ, пользуясь уходомъ хозяйки, бросается на кринки, сбиваетъ съ нихъ крышки и наваливаетъ ихъ, по мѣстному выраженію, т. е. опрокидываетъ на землю. Хозяйка, увидя проказы кота, схватываетъ палку, бѣжитъ къ кринкамъ и начинаетъ ловить кота. Котъ, увидя хозяйку, обращается въ бѣгство. Если хозяйкѣ удастся поймать кота, она бьетъ его по ногамъ палкой, какъ-бы ломая ему ноги. Затѣмъ она ставитъ кринки, покрываетъ ихъ и игра идетъ въ томъ-же порядкѣ.

3) *Въ овечки.* Отдѣляются двое отъ играющихъ, остальные всѣ садятся на землю въ рядъ, одинъ подлѣ другого. Сидящіе представляютъ изъ себя овецъ. Одинъ изъ оставшихся играетъ пастуха этихъ овецъ, другой — черта — вора овецъ. Пастухъ ходитъ предъ овцами и приговариваетъ: „пасу, пасу овечекъ, пасу день и вечеръ, а какъ ночь придетъ, чертъ придетъ и украдетъ овечекъ“. Чертъ въ это время стоитъ гдѣ нибудь въ сторонѣ. Когда пастухъ кончитъ причитать, чертъ подходитъ къ нему и говоритъ:

„пастухъ, ступай домой тебѣ мать обнову купила“. Пастухъ вѣрять черту и идетъ домой. Придя домой, онъ спрашиваетъ у матери, что она ему купила. Мать сердится на пастуха и начинаетъ бранить его, говоря при этомъ: „что я могла купить тебѣ“? Въ то время, пока пастухъ ходитъ къ матери, чертъ уноситъ у него одну или двѣ овечки. Пастухъ возвращается отъ матери, подходитъ къ овцамъ, начинаетъ считать ихъ - оказывается недочетъ, но матери онъ боится сказать объ этомъ --бранить будетъ. Снова начинаетъ онъ пасти овецъ, ходя предъ ними взадъ и впередъ и говоря тоже причитаніе, что и прежде. Снова является чертъ, и такъ-же, какъ и прежде, уговариваетъ его идти домой. Пастухъ снова даетъ черту убѣдить себя и идетъ къ матери. Чертъ снова воруетъ у него одну -- двѣ овцы. Такъ ведется вся игра, и чертъ въ концѣ концовъ перетаскаетъ у пастуха всѣхъ овецъ. Тогда пастухъ идетъ къ матери и объявляетъ ей о пропажѣ овецъ. Мать, вмѣстѣ съ пастухомъ, идутъ отыскивать пропажу. Подходя куда нибудь къ стѣнѣ, они стучатъ въ стѣну и ведутъ сами съ собой разговоръ за себя и за воображаемыхъ хозяевъ: „нѣтъ-ли пришлыхъ овецъ“? „Нѣтъ“. Такъ они дѣлаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и наконецъ доходятъ до того мѣста, гдѣ сидитъ чертъ съ своими краденными овцами. И черту они предлагаютъ тотъ-же вопросъ. Чертъ отвѣчаетъ отрицательно. Овечки въ это время начинаютъ блеять. „Зачѣмъ-же ты обманываешь?“ кричатъ ищущіе черту. Чертъ отвѣчаетъ: „я не знаю, откуда онъ попалъ“. Тогда мать съ пастухомъ дѣлаютъ ворота: они становятся одинъ противъ другого и, соединивъ руки, поднимаютъ ихъ кверху. Овцы проходятъ въ эти ворота, а чертъ убѣгаетъ. Этимъ игра и кончается.

Вис. Тихоновъ.

О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ.

Наблюденія мои производились между русскимъ населеніемъ центральной и сѣверной части Казанскаго уѣзда.

Лѣченіе въ этой мѣстности находится исключительно въ рукахъ женщины, большею частію старухъ—бобылокъ. Молодые рѣдко берутся за это дѣло. Роль мужчины въ дѣлѣ лѣченія ограничивается „заговариваніемъ“ и дерганьемъ зубовъ.

Старухи-лѣкарки, по большей части, совмѣщаютъ въ своей особѣ повитуху и ворожею.

Народъ относится къ нимъ весьма довѣрчиво, и рѣдко къ врачу или фельдшеру явится за совѣтомъ больной, не побывавши прежде у мѣстной лѣкарки.

Матеріаломъ для лѣкарствъ служатъ: полевые и лѣсные растенія, которыя найдутся въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ и, наконецъ, различныя снадобья, разносимыя по деревнямъ татарами - разнощиками, у которыхъ, вмѣстѣ съ пуговицами, иголками и поясами, можно купить: киновари, крѣпкой водки, ртути *), синьки, мѣднаго купороса, громовыхъ стрѣлокъ **) чертова пальца, сѣры, сусальнаго золота, скипидару и мелкихъ раковинъ. Всѣ эти предметы продаются и на большихъ базарахъ.

Лѣкарка, призванная къ больному, прежде чѣмъ назначить то или другое средство противъ болѣзни, опредѣляетъ причину ея.

Причины всѣхъ заболѣваній сводятся, на сколько мнѣ приходилось замѣтить, къ слѣдующимъ девяти:

1) „Отъ Бога“ (Врожденныя болѣзни и такія, которыя нельзя объяснить ни одной изъ послѣдующихъ причинъ).

2) „Съ глазу“ (Лихорадочное состояніе, общее недомоганіе и проч.).

3) „Съ притки“ (Болѣзни, въ зависимости отъ случайностей: ушибъ, ожегъ, „тарарыкъ“, „смѣшеніе цвѣту“ и друг.).

*) Ртуть продается въ гусиныхъ перыпкахъ, такъ называемыхъ, ко-стыпахъ. Капля съ горошинку—2 коп.

**) Белемниты.

4) „*Съ порчи*“ („Вликаніе“, меланхолія)*).

5) „*Съ думы*“ (Нѣкоторыя душевныя болѣзни, головныя боли и паразиты головы).

6) „*Отъ слезъ*“ (Нѣкоторыя глазныя болѣзни).

7) „*Съ натуги*“ (Боли въ животѣ и поясницѣ и проч.).

8) „*Съ вѣтру*“ („Простуда“, „переломъ“, „свиная заушица“ и друг.).

9) „*Пристала*“ (Чесотка и друг.).

Сказавши о причинахъ болѣзней, я перейду къ способамъ ихъ лѣченія.

„*Резуны*“. Лѣкарка выдергиваетъ у больного нѣсколько волосковъ изъ головы, выбирая „жесткіе“. Эти волоски, носящіе то-же названіе, какъ и болѣзнь, служатъ, по повѣрью крестьянъ, непосредственной ея причиной, по удаленіи которой и болѣзнь оставляетъ человѣка.

Чтобы избавить отъ „*челмера*“, характеризующагося головной болью, шумомъ въ ушахъ и темнотой въ глазахъ, лѣкарка черезъ платокъ кусаетъ брови больного.

Больныхъ, „*Кликомой*“ продѣваютъ три раза сквозь только что снятый съ лошади потный хомутъ.

Страдающихъ „*Падучкой*“ осыпаютъ во время припадка гречневой крупой и накрываютъ скатертью.

При *трудномъ прорываніи зубовъ* надѣваютъ ребенку на крестъ маленькую раковинку.

При *Насморкѣ* нюхаютъ конецъ опаленнаго кошачьяго хвоста.

Отъ *Колотья* въ боку и груди покалываютъ больного или громовой стрѣлкой, или поочередно ложкой, хлѣбной лопатой и мутковкой, приговаривая: „Не первой, не другой, не третій“ и т. д. до 9-ти. Затѣмъ три раза плюютъ. Всею эту операцію продѣлываютъ три раза.

При *удушьи* пьютъ отваръ солодковаго корня или отваръ старой соломы, надерганной изъ повѣти.

„*Собачья глотка*“ лѣчится такимъ образомъ: больной встаетъ у окна, смотритъ вдоль улицы и говоритъ: „одну избу пройду, другу проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ другую избу пройду, другу проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ; третью избу пройду и тебя, изба, проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ“!

При этомъ больной долженъ 3 раза глотнуть слюну.

При „*Свиной заушицѣ*“ больному прикладываютъ за ушами нагрѣтую свиную челюсть.

Отъ *Зубной боли*: слѣдуетъ живого таракана завернуть въ тря-

*) Меланхолію иные объясняютъ „порчей“, а другіе „глазомъ“.

почку и положить на зубъ, остерегаясь, чтобы его не раздавить. Тараканъ заговорить зубъ.

Положить за щеку, на сторону больного зуба, „встрѣшную щечку“ ().

Полезно также класть на больной зубъ: кусокъ корня „*коробокъ*“ (**); нюхательнаго табаку; свѣжаго *excrementi humani* въ трипочкѣ; заговоренной соли (***)).

Когда „животъ выпадетъ“, (выпаденіе *recti*), у младенца — встряхиваютъ его за ноги, головою внизъ, надъ твориломъ погреба. Животъ посынаютъ солодомъ, взятымъ изъ шести дворовъ.

Если женщина въ періодѣ менструаціи, вздумаетъ мыться въ банѣ вмѣстѣ съ другими, то она неизбѣжно должна предупредить ихъ объ этомъ, иначе въ банѣ можетъ встрѣтиться другая женщина въ такомъ-же періодѣ и тогда у одной изъ нихъ можетъ произойти «смѣшеніе цвѣту». Послѣ-же предупрежденія одной изъ женщинъ, другія, находящіяся въ такомъ-же періодѣ, завязываютъ узломъ правый рукавъ своей одежды и тогда уже нечего бояться опасности. Подобная болѣзнь можетъ произойти и отъ того, что въ одномъ корытѣ стирается бѣлье двухъ женщинъ, находящихся въ періодѣ менструаціи. „*Смѣшеніе цвѣта*“ лѣчится такимъ образомъ: въ лаковомъ горшкѣ, не двигая его въ печи, надо кипятить 9 желѣзныхъ ключей, и когда вода остынетъ, то пить ее въ теченіи трехъ дней. Послѣ этого надо самой больной выстирать свое бѣлье, а послѣ стирки отливать воду пригоршнями изъ корыта на правую и на лѣвую сторону, приговаривая три раза. «Это мое, это чужое!»

При *укушеніи бѣшенымъ животнымъ*, больного надо кормить 40 кусками хлѣба, набраннаго по міру, посыпавъ его пережженной шерстью того животнаго, которое укусило больного.

При *укушеніи змѣей*, надо укушенную часть тѣла перетянуть выше ранки поясомъ, пить топленое молоко отъ черной коровы, пѣнки же прикладывать къ ранѣ.

Отъ *лихорадки* существуетъ наибольшее число средствъ: во время пароксизма пустить подъ рубаху больного лягушку, привязанную лапой къ веревочкѣ. Больной пугается, болѣзнь — тоже и оставляетъ больного. Пьютъ полынь; ее собираютъ въ мартѣ.

Во время пароксизма, рубаху, штаны, поясъ и крестъ больного кладутъ подъ ступу, гдѣ толкутъ кудель и говорятъ: «Марья Ид-

*) Щечка, разъединяющая въ растрескавшемся деревѣ стѣны двѣ, наискось идущія, щели.

***) Лѣзное растеніе.

***) Заговариваютъ соль не въ присутствіи больного. Заговоръ мнѣ не удалось слышать.

ровна *), отпусти его, не то я тебя подь ступой заморю; коли ты не оставишь, и я тебя не выпущу!» Больному даютъ пить воду послѣ стирки его намокшей отъ пота, рубахи.

Пьютъ отваръ изъ кусочковъ 12 разныхъ деревь, какихъ угодно. Подпоясываютъ новымъ поясомъ березу и говорятъ: «отпусти его, Марья Идровна, тогда и я тебя отпущу!» Если лихорадка оставить больного, то поясъ съ березы снимается. Если кто другой сниметъ поясъ, то лихорадка, оставивъ перваго больного, перейдетъ на снявшаго. Больной бросаетъ платокъ или ленту на перекресткѣ: болѣзнь переходитъ къ поднявшему. Цѣлуютъ черезъ платокъ три раза «коровѣ согласіе» **) и кланяются коровѣ въ поясъ. Пьютъ настой нюхательнаго табаку въ квасу. Пьютъ отваръ изъ шишекъ дурмана.

Отъ *золотуши* кормятъ сусальнымъ золотомъ; золотушныи страданія кожи лѣчатся: прикладываніемъ медовыхъ лепешекъ и еще слѣдующимъ образомъ: къ больному мѣсту приставляютъ гребень, на которомъ при приденіи находится лень; къ гребню подносятся зажженная березовая лучина и лѣбарка брызгаетъ изорта водою черезъ огонь и гребенку на больного.

„*Куриная слѣпота*“ проходитъ, если больной будетъ глядѣть въ дерготъ, или умоется три раза подь куринымъ настѣстомъ, или будетъ ѣсть сырую, теплую, только что вынутую изъ курицы; печенку, запивая ее водкой. Въместо куриной, можно ѣсть печень и другихъ животныхъ, но только вареную. Во время бды, больной долженъ глядѣть въ горшокъ, къ которому варилаась печень, держа лицо не въ далекомъ отъ него разстояніи.

«Собачья старость» (*Rachitis*) лѣчится разно: ребенка парятъ въ банѣ вмѣстѣ со щенкомъ, ударяя вѣникомъ. поочередно, то по одному, то по другому. При этомъ приговаривается: «собака, собака, возьми съ ребенка собачью старость!» Лицо ребенка замазывается тѣстомъ, остаются открытыми только носъ и ротъ, самъ онъ привязывается къ хлѣбной лопатѣ и, послѣ того, какъ посадятъ хлѣбы въ печь, туда-же на нѣсколько мгновеній суютъ и ребенка три раза. При этомъ приговариваютъ: «собачья старость, припекись въ печи!» Этотъ способъ лѣченья называется «запеканьемъ». Ребенка сажаютъ подь квашню, при говаривая: «какъ тѣсто входить, такъ на младенцѣ тѣло веходило-бы!»

При лѣченіи *рожки* большое мѣсто намазываютъ землей, (взятой изъ ящика, гдѣ сажаютъ рассадѣ), смѣшанной со скоромнымъ масломъ. Прикладываютъ также мѣлъ на красномъ сукнѣ.

*) Продовна.

**) Половые органы коровы.

Къ *нарывамъ* прикладываютъ: жеванаго хлѣба съ солью, листья бѣлены.

Сучье вымя примачиваютъ уриной, прикладываютъ къ нарывамъ теплыя ржаныя лепешки, которыя затѣмъ и отдаются собакѣ: бѣлой—если больной блондинъ и черной—если онъ брюнетъ.

Для излѣченія отъ *чирьевъ*, ихъ мажутъ разведенной синькой. Сучекъ въ бревнѣ стѣны три раза обводятъ безымяннымъ пальцемъ, затѣмъ имъ тыкаютъ въ него и столько-же разъ обводятъ этимъ пальцемъ каждый чирій. Ъдятъ сѣру съ хлѣбомъ.

Для предупрежденія чирьевъ, находятъ на улицѣ веревочку, сушатъ ее на печи, подпоясываются ею, приговаривая: „какъ веревочка суха, такъ червобойники на мнѣ были-бы сухи, никогда-бы ихъ и не было у меня“!

Чтобы избавиться отъ *бородавокъ*, надо спрясть нитку, вращая веретено не въ правую сторону, какъ обыкновенно, а въ лѣвую, завязать на ниткѣ столько узловъ, сколько у больного бородавокъ и зарыть ее въ сырое мѣсто, приговаривая: „какъ нитка сгинѣтъ, такъ и бородавки на мнѣ сгинутъ бы!“

Для того, чтобы прошли *заусеницы*, надо украсть у сосѣдки судолойку, погетереть ею руки и положить на прежнее мѣсто.

Если *трескаются губы*, находятъ лошадиное копыто, цѣлуютъ его три раза и кладутъ на то же мѣсто.

Отъ *чесотки* лѣчатся такимъ образомъ: берутъ сору изъ бани, сушатъ его, перетираютъ, смѣшиваютъ со скоромнымъ масломъ, намазываютъ больное мѣсто и даютъ собакѣ лизать.

Для того чтобы прошелъ *ячмень* на глазу, надо къ нему три раза прикасаться кукишемъ и послѣ каж, даго раза говорить: „ячмень, ячмень, на-те кукишь-чего хочешь кунишь; купи себѣ топорикъ, сруби себѣ головку, по саму маковку!“ Или другой приговоръ: „не первой, не другой, не третій“... и т. д. до девяти; при этомъ надо три раза плюнуть.

Переломъ бываетъ съ „вѣтру“. Чтобы избавиться отъ него, надо исполнить слѣдующее: когда затопишь печь и изъ нея покажется первый дымокъ, сунь туда голову три раза и говори: „переломъ, переломъ, я тебя переломлю!“ Можно также прикладывать къ больному глазу конецъ нагрѣтаго въ печи коромысла, обмакнутой въ масло.

Для *сведенія бельма*, сыпать въ глазъ порошокъ каменной соли, или сахаръ толченый. Трутъ глазъ змѣиной шкуркой, пускаютъ въ глазъ по каплямъ урину (непремѣнно отъ мальчика), табачную настойку, примачиваютъ водой, въ которой вымыты красныя земляныя черви

Недугъ изъ ушей. (Катарръ наружнаго слуховаго прохода) про-

ходить, если поцѣловать ладонь и приложить ее потуже къ уху 3 раза.

Средства отъ *грыжи*: привязываютъ въ тряпочкѣ давленныхъ мокрицъ, рака живого толкутъ въ ступѣ и пьютъ его сокъ.

Мать или лѣкарка грызетъ зубами ребенку грыжу, на томъ, именно, мѣстѣ, гдѣ ребенокъ былъ рожденъ.

При этомъ приговариваютъ «грыжа, грыжа, не ты перегрызешь, а я тебя перегрызу!» Конецъ пуповины, отпавшій послѣ ея перевязки, сушатъ, смѣшиваютъ съ гречневой кашей, мать или лѣкарка ждуть эту смѣсь и жевку даютъ больному.

Вдѣваютъ въ ухо сережку.

Даютъ ребенку въ теченіи 3-хъ дней соску изъ тертой свеклы.

Когда у кого нибудь случится *мышиное гнѣздо* (нарывъ на затылкѣ), надо поймать мышь, разорвать ее за заднія ноги, одну изъ половинокъ приложить на остриженное больное мѣсто и не снимать до тѣхъ поръ, пока она не высохнетъ.

При *вывихѣ* натираютъ мыломъ овечью шерсть и прикладываютъ съ солью къ сочлененію.

При *ожегѣ* овечьи ехсегменты сушатъ на сковородѣ, смѣшиваютъ съ конопляннымъ масломъ и мажутъ больное мѣсто.

Чтобы *остановить кровь*, надо посыпать рану землей, взятой изъ-подъ ногъ.

Присыпать рану толчеными корнями и листьями папоротника.

Чтобы вылѣчить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать отъ чьего *глазу* заболѣлъ данный субъектъ, надо взять изъ трехъ бань, такихъ, „чтобы баня баню не видѣла“, три камешка на женскій, на мужской и на дѣвничій «глазъ». Бросать эти камешки въ чашку съ водой, почерпнутой вдоль рѣки по теченію и приговаривать: «коли ты слезилъ, зашипи»... Камешекъ своимъ шипѣньемъ укажетъ, слезилъ-ли больного мужчина, женщина, или дѣвушка.

Затѣмъ эту воду даютъ пить больному, читая молитву „Богородице“... и т. д., и, наконецъ, опрыскиваютъ его.

Отъ „глазу“ помогаетъ также питье воды, которой обмыты дверныя ручки.

Чтобы выгнать «простуду» изъ больного, его надо сажать «на пары», что дѣлается такимъ образомъ: въ корчагу кладутъ раскаленный камень, засыпаютъ его овсомъ и поливаютъ затѣмъ водой. Поперегъ корчаги кладется палка, на которую, закутанный въ шубу, больной ставитъ обнаженные ноги.

Роды. Родятъ въ избѣ, кѣлти и банѣ, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ; лежа или стоя, держась за полотенце, привязанное къ матицѣ. Во время схватокъ пьютъ спорынью въ порошокъ (щепоть на чашку воды) и деревянное масло.

При трудныхъ родахъ раздражаютъ глотку родильницы, вводя туда концы ея волосъ. заплетенныхъ въ косы. Для усиленія потугъ, даютъ также пить цитварное сѣмя, или водятъ родильницу по избѣ, чрезъ ноги мужа, сидящаго на полу.

Для этой же цѣли мужъ даетъ родильницѣ пить воду изъ своего рта.

Употребляется также въ этихъ случаяхъ „щепанье лучины“.

Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что мужъ становится съ родильницей спина съ спиной, беретъ её подъ локтовые сгибы и, нагибаясь, три раза приподнимаетъ къ себѣ на спину.

Если послѣ родовъ, послѣдъ долго не выходитъ, то роженцу кормятъ давленными головными паразитами съ хлѣбомъ, или привязываютъ къ пуповинѣ мужнинъ лапотъ и водятъ роженцу по избѣ.

Дѣтей слабыхъ, не кричащихъ при рожденіи и показывающихъ мало признаковъ жизни, окуриваютъ клиномъ крашенины, вырѣзаннымъ изъ сарафана матери и опрыскиваютъ холодной водой. Напротивъ, если ребенокъ безъ видимой для лѣкарки болѣзненной причины безпрестанно плачетъ, то его рано утромъ выносятъ къ воротамъ, стучаютъ легонько головой о воротный столбъ три раза и приговариваютъ: „Воротный скрипъ, возьми съ младенца крикъ. Отпусти и прости, мать сыра земля, голубина“!

Можно также въ этомъ случаѣ ребенка три раза сунуть въ окно овина, приговаривая: „овинный скрипъ, возьми...“ и т. д.

Въ заключеніе я долженъ констатировать тотъ фактъ, что близость школы и врачебныхъ пунктовъ еще мало имѣетъ вліянія на характеръ народнаго лѣченія. и въ селѣ, гдѣ находятся и училище и больница, между крестьянами практикуются тѣ-же средства, что и на окраинахъ, удаленныхъ отъ врача и школы на 30—40 верстъ.

Примѣчаніе. Для желающихъ прилагаю здѣсь нѣкоторые цифровыя данныя, касающіяся школьнаго и врачебнаго дѣла въ Казанскомъ уѣздѣ *) въ 1887 году.

Пространство, занимаемое Казанскимъ уѣздомъ 5001 кв. верстъ**).

Число жителей обоого пола 214945;

Учащихся 3349;

Школъ (Земскихъ, городскихъ, общественныхъ и другихъ)=97;

Уѣздъ раздѣленъ на шесть медицинскихъ участковъ; по одному

*) Справочный отдѣлъ календаря, Волжскаго вѣстника на 1888 г. стр. 51, 53, 60 и 61.

**) Географическо-Статистическій словарь Россійской Имперіи П. Семенова т. II вып. 3 стр. 423.

врачу въ каждомъ. Трата Земства на народное образованіе въ 1871 году 5370 руб.; въ 1887 году 32874 руб. 77 коп.

Трата Земства на народное здравіе въ 1871 году 6800 руб.; въ 1887 году—35238 руб. 98 коп.

Одна школа приходится на 51,55 кв. верстъ.

Одинъ врачъ „ „ 833,5 „ „

Одна школа приходится на 2215.93 жителей.

Одинъ учащійся „ „ 64,18 жителей (1,36 на 100).

Одинъ врачъ „ „ 35824,17 жителей.

Изъ тратъ Земства на школу приходилось въ годъ на 1 жителя въ 1871 г.—2,50 коп., въ 1887 г.—15,29 коп.

Изъ тратъ Земства на медицину приходилось въ годъ на 1 жителя въ 1871 г.—3,16 коп., въ 1887 году—16,39 коп.

В. Н. Аршиновъ.

Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ.

1.

Крестьянская жена деревни Ш., А. В. К. жалуется суду, что сынъ ея Я. И. К. безъ ея позволенія продалъ сѣни. Въ свидѣтели указала по себѣ Ф. П. К., Д. Ф. и Г. С.; просить присудить обратно ей сѣни. Крестьяне деревни Ш., Ф. П., Д. Ф., Я. А., Е. А., Е. М. и Л. А. показали суду, что А. К. жалуется напрасно на сына Я., потому, что отецъ его дряхлый и калѣка, за котораго хозяйствуетъ Я. И., сѣни онъ отдалъ за работу, т. е. за поправку избы, которая валялась и жить въ ней было опасно, изъ за чего хотѣло общество изъ нея вывести семейство. Предложено имъ помириться, на что они не согласились. На основаніи свидѣтельскихъ показаній Волостной Судъ приговорилъ: крестьянской женкѣ А. В. К. въ искѣ на сына Я. отказать. О чемъ и объявить имъ съ разъясненіемъ порядка обжалованія. (Нечкинская волость 1887 г.).

2.

Крестьянинъ деревни Д., О. Н. С. жалуется, что свать его крестьянинъ дер. Д. В. Т. П., не смотря на рѣшеніе Волостнаго Суда, состоявшееся 31 іюля сего года, продержалъ у себя въ страднее время сноху его, жену сына Ег. Осип. М. В., а ему дочь; рѣшеніемъ тѣмъ присуждено не держать ее, а водворить къ мужу, также возвратить и увезенный его сундукъ съ имуществомъ, а потому просить взыскать съ П. за продержаніе дочери его снохи

*) *Примчаніе.* Нижестѣдующія рѣшенія составляютъ до полненіе къ моеѣ статьѣ „Замѣтки о юр. бытѣ крестьянъ Сарапульскаго у. Вятск. губ.“ составленной исключительно на основаніи *личныхъ* разспросовъ. Рѣшенія напечатаны безъ измѣненія стили—въ томъ видѣ, какъ они записаны волостными писарями, ведущими протоколы засѣданій волостныхъ судовъ.

М. въ рабочее время въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ по 8 руб. въ мѣсяць, всего 24 руб. и обязать снова П. водвореніемъ дочери къ мужу. При разборѣ настоящаго дѣла проситель Ос. Н. С. заявление свое подтвердилъ безъ дополненія. Отвѣтчикъ В. Т. П. объяснилъ, что онъ дочь свою М. сноху С. собственно для работы не приглашалъ, а она М. живетъ у него по стѣсненію ее мужемъ, свекромъ и свекровью, уплатить ему С. взыскиваемыхъ за проживаніе М. денегъ не согласенъ, такъ какъ она довольствовалася содержаніемъ. На рѣшеніи Волостнаго Суда за 31 іюля объявлено имъ неудовольствіе, но не обжаловано по его невѣденію, а отъ имени М. о жестокомъ обращеніи съ нею мужемъ и другими. Подано подлежащему мировому судѣ прошеніе Разматривая объясненіе просителя и отвѣтника, имъ предложена была мировая сдѣлка, но таковой между ними не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: взыскать съ отвѣтника П. въ пользу просителя С. за прдержаніе у себя въ рабочее время снохи С. 20 р., притомъ взыскать П., чтобы онъ дочь свою М. выпроводилъ къ мужу и не прдерживалъ у себя. (Сарапульская волость 1883 г.).

3.

Крестьянская вдова поч. П. М. С. М. заявила, что она желаетъ продать свой пай въ овинѣ, построенномъ ею самой — свекромъ ея П. С. М. и крестьянами М. М. и В. М., но свекоръ П. М. не допускаетъ ее до этого, отказывая какъ ей, такъ и пайщикамъ отъ овина. Свидѣтели М. М. и В. М. Просительница М. М. подтвердила свой искъ. Отвѣтчикъ П. С. М. объявилъ, что онъ не препятствуетъ просительницѣ М. М. продавать свой пай въ овинѣ съ тѣмъ, чтобы судъ установилъ, сколько каждый пайщикъ имѣетъ въ овинѣ. На предложеніе о примиреніи согласія не состоялось. Волостной Судъ, выслушавъ пререканія тяжущихся и показанія пайщиковъ М. М. и В. М., постановилъ: въ овинѣ сдѣлать 6 паевъ, изъ коихъ одинъ пай предоставить просительницѣ М. М. съ правомъ продажи, отвѣтчику 2 пая, М. М. 1 пай и В. М. 2 пая. (Козловская волость 1887 г.).

4.

Солдатская вдова дер. М. А. С. Ж. жалуется Волостному Суду, что она, прожизла у своего свекра, крестьянина д. М. К. Л. Ж. 6 лѣтъ, но нынѣ мужъ ея померъ въ военной службѣ и свекръ ее изъ дому раогналъ, а потому просить приговорить ей отъ свек-

ра 8 р. Спрошенный Волостнымъ Судомъ К. Л. Ж. объяснилъ, что онъ сноху свою А. С. Ж. изъ дому не выгонялъ, она ушла добровольно, но такъ какъ она, живши у него, работала, то онъ согласенъ дать ей 5 р. На предложеніе тяжущимся 107 ст. Общ. Пол. мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, постановилъ: взыскать съ крестьянина К. Л. Ж. 5 р., которыми удовлетворить просительницу А. С. Ж. (Сарапульская волость 1883 г.).

5.

Солдатка д. С. У. А. Н., явясъ въ волостное правленіе, объявила, что она, проживая у деверя своего А. Н. Н., гдѣ и протрадовала, но нынѣ неизвѣстно за что выгоняетъ ее изъ дому и не даетъ за страду никакого вспомошествованія, что могутъ удостовѣрить отецъ и мать, почему просить передать деверя А. Н. на обсужденіе Волостному Суду. Волостные судьи спрашивали по сему дѣлу прикосновенныхъ лицъ и показали, а именно: 1) Истица У. Н. явку свою подтвердила, 2) Отвѣтчикъ А. И. Н. показалъ, что онъ солдатку У. А. дѣйствительно выгонялъ за распутное ея поведеніе, 3) Свидѣтели со стороны просительницы У. А. 1) свекоръ ея, а отвѣтчику родной отецъ И. В. Н. показалъ, что сынъ его А., живущій врознь, солдатку А. дѣйствительно выгналъ, но за что не знаетъ, 2) жена его, а ей свекровка А. Т. показали тоже самое, что и мужъ ея И. В. А. Потому мы В. С., соображаясь съ обстоятельствами сего дѣла, находимъ такъ какъ мужъ солдатки У. А., В. Ив. Н. поступилъ по-очередности въ рекруты за братьевъ своихъ и деверя ея А. И. и Ѳ. И. Н—вы, по закону обязаны пропитывать означенную солдатку У. Ан., а потому постановилъ: выстроить солдаткѣ Анд. новый домъ-совокупный братьевъ, а покуда выстраивается домъ, деверя А. Н—ва обязать, чтобы онъ солдатку А—ву пропитывалъ и ничѣмъ не стѣснялъ, въ чемъ и отобрать у него подписку. (Сарапульская волость 1870 г.).

6.

Брестыанская вдова д. Д. Е. Г. П. просить учинить раздѣлъ имущества, оставшемуся послѣ смерти въ мартѣ 1884 г. крестьянина д. Д. Г. А. П., между дочерьми тестя его П. А. Б., умершаго назадъ тому четвертый годъ, у коего онъ Г. жилъ въ видѣ сына болѣе 20 лѣтъ, находящимся въ замужествѣ въ деревнѣ Ш. М. П. Г—ой въ д. А. П. П. Б—ой, въ селѣ М. А. П. С—ой,

причемъ она, Е. Г., объяснила, что она за Г. жила въ замужествѣ 4 года, у него же жилъ приведенный ея сынъ съ 13 лѣтъ П. П. С., на котораго при раздѣлѣ просить положить плату за проживаниеъ у вочима за 4 года 85 р., разсчитавъ 70 к. въ такомъ количествѣ: за 1-й годъ 15 р., за второй 20 р., а за 3-й и 4-й по 25 р., равно выдѣлить часть и ей самой П — ой. Въ Волостномъ Судѣ спрошенныя лица показали, что просительница Е. Г. П. заявление свое подтвердила, представивъ притомъ опись имущества съ оцѣнкой умершаго: крестьянъ, свекра ея П. А. Б. и мужа ея Г. А. П., произведенную 22 ноября 1884 г. сельскимъ старостой Дуб. Общ. А. Ш., изъ которой видно, что имущества движимаго и недвижимаго въ настоящее время состоитъ на 53 р. — дополнила, что на умершемъ востоятъ долгъ въ запасной магазинъ хлѣба 14 ч. и еще она же Е. П. уплатила денежный долгъ въ сельскій банкъ 27 р. 50 к. Если помянутыя наслѣдницы добровольно согласятся получить съ нея деньгами, на каждую по 3 р. и имущество оставить въ распоряженіе ея и сына П., то она принимаетъ весь хлѣбный долгъ на себя съ отвѣтственностью внести оный въ магазинъ 2) наслѣдницы, дочери умершаго П. А. Б. — М. П. Г. и П. П. Б. отозвались, что онѣ никакихъ расчетовъ по долгамъ покойнаго отца ихъ П. Б. принять на себя не согласны, а согласны получить отъ Е. Г. по 3 р. 33 к., затѣмъ все имущество оставить во владѣніи Е—вы П—ой и ея сына П. Третья ихъ сестра А. П. на судъ не явилась. При предложеніи вышепоименованнымъ лицамъ 107 ст. они между собою о наслѣдственномъ имуществѣ, за исключеніемъ одной изъ нихъ не бывшей на судъ А. П., добровольно согласились оставить все имущество покойныхъ Б. и П.—во владѣніе жены послѣдняго Е. Г. П. и сына ея П. съ тѣмъ, чтобы имъ отъ П. получить выше-сказанное количество денегъ по 3 р. 33 к., на каждую, при этомъ просили заплатить эту миролюбивую сдѣлку безъ дальнихъ разбирательствъ. (Сарапульская волость 1874 г.).

7.

Крестьянинъ д. С. И. А. М. Волостному Суду словесно жаловался, что 11-го іюля сынъ его И. П. М. самовольно отъ него ушелъ, при этомъ захватилъ зипунъ, полушубокъ, топоръ, солоду и шерсти, а потому просить судъ возвратитъ ему одежду и его, просителя, удовлетворить. Вызванный въ Волостной Судъ отвѣтчикъ, крестьянинъ И. П. М. на спросъ объяснилъ, что онъ ушелъ отъ отца по притѣсненію его мачихой, а что же касается одеж-

ды, онъ взялъ свою, а болѣе отъ него ничего не бралъ. Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчика И. И. М. возвратить новый зипунъ отцу своему И. А. М., а взаменъ отъ отца получить старый зипунъ, въ полушубкѣ просителю, отцу его, отказать, предоставить таковой въ пользованіе сына его И. И. М., въ прочемъ же искѣ, какъ по бездоказательности крестьянина И. А. М., отказать. (Сарапульская волость 1883 г.).

8.

Крестьянинъ д. Д. П. П. Г. заявилъ, что сынъ его Н. П. завладѣлъ его избой (нынѣ уже перестроенной имъ же Н. безъ всякаго его приказанія) и въ пользованіи таковой ему, П. Г—у, отказываетъ, почему просить разбора Волостнаго Суда. Въ Волостномъ Судѣ проситель жалобу свою подтвердилъ. Отвѣтчикъ, сынъ его Н. П. объяснилъ, что онъ въ сказанную избу вступательства никакого не дѣлаетъ, а предоставляетъ въ полное распоряженіе своего отца, означеннаго просителя П. Г., съ тѣмъ, чтобы она, какъ перестроенная имъ, не могла быть продана или передана отцомъ его въ постороннія какія-либо другія руки, а собственно была бы предоставлена имъ кому ему будетъ угодно по смерти его. На что и просить П. Г. изъявить свое согласіе. А потому Судъ постановилъ: изъявленное согласіе участвующими лицами записать въ сію книгу и считать его оконченнымъ. (Сарапульская волость 1885 г.).

9.

Крестьянинъ п. М. Д. П. М. заявилъ, что, оставшееся послѣ смерти отца его Г. П. имущество, сноха его Н. А. присвоила себѣ все и не даетъ ему никакого надѣла, а потому и просить удѣлить ему изъ имѣнія отца хлѣвъ и ворота, причемъ добавилъ, что сноха его живетъ въ домѣ зятя своего, крестьянина п. М. А. К. Ч. Вызываемая на судъ въ качествѣ отвѣтчицы Н. А. М. не явилась, а за нее, по ея родственному довѣрію, явился зять А. К. Ч., который и объяснилъ, что теща его проживаетъ у него на его содержаніи и тесть, т. е. (братъ)? просителя умеръ и похороненъ имъ Ч—ымъ, почему и скудное ихъ наслѣдство должно поступить въ его, Ч., распоряженіе, что предоставляетъ и теща его, которая должна жить до смерти у него Ч—а. Волостнымъ Судомъ дознано, что тесть умеръ и похороненъ зятемъ А. Ч. и теща проживаетъ у него и что сынъ, проситель Д. П. М—въ

въ отдѣлѣ былъ отъ нихъ 20 лѣтъ и пособія умершимъ отцу и матери не давалъ, то, принимая во вниманіе 10 л. давность, просителю отказать, предоставивъ право наслѣдія Н. А. М. и зятю ея А. Ч. (Мостовинская волость 1881 г.).

10.

Крестьянинъ д. Д. П. П. Т. жалуется, что послѣ смерти отца его осталось ржаного хлѣба и ярового, частью котораго онъ долженъ воспользоваться, но мачиха его П. К. нисколько ему не даетъ, а потому просить хлѣбъ раздѣлить между ними по равной части. Спрошенная Волостнымъ Судомъ П. К. Т. объяснила, что хлѣба, оставшагося послѣ смерти мужа ея, она сыну отдать не согласна, потому что онъ не пособлялъ ей страдовать. По предложеніи тяжущимся 107 ст. Общ. П. мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, разсматривая настоящее дѣло и примѣняясь къ мѣстнымъ обычаямъ, постановилъ: оставшееся послѣ смерти крестьянина П. Д. ржаной и яровой хлѣбъ, около двухъ овинновъ на сумму 35 р., раздѣлить между П. Прок. и П. К. по равной части. (Сарапульская волость 1883 г.).

11.

Крестьянинъ д. М. С. Ф. К. заявилъ Волостному Суду, что назадъ тому 3 года послѣ смерти отца его Ф. П. К. оставшееся имущество, а именно: лошадь, стоящая 37 р., тарантасъ 20 р., сбрую 3 р., корову 14 р., самоваръ 10 р., сани съ подполозками 2 р. сѣна 6 возовъ на 12 р., верховое сѣдло 1 р., а всего на сумму 99 р., увезъ дядя мой Д. П. К. домой, а между тѣмъ имущество это по наслѣдству принадлежитъ мнѣ, какъ единственному наслѣднику послѣ смерти отца, а потому просилъ взыскать съ К. или возвратить имущество, означенное выше. Вызванный на судъ истецъ жалобу свою подтвердилъ и дополнилъ, что мать послѣ смерти отца вышла въ замужество во второе и право наслѣдства потеряла по закону. Отвѣтчикъ крестьянинъ Д. П. К. показалъ, что онъ дѣйствительно по приказанію отца своего И. К. взялъ оставшееся послѣ смерти брата своего Ф. К. отца Сав., прописанное въ заявленіи С. на Ф. К., имущество, но только сѣна не 6 возовъ, а 3, и считаетъ это принадлежностью отца своего И. К. на томъ основаніи, что С. оттяжался отъ своего отца Ф. и что онъ не есть наслѣдникъ отцовскаго имущества, а за самоваръ и тарантасъ онъ Д., К., уплатилъ С. 25 р. и нынѣ

употребилъ на женитьбу С. 18 р. И. Н. К. показавъ, что онъ дѣйствительно послѣ смерти сына Ф. К. имѣніе прописанное въ заявленіе С. внука моего приказывалъ младшему моему сыну Д. отобрать такъ какъ таковое надбѣялъ онъ самъ Ф. и считаетъ принадлежностью своею. На основаніи 107. ст. предложена была мировая сдѣлка, но не состоялась причемъ С. дополнилъ, что за женитьбу онъ дѣйствительно считаетъ себя должнымъ Д. 18 р. Волостной Судъ, соображаясь съ обстоятельствами дѣла, постановилъ: такъ какъ Д. К. увезъ объясненное здѣсь имущество по приказанію отца своего И. К. и таковое находится въ дому И. К. то обязать И. Н. К. а также совмѣстно съ нимъ живущаго сына его Д. обратить С. Ф. К. тарантасъ, сбрую, корову, самоваръ, сани съ подпозказами, сѣна 3 воза и верховое сѣдло, а съ С. Ф. К. взыскать въ пользу И. К. и сына его Д. 18 р., а въ случаѣ невозвращенія сего имущества взыскать съ И. К. и сына его Д. въ пользу С. Ф. К. за вычетомъ 18 р. всего 75 р. (Сарапульская волость 1879 г.).

12.

Крестьянинъ д. Е. С. К., поданнымъ въ Волостное Правленіе объявленіемъ отъ 10-го сего Ф. жалуется, что послѣ покойнаго его отца, крестьянина С. Н. К., осталось слѣдующее имущество: изба, 3 конюшни, погребъ и баня съ огородкою кругомъ, двѣ лошади, 2 коровы и 5 овецъ, имуществу этому онъ есть единственный наследникъ, кромѣ его хотя послѣ смерти отца и осталась жена, но она не должна быть наследницею по случаю второго брака съ его отцомъ, но онъ, какъ по непроживанію въ своемъ жилищѣ, сказанное имущество оставилъ въ пользованіе мачихи своей В. Я., которая въ настоящее время находится въ замужествѣ уже за третьимъ крестьяниномъ П. И. К. съ которымъ изъ имущества, оставленнаго на храненіе, продали конюшню и баню, двѣ конюшни употребили на дрова, лошадей, коровъ и овецъ также продали, и деньги употребили въ свою пользу, нынѣ изъ означеннаго имущества осталось только одна изба и погребъ, которые крестьянинъ П. И. въ пользованіе не даетъ и вовсе отказываетъ, почему просимъ дѣло это разобрать Волостнымъ Судомъ. Вызванные сего числа на Волостной Судъ: 1) проситель крестьянинъ Е. С. К. жалобу свою вполне подтвердилъ, что сказанное имущество имъ принадлежало съ роднымъ братомъ В. С. К. 2) Отвѣтчикъ кр. П. П. К. противъ жалобы просителя Е. С. К. показалъ, что оставшееся послѣ смерти его отца Ст. К., имущество должно было поступить женѣ В. Я., а не просителю Е. К. съ братомъ В., кромѣ того

имущества растрчено никакого не было и какое осталось все находится на лицо и въ цѣлости 3) В. Я. К. показала, что послѣ смерти перваго мужа С. Н. К. дѣйствительно оставалось имущество, которое и должно перейти въ ея владѣніе по наследству, а не кр. Е. К. съ братомъ В., но данныхъ о наследствѣ никакихъ не представила. 4) Общ. крестьяне д. К. Н. С., А. П., Ф. А., П. К. Г. П., М. К., П. К., С. К. и Ф. П. показали, что имущество, оставшееся послѣ смерти кр. С. К. принадлежитъ сыновьямъ его Е. и В. Ст-ымъ К., а не женѣ его В. Я., потому что она за нимъ была вторая жена и жила не долго. 5) Предложена была мировая сдѣлка, но таковой не состоялось. 6) Волостной Судъ, принимая въ соображеніе обстоятельства настоящаго дѣла и на основаніи 102 ст. общ. п. 14 ф. 1861 г. постановилъ: изъ числа состоящаго на лицо имущества, принадлежащаго крестьянину С. К. — у, находящагося въ распоряженіи П. И. и В. Я. К-ыхъ, заднюю избу предоставить въ пользу Е. и В. С. К. какъ роднымъ сыновьямъ, а остальное имущество оставить попрежнему въ пользованіи П. И. и В. Я. К. (Козловская волость 1876).

✓ 13.

Крестьянская дѣвица, поч. А. П., А. П. заявила Волостному Суду, что родной ея братъ Е. А. П. выгналъ ее изъ отцовскаго дома, а также и захватилъ ей выдѣленное умершимъ отцомъ имущество, а именно: лошадей мерина шерстью саврасою, стоящую 30 р., жилую избу, стоящую 40 р. 1 овцу съ 2 ягненками, стоящихъ 5 р. 20 к., риси на 10 р., а всего на сумму 85 р., что и могутъ подтвердить братъ же Филиппъ. А. П., А. А. П. и С. С., а потому просить поступить съ ними по закону. Вызванная на Волостной Судъ просительница заявленіе свое подтвердила. Отвѣтчикъ Е. П. на спросъ показалъ, что онъ сестру свою П. изъ дома вовсе не выгонялъ, а она ушла изъ дома сама и увезла съ собою разное имущество, именно 3 тулуна, 4 полушубка, три зипуна, 2 войлока, 5 подушекъ, 2 куля кудели, 3 пары валенокъ, 1 сундукъ, 2 коробки съ холстами, понитокъ (?), 1 корову, такъ что изъ имѣнія, кромѣ скота и строеній, увезла чуть ли не половину, что же касается просимаго ею надѣла, то онъ отдать ей такогога не можетъ въ виду того, что по отдачѣ всего просимаго совершенно разстроится его хозяйство. Свидѣтели со стороны просительницы показали: Ф. П. и С. У. показали, что упомянутое отвѣтчикомъ выше имущество дѣйствительно просительница отъ брата своего увезла. Волостной Судъ предложилъ мировую сдѣлку, но таковой

не состоялось, а потому постановилъ: предоставить въ пользование просительницы П. П. изъ наследственного имущества отъ брата ея Ек. одну малую избу, крытую тесомъ съ тѣмъ, чтобы она, просительница могла по своему усмотрѣнію въ ней распоряжаться, въ остальномъ же искѣ, какъ несправедливомъ и уже за полученіемъ полного надѣла отказать. (Гальянинская волость 1875.).

14.

Крестьянка деревни У. Н. Ф. Д. Ч. жалуется Волостному Суду, что падчерица Н. Р. Ч. отбираетъ у нея ржаной посѣвъ половину переѣзда, а между тѣмъ у нея на рукахъ четыре малолѣтнихъ дѣтенка, есть податныя недоимки въ продовольственный капиталъ въ земство. Просить отказать Н. отъ вступательства въ хлѣбъ. Предложено сторонамъ помириться и жить вмѣстѣ въ одномъ дому и работать, платить подати и всякіе недоимки; но Н. Р. не согласилась. Она имѣетъ отъ роду 17 лѣтъ, которая объясняетъ, что мачиха Ф. Ч. не кормитъ; поэтому она половину переѣзда и желаетъ получить посѣва ржи. По справкѣ оказалось, что за вдовой Ф. Ч. дѣйствительно состоитъ недоимка въ подати и продовольственный капиталъ, у нея четверо на рукахъ дѣтей, а Н. можетъ находиться въ работницахъ и тѣмъ себя пропитаетъ. А потому приговорилъ: дѣвицѣ Н. Р. Ч. отъ вступательства въ хлѣбъ отказать, о чемъ и объявить имъ съ разъясненіемъ порядка обжалованія. (Нечкинская волость 1887 годъ).

15.

Крестьянка вдова деревни П. К. Г. Ц. заявила, что со смертью мужа ея и сына. сноха ея А. Г. Ц. вступила во владѣніе всею хозяйствомъ и ей К. никакой части не выдаетъ. Почему К. просить отобрать отъ снохи ея Анны и передать ей, просительницѣ: жеребца игренного, стоящаго 20 р., одну овцу, стоящую 3 р., переѣздъ ржаного посѣва на 25 р. и срубы въ 8 рядовъ, стоящіе 10 р.; все эти вещи мужъ просительницы при смерти благословлялъ. Просительница К. Ц. подтвердила свой искъ. Отвѣтчица А. Ц. объяснила, что она не согласна выдать просительницѣ требуемаго ею имущества, такъ какъ у ней, отвѣтчицы, есть три малолѣтнихъ сына, прямые наследники на все имущество, оставшееся послѣ смерти свекра и мужа ея, отвѣтчицы. На предложеніе о примиреніи соглашенія не состоялось. Волостной Судъ, въ видахъ предупрежденія растраты хозяйства Ц. постановилъ: домогательство просительницы К. Г. Ц., оставить безъ послѣдствія, а отвѣтчицу А. Ц. обязать содержать просительницу К. Ц. на своемъ пропитаніи. (Козловская волость 1885 г.).

16.

Крестьянка д. С. С. в. У. С. З., по первомъ мужѣ С., заявила, что послѣ умершаго мужа ея, солдата К. П. С., осталась въ вѣдѣніи свекра ея П. С. слѣдующее имущество: изба съ сѣнями, крытая драньемъ, новая конюшня некрытая, въ 15 рядовъ, 3 с., 9 бревенъ сложены въ грудѣ, двѣ телѣги съ одними передками, пятистѣнный хлѣвъ, соха, 2 бороны, хлѣба ржанаго 1 кладь, 2 коровы, моя $\frac{1}{4}$ часть выстроенной мельницы, всего на сумму 85 р., хотя надъ имуществомъ сиротъ учреждена опека, между тѣмъ свекръ ея П. И. С. дѣлаетъ растрату имущества, что могутъ подтвердить опекуны: Г. С. Ш., Ѳ. Ф. С. и А. В. С. Поэтому просить принадлежащее сиротамъ ея дочерямъ: Л. и А. имущество на сумму 85 р. отобрать отъ П. С. или взыскать съ него деньгами 85 р. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика, крестьянинъ П. И. С. объяснилъ, что хотя сынъ К. П. и жилъ отъ него отдѣльнымъ хозяйствомъ, но такъ какъ онъ былъ ему отецъ, потому и считаетъ себя наслѣдникомъ. Вызванные на Волостной Судъ въ качествѣ свидѣтелей опекуны крестьяне с. Ч. Г. С. Ш. Ѳ. Ф. С. и А. В. С. показали: означенное имущество дѣйствительно нажито сыномъ отвѣтчика П. С-а, солдатомъ К., т. е. мужемъ просительницы и имущество это онъ, Петръ, уже истрачиваетъ. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. А потому Волостной Судъ постановилъ: имущество на сумму 85 р. раздѣлить слѣдующимъ порядкомъ: обязать П. И. С., чтобы онъ выдалъ снохѣ своей У. С. З. наличными деньгами, на каждую ея дочь Л. и А. по 30 р.—60 р., оставивъ на свою часть 25 р. (Мостовинская волость 1881 г.).

17.

Крестьянка д. У. С. У. В. проситъ Волостной Судъ сдѣлать между нею и ея сыновьями движимому и недвижимому имуществу раздѣлъ, такъ какъ согласія въ сожитіи не стало по смерти ея мужа, а равно и послѣ, въ семь году. Волостной Судъ, выѣзжая на мѣсто въ д. У. С., гдѣ при обществѣ крестьянъ деревни той оказалось, что изъ семьи В. оказывается три личныхъ наслѣдника, пасынокъ В. Л. и Н. изъ которыхъ первый данъ въ рекруты и родной сынъ М., почему, съ согласія просительницы и желанія ея получить выдѣлъ вмѣстѣ съ роднымъ сыномъ Матв. на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, постановили: выдѣлить М. съ матерью У. В. переднюю избу, стоящую въ улицу, новую конюшню, амбаръ въ

30 р. крышу на столбахъ, лошадь мерина шерстью рыжаго и таковую же чалую съ жеребенкомъ, 1 телку 1 года, мѣдный самоваръ; затѣмъ Н. съ солдатомъ Л. задній домъ, двѣ конюшни съ крышей и сараемъ, корову черно-шерстную и причитающіеся отъ проданой мельницы противъ выдѣленнаго амбара 40 р. с., годоваго мерина и вороную кобылу, двухъ телянокъ, мѣдный для воды сосудъ и гнѣдую кобылу. изъ которыхъ солдату вороную кобылу. Напольный какъ озимовый, такъ и яровой на надѣльныхъ земляхъ выдѣлать матери съ Матв. на $1\frac{1}{2}$, а Ник. на 2 души, а на арендной пополамъ, а что же касается до долговаго хлѣба, то изъ числа 5 четв. ржи заплатить просительницѣ 1 ч. 5 чк. и изъ 12 ч. 4 чк. овса 4 ч. 1 чк., а остальное доплатить Н. Затѣмъ изъ оставшихся за мельницу денегъ 12 р. 50 к. выдать просительницѣ 4 р. 17 к., а остальное Ник. (Сарапульская волость 1877 г.).

18.

Крестьянка поч. Г. А. г. А. Б. заявила, что послѣ смерти мужа ея Н. Б. осталось слѣдующее имущество: изба, амбаръ, погребъ, мякинница, 5 заплотовъ, ворота, 8 овецъ, 5 свиней, корова съ теленкомъ, лошадь, двѣ телѣги, 1 соха и борона желѣзная, три дровни, 1 хомутъ, хлѣба 6 возовъ и 60 деревь лѣсу. Изъ этого имущества насынокъ ея С. Н. Б. кое-что уже продаетъ и деньги пропиваетъ, почему просить имущество это раздѣлить по частямъ. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика, к. С. Н. Б. объяснилъ, что онъ изъ сказаннаго имущества мачихѣ своей А. Б. ничего не отдастъ. Мировой сдѣлки между ними не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: обязать крестьянина С. Н. Б. отдать своей мачихѣ А. А. изъ оставшагося послѣ смерти мужа ея Н. Б. имущества слѣдующее: избу, погребъ, три заплота и ворота, 4-хъ овецъ, 2-хъ свиней, корову, одну телку, борону одну, дровни и хлѣба 3 воза, а остальнымъ имуществомъ: лошадей, мякинницею, двумя заплотами, 4-мя овечками, 3-мя свиньями, теленкомъ, телѣгой, двумя дровнями, хомутомъ и 3-мя возами хлѣба, и 60 бревнами лѣса предоставить воспользоваться ему С. Н. Б-у, а за нѣяство и растрату имущества подвергнуть его Сем. Б. аресту при Волостномъ Присутствіи на три сутокъ (Мостовинская волость 1881 г.).

19.

Крестьянская вдова г. М. В. П. А., проживающая въ д. Ш. у родного сына Я. С. М., заявила, что назадъ тому уже 13 лѣтъ,

какъ она выходила вторично въ замужество за крестьянина въ с. М. Д. К. А. и жила съ нимъ лѣтъ 10 (дѣтей отъ него не имѣть), который, т. е. мужъ ея, умеръ въ 1879 г. и послѣ смерти его она отправилась опять въ д. Ш. къ родному сыну своему М., у котораго и теперь проживаетъ, но назадъ тому уже второй годъ пасынокъ ея Н. Д. А. (сынъ второго мужа ея) умеръ, оставивъ послѣ себя жену А. В. и дочь А-гу 7 л. Нынѣ эта вдова (жена пасынка ея Н.) А. В. вышла во второе замужество за солдата д. Б. В. Л., поэтому она В. П. А. просить выдѣлить ей изъ имущества пасынка ея Н. Д. А. кѣтъ, т. е. избу не живу. Вызванная въ качествѣ отвѣтчицы, бывшая крестьянская вдова А, а нынѣ солдатская жена А. В., объяснила, что свекръ ея Д. К. А., умирая, говорилъ женѣ своей В: „живи въ домѣ, будешь хозяйка, а если уйдешь, ничего не возьмешь“. Между тѣмъ она взяла у нея 20 пудовъ ржи и отправилась на жительство въ д. Ш. къ родному сыну ея М. Если она желаетъ жить у нея, то она Аг. не препятствуетъ этому, а изъ имущества ничего не даетъ. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей крестьяне В. Т. и С. С. А. показали, что мужъ просительницы Д. К. А., умирая, въ присутствіи ихъ сказалъ женѣ своей В. П. А-ой: „живи здѣсь, Вас., уголь твой, сынъ тебя не избидитъ“, но ничего не говорилъ, чтобы ей что-нибудь изъ имущества отдать. Мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ приговорилъ: крестьянской вдовѣ В. П. А. въ искѣ о выдачѣ ей имущества отъ снохи ея А. В. А. по бездоказательности отказать. (Мостовинская волость 1883 г.).

20.

Крестьянка с. А. А. Л. по второму мужу М. просить отъ деверя покойнаго перваго мужа, М. М. М. — И. М. опредѣлить часть домовнаго строенія въ пользу оставшихся послѣ смерти перваго мужа М. малолѣтнихъ дѣтей-сыночекъ: Петра 9, Теодора 7 и Якова 4 лѣтъ. Вызванный въ Волостной Судъ крестьянинъ И. М. объяснилъ, что братъ его М. М. нынѣ умершій, еще при жизни покойнаго отца ихъ, былъ отданъ послѣднимъ въ видѣ усыновленія односельцу С. И. М. у котораго Мих. былъ женатъ на просительницѣ, гдѣ проживъ 7½ лѣтъ, прижилъ означенныхъ въ заявленіи А. дѣтей, и назадъ тому четвертый годъ померъ, а А. вышла во второе замужество. Поэтому онъ, отвѣтчикъ, выдѣлить часть домовнаго строенія на племянниковъ не считаетъ себя обязаннымъ, такъ какъ покойный М. хозяйствомъ занимался у С. И. Спрошенный противъ отзыва И. М, крестьянинъ С. И. показаніе И. вполне подтвердилъ и дополнилъ, что изъ числа оставшихся

послѣ проживавшаго у него въ дѣтяхъ М. М. сыновей—П. и по настоящее время находится у него на воспитаніи, и онъ С. по достиженіи всѣхъ трѣхъ сиротъ дѣтей М. обязывается выдѣлить имъ двѣ избы въ наслѣдство. Приведенныхъ Михайломъ жеребенка, теленка и 2-хъ овецъ Анна увела обратно. По предложеніи тяжущимся сторонамъ 107 ст. общ. пол. мировой сдѣлки между ними не послѣдовало. А потому Волостной Судъ, признавая отзывъ отвѣтчика справедливымъ, а данное обязательство С. И. для сиротъ достаточнымъ, постановилъ: въ искѣ просительницѣ отказать. (Козловская волость 1881 г.).

21.

Явясъ въ Волостной судъ, крестьянинъ деревни Д. Ст. М. Н. объявилъ, что въ предстоящій мясобѣдъ просваталъ въ замужество за крестьянина здѣшней-же волости д. О. Ив. Т. дочь свою, и послѣ просватанія таковой продолжалось времени 7 дней, въ теченіе которыхъ находились на его содержаніи дѣвица для шитья, приготовилъ потребныя для свадебныхъ столовъ припасы, каковыхъ столовъ уже и было 2, сверхъ того накупилъ для подарка жениху и его родственникамъ товару, что стоитъ ему въ сложности 30 руб. 75 к. Между тѣмъ отецъ жениха Т. К. отъ взятія за его сына дочери своей отказался, почему Н. просить за отказомъ Т. К. отъ дочери его взыскать съ него понесенные имъ убытки въ количествѣ 30 р. 75 к. и таковыми удовлетворить его. Волостной Судъ П. Г., Я. Ч. и Ив. Т. дѣлали между крестьянами С. М. и Т. К. о понесенныхъ первымъ убыткахъ отъ отказа послѣдняго взять за сына своего въ замужество просватанную дочь перваго—разборъ, причемъ оказалось крестьянинъ Т. К. добровольно согласился заплатить С. М. понесенные имъ убытки и купленный товаръ деньгами 30 р. 75 к. каковыя тогда же и заплатилъ, а купленный К. товаръ, а именно 7 франц. платьевъ, полубуденную рубаху, 13 бумажныхъ платковъ, 2 пестрыхъ рубахи, 4 синепестрядинныхъ штановъ, 16 арш. ситцу и 20 арш. холста получилъ себѣ. Постановили: за добровольною сдѣлкою и миролюбивымъ примиреніемъ тяжущихся настоящее рѣшеніе по В. С. считать окончательно рѣшеннымъ. (Сарапульская волость 1870 г.).

22.

Крестьянинъ с. К., Е. Е. М. заявилъ Волостному Суду, что онъ просваталъ нынѣшнимъ мясобѣдомъ дочь свою, Анну, за сына крестьянина д. П. О. Я. К., который невѣсту за себя не беретъ зело ароостью будто-бы ея лѣтъ, между тѣмъ было рукобитіе, отда-

ны свату - отцу жениха Θ . Я. К-у подарки и было даже выпито вино; посему М. просить Волостной Судъ разобрать его претензію. Вызванные на Волостной Судъ лица показали: 1) проситель С. М. свою жалобу подтвердилъ. 2) Отвѣтчикъ Θ . Я. К. показалъ, что онъ невѣсту А. Спир. замужь за сына не беретъ за старостью ея лѣтъ. 3) Онъ же, отецъ жениха, крестьянинъ д. П. Θ . Як. показалъ, что онъ, за несогласіемъ сына его К., взять сказанную А. Сп.—не можетъ принудить его къ браку; и что онъ взятая отъ невѣсты заверстываетъ за вино (водку) употребленную при рукобитіи, 4) была предложена тяжущимся сторонамъ 107 статья Общ. Пол. о примиреніи, но обѣ стороны, погожоря не малое время между собой, примириться не согласились. Вслѣдствіе чего Волостной Судъ. найдя жалобу крестьянина с. К., С. М. заслуживающе уваженія, постановилъ: взыскать съ крестьянина д. П. Θ . Як.—отца жениха, въ пользу М. 5 руб. за безчестіе и убытки съ возвращеніемъ подарковъ, такъ какъ послѣдній зналъ кого сваталъ и предварительно долженъ былъ навести справку о лѣтахъ невѣсты, а не заводить пиръ; это рѣшеніе объявить обѣимъ сторонамъ. (Козловская волость 1877 г.).

23.

Крестьянинъ д. Ш., Н. П. Т. заявилъ, что онъ засваталъ въ селѣ К. крестьянскую вдову Е. Д. Ч—у, живущую нераздѣльно со свекромъ И. К. Ч мѣ. Вдова Е. Ч. на выходъ въ замужество за него была согласна, но въ настоящее время отказалась, вслѣдствіе чего онъ, Т., потерпѣлъ убытки до 16 р. с., которые и просить взыскать со свекра невѣсты его И. Г. Вызванный на Волостной судъ въ качествѣ отвѣтчика, крестьянинъ с. К., И. Б. Ч. объяснилъ, что онъ почти такое же количество денегъ издержалъ на расходы по просватыванію за крестьянина Н. Т. своей снохи Е., въ какомъ ищется проситель Н. Т., а потому и не считаетъ себя обязаннымъ платить деньги 16 руб. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. А потому Волостной Судъ постановилъ: крестьянину Н. Т. въ искѣ противъ крестьянина П. Ч. о взысканіи денегъ 16 р. отказать за бездоказательностью. (Мостовинская волость 1881 г.).

24. ✓

Крестьянская вдова д. Г., Ф. М. С. заявила, что она, имѣя намѣреніе вступить въ замужество за крестьянина Р. М. В. поч.

Ил., прибыла къ нему въ домъ 10 мая сего года и прожила до 10 августа, рассорились и она ушла. С. просить высказать съ В. за свою работу въ его домъ у него 42 руб. Свидѣтель Е. П. М. Въ засѣданіи Волостнаго Суда просительница подтвердила свой искъ и просить удовлетворить ея жалобу. Отвѣтчикъ объяснилъ, что просительница, хотя и прожила у него съ 10 мая по 10 августа сего года въ качествѣ жены, почти не работала и ушла отъ него безъ его согласія на то, и безъ всякаго повода, поэтому не намѣренъ выдавать ей деньги 42 р. На предложеніе о примиреніи 107 ст. Общ. Пол. между ними согласія не послѣдовало. Свидѣтели М.... показали, что просительница С. мало работала у В. жила у него въ качествѣ жены, а не работницы и ушла безъ его согласія. Волостной судъ, имѣя въ виду, что просительница С. жила у отвѣтника, какъ жена, а не какъ работница и ушла отъ него безъ согласія, постановилъ: отказать просительницѣ въ искѣ. (Козловская волость 1881 г.).

25.

Отставной рядовой Ершовской волости, Осинскаго уѣзда, Ф. Ф. Б. заявилъ Волостному Суду, что 4 года тому назадъ онъ выдалъ въ замужество за крестьянина деревни Д., Ив. Мих. П. дочь свою А., которой далъ въ приданое постель, стоящую 9 р., самоваръ съ приборомъ, стоящій 9 р., котель 1 р. 40 коп., соху 3 р., телѣгу 3 р., корову 30 р., хлѣба на 10 р. 50 к., а всего на 65 р. 90 к., но такъ какъ дочь А. нынѣ отъ П. П., вслѣдствіе жестокихъ съ нею обращеній со стороны мужа, — П. ушла, поэтому просить высказать съ Ив. П. 65 р. 90 к. за вещи выше поименованныя, данныя въ приданое. Свидѣтель поэтому дѣлу П. В. и Д. сельскій староста. Спрошенный на судѣ Б. заявленіе свое подтвердилъ. Крестьянинъ И. М. П. объявилъ, что онъ отъ тестя Ф. Ф. Б. въ приданое за дочерью получилъ только слѣдующее: постель, самоваръ, котель, соху, телѣгу, корову и хлѣба на 4 р. 20 к., а всего на 59 р. 60 к., а не на 65 р. 90 к. но все вышеписанное до сихъ поръ не возвращаетъ потому, что онъ у тестя Бал. жилъ 1½ года съ женою, не получая никакого за это вознагражденія. На предложеніе 107 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ, примиренія между тяжущимися не состоялось. Волостной судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, постановилъ: такъ какъ Ив. Поп. дѣйствительно, какъ то утвердилось на судѣ, проживалъ у просителя Б. 1½ года, не получая за то вознагражденія, послѣдняго не отрицаетъ и Б., а потому въ искѣ Ф. Ф. Бал. отказать, о чемъ тяжущимся объявить, съ правомъ обжалованія, въ случаѣ

неудовольствія, въ 30-дневный срокъ въ Уѣздномъ Присутствіи. (Сарапульская волость 1882 г.).

26.

Волостные судьи, собравшись въ присутствіе, слушали заявленія крестьянина л. Ш. В. Д. Б—а о томъ, что назадъ тому 5 лѣтъ онъ выдавалъ въ замужество свою дочь Феклу за одножителя своего П. Е. Б., между тѣмъ дочь его Ѳ. около 4 хъ лѣтъ умерла и послѣ нея дѣтей никого не осталось; изъ имущества осталось, а именно: женскій тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, стоющій 14 р., а также и красно 1 р., который ему не возвращается, потому и просить сдѣлать объ этомъ законное распоряженіе. Вызванный въ Волостной Судъ по повѣсткѣ въ качествѣ отвѣтчика П. Е. Б. неизвѣстно почему изъ суда самовольно отлучился, не давъ противъ жалобы никакого объясненія, а потому Волостной Судъ постановилъ: означенныя вещи женскій тулупъ и красно всего 15 р. отобрать отъ крестьянина П. Б. и таковыми удовлетворить просителя В. Б. (Мостовпнская волость 1883).

27.

Крестьянская жена д. Д. Х. Е. Р. заявила Волостному Суду, что вслѣдствіе жестокихъ обращеній съ ней мужа ея П. Т. Р., она съ нимъ около полоторыхъ лѣтъ не живетъ, а живетъ у разныхъ лицъ, мужъ ея не отдаетъ принадлежащія ей вещи, принесенныя ею при выходѣ въ замужество, а именно: тулупъ, крытый сукномъ въ 15 р., полушубокъ въ 4 р. тулупъ овчинный въ 5 р., гарусная шаль въ 2 р., сатиновая шаль въ 1 р. 50 к. и шаль (прохоровская) 1 р. 50 к., три сарафана и 2 юбки 9 р., холста 2 конца въ 2 р., сундукъ 2 р. и три женскія рубаки 1 р., всего на 43 р., а потому просить судъ истребовать отъ ея мужа П. Р. означенныя вещи и удовлетворить ее, а въ случаѣ утраты ихъ, взыскать съ него въ пользу ея означенную сумму. Въ собственности этихъ вещей ея, Р., могутъ подтвердить крестьяне Е. Н. Ф. и Е. С. Волостной Судъ спрашивалъ нижеозначенныхъ лицъ, которыя и показали; просительница заявленіе свое подтвердила. Отвѣтчикъ П. Т. Р. въ удержаніи заявленныхъ женою его вещей виноватымъ себя призналъ, а выдать ихъ не соглашается. Свидѣтели Е. Ф. и Е. С. показали, что заявленные Х. Р. вещи дѣйствительно принесены ею изъ дѣвицъ. На основаніи 107 ст. общ. пол. о примиреніи мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. Волостной Судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, по-

становилъ: истребовать отъ рядоваго П. Р. вещи: 2 тулупа, полушубокъ, три шали, три сарафана и 2 юбки: холстъ, сундукъ и 3 рубахи, которыя и выдать просительницѣ Х. Р., а въ случаѣ утраты которыхъ вещей, — взыскать съ Р. стоимость ихъ по заявленной просительницей цѣнѣ. (Сарапульская волость 1887 г.).

28.

Крестьянинъ Сар. в. д. Д. Е. О. С. заявилъ В. С. что назадъ тому 7 лѣтъ онъ взялъ въ замужество дочь крестьянина д. Д. В. Т. П.—М. В., съ которой, проживъ до 6 лѣтъ, прижили дѣтей - сына Д, имѣющаго отъ роду 6 лѣтъ, и жена его въ нынѣшнемъ году умерла. Последнее время онъ, С. въ теченіе 8 м. жилъ у тестя, а потомъ отошелъ въ рознь, оставивъ у тестя имущество, оставшееся послѣ смерти жены, принадлежащее какъ ей, такъ и мнѣ: шерстяной сарафанъ 5 р. 50 к. платокъ въ 1 р. 70 к. суконный тулупъ въ 7 р. войлокъ и подушку въ 9 р., а всего на сумму 22 р. 20 к. Вещи эти въ настоящее время В. П. не возвращаетъ, почему и проситъ приеудить возвратить эти вещи или взыскать по стоимости деньгами. Явившись въ Волостной Судъ, проситель Е. С. заявление свое подтвердилъ. Отвѣтчикъ В. П. объяснилъ, что дѣйствительно, когда ушелъ отъ нихъ зять Е. С., осталось у него шерстяной сарафанъ, платокъ, суконный тулупъ, войлокъ и подушка, которые онъ признаетъ принадлежностью не зятя Е. С., а скорѣе покойной его дочери М. В. По предложеніи мировой сдѣлки, она не состоялась. Волостной Судъ, соображаясь съ обстоятельствами дѣла и руководствуясь мѣстными обычаями, постановилъ: оставшееся послѣ смерти жены Е. С. и дочери В. П. имущество, именно: шерстяной сарафанъ въ 4 р. 50 к., платокъ въ 1 р. 70 к., суконный тулупъ въ 7 р., войлокъ и подушку въ 4 р., а всего на сумму 22 р. 20 к. предоставить въ пользованіе малолѣтняго сына просителя С. 6 лѣтъ, а въ случаѣ утраты тѣхъ вещей взыскать съ В. П. по стоимости деньгами. (Сарапульская волость 1885 г.).

29.

Крестьянинъ д. Ш. С. Д. Т. заявилъ, что въ 1878 г. онъ, Т. выдалъ свою двоюродную сестру С. Е. въ замужество за крестьянина д. О. В. Д. Г., который далъ въ приданое слѣдующее: тулупъ, стоящій 9 р., шубу, крытую синимъ холстомъ. 4 р., ситцевый сарафанъ 1 р. 60 к., кисейный сарафанъ 1 р. 50 к., шелковую косынку 50 к., муслевделевую шаль 1 р., 2 ситцевыхъ

рубашки 1 р. 50 к., 3 полотенца 1 р., 2 скатерти 1 р. 70 к., 2 ситцевыхъ фартука 60 к., и двѣ юбки бѣлаго холста 1 р., а всего на сумму 24 р. 85 к. Нынѣ сестреница Ст. умерла, оставивъ по смерти своей сына И., который вскорѣ затѣмъ тоже умеръ, а потому просить оставшееся у крестьянина В. Д. Г. означенное имѣніе отобрать и возратить ему. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика В. Д. Г. объяснилъ, что онъ означенное въ заявленіи имѣніе отдавалъ С-ту Т-у обратно, но только съ тѣмъ, если онъ, Т., возьметъ ребенка къ себѣ, который еще былъ тогда живъ, но Т. ребенка не взялъ, а просилъ только возратить ему имѣніе, а такъ какъ онъ, Г., нанималъ для ухаживанія за ребенкомъ няньку, которой заплатилъ за это 1 р., то посему и не желаетъ отдать оставшее послѣ смерти жены его, Ст., имущество. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. Волостной Судъ постановилъ: оставшее послѣ смерти жены В. Г. имущество, а именно: сундукъ, сарафанъ ситцевый, шелковую косынку, 2 ситцевыхъ рубашки, 3 полотенца, поясъ, 2 скатерти, 2 ситцевыхъ фартука и двѣ бѣлыя юбки возратить просителю С-у Т., а остальное какъ-то: тулупъ, шубу, кисейный сарафанъ, муслеленовую шаль оставить у В. Г. за присмотръ ребенка (Мостовинская волость 1881 г.).

Крестьянская жена с. К. Т. З. М. заявила, что мужъ ея того же села П. П. М. постоянно билъ ее и въ концѣ концовъ выгналъ ее изъ дому, почему она принуждена уйти къ своей матери въ поч. П., но одежды мужъ ея никакой не далъ. Въслѣдствіе сего она просить отобрать отъ ея мужа принадлежащія ей: 6 ситцевыхъ сарафановъ, 9 ситцевыхъ женскихъ рубахъ, 6 ситцевыхъ запоновъ. 3 шали: одну сатиновую, другую муслиновую, а третью бумажную, двѣ портяныя скатерки, 4 полотенца, 3 платка, полушубокъ овечьихъ овчинъ, крытый кизинетомъ, стяженная кизинетомъ кофта, полная кафтанъ (?) двои новые ботинки и 5 арш. бѣлаго холста. Въ засѣданіи Волостнаго Суда просительница подтвердила свой искъ. Отвѣтчикъ объяснилъ, что никогда не билъ свою жену, а она ушла отъ него потому, что не захотѣлось ей работать: перечисленныя ею вещи хранятся у него въ цѣлости, не выдать ихъ женѣ не согласенъ, а желаетъ чтобы она перешла къ нему для совмѣстнаго сожителства. На предложеніе о примиреніи согласіе не состоялось. Волостной Судъ, допросивъ нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей (сосѣдей отвѣтчика), между прочими Т. М. и К. С., убѣдился, что поведеніемъ отвѣтчика жена его была вынуж-

дена уклониться отъ сожительства съ нимъ, потому Волостной Судъ постановилъ: отобрать отъ отвѣтчика означенныя вещи въ заявленіи просительницы и выдать ихъ женѣ отвѣтчика. А отвѣтчику предоставить возможность возбудить ходатайство о водвореніи въ его домъ его жены (Козловская волость 1881 г.).

✓ 31.

Крестьянка поч. П. П. П. Н. заявила, что она, при выдачѣ замужество назадъ тому 8 й годъ своей дочери М. Н. за крестьянина однодеревенца П. О. Ц., дала въ приданое; корову, свинью, 3 куриць и 1 овцу, но нынѣ свекоръ дочери О. Ч. дочь ея выгоняетъ и данное въ приданое оставляетъ въ свою пользу, почему и проситъ о возвратѣ означеннаго приданого, кромѣ овцы. Вызванная на Волостной Судъ просительница заявленіе свое подтвердила вполнѣ. Отвѣтчикъ Ц. въ данномъ въ приданое имуществѣ сознался, а также къ выгону снохи доказательствъ, препятствующихъ къ тому, не представлялъ. По предложеніи 107 ст. Общ. Пол. между тяжущимися сторонами согласной сдѣлки не состоялось. А потому Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчика возвратить просительницѣ данное ею въ приданое за дочь имущество: корову, свинью и куриць, которыми онъ можетъ воспользоваться тогда лишь, когда приметъ въ свой домъ сноху М. и будетъ содержать ее, какъ сѣдуетъ. (Козловская волость 1886 годъ).

32.

Крестьянинъ села Е. П. М. П. заявилъ, что его 3 года тому назадъ крестьянинъ д. Л. Д. А. К. взялъ его въ усмысленіе и продержалъ 3 года, затѣмъ нынѣ отъ житья отказалъ, не заплативъ ему за прожитое время, ничего, почему проситъ взыскать съ К. 75 р. черезъ разборъ и рѣшеніе Волостнаго Суда. Въ Волостномъ Судѣ П. П. жалобу свою подтвердилъ. Крестьянинъ Д. К. объяснилъ, что онъ отъ житья П. не отказывалъ, который прожилъ у него всего 2 года и ушелъ по своему желанію, за прожитые годы платить себя нисколько обязаннымъ не считаетъ, потому что онъ пришелъ къ нему 15-лѣтній и, во время проживанія, завозилъ ему одежду, какъ верхнюю, равно и нижнюю. Предложено тяжущимся помириться, но они на это не согласились. Судъ, соображаясь съ обстоятельствомъ сего дѣла и, принимая во вниманіе, что П. во время нахождения у К. былъ несовершеннолѣтнимъ, не могъ управлять за полнаго работника и къ тому же пользовался отъ К. одеждою, а потому постановилъ взыскать съ крестьянина

Д. К. въ пользу П. за прожитые 2 года, полагая въ каждый годъ по 5 р., всего 10 р. (Гальянинская волость 1885.).

33.

Крестьянинъ поч. П. Р. П. М. заявилъ, что назадъ тому года 2 онъ уходилъ въ дѣти къ дядѣ своему, крестьянину п. П. П. Г. М., прожилъ у него зиму, но Пв. выгналъ его и не далъ ему нисколько за то, что онъ работалъ. Свидѣтели Д. М. и В. К. Проситель Р. М. подтвердилъ свое заявленіе и просилъ за смертью П. Г. М. взыскать съ жены его А. Ф. М. 50 р. за работу. Отвѣтчица А. Ф. М. объяснила, что платитъ просителю за работу она не согласна, такъ какъ онъ при жизни покойнаго мужа ея не предьявлялъ этого требованія. Жилъ Р. у нихъ зимой, работы тогда не было, а къ лѣту ушелъ, — не захотѣлъ работать. Свидѣтели Г. Д., В. В. и Е. Г., Е. П. На предьявленіе о примиреніи соглашенія не состоялось. Отвѣтчица А. М. предьявила духовное завѣщаніе покойнаго мужа ея Пв. Г. М. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ все имущество отказано ей, отвѣтчицѣ. На второе предложеніе о примиреніи А. М. согласилась дать Р. М., ради его бѣдности, 3 р. Но Р. на это не согласился. Свидѣтели со стороны просителя подтвердили основательность его иска, а свидѣтели, указанные отвѣтчикомъ, показываютъ, что Р. несправедливо ищетъ. Волостной Судъ приговорилъ: взыскать просителю Р. М. съ отвѣтчицы А. Ф. М. деньгами 3 р. (Бозловская волость 1886 г.).

34.

Крестьянинъ поч. М. Т. Д. К. заявилъ, что передъ Пасхой нынѣшняго года онъ былъ принятъ на проживаниеъ крестьяниномъ того же поч. Пв. В. Л., причемъ К. принесъ съ собой все свое имущество, съ тѣмъ, чтобы Л. до смерти пропитывалъ его К., а послѣ смерти могъ воспользоваться всѣмъ имуществомъ послѣдняго. Во время этого совмѣстнаго проживанія К. заставлялъ яроваго хлѣба. Нынѣ Л. выгналъ К. пзъ дому, захватилъ все его имущество и яровой хлѣбъ въ свою пользу, почему К. просить постановить рѣшеніе объ отобраніи принадлежащаго ему имущества по предоставленіи ему посѣяннаго яроваго хлѣба. Имущество осталось у П. Л. слѣдующее: 8 бѣлыхъ холстовъ, стоящихъ 16 р., 3 овечьихъ овчины, стоящихъ 3 р., овчинный крытый парчей полушубокъ, стоящій 3 р., женскихъ и мужскихъ рубахъ въ сундукѣ до 20 штукъ, стоящихъ 15 р., желѣзные ведра, стояція 1 р., деревянная квашня и 3 кадцы, стояція 2 руб. куриныхъ яицъ 100 на 1 р. и скромнаго масла на 3 р. 50 к., луку въ огородѣ

3 гряды, стоящія 3 руб., 2 ношенныхъ зипуна и полушубокъ старый поношенный, стоящіе 5 р., пять холщевыхъ мѣшковъ и 1 пологъ 3 р., портяныхъ онучь 5 паръ, стоящихъ 1 р., женское бѣлье 40 к., желѣзный пазникъ 40 к., сковорода 20 к., короткихъ портянокъ 30 к.; всего имущества на сумму 57 р. 80 к. Свидѣтели Е. Ѳ. Л., Е. М. Л., А. Ф. Л. и П. Т. Ш. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Т. Д. К. подтвердилъ свой искъ и просилъ удовлетворить его требованіе, при семъ К. дополнилъ, что у И. Л., кромѣ перечисленнаго въ заявленіи имущества, осталось: овечьей шерсти, принадлежащей ему, просителю, 6 фунтовъ на 1 р. 50 к. Отвѣтчикъ И. Л. объявилъ, что онъ дѣйствительно бралъ просителя Т. К. къ себѣ на пропитаніе до его смерти, но Т. не сталъ жить и ушелъ, перечисленное въ его заявленіи имущество осталось у него отвѣтчика и таковое онъ не согласенъ возвратитъ, пока Т. не заплатитъ ему за прокормленіе его въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, всего 9 р. Что же касается хлѣба, то Т. К. приносилъ въ домъ его, отвѣтчика, только полбы пудовъ 8, которые и посяяны, овса же ни одного зерна не приносилъ. Посѣвъ полбы И. Л. также не согласился возвратитъ Т. до расплаты за пропитаніе. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало. Свидѣтели Е. Ф. Л., Е. М. Л. и П. Т. Ш. показали, что имъ извѣстно, что Т. К. ушелъ отъ И. Л. изъ за ссоры, которая начата семействомъ послѣдняго. Во время проживанія у И. Л. Т. К. работалъ. Волостной Судъ постановилъ: отобрать отъ отвѣтчика И. В. Л. все принадлежащее Т. К. имущество: 2) по встрѣчному иску И. Л. взыскать въ его пользу съ Т. К. 5 р.; 3) яровой посѣвъ раздѣлить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто полбы, посяянной Т. К. на землѣ И. Л. предоставить выжать изъ посѣва овса Л. на землѣ его, К. одинъ переѣздъ, остальной осеъ И. Л. раздѣлить между ними пополамъ; и 4) такъ какъ при заключительномъ рѣшеніи дѣла выяснилось, что яйца и скоромное масло Т. К. употреблены и ихъ въ наличности нѣтъ, но съ И. Л. не взыскивать. (Козловская волость 1883 г.).

Крестьянинъ поч. М. Т. Д. К. заявилъ, что передъ Пасхой нынѣшняго года онъ былъ принятъ на прожитіе вание крестьяниномъ того-же поч. Ив. В. Л., причемъ К. принесъ съ собой все свое имущество, съ тѣмъ, чтобы Л. до смерти пропитывалъ его, К., а послѣ смерти могъ воспользоваться всѣмъ имуществомъ послѣдняго. Во время этого совмѣстнаго проживанія К. засѣялъ яровой хлѣба. Нынѣ Л. выгналъ К. изъ дому, захватилъ все его имуще-

ство и яровой хлѣбъ въ свою пользу, почему К. просить постановить рѣшеніе объ отобраніи принадлежащаго ему имущества и о предоставленіи ему посѣяннаго яроваго хлѣба. Имущество осталось у И. Л. слѣдующее: 8 бѣлыхъ холстовъ стоящихъ, 16 р. 3 овечьихъ овчины, стоящихъ 3 р., овчинный, крытый парчей полушубокъ, стоящій 3 р., женскихъ и мужскихъ рубахъ въ сундукѣ до 20 штукъ, стоящихъ 15 р. желѣзные ведра, стоящія 1 р., деревянная квашня и 3 кадцы, стоящія 2 р., куриныхъ яицъ 100 на 1 рубль и скоромнаго масла на 3 р. 50 к., луку въ огородѣ 3 гряды, стоящія 3 р. 2 ношенныхъ зипуна и полушубокъ старый, поношенный, стоящіе 5 р., пять холщевыхъ мѣшковъ и 1 пологъ 3 р. портяныхъ опучъ 5 паръ, стоящихъ 1 р., женскаго бѣлья 40 к., желѣзный пазникъ 40 к., сковорода 20 к., короткихъ портянокъ 30 к. всего имущества на сумму 57 р. 80 к. Свидѣтели: Е. Ф. Л., Е. М. Л., А. Ф. Л. и П. Т. Ш. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Т. К. подтвердилъ свой искъ и просилъ удовлетворить его требованіе; при семъ К. дополнилъ, что у И. Л., кромѣ перечисленнаго въ заявленіи имущества осталось овечьей шерсти, принадлежащей ему, просителю. 6 фунтовъ на 1 р. 50 к. Отвѣтчикъ И. В. Л. объявилъ, что онъ дѣйствительно бралъ просителя Т. К. къ себѣ на пропитаніе до его смерти но Т. не сталъ жить и ушелъ, перечисленное въ его заявленіи имущество осталось у него отвѣтника и таковое онъ не согласенъ возвратитъ, пока Т. не заплатитъ ему за прокормленіе его въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, всего 9 руб. Что же касается хлѣба, то Т. К. приносилъ въ домъ его, отвѣтника, только полбы пудовъ 8, которые и посѣяны, овса же ни одного зерна не приносилъ. Посѣвъ полбы И. Л. также не согласился возвратитъ Т. до расплаты за пропитаніе. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало. Свидѣтели Е. Ф. Л., Е. М. Л. и П. Т. Ш. показали, что имъ извѣстно, что Т. К. ушелъ отъ И. Л. изъ за ссоры, которая начата семействомъ послѣдняго. Во время проживанія у И. Л., Т. К. работалъ. Волостной Судъ постановилъ: 1) отобрать отъ отвѣтника И. Л. все принадлежащее Т. К. имущество; 2) по встрѣчному иску И. Л. взыскать въ его пользу съ Т. К. 5 р., 3) яровой посѣвъ раздѣлить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто полбы, посѣянной Т. К. на землѣ И. Л. предоставить выжать изъ посѣва овса Л. на землѣ его. К. одинъ переѣздъ, остальной овесъ И. Л. раздѣлить между ними пополамъ; и 4) такъ какъ при заключительномъ рѣшеніи дѣла выяснилось, что яйца и скоромное масло Т. К. употреблены и ихъ въ наличности нѣтъ, то съ И. Л. не взыскивать. (Козловская волость 1883 г.).

Отставной рядовой поч. Подгорь К. С. М. жалуется, что 10 м. 1880 г онъ вступилъ въ усыновленіе къ крестьянину поч. Подгорь Ив. Дм. Ч. вмѣстѣ съ своею женою А. Л. съ тѣмъ, чтобы у послѣдняго работать и по смерти его воспользоваться его имуществомъ, какъ наследнику; съ собою привезъ къ Ч. собственнаго сѣна 5 возовъ, ржаной муки 4 пуда, ячменя $3\frac{1}{2}$ кул. 30 пуд. и 28 ведеръ картофеля и кое-какую посуду, а между тѣмъ нынѣ Ч. его, Молчанова, выгналъ и ничего не даетъ, а потому М. просить, какъ за житье, такъ и за хлѣбъ, картофель и сѣно взыскать ту сумму, какая будетъ причитаться и удовлетворить его. Въ догащии представилъ кр. п. П. В. В.; К. Н.; П. Л.; П. З.; В. В.; а также просить раздѣлить посѣвъ пополамъ. Отвѣтчикъ кр. Ив. Д. Ч. на прочитанное ему заявленіе К. М. объяснилъ, что К. С. М. пришелъ къ нему на житье въ домъ, въ маѣ мѣсяцѣ, прошлаго 1880 года и съ собою привезъ 4 воза сѣна, 4 пуда ржаной муки, 8 п. ячменя и 28 ведеръ картофеля, но онъ пришелъ не одинъ, а съ двумя малолѣтними дѣтьми и женою, то онъ при везенное употребилъ на продовольствіе своего семейства, а хотя К. М. и жилъ времени съ годъ, но ничего въ домѣ отъ его работы не прибыло. кромѣ лишь того, что посѣяно 3 переѣзда озимоваго хлѣба и два яроваго. Свидѣтели кр. В. В.; К. Н.; П. В.; П. З. и В. В. Ч. объяснили, что когда К. М. входилъ на житье въ домъ Ив. Ч., то у него сѣно и хлѣбъ былъ, но сколько не знаютъ, а также имъ неизвѣстно и того были ли деньги у М. Предложено имъ добровольно сдѣлаться, но они не согласились. Истецъ К. С. М. къ заявленію своему дополнилъ, что онъ съ собою принесъ денегъ 6 р., которые и употребилъ по дому Ив. Ч. Отвѣтчикъ П. Ч.; К. М. добровольно отдаетъ овцу и свинью. Волостной Судъ, по выслушаніи спорящихъ сторонъ и свидѣтельскихъ показаній, приговорилъ: озимовый хлѣбъ (послѣ) раздѣлить между П. Ч. и К. М. пополамъ. Изъ числа яроваго посѣва, сдѣланнаго однимъ Ив. Ч. предоставить К. М. $\frac{1}{2}$ пер. и сверхъ того одну овцу и свинью. (Сарапульская волость 1881 г.).

Крестьянинъ д. Д. А. Н. К. заявилъ суду, что 15-го января сего года по приглашенію однодеревенца Е. Е. Т., по неимѣнію у него родныхъ дѣтей, проживалъ вмѣстѣ съ своею женою въ домъ его, Т., занимаясь по дому всеми крестьянскими работами,

привезъ съ собою ржи 40 пудовъ, но нынѣ 27-го іюня Т. изъ дому его выгналъ, не давъ никакого вознагражденія за его трудъ, почему и просить взыскать съ него, Т., за каждый прожитый мѣсяць по 4 руб. и утраченную рожь 30 р. всего 52 р. Въ Волостномъ Судѣ проситель А. К. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчикъ Е. Е. Т. объяснилъ, что проситель А. К. по приглашенію дѣйствительно проживалъ въ его домѣ и занимался по хозяйству всѣми крестьянскими работами съ 15-го января по 27-е іюня сего года, но по вышедшимъ между ними неприяностямъ К. отказалъ и добавилъ, что К. дѣйствительно было привезено ржи 40 пудовъ, но вознагражденіе за прожитое время дать К. не соглашается, потому что во 1-хъ, за него уплачено податей 8 р., отдано за сапоги 3 р., за арендную землю 2 р. 50 к., за покупку сохи 1 р., за муку 40 к., 30 к. уплачено за перевозъ черезъ Каму 15 к. всего 15 р. 35 к. Вслѣдствіе чего Волостной Судъ, принимая во вниманіе то, что проситель А. К. во время пребыванія у Е. Т. (какъ неспособнаго къ работѣ), занимался какъ слѣдуетъ всѣми крестьянскими работами. однимъ словомъ, велъ все хозяйство. не приводя таковое въ упадокъ, почему заявленіе просителя нашли заслуживающимъ уваженія, постановилъ, за сдѣланный изъ 52 р. вычетомъ 15 р. 35 к. остальное количество 36 р. 60 к. довыскать съ Е. Т. (Сарапульская волость 1878).

38.

Крестьянинъ С. уѣз., деревни С. П. Л. заявилъ Волостному Суду, что крестьянинъ, однодворецъ П. П. съ женою принять былъ *взъ дѣти* и прожилъ 2 мѣсяца 23 дня и ушелъ, а потому просить взыскать съ П. за содержаніе его десять рублей. Проситель, крестьянинъ П. Л. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчикъ, крестьянинъ П. П. показалъ, что у него Л. дѣйствительно жила жена и работала, самъ онъ былъ въ работникахъ и Л. самъ ихъ выгналъ, поэтому онъ должнымъ себя не считаетъ. Волостнымъ Судомъ было предложено тяжущимся настоящее дѣло покончить добровольной сдѣлкой, но между ними таковой не состоялось. Волостной Судъ, по разсмотрѣннн настоящаго дѣла, находить искъ Л. недоказаннымъ и кромѣ того, имѣя въ виду, если жена П. жила у Лобанова въ видѣ приѣмныхъ дѣтей, въ такомъ случаѣ и работала на Л., на основаніи чего и постановилъ въ искъ Лобанова отказать, о чемъ и объявить тяжущимся съ правомъ обжалованія, въ случаѣ неудовольствія, въ 30 дневный срокъ, въ Сарапульскомъ Уѣздномъ по Крестьянскимъ Дѣламъ Присутствіи. (Сарапульская волость 1887 г.).

39.

Крестьянинъ И. Н. Т. заявилъ, что родной братъ его Г. Н. Т. вступается въ оставшееся послѣ смерти брата его солдата А. Т. имущество, всего на сумму 87 руб.; жена котораго вышла въ замужество за крестьянина А. волости, З. Н., тогда какъ имущество это было нажито имъ вообще съ братомъ Ал., братъ же Гр. былъ отданъ 4-хъ мѣсяцевъ въ дѣти къ крестьянину д. Б., В. Л. Г—у, имуществомъ коего и воспользовался, потому просимъ брату его Г. въ пользованіи имуществомъ умершаго брата, солдата А. отказать. Вызванные Волостнымъ Судомъ, явились Г. И. Т. и сноха его, бывшая солдатка, вдова М. Ѳ. Т., которымъ было предложено объ окончаніи дѣла миромъ, на что они и согласились: И. Н. Т. обязался уплатить снохѣ М. Ѳ. деньгами 12 р. и брату своему Г. добровольно уступилъ подъѣздную крышу на сумму 2 р. съ тѣмъ, чтобы остальнымъ имуществомъ пользоваться ему И. Т., на что братъ его Г. и сноха М. Ѳ. вполне согласились, а потому Волостной Судъ постановилъ: условіе мировой сдѣлки записать въ книгу. (Мостовинская волость 1883 г.).

✓ 40.

Крестьянская дѣвица деревни К., Н. А. К. заявила Волостному Суду, что она съ дѣтства была принята въ дѣти крестьяниномъ одной съ нею деревни Е. Ф. Л., который продержалъ до 18 лѣтняго возраста, нынѣ онъ Е. Л. сталъ наносить ей побои и, наконецъ, выгналъ изъ дому, не давъ ей никакого движимаго имущества т. е., принадлежащаго ей, а именно: 1 шаль, стоящую 3 р., сундукъ, стоящій 1 р., 3 холщевыхъ скатерти, стоящихъ 3 р., 7 $\frac{1}{2}$ дубленыхъ овчинъ. стоящихъ 4 р. 90 к., всего на сумму 11 р. 90 к., почему проситъ поступить съ нимъ по закону. Вызванная въ Волостномъ Судѣ просительница жалобу свою подтвердила и добавила, что еще остается у Е. Л. изъ принадлежащаго ей имущества, нитяный дубленый тулупъ, 1 $\frac{1}{2}$ пуда шерсти и войлокъ, которые проситъ предоставить ей. Отвѣтчикъ Е. Л. показалъ, что онъ, изъ числа просимаго имущества, не отдастъ Н. только шаль и дубленый полушубокъ, такъ какъ таковыя принадлежатъ мнѣ, а не ей, и что таковыми она уже воспользовалась. Волостной Судъ склонялъ тяжущихся къ примиренію, на что стороны и согласились; такъ Е. Л. обязался отдать просительницѣ просимое: шаль, сундукъ, 3 скатерти, 7 $\frac{1}{2}$ овчинъ и $\frac{1}{2}$ пуда овечьей шерсти, а просительница искъ къ дубленому тулупу прекратила. (Гальянинская волость 1887 г.).

41.

Запасный рядовой Н. А. Ш. заявил, что въ 1873 г. онъ, женившись на дочери врестьянина поч. М. Як. Л. Б., ушелъ на житіе къ нему въ домъ; нынѣ тестъ его Б. выдворилъ его изъ дому, не вполне надѣлавъ имуществомъ. Последнее обстоятельство вынуждаетъ Ш. просить Волостной Судъ обязать Б. выдѣлать ему еще баню и навоженный у дома Б. лѣсъ—последнихъ 20 штукъ. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Н. Ш. подтвердилъ свое ходатайство. Отвѣтчикъ Б. объявилъ, что зятя своего Н. Ш. онъ надѣлалъ слѣдующимъ съ него имуществомъ, а теперь выдѣлать еще баню и лѣсъ—не согласенъ. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало. Изъ преній сторонъ выяснилось, что лѣсъ заготовленъ Б—ву Ш—мъ, имъ же построена и баня. На это Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтника Як. Б. отдать просителю Н. Ш., состоящую на его усадьбѣ баню, искъ же о выдѣлѣ лѣса оставить безъ послѣдствій. (Козловская волость 1881 г.).

42.

Крестьянинъ д. Ш., Я. Е. Ш. заявилъ, что онъ бралъ въ домъ на житіе зятя своего Ег. Ю. и, проживши 5 лѣтъ онъ прижилъ съ зятемъ своимъ Е. Ю. избу, и кромѣ того еще онъ посѣялъ вмѣстѣ хлѣба 3 десятины и гороху 1, все это имущество раздѣлить съ нимъ зять его Ю. не желаетъ. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтника, уволенный въ запасъ отставной рядовой, Е. Ю. объяснилъ, что онъ отъ избы тестю своему не отдастъ никакой части, потому что избу онъ перевезъ отцовскую, изъ хлѣба рожь и горохъ отвѣтчикъ желаетъ раздѣлить съ просителемъ по равной части. Проситель Я. Ш. противъ того возразилъ, что онъ желаетъ взять себѣ 2 части какъ гороху, такъ и ржи, потому что земля въ количествѣ 3-хъ десятинъ съ половиною на 2 души принадлежитъ ему, просителю Ш—у, и подати за 2 души онъ платитъ самъ. Если зять его Е. Ю. удѣлитъ частью, но изъ избы, то тогда онъ Ш. отдастъ ему часть хлѣба гороху и ржи. Миротлюбивой сдѣлки между тяжущимися не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: рядового Е. Ю. обязать надѣлать тестя своего хлѣбомъ двумя частями, какъ горохомъ, такъ и рожью, а остальную часть хлѣбовъ предоставилъ право воспользоваться отвѣтчику Ю., а также пользоваться коровой съ теленкомъ, двумя овечками и 3 свиньями, остальныхъ двухъ быковъ и 3-хъ овечекъ обязать его, Ю., отдать просителю Ш. (Мостовинская волость 1881 г.).

43.

Крестьянинъ д. Т., Д. К. М. Волостному Суду словесно заявилъ, что принятый имъ въ домъ зять, по женитьбѣ на дочери крестьянинъ той же деревни К. К. Т., проживя $\frac{1}{2}$ года ушелъ и взятую въ замужество дочь его Феклу увелъ въ домъ брата своего Д. К. между тѣмъ онъ употребилъ на его женитьбу 30 р., отдано за вѣнчанье 5 р. и уплатилъ въ подати въ его душу 6 р., итого 41 р. почему просить сдѣлать разбирательство Волостной Судъ. Вызванные сего числа въ Волостной Судъ прикосновенные къ дѣлу сему лица показали: 1) проситель Д. К. заявленіе свое подтвердилъ вполнѣ безъ дополненія, 2) отвѣтчикъ К. Т., что онъ отъ тестя Д. Д. ушелъ потому, что не давалъ ему полного управленія въ домъ. По выше приведенному обстоятельству дѣла оказывается, что М. принявъ въ домъ зятя К. Т., употребилъ на свадьбу 30 р. за вѣнчанье 5 р. и на плату податей 6 р., Т. же, проживъ у М. 6 мѣсяцевъ, самовольно ушелъ, принимая во вниманіе то, что Т. въ теченіе $\frac{1}{2}$ года находился у М. въ видѣ работника, вмѣстѣ съ женой, полагая въ годъ 1-у 40 р. а послѣдней 20 р., что и составитъ къ исключенію 30 р., остальныхъ затѣмъ 11 р. признать должнымъ Т. уплатить М. П. на основаніи ст. 101. 103 и 96 приговорилъ: взыскать съ К. Т. деньги 11 р. и онымъ удовлетворить М. (Козговская волость 1876 г.).

44.

Крестьянинъ д. Т. С. К. Ш. заявляетъ, что отецъ его К. Т. выходилъ на жену А. Я. М. въ ея домъ и приносилъ съ собой разное имущество. К. умеръ четыре года до этого, а его, просителя, А. выдворили изъ дома и теперь онъ живетъ отдѣльно, потому просить по рѣшенію отобрать отъ А. М. отъ имущества отца 4 звена заплота, погребъ, сѣни и тулупъ овчинный, крытый. Свидѣтели: М. В. Т. Ф. В. Т. и А. Е. М. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель подтвердилъ свой искъ. Отвѣтчица А. М. объяснила, что она отдаетъ пасынку просителя С. Т. изъ заплотныхъ три звена и погребъ а сѣни, тулупъ и одно звено заплотовъ не даетъ, такъ какъ это не принадлежало умершему мужу ея—его отцу К. Т. Примиренія на предложеніе не состоялось. Свидѣтели М. и Ф. Т. и А. М. подтвердили справедливость иска просителя. Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчицу А. М. выдать пасынку ея С. Т. изъ имущества умершаго мужа ея: погребъ, 4 звена заплотовъ и тулупъ овчинный, въ домога-

тельствѣ же о сѣняхъ отказать, такъ какъ таковыя находятся въ связи съ большимъ домомъ А. (Козловская волость 1883 г.).

45. *)

Крестьянинъ д. Ш. И. С. К. заявилъ Волостному Суду, что крестьяне одноподдольники его М. и П. Ф. и Р-ы убили принадлежащую ему свинью, стоящую 10 р., что выдала крестьянка М. И. Б., а потому просить взыскать означенную сумму. На судѣ проситель заявление свое подтвердилъ и добавилъ, что онъ желаетъ взыскать только 7 р. Ответчики кр. М. Ф. на судѣ не явились и П. Ф. Р. показалъ, что они бросили въ свинью камень и убили. Свидѣтельница крестьянка М. И. Б. показала что она видѣла какъ крестьянинъ М. И. Ф. убилъ свинью крестьянина П. К. Предложили 107 ст., но мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, въ видѣствіе признанія ответчика и показанія свидѣтельницы, постановилъ: взыскать съ крестьянъ М. и П. Ф. Р. 7 рублей въ удовлетвореніе П. К. (Саранульская волость 1887 г.).

46.

Крестьянинъ Осип. уѣзда М. в. д. П. К. Л. С. заявилъ Волостному Суду, что крестьяне С. в. д. Ш. П. Л. Р. К. П. К. и солдатъ А. П. Р. порядились у него сдѣлать 2000 мочальныхъ сторожекъ и за работу забрали деньги впередъ, наконецъ съ работы сбѣжали, не доработавъ 9 р. 32 к. что можетъ подтвердить кр. д. К. К. Л. К., а потому просить взыскать съ именнованныхъ лицъ. На судѣ крестьянинъ К. С. заявление свое подтвердилъ. Ответчики кр. д. Ш. П. Л. Р. К. П. К. и А. П. Р. должниками себя не признали, хотя деньги и не заработаны ими, потому что у С. не было матеріала для работы. Свидѣтель крестьянинъ К. Л. К. на судѣ не явился. Предложена была 107 ст., но мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, по разсмотрѣнн настоящаго дѣла, находить, что крестьяне П. Р. К. К. и А. Р. хотя и не заработали 9 р. 32 к. у крестьянина К. С. но собственно по причинѣ С., такъ какъ у него не было матеріала для работы, а потому постановилъ въ искѣ крестьянину К. С. отказать. (Саранульская волость 1887 г.)

*) *Примѣчаніе.* №№ 45 и 46 являются протоколами засѣданія Саранульскаго суда, по дѣламъ, судоговореніе по которымъ напечатано въ „Зам. о юр. бытѣ крестьянъ С. у.“

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Стр.	Напечатано.	Читай.
167	18	свер. Чернышевымъ	Чарыковымъ
208	16	сниз. головѣ	по головѣ
265	8	сниз. рыбнина	рыбчина
264	первыя 3 строки свер. слѣд. читать:		Поселька бѣленька, Сама молодзенька, Подушка пухова,

Бѣлорусскія пѣсни

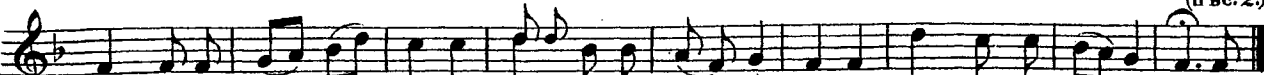
Минской губ.

(приложеніе къ статьѣ Н. ЯНЧУКА.)

№ 1. 1. При-ле-дѣ-ли гу-сач-ки а зѣ-ра-ю, Ци вѣ-ка-ра-ва-ю по-са-дѣ-ли.

 2. Ци вѣ-ка-ра-ва-ю по-са-дѣ-ли, Ча-мужъ насъ гу-со-чекъ не зва-ли? (пѣс. 1.)

№ 2. 1. От-куль ка-ра-вай-ни-цы, От-куль ка-ра-вай-ни-цы, ци зѣ-Ми-ра, ци зѣ-Не-сви-жа?

 2. Ци зѣ-Ми-ра, ци зѣ-Не-сви-жа, ци зѣ-Ми-ра, ци зѣ-Не-сви-жа, ци зѣ-Я-зыль-ско-го се-ла? (пѣс. 2.)

№ 3. Да съ-су-бо-то-нь-ки да на не-дѣ-ль-ку го-дзи-на

 Зѣ-ж-дѣ-ла Мар-цин-ко-ва-ро-дзи-на
по-ро-дзи-ла, по-ви-ла вѣ-ко-лы-бѣ-ку вло-жи-ла (пѣс. 3.)

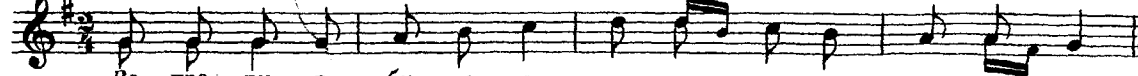
№ 4. ер. № 6. (п'єс. 44.)*
Да-ля-ц'ї-ли гу-сач-ки ци-раєть садъ кри-кну-ли гук-ну-ли на ўєсь садъ

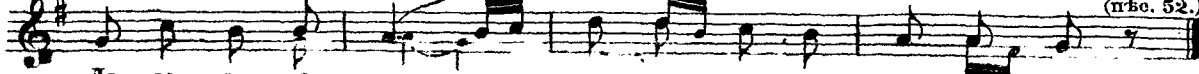
№ 5. (п'єс. 45.)
По-мо-жи Бо-же вян-ки виць, вян-ки виць, дай Бо-же мо-ло-дымъ до-вго жиць.

№ 6.
Отъ та-б'ї Ка-ця-рин-ка уся на-дѣй-я,

 ер. № 4. (п'єс. 46 и 47.)
што твой Мар-ци-ка да-ра-биць ня ум'ї-е

№ 7. (п'єс. 51.)
С'ї-дѣй-ла Рын-да да на-ле-чи-щи, Рын-да, Рын-да

№ 8.
За-пра-гу я бу-га-я, ку-ды лю-дзи, ту-ды я.

 (п'єс. 52.)
Да га-ю, га-ю, ку-ды лю-дзи, ту-ды я

№ 9.
 Ко - - му ве - - - черъ, ко - - му ве - черъ,
 (пѣс. 56 и 57.)

 а миѣ ве - че - ро - чекъ, а миѣ ве - че - ро - чекъ

№ 10.
 Воля бу - шу - е вес - ну чу - е, Воля бу - шу - е,
 (пѣс. 63.)

 вес - ну чу - е, Во - рошь кря - че, сы - ра хо - - че

№ 11.
 Да пла - ваў чоў - - но - чокъ по рѣ - чец - цы,
 (пѣс. 66 и 67.)

 Да пла - - каў До - вет - ко по даѣ - - воц - цы

№ 12.
 Ѣ ду - ма - ла за - жа - ла - ся, А жъ зноу съхва - стомъ за - ста - ла - ся
 (пѣс. 68 и 69.)

№ 13. Нашъ панъ ба - ранъ, ба - ранъ; Не пус - ка - е да - моў
 за - - ранъ, Не пус - ка - е да - мо - - - ў за - ранъ (пѣс. 74 и 75.)

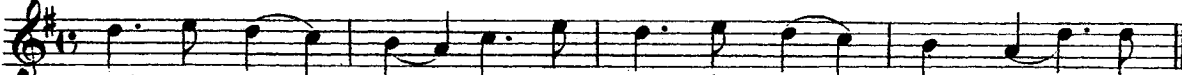
№ 14. Па - рас - ла кра - пи - ва вы - ше га - ра - дзи - ща,
 кабъ не на - ши, па - ни - чи, не бы - лобъ иг - ри - ща (пѣс. 85.)

№ 15. Ой да эхъ не мо - гу я зъ го - ра раз - гу - ля - тця, ой да то - ски ску - ки
 сви - е ра - зо - гнаць ^{припѣвъ} тос - ку ра - зо - гка - - цъ ой да Пой - ду зъ го - ра
 на бы - стру - ю рѣ - ку ой да са - ма се - ду на крутъ бе - реж - ка (пѣс. 97.)

№16. (пѣс. 98.)
Бы-ла я у баць-ки на вы-го-дѣ, Сѣ-я-ла о-рѣш-ки въ о-го-ро-дѣ.

№17.
Якъ мнѣ тош-вень-ко, якъ мнѣ чуд-вень-ко, са-ма не зна-ю отъ че-го.

 (пѣс. 99.)
Эхъ ой псѣ-дзи-цежъ вы, при-ве-дзи-це мнѣ, ко-го я вѣр-но люб-лю.

№18.
Ой скуч-но мнѣ скуч-но, якъ бы-лин-цы въ по-ли,

 (пѣс. 100.)
Ни-хтожъ не раз-ва-жиць ме-не мо-ло-ди

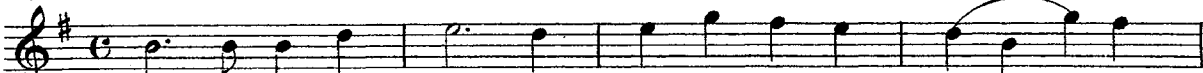
№19.
Бы-ла са-би у-до-ва по-ро-дзи-ла сы-ны два,

Ускор. (пѣс. 101.)

№20.
Ка - ли - на ма - ли - на у лу - зи сто - я - ла,

(п'єс. 102.)

у лу - зи сто - я - ла, сто - я чи со - вя - ла

№21.
При - ле - ць - ла гал - ка, чу - жа - я зем - ля - ка,

(п'єс. 103.)

сь - ла е - на па - ла да на су - хой сос - п'є.

№22.
Ой у по - ли у по - ли в'є - церь ка - ли -

(п'єс. 104.)

пу ко - лы - ше, а брать до се - стрич - ки ча - сты ли - сты пи - ше.

№23.
Жал - ко бы - ло ве - че - роч - ку што не бы - ла в'є, па

(п'єс. 105.)

што не бы - ла вчо - ра, а зміни - вся го - ло - со - чєть ягъ ци - ха - я мо - ва.

№ 24. Не - зна - ла дзѣ - вчи - на, што ей бу - дзе ли - ха,

(п'єс. 106.)

пу - сци - ла Жау - пѣ - ра въ ка - мо - роч - ку - ци - ха,

№ 25. Ой ка - ли - на ма - ли - на, да што це - бе ссу - ши - ло

(п'єс. 107.)

ссу - ши - ли ме - не буй - ны - е вѣт - ры и лю - ты - е мо - ро - зы

(п'єс. 108.)

№ 26. Бѣ - ла - я бе - ро - за по - хи - ли - ла - ся, да же на по - лу - жу за жу - ры - ла - ся

(п'єс. 109.)

№ 27. При - ле - цѣ - ли двася - вы - е го - лубы, сѣ - ли - на - ли у вдову - шки на дво - рѣ.

№ 28. Ой вый - ду я на го - ру ой вый - ду я

 на го - ру, по - смот - ру я на рѣ - ку (пѣс. 110.)

№ 29. Чимъ дубъ не зе - лё - ный, ци ту - ча по - би - ла?

 Ка - закъ не - ве - се - лый, ли - ха - я го - дзи - на (пѣс. 111.)

№ 30. Ой не - спит ся не дре - мит ся и сонъ ме - не не бе - рець;

 по - шоу бы я до - дѣбу чи ны, самъ не зна - ю дѣ жи - вець. (пѣс. 112 и 113.)

№ 31. Тем - на воч - ка. за не вид - на - я го - до воч - ка мо - я бл - ва - я ... (пѣс. 124.)

№ 32. (п'є. 135.)

Ве - черъ цѣм - ный ве - черъ цѣм - ный, а ноч - ка вид - на - я,

 (п'є. 135.)

баць - ка доб - рый, баць - ка доб - рый, а ма - ци ли - ха - я.

№ 33. (п'є. 136.)

Ой во - лы мо - и все и по - ло - вы - е ча - му са - мы не о -

 (п'є. 136.)

ре - це? Ой лѣ - та мо - и мо - ло - дзень - кі - е, ча - го мар - но йде - це?

№ 34. (п'є. 144.)

Скукам п'єдо - са - да, на у - лицу нейду, ен'шельманезна - е, што я е - го люблю

№ 35. (п'є. 148.)

Сй ле - цѣ - ла да - ва, се - редь двора па - ре - редь дво - ра па - ла

№ 36.

Вы издѣивъ ко-шкѣ, вы издѣивъ дру-го-го, Ой чи що бу-де,
 Пы-та-ю ди-вчино, чи що бу-де зто-го, (см. пѣс. 137.)
 а чи не, пе-ро-би ва-хо-ду со-бѣ ймиѣ (Сѣдл.г.)

№ 37.

Ахъ вы сотнички пол-ковнички, и што я вамъ по-зво-лю.
 Ой чи ни-тяжъ сво-ю во-лю (пѣс. 156.)
 Ой чи ни-тежъ сво-ю во-лю и што я вамъ по-зво-лю.

№ 38.

Ой рѣ-ка, рѣ-ка, рѣ-ка быстра-я, от-че-гожъ рѣ-ка такъ смут-на ста-ла (пѣс. 158.)

№ 39.

Якъ па-ѣ-хавъ Да-ни-луш-ка во-на Русь на вой-ну.